Велика реформа.

19 февруари

1861.

1911.

9(с)
В24
2376 х V

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
О. Р. Т. З.
Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

ПРОВЕРЕНО 1950 г.

Крестьянская реформа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ V.

524485
ПОГАШЕНО
ПРОВЕРЕНО
пров. 1964

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

(С)14
3,3(2)5
,27

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, В. Е. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, акад. Н. Н. Златовратскій, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, Н. И. Іорданскій, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко (предположительно), В. П. Крашихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, д-ръ А. Павловскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. З. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Пѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Г. Танъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1911.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Настоящій томъ посвященъ характеристикѣ дѣятелей реформы и ея первымъ шагамъ. Читатель, быть-можетъ, замѣтитъ, что здѣсь больше, чѣмъ въ предыдущихъ томахъ, выступаетъ индивидуальность авторовъ отдѣльныхъ статей, и почувствуетъ легкія различія въ оцѣнкѣ главныхъ двигателей акта 19 февраля. Редакція не считала себя въ правѣ просить авторовъ о какихъ-либо измѣненіяхъ въ этомъ направленіи. Характеристика человѣка всегда носитъ въ себѣ нѣкоторый творческій элементъ и потому должна быть абсолютно свободна. И редакція убѣждена, что нѣкоторая несогласованность цѣлаго съ избыткомъ окупается цѣльностью и выпуклостью отдѣльныхъ статей.

По соображеніямъ мѣста, редакція вынуждена была отнести анализъ Положенія 19 февраля и его отдѣльныхъ частей въ VI томъ.

Изъ лицъ, пришедшихъ редакціи на помощь своими коллекціями или указаніями, редакція считаетъ своимъ долгомъ съ признательностью упомянуть М. А. Бакунина, М. В. Каррика и М. М. Клевенскаго. Особенно важнымъ оказался для редакціи альбомъ, заключающій въ себѣ рядъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ г. Каррикомъ-отцомъ въ началѣ 70-хъ годовъ,—несомнѣнно, первое примѣненіе фотографіи къ изображенію русской крестьянской жизни.

Памятникъ Александру II въ Москвѣ

Императоръ Александръ II.

Акад. К. К. Арсеньева.

Если жизнь человѣка является вообще равнодѣйствующею условій, при которыхъ онъ родился, выросъ и созрѣлъ, то больше, чѣмъ о комъ-либо другомъ, это можно сказать о монархѣ, облеченномъ неограниченною властью, въ одинъ изъ критическихъ моментовъ, надолго опредѣляющихъ судьбу народа. Такой моментъ наступилъ для Россіи въ половинѣ минувшаго вѣка. Съ перекрестка, на который поставило ее столкновеніе старыхъ традицій и новыхъ требованій, она должна была сдвинуться во что бы то ни стало; но на пути, ведущемъ впередъ, стояла „твердыня сплошного зла“ — крѣпостное право. Съ нимъ нужно было покончить прежде всего — а, въ силу особенностей русской дѣйствительности, это было возможно лишь при активномъ содѣйствіи государя. Многое зависѣло, такимъ образомъ, отъ личныхъ свойствъ императора, только что вступившаго на престолъ, и отъ ихъ предшествовавшаго развитія.

Дѣтство и отрочество Александра Николаевича протекло при мало благопріятной обстановкѣ. Однимъ изъ первыхъ сознательныхъ его впечатлѣній была тревога 14 декабря, когда Николай Павловичъ вынесъ его на рукахъ къ солдатамъ, окружавшимъ Зимній дворецъ. Подрастая, онъ слышалъ вокругъ

себя толки о побѣдоносныхъ войнахъ, объ опасномъ, но быстро подавленномъ возстаніи, а затѣмъ о парадахъ, ученьяхъ, разводахъ, въ которыхъ онъ вскорѣ и самъ сталъ принимать постоянное участіе. Атмосферу, насыщенную спеціально военными интересами — и притомъ военными интересами мирнаго времени, — онъ встрѣчалъ и во время поѣздокъ за границу, въ Берлинъ, при дворѣ своего дяди. „Желалъ бы очень убѣдиться, — писалъ въ своемъ дневникѣ воспитатель цесаревича, К. К. Мердеръ, когда воспитаннику его было не болѣе одиннадцати лѣтъ, — что частыя появленія его высочества на парадахъ, видя, что изъ парада дѣлаютъ государственное дѣло, не будутъ имѣть для него дурныхъ послѣдствій. Легко можетъ прійти ему на мысль, что это дѣйствительно дѣло государственное, и онъ можетъ тому повѣрить“. Три года спустя опасенія подобнаго рода возникли даже у самого Николая Павловича: ему стало казаться, что цесаревичъ любитъ однѣ только мелочныя подробности военнаго дѣла и не обнаруживаетъ достаточнаго усердія къ военнымъ наукамъ; между тѣмъ,—такъ записалъ Мердеръ слова, сказанныя ему императоромъ, — наслѣдникъ престола „долженъ быть военный въ душѣ, безъ чего онъ будетъ потерянъ въ нашемъ вѣкѣ“. Мердеръ отвѣчалъ, что онъ всячески старается дать понять цесаревичу невозможность путемъ парадовъ и смотровъ сдѣлаться великимъ полководцемъ; „но если Александръ Николаевичъ находитъ въ нихъ удовольствіе, то нельзя обвинять его въ томъ, потому что у насъ вообще обращаютъ болѣе вниманія на мелочи военной службы, чѣмъ на предметы истинно важные“. Этотъ отвѣтъ, въ связи со всѣмъ извѣстнымъ о военномъ бытѣ того времени, показываетъ съ полною ясностью степень вреда, который приносили его военныя упражненія цесаревичу. Отвлекали его отъ серьезныхъ мыслей и серьезныхъ занятій и придворныя увеселенія, наполнявшія значительную часть его времени. Все кругомъ него преклонялось передъ Николаемъ Павловичемъ, все трепетало или пѣло хвалебные гимны. Во внѣшней политикѣ Россіи одинъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ кажущійся, слѣдовалъ за другимъ; на внутреннее положеніе государства падалъ только скудный и невѣрный офиціальный свѣтъ Все, повидимому, клонилось къ тому, чтобы сузить или извратить умственный кругозоръ отрока и юноши, ближайшаго къ престолу.

На самомъ дѣлѣ, однако, въ воспитаніи цесаревича, рядомъ съ главнымъ, господствующимъ теченіемъ—а иногда и въ разрѣзъ съ нимъ,—шло другое, мало замѣтное, но приносившее свои плоды. Неожиданно удачнымъ оказался прежде всего выборъ лица, руководившаго въ продолженіе одиннадцати лѣтъ воспитаніемъ Александра Николаевича. К. К. Мердеръ не былъ похожъ на типичнаго гвардейскаго офицера того времени; онъ скорѣе напоминалъ нѣкоторыми своими сторонами тѣхъ немногихъ военныхъ конца александровской эпохи, которые пытались поднять умственный уровень арміи и ввести болѣе гуманное обращеніе съ нижними чинами. Если ему и не удалось предо-

Императоръ Александръ II.

Портретъ *Гильома*).

Беларускі Дзярж. Універсітэт
№
Бібліятэка

хранить своего питомца отъ вліяній среды, то во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ сказаннаго выше, онъ старался смягчать ихъ, сдерживать ихъ въ извѣстныхъ границахъ—и старанія эти не оставались безъ успѣха. Не менѣе счастливымъ былъ выборъ В. А. Жуковскаго въ наставники цесаревича. Роль его въ этомъ званіи была, до извѣстной степени, какъ бы предрѣшена словами самого поэта. Стихотвореніе, которымъ Жуковскій привѣтствовалъ рожденье Александра Николаевича, возлагало на него обязанность, которую онъ не въ силахъ былъ исполнить всецѣло, но не въ правѣ былъ забывать—и едва ли забывалъ. Поставленный на постъ громадной важности, онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы его питомецъ памятовалъ, на своей „высокой чредѣ“, „святѣйшее изъ званій—человѣкъ“. Неосуществимымъ, по условіямъ времени и мѣста, былъ завѣтъ, когда-то данный поэтомъ будущему государю,—завѣтъ „жить для вѣковъ въ величіи народномъ, для блага всѣхъ, свое позабывать, лишь въ голосѣ отечества свободномъ съ смиреніемъ дѣла свои читать“. Только въ силу поэтической вольности можно было назвать этотъ завѣтъ „правилами царей великихъ внуку“. Ничего подобнаго предшественники Александра Николаевича ему не завѣщали, и этого не могъ не знать Жуковскій, когда приступилъ къ исполненію своихъ трудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей; но если въ немъ не было прежняго восторга и прежней вѣры, то все же въ его душѣ звучалъ ихъ откликъ, и онъ вносилъ въ практическія свои задачи нѣкоторую долю идеализма. Чуждый угодничества и низкопоклонства, онъ говорилъ правду или по меньшей мѣрѣ часть правды и своему воспитаннику и его родителямъ. Едва ли будетъ ошибкой предположить, что пожеланія, которыми Жуковскій напутствовалъ его при рожденіи, не прошли безслѣдно для самого Александра Николаевича; о нихъ постоянно должно было ему напоминать общеніе съ его наставникомъ. Во всякомъ случаѣ одну черту своего характера — чувствительность — Жуковскій, несомнѣнно, передалъ своему питомцу. Мы узнаемъ изъ дневника Мердера, что, одиннадцати лѣтъ отъ роду, во время поѣздки въ Варшаву, Александръ Николаевичъ удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ, особенно сожалѣя о поражавшемъ его своей нищетой и жалкимъ видомъ еврейскомъ населеніи Западнаго края.

Александръ Николаевичъ въ гусарской формѣ (гр. Киселева)

Есть свидѣтельства, позволяющія думать, что съ годами инстинктивная сострадательность уступала мѣсто въ цесаревичѣ болѣе сознательному отношенію къ народнымъ бѣдствіямъ. Статистику и исторію Россіи преподавалъ Александру Николаевичу, со времени достиженія имъ четырнадцатилѣтняго возраста, К. И. Арсеньевъ, привлекавшійся, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, къ извѣстному дѣлу о „неблагонамѣренныхъ“ профессорахъ Петербургскаго университета и еще раньше, въ первомъ ученомъ трудѣ своемъ, выразившій, насколько это было возможно, нерасположеніе къ принудительному труду, т.-е. къ крѣпостному праву. Десять лѣтъ спустя послѣ окончанія занятій съ наслѣдникомъ престола Арсеньевъ, посвящая ему свое новое сочиненіе („Статистическіе очерки Россіи“), вспомнилъ о томъ, съ какимъ участіемъ царственный его ученикъ „скорбѣлъ о разныхъ преградахъ къ свободному развитію новой, лучшей жизни для народа“ [1]). Эти слова чрезвычайно цѣнны: они удостовѣряютъ, что мысль о несовершенствахъ русскаго общественнаго строя не была чужда будущему властителю Россіи въ ту пору жизни, когда кладется основа всего дальнѣйшаго развитія. Впечатлѣнія, испытанныя въ это время, могутъ быть ослаблены, затерты, изглажены другими, но рѣдко исчезаютъ всецѣло; достаточно иногда незначительнаго повода, чтобы оживить ихъ вновь, подобно тому, какъ воскресаютъ въ памяти забытые образы прошлаго. И весьма возможно, что среди лицъ, окружавшихъ наслѣдника престола, Жуковскій и Арсеньевъ не были единственными, обращавшими его вниманіе н оборотную тѣневую сторону блестящей дѣйствительности. Благодаря этому, не совсѣмъ безслѣдно прошло для цесаревича первое путешествіе его по Россіи (въ 1837 году), несмотря на всю его быстроту и официальность. Мы знаемъ изъ „Былого и Думъ“, что въ связи съ проѣздомъ Александра Николаевича были раскрыты вопіющія злоупотребленія вятскаго губернатора Тюфяева, повлекшія за собою его отставку; мы знаемъ изъ того же источника что ходатайству цесаревича, внушенному Жуковскимъ и Арсеньевымъ, Герценъ былъ обязанъ своимъ переводомъ изъ Вятки во Владиміръ. Извѣстно также, что, посѣтивъ Тобольскъ, наслѣдникъ престола обратился къ своему отцу съ просьбой о смягченіи участи политическихъ ссыльныхъ-декабристовъ.

О первыхъ годахъ государственной дѣятельности цесаревича мы знаемъ сравнительно меньше, чѣмъ о годахъ его ученья. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что рѣшительный перевѣсъ оставался въ это время за тѣми вліяніями, которыя отбрасывали его назадъ или мѣшали свободному развитію лучшихъ сторонъ его натуры. Все больше и больше, не смотря на изданіе Свода Законовъ, укоренялось въ то время всеобщее безправіе, все больше росла повсемѣстная

[1]) Это мѣсто посвященія вызвало неудовольствіе тайнаго цензурнаго комитета, учрежденнаго въ 1848 году, и было уничтожено въ большей части экземпляровъ.

продажность; все ниже, вмѣстѣ съ тѣмъ, падалъ уровень высшей администраціи. Среди ближайшихъ совѣтниковъ императора не было никого, кто могъ бы хоть сколько-нибудь замѣнить умершаго Сперанскаго. На мѣсто князя Васильчикова становится графъ Левашевъ, потомъ князь Чернышевъ, на мѣсто графа Толя—графъ Клейнмихель, на мѣсто Дашкова—графъ Панинъ, на мѣсто графа Канкрина—Вронченко, на мѣсто графа Уварова—князь Ширинскій-Шихматовъ. Никѣмъ не поддерживаемый, не могъ играть значительной роли послѣдній представитель лучшихъ сторонъ александровской эпохи, графъ П. Д. Киселевъ. Не было вокругъ трона широко просвѣщенныхъ, самостоятельныхъ людей, у которыхъ могъ бы учиться будущій государь. Положеніе, которое Россія, особенно послѣ разгрома революціонныхъ движеній 1848 г., занимала среди европейскихъ государствъ, могло привести къ мысли, что и учиться нечему, что нужно только продолжать, безъ уклоненій и отступленій, столь удачно начатое дѣло. Вниманіе цесаревича неизбѣжно сосредоточивалось поэтому на обязанностяхъ, лежавшихъ на немъ въ качествѣ командира войсковыхъ частей (сначала дивизіи, потомъ — гвардейской пѣхоты, наконецъ — корпусовъ гвардейскаго и гренадерскаго) и главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. На всѣхъ этихъ путяхъ онъ встрѣчалъ, притомъ, прочно утвердившіяся традиціи его предшественника великаго князя Михаила Павловича, отъ котораго къ нему переходили, какъ бы по наслѣдству, ближайшіе его помощники. Къ осмотру войскъ и крѣпостей сводились, главнымъ образомъ, и поѣздки по Россіи, въ которыхъ цесаревичъ сопровождалъ императора. Характернымъ памятникомъ настроенія, сложившагося подъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ условій, является письмо, написанное цесаревичемъ 19 октября 1849 года бывшему его адъютанту, генералу Назимову, по случаю назначенія послѣдняго попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Александру Николаевичу не могло не быть извѣстно, что Назимовъ вовсе не подготовленъ къ занятію предоставленной ему должности и не имѣетъ ни одного изъ необходимыхъ для нея качествъ. И вотъ, однако, что мы читаемъ въ этомъ письмѣ: „мѣсто, которое вы будете занимать, весьма важное, въ особенности въ наше время, гдѣ молодежь воображаетъ, что она умнѣе всѣхъ и что все должно дѣлаться, какъ ей хочется, чему, къ несчастію, мы видимъ столько примѣровъ за границею; къ этому и гг. профессора команда нелегкая. Надзоръ за ними, и самый бдительный, необходимъ. Да внушитъ вамъ Господь Богъ

В. А. Жуковскій (съ грав. Райта).

силу и умѣнье исполнить новыя обязанности, на васъ возлагаемыя, съ успѣхомъ, т.-е. къ полному удовольствію государя. Перекрестясь, принимайтесь смѣло за дѣло".

Къ тому же самому году, какъ и письмо Назимову, относится, однако, фактъ другого рода. Въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривалось пререканіе, возникшее между министромъ внутреннихъ дѣлъ (графомъ Перовскимъ) и главноуправляющимъ путями сообщенія (графомъ Клейнмихелемъ) по поводу испрошенія послѣднимъ Высочайшаго повелѣнія, существенно ограничивавшаго на нѣкоторое время сферу дѣйствій перваго. Государственный Совѣтъ, чтобы отдалить по возможности рѣшеніе щекотливаго вопроса, предполагалъ выждать окончанія срока, назначеннаго въ Высочайшемъ повелѣніи; но цесаревичъ, не возражая противъ этого по существу, предложилъ обратиться къ государю съ ходатайствомъ о подтвержденіи министрамъ и главноуправляющимъ, чтобы по дѣламъ, касающимся нѣсколькихъ вѣдомствъ, Высочайшія повелѣнія испрашивались не иначе, какъ по надлежащемъ между ними сношеніи и соглашеніи. По словамъ одного изъ присутствовавшихъ, барона М. А. Корфа, предложеніе цесаревича произвело „электрическое дѣйствіе": онъ выразилъ то, что было въ мысли у многихъ, но чего никто, кромѣ именно его, не могъ и, можетъ-быть, не смѣлъ выговорить. Клейнмихель не нашелся сказать ни слова; между всѣми прочими членами пробѣжалъ общій шопотъ одобренія. Цесаревичъ понималъ, очевидно, весь вредъ односторонникъ докладовъ, уничтожающихъ даже и тѣ немногія, слабыя гарантіи, какія представляетъ коллегіальное разсмотрѣніе дѣла; онъ понималъ, что всего опаснѣе они именно тогда, когда идутъ отъ людей, пользующихся особымъ расположеніемъ монарха. Весьма можетъ быть, что ему были ясны и многіе другіе недостатки господствовавшихъ порядковъ; но и ему нелегко давалось сколько-нибудь рѣшительное ихъ осужденіе. До какой степени ревниво Николай Павловичъ охранялъ престижъ своей власти, видно, между прочимъ, изъ того, что, согласясь съ мнѣніемъ цесаревича по существу, онъ приказалъ не вносить его въ журналъ Государственнаго Совѣта, а облечь его въ форму повелѣнія, непосредственно даннаго государемъ ... Неудивительно, что, предсѣдательствуя въ секретныхъ комитетахъ „по улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ", наслѣдникъ престола не шелъ дальше полумѣръ, ничего не разрѣшавшихъ и даже мало что подготовлявшихъ. Ничего другого не хотѣлъ самъ императоръ—и этимъ предопредѣлялся образъ дѣйствій цесаревича, каково бы ни было личное его мнѣніе о роковомъ вопросѣ. О сущности этого мнѣнія возможны только догадки; всего вѣроятнѣе, что искреннее желаніе облегчить тяготу, лежащую на народѣ, боролось въ цесаревичѣ съ опасеніемъ послѣдствій рискованнаго шага. Обострению боязни способствовали, безъ сомнѣнія, событія конца сороковыхъ годовъ. Противоположное дѣйствіе оказалъ лишь бѣдственный для Россіи ходъ восточной войны, обнаруживший еще

при жизни Николая Павловича всю громадность контраста между видимой силой и реальной слабостью русскаго государства.

Когда Александръ Николаевичъ былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ, воспитатель его Мердеръ считалъ наиболѣе слабой его стороной „склонность, приводившую его, при встрѣчѣ малѣйшей трудности, малѣйшаго препятствія, въ нѣкоторый родъ усыпленія и бездѣйствія“. Нѣсколько позже Жуковскій

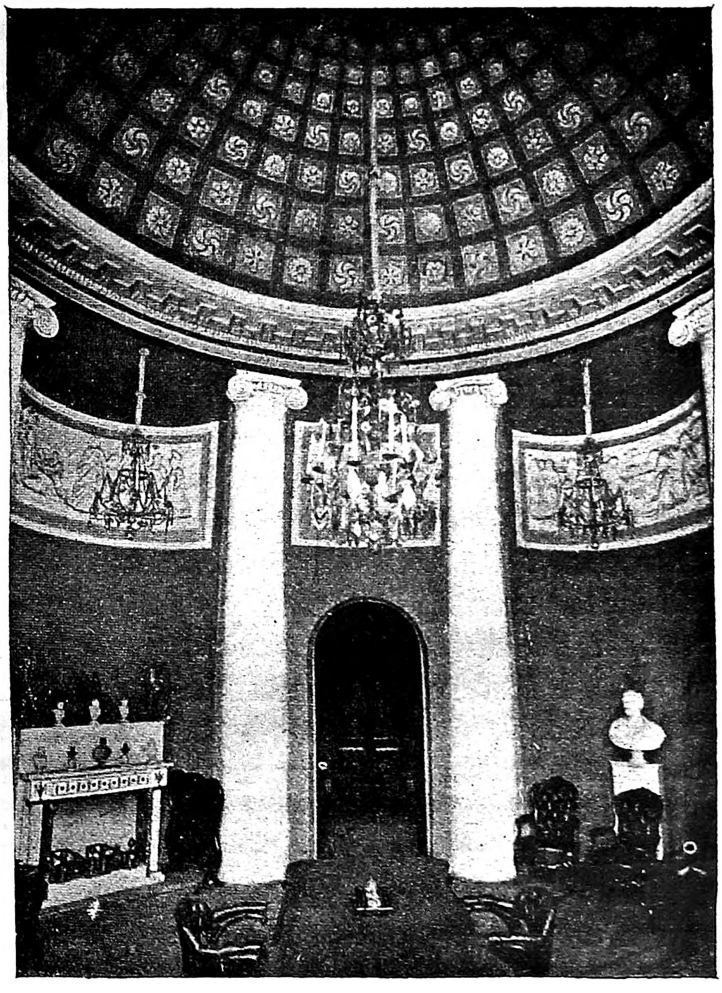

Охота. (Изъ коронац. альбома Александра II).

находилъ въ немъ отсутствіе выдержки и энергіи, расположеніе къ вялости, къ апатіи. Въ связи съ этимъ, еще въ ранней юности, ему случалось выражать сожалѣніе о томъ, что ему предстоитъ тяжелая задача управленія государствомъ. Слѣды грусти замѣчались въ немъ даже въ счастливѣйшія минуты его жизни. Съ теченіемъ времени его воля окрѣпла, но недостатокъ рѣшительности исчезъ въ немъ не совсѣмъ; не прекратилась и вокругъ него борьба различныхъ, отчасти противоположныхъ вліяній. Все это стало особенно за-

мѣтно послѣ вступленія его на престолъ. Горькій опытъ говорилъ все яснѣе и яснѣе за необходимость разрыва съ системой, завѣщанной императоромъ Николаемъ; но до крайности труднымъ казался первый шагъ, тѣмъ болѣе, что онъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться самаго сложнаго и „страшнаго“ изъ всѣхъ вопросовъ—вопроса о крѣпостномъ правѣ. Едва ли правы были тѣ, кто видѣлъ въ увольненіи министра внутреннихъ дѣлъ, Д. Г. Бибикова, признакъ, благопріятный для крѣпостниковъ: инвентари, введенные Бибиковымъ въ бытность его генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края и отмѣненные въ самомъ началѣ новаго царствованія, были мало подходящимъ путемъ къ упраздненію крѣпостного права, да и нерасположеніе Александра Николаевича къ удаленному имъ министру имѣло скорѣе личный, чѣмъ принципіальный характеръ. Съ бо̀льшимъ основаніемъ можно было считать зловѣщими слова новаго министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского: „Государь повелѣлъ мнѣ ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. Такимъ правомъ, и притомъ особенно цѣннымъ въ глазахъ большинства дворянъ, было именно право владѣть крѣпостными людьми. Вскорѣ, однако, оказалось, что расположеніе государя къ дворянству не доходило до готовности сохранить неприкосновенною худшую изъ его привилегій. Рѣчь, съ которою императоръ обратился 30 марта 1856 года къ представителямъ московскаго дворянства, должна была, повидимому, положить конецъ всякимъ сомнѣніямъ по этому предмету. „Существующій порядокъ владѣнія душами,—сказалъ государь,—не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“. Просьба государя „обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе“, мало подѣйствовала на его слушателей и на тѣхъ, кому они, согласно его приказанію, передали его слова. Изъ всей рѣчи они запомнили только, что государь не имѣетъ намѣренія „сдѣлать это сейчасъ“. Отсрочка на неопредѣленное время казалась равносильной отказу отъ самой мысли о реформѣ,—отказу, столько разъ повторявшемуся и при Александрѣ I, и при Николаѣ I. Ни къ чему не привели поэтому переговоры С. С. Ланского съ дворянами разныхъ губерній; ни къ чему не привела вѣсть объ учрежденіи негласнаго комитета, и по составу своему, и по настроенію мало чѣмъ отличавшагося отъ прежнихъ. Розовыя надежды крѣпостниковъ не оправдались: именно въ это время для государя стала ясной необходимость, настоятельная необходимость рѣшительнаго шага. „Крестьянскій вопросъ,—сказалъ онъ лѣтомъ 1857 года графу П. Д. Киселеву,—меня постоянно занимаетъ. Надо довести его до конца. Я болѣе чѣмъ когда-либо рѣшился и никого не имѣю, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ важномъ и неотложномъ дѣлѣ“. Колебаніямъ, однако, не настаетъ конецъ: измѣняется только кругъ, въ которомъ они происходятъ. Прежде рѣчь шла о томъ, приступать ли къ дѣлу; теперь ставится вопросъ, какъ вести его и къ какимъ результатамъ. Между

рескриптомъ 20 ноября 1857 года и манифестомъ 19 февраля 1861 года лежитъ длинный рядъ перемѣнъ не только въ подробностяхъ, но и въ основныхъ чертахъ реформы; непреклонной остается лишь воля довершить начатое. Съ особенною ясностью эта воля обнаруживается въ такія критическія минуты, какъ назначеніе новаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій на мѣсто скончавшагося Ростовцева, или разсмотрѣніе положеній въ Государственномъ Совѣтѣ, большинство котораго, предоставленное самому себѣ, безъ сомнѣнія, постаралось бы замедлить движеніе дѣла и исказить его внутреннее содержаніе.

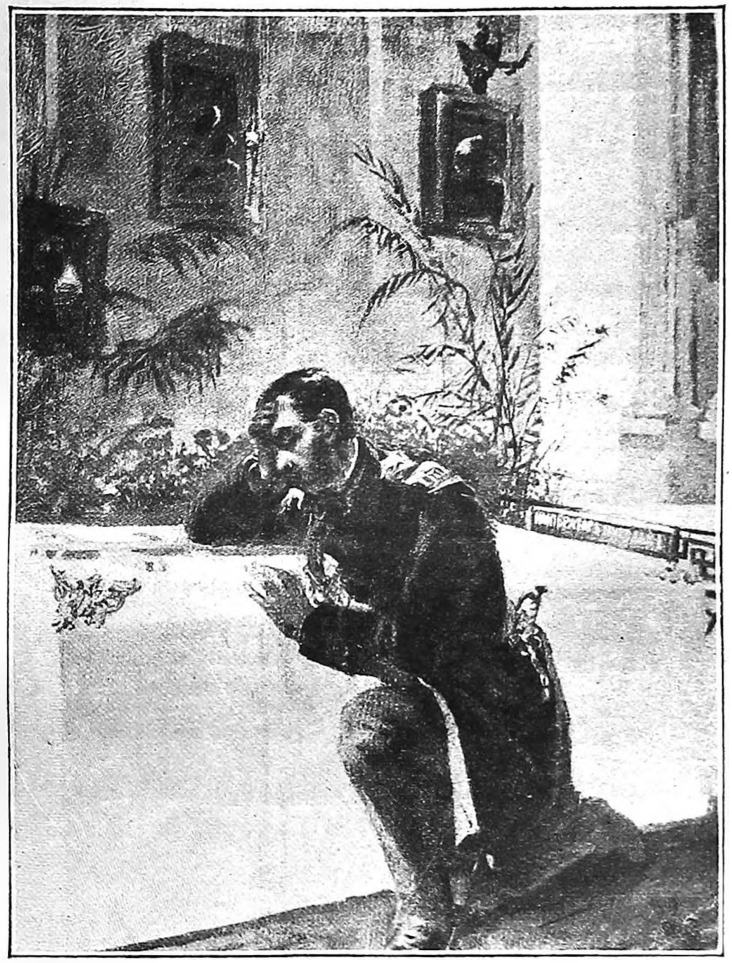
Раб. каб. Александра II въ Останкинѣ.

Придворно-военная обстановка, въ которой протекла жизнь Александра Николаевича, какъ наслѣдника престола, не заглушила его природной доброты, не уничтожила гуманныхъ чувствъ, внушенныхъ ему въ отрочествѣ и ранней юности; но она воспитала въ немъ довѣріе къ общественнымъ элементамъ, считавшимся опорой трона, и недовѣріе ко всѣмъ остальнымъ. Съ сознаніемъ неотвратимости реформы соединялось въ немъ инстинктивное нерасположеніе къ тѣмъ, кто стоялъ за нее съ наибольшею послѣдовательностью и твердостью. Привилегированнымъ классомъ,— привилегированнымъ не только по закону, но и по праву, — въ глазахъ императора было дворянство; а между тѣмъ именно интересамъ дворянства—или самой вліятельной его части—угрожало освобожденіе крестьянъ, особенно освобожденіе съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ. Отсюда усплія государя примирить дворянство съ реформой, привлечь его къ участію въ ней и, возложивъ на него долю отвѣтственности за нее, приписать ему долю сопряженной съ нею заслуги. „Я привыкъ надѣяться на все дворянство... Вы знаете, какъ ваше бла-

госостояніе мнѣ близко къ сердцу... Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола... Я увѣренъ, что вѣрное мое дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать. Я считалъ себя первымъ дворяниномъ, когда былъ еще наслѣдникомъ, я гордился этимъ, горжусь этимъ и теперь, и не перестаю считать себя въ вашемъ сословіи"... Съ такими и подобными имъ словами Александръ Николаевичъ много разъ обращался къ дворянству разныхъ губерній во время различныхъ фазисовъ крестьянскаго дѣла,—обращался даже тогда, когда для него было совершенно ясно настоящее настроеніе дворянскаго большинства, не сочувствовавшаго намѣреніямъ государя. Чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи собственноручныя отмѣтки государя на письмѣ, съ которымъ обратился къ нему (лѣтомъ 1859 г.) одинъ изъ главныхъ противниковъ реформы, кн. Паскевичъ. Противъ того мѣста письма, гдѣ говорилось о предоставленіи крестьянамъ права отказываться отъ земли, императоръ написалъ: „И тогда помѣщики будутъ сгонять ихъ съ земли и пустятъ ходить по-міру". Противъ словъ: „предположенія редакціонныхъ комиссій могутъ быть введены только силой", государемъ сдѣлана отмѣтка: „Да, если дворянство будетъ продолжать упорствовать".... Ясно сознанное „упорство" дворянства не уменьшило благоволенія государя къ привилегированному сословію. Уже послѣ полученія вышеупомянутаго письма онъ сказалъ, въ рѣчи къ депутатамъ перваго призыва: „Дѣло не можетъ окончиться безъ пожертвованій, но я хочу, чтобы жертвы эти были какъ можно менѣе чувствительны. Буду стараться вамъ помочь". Этимъ желаніемъ помочь дворянству уменьшить его жертвы,—желаніемъ, выраженнымъ и въ знаменитой рѣчи 28 января 1861 года, — объясняется многое въ ходѣ и исходѣ крестьянскаго дѣла. Конечно, велика заслуга монарха, не отдавшагося всецѣло во власть своихъ симпатій и сумѣвшаго настоять не только на освобожденіи крестьянъ, но и на надѣленіи ихъ землею; но недостаточность послѣдняго, вмѣстѣ съ высокой оцѣнкой земли, несомнѣнно, была печальной уступкой сторонѣ, наиболѣе близкой къ источнику власти.

Не менѣе громко звучитъ въ различныхъ перипетіяхъ крестьянскаго дѣла другая нота — нота недовѣрія государя къ общественнымъ сферамъ, всего больше сочувствовавшимъ реформѣ, и къ народной массѣ, всего больше въ ней нуждавшейся. Если Александръ Николаевичъ могъ сказать, лѣтомъ 1857 года, что не имѣетъ никого, кто бы помогъ ему въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, то именно потому, что ему чужда была мысль опереться на прогрессивную часть общества, на общественное мнѣніе, нашедшее, напримѣръ отголосокъ въ извѣстномъ московскомъ обѣдѣ 28 декабря 1857 года и выражавшееся все яснѣе и яснѣе въ лучшихъ органахъ періодической печати, тогда еще единодушныхъ въ сочувствіи къ „реформѣ сверху". Уже въ началѣ 1858 года появленіе въ „Современникѣ" статьи К. Д. Кавелина, настаивавшей именно на томъ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, которое было

вскорѣ усвоено самимъ правительствомъ, вызвало строгія мѣры противъ печати и исключеніе Кавелина изъ числа преподавателей цесаревича. Подозрительными казались даже лица, достигшія довольно высокаго служебнаго положенія, разъ молва приписывала имъ „радикальный“ образъ мыслей. Когда въ началѣ 1859 года возникъ вопросъ о назначеніи товарищемъ министра Н. А. Милютина, состоявшаго директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, государь долго не соглашался на это назначеніе: его увѣрили, что Милютинъ — противникъ дворянства и, слѣдовательно, „либералъ“ „О назначеніи его,—говорилъ императоръ Ланскому, — станутъ кричать; нужно обождать“. Назначеніе, встрѣчавшее столько препятствій, наконецъ, состоялось; но, принимая въ первый разъ Милютина, государь далъ ему понять, что въ обществѣ (какомъ— это понятно само собою) его считаютъ чуть не революціонеромъ, и ему слѣдуетъ доказать на дѣлѣ неосновательность такого мнѣнія.... Составъ редакціонныхъ комиссій, соединившихъ въ дружной работѣ Милютина, Самарина, Соловьева, кн. Черкасскаго, Заблоцкаго - Десятовскаго, Бунге, долженъ былъ убѣдить государя, что въ помощникахъ, способныхъ и готовыхъ провести широкую реформу, у него не можетъ быть недостатка; но послѣдующія событія показали, что близкое знакомство съ людьми этого закала не вытѣснило прежняго предубѣжденія, и довѣріе къ „либераламъ“ не пустило прочныхъ корней въ душѣ монарха.

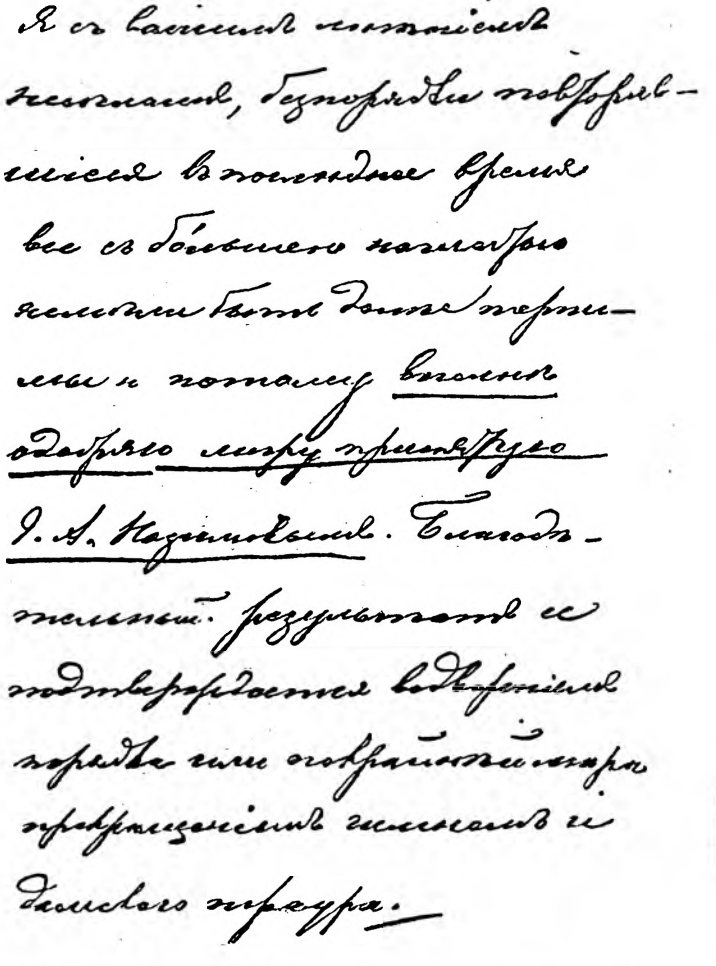

Александръ II наканунѣ 19 февраля (карт. Дурново).

Какъ глубоко было недовѣріе Александра Николаевича къ народной массѣ — объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя отмѣтки, сдѣланныя имъ на докладѣ С. С. Ланского о возможности обойтись безъ учрежденія

предложенныхъ Ростовцевымъ—тогда (лѣтомъ 1858 года) еще не перешедшимъ на сторону приверженцевъ реформы,—временныхъ генералъ-губернаторовъ. Увѣренія министра, что не должно опасаться въ переходное время важныхъ затрудненій, вызываютъ замѣчаніе государя: „напротивъ, того-то и должно опасаться“ Крестьяне, — говоритъ министръ, — спокойно будутъ ожидать утвержденія положеній; государь замѣчаетъ, что этой увѣренности, судя по всему до него доходящему, онъ не имѣетъ. По мнѣнію министра, учрежденіе генералъ-губернаторства возбудитъ въ народѣ мысль, что правительство ему не довѣряетъ, а это вызоветъ такое же чувство недовѣрія народа къ правительству; императоръ возражаетъ, что „надо быть готовымъ ко всему, и предусмотрительность должна успокоить, а не тревожить“. „Эти всѣ опасенія, — продолжаетъ государь,—возбуждены людьми, которые желали бы, чтобы правительство ничего не дѣлало, дабы имъ легче было достигнуть ихъ цѣли, т.-е. ниспроверженія законнаго порядка“. Для такихъ предположеній тогда не было никакого основанія, но они возникали сами собою въ той атмосферѣ, которою былъ окруженъ императоръ.

Автографъ императора Александра II.

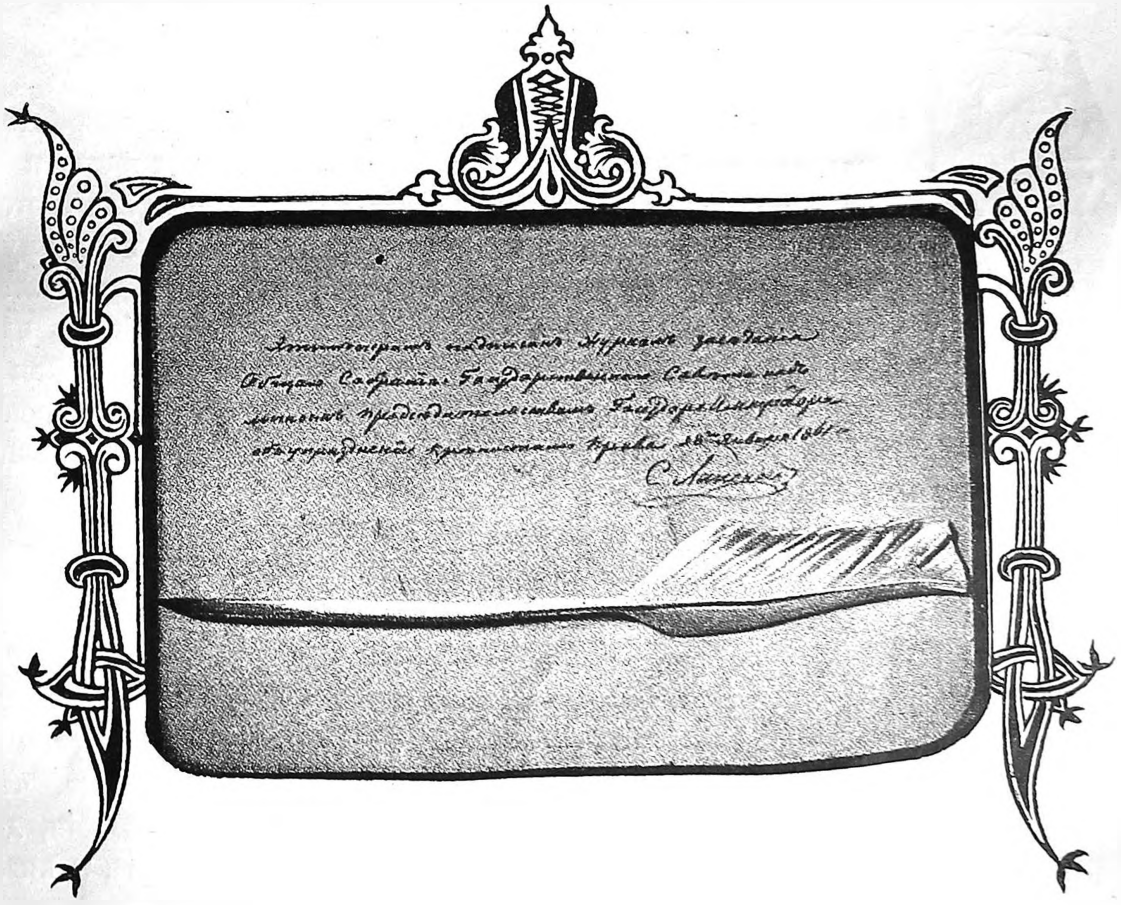

Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшій докладъ мин. вн. дѣлъ Валуева 29 августа 1861 г. о томъ, что объявленіе виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ Сѣверо-Западнаго края на военномъ положеніи въ виду донесеній мѣстныхъ губернаторовъ, по его, министра, мнѣнію, не представляется настоятельно необходимымъ. (Ист. Мин. Вн. Д.).

Генералъ-губернаторства, въ концѣ-концовъ, учреждены не были, и государь, открывая, три года спустя, засѣданіе Государственнаго Совѣта по

крестьянскому вопросу, отдалъ справедливость терпѣнію и спокойствію, съ которымъ народъ ожидалъ свободы. Опасеніе безпорядковъ, тѣмъ не менѣе не исчезло: для предупрежденія ихъ во всѣ губерніи съ бывшимъ крѣпостнымъ населеніемъ были командированы, вслѣдъ за объявленіемъ воли особо уполномоченныя лица. И какъ нимало, на самомъ дѣлѣ, было случаевъ волненія среди крестьянъ, они произвели глубокое впечатлѣніе на государя. Его ближайшимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ не было дано осуществить положенія 19 февраля. Исполненіе ихъ было ввѣрено П. А. Валуеву, перомъ котораго незадолго передъ тѣмъ пользовались злѣйшіе противники реформы. Изъ двухъ теченій, боровшихся между собою во время подготовки Положеній, надолго побѣдило наименѣе благопріятное народнымъ интересамъ — и побѣдило въ сущности безъ существенной пользы для покровительствуемаго меньшинства. Крестьянскій вопросъ былъ объявленъ окончательно разрѣшеннымъ, и только въ самомъ концѣ царствованія въ правительственныя сферы стали проникать сомнѣнія по этому предмету. Незаконченнымъ, въ царствованіе Александра II, осталось не только освобожденіе Россіи, но даже освобожденіе русскаго крестьянства.

К. Арсеньевъ.

Великая княгиня Елена Павловна.

Акад. А. Ѳ. Кони.

Самообладаніе и вѣрность себѣ въ испытаніяхъ, скорбяхъ и разочарованіяхъ, посылаемыхъ жизнью, твердость и настойчивость въ достиженіи ясно намѣченной цѣли и отсутствіе упадка духа и унынія при препятствіяхъ къ этому — несомнѣнно, являются признаками сильнаго характера. Если затѣмъ эти цѣли возвышенны и стремленіе къ нимъ вытекаетъ изъ чистаго источника дѣятельной любви къ людямъ, то мы имѣемъ дѣло не только съ сильнымъ, но и съ нравственно-высокимъ характеромъ. Такимъ именно характеромъ обладала сподвижница и во многомъ, въ дѣлѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, вдохновительница императора Александра II — великая княгиня Елена Павловна.

Иностранка по происхожденію, поставленная значительную часть своего существованія въ тяжелыя условія русской общественной и дворцовой жизни первой половины XIX вѣка, она сумѣла найти и развить въ своей душѣ такое отношеніе къ русскому народу и его судьбамъ, что могла бы, съ полнымъ основаніемъ, обратиться къ этому народу со словами, влагаемыми Апухтинымъ въ уста Екатерины Великой: „Я больше русская была, чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные“... Фредерика - Шарлотта - Марія, дочь Вюртембергскаго принца, брата короля, родившаяся въ Штутгартѣ 9 января

1806 года и воспитывавшаяся съ девятилѣтняго возраста въ Парижѣ, пятнадцати лѣтъ отъ роду прибыла въ Россію въ качествѣ невѣсты великаго князя Михаила Павловича и вступила съ нимъ въ бракъ 5 декабря 1823 г., будучи наречена Еленой Павловной. Если ея дѣтскіе годы при безпокойномъ и неуживчивомъ отцѣ съ грубыми педагогическими пріемами и около своенравной и суровой бабки не могли оставить въ ней особо свѣтлыхъ впечатлѣній, то и глубокая разница въ характерахъ и взглядахъ ея и мужа не могла не наложить своего отпечатка на ея супружескую жизнь. Великій князь Михаилъ Павловичъ являлъ собою своеобразное сочетаніе представителя неумолимой служебной дисциплины, понимаемой крайне узко и формально и осуществляемой съ чрезмѣрной строгостью, съ человѣкомъ остраго, иронически настроеннаго ума и добраго сердца, способнаго на порывы великодушнаго состраданія. Несомнѣнно, что юной и просвѣщенной принцессѣ съ жаднымъ на знанія умомъ и тонкимъ нравственнымъ чутьемъ приходилось нерѣдко переживать тяжелыя ощущенія въ окружавшей ее сферѣ „военной выправки“, приведшей насъ къ Севастопольской годинѣ. Судьба не щадила и материнскихъ чувствъ великой княгини, унеся изъ тщательно воспитанныхъ подъ ея непосредственнымъ руководствомъ пяти дочерей четырехъ, при чемъ двѣ скончались въ самомъ расцвѣтѣ молодости. Но ея главныя душевныя свойства: живая пытливость ума и пылкость сердца, проникнутаго истинной добротой, не угасли отъ тяжелыхъ впечатлѣній житейскихъ нравовъ того времени и жестокихъ ударовъ судьбы Глубокая воспріимчивость и способность осваиваться со всѣмъ, что было, по ея мнѣнію, полезно для изученія, соединялись въ ней не только съ раннимъ знаніемъ людей, но и съ умѣніемъ быстро и вѣрно распознавать личности, что встрѣчается гораздо рѣже. Въ мягкости и привѣтливости, съ которыми она соблюдала достоинство своего сана, чувствовалось гораздо болѣе сознаніе ею налагаемыхъ имъ нравственныхъ обязанностей, чѣмъ связанныхъ съ нимъ правъ. Обладая рѣдкимъ въ ея средѣ даромъ сохранять въ сношеніяхъ съ людьми человѣческія отношенія духовнаго равенства, она умѣла понимать мысль и положеніе всѣхъ, кому приходилось къ ней приближаться. Ея бесѣда съ выдающимися людьми, которыхъ она встрѣчала и отыскивала на жизненномъ пути, всегда была полна вопросовъ, просвѣщавшихъ ее и въ то же время дававшихъ удовлетвореніе законному самолюбію собесѣдника. Однако не одни только замѣчательные люди интересовали ея проницательный умъ. Она умѣла находить поучительныя стороны и въ людяхъ, которые въ поверхностномъ наблюдателѣ вызываютъ одно высокомѣрное равнодушіе. Всякая предвзятая замкнутость и исключительность были ей не по душѣ. Императоръ Николай Павловичъ умѣлъ цѣнить умъ и знанія супруги своего брата, понималъ духовныя потребности ученицы и собесѣдницы Кювье и старался создать ей обстановку, которая по возможности, въ условіяхъ мѣста

и времени, удовлетворяла бы ее. Онъ возложилъ на нее трудную, но лестную обязанность „de faire les honneurs de la litérature à la cour de l'empereur Nicolas“, какъ выразился Кюстинъ, извѣстный авторъ книги о Россіи. Великая княгиня интересовалась всѣми явленіями изъ области знанія и умственной дѣятельности до конца своего пятидесятилѣтняго пребыванія въ Россіи. Гдѣ было нужно, она приходила на помощь своимъ участіемъ, содѣйствіемъ и матеріальной поддержкой. Она подолгу бесѣдовала съ профессоромъ Арсеньевымъ, желая лучше познакомиться съ новѣйшей исторіей и статистикой Россіи, старалась, чтобы ея свѣдѣнія о главнѣйшихъ „законоположеніяхъ“ новаго отечества были точны и систематичны,—посѣтивъ университетъ, въ подробностяхъ познакомилась съ его дѣятельностью и устройствомъ,—высказывала интересъ къ рѣчамъ, которыя произносились въ Академіи Наукъ въ память ея покойныхъ сочленовъ,—имѣла продолжительныя бесѣды съ епископомъ Порфиріемъ (Успенскимъ) о его ученыхъ трудахъ и о Синайской библіи, — способствовала переводу русскихъ богослужебныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ,—хлопотала, чтобы была учреждена премія, въ видѣ медали, которая выдавалась бы Вольно-Экономическимъ Обществомъ за лучшія сочиненія о хозяйствѣ Россіи,—дала средства академику Радлову для изданія его пятитомнаго замѣчательнаго труда по изученію тюркскихъ нарѣчій, — приходила на помощь извѣстному русскому путешественнику Потанину въ минуты денежныхъ затрудненій, — самымъ горячимъ и дѣятельнымъ образомъ приняла участіе въ охраненіи жизни и безопасности изслѣдователей Средней Азіи, итальянцевъ графа Литта и Гаваццы, которые были захвачены бухарскимъ эмиромъ, — черезъ Ю. Ѳ. Самарина поручила профессору Бѣляеву написать изслѣдованіе о началахъ представительныхъ учрежденій въ Россіи, — слушала лекціи академика Брандта по энтомологіи и т. д. И Гумбольдтъ, ѣхавшій съ нѣсколькими учеными изслѣдовать Уралъ, и баронъ Гакстгаузенъ, и знаменитый Мурчисонъ, и наши выдающіеся ученые Бэръ и Струве встрѣчали во дворцѣ великой княгини очень внимательный, радушный и просвѣщенный пріемъ. Наконецъ всѣ выдающіеся государственные люди, которые своею дѣятельностью и личностью выходили изъ рамокъ простого „прохожденія службы“, каковы, напримѣръ, гр. Блудовъ, Ланской, Чевкинъ, кн. С. Н. Урусовъ, кн. Горчаковъ, гр. Муравьевъ-Амурскій, а также представители позднѣйшаго поколѣнія—могли всегда разсчитывать, что будутъ желанными гостями и собесѣдниками великой княгини. Отличаясь чуткостью въ симпатіяхъ и вѣрностью въ дружбѣ, она оцѣнивала людей не по будничной ихъ дѣятельности, а по тѣмъ проявленіямъ, въ которыхъ выражались свѣтлыя стороны ихъ личности, и тѣмъ прочно привязывала ихъ къ себѣ.

Въ концѣ царствованія императора Николая великая княгиня нашла способъ встрѣчаться съ интересовавшими ее людьми и бесѣдовать съ ними по

вопросамъ общественной жизни, не боясь стѣснить ихъ условіями придворнаго этикета. Сначала княгиня Одоевская, а потомъ княжна Львова, жившія въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца, приглашали разныхъ лицъ, по указанію великой княгини, къ себѣ на вечера, куда приходила и сама она въ качествѣ гостьи. Она часто ѣздила за границу и тамъ—особенно въ годы благотворныхъ преобразованій въ Россіи—къ ней запросто приходили приглашаемые ею выдающіеся дѣятели на различныхъ поприщахъ. Среди нихъ были незабвенные профессора Московскаго университета Б. Н. Чичеринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ.

Отличаясь большой скромностью въ своихъ личныхъ потребностяхъ, умѣя во многомъ отказать себѣ, великая княгиня, иногда отдавая дань своему положенію, устраивала у себя празднества, полныя блеска, утонченнаго вкуса и оригинальнаго замысла. Она всегда живо интересовалась искусствомъ во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Ей нерѣдко приходилось ободрять служителей его своимъ глубокимъ вниманіемъ къ ихъ способностямъ и сердечнымъ отношеніемъ къ ихъ нуждамъ. Истинной радостью для нея было „подвязывать крылья“ пробуждающемуся таланту; въ минуты сомнѣній и упадка духа въ обладателѣ развивающагося таланта она приходила ему на помощь своимъ участіемъ, считая это своею нравственною обязанностью. И все это дѣлалось съ простотой, осторожно и щедро. Она, напримѣръ, снабдила средствами Иванова для того, чтобы перевезти въ Петербургъ его знаменитую картину „Явленіе Христа народу“ и снять съ нея фотографію, что стоило въ то время очень дорого; ей обязанъ извѣстный И. Ѳ. Горбуновъ тѣмъ, что встрѣтилъ при первыхъ его шагахъ въ Петербургѣ сочувственный пріемъ въ обществѣ и былъ принятъ на казенную сцену. Она особенно любила серьезную музыку, этотъ „языкъ невыразимыхъ словами чувствъ“, какъ говорилъ ея старый другъ, князь В. Ѳ. Одоевскій. Нельзя не упомянуть о ея постоянномъ, плодотворномъ участіи къ Антону Рубинштейну, который всю жизнь съ глубокой признательностью вспоминалъ ея просвѣщенное, сердечное покровительство. Устраиваемые великой княгиней музыкальные вечера были проявленіемъ серьезнаго отношенія къ искусству, которое было предметомъ тщательнаго изученія и вдумчивой оцѣнки, а не просто средствомъ развлеченія. Эти вечера навели ее на мысль учредить Русское музыкальное общество и его органъ—консерваторіи, и

Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

ПОГАШЕНО
Установа "Віцебскі ... інстытут ... імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА 2

она взялась за осуществленіе ея съ присущей ей энергіей и увлеченіемъ, не боясь личныхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя вызвали даже необходимость продажи ея брильянтовъ.

Не одни проявленія ума и любовь къ искусству выражали богатую натуру великой княгини Елены Павловны. Для нея особенно характерна была та ея дѣятельность, для которой ея умъ былъ лишь исполнителемъ велѣній сердца, полнаго настоящей, горячей, дѣятельной любви къ людямъ безъ излишней сентиментальности и легкой удовлетворяемости. Если она бралась за дѣло, она вела его настойчиво, становясь слугою его въ лучшемъ значеніи этого слова. Эта сторона ея личности была оцѣнена въ первыя же пять лѣтъ ея пребыванія въ Россіи императрицей Маріей Ѳедоровной, которая, желая, чтобы основанные ею повивальный и Маріинскій институты управлялись заботливо и внимательно, просила государя поручить управленіе ими двадцатилѣтней Еленѣ Павловнѣ. „Зная твердость и доброту характера своей невѣстки, — писала она, — я убѣждена, что въ такомъ случаѣ эти институты будутъ всегда процвѣтать и приносить пользу государству“. Свойства великой княгини, дѣйствительно, проявились самымъ широкимъ образомъ въ отношеніи къ этимъ заведеніямъ. Она входила въ малѣйшія подробности жизни и устройства этихъ институтовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ полная интереса переписка ея съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ и дневникъ академика Никитенки, котораго поразило требованіе ею отъ воспитанницъ Маріинскаго института на экзаменѣ русской исторіи, въ эпоху высокомѣрнаго патріотическаго самохвальства и ослѣпленія, чтобы о темныхъ сторонахъ русскаго прошлаго не умалчивалось, а говорилось „съ русскимъ чувствомъ, но правду“. Съ такою же внимательностью заботилась она и о находившемся въ ея вѣдѣніи женскомъ училищѣ св. Елены, впервые устроенномъ на безсословномъ началѣ. Этого рода дѣятельность ея все увеличивалась съ годами. Когда скончались любимыя ею дочери, она не опустила рукъ „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали“, а основала Елизаветинскую дѣтскую больницу въ Петербургѣ и дѣтскіе пріюты „Елизаветы и Маріи“ въ Петербургѣ и Павловскѣ. Послѣ смерти герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго къ ней перешло высшее завѣдываніе Максимиліановской лѣчебницей для приходящихъ. Великая княгиня ее совершенно преобразовала, значительно расширила и открыла отдѣленіе постоянныхъ кроватей. Въ своей дѣятельности по завѣдыванію какъ этими, такъ и рядомъ другихъ учрежденій она не ограничивалась ролью „высокой покровительницы“, а была настоящею силою, заинтересованной въ ихъ успѣхѣ. Одушевляя и объединяя всѣхъ вокругъ дорогого дѣла, она умѣла возбудить въ каждомъ свѣтлое сознаніе общей работы на общую пользу и никого не подавляла своею личностью.

Главнымъ дѣломъ ея въ этомъ направленіи было основаніе Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Осада Севастополя, ярко и жестоко

показавшая всю, по выраженію И. С. Аксакова, „фасадность“ нашего внутренняго устройства, обнаружила самое печальное состояніе организаціи медицинской помощи въ военное время. Опытнаго и достаточнаго медицинскаго персонала не было, самыхъ необходимыхъ средствъ и медикаментовъ не хватало, а тѣ, которые были налицо, оказывались зачастую или гнилыми или безсовѣстно подмѣненными совершенно непригодными суррогатами, а безкорыстно предлагаемая помощь встрѣчала со стороны военнаго управленія недовѣріе и неохоту ее принять. Достаточно сказать, что знаменитому Пирогову понадобилось нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы добиться разрѣшенія отправиться въ Севастополь, гдѣ его искусство было такъ необходимо. Великой княгинѣ, смущенной и мучимой извѣстіями о всемъ происходящемъ въ Севастополѣ, пришла мысль обратиться къ русскимъ женщинамъ съ призывомъ отдать для облегченія страждущихъ защитниковъ родины свой трудъ и заботу. Эту мысль встрѣтили съ тайными и притомъ грязными насмѣшками и явнымъ противодѣйствіемъ. Однако Елена Павловна сумѣла разсѣять въ государѣ его недовѣріе къ затѣянному дѣлу, а тридцать русскихъ женщинъ, съ самоотверженной готовностью отозвавшіяся на ея призывъ, поддержали ея энергію. 25 октября 1854 года были утверждены правила Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ. Послѣ необходимаго обученія и предварительнаго испытанія сестры милосердія 5 ноября получили въ присутствіи растроганной великой княгини кресты на голубой лентѣ и дали клятву всѣми силами служить своимъ братьямъ во Христѣ, а на слѣдующій день онѣ отправились въ Севастополь, гдѣ ихъ принялъ подъ свое руководство Пироговъ, уѣхавшій, наконецъ, въ Крымъ, благодаря настойчивымъ хлопотамъ Елены Павловны. За этимъ отрядомъ было послано еще нѣсколько обученныхъ и снаряженныхъ на средства великой княгини, и такимъ образомъ положено было начало первой по времени въ мірѣ военной общинѣ сестеръ милосердія. Дѣятельность сестеръ въ Крыму и Финляндіи (при бомбардиро-

Вел. Кн. Елена Павловна (рис. Шевелева).

ваніи Свеаборга) проявила въ яркомъ свѣтѣ способность русской женщины совершать съ трогательною простотою и душевнымъ величіемъ подвиги самоотреченія и любви и показала правоту великой княгини, столь увѣренной въ успѣхѣ новаго дѣла, которому она отдалась всей душой. Съ тревогой обдумывая всѣ подробности будущей дѣятельности сестеръ и боясь, что ихъ нервы могутъ не выдержать вида тяжелыхъ операцій, великая княгиня до отправки сестеръ захотѣла подать имъ примѣръ, помогая въ больницѣ при перевязкахъ и рѣшившись присутствовать при опасной ампутаціи ноги у больного. Полная самообладанія, она осталась послѣ мучительной операціи возлѣ больного, ободряя его и положивъ ему подъ подушку деньги. Но въ коридорѣ силы ей измѣнили... Все время, пока сестры находились на театрѣ военныхъ дѣйствій, великая княгиня мыслью и душою была съ ними и съ несчастными страдальцами, которыхъ онѣ должны были облегчать. Отправивъ въ помощь сестрамъ пять опытныхъ и энергичныхъ врачей, она отдалась въ Петербургѣ неутомимой дѣятельности, отведя въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго дворца помѣщеніе для склада купленныхъ ею или пожертвованныхъ ей вещей и медикаментовъ, ведя личные переговоры съ подрядчиками и поставщиками и своею настойчивостью и дѣловитостью обезпечивая доставку всего въ исправности и цѣлости на мѣсто назначенія. По окончаніи войны великая княгиня настояла, чтобы община была обращена въ постоянное учрежденіе, донынѣ пользующееся общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Послѣднимъ великодушнымъ дѣломъ Елены Павловны было учрежденіе клиническаго института, который далъ бы возможность врачамъ, окончившимъ курсъ и начавшимъ врачебную практику, слушать лекціи по интересующимъ ихъ спеціальнымъ предметамъ и знакомиться такимъ путемъ съ новыми успѣхами и современнымъ состояніемъ медицины. Она выхлопотала у государя землю на Преображенскомъ плацу и опредѣлила на это устройство особую сумму. Такъ образовался въ Петербургѣ „Еленинскій клиническій институтъ“, куда со всѣхъ концовъ Россіи собираются земскіе, городскіе и практикующіе врачи, обновляющіе свои знанія, которыя они уносятъ затѣмъ во всѣ уголки своей родины.

Императоръ Николай не былъ защитникомъ того „клейма домашняго позора“ (слова Ивана Аксакова), которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ правомъ. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда, раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, на ряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія, и, наконецъ, тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ,—парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Со своими

желаніями государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Между сановниками, внушавшими ему довѣріе, было лишь два, въ которыхъ онъ могъ разсчитывать встрѣтить сочувствіе. Это были Сперанскій и Киселевъ...

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (впослѣдствіи графъ) по справедливости долженъ быть признанъ выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ русскимъ государственнымъ человѣкомъ. Просвѣщенный самостоятельнымъ трудомъ умъ, безтрепетная прямота дѣйствій и мнѣній, твердый характеръ, чуждавшійся малодушныхъ уступокъ и не боявшійся „мести враговъ и клеветы друзей“— дѣлали его настоящимъ слугою государства въ лучшемъ смыслѣ этого слова Глубоко преданный своему монарху, онъ былъ не менѣе преданъ и родинѣ, будущему благу которой, прозрѣваемому свѣтлымъ умомъ, онъ, несмотря на ранніе общественные и служебные успѣхи, умѣлъ приносить въ жертву свое самолюбіе. Подобно воспѣтому Пушкинымъ Ганнибалу, онъ былъ „усерденъ, неподкупенъ — царю наперсникъ, но не рабъ“...

Вел. Кн. Елена Павловна и Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.

Задуманный нѣкогда [1]) съ видимой рѣшимостью „штабъ по крестьянской части“ не получилъ осуществленія, но къ „начальнику“ его императоръ Николай сохранилъ на всю жизнь искреннее уваженіе и довѣріе. Руководимый этими чувствами и желаніемъ внести содержаніе во внутреннюю жизнь великой княгини Елены Павловны, онъ ввелъ въ ея кругъ и сблизилъ съ нею Киселева. Послѣдній вскорѣ сдѣлался, какъ видно изъ его дневника, частымъ гостемъ у великой княгини. Онъ быстро и вполнѣ оцѣнилъ ея выдающіяся душевныя свойства, восхищаясь, какъ онъ самъ писалъ, превосходствомъ ея ума и умѣньемъ поддерживать свое достоинство безъ всякой натянутости, но съ глубокимъ сознаніемъ долга, возложеннаго на нее ея положеніемъ. „Когда узнаютъ ея жизнь и дѣла, — говорилъ онъ уже въ

[1]) См. Т. II, статьи «Секретные комитеты», «Гр. Киселевъ и госуд. крестьяне».

1862 году, — то должны будутъ оцѣнить ее, какъ она того заслуживаетъ, и убѣдиться, что качества ея сердца равны ея уму, въ которомъ никто не сомнѣвается". Въ духовномъ общеніи съ нею онъ не былъ тѣмъ нелюбимымъ въ салонахъ свѣтской суеты, „внушавшимъ боязнь, заносчивымъ, малопривѣтливымъ и слишкомъ уже дерзкимъ на языкъ" человѣкомъ, какимъ его описываетъ недоброжелательный къ нему баронъ М. А. Корфъ. Въ ней онъ имѣлъ достойную собесѣдницу для проявленія своихъ признаваемыхъ даже и „ядоточивымъ" Корфомъ блестящихъ дарованій и „очаровательнаго" ума. И она платила ему полнымъ довѣріемъ, а впослѣдствіи, когда его старость и недуги стали брать свое,—нѣжною заботливостью о немъ. Въ 1862 и 1863 годахъ она принимаетъ его въ Швейцаріи, „какъ стараго друга", и предлагаетъ у себя гостепріимство, при чемъ ея „предусмотрительная дружба устраиваетъ все заблаговременно",—она присылаетъ одинокому старику, въ видѣ секретаря-компаньона—своего библіотекаря, посылаетъ съ нимъ своего доктора, заботится о немъ даже въ мелочахъ: „Настойчивость, съ которой великая княгиня хотѣла принудить меня надѣть болѣе теплую одежду, вывела меня, наконецъ, изъ терпѣнія,—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ 18 сентября,—и заставила меня сказать ей, что я протестую противъ этого деспотизма, тяжело переносимаго въ частной жизни. Ея ангельская кротость заставила меня понять несправедливость и неумѣстность моей вспышки"... Семидесятилѣтнимъ, умудреннымъ опытомъ старцемъ, „насытясь" жизненными встрѣчами, Киселевъ сознавался, что великая княгиня раздѣляетъ, вмѣстѣ съ братомъ его, всѣ его привязанности и что видѣть и слышать ее для него великое счастье, такъ какъ онъ знаетъ всѣ ея высокія качества, отрицаемыя противниками изъ зависти... Онъ совѣтовался съ нею о своихъ „загробныхъ намѣреніяхъ" и, проживая послѣдніе годы жизни посломъ въ Парижѣ и затѣмъ въ отставкѣ за границею, постоянно дѣлился съ нею надеждами и тревогами относительно горячо любимой имъ Россіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что вскорѣ послѣ начала ихъ знакомства онъ высказалъ великой княгинѣ свои задушевныя мысли объ освобожденіи крестьянъ съ жаромъ и убѣдительностью, ему свойственными. Онъ, навѣрное, раскрылъ предъ взорами ея чуткаго сердца будящую жалость и негодованіе картину положенія крѣпостныхъ и указалъ ея воспріимчивому уму на возможные пути выхода изъ этого положенія. Не даромъ же она спѣшила потомъ, когда раздался по Россіи благовѣстъ освобожденія, прислать ему переписанную рѣчь Александра II, сказанную 28 января 1861 г. въ знаменательномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта и окончательно рѣшившую отмѣну крѣпостного права,—не даромъ *телеграфировала* ему 5 марта, что манифестъ 19 февраля уже прочтенъ въ церквахъ...

Севастопольскій погромъ, блистательно подтвердивъ прекрасныя свойства русскаго человѣка, выражавшіяся, между прочимъ, въ его умѣньи умирать,

доказалъ совершенную непригодность общественнаго быта и военно-бюрократическаго строя для жизни этого человѣка. Уже въ манифестѣ о заключеніи Парижскаго мира 19 марта 1856 г., въ видѣ пожеланій, было выражено осужденіе тѣхъ порядковъ, во всеоружіи которыхъ мы приступили самонадѣянно и высокомѣрно къ войнѣ.

Молодой государь, возросшій подъ вліяніемъ Жуковскаго, просившаго судьбу не дать его воспитаннику забыть на высокой чредѣ святѣйшаго изъ званій—званія человѣка, не могъ, конечно, не дѣлиться своими желаніями и планами съ тою, которая сдѣлалась старшимъ по лѣтамъ и по житейскому опыту членомъ Императорской Семьи. Въ ихъ бесѣдахъ ожили внушенія и мнѣнія Киселева, внѣдрившіяся въ пылкомъ сердцѣ великой княгини и переработанныя въ осязательныя и убѣдительныя формы ея яснымъ и безбоязненнымъ умомъ. Сначала, однако, подъ вліяніемъ укоренившихся правительственныхъ пріемовъ по крестьянскому вопросу, Александръ II былъ вынужденъ прибѣгнуть къ двумъ старымъ мѣрамъ: къ попыткѣ вызвать добровольное, по собственному почину помѣщиковъ, отреченіе ихъ „отъ существующаго порядка владѣнія душами“ и къ образованію новаго негласнаго комитета. Но сдѣланное имъ, 30 марта 1856 г., московскому дворянству предложеніе обдумать, какъ лучше уничтожить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу, не привело ни къ чему. Комитетъ же, въ первомъ своемъ засѣданіи единогласно отвѣтившій утвердительно на вопросъ государя: слѣдуетъ ли принять какія-либо рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ? — пошелъ вслѣдъ за тѣмъ по старой и избитой дорогѣ собиранія и систематизированія матеріаловъ, давнымъ-давно извѣстныхъ, безплоднаго обмѣна мыслей и соглашенія несогласимыхъ противорѣчій во взглядахъ. Дѣлу, повидимому, грозила его роковая въ предшествовавшія царствованія участь. Нѣсколько канцелярски округленныхъ, громкихъ и двусмысленныхъ фразъ прикрыли бы никого не удовлетворявшую, скудную по содержанію и послѣдствіямъ мѣру,— и для успокоенія назрѣвшаго органическаго страданія огромнаго общественнаго тѣла были бы предложены „впредь до болѣе благопріятнаго времени“ невинныя бюрократическія пилюли. Но на этотъ разъ Богъ сжалился надъ русскимъ крестьянствомъ.

Великая княгиня Елена Павловна поняла, что однимъ изъ главныхъ тормозовъ каждаго благого намѣренія является, на ряду съ опасеніями робкихъ душъ, указаніе на невозможность придумать что-либо для практическаго осуществленія этого намѣренія, для обращенія его въ начинаніе. Добрая мысль—по нежеланію вдуматься или по коварному стремленію похоронить ее съ притворнымъ и злорадымъ сожалѣніемъ — искусно обращается такимъ образомъ въ „безкрылое желаніе“, лишенное всякой жизнеспособности. Въ то время, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской вынужденъ былъ доло-

жить государю, что ни московское, ни нѣкоторыя другія дворянства, къ предводителямъ которыхъ приходилось обращаться, не желаютъ ничего предпринять для улучшенія быта своихъ крестьянъ, отговариваясь тѣмъ, что начала, на которыхъ правительство думало бы это устроить, имъ невѣдомы, а сами они ничего придумать не могутъ,—въ поле дѣйствій выступила великая княгиня. Она рѣшилась собственнымъ починомъ показать, какъ можно устроить такое улучшеніе и какія начала должны быть положены въ осуществленіе дальнѣйшаго преобразованія крестьянскаго строя въ широкихъ размѣрахъ. Ей принадлежало обширное помѣстье въ Полтавской губ., заключавшее въ себѣ подъ общимъ названіемъ „Карловки“ двѣнадцать селеній и деревень, имѣвшихъ при 9.090 кв. десятинахъ населеніе изъ 7.392 мужчинъ и 7.625 женщинъ, изъ коихъ по 10-й ревизіи было 2.839 самостоятельныхъ хозяевъ. Этихъ своихъ крестьянъ она рѣшилась отпустить на волю, предоставивъ имъ на выкупъ часть состоящей въ ихъ пользованіи земли въ размѣрѣ, который обезпечилъ бы ихъ существованіе. Потребовавъ отъ своего управляющаго, барона Энгельгардта, соображеній по этому поводу, она обратилась вмѣстѣ съ тѣмъ къ помощи Николая Алексѣевича Милютина. Она его знала еще съ 1846 г., пожелавъ, въ виду отзывовъ графа Перовскаго и Киселева о молодомъ авторѣ „городового положенія“, познакомиться съ нимъ. Киселевъ, мнѣніемъ котораго дорожила Елена Павловна, очень цѣнилъ въ Милютинѣ его способности, характеръ и непоколебимые взгляды на необходимость искорененія рабства въ Россіи, и только въ силу своего отвращенія ко всякому непотизму не бралъ его—своего племянника—къ себѣ въ сотрудники. Раздѣляя съ Милютинымъ мысли и чувства о „Carthago delenda“, великая княгиня просила его составить для представленія государю записку по задуманному ею дѣлу. Соображенія, представленныя барономъ Энгельгардтомъ, по которымъ предполагалось образовать въ Карловкѣ четыре общества, со своимъ управленіемъ и судомъ, подъ надзоромъ владѣлицы, и отдать имъ $^1/_6$ часть всей помѣщичьей земли, съ платою въ годъ по 2 р. за десятину и съ правомъ выкупа земли за взносъ 50 руб. съ десятины посредствомъ разсроченныхъ уплатъ, навели великую княгиню на мысль распространить такой порядокъ на всю Полтавскую и даже на смежныя съ ней губерніи. Результатомъ этого явился проредактированный Милютинымъ „планъ дѣйствій для освобожденія въ Полтавской и смежныхъ губерніяхъ крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, которые сами того пожелаютъ“. Согласно этому плану,—выработанный тремя или четырьмя помѣщиками названныхъ губерній, извѣстными своими честными и искренними стремленіями къ освобожденію крестьянъ, проектъ общихъ основаній освобожденія долженъ былъ быть представленъ на одобреніе государя императора. Затѣмъ начиналась разсылка приглашеній къ участію въ этомъ дѣлѣ отъ великой княгини „благонамѣреннымъ“ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, и, когда ихъ наберется достаточное число, предпо-

Вел. Кн. Елена Павловна.

Беларускі Дзярж. Універсітэт
№
Бібліятэка

ложено было общее ихъ совѣщаніе въ Карловкѣ, подъ руководствомъ владѣлицы, для согласованія частныхъ проектовъ освобожденія съ общими основаніями и для устраненія изъ нихъ неправильностей въ оцѣнкѣ отчуждаемой земли, вредныхъ или невыгодныхъ для крестьянъ условій и предположеній, нарушающихъ права казны и частныхъ лицъ. Пересмотрѣнные такимъ образомъ проекты подлежали представленію на Высочайшее утвержденіе. Для приведенія ихъ въ дѣйствіе и устраненія недоразумѣній между владѣльцами и освобожденными было предположено учрежденіе особыхъ попечителей изъ среды участвующихъ въ этомъ дѣлѣ. „Планъ“ заключался слѣдующимъ восьмымъ пунктомъ: „Актъ освобожденія, приведенный въ исполненіе, присоединяется въ герольдіи къ актамъ того дворянскаго рода, котораго достоинство возвышается такимъ подвигомъ. Собраніе актовъ освобожденія издается для примѣра и руководства“. Въ мартѣ 1856 года планъ освобожденія былъ представленъ великою княгинею государю, и она получила предварительное согласіе монарха на его осуществленіе. Такъ былъ положенъ первый камень къ практическому осуществленію освобожденія крестьянъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, по призыву, шедшему отъ великой княгини, стали поступать къ ней, сосредоточиваясь у Милютина, разнообразныя записки отъ лицъ, намѣченныхъ въ особомъ спискѣ, сохранившемся въ его бумагахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ по искренности и теплотѣ изложенія, по глубинѣ мыслей и обдуманности представляли чрезвычайный интересъ. Почти во всѣхъ указывалось, однако, на необходимость взятія дѣла освобожденія въ свои руки непосредственно правительствомъ. На всѣхъ почти запискахъ сохранились замѣчанія Милютина или отмѣтки, сдѣланныя рукою великой княгини. Къ этимъ запискамъ присоединилась и превосходная, краткая и яркая записка К. Д. Кавелина, который, послѣ блестящаго очерка ожиданій крѣпостного населенія, приводилъ рядъ доказательствъ въ пользу правительственнаго почина въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и непремѣнно съ землею.

Пользуясь своими отношеніями къ государю и его довѣріемъ къ ней, великая княгиня съ этого времени, не покидая работы по освобожденію крѣпостного населенія Карловки, расширяетъ высказываемые ею взгляды и соображеніямъ по частному и мѣстному вопросу придаетъ уже характеръ общегосударственный. Въ началѣ октября она получаетъ составленную по ея порученію Милютинымъ, — быть-можетъ, судя по стилю нѣкоторыхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, — большую записку подъ названіемъ „Предварительныя мысли объ устройствѣ отношеній между помѣщиками и ихъ крестьянами“, въ которой уже вполнѣ опредѣленно говорится, что нужно не улучшеніе быта, а полное и безусловное освобожденіе крестьянъ, что освобожденіе неминуемо должно быть связано съ надѣломъ крестьянъ землею, сопровождаемымъ выкупною операціей со стороны правительства, и что, наконецъ, для успѣшности принимаемыхъ мѣръ нужна ихъ предвари-

тельная выработка въ особыхъ губернскихъ комитетахъ. Представляя эти „предварительныя мысли“ 7 октября государю, великая княгиня объясняла, что безъ общихъ началъ и указаній отъ Верховной власти ни одинъ помѣщикъ не въ состояніи совершить важныхъ и существенныхъ преобразованій въ отношеніяхъ своихъ къ крестьянамъ, и что если государю благоугодно одобрить начала, изложенныя въ представляемой ею запискѣ, то она готова примѣнить ихъ къ своимъ имѣніямъ въ Полтавской губерніи и для этого, съ Высочайшаго соизволенія, войти въ ближайшее соглашеніе съ нѣкоторыми мѣстными помѣщиками.

Осуществленіе желанія великой княгини и ея ближайшихъ сотрудниковъ получить указаніе на такія общія начала отъ монарха было вполнѣ понятно. Начертаніемъ этихъ началъ вмѣсто неяснаго и подверженнаго колебаніямъ пожеланія улучшенія быта крѣпостныхъ было бы сказано рѣшительное и безповоротное слово совершенно опредѣленной отмѣны крѣпостного права. Нужно было уничтоженіе не фактической возможности злоупотребленія помѣщичьей властью, но самого правового основанія для такой возможности. Но на такой исходъ, при всѣхъ добрыхъ чувствахъ императора Александра II, трудно было разсчитывать. Вопросъ былъ слишкомъ важенъ и затрогивалъ такіе разнообразные интересы, что сжечь сразу корабли было невозможно. Секретные комитеты прошлаго царствованія возвышались одинъ надъ другимъ, какъ пирамида, и бросали свою тѣнь и въ новое царствованіе. Отвѣтъ на представленіе великой княгини получился 26 октября. Въ немъ выражалась ей благодарность за человѣколюбивое намѣреніе дать свободу своимъ крестьянамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была указана невозможность въ данный моментъ дать положительныя указанія общихъ основаній для руководства, такъ какъ рѣшеніе вопроса подчинено многимъ и различнымъ условіямъ, которыхъ значеніе можетъ быть опредѣлено только опытомъ. Поэтому, высказывая не только согласіе, но и желаніе относительно составленія, въ негласномъ совѣщаніи, подъ покровительствомъ великой княгини, одушевленными чувствомъ общаго блага помѣщиками Полтавской и смежныхъ губерній проекта правилъ о дарованіи ихъ крестьянамъ свободы, государь выражалъ увѣренность, что, руководимые проницательнымъ умомъ великой княгини, они произведутъ трудъ полезный, который, будучи основанъ на справедливости, послужитъ для многихъ другихъ владѣльцевъ примѣромъ, а правительству—облегченіемъ въ постоянномъ стремленіи его разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ задачъ государственнаго управленія. Результатомъ этого письма было порученіе великой княгинею барону Энгельгардту передать одному изъ самыхъ видныхъ полтавскихъ помѣщиковъ, князю Льву Викторовичу Кочубею, письмо, „касающееся весьма важнаго вопроса, о которомъ она неоднократно разсуждала съ княземъ“, а именно, вопроса о „проложеніи пути къ совершенію дѣла, столь тѣсно связаннаго съ будущимъ благоденствіемъ Россіи и столь

близкаго сердцу Августѣйшаго царя нашего". Предлагая князю Кочубею учредить общество изъ крупныхъ и мелкихъ образованныхъ и благомыслящихъ помѣщиковъ Полтавской губерніи для обсужденія и опредѣленія мѣръ, „наилучшимъ образомъ ведущихъ къ желаемой цѣли", она просила его принять въ этомъ обществѣ званіе вице-президента, выражая готовность сама сдѣлаться президентомъ этого общества.

Поздно осенью великая княгиня уѣхала за границу и видѣлась тамъ съ извѣстнымъ изслѣдователемъ экономическаго строя Россіи, барономъ Гакстгаузеномъ, умѣвшимъ, при путешествіяхъ по внутреннимъ губерніямъ нашимъ, усмотрѣть подъ офиціальною и однообразною внѣшностью многія характерныя и важныя черты исторической, религіозной и бытовой жизни народа. Она сообщила ему о своихъ желаніяхъ и надеждахъ, и онъ вручилъ ей записку, содержащую въ себѣ подробный планъ организаціи и дѣятельности ферейновъ и руководительныхъ комитетовъ (leitende Comité's) изъ среды помѣщиковъ, для освобожденія, съ сохраненіемъ общиннаго устройства, крестьянъ въ видѣ личнаго благодѣянія (однако съ вознагражденіемъ отъ правительства), но отнюдь не въ видѣ общей правительственной мѣры, могущей возбудить опасныя притязанія. Такимъ образомъ и со стороны уважаемаго ею ученаго великая княгиня не встрѣтила сочувствія необходимости установленія общихъ началъ освобожденія, исходящихъ отъ правительства. Но она не унывала и, опираясь на труды и совѣты Милютина и Кавелина, продолжала свое дѣло. Карловка была въ ея рукахъ будильникомъ, дававшимъ возможность время отъ времени напоминать о необходимости освобожденія и двигать съ своей стороны это дѣло. Въ проектахъ дарованія свободы крестьянамъ Карловки теплился и тщательно ею оберегался священный огонекъ будущаго общаго раскрѣпощенія. Проницательнымъ умомъ своимъ она понимала, что освобожденіе 15 тысячъ душъ съ землею, сдѣланное русскою великою княгинею и старѣйшимъ членомъ Императорскаго Дома, будетъ въ нашей внутренней жизни событіемъ первостепенной важности, послѣдствія котораго, въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія и подражанія, могутъ быть огромны. И вотъ, въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1857 года, когда негласный комитетъ плететъ свое канцелярское кружево,—когда Ростовцевъ и баронъ Корфъ стремятся уклониться отъ занятій въ немъ,—когда, наконецъ, самъ государь, говорящій въ Киссингенѣ Киселеву, что „никого не имѣетъ, кто помогъ бы ему въ важномъ и неотложномъ дѣлѣ доведенія до конца крестьянскаго вопроса", производитъ на послѣдняго впечатлѣніе человѣка, „котораго обременяютъ и которому докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія",—великая княгиня Елена Павловна продолжаетъ свое дѣло бодро и настойчиво. Въ февралѣ она получаетъ отъ Милютина окончательно имъ выработанныя общія основанія освобожденія крестьянъ въ Полтавской, Черниговской, Курской и Харьковской губерніяхъ; лѣтомъ въ

Вильдбадѣ, по ея порученію, Кавелинъ примѣняетъ въ особой работѣ эти начала, во всѣхъ подробностяхъ, къ Карловкѣ; въ сентябрѣ, когда, недовольный бездѣйствіемъ негласнаго комитета, государь назначаетъ въ составъ его живого, талантливаго и рѣшительнаго брата своего Константина Николаевича,—она препровождаетъ эту работу великому князю и вступаетъ съ нимъ по этому поводу въ оживленную переписку, продолжающуюся затѣмъ уже между Кавелинымъ и А. В. Головнинымъ, который тоже былъ носителемъ идеи упраздненія крѣпостного права. Затѣмъ 13 февраля 1858 года подъ руководствомъ Милютина составляется окончательно экономическая часть „Положенія объ устройствѣ Карловскаго имѣнія“, а 8 марта того же года „административная“ его часть и все Положеніе вносится, наконецъ, на разсмотрѣніе негласнаго комитета, обратившагося съ начала 1858 г. въ „Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу“. Этимъ положеніемъ вся крестьянская усадебная земля съ постройками, считая $^3/_4$ десятины на каждаго хозяина, поступаетъ въ полную собственность крестьянъ, а вся пахотная и сѣнокосная земля, обрабатываемая крестьянами, поступаетъ въ постоянное ихъ общинное пользованіе съ правомъ выкупа, наравнѣ съ усадебною землею, при уплатѣ по 25 р. за десятину. Хозяйственное распоряженіе общественною землею, распредѣленіе повинностей и взиманіе оброка (впредь до выкупа по 1 р. 50 к. с. въ годъ съ десятины, при чемъ за пользованіе усадебною землею ничего не платится) совершается мірскимъ обществомъ посредствомъ сходовъ и выборныхъ должностныхъ лицъ. Въ полицейскомъ и административномъ отношеніяхъ всѣ отдѣльныя общества образуютъ четыре волостныя общества.

Ко времени утвержденія этого положенія крестьянскій вопросъ быстро двинулся впередъ подъ вліяніемъ энергической дѣятельности новаго члена Главнаго Комитета, великаго князя Константина Николаевича, подкрѣпляемой продуманными распоряженіями и твердыми представленіями Ланского, проникнутыми стремленіемъ оградить русское крестьянство отъ привитія къ нему, подъ видомъ улучшенія его быта, безземельнаго батрачества. Рескриптъ на имя генералъ-губернатора Сѣверо-Западнаго края Назимова, про который можно было съ полнымъ основаніемъ сказать: alea jacta est! — показалъ, что правительство взяло, наконецъ, въ свои руки уничтоженіе крѣпостныхъ отношеній. Запоздалая готовность московскаго дворянства составить проектъ положенія на основаніяхъ, признаваемыхъ имъ общеполезными и удобными, по отношенію къ которымъ, однако, оно еще за годъ предъ этимъ отвѣчало „non possumus“, была отклонена указаніемъ на главныя начала, преподанныя дворянству другихъ губерній, изъявившему раньше московскаго желаніе устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Занявшаяся въ 1856 году и по временамъ заволакиваемая облаками заря освобожденія разгоралась сильнѣе и сильнѣе, наполняя души всѣхъ „алчущихъ и жаждущихъ правды“ тѣмъ чувствомъ восторженной бодрости, которую впослѣдствіи ни забыть, ни вновь

испытать было невозможно. Всюду открывались губернскіе комитеты, и то, что дни крѣпостного права сочтены,—сдѣлалось несомнѣннымъ. Поэтому и въ § 14 „Положенія для крестьянъ Карловскаго имѣнія“, вступившемъ въ силу 21 мая 1859 года, говорилось: „Права и преимущества, какія будутъ впослѣдствіи по Высочайшей, Государя Императора, волѣ предоставлены всѣмъ вообще помѣщичьимъ крестьянамъ, безусловно распространяются и на крестьянъ Карловскаго имѣнія, независимо отъ тѣхъ облегченій, которыя предоставляются имъ настоящимъ Положеніемъ“.

Съ учрежденіемъ редакціонныхъ комиссій, въ библіотеку которыхъ великая княгиня тотчасъ же препроводила 32 сочиненія о положеніи крестьянъ въ Австріи и Пруссіи, положеніе Милютина, негласнаго совѣтника и сотрудника Елены Павловны, измѣнилось. Замѣняя въ редакціонныхъ комиссіяхъ министра, въ качествѣ „временно исполняющаго обязанности товарища министра“ („временно-постояннаго“—злобно острили его враги), онъ явился прямымъ и открытымъ поборникомъ „святого, — по выраженію Киселева, — дѣла“. Люди, одушевленные тѣми же благородными идеями, сгруппировались около него,—враги „дѣла“ сплотились противъ. Настойчивая работа его по приданію городскому управленію цѣлесообразнаго и достойнаго характера была послѣдними немедленно поставлена ему въ вину и связана съ его дѣятельностью по „эманципаціи“. Враждебными и торопливыми руками былъ наклеенъ ярлыкъ „краснаго“ на человѣка, горячо любившаго Россію и желавшаго способствовать государю въ выводѣ ея изъ безсудія и безправія, о которыхъ другой истинный патріотъ, Иванъ Аксаковъ, писалъ въ 1855 году своему отцу: „Чего можно ожидать тамъ, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду,—надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо,—надо пройти цѣлую процедуру обмановъ и низостей, чтобы добиться необходимаго законнаго?!“ Чѣмъ больше чувствовалась нравственная и трудовая сила Милютина, тѣмъ сильнѣе свивала и развивала противъ него свои змѣиныя кольца клевета. Она создавала ему репутацію вреднаго честолюбца и человѣка опаснаго, которому нельзя довѣрять выработку и направленіе мѣръ государственной важности. Его хулители, въ большинствѣ случаевъ умѣвшіе лишь оберегать своекорыстные интересы и выражавшіе свое служеніе родинѣ неутомимою жаждою наградъ, отличій и денежныхъ подачекъ, не могли, съ своей точки зрѣнія, понять мнѣніе Монтескье (въ „Esprit des lois“) о томъ, что „желать возвышенія на властный постъ вполнѣ дозволительно каждому гражданину, ибо каждому естественно желать быть въ состояніи оказать наибольшія услуги своей родинѣ“. Они не хотѣли знать, что друзья и единомышленники этого честолюбца—и въ томъ числѣ даже и великій князь Константинъ Николаевичъ — упрекали его въ нажиманіи себѣ враговъ своею крайней рѣзкостью, неуступчивостью и отсутствіемъ свѣтской обходительности. Дѣйствительно, Милютинъ слишкомъ явно отдавался, хотя и вполнѣ

понятной, но опасной для общественнаго бойца, склонности презирать тѣхъ, кого не можешь уважать. И путь этого замѣчательнаго человѣка, про котораго наше общество, — если бы оно умѣло быть благодарнымъ, — могло сказать словами англійскаго поэта „an honest man is the noblest work of God“, былъ усѣянъ терніями. За возможность быть полезнымъ родинѣ онъ, съ виду сдержанный и спокойный, платилъ кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ. Ему необходима была, даже независимо отъ его желаній, нравственная поддержка и зоркое, участливое отношеніе къ дѣлу, которому онъ отдавалъ всѣ свои силы.

Все это нашелъ онъ у великой княгини. Она старалась всѣми мѣрами, прямо и косвенно, дать предубѣжденному противъ него лживыми навѣтами государю случай узнать его ближе и увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ. Уже въ 1858 году, у себя на вечерѣ, она представила Милютина императрицѣ, соединявшей сердечную доброту съ самостоятельностью мнѣній, независимыхъ отъ репутацій, создаваемыхъ кружками, и познакомила его съ княземъ Горчаковымъ, чей тонкій и европейски-культурный умъ могъ оцѣнить духовную сущность Милютина. За этимъ послѣдовало официальное представленіе Милютина императрицѣ и длинный разговоръ съ нею объ освобожденіи крестьянъ. Въ февралѣ 1860 года, въ Михайловскомъ дворцѣ, произошелъ подготовленный великою княгинею длинный разговоръ государя съ Милютинымъ о трудахъ редакціонной комиссіи, только что лишившейся Ростовцева, при чемъ государь выразилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ желаніе, чтобы Милютинъ продолжалъ помогать въ трудахъ по освобожденію и новому предсѣдателю—графу Панину. Съ напряженнымъ и серьезнымъ вниманіемъ слѣдила великая княгиня за дѣятельностью Милютина на службѣ „святому дѣлу“, дѣлилась съ нимъ лично и черезъ баронессу Раденъ извѣстіями, которыя могли его порадовать или ободрить,—старалась заранѣе установить между нимъ и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ довѣрчивыя и сочувственныя личныя отношенія, сообщала ему о слухахъ, осуществленіе которыхъ могло гибельно отозваться на приложеніи къ жизни работъ по освобожденію. Еще въ 1859 году, когда изъ редакціонной комиссіи съ шумнымъ протестомъ удалились два непримиримыхъ представителя крупнаго землевладѣнія, гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ, великая княгиня поручила баронессѣ Раденъ написать Милютину, что 28 мая она имѣла весьма пріятный разговоръ съ государемъ и воспользовалась случаемъ поручить комиссію его милостивому вниманію, прося поддержать ее противъ недоброжелательствъ и продолжать быть защитникомъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ. Къ дальнѣйшему сообщенію Раденъ объ откровенной бесѣдѣ великой княгини съ Ростовцевымъ Елена Павловна приписала: „Наконецъ, я рекомендовала васъ и Черкасскаго еще разъ Ростовцеву. Да хранитъ васъ Господь! Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду“.

И не въ одномъ Милютинѣ она стремилась поддерживать бодрость духа. Она пригрѣла своею заботою его главныхъ сотрудниковъ, одушевленныхъ одними съ нимъ идеалами. Князь Черкасскій и Юрій Самаринъ сдѣлались не только постоянными посѣтителями Михайловскаго дворца, но и стали предметомъ особаго вниманія его хозяйки. Лѣтомъ 1859—1860 гг. князь Черкасскій по ея приглашенію переселился въ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей дворца на Каменномъ островѣ,—туда же былъ по настояніямъ великой княгини перевезенъ и заболѣвшій отъ переутомленія Юрій Самаринъ, лежавшій въ душной гостиницѣ пыльнаго города. Назначеніе графа Панина предсѣдателемъ редакціонной комиссіи разстроило великую княгиню. Ей казалось, что настаетъ время, когда можно „потерять надежду“. Съ тревогой ждала она первыхъ шаговъ замѣстителя Ростовцева и рѣшилась даже, какъ сообщала въ утѣшеніе и ободреніе Милютину, выразить государю свое удивленіе призванію Панина на дѣло, которому онъ завѣдомо не сочувствуетъ и, слѣдовательно, не можетъ служить съ пользою. Оказалось, что она была лучшаго мнѣнія о Панинѣ, чѣмъ знавшій его ближе государь, сказавшій ей: „Вы совсѣмъ не знаете его: у него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ лишь одно желаніе—угодить мнѣ“. Сознавая всю тяжесть работы, несомой Милютинымъ при сочувственномъ сотрудничествѣ друзей, и то значеніе, которое получатъ эти „страдные дни“ для него тогда, когда утихнетъ „злоба дня“, и вся эта работа, борьба, скорбь и успѣхи станутъ лишь воспоминаніемъ, великая княгиня прислала Милютину на елку, въ 1860 году, альбомъ съ различными фотографическими портретами. „Я думаю,—писала она,—что подарокъ альбома, содержащаго живые образы вашихъ друзей и противниковъ въ памятные годы 1859—60, можетъ доставить вамъ удовольствіе. Я не хотѣла замѣнить какою-либо надписью заслуженный вами девизъ, но мѣсто для него приготовлено. Въ Писаніи сказано: „сѣющіе въ слезахъ—пожнутъ въ радости“, и я хочу вѣрить этому обѣщанію и видѣть его осуществленнымъ, какъ для васъ, такъ для народа, въ пользу котораго вы трудились“. Эти слова и были затѣмъ вырѣзаны, по желанію Милютина, на скромномъ, но драгоцѣнномъ по мысли альбомѣ.

Когда освобожденіе совершилось, то противники его, не имѣя болѣе возможности помѣшать творенію лучшихъ людей земли русской, сосредоточили всѣ силы на томъ, чтобы лишить творцовъ радости руководить практическимъ проведеніемъ ихъ дѣла въ жизнь. Окончаніе Милютинымъ главной работы, вынесенной имъ на своихъ плечахъ, вмѣсто того, чтобы упрочить его положеніе, сдѣлало послѣднее еще болѣе шаткимъ, особливо въ виду того, что въ него бросали, какъ въ злоумышленнаго разорителя дворянъ въ пользу крестьянъ, уже не камнями, а,—употребляя выраженіе Герцена,—цѣлой мостовою. Сознаніе этой шаткости продиктовало 29 января 1861 года великой княгинѣ слѣдующую, исполненную предусмотрительной заботливости, записку

Милютину: „Если вы будете видѣться съ Государемъ Императоромъ наединѣ, и онъ заговоритъ съ вами о дворянствѣ,—вамъ непремѣнно слѣдовало бы объяснить, что вы вовсе не противъ него, но что вамъ больно и стыдно оттого, что сословіе, къ которому вы принадлежите, такъ мало соотвѣтствуетъ тому, чѣмъ ему надлежало бы быть". Но судьба Милютина (а также и Ланского) была уже рѣшена, и, уволенный въ годичный заграничный отпускъ съ назначеніемъ сенаторомъ, онъ въ началѣ мая 1861 г. извѣщалъ друзей своихъ, Самарина и Черкасскаго, что, въ качествѣ „выпровоженнаго", укладываетъ свои вещи для путешествія и что великая княгиня груститъ и страдаетъ. Но это не мѣшало ей, не утрачивая вѣры въ лучшее будущее для Милютина, заботиться о сохраненіи его силъ для этого будущаго. Въ Парижѣ жилъ графъ Киселевъ, еще въ 1858 г. писавшій Милютину: „Отъ всей души желаю успѣшныхъ результатовъ предпринятому дѣлу и молю Бога даровать твердую настойчивость тѣмъ, которые призваны работать въ вертоградѣ—я по старости и дряхлости едва ли увижу плоды этого великаго и прекраснаго дѣла, но желаю, чтобъ надъ нимъ постоянно трудились, чтобы оно шло къ цѣли, которая должна быть достигнута, несмотря на желанія тѣхъ, которые разсчитываютъ на утомленіе работниковъ". Къ Киселеву и обратилась великая княгиня, прося его употребить все свое вліяніе, чтобы заставить Милютина отдохнуть и провести зиму въ Парижѣ, гдѣ близость съ замѣчательными людьми освѣжитъ его и послужитъ ему на пользу, когда онъ вернется въ отечество и вновь приметъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Графъ Киселевъ исполнилъ данное ему порученіе съ любовью и умѣньемъ,—видѣлся съ Милютинымъ, „сколько могъ, но не столько, сколько бы желалъ, въ виду его ума и поучительности его разговоровъ о внутреннихъ дѣлахъ Россіи",—познакомилъ его съ главными политическими знаменитостями Франціи и съ радостью замѣтилъ, что истинное достоинство его племянника было оцѣнено такими людьми, какъ Гизо и Тьеръ, и что многіе искали случая съ нимъ познакомиться. „Но я нахожу его печальнымъ и озабоченнымъ,—записываетъ Киселевъ въ своемъ дневникѣ,—и я это понимаю. Трудъ, который на него взвалили, былъ очень тяжелъ и неблагодаренъ; онъ работалъ съ ревностью и самоотверженіемъ, но удовлетворить всѣ противоположные интересы невозможно: это Гордіевъ узелъ, который разсѣкаютъ, а не развязываютъ". Въ теченіе почти двухъ лѣтъ, которые Милютину пришлось провести въ безсрочномъ отпуску, напоминавшемъ ему о его ненужности для русскихъ дѣлъ, великая княгиня сообщала ему сама и черезъ посредство баронессы Раденъ все, что могло его интересовать въ судьбахъ родины. Сообщенія эти полны свѣдѣній о личностяхъ, законодательныхъ работахъ и предположеніяхъ. При этомъ постоянно высказывается задушевное желаніе великой княгини, раздѣляемое и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, видѣть Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣстѣ Валуева, „предназначеннаго много

Народныя гулянья на Ходынкѣ.

(Изъ коронаціоннаго альбома).

Бібліотека
№

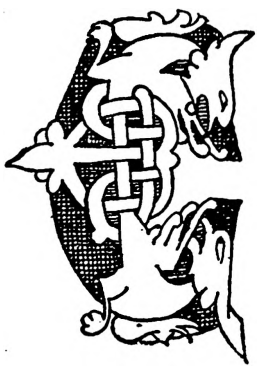
говорить и мало дѣлать", или, на худшій конецъ, министромъ государственныхъ имуществъ, т.-е. видѣть его въ положеніи, въ которомъ „личная оцѣнка его государемъ могла бы служить залогомъ его дѣйствительной полезности". Она совѣтуетъ ему вернуться, увѣренная, что его силы и свѣдѣнія найдутъ, наконецъ, справедливое къ себѣ отношеніе и живое приложеніе къ массѣ назрѣвшихъ вопросовъ. Но Милютинъ, въ законной гордости безкорыстнаго труженика на благо народа, вспоминая всѣ тѣ двусмысленныя и неловкія положенія, въ которыя онъ былъ въ послѣдніе годы поставленъ оказываемымъ ему, почти вынужденнымъ полудовѣріемъ, желалъ явнаго и осязательнаго призыва его къ государственной дѣятельности, предоставляемой ему безъ оговорокъ и съ полнымъ довѣріемъ. Въ концѣ-концовъ и великая княгиня раздѣлила его взглядъ. Сожалѣя о безсрочности его отпуска и признавая всю полезность его участія въ окончательномъ разрѣшеніи вопроса объ обязательномъ выкупѣ и въ выработкѣ положенія о земствѣ, она находила, однако, что онъ хорошо дѣлаетъ, „не стремясь на поле дѣятельности, на которомъ стали бы снова истощать его силы, клевеща въ то же время на его намѣренія". Ее даже встревожило за Милютина внезапно возникшее предположеніе поставить его во главѣ гражданскаго управленія Польши, волнуемой начинавшимся мятежомъ. „Я знаю,—писала она 11 мая 1862 года,—что, вызванный сюда, вы прибыли—и хочу вамъ сказать, что всѣ мои желанія сводятся къ тому, чтобы вы избѣжали опаснаго назначенія въ Варшаву, которое лишитъ Россію васъ, не давъ вамъ достигнуть съ успѣхомъ чего-либо во враждебно настроенной странѣ, языкъ, законы и стремленія которой еще надо изучить".

Введеніе земскихъ учрежденій и судебная реформа, послѣдовавшія за отмѣною крѣпостного права, привлекали къ себѣ вниманіе и безусловныя симпатіи великой княгини. Она интересовалась первыми шагами новыхъ учрежденій и очень горячо принимала къ сердцу слухи о томъ, что, послѣ паденія министра юстиціи Замятнина, высокимъ началамъ, вложеннымъ въ судебные уставы, можетъ, какъ тогда казалось, грозить серьезная опасность. Но мысли ея, главнымъ образомъ, обращались къ освобожденію крестьянъ, въ которомъ ей пришлось принимать такое живое и плодотворное участіе. Это было особенно дорогое ей воспоминаніе. По справедливости можно сказать, что если бы у нея не было никакихъ другихъ однородныхъ воспоминаній за всю ея жизнь, то и тогда она могла бы, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, сознавать, что жила не даромъ. Девизъ, предложенный ею для альбома Милютина, по праву можетъ принадлежать и ей. И у нея бывали невидимыя міру слезы—и въ ея сердцѣ, исполненномъ довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и жалости къ нему, бывали минуты радостной жатвы своихъ безкорыстныхъ усилій. Возвращаясь мыслью къ этому періоду своей жизни, она, чрезъ пять лѣтъ послѣ освобожденія, предположила издать обширный сборникъ подъ названіемъ „Православный Календарь".

Въ немъ, среди статей, обѣщанныхъ выдающимися авторами—и въ томъ числѣ Тургеневымъ,—одно изъ видныхъ мѣстъ должны были занять—„Историческій очеркъ крѣпостного состоянія, его возникновеніе и вліяніе на народный бытъ“, а также исторія освобожденія крестьянъ и объясненіе значенія этой перемѣны въ народной жизни. Эту работу она просила принять на себя Самарина потому, что ему для этого достаточно лишь „заставить себя мысленно“ пережить эпоху „славной борьбы“. Сердечная поддержка великой княгинею главныхъ дѣятелей этой „славной борьбы“, ея вѣрность имъ, несмотря ни на что, и благотворное, постоянное, исполненное такта воздѣйствіе на рѣшимость государя довести до конца святое дѣло отмѣны крѣпостного ига должны остаться навсегда въ памяти русскаго народа. Если призваніе женщины въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы иногда исцѣлять,—часто помогать и всегда утѣшать, то Елена Павловна осуществила его вполнѣ и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Она сдѣлала все, что только было въ ея силахъ для исцѣленія русскаго народа отъ язвы узаконеннаго рабства,—она твердо и настойчиво поддерживала лучшихъ людей своего времени въ ихъ лучшихъ стремленіяхъ—и умѣла утѣшать ихъ въ минуты горечи и скорби...

А. Ѳ. Кони.

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Акад. А. Ѳ. Кони.

обираясь вести „процессъ противъ рабства“, императоръ Николай Первый чувствовалъ себя въ этомъ „важномъ вопросѣ“ совершенно одинокимъ. Тѣ, на чью нравственную поддержку или практическое содѣйствіе онъ могъ опереться, совершенно не раздѣляли его взглядовъ. Министры, по его словамъ, не хотѣли понять его „идей и чувствъ“, и даже самая мысль о необходимости преобразованія крѣпостного права ихъ пугала, а въ братьяхъ своихъ онъ встрѣчалъ въ этомъ отношеніи прямое противодѣйствіе. Въ не менѣе тяжеломъ положеніи могъ оказаться и его сынъ—императоръ Александръ Второй,—тѣмъ болѣе, что, въ смыслѣ твердости характера, непреклонной настойчивости и увѣренности въ себѣ, онъ значительно уступалъ отцу. Но, къ счастью для Россіи, о судьбѣ ея крестьянскаго населенія заботилось, по выраженію великой княгини Елены Павловны, „спеціальное Провидѣніе“, пославшее молодому государю въ нѣдрахъ его семьи нравственную поддержку и практическую опору, которыхъ такъ не доставало Николаю

Первому—въ лицѣ великой княгини Елены Павловны и его родного брата Константина Николаевича. Въ наиболѣе рѣшительныя минуты, предшествовавшія окончательному упраздненію крѣпостного права, послѣдній являлся твердымъ, сознательнымъ и всегда хорошо освѣдомленнымъ сторонникомъ отмѣны рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, „была клеймена Россія".

Такое положеніе, занятое великимъ княземъ въ одномъ изъ самыхъ жизненныхъ и вмѣстѣ роковыхъ вопросовъ дальнѣйшаго гражданскаго развитія родины, обусловливалось, главнымъ образомъ, личными его свойствами. Второй сынъ императора Николая, родившійся 9 сентября 1827 года, Константинъ Николаевичъ съ юныхъ лѣтъ былъ предназначенъ своимъ родителемъ къ морской службѣ. Въ воспоминаніяхъ мануфактуръ-совѣтника Рыбникова описывается обѣдъ, данный государемъ—при участіи и, вѣроятно, по совѣту Канкрина—группѣ московскихъ купцовъ въ Зимнемъ дворцѣ 13 мая 1833 года. Выведя къ гостямъ маленькаго сына своего Константина и взявъ его „за головушку", императоръ Николай сказалъ ему: „Кланяйся, кланяйся ниже! Ну, а теперь — ты вѣдь адмиралъ—полѣзай на мачту!"—и маленькій „адмиралъ" полѣзъ на высокаго и стройнаго отца и усѣлся у него на плечѣ.—„Ну, видите!—сказалъ государь собравшимся:—адмиралъ у меня исправный!"

Воспитаніе маленькаго „адмирала" было ввѣрено Ѳедору Петровичу Литке—моряку съ головы до ногъ, которому было поручено пріохотить ребенка къ морской службѣ и ввести его нервную, пылкую и впечатлительную натуру въ узкія рамки строгой дисциплины. Эту задачу Литке осуществлялъ съ большою настойчивостью и прямолинейностью, стараясь сосредоточить выдающуюся любознательность своего воспитанника на гидрографіи, физикѣ и на всѣхъ подробностяхъ морского дѣла въ теоріи и практикѣ, благодаря чему послѣдній восьмилѣтнимъ мальчикомъ уже былъ командиромъ военнаго брига. Этой узкой—для поставленнаго въ особо выгодныя условія воспитанія великаго князя—спеціализаціи тѣмъ легче было достигнуть, что преподаваніе остальныхъ наукъ было самимъ государемъ опредѣленнымъ образомъ отодвинуто на задній планъ. Даже такому испытанному представителю „умѣренности и аккуратности", какъ барону Модесту Андреевичу Корфу, призванному преподавать великому князю статистику и законовѣдѣніе, было внушено не останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, памятуя, что „лучшая теорія права есть добрая нравственность, живущая въ сердцѣ независимо отъ отвлеченностей" и имѣющая въ своемъ основаніи религію. Все это вмѣстѣ взятое могло выработать изъ Константина Николаевича спеціалиста съ тѣснымъ кругозоромъ, умѣлаго въ своемъ техническомъ дѣлѣ и совершенно чуждаго общимъ вопросамъ управленія. Въ той высокой средѣ, къ которой онъ принадлежалъ, подобные примѣры были, при чемъ люди, воспитанные на исключительномъ предпочтеніи „ратному дѣлу", опредѣляемые затѣмъ къ „штатскимъ дѣламъ", становились зачастую безсознательнымъ игралищемъ

вліятельныхъ честолюбцевъ, несмотря на свои добрыя, но безпомощныя намѣренія и „безкрылыя желанія“.

Ясный и прозорливый умъ великаго князя, жажда знанія и наклонность до всего доходить самому оберегли его отъ этой опасности. Онъ не былъ способенъ къ роли равнодушнаго созерцателя, и его живая воспріимчивость, подчасъ даже переходившая въ нервную впечатлительность, заставила его раньше многихъ понять потребности времени и ближайшія задачи Россіи послѣ Севастопольскаго погрома. Онъ не только душою отдался преобразовательнымъ стремленіямъ своего царствующаго брата, но, за исключеніемъ краткаго періода усталости и упадка духа, словомъ и дѣломъ, совѣтомъ и личнымъ участіемъ содѣйствовалъ успѣшному переходу великодушныхъ предположеній въ практическое осуществленіе. Въ его государственной дѣятельности бывали не разъ положенія, когда, казалось, онъ дѣйствовалъ въ духѣ мудраго изреченія Наполеона III: „Si vous allez contre le courant—il vous brise; si vous allez avec—il vous emporte, dévancez le—il vous suivra!“ Способность быстро схватывать существенное въ каждомъ новомъ явленіи, дѣлѣ или вопросѣ и ясно представлять себѣ его объемъ и значеніе очень помогала ему при этомъ. „Comme il a l'ésprit ouvert“, сказалъ послѣ бесѣды съ нимъ Тьеръ, и такое же мнѣніе высказалъ Лессепсъ по поводу удовольствія, испытаннаго имъ при развитіи передъ своимъ высокимъ гостемъ величаваго плана прорытія Суэцкаго перешейка. Къ этимъ свойствамъ присоединялось свободное и сильное владѣніе словомъ, переходившее по временамъ въ истинное краснорѣчіе. „Проектъ банковой реформы,—писала въ 1859 г. баронесса Эдита Ѳедоровна Раденъ,—прошелъ въ комиссіи благодаря краснорѣчію великаго князя; Милютинъ былъ въ восторгѣ отъ такта и живости, съ которыми онъ отвѣчалъ на возраженія противниковъ проекта“...

Эти стороны его личности создали и укрѣпили его близость съ великой княгиней Еленой Павловной въ духовномъ и волевомъ отношеніяхъ, и ими же пользовался выдающійся человѣкъ среди его приближенныхъ, постаравшійся, послѣ Литке, съ 1850 года расширить умственный горизонтъ воспитанника послѣдняго и дать его силамъ болѣе разностороннее примѣненіе. Это былъ Александръ Васильевичъ Головнинъ. Въ качествѣ секретаря великаго князя, онъ имѣлъ на него и во многихъ случаяхъ на его дѣятельность самое благотворное вліяніе. Человѣкъ широко образованный, умѣвшій соединять исполненіе глубоко сознаваемаго долга съ утонченными формами общежитія, Головнинъ, какъ видно изъ ненапечатанныхъ писемъ его къ фрейлинѣ Раденъ, вложилъ всю душу въ задачу неустанно поддерживать въ великомъ князѣ сознаніе своихъ обязанностей передъ родиной и направлять его способности на общественное служеніе. И это служеніе великаго князя началось еще при императорѣ Николаѣ и притомъ въ той области, которая пользовалась особымъ нерасположеніемъ лицъ власть имущихъ — въ области

печатнаго слова. Послѣ смерти Гоголя сочиненія его обратили на себя суровое вниманіе правительства. Второй части „Мертвыхъ душъ“ и „Авторской исповѣди“ грозило безусловное запрещеніе, а изданіе уже напечатанныхъ сочиненій великаго писателя было обставлено чрезвычайными затрудненіями. Цензурное вѣдомство даже запретило упоминать объ имени Гоголя въ печати, разрѣшивъ въ случаяхъ крайней необходимости лишь именовать его „однимъ извѣстнымъ писателемъ“, а Тургеневъ за некрологъ, посвященный памяти Гоголя, былъ посаженъ въ полицейскую кутузку и затѣмъ высланъ въ свою деревню подъ надзоръ полиціи. Великій князь принялся горячо хлопотать о снятіи этой дикой опалы, писалъ шефу жандармовъ князю Орлову и добился того, что сочиненія были разрѣшены къ выпуску, но лишь пройдя сквозь благонамѣренный фильтръ двухъ московскихъ цензоровъ, которые—въ чемъ могли — подвергли ихъ кастраціи, вытравляя Гоголевскій юморъ и силу выраженія. Узнавъ объ этомъ, великій князь предпринялъ вторичный походъ на защиту драгоцѣннаго достоянія русской литературы. Его письменное заступничество подѣйствовало на начальника Третьяго отдѣленія Дубельта, и сочиненія Гоголя увидѣли свѣтъ, не искаженныя усердіемъ „духомъ хладныхъ скопцовъ“. Точно такъ же впослѣдствіи, благодаря его настояніямъ, былъ разрѣшенъ выпускъ въ свѣтъ богословскихъ сочиненій Хомякова. Когда началась такъ называемая крымская война, скудная повременная печать того времени, поддѣлываясь подъ настроеніе официальнаго патріотизма, стала пѣть хвалебные гимны будущимъ блистательнымъ успѣхамъ нашего флота и его августѣйшаго начальника. Но этотъ льстивый хоръ „въ кредитъ“ внезапно долженъ былъ умолкнуть, вслѣдствіе циркуляра министра народнаго просвѣщенія по цензурному вѣдомству о томъ, что по желанію великаго князя Константина Николаевича должны быть впредь отклоняемы похвалы будущимъ, т.-е. еще не состоявшимся дѣйствіямъ нашего флота и намѣреніямъ генералъ-адмирала.

Когда повѣяло тепломъ новаго царствованія, и ледяной покровъ безмолвія и ложнаго благоденствія сталъ быстро таять, и всюду зажурчали ручейки пробуждающейся общественной жизни, одинъ изъ самыхъ глубокихъ, живыхъ и стремительныхъ изъ нихъ оказался въ вѣдомствѣ, подчиненномъ великому князю. „Морскому Сборнику“ принадлежитъ незабвенная честь широкаго почина гласности въ нашей печати. Покровительствуемый и оберегаемый Константиномъ Николаевичемъ, этотъ журналъ открылъ свои страницы для смѣлаго изобличенія всѣхъ язвъ, недостатковъ и злоупотребленій, которыми была полна жизнь страны, лежавшей „безглагольно, недвижимо“ у ногъ ограниченной и своекорыстной военной и гражданской бюрократіи. Для характеристики взглядовъ великаго князя на задачи управленія можетъ служить циркуляръ его въ ноябрѣ 1855 года. „Многочисленность формъ,—говорится въ немъ,—подавляетъ у насъ сущность административной дѣятель-

ности и обезпечиваетъ всеобщую офиціальную ложь. Если отдѣлить сущность отъ бумажной оболочки,—то, что есть, отъ того, что кажется,—правду отъ неправды и полуправды, то всюду окажется сверху блескъ — внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Прошу повторить мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, что я требую въ нихъ не похвалы, а истины и въ особенности откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ въ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что отчеты, въ которыхъ нужно будетъ читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью". Къ этому же времени относится и поразившее многихъ приглашеніе чиновъ Министерства Народнаго Просвѣщенія произвести ревизію морскихъ учебныхъ заведеній. Такимъ взглядомъ на необходимые пріемы своей дѣятельности обусловливалось и воззрѣніе великаго князя на общія потребности Россіи. „Важные жизненные вопросы, — писалъ онъ намѣстнику Кавказа князю Барятинскому въ 1857 году,—внутренней администраціи нашей требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія, а именно: о крѣпостномъ правѣ, о раскольникахъ, о крайней необходимости устроить судъ и полицію наши такъ, чтобы народъ находилъ гдѣ-нибудь судъ и расправу и чтобы высшія правительственныя лица не были вынуждены для достиженія благихъ цѣлей прибѣгать къ внѣзаконнымъ средствамъ. Мы слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и притомъ не только бѣднѣе матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ управленія".

Сомнительный и преходящій блескъ бранной славы не плѣнялъ великаго князя. Онъ, въ юныхъ годахъ написавшій записку о взятіи Царьграда съ моря и получившій въ 1849 году изъ рукъ фельдмаршала Паскевича Георгіевскій крестъ за боевыя отличія въ Венгерскую кампанію, рано сознаЛъ всѣ мрачныя стороны войны и ея роковыхъ послѣдствій. Вотъ почему онъ еще въ 1854 году вмѣстѣ съ великой княгиней Еленой Павловной горячо принялся за организацію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, которая легла впослѣдствіи въ основу Россійскаго общества Краснаго Креста. Вотъ почему также, тотчасъ по окончаніи крымской войны по его почину было создано Русское общество пароходства и торговли, призванное и умѣвшее въ значительной степени залѣчить раны, нанесенныя намъ въ Черномъ морѣ Парижскимъ трактатомъ. И въ своемъ собственномъ морскомъ вѣдомствѣ великій князь, ставъ его главою, предпринялъ рядъ мѣръ, въ которыхъ практически осуществлялось то, что теоретически разработывалось на страницахъ „Морского Сборника". Такъ, было ускорено морское судопроизводство, страдавшее крайнею медленностью; ограничено безконтрольное лишеніе свободы обвиняемыхъ; въ обращеніе съ привлеченными къ слѣдствію внесены начала „справедливости и человѣколюбія" и, наконецъ, введена въ производ-

ство военно-морского суда извѣстная гласность, такъ какъ, по распоряженію великаго князя, свѣдѣнія о важнѣйшихъ дѣлахъ стали помѣщаться въ „Морскомъ Сборникѣ“. Впослѣдствіи эти отчеты дали богатый матеріалъ для извѣстнаго сборника русскихъ уголовныхъ процессовъ, изданнаго Любавскимъ.

Взгляды и распоряженія Константина Николаевича и общественное вниманіе, возбуждаемое статьями „Морского Сборника“, въ которомъ, между прочимъ, были помѣщены „Вопросы жизни“ и педагогическія статьи Н. И. Пирогова, нравились далеко не всѣмъ. Общественные круги и отдѣльныя личности, доведшія Россію до тяжкихъ пораженій въ крымскую войну, видѣли въ дѣятельности великаго князя чреватыя непріятными для себя послѣдствіями новшества. Не рѣшаясь открыто порицать преобразовательныя намѣренія государя и надѣясь парализовать ихъ, они сосредоточили на его братѣ—смѣломъ поборникѣ этихъ преобразованій—свою затаенную вражду и явную подозрительность, пуская въ обращеніе разные клеветническіе вымыслы, памятуя, что отъ клеветы, какъ бы она ни была нелѣпа, всегда что-нибудь да останется. Надо при этомъ замѣтить, что пылкій характеръ великаго князя въ связи съ его законнымъ самолюбіемъ, заставлявшій его невольно чувствовать свое умственное превосходство надъ большинствомъ окружавшихъ его въ дѣловомъ и придворномъ мірѣ лицъ, выражался иногда въ рѣзкихъ выходкахъ и колючихъ выраженіяхъ. Сдержанность въ словахъ, которую онъ, забывая изреченіе „врачу, исцѣлися самъ“, рекомендовалъ въ 1861 г. Милютину, далеко не всегда была ему присуща, и въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ императора Александра Второго, про котораго онъ самъ писалъ Головнину въ 1882 году: „У покойнаго брата внимательность ко всѣмъ была развита въ сильнѣйшей степени съ самой ранней его молодости. Никто въ мірѣ не обладалъ въ такой степени, какъ онъ, тѣмъ, что называется „les attentions du coeur“, такою тонкою, милою, любезною благовоспитанностью — и потому-то онъ былъ всѣми такъ любимъ. Съ самаго ранняго дѣтства мнѣ его ставили въ примѣръ“. Но и Константинъ Николаевичъ былъ способенъ на утонченное вниманіе и обходительность съ людьми, внутреннюю сущность которыхъ онъ не могъ не цѣнить. Онъ умѣлъ обласкать старика Погодина, посѣщать больного историка Соловьева въ Нескучномъ и вызвать у Никитенки такую характеристику: „Великій князь очень привѣтливъ, обнаруживая много ума и прекрасное направленіе. Онъ понимаетъ, сколько у насъ фальши и властолюбія, жаждетъ правды и доказываетъ это на дѣлѣ,—онъ не только хорошо говоритъ, но и краснорѣчиво“. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ 1857 году Головнинъ отмѣчаетъ въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ, что великому князю необходимо заставить себя быть любезнымъ и вѣжливымъ со всѣми, иначе онъ будетъ нелюбимъ, «à cause de sa manière d'être et de ses formes qui blessent et froissent beaucoup de monde». Разгадку этой двойственности даетъ одно мѣсто изъ письма близкаго сотрудника вели-

каго князя въ морскомъ дѣлѣ Н. А. Шестакова А. В. Головнину изъ Нью Іорка въ 1859 году: „Странно, что Его Высочество, пріятный въ обращеніи съ людьми, которые не имѣютъ права ему противорѣчить, охотно допускаетъ въ нихъ полную независимость мнѣній, а въ столкновеніяхъ съ лицами, имѣющими по своему положенію право на противорѣчіе, становится жесткимъ и нетерпѣливымъ". Изъ этихъ свойствъ характера великаго князя, мягкаго по отношенію къ слабымъ и зависимымъ и исполненнаго боевой страстности по отношенію къ сильнымъ противникамъ, и вытекало то, что одновременно одни, какъ Никитенко, признавали въ немъ „представителя прогресса, защитника и главу партіи всѣхъ русскихъ мыслящихъ людей", а другіе, затаивъ уколы своему самолюбію, пускали про него, выражаясь словами нашихъ былинъ, „шипъ по-змѣиному". Надо, впрочемъ, замѣтить, что и впадая въ рѣзкій и страстный тонъ среди преній, Константинъ Николаевичъ, остывъ, нерѣдко сознавалъ свою ошибку и не отдавался чувству мелкаго самолюбія. Такъ, напримѣръ, рѣзко прервавъ въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта соображенія К. К. Грота по вопросу о Ліонскомъ Кредитѣ, онъ разыскалъ въ Парижѣ уѣхавшаго туда оскорбленнаго Грота и, прямодушно признавъ свою вину, просилъ его забыть прошедшее.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ давно жила въ душѣ великаго князя и, несомнѣнно, была одной изъ крѣпко связующихъ нитей между нимъ и Еленой Павловной. Уже весною 1855 года онъ говорилъ о желательности этой реформы, а въ предѣлахъ своего управленія сталъ ее и осуществлять. Такъ, ознакомясь въ 1856 году съ тяжкимъ положеніемъ казенныхъ поселянъ, водворенныхъ около Петербурга на Охтѣ и отданныхъ въ крѣпостную зависимость начальству Петербургскаго адмиралтейства, великій князь настоялъ на разработкѣ мѣръ объ отпускѣ ихъ на волю, и когда черезъ два года этотъ отпускъ сталъ совершившимся фактомъ, то тѣ же самыя мѣры были приняты и относительно крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости отъ адмиралтейскаго начальства въ Черномъ морѣ.

Не даромъ Н. А. Милютинъ, зная настроеніе и способность къ борьбѣ великаго князя, считалъ его годнымъ стать твердой нравственной опорой назрѣвшему великому дѣлу и указывалъ на него Еленѣ Павловнѣ въ октябрѣ 1856 года, какъ на человѣка, который обладаетъ необходимымъ авторитетомъ и независимостью, чтобы быть выразителемъ ея великодушныхъ намѣреній и поддерживать ихъ въ государѣ въ неизбѣжныя минуты колебанія. Великій князь оправдалъ надежды, возлагаемыя на него „кузнецомъ-гражданиномъ", и, будучи назначенъ членомъ Секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу, ярко и энергично, безъ уступокъ и недомолвокъ, сталъ проводить свой взглядъ, опираясь на Ланского и Ростовцева и возбуждая худо скрываемое озлобленіе въ тѣхъ членахъ комитета, которые мечтали погубить начатое дѣло канцелярскимъ изморомъ. Онъ шелъ, однако, къ цѣли безъ колебаній и сомнѣній

Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Бібліятэка

своего старшаго брата, по отношенію къ которому въ защиту крѣпостного права было, къ несчастью, употреблено испытанное и прежде, и впослѣдствіи презрѣнное, но вѣрное средство воздѣйствія. „Il faut agir sur l'Empereur par la peur du danger,—открылся Валуеву М. Н. Муравьевъ, горячій защитникъ крѣпостного строя:—il ne faut pas dire que ce danger vient de la démocratie; il faut simplement parler du danger". Послѣ трехъ бурныхъ засѣданій комитета большинство, вооружившись „осторожностью и постепенностью", нашло, что для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ достаточно предоставить дворянамъ право отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями. Это мнѣніе большинства удостоилось Высочайшаго утвержденія. Освобожденіе, казалось, было, такимъ образомъ, отложено на продолжительное время. Но „спеціальное Провидѣніе", о которомъ писала Елена Павловна, позаботилось, въ лицѣ сѣверо-западнаго генералъ-губернатора, о быстромъ сокращеніи этого срока. Внушенный имъ адресъ дворянства литовскихъ губерній, переданный въ Секретный комитетъ для немедленнаго обсужденія, вызвалъ выработку знаменитаго отвѣта Назимову 20 ноября 1857 года. Съ этого началось образованіе комиссій для составленія проектовъ устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, что въ сущности обозначало освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости. Повсемѣстное образованіе такихъ комиссій было проведено великимъ княземъ съ большимъ искусствомъ и прозорливостью. Рескриптъ предписывалъ въ сущности мѣстную мѣру, которая могла ничѣмъ не отразиться на общемъ положеніи вещей и въ особенности не вызвать общаго движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Поэтому Константинъ Николаевичъ сталъ настаивать на разсылкѣ рескрипта и сопровождавшаго его подробнаго разъясненія министра внутреннихъ дѣлъ Ланского ко всѣмъ губернаторамъ, вѣрно разсчитавъ, что послѣдніе примутъ эту разсылку, какъ выраженное свыше желаніе и приглашеніе возбудить и у себя вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. По отзывамъ нѣкоторыхъ современниковъ, большинство комитета, враждебно настроенное противъ великаго князя, не оцѣнило значенія его предложенія и любезно дало свое согласіе. Ланской и Милютинъ приняли всѣ мѣры, чтобы рескриптъ и приложеніе къ нему были немедленно отпечатаны и въ ближайшую ночь разосланы по принадлежности. На другой день тяжкодумы большинства поняли, какой роковой для себя шагъ они одобрили, и рѣшили испросить Высочайшее повелѣніе на пріостановку разсылки, но было поздно и почта уже разносила во всѣ концы первый благовѣстъ начинавшейся отмѣны крѣпостного ига..

Положеніе великаго князя не только, какъ брата государя, но и какъ главы морского вѣдомства, имѣвшаго свои всеподданнѣйшіе доклады, давало ему возможность поддерживать государя въ его намѣреніяхъ на почвѣ дѣловыхъ объясненій, въ то время, когда его благородная союзница охраняла настроеніе государя всѣми способами, которые диктовало ей сердце и

указывалъ, исполненный такта, умъ. Благодаря этому, Константину Николаевичу удалось провести оглашеніе въ печати главныхъ началъ предположенной реформы, а также опубликованіе рескриптовъ и министерскихъ циркуляровъ. Но это было достигнуто путемъ напряженной борьбы съ большинствомъ, которое, по остроумному замѣчанію Тютчева, готово было думать, что и страшный судъ долженъ будетъ происходить при закрытыхъ дверяхъ. Во время этой борьбы страстность выраженій Константина Николаевича не разъ давала поводъ его противникамъ злорадно разносить вѣсти о его враждебномъ отношеніи къ одной изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ упраздненія крѣпостного права. Если припомнить, что медленность дворянства нѣкоторыхъ губерній въ ходатайствѣ объ учрежденіи комитета парализовала дальнѣйшее движеніе работъ и вызывала замедленіе въ дѣлѣ, гдѣ нужно было „ковать по горячему“, то вспышки раздраженія великаго князя въ виду сплоченнаго большинства противниковъ представляются вполнѣ понятными. Кто ничего не любитъ, того ничто и не приводитъ въ негодованіе, и люди, понимавшіе тяжелую и важную задачу, которую принялъ на себя великій князь, могли пожалѣть лишь о формѣ, въ которой выражался его гнѣвъ, но не могли не сочувствовать праведности самого гнѣва.

Въ началѣ 1858 года Секретный комитетъ былъ переименованъ въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу и вскорѣ началъ обсуждать предположенія и проекты Положенія губернскихъ комитетовъ, вырабатывая основныя начала освобожденія крестьянъ при дѣятельномъ участіи великаго князя. Послѣднее выразилось не только въ проведеніи широкихъ взглядовъ на предстоящую реформу въ смыслѣ ея безповоротности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ переписка Елены Павловны съ Милютинымъ, но и въ роли примирителя разногласій и разнорѣчій въ средѣ искреннихъ сторонниковъ этихъ широкихъ началъ. Старая славянская привычка итти въ разбродъ, несмотря на общность цѣли, проявилась и въ Главномъ Комитетѣ въ формѣ важныхъ разнорѣчій между такими видными дѣятелями, какъ Ростовцевъ и Ланской. Константину Николаевичу личными бесѣдами, уговорами и согласительными предложеніями удалось сгладить это явленіе, которое могло оказаться роковымъ для успѣха всего дѣла. Такъ создалось, наконецъ, Основное Положеніе, послужившее фундаментомъ для работъ редакціонной комиссіи.

Съ учрежденіемъ послѣдней занятія Главнаго Комитета сами собою пріостановились на неопредѣленный, но во всякомъ случаѣ на долгій срокъ, и великій князь могъ уѣхать въ продолжительное путешествіе по Европѣ и ко святымъ мѣстамъ. Повидимому, онъ былъ душевно утомленъ перенесенной борьбою и, вѣроятно, не былъ въ силахъ совершенно равнодушно относиться къ злобѣ и клеветѣ, дыханіе которыхъ онъ, несмотря на свое высокое положеніе, не могъ не ощущать вокругъ себя. Къ этому присоединился и чувствительный ударъ, нанесенный его любимому дѣтищу—„Морскому Сборнику“,

подчиненіемъ его общей цензурѣ съ ея боязливой оглядкой во всѣ стороны. Протестъ представителя Военнаго Министерства противъ напечатанія въ „Морскомъ Сборникѣ“ статьи о возмутительныхъ порядкахъ въ военныхъ госпиталяхъ въ Николаевѣ во время крымской войны вызвалъ распоряженіе великаго князя о передачѣ статьи на благоусмотрѣніе военнаго министра при заявленіи, что „если бы злоупотребленія, такъ ярко выставленныя въ этой статьѣ, относились къ морскому вѣдомству, то горькая истина не встрѣтила бы препятствій къ помѣщенію въ „Морскомъ Сборникѣ“, но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ лица, по справедливости подлежащія карѣ общественнаго мнѣнія, состояли на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, то“ и т. д. Можно себѣ представить, какъ тяжело было великому князю видѣть подведеніе „Морского Сборника“, какъ органа для вызова „справедливой кары общественнаго мнѣнія“, подъ общій уровень спеціальныхъ журналовъ, интересующихъ только свое вѣдомство. Не даромъ онъ горячо ратовалъ впослѣдствіи (въ 1865 году) за отмѣну предварительной цензуры при выработкѣ закона о печати,—въ 1869 году возражалъ противъ внесенныхъ въ Государственный Совѣтъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предложеній о новыхъ стѣснительныхъ мѣрахъ противъ печати—и, по удостовѣренію Никитенко, выражалъ Тимашеву свое негодованіе по поводу временнаго запрещенія въ 1872 году газеты „Голосъ“.

Близкихъ къ великому князю людей обезпокоивало то настроеніе, въ которомъ онъ отправился въ заграничное путешествіе, высказывая,—какъ это видно изъ писемъ Головнина къ баронессѣ Раденъ, несомнѣнно, предназначенныхъ для прочтенія Еленѣ Павловнѣ, и изъ писемъ Шестакова къ Головнину,—нежеланіе впредь заниматься общественными вопросами, замкнувшись въ занятіе исключительно морскимъ дѣломъ. „Я настаиваю,—писалъ Головнинъ изъ Палермо, гдѣ жилъ съ великимъ княземъ,—чтобы все свободное время онъ посвящалъ изученію финансовъ, политической экономіи и исторіи правительственныхъ учрежденій различныхъ странъ и вносилъ въ свои занятія какъ можно болѣе вниманія и умственнаго труда, возвращаясь не разъ къ одному и тому же вопросу для того, чтобы обдумать его со всѣхъ сторонъ. Для этого мы взяли съ собою избранную библіотеку“.—„Мнѣ хочется отвлечь его,—писалъ Головнинъ въ другомъ письмѣ,—и отъ увлеченій мелочными вопросами управленія морскимъ вѣдомствомъ, направивъ его трудолюбіе въ другую сторону. Я боюсь, что, проводя цѣлые дни въ мастерскихъ Кронштадта и вникая во всѣ мелочныя подробности, какъ простой капитанъ корабля, онъ можетъ размѣняться на мелочь и потерять вліяніе въ дѣлахъ общегосударственной важности. Скажите великой княгинѣ (Еленѣ Павловнѣ), что мнѣ страстно хочется получить увѣренность, что въ лицѣ великаго князя отечество пріобрѣло государственнаго мужа, а не рядового капитана корабля“. Въ этомъ стремленіи поддерживалъ Головнина и Н. А. Шестаковъ. Въ замѣчательномъ письмѣ изъ Нью-Іорка въ мартѣ 1859 года, которое еще ждетъ

своего времени для напечатанія, Шестаковъ, негодуя на запрещеніе Аксаковскаго „Паруса“, пишетъ: „Никакія административныя улучшенія не укоренятся безъ будящей силы гласности, и въ этомъ случаѣ великому князю должно употребить все свое вліяніе, ибо въ его положеніи нужно дѣлать не только должное, но и все возможное, чтобы не приходилось доискиваться, разбирая его дѣйствія, не того, что онъ совершилъ, а того, что онъ могъ бы совершить, а не захотѣлъ“. Говоря затѣмъ о необходимости вліянія великаго князя на государственные вопросы, Шестаковъ замѣчаетъ: „Апатія къ дѣламъ общественнымъ имѣла у насъ долгій періодъ; вопреки вѣковымъ урокамъ и влеченіямъ человѣческой натуры къ общественной жизни, мы долго упорствовали и думали, что общественныя дѣла касаются только правительства. Горькій финалъ достойно наказалъ насъ за равнодушіе, и русская мысль пробудилась послѣ Парижскаго мира. Нейтралитетъ въ такихъ обстоятельствахъ однозначащъ самоубійству. Кому больше дано, отъ того больше и требуется—и, поднявши флагъ прогресса въ своемъ вѣдомствѣ, адмиралъ нашъ по силѣ вещей долженъ водружать его вездѣ, гдѣ представится возможность... Я понимаю, что положеніе Его Высочества затруднительно и дряхлые враги все-таки будутъ врагами. Но сильный умъ видитъ отраду въ борьбѣ, а не въ бездѣйствіи или безмолвномъ согласіи. Отъ человѣка въ положеніи великаго князя требуется гражданская смѣлость точно такъ же, какъ отъ меня — личная храбрость. Недостатокъ той и другой обоимъ неизвинителенъ“. Рисуя затѣмъ свѣтлое будущее Россіи подъ вліяніемъ намѣченныхъ государемъ преобразованій, Шестаковъ пишетъ: „Когда исчезнутъ приверженцы хаоса, то возможно ли великому князю остаться между канувшимъ безвозвратно прошедшимъ и настоящимъ, которому не содѣйствовалъ въ горькомъ уединеніи, тѣмъ болѣе несносномъ, что внутренній голосъ будетъ постоянно твердить о сдѣланной ошибкѣ“. Высказываемые Шестаковымъ и Головнинымъ взгляды находили себѣ подтвержденіе и въ перепискѣ, которую вела съ великимъ княземъ Елена Павловна, очень интересуясь его планами и настроеніемъ. По свидѣтельству князя Д. А. Оболенскаго, она тотчасъ по кончинѣ императора Николая Павловича начала принимать мѣры, чтобы убѣдить великаго князя не устранять себя отъ близкаго участія въ дѣлахъ общаго правленія и не ограничиваться, въ разговорахъ съ государемъ, одними спеціальными интересами Морского Министерства. Она припоминала, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ систематически устранялъ себя въ началѣ царствованія своего брата отъ всякаго участія въ дѣлахъ невоенныхъ и какъ самъ впослѣдствіи скорбѣлъ объ этомъ. Съ своей стороны Н. А. Милютинъ снабжалъ Головнина, для доклада великому князю, копіями съ различныхъ записокъ и журналовъ важнѣйшихъ засѣданій по крестьянскому дѣлу. Наконецъ, и самъ государь сказалъ Еленѣ Павловнѣ про него: „Constantin est fatigue des affaires, mais il pourra être utile“.

Отдыхъ и новыя впечатлѣнія оживили Константина Николаевича и пробудили въ его душѣ прежнюю энергію. Онъ вернулся въ Петербургъ осенью 1859 года съ горячимъ желаніемъ видѣть свершонными сначала у себя въ вѣдомствѣ, гдѣ онъ былъ менѣе всего связанъ, важныя реформы и притомъ такія, которыя по свойству своему и неизбѣжной необходимости должны были разрастись до общегосударственнаго объема. Такова была реформа военно-морского суда, проектъ которой, напечатанный въ „Морскомъ Сборникѣ“, послужилъ во многомъ образцомъ для будущихъ работъ по этой части и обратилъ особое вниманіе общества, печати и ученыхъ круговъ на основы, условія и способы осуществленія преобразованія общихъ судовъ имперіи. Такова была могущественная поддержка, оказанная имъ благородному почину нашего посланника въ Бельгіи князя Н. А. Орлова по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ своемъ заключеніи о цѣлесообразности и своевременности уничтоженія „наказаній на тѣлѣ“ генералъ-адмиралъ указывалъ на разрушительное дѣйствіе ихъ на народную нравственность и на ошибочность взгляда, что ихъ жестокостью можетъ быть поддержана дисциплина—и горячо присоединялся къ князю Орлову въ требованіи отмѣны прикровенной смертной казни подъ названіемъ плетей и шпицрутеновъ. Онъ такъ страстно желалъ увидѣть отмѣну этихъ наказаній въ области военнаго дѣла, что въ особой запискѣ предлагалъ немедленно осуществить это по военному и морскому вѣдомствамъ, не ожидая, пока подобная же мѣра пройдетъ въ законодательномъ порядкѣ по гражданскому вѣдомству.

Судьба готовила ему по возвращеніи въ Россію новыя испытанія, но и новое широкое поле для благотворной дѣятельности. Въ октябрѣ 1859 года предъ самымъ поступленіемъ работъ редакціонной комиссіи въ Главный комитетъ, предсѣдатель послѣдняго—князь Орловъ тяжко заболѣлъ, и Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ на его мѣсто. „Я прошу его,—писалъ Головнинъ 4 октября 1860 года баронессѣ Раденъ,—перечесть мѣста, отмѣченныя мною въ проектѣ Положенія, выработанномъ Редакціонной комиссіей, вызвать къ себѣ Милютина, князя Черкасскаго и Самарина и просить ихъ устныхъ разъясненій и опроверженій мнѣній графа Панина и вообще отдать все свое время дѣлу „эмансипаціи“, по крайней мѣрѣ на шесть недѣль, передавъ адмиралу Краббе всѣ мелочи управленія Морскимъ Министерствомъ“, а 6 октября онъ извѣщалъ Раденъ о томъ, что великій князь рѣшилъ поступить согласно его совѣту. Приступивъ прежде всего къ изученію проекта Положенія, онъ приготовился выслушать Милютина и его друзей, уже вооруженный подробнымъ знакомствомъ съ ихъ трудомъ. Когда великая княгиня Елена Павловна сказала ему, что скромность мѣшаетъ Милютину самому явиться безъ приглашенія, онъ отвѣчалъ ей, что онъ не только хочетъ, но долженъ видѣться съ Милютинымъ, но не могъ этого сдѣлать лишь потому, что не успѣлъ еще познакомиться съ Положеніемъ и изучить

памятникъ, который навѣки составитъ великую честь редакціонной комиссіи... Свиданіе состоялось въ двадцатыхъ числахъ октября, и хотя Милютинъ, Самаринъ и князь Черкасскій не могли быть введены въ составъ Главнаго Комитета, но великій князь пригласилъ Милютина для постоянныхъ совѣщаній и, кромѣ того, часто обращался за разъясненіями и совѣтами къ двумъ вышеназваннымъ друзьямъ, сотрудникамъ и единомышленникамъ послѣдняго. Они же составляли для великаго князя рядъ записокъ по отдѣльнымъ вопросамъ, возбуждавшимъ или грозившимъ возбудить въ Главномъ Комитетѣ особенно острыя пренія и разногласія.

Одного умѣнія выбирать людей для истиннаго государственнаго человѣка еще мало. Надо довѣрять имъ и, умѣя отложить въ сторону личное самолюбіе, прислушиваться къ нимъ и опираться на ихъ опытъ, знаніе и совѣсть. Это умѣнье существовало у главнѣйшихъ дѣятелей „эпохи реформъ“. Обладалъ имъ въ высшей степени и великій князь. Съ первыхъ же засѣданій Главнаго Комитета подъ его предсѣдательствомъ онъ показалъ себя хозяиномъ своего дѣла и врагомъ всякихъ канцелярскихъ оттяжекъ и искусственно создаваемыхъ промедленій. Онъ сразу двинулъ вопросъ о переустройствѣ земской полиціи, безъ котораго, т.-е., главнымъ образомъ, безъ замѣны выборныхъ дворянствомъ исправниковъ назначаемыми правительствомъ, практическое осуществленіе Положеній могло встрѣтить разныя препятствія. Въ сорока слишкомъ засѣданіяхъ комитета, посвященныхъ разсмотрѣнію Положенія, продолжавшихся зачастую болѣе семи часовъ подъ рядъ, онъ показалъ себя безпристрастнымъ, какъ предсѣдатель, и свѣдущимъ, настойчивымъ и неустаннымъ труженикомъ, какъ участникъ въ общей работѣ. Его не останавливало утомленіе, и по свидѣтельству М. И. Семевскаго онъ читалъ и изучалъ до глубокой ночи дѣла, назначенныя къ докладу, затѣмъ нерѣдко самъ приходя на помощь докладчику въ засѣданіяхъ.

Въ рѣчи, сказанной при закрытіи редакціонной комиссіи, государь упомянулъ, между прочимъ, о томъ, что въ ея трудѣ, „быть можетъ, многое придется измѣнить“. Эти слова были поняты очень односторонне и окрылили надежды людей, желавшихъ видѣть дѣло освобожденія сведеннымъ на нѣтъ и при возможности всемѣрно содѣйствовать этому. Къ числу послѣднихъ принадлежали и члены комитета, составлявшіе большинство. Разбить эти надежды, устранивъ въ душѣ государя сомнѣнія, вызываемыя разногласіемъ по существу реформы и поддерживаемыя съ разныхъ сторонъ,— становилось одной изъ главныхъ задачъ Константина Николаевича. Онъ выполнилъ ее блистательно.

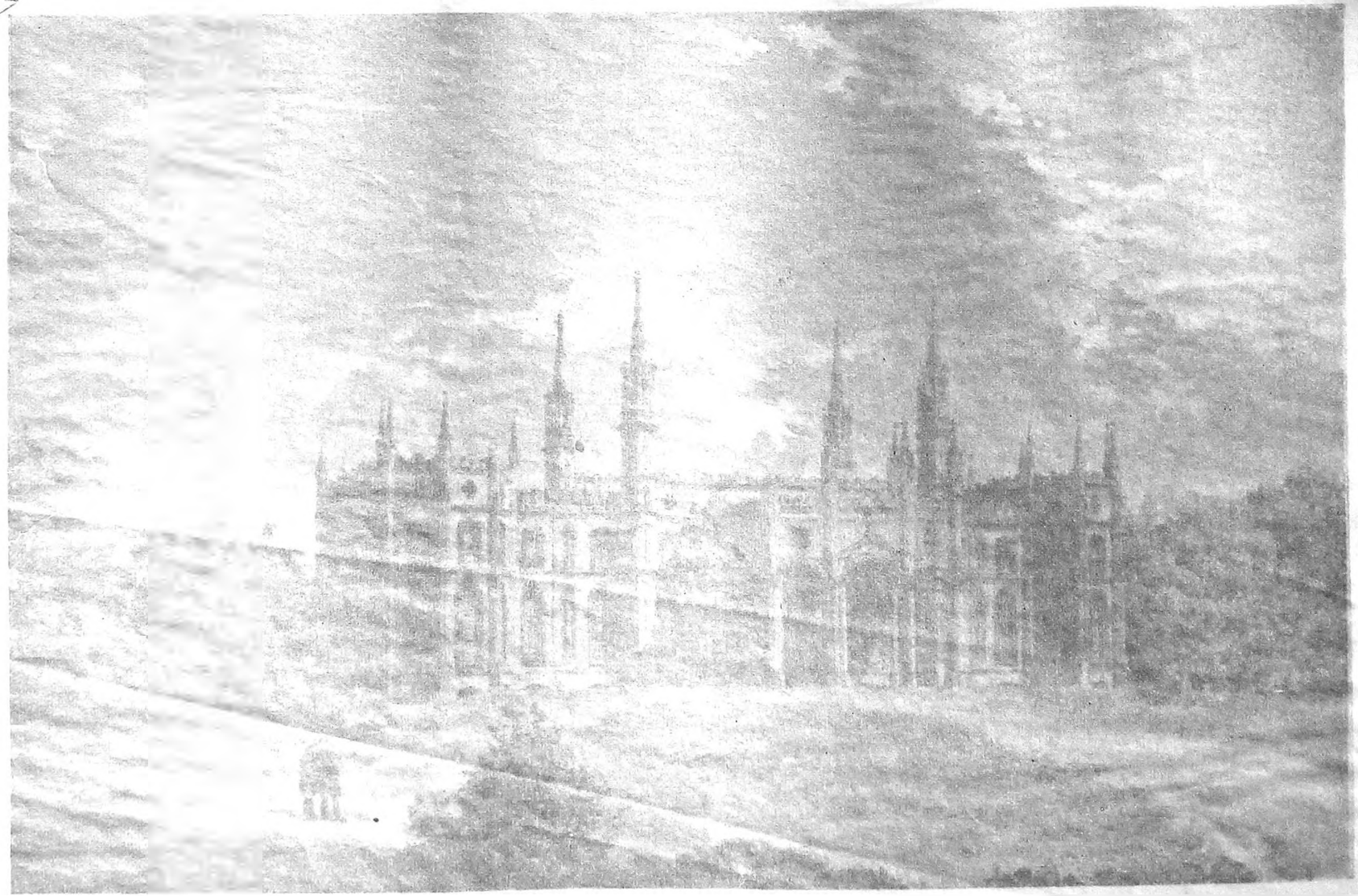
За проектъ редакціонной комиссіи, кромѣ великаго князя, стояло только три члена комитета: Ланской, Чевкинъ и гр. Блудовъ, вполнѣ сочувствовавшіе дѣлу освобожденія крестьянъ. Большинство шести членовъ отвергало проектъ редакціонной комиссіи и наиболѣе рѣшительно основную его часть — позе-

мельное устройство крестьянъ. Эти шесть членовъ, одинаково стремившіеся урѣзать возможно болѣе земельные надѣлы освобождаемыхъ крестьянъ, не успѣли, однако, прійти между собою къ соглашенію и разбились на три мнѣнія: М. Н. Муравьева, князя Гагарина и графа Панина. Горячо и ясно доказывалъ великій князь, какъ сообщаетъ П. П. Семеновъ, что при осуществленіи предположеній этихъ трехъ лицъ крестьяне будутъ надѣлены землею въ размѣрахъ, недостаточныхъ для поддержанія ихъ благосостоянія, такъ какъ по проекту гр. Панина у крестьянъ отойдетъ одна треть надѣловъ, обезпечивавшихъ ихъ бытъ ранѣе, при крѣпостномъ правѣ; по проекту Муравьева у нихъ должна быть отобрана большая половина этихъ надѣловъ, а по мысли князя Гагарина—три четверти.

Два мѣсяца тянулось это разногласіе, а между тѣмъ противники освобожденія работали, не покладая рукъ и не давая отдыха своему языку, предвѣщавшему великія бѣдствія Россіи въ случаѣ принятія Положеній. Не говоря уже о томъ, что знаменитый митрополитъ московскій Филаретъ находилъ, что „предпріемлемому обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса, но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія“, а въ письмахъ къ своему лаврскому намѣстнику Антонію по поводу болѣзни популярнаго въ Москвѣ „степеннаго боярина“ кн. С. М. Голицына, взывалъ: „спаси, Господи, благородное сословіе, — спаси чинъ благородный, яко оскудѣ боярынъ“,—самъ Голицынъ, по слухамъ, передаваемымъ Плетневымъ, благодарилъ Бога за близкую смерть свою, посланную въ эпоху наступающаго бѣдствія Россіи, разумѣя „эманципацію крѣпостныхъ“. Въ декабрѣ 1860 года въ Петербургѣ появилась и стала ходить по рукамъ записка графа Дмитрія Андреевича Толстого, прямо направленная противъ редакціонной комиссіи и представленная чрезъ одного изъ приближенныхъ лицъ государю. Въ ней будущій видный и властный министръ двухъ министерствъ и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, набросившій мрачную тѣнь своей дѣятельности на два съ половиной десятилѣтія русской общественной жизни, доказывалъ, извращая проектъ редакціонной комиссіи, что она раздѣляетъ упраздненіе крѣпостного права на три періода—барщинный, оброчный и выкупной, при чемъ, барщина будетъ невозможна потому, что крестьяне не будутъ работать,— оброкъ не поступитъ, такъ какъ крестьяне не станутъ платить, а выкупъ невозможенъ, потому что облигаціи ничего не будутъ стоить. — Для того, чтобы разъяснить истинную подкладку этой записки, пришлось прибѣгнуть къ контръ-запискѣ Ланского, составленной княземъ Черкасскимъ, и къ содѣйствію Елены Павловны и великаго князя. Отравленное оружіе было отпарировано, и на запискѣ Толстого была положена отмѣтка государя: „Это не мнѣніе, а пасквиль, доказывающій недоброжелательность или незнаніе дѣла“.

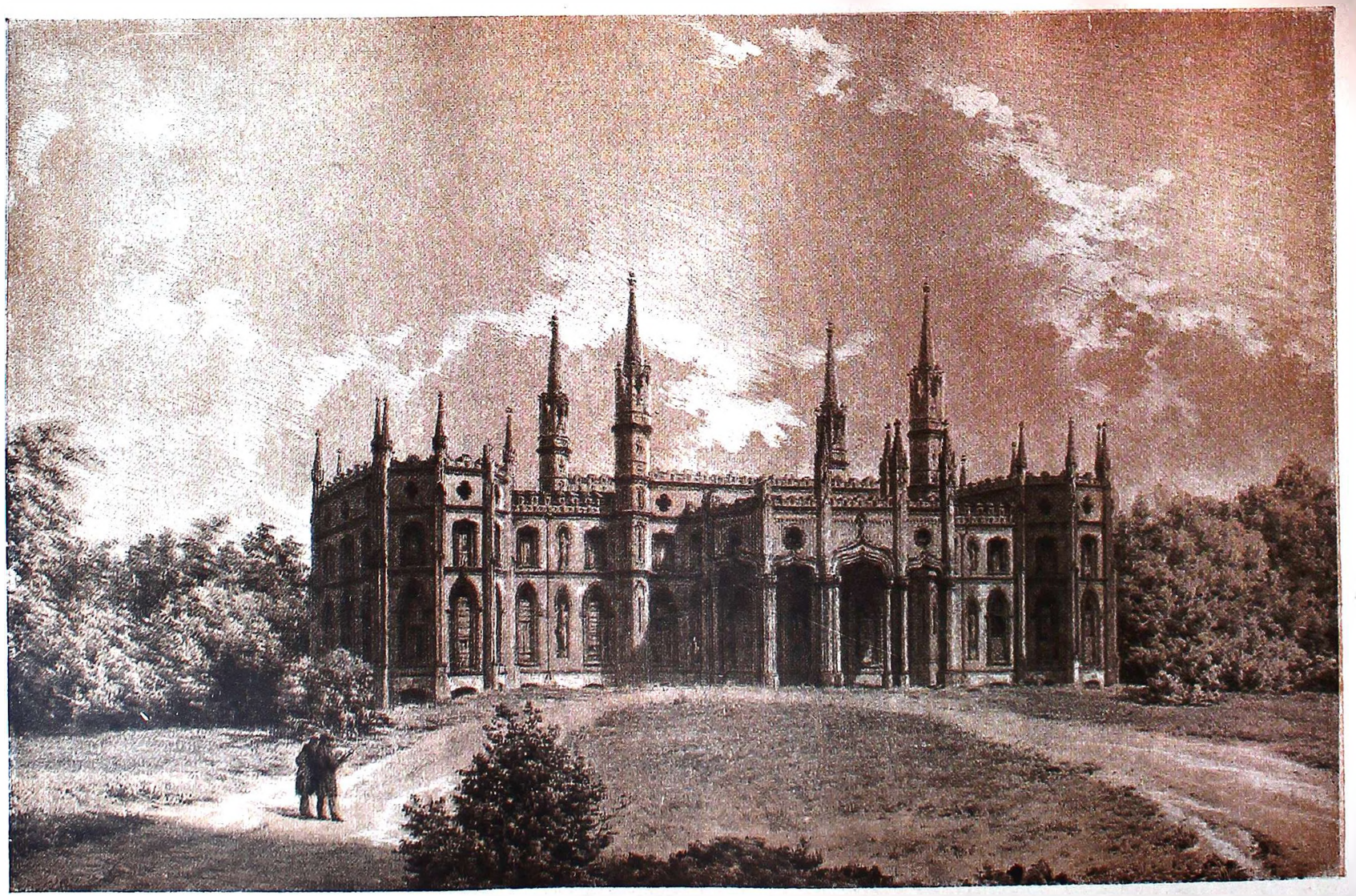
Поэтому явилась неотложная необходимость добиться въ Главномъ Комитетѣ хотя бы относительнаго большинства голосовъ и, опираясь на него, дать рѣшительное движеніе затормозившейся работѣ, результату которой ежедневно грозили опасныя осложненія и колебанія. Великій князь рѣшился употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить графа Панина, наиболѣе вліятельнаго изъ своихъ противниковъ, присоединиться къ мнѣнію трехъ членовъ, одинаково сочувствовавшихъ проекту редакціонной комиссіи. Константинъ Николаевичъ пригласилъ графа Панина на вечернее совѣщаніе 11 декабря 1860 года въ Мраморный дворецъ и въ помощь себѣ призвалъ бывшаго члена редакціонной комиссіи П. П. Семенова. „Никогда не изгладятся изъ моей памяти,—говоритъ П. П. Семеновъ,—тѣ усилія ума и воли, благодаря которымъ, послѣ двухчасовыхъ горячихъ споровъ, происходившихъ въ кабинетѣ великаго князя, ему удалось убѣдить графа Панина присоединиться къ мнѣнію меньшинства Комитета, отказаться отъ мнѣнія о необходимости предоставить помѣщикамъ вотчинную полицію въ имѣніяхъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ соображеній второстепеннаго значенія, хотя Панину и удалось настоять на нѣкоторомъ уменьшеніи надѣловъ отпускаемыхъ на волю крестьянъ, но, однако, не въ той мѣрѣ, какъ онъ считалъ это нужнымъ“.

Такимъ образомъ, трудъ редакціонной комиссіи былъ въ существенныхъ своихъ частяхъ спасенъ, и Положенія приняты Главнымъ Комитетомъ. Послѣднее соединенное засѣданіе этого комитета съ Совѣтомъ Министровъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ самого государя состоялось 26 января 1861 года. Государь благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ Положеній, и особенно великаго князя Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ обнялъ и поцѣловалъ. О редакціонной комиссіи онъ отозвался, что на нее сильно нападали, по большею частью совершенно несправедливо, главнымъ образомъ, по незнанію дѣла. Затѣмъ государь объявилъ, что, допустивъ при обсужденіи этого дѣла для всѣхъ и каждаго полную свободу выражать свое мнѣніе, онъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ и хочетъ, чтобы дѣло было кончено непремѣнно къ 15 февраля. „Этого,—сказалъ онъ,—я желаю, требую и повелѣваю“. 28 января 1861 года принятые Главнымъ Комитетомъ проекты Положеній внесены на обсужденіе общаго собранія Государственнаго Совѣта. Засѣданіе это государь открылъ рѣчью, которая, по отзыву Головнина, доказала глубокое пониманіе имъ всей совершаемой реформы и обнаружила при этомъ, по словамъ князя Черкасскаго, такую мудрую твердость воли и такое величавое спокойствіе, что это произвело величайшее и всеобщее впечатлѣніе, пришедшееся, быть-можетъ, „не всѣмъ по нутру“ Эти „не всѣ“ въ Государственномъ Совѣтѣ сначала пріуныли, но потомъ стали все-таки готовиться къ борьбѣ путемъ разбитія „Положенія“ по мелочамъ. „Противъ насъ,—говорили они,—выстроили цѣлую стѣну, но мы попробуемъ разобрать ее по

Остатокъ Паковскаго замка въ Сувалкской губ.

(Альбомъ *Орда*).

Беларускі Дзярж. Універсітэт
№
Бібліятэка

кирпичикамъ". Этого сдѣлать, однако, не удалось. Сочувствіе государя взглядамъ и направленію своего брата было выражено слишкомъ ясно, и убѣжденное слово послѣдняго одержало окончательную побѣду. Противникамъ освобожденія пришлось ограничиться распусканіемъ слуховъ о предстоящихъ народныхъ волненіяхъ и безпорядкахъ и о гибельныхъ ближайшихъ послѣдствіяхъ реформы. Даже митрополитъ Филаретъ писалъ въ это время: „Говорятъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ было большинство голосовъ въ пользу малаго надѣла земли крестьянамъ, но утверждено мнѣніе меньшинства—въ пользу большого надѣла. Оскудѣніе надолго или не надолго кажется неизбѣжно. Да спасетъ Господь отъ большаго нестроенія" и затѣмъ: „Господи, пощади Царя и спаси насъ! Въ газетѣ „Нордъ" было сказано, что для выкупа отъ помѣщиковъ крестьянъ будутъ употреблены сокровища церквей и монастырей. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ и, между прочимъ, что первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри и церкви. Согрѣшихомъ, да впадемъ въ руцѣ Господни: но пощади, Господи, церковь Твою!"

Наконецъ, 19 февраля былъ подписанъ приснопамятный манифестъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ особомъ рескриптѣ на имя великаго князя, государемъ торжественно и всенародно признано значеніе дѣятельности его въ великомъ дѣлѣ. „Я не забуду и со мною, конечно, вся Россія не забудетъ, какъ дѣйствовали въ семъ важномъ случаѣ ваше высочество", говорилъ въ рескриптѣ государь, а черезъ девятнадцать лѣтъ, въ день двадцатипятилѣтія своего царствованія, въ рѣчи своей Государственному Совѣту назвалъ Константина Николаевича „своимъ первымъ помощникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ". Руководство осуществленіемъ великаго преобразованія и надзоръ за нимъ были одновременно съ изданіемъ манифеста возложены на Постоянный комитетъ о сельскомъ состояніи и во главѣ его, по праву знанія, труда и заслугъ, поставленъ великій князь. Ему предстояло трудное дѣло охраны вновь созданныхъ отношеній отъ всякаго рода стремленій ослабить и исказить великое дѣло въ его житейскомъ примѣненіи. И онъ бодро и зорко стоялъ на своемъ посту двадцать слѣдующихъ лѣтъ. Участіе въ упраздненіи крѣпостного права составляло въ нерадостные дни его жизни отрадное для него воспоминаніе, и когда исполнилось четверть вѣка со дня этого событія, онъ созвалъ своихъ старыхъ сотрудниковъ и соратниковъ въ этомъ дѣлѣ и былъ, по словамъ П. П. Семенова, „свѣтелъ и радостенъ, великодушно забывъ все тяжелое и горькое, пережитое имъ въ трудную эпоху его дѣятельности, но ярко возстановляя въ бесѣдѣ одни свѣтлыя воспоминанія прошлаго".

Когда въ 1862 году императоръ Александръ II хотѣлъ испытать по отношенію къ охватившему Царство Польское революціонному движенію политику значительныхъ уступокъ, придавъ мѣстнымъ учрежденіямъ широкое развитіе и обширныя права, онъ обратился къ своему испытанному сотруд-

нику, и великій князь принялъ званіе намѣстника въ царствѣ. Ему не удалось, однако, среди разгара страстей, бушевавшихъ вокругъ примирительной политики маркиза Велепольскаго, выполнить завѣтъ Жуковскаго и, взамѣнъ „стараго спора славянъ между собою", воздвигнуть „радугу мира". Съ огорченіемъ, но со спокойной совѣстью могъ онъ оставить свой тяжкій и отвѣтственный передъ исторіей постъ и занять предложенное ему мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Здѣсь, группируя вокругъ себя выдающихся дѣятелей „эпохи преобразованій", рекомендуя ихъ, въ лицѣ Рейтерна, Головнина и другихъ, въ ближайшіе сотрудники своему брату, онъ явился просвѣщеннымъ двигателемъ законодательства, перестраивавшаго Россію на новыхъ началахъ справедливости и самоуправленія. При его энергическомъ содѣйствіи, чуткомъ вниманіи и неустанномъ трудѣ осуществилось то, что онъ первоначально намѣчалъ для своего вѣдомства. Это были судебная реформа и отмѣна тѣлесныхъ наказаній по воинскимъ уставамъ и уложенію о наказаніяхъ. Уже одного этого содѣйствія, вмѣстѣ съ работами по крестьянскому дѣлу, было бы достаточно, чтобы признать право Константина Николаевича на благодарную память потомства. Но и въ другихъ реформахъ Александра II онъ принялъ дѣятельное и вліятельное участіе. Достаточно указать на земское и городовое положенія и на уставъ объ общей воинской повинности.

Знатокъ и любитель искусства, живо интересовавшійся всѣмъ новымъ въ области науки и современныхъ ему религіозныхъ движеній, покровитель ученыхъ предпріятій и изслѣдованій, онъ одновременно съ отзывчивымъ на все новое и полезное руководствомъ морскими силами Россіи, являлъ собою образъ государственнаго человѣка въ истинномъ и полномъ смыслѣ этого слова. Его дѣятельность была настоящею службою родинѣ, въ свѣтлое будущее которой онъ глубоко вѣрилъ и ради котораго не стѣснялся возставать противъ себя тайныхъ и явныхъ поклонниковъ отжившаго прошлаго. Эта дѣятельность была вмѣстѣ съ тѣмъ и проявленіемъ настоящей любви къ брату и преданности монарху, смерть котораго глубоко и неизлѣчимо поразила его. „Какъ мнѣ странно,—писалъ онъ 2 марта 1882 г. Головнину изъ Парижа, — писать тебѣ не на траурной бумагѣ. Я съ этими черными полосками такъ свыкся въ теченіе года, что кажется, что писать на обыкновенной бумагѣ несовмѣстимо съ благоговѣніемъ къ памяти брата. Вчера былъ ровно годъ страшному дню — и я убѣдился, что время нисколько не уменьшаетъ ни тяжести потери, ни боли въ сердцѣ. Я точно во второй разъ пережилъ этотъ ужасный день: весь онъ, часъ за часомъ, протекалъ въ моемъ воспоминаніи, вызывая ту же боль и то же страданіе".

Трагическая кончина Царя-Освободителя лишила великаго князя не только любимаго брата, но и государственной дѣятельности. Зловѣщіе голоса тѣхъ ревнителей отжившаго строя, которые еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ

проповѣдывали, что къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ необходимо поставить точку, слились въ согласный хоръ, приписывавшій осуществленію великодушныхъ намѣреній усопшаго монарха и его ревностныхъ помощниковъ развитіе революціоннаго движенія, проявившаго себя террористическими актами. А такъ какъ реформы эти, развиваясь органически и послѣдовательно дополняя одна другую, неминуемо должны были завершиться рано или поздно участіемъ общественныхъ силъ, то великому князю начали ставить въ особую вину то, что онъ не только не скрывалъ своего взгляда на такое значеніе и исходъ реформъ, но въ концѣ семидесятыхъ годовъ даже старался провести его въ особой запискѣ. При такомъ настроеніи вліятельныхъ сферъ положеніе Константина Николаевича во главѣ законодательства и одной изъ важныхъ отраслей управленія становилось непрочнымъ и грозило быть обреченнымъ на безплодіе, а старое недоброжелательство вновь подняло голову и предавалось сладострастію клеветы. „On traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans“, говорятъ французы. — Лѣтомъ 1881 года великій князь былъ уволенъ отъ всѣхъ своихъ званій и должностей, и ему было оставлено лишь предсѣдательство въ Русскомъ музыкальномъ обществѣ и Комитетѣ о раненыхъ. По ироніи судьбы послѣднее имѣло особое значеніе. Онъ самъ былъ раненъ душевно въ своей привычкѣ къ дѣятельности и къ участію въ судьбахъ родины и обреченъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ того, какъ на дѣлахъ внутренняго управленія сказывалось вліяніе враждебныхъ ему и чуждыхъ его взглядамъ людей, и какъ Государственный Совѣтъ постепенно утрачивалъ свое значеніе съ переходомъ многихъ важныхъ вопросовъ на разрѣшеніе небольшой группы людей, именуемой Комитетомъ Министровъ. Но умственныя силы, не находящія себѣ исхода и заключенныя въ несоотвѣтствующія имъ рамки, дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ не только на духовный, но и на физическій организмъ человѣка. Это случилось и съ Константиномъ Николаевичемъ, и послѣдніе четыре года его жизни были отравлены тяжелымъ нервнымъ недугомъ, мучительно парализовавшимъ его физическія силы. 13 января 1892 года предъ нимъ предстала смерть, которую онъ могъ бы встрѣтить словами Баратынскаго: „въ твоей рукѣ олива мира, а не губящая коса...“

Пятьдесятъ лѣтъ прошло со времени паденія крѣпостного права въ Россіи, и образы дѣятелей того времени, освобожденные отъ пристрастнаго и близорукаго суда современниковъ, уже предстали предъ судомъ потомства. Историкъ величайшаго дѣла во внутренней жизни Россіи за прошлое столѣтіе нравственно обязанъ вписать свѣтлое имя великаго князя Константина Николаевича въ главнѣйшія и лучшія страницы этого дѣла.

А. Ѳ. Кони.

Bad-Homburg. 15. VIII. 1910 г.

„Государь, не бойтесь“...

Графъ С. С. Ланской.

С. В. Фарфоровскаго.

Въ августѣ 1855 года канцелярія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ была взволнована назначеніемъ новаго шефа. Въ министерство явился рослый, нѣсколько сутулый старикъ, въ черномъ, какъ смоль, парикѣ, съ круглыми, женственными чертами лица, изрѣзаннаго оспою, съ черными на выкатѣ глазами. На первомъ пріемѣ онъ обнаружилъ строгость и нѣкоторую грубоватость. То былъ Сергѣй Степановичъ Ланской. Новые подчиненные навели о немъ справки и узнали, что въ молодости онъ былъ масономъ и даже членомъ Союза Благоденствія, но сумѣлъ не пострадать послѣ 14 декабря 1825 г.; что на путь „истинной“ государственности онъ былъ обращенъ самимъ императоромъ Николаемъ, который весьма этимъ гордился; что онъ отбывалъ губернаторскій стажъ во Владимирѣ и Костромѣ и служилъ въ Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ... Для подчиненныхъ все это было довольно безразлично. Для нихъ было важно то, что онъ считался строгимъ формалистомъ и начальникомъ, въ обращеніи рѣзкимъ. Ни большого ума, ни энергіи за нимъ не числилось.

Назначенъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ [1]) съ тѣмъ, чтобы „исцѣлить Россію отъ ея болѣзней". Къ этой задачѣ онъ не былъ подготовленъ ни образованіемъ, ни своею предшествующей дѣятельностью и относился къ ней пассивно. Правда, онъ быстро приспособляется къ своей роли, но приспособленіе было даже по бюрократическимъ масштабамъ черезчуръ внѣшнимъ. Его заботы на первыхъ порахъ не шли дальше приглашенія въ министерство П. И. Мельникова и А. И. Левшина; отъ перваго онъ требуетъ, поручая ему составить докладъ государю, чтобы не было официальной лжи и ничего канцелярскаго [2]). Онъ цитируетъ пословицу: du choc des opinions jaillit la vérité и требуетъ возраженій и споровъ отъ подчиненныхъ.

Ланской дебютируетъ страннымъ циркуляромъ, гдѣ заявляетъ, что государь повелѣлъ ему: „ненарушимо охранять права, вѣнценосными предками его дарованныя дворянству". Циркуляръ печатался дважды, — такой сильный имѣлъ успѣхъ онъ у помѣщиковъ. Съ этой точки зрѣнія Ланскому пришлось сойти послѣ удивившей его и всѣхъ рѣчи государя московскому дворянству о необходимости реформы сверху. Воспользовавшись съѣздами дворянъ на коронацію, Ланской съ А. И. Левшинымъ зондируютъ почву по крестьянскому вопросу на официальныхъ обѣдахъ. Подъ руководствомъ Левшина приступаютъ къ секретнѣйшему обзору матеріаловъ по крестьянскому вопросу, и съ 1 января 1857 г. учреждается для этой цѣли секретный крестьянскій комитетъ.

Ланской, какъ человѣкъ безъ иниціативы и твердой воли, стушевывается передъ своими помощниками, завися отъ ихъ взглядовъ и подчиняясь часто общему направленію правительственной политики.

Сильное вліяніе на Ланского имѣлъ кружокъ великаго князя Константина и великой княгини Елены Павловны. Личное вліяніе Ланского на товарищей, а равно и въ Комитетѣ Министровъ было не велико. Правда, Ланской умѣлъ выбирать людей: вмѣсто робкаго и нерѣшительнаго Левшина онъ пригласилъ съ 1857 г. Н. А. Милютина, проявивъ при этомъ мало свойственную ему настойчивость [3]).

Отношеніе Ланского къ Милютину—главная заслуга министра внутреннихъ дѣлъ передъ потомствомъ. Почти несомнѣнно, что, если бы не заступничество Ланского, Милютина не спасла бы даже поддержка в. к. Елены Павловны въ инцидентѣ съ петербургской городской думой. И еще болѣе несомнѣнно, что, если бы не настойчивость Ланского, царь никогда не со-

---

[1]) Въ 1850 году онъ временно замѣщалъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго.

[2]) «Если мы не замѣтимъ вашей фальши, то Царь (онъ поднялъ руку кверху) узнаетъ ее». «Помните же, что вы не просто отчетъ призваны писать, а, такъ сказать, священнодѣйствовать». Восп. Мельникова «Русск. Арх.», 1879 г., т. II.

[3]) См. статью о Милютинѣ.

гласился бы на назначеніе Милютина товарищемъ министра. Добившись своего, старикъ какъ будто успокаивается. Въ Милютинѣ онъ получилъ такого товарища, за которымъ онъ могъ чувствовать себя, какъ за каменной стѣной. На его знанія, его работоспособность, предусмотрительность онъ могъ положиться всецѣло. И съ этихъ поръ почти все, что дѣлалось именемъ министра, нужно относить на счетъ его товарища. Пишется „Ланской“, а читать нужно Милютинъ. Ланской любилъ Милютина и вѣрилъ ему безграничпо. Это видно изъ тѣхъ пустяковыхъ часто записочекъ, цѣлый рядъ которыхъ опубликовала жена Милютина. Тутъ рѣчь идетъ обо всемъ, и всюду чувствуется, что старикъ чувствуетъ себя нѣсколько растереннымъ, когда не знаетъ мнѣнія своего коллеги по какому-нибудь существенному вопросу.

Гр. С. С. Ланской.

Эту оговорку всегда нужно имѣть въ виду при оцѣнкѣ роли въ реформѣ и тѣхъ дѣйствій, которыя носятъ на себѣ его имя. Несомнѣнно, были личными качествами Ланского только большая честность и неуклонная лойяльность по отношенію къ Милютину и Ростовцеву. Этимъ объясняется твердая послѣдовательность политики Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ процессѣ освобожденія.

Лѣтомъ 1858 г. Ланской подаетъ Александру II записку [1]), которая едва не вызвала его отставки. Поводомъ къ ней послужилъ пресловутый проектъ кн. А. Ѳ. Орлова о генералахъ-губернаторахъ. Здѣсь заявляется о полномъ спокойствіи массъ крестьянства въ противоположность всѣмъ опасеніямъ государя, который помѣчаетъ на поляхъ: „Кто можетъ поручиться, что, когда новое положеніе будетъ приводиться въ исполненіе и народъ увидитъ, что ожиданіе его, т.-е. свобода по его уразумѣнію, не сбылось, не настанетъ ли для него минута разочарованія?“ Ланской былъ правъ въ своемъ мнѣніи о крестьянствѣ, которое оказалось гораздо благонамѣреннѣе, чѣмъ отъ него ожидали [2]).

---

[1]) Въ составленіи ея близкое участіе принимали Арцимовичъ и Милютинъ.

[2]) Въ 1858 г. не было ни одного случая убійства помѣщиковъ, тогда какъ раньше число случаевъ доходило до 13—15.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи было дворянство, и Ланскому пришлось выступить противъ конституціонныхъ ожиданій [1]) лучшей его части, которая могла высказать ихъ въ то время, когда въ Петербургѣ должны были съѣхаться дворянскіе депутаты. Съ другой стороны, Ланскому хотѣлось, изъ боязни, что государь можетъ пожертвовать редакціонными комиссіями дворянству, изобразить мѣстные губернскіе комитеты скопищемъ или тупыхъ реакціонеровъ или ярыхъ либераловъ. Ему было важно провести ту мысль, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ взглядами дворянства на мѣстахъ. Злокозненность части дворянства, добивавшейся измѣненія государственнаго строя, Ланской доказываетъ [2]) энергично.

Александръ II, соглашаясь съ мнѣніями Ланского, вполнѣ проникается этими идеями. Депутатамъ при первомъ же приглашеніи ихъ въ комиссіи читается инструкція, гдѣ подчеркивается, по мысли Ланского, что они должны дать только „мѣстныя данныя“ по крестьянскому вопросу, каждый членъ губерніи особо и притомъ письменно. Слово „депутаты“, согласно мысли Ланского, измѣняется въ „члены, избранные губернскими комитетами“. Совѣщательный характеръ комитетовъ, опять-таки согласно желанію Ланского, подчеркивался тѣмъ, что были приглашены представители не только большинства комитетовъ, но и отъ меньшинства [3]). Затѣмъ идетъ борьба Ланского съ дворянствомъ, прибѣгнувшимъ къ подачѣ адресовъ государю, которыми Ланской пользовался для внушенія Александру II „конституціонныхъ“ страховъ. Большую помощь Ланскому оказало письмо М. Безобразова, за которое онъ былъ уволенъ отъ службы безъ прошенія.

Пользуясь этимъ, Ланской въ засѣданіи Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу (5 ноября 1859 г.) подъ предсѣдательствомъ государя заявляетъ, что „стремленія, крайне опасныя для будущаго спокойствія Россіи“, заключаются въ поползновеніяхъ дворянства урѣзать крестьянскій надѣлъ и взять за него возможно больше. На этомъ же собраніи рѣшено было „поставить на видъ всѣмъ членамъ, подписавшимъ адресы, сдѣлавъ черезъ губернское начальство надлежащія имъ внушенія“. Этимъ наносился ударъ и либеральной и реакціонной частямъ дворянства.

Вслѣдъ за отъѣздомъ депутатовъ изъ Петербурга Ланской, боясь, что дворяне используютъ предстоящія губернскія собранія для отчета о своихъ

---

[1]) Въ зап. 1859 г. онъ пишетъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые (дворяне) желаютъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы понемногу ввести представительное правленіе». Записка является контръ-памфлетомъ противъ дворянской публицистики, авторство ея приписываютъ Милютину.

[2]) Вторая записка 1859 г. 31 августа по пріѣздѣ депутатовъ, по стилю и идеямъ она имѣетъ одного автора съ первой (вѣроятно, Милютина). Здѣсь выдвигается опасность крестьянскаго бунта.

[3]) Этимъ Ланской думалъ избѣжать противодѣйствія своей политикѣ и отъ либеральной и отъ консервативной партій дворянства.

дѣйствіяхъ въ Петербургѣ, выхлопоталъ Высочайшее запрещеніе „входить на собраніяхъ въ сужденія по предметамъ, до крестьянскаго вопроса касающимся“. Отвѣтомъ на это со стороны дворянства явились опять адреса, среди которыхъ особенно либеральнымъ былъ адресъ дворянства владимирскаго.

Въ февралѣ 1860 г. умираетъ Ростовцевъ, Ланской выступилъ съ своей кандидатурой въ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. Александръ, хотя увѣрилъ его въ своемъ расположеніи, но назначилъ В. Н. Панина, крайняго реакціонера. Это было началомъ измѣненія положенія Ланского. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ начинается глухая борьба съ Панинымъ, закончившаяся закрытіемъ редакціонной комиссіи. Ланской исходатайствовалъ было для членовъ комиссіи аудіенцію у государя, но на ней онъ былъ игнорированъ. Государь выразилъ свою благодарность Панину, жаловавшемуся на дѣйствія Ланского. Министерство Ланской оставляетъ въ апрѣлѣ 1861 г. вмѣстѣ съ Милютинымъ, уступивъ противоположнымъ теченіямъ. При этомъ онъ получаетъ титулъ „графа“.

С. Фарфоровскій.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ.

В. П. Алексѣева.

Имя Я. А. Соловьева должно стоять рядомъ съ именемъ Н. А. Милютина—не потому только, что они служили въ одномъ вѣдомствѣ и работали вмѣстѣ въ редакціонныхъ комиссіяхъ въ качествѣ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но потому прежде всего, что были единомышленниками въ крестьянскомъ вопросѣ и солидарно вели крестьянскую реформу въ извѣстномъ направленіи. Это направленіе можно опредѣлить, какъ преданность интересамъ крестьянства и подчиненіе имъ дворянскихъ интересовъ.

Соловьевъ вступалъ въ ряды дѣятелей по крестьянской реформѣ, уже имѣя хорошую практическую подготовку, пройдя солидную школу за время своей предшествующей служебной дѣятельности. Именно, по окончаніи университета онъ поступилъ въ 1843 году въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и занимался здѣсь по 1857 годъ предпринятымъ тогда правительствомъ уравненіемъ денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ путемъ переложенія ихъ съ душъ на доходы отъ земли и промысловъ. Затѣмъ Соловьевъ получилъ назначеніе начальникомъ кадастровой комиссіи Владимирской, Самарской и Смоленской губерній, въ которой проработалъ 14 лѣтъ, находясь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами, наблюдая и изучая

ихъ бытъ на практикѣ. Отсюда прямо онъ и былъ призванъ по рекомендаціи Н. А. Милютина министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ въ 1857 году къ участію въ крестьянской реформѣ [1]).

Такимъ образомъ началась главнѣйшая государственная дѣятельность Соловьева, составившая ему имя въ русской исторіи. Въ крестьянской реформѣ онъ принималъ участіе на всемъ ея протяженіи, какъ въ начальномъ, подготовительномъ періодѣ, такъ и во время выработки Положенія о крестьянахъ и даже въ послѣдующее время при введеніи этого Положенія. Въ особенности важно было участіе Соловьева въ первомъ періодѣ, когда все дѣло находилось въ рукахъ правительства, въ частности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго въ извѣстной степени зависѣло направить его въ ту или иную сторону. И если крестьянская реформа въ этомъ періодѣ, опредѣлившемъ ея дальнѣйшій ходъ, получила извѣстное намъ направленіе, то этимъ она много обязана Соловьеву, вмѣстѣ съ Милютинымъ. Для того, чтобы понять и оцѣнить заслугу въ данномъ случаѣ Соловьева, надо вспомнить, каково было въ этотъ моментъ настроеніе въ правящихъ сферахъ и въ дворянскихъ кругахъ. И тамъ и здѣсь тотчасъ же послѣ опубликованія Высочайшаго рескрипта 20 ноября 1857 года началось реакціонное движеніе, захватившее не только Петербургъ, но и провинцію. По словамъ Соловьева, „представители охранительной помѣщичьей партіи начали стремиться къ осуществленію какъ бы напередъ составленнаго плана. Цѣлями стремленія были: или совершенное остановленіе дѣла, или, если этого уже нельзя, то безземельное освобожденіе крестьянъ, съ полученіемъ вознагражденія за личную свободу крѣпостныхъ людей“ [2]). Иначе говоря, подготовлялось отлично удавшееся въ предшествующее царствованіе замазаніе крестьянскаго вопроса или уже въ крайнемъ случаѣ рѣшеніе его исключительно въ дворянскихъ интересахъ. Для осуществленія своихъ плановъ реакціонеры, какъ извѣстно, пустили въ ходъ всякія средства. Застращиваніе перспективой демократической революціи и экономическаго краха, какъ неизбѣжныхъ слѣдствій отмѣны крѣпостного права, при этомъ выдвигалось ими особенно часто и охотно. Составлена была даже особая записка съ подтасованными цифрами и искаженными фактами, которая старалась убѣдить правительство, что въ предпринимаемой имъ реформѣ „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи“ и что ее надо пріостановить [3]). Подъ вліяніемъ такого рода страховъ возникло даже предположеніе объ учрежденіи военныхъ генералъ-губернаторствъ и Россіи предстояло покрыться, по выраженію историка крѣпостного права Иванюкова, „желѣзною сѣтью военной власти“ [4]). Такое теченіе, имѣв-

[1]) «Русская Старина», т. XVIII, стр. 379—381.
[2]) «Русская Старина», т. XXVII, стр. 324.
[3]) «Русская Старина», т. XXVII, стр. 324—330.
[4]) «Паденіе крѣпостного права», стр. 53.

шее себѣ опору въ Главномъ Комитетѣ, и отсутствіе ему отпора, достаточно сильнаго въ правящихъ сферахъ, при безхарактерности еще Александра II, могло въ высшей степени неблагопріятно отразиться на судьбѣ крестьянской реформы. Защита крестьянскихъ интересовъ противъ козней крѣпостниковъ выдвигалась, слѣдовательно, самою силою вещей и должна была, естественно, выпасть на долю того учрежденія, которое находилось уже въ антагонизмѣ съ Главнымъ Комитетомъ, т.-е. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Руководитель его въ данную минуту Ланской былъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ съ землей, въ количествѣ, обезпечивающемъ ихъ существованіе. И Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ лицѣ Ланского, а болѣе всего Н. А. Милютина и Соловьева дѣйствительно взяло на себя защиту крестьянскихъ интересовъ. Въ это время какъ разъ былъ образованъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ земскій отдѣлъ, въ которомъ вліятельное положеніе занялъ Соловьевъ, въ качествѣ непремѣннаго члена его. Земскій отдѣлъ и повелъ правильную атаку противъ крѣпостниковъ, началъ разрушать одинъ за другимъ ихъ замыслы. Такимъ образомъ, названная выше записка подверглась самой жестокой критикѣ и не получила благодаря этому никакого движенія. Точно такъ же при посредствѣ затребованныхъ отъ губернаторовъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ отзывовъ относительно военной полиціи были разсѣяны страхи передъ революціей и оставлена мысль объ учрежденіи генералъ-губернаторствъ. Отсюда же, изъ земскаго отдѣла, велась кампанія противъ крѣпостниковъ въ провинціи и отстаивались интересы крестьянства. Черезъ посредство земскаго отдѣла Министерство Внутреннихъ Дѣлъ направляло весь ходъ работъ въ гу-

Я. А. Соловьевъ (грав. Сѣрякова).

бернскихъ комитетахъ и клонило ихъ въ сторону крестьянскихъ интересовъ[1]). Программа для руководства губернскихъ комитетовъ, составленная Соловьевымъ, правда, не прошла, но все же положенные въ нее принципы—„совершенное освобожденіе крестьянъ съ землей“, какъ конечная цѣль ихъ работъ, отбываніе крестьянами повинностей „по мѣрѣ предоставленныхъ имъ угодій“ и соображеніе ихъ съ „мѣстными удобствами“, идея существующихъ надѣловъ, выкупъ, предоставленіе крестьянамъ гражданскихъ правъ въ переходный періодъ, безмездное личное освобожденіе и т. д.[2]) — настойчиво внѣдрялись земскимъ отдѣломъ въ губернскіе комитеты. Когда же комитеты окончили свои работы и зашла рѣчь о приглашеніи ихъ въ Петербургъ, земскій отдѣлъ сдѣлалъ сводку теченій въ губернскихъ комитетахъ и настоялъ на представительствѣ прогрессивнаго меньшинства на ряду съ большинствомъ. Наконецъ, чтобы парализовать замыслы крѣпостниковъ, шансы которыхъ съ прибытіемъ въ Петербургъ депутатовъ поднялись, благодаря настойчивости Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, не было допущено сліяніе депутатовъ съ редакціонными комиссіями и роль ихъ сведена къ экспертизѣ. И вся эта защита крестьянскаго дѣла отъ натиска крѣпостниковъ, веденная съ замѣчательной предусмотрительностью и неуклонностью, должна быть отнесена на счетъ Милютина и Соловьева.

Соловьевъ былъ человѣкомъ убѣжденія. Слово у него не расходилось съ дѣломъ. Признавъ разъ что-либо за истину, онъ уже слѣдовалъ этому неуклонно и горячо. А въ слѣдованіи обнаруживалъ необыкновенную стойкость и энергію—„во всякій трудъ вдавался со всей энергіей“, по выраженію его сотоварища по редакціоннымъ комиссіямъ Семенова[3]). Этихъ весьма цѣнныхъ для государственнаго дѣятеля качествъ не отрицаютъ за Соловьевымъ даже его враги, считая его одареннымъ „неуклончивостью, постоянствомъ направленія и энергіею воли“[4]). Въ крестьянскомъ дѣлѣ, по мнѣнію Соловьева, „единственной развязкой крестьянскаго вопроса можетъ быть только закрѣпленіе за крестьянами земель, состоявшихъ въ ихъ пользованіи“, т.-е. обезпеченіе ихъ въ достаточномъ количествѣ землей и выкупъ этой земли крестьянами въ собственность[5]). Такая точка зрѣнія находилась въ непримиримомъ противорѣчіи съ интересами помѣщиковъ, и потому, при прямолинейности и рѣзкости характера Соловьева, его дѣятельность въ крестьянской реформѣ съ самаго же начала приняла форму борьбы за крестьянъ противъ помѣщиковъ. Какъ выразился одинъ изъ враговъ Соловьева, онъ дѣйствовалъ „съ особеннымъ остервенѣніемъ противъ помѣщиковъ, вредя имъ всѣми силами души

---

[1]) «Русская Старина», т. XXVII, стр. 324—330.
[2]) «Русская Старина», т. XXXIII, стр. 247—248.
[3]) «Освобожденіе крестьянъ», т. III, ч. 2, стр. 840.
[4]) «Русскій Архивъ», 1885 г., № 2, стр. 41—42.
[5]) «Освобожденіе крестьянъ», т. I, стр. 543.

и воли“ [1]). Дѣйствительно, интересы помѣщиковъ въ Соловьевѣ не находили никакой поддержки, безпощадно приносились имъ въ жертву крестьянскимъ интересамъ. Нѣкоторые усматриваютъ въ этомъ извѣстную односторонность, вредную для дѣла, и въ исторической литературѣ даже наброшена тѣнь на Соловьева за его противодѣйствіе попыткамъ дворянства принять болѣе дѣятельное и близкое участіе въ крестьянской реформѣ [2]). Не отрицая односторонности Соловьева и даже нетерпимость въ данномъ случаѣ при проведеніи своихъ мыслей, мы не можемъ, однако, присоединиться къ обвинителямъ его. Если имѣть въ виду, что дворянство добивалось наибольшаго участія въ реформѣ, чтобы затормозить или исказить ее въ своихъ интересахъ, то врядъ ли Соловьевъ заслуживаетъ порицанія.

Съ учрежденіемъ редакціонныхъ комиссій, начинается второй періодъ его дѣятельности по крестьянской реформѣ. И здѣсь онъ при выработкѣ Положенія о крестьянахъ дѣйствовалъ въ томъ же духѣ, какъ и въ первый, подготовительный періодъ. Благодаря усиліямъ дворянъ-крѣпостниковъ, къ голосу которыхъ Ростовцевъ не безохотно прислушивался, какъ извѣстно, въ комиссію попали ярые крѣпостники. И тѣ основанія, которыя уже были проектированы въ Положеніи о крестьянахъ, оказывались въ опасности. Такимъ образомъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ надо было вести борьбу за основныя начала реформы—освобожденіе крестьянъ съ землей надѣльной, усадебной и угодьями, выкупъ, уничтоженіе помѣщичьей власти, введеніе крестьянскаго самоуправленія. Около этихъ основныхъ пунктовъ сосредоточивались въ комиссіяхъ пренія и на нихъ были направлены главнѣйшіе удары противниковъ. И Соловьевъ здѣсь выступилъ энергичнымъ и стойкимъ борцомъ за эти начала. Въ особенности горячо отстаивалъ онъ крестьянскіе надѣлы и ратовалъ за уничтоженіе тотчасъ же безъ всякихъ оговорокъ патримоніальной власти помѣщиковъ. Онъ считалъ, что крестьянскіе надѣлы, составляя до уничтоженія крѣпостного права неполную собственность помѣщиковъ, послѣ отмѣны крѣпостного права должны безусловно остаться въ пользованіи крестьянъ, и размѣры ихъ сравнительно съ существующими редакціонныя комиссіи не въ правѣ уменьшить. Что касается патримоніальной власти помѣщиковъ, то при сохраненіи ея, хотя бы до выкупа, „освобожденіе крестьянъ произойдетъ только на бумагѣ и по имени“. Въ защитѣ крестьянскихъ интересовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Соловьевъ доходилъ до мелочей, до придирокъ, требовалъ выключенія ограничительныхъ выраженій въ родѣ „по возможности“, стоялъ за разрѣшеніе крестьянамъ ловить рыбу въ рѣкахъ имѣній „вершами“, находя, что это „невинное средство“, горячился, говорилъ рѣзкости своимъ сотоварищамъ въ пылу полемики, за которыя потомъ ему

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1885 г., № 2, стр. 41—42.

[2]) Энгельманъ, «Исторія крѣпостного права въ Россіи», стр. 371—375.

приходилось извиняться. Иногда оставался одинъ, при особомъ мнѣніи, нисколько этимъ не смущаясь. Между прочимъ, въ его лицѣ нашла себѣ горячаго поборника идея отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Вообще онъ необыкновенно бдительно слѣдилъ за всѣми перипетіями борьбы въ комиссіяхъ за крестьянское дѣло, уличалъ и вскрывалъ всѣ поползновенія въ скрытой формѣ сохранить крѣпостныя отношенія, спѣшилъ отпарировать занесенный надъ крестьянской головой ударъ и присоединить свой громкій голосъ въ защиту крестьянъ [1]). Насколько дѣйствительно съ этой стороны Соловьевъ былъ безпощаденъ и непереваримъ для крѣпостниковъ, показываетъ отношеніе къ нему со стороны замѣстителя Ростовцева гр. Панина. Во время представленія ему членовъ комиссіи „Соловьеву, по словамъ Семенова, графъ не только не подалъ руки, но и не обратилъ на него даже вниманія [2])".

Послѣ изданія Положенія о крестьянахъ Соловьевъ, оставаясь въ земскомъ отдѣлѣ, руководилъ проведеніемъ его въ жизнь. „Здѣсь въ особенности выказалось одно изъ основныхъ свойствъ его характера: вѣрность однажды установленнымъ началамъ, строгое, нелицепріятное и стойкое приложеніе ихъ къ дѣлу" [3]). Послѣднее обстоятельство привело даже къ уходу Соловьева въ 1863 году изъ земскаго отдѣла. Устраненіе такимъ образомъ его отъ крестьянскаго дѣла было, однако, кратковременнымъ. Въ слѣдующемъ же 1864 году онъ по предложенію Милютина былъ призванъ къ устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ и назначенъ членомъ учредительнаго комитета, на который было возложено все это дѣло. Соловьевъ принесъ съ собой сюда принципы крестьянской реформы въ Россіи и свою энергію и настойчивость въ работѣ, результатомъ чего было успѣшное завершеніе труднаго и сложнаго дѣла устройства освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости польскихъ крестьянъ [4]). Участіе Соловьева въ учредительномъ комитетѣ, закрывшемся въ 1871 году, было послѣднимъ его вкладомъ въ крестьянскую реформу. Послѣ этого онъ, сохраняя званіе сенатора, отдается воспоминаніямъ прошлаго и подведенію итоговъ своей дѣятельности и дѣятельности соучастниковъ въ главномъ дѣлѣ его жизни—„крестьянскомъ дѣлѣ", какъ и озаглавлены составленныя имъ записки. За этимъ дѣломъ его и застаетъ смерть, послѣдовавшая въ декабрѣ 1876 года.

В. Алексѣевъ.

---

[1]) «Освобожденіе крестьянъ»—passim.

[2]) «Освобожденіе крестьянъ», т. II, стр. 702.

[3]) «Русская Старина», т. XVIII, стр. 381.

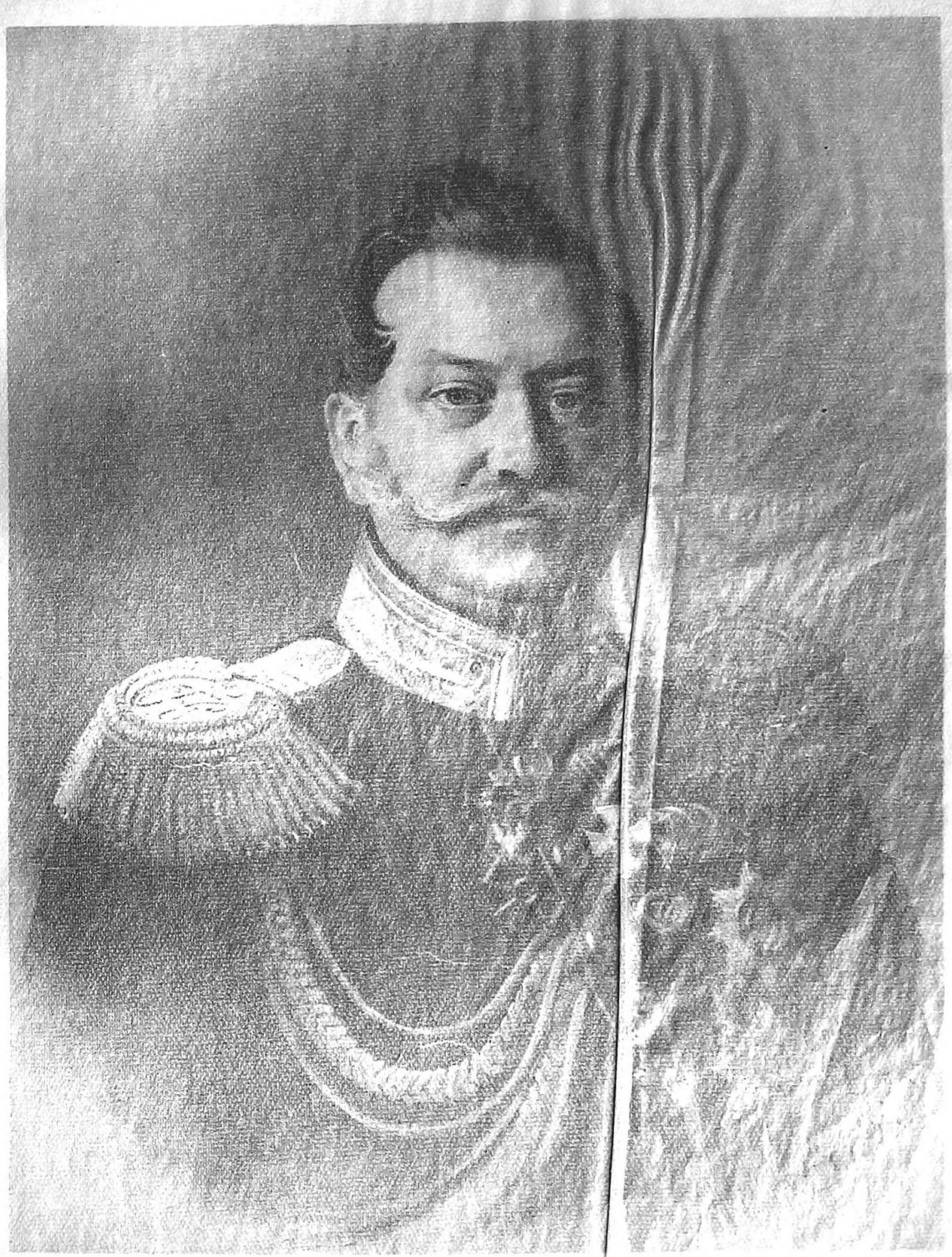
[4]) «Русская Старина», т. XVIII, стр. 381—384.

Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

В. Я. Богучарскаго.

При имени Ростовцева въ памяти встаетъ фигура человѣка, дважды и совершенно различнымъ образомъ выступавшаго на сцену въ историческіе моменты русской жизни, тѣ моменты, одинъ изъ которыхъ завершился 14 декабря 1825, а другой—19 февраля 1861 года. Человѣку этому принадлежитъ въ исторіи развитія русской культуры совершенно особое мѣсто. Это, несомнѣнно, одна изъ любопытныхъ личностей не только эпохи освобожденія крестьянъ, но и вообще среди сіявшаго столь тусклымъ свѣтомъ созвѣздія русскихъ сановниковъ XIX вѣка.

Вращавшійся въ юности среди наиболѣе образованной и чуткой части русскаго общества, среди его наиболѣе интеллигентныхъ элементовъ,—интеллигенція второго десятилѣтія прошлаго вѣка была облачена почти полностью въ офицерскіе мундиры,—близко знакомый съ вождями тогдашняго общественнаго движенія въ Россіи, изъ которыхъ съ Евгеніемъ Оболенскимъ онъ сохранилъ самыя дружескія отношенія до конца его жизни, Ростовцевъ былъ въ извѣстной степени, конечно, затронутъ вѣяніемъ времени. Но рука объ руку съ своими друзьями онъ не только не пошелъ, но и сдѣлалъ все отъ него зависящее для противодѣйствія ихъ замысламъ. Причиною тому явился болѣзненный страхъ Ростовцева, — не въ смыслѣ личномъ, напротивъ, все поведеніе этого человѣка въ декабрьскіе дни 25-го года свидѣтельствуетъ о его личномъ мужествѣ, а именно, въ смыслѣ общественно-политическомъ, — передъ возможностью революціи. Ему представлялись всякіе ужасы: „мысль о несчастьяхъ, которыя, быть-можетъ, ожидаютъ Россію, не давала мнѣ покоя“, говоритъ по этому поводу самъ Ростовцевъ. Нарушится цѣлость отечества, отдѣлятся Польша, Финляндія, Кавказъ... И, волнуемый этими чувствами, Ростовцевъ предупредилъ о заговорѣ императора Николая, т.-е. совершилъ тотъ актъ, за который былъ заклейменъ прогрессивной частью русскаго общества именемъ предателя. Столь тяжелая квалификація поступка Ростовцева не можетъ быть, однако, въ настоящее время поддерживаема, ибо между нравственными обликами дѣйствительныхъ предателей и обликомъ Ростовцева лежитъ цѣлая пропасть. Ростовцевъ, конечно, не Бошнякъ, не Майборода и не Шервудъ. Всѣ эти лица вступили на путь предательства

Я. И. Ростовцевъ.

(Портретъ *Крамского*).

изъ цѣлей личныхъ, изъ соображеній карьеры и корысти, всѣ они играли двойную роль, надѣвали личину, обманывали тѣхъ, кто имъ довѣрялъ, цѣловали ихъ цѣлованіемъ Іудинымъ. Что же общаго въ моральномъ отношеніи могъ имѣть съ ними человѣкъ, къ обществу декабристовъ не принадлежавшій, рискуя собственной жизнью, прямо имъ заявившій, что, если они не оставятъ своихъ пагубныхъ, по его мнѣнію, для Россіи, замысловъ, то онъ предупредитъ объ этомъ царя, человѣкомъ, эту угрозу исполнившимъ, но и послѣ того снова явившимся къ вождямъ заговора и лично о своемъ поступкѣ имъ объявившимъ?

— Оболенскій, если ты почитаешь себя въ правѣ мстить мнѣ, то отмсти мнѣ теперь,—сказалъ при этомъ Ростовцевъ.

— Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что разнаго съ нами образа мнѣній,— сказалъ Рылѣевъ.—Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности, но какое право имѣлъ ты быть съ нимъ откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью, идя къ великому князю, нынѣ жертвуетъ жизнью, придя къ намъ...

— Господа,—сказалъ Ростовцевъ, — я оставлю у васъ мои документы. Въ нихъ увидите вы великую душу будущаго государя. Она вамъ порукою за его царствованіе.

Документы, которые оставилъ Ростовцевъ Оболенскому и Рылѣеву, были копіи его письма къ Николаю I и записанный Ростовцевымъ его же разговоръ по этому поводу съ государемъ.

Ростовцевъ не назвалъ государю ни одного заговорщика по имени и промолчалъ, когда Николай сказалъ ему: „Можетъ-быть, ты знаешь ихъ, но назвать считаешь противнымъ своей чести. Тогда и не надо. Не называй“.

Отсюда, вѣроятно, и вывелъ заключеніе Ростовцевъ о „великой душѣ“ своего собесѣдника.

Однако совсѣмъ не тотъ, столь восхитившій Ростовцева своимъ рыцарствомъ, взглядъ на тѣ же вещи обнаружилъ императоръ Николай, когда тучи разсѣялись, т.-е. уже послѣ 14 декабря...

Наступила эпоха непроглядной николаевской тьмы, начался, по выраженію Кавелина, „караванъ-сарай солдатизма, палокъ и невѣжества“, но зато „порядокъ“ не былъ не только потрясенъ, но и явился „образцовымъ“.

А вѣдь во имя спасенія „порядка“ и дѣйствовалъ глубоко убѣжденный въ его священномъ значеніи Ростовцевъ.

Исполнивши свой, какъ онъ полагалъ, долгъ совѣсти передъ Россіей, Ростовцевъ, не отличаясь никакими сколько-нибудь широкими горизонтами, пошелъ въ началѣ обыкновенною стезею николаевскаго офицера, но забытъ онъ, конечно, не былъ и въ скоромъ времени явился во главѣ военно-учебныхъ заведеній Россіи. Тутъ, отличаясь присущей ему всегда личной честностью и

прямотою характера, онъ въ то же время не только ничему не научился самъ, но позабылъ окончательно и тѣ обрывки новыхъ идей, которыя онъ когда-то все-таки хоть отчасти раздѣлялъ. Служа „вѣрою и правдою“ Николаю I на очень высокомъ посту, Ростовцевъ не выработалъ себѣ никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ взглядовъ ни на природу самодержавнаго строя ни на его базисъ—крѣпостное право.

Вспоминается другой противникъ декабристовъ, тогда еще молодой юнкеръ А. С. Хомяковъ. Въ спорѣ съ Рылѣевымъ онъ горячо доказывалъ ему всю незаконность революціонныхъ дѣйствій при помощи арміи, ибо,— говорилъ Хомяковъ,— этотъ путь легко можетъ привести къ преторьянству. Но Хомяковъ былъ натурою въ высшей степени богато-одаренною, и когда онъ столкнулся затѣмъ съ николаевскимъ царствованіемъ, ему потребовалось все напряженіе его большого ума и разносторонняго образованія, чтобы выйти изъ противорѣчій теоретической мысли и практической дѣйствительности, и онъ явился однимъ изъ творцовъ славянофильской доктрины.

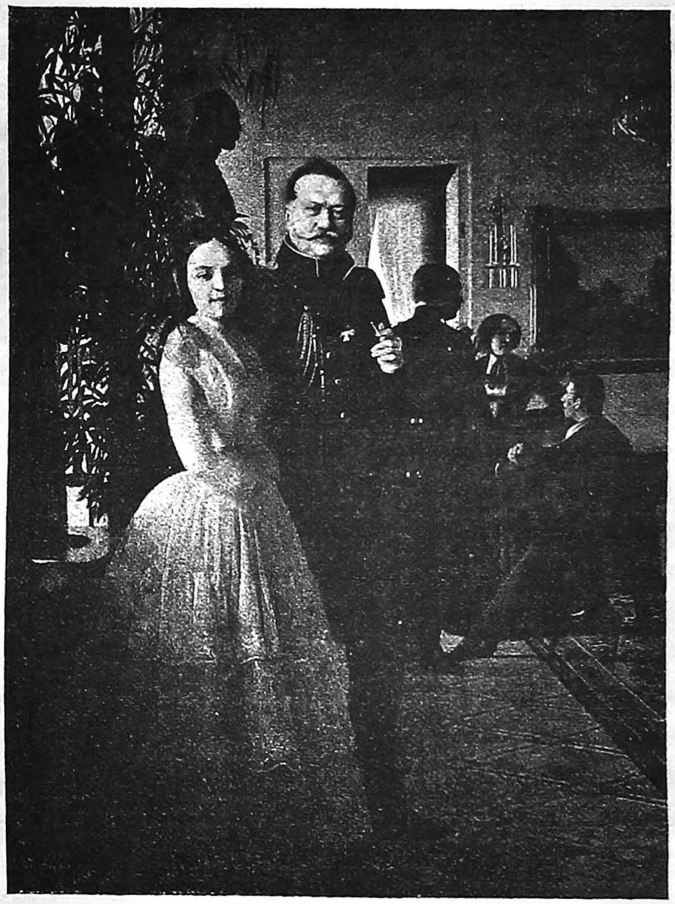
А. И. Ростовцевъ.

Не то Ростовцевъ. Совершенно чуждый запросамъ теоретической мысли, онъ „служилъ“, только служилъ, служилъ честно, и никакія противорѣчія жизни его не смущали. О широкомъ государственномъ преобразованіи онъ совсѣмъ не думалъ, и едва ли можно представить себѣ такого пророка, который былъ бы въ состояніи предсказать, что Ростовцевъ будетъ стоять въ первыхъ рядахъ творцовъ величайшей реформы въ Россіи XIX вѣка. Вѣдь онъ къ этому не имѣлъ никакой, абсолютно никакой, подготовки, а между тѣмъ случилось именно такъ, и Ростовцевъ стяжалъ себѣ именно на этомъ пути заслуженную благодарность потомства.

Тутъ сыграло свою роль, несомнѣнно, то обстоятельство, что простой, чисто генеральскій умъ Ростовцева не былъ до такой степени окутанъ бюрократическою тиною, какъ у подавляющаго большинства николаевскихъ сановниковъ, и именно это помогало Ростовцеву, — разъ онъ что-нибудь понялъ, — итти впередъ безъ задержекъ, безъ рефлексовъ. Позднѣйшую аналогію этому можно усмотрѣть въ такихъ же точно малокультурныхъ, истинно „генеральскихъ“, но не отравленныхъ бюрократическимъ ядомъ, умахъ

Лорисъ-Меликова и Ванновскаго. Въ указываемомъ отношеніи эти три „либеральные“ генерала играли въ русской жизни по однимъ и тѣмъ же причинамъ опредѣленную въ одномъ и томъ же направленіи роль.

Въ правленіе Ростовцева военно-учебными заведеніями (онъ занималъ постъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, но фактически стоялъ во главѣ ихъ) были составлены для юношества правила, о которыхъ Грановскій писалъ Герцену, что правиламъ этимъ „позавидовали бы и іезуиты“, что въ нихъ проповѣдуется, какъ принципъ, что „совѣсть нужна человѣку лишь въ его частной жизни, на службѣ же ее должно замѣнить исполненіе приказаній начальства“. Это совершенно въ духѣ воззрѣній того времени на „порядокъ“, но „іезуитизма“ въ характерѣ Ростовцева было все-таки менѣе всего. Впослѣдствіи въ письмахъ къ Оболенскому Ростовцевъ „по пунктамъ“ оправдывался предъ своимъ старымъ другомъ во всѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводилъ на него „Колоколъ“, и, читая эти оправданія, ясно видишь, что авторъ ихъ съ іезуитствомъ ничего общаго не имѣлъ, это былъ просто поставленный не на свое мѣсто русскій генералъ, прямота котораго граничила, воистину, съ простотой, и въ этомъ именно качествѣ заключалась и его сила и его слабость.

Я. И. Ростовцевъ со своей семьей (Зарянко).

Разница между бюрократами высшаго порядка и Ростовцевымъ состояла въ томъ, что бюрократы чувствовали что-то въ родѣ потребности къ нѣкоторой „идеологіи“, которая для нихъ же и становилась затѣмъ мертвой петлей,—духъ же Ростовцева ничего подобнаго не зналъ и потому былъ въ извѣстномъ смыслѣ „свободнѣе“.

Такой патентованный бюрократъ, какъ гр. Уваровъ, говорилъ прямо, что „самодержавіе и крѣпостное право составляютъ догматы русской политиче-

ской религіи,—зачѣмъ же и касаться ихъ, если, къ счастью Россіи, они укрѣплены твердою рукою". Ну, а если самъ самодержецъ захотѣлъ „коснуться" одного изъ этихъ „догматовъ",—какъ же быть тогда? Для Уварова было ясно, что самая постановка подобнаго вопроса, какъ трактующаго догматъ, т.-е. то, что по самому его существу трактованію не подлежитъ, представляла бы не болѣе, какъ праздную „игру ума", а если бы жизнь дѣйствительно такой вопросъ поставила, то почтенный графъ, вѣроятно, отвѣтилъ бы на него такъ же, какъ отвѣчаютъ въ наше время по „догмату" о самодержавіи отечественные „зубры": ограничить свое самодержавіе самодержецъ не въ правѣ, и по отношенію къ ввѣренной ему Богомъ власти онъ, въ случаѣ непереносимости для него лично ея бремени, можетъ сдѣлать лишь одно—отречься отъ власти лично за себя...

Если сказать, что такой точки зрѣнія Ростовцевъ сознательно не раздѣлялъ, то это будетъ не совсѣмъ вѣрно. Это все-таки „теорія", а какимъ бы то ни было теоріямъ Ростовцевъ былъ совершенно чуждъ. Монархъ желаетъ, чтобы было сдѣлано то-то и то-то, значитъ, это надо исполнить. Какія тутъ еще разсужденія! И, когда монархъ, дѣйствительно, вручилъ веденіе дѣла эмансипаціи крестьянъ въ его руки, онъ принялся за него съ всегда его отличавшею прямотою. Роль Ростовцева въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ была для прогрессивнаго лагеря до такой степени неожиданною, что сложилась даже въ объясненіе этого легенда о данной Ростовцевымъ клятвѣ умирающему сыну. Конечно, это только легенда, и дѣло обстояло совсѣмъ не такъ.

Необходимо имѣть въ виду, что самъ Александръ II, не говоря уже о томъ времени, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, но и послѣ крымской войны совершенно не имѣлъ въ виду всего того, что имъ же было совершено въ „эпоху великихъ реформъ". Его намѣренія были несравненно скромнѣе, какой бы то ни было программы реформъ у него не существовало вовсе, по интеллектуальному своему складу онъ имѣлъ много общаго съ Ростовцевымъ, но отличался отъ него слабостью и нерѣшительностью характера, доступностью всякимъ „внушеніямъ", въ силу чего достаточно было шефу жандармовъ князю Долгорукову показать ему какую-нибудь нелѣпую „записку", въ которой говорилось, что въ затѣянномъ преобразованіи „таится глубоко задуманный планъ демократической революціи въ Россіи", чтобы императоръ этому вѣрилъ, начиналъ колебаться, отступать.

Въ воззрѣніяхъ на природу власти и на свои отношенія къ странѣ Александръ II являлся также продуктомъ общественныхъ условій царствованія Николая I. Существуетъ разсказъ, что умирающій Николай сказалъ своему наслѣднику-сыну: „Жалѣю, что оставляю тебѣ команду не въ томъ порядкѣ, въ которомъ бы желалъ". Эта точка зрѣнія безсознательно сказалась и у Александра II, когда для изученія проектовъ губернскихъ комитетовъ онъ утверждалъ въ составѣ Главнаго Комитета образованіе экспертныхъ комиссій изъ

числа опытныхъ помѣщиковъ „подъ предсѣдательствомъ и начальствомъ генерала Ростовцева“.

Съ своей стороны, и Ростовцевъ первоначально думалъ, что рѣчь идетъ вовсе не о коренной реформѣ, а лишь о вызываемыхъ требованіями „порядка“ улучшеніяхъ въ сельскомъ быту. Ощупью шелъ онъ къ разрѣшенію поставленной цѣли. И полные палліативы, и освобожденіе безъ земли съ предоставленіемъ крестьянамъ лишь въ „постоянное пользованіе“ ихъ домовъ, огородовъ и пашенъ, и сохраненіе за помѣщиками вотчинныхъ правъ — черезъ всѣ эти этапы прошелъ Ростовцевъ, прежде чѣмъ, поѣхавши за границу, онъ освоился тамъ съ первоначально считавшейся, какъ имъ, такъ и Александромъ II, „химеричною“ идеею объ обязательномъ выкупѣ земли. Мысли по этому поводу онъ изложилъ въ четырехъ своихъ знаменитыхъ письмахъ къ Александру II и тѣмъ перевелъ и его на эту точку зрѣнія. Письма Ростовцева къ Александру II — его величайшая въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ землею заслуга. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что никакимъ „книжникамъ“, къ которымъ Александръ всегда чувствовалъ унаслѣдованную имъ отъ отца инстинктивную антипатію, не удалось бы повліять на императора такъ, какъ это сумѣлъ сдѣлать, именно благодаря своему съ нимъ психическому родству, Ростовцевъ. Эти два человѣка говорили на вполнѣ понятномъ другъ другу языкѣ, исходили изъ одного и того же лейтмотива — необходимости охраненія „порядка“, и гораздо болѣе сильный и рѣшительный Ростовцевъ не могъ не оказывать поэтому большого вліянія на своего несравненно болѣе слабаго повелителя. Можно сказать, что заслуга эта была со стороны Ростовцева невольная, вызванная совершенно особымъ характеромъ сложившихся тогда обстоятельствъ,—пусть будетъ такъ,—но заслуга отъ этого не перестаетъ быть все-таки заслугою, ибо она сказалась реальными для жизни результатами. „Государь, не бойтесь“, промолвилъ Александру на смертномъ одрѣ Ростовцевъ, и для Александра это предсмертное ободреніе имѣло свое значеніе: онъ сталъ нѣсколько менѣе бояться и страшиться.

Кн. Е. П. Оболенскій.

Для характеристики Ростовцева необходимо указать еще на одинъ фактъ: во время его дѣятельности въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ онъ подвергался рѣзкимъ и нерѣдко несправедливымъ обличеніямъ въ „Колоколѣ“.

Но въ томъ же „Колоколѣ“ печаталось много цѣнныхъ статей по крестьянскому вопросу, и вотъ Ростовцевъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, конечно, запрещенный тогда къ обращенію въ Россіи журналъ Герцена доставлялся всѣмъ членамъ Главнаго Комитета. Такой фактъ говоритъ, несомнѣнно, не только очень много въ пользу моральнаго мужества Ростовцева, но и дѣлаетъ его рѣдкимъ исключеніемъ среди русскихъ сановниковъ, именно этимъ свойствомъ никогда не отличавшихся.

Ростовцевъ скончался 6 февраля 1860 года, а черезъ годъ съ нѣсколькими днями величайшее дѣло русской жизни XIX вѣка стало совершившимся фактомъ. И потомство должно воздать должное въ этомъ дѣлѣ тому, кто,—каковы бы ни были его недостатки,—много и плодотворно поработалъ надъ разрѣшеніемъ поставленной тогда велѣніями времени наиболѣе жизненной задачи русской земли.

В. Богучарскій.

Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

А. К. Дживелегова.

Русскаго мужика освобождали дворянинъ и чиновникъ. Оттого освободили такъ плохо. Иначе не могло быть. Помѣщиками руководили соображенія экономической выгоды, бюрократіей — мотивы государственной пользы и безопасности. У лучшихъ изъ дѣятелей реформы основа взглядовъ складывалась не изъ идейнаго увлеченія, а именно изъ сознанія необходимости, такой или другой. Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, А. М. Унковскій — все-таки помѣщики; Н. А. Милютинъ, Я. И. Ростовцевъ — все-таки бюрократы. И какъ это ни покажется страннымъ, если мы захотимъ въ исторіи крестьянской реформы поискать настоящаго порыва [1]), мы должны подняться на ступени трона. Великая княгиня Елена Павловна и великій князь Константинъ Николаевичъ—вотъ два лица, которымъ реформа обязана въ этомъ отношеніи особенно много. Какъ фея-благодѣтельница, какъ добрый волшебникъ, которые творятъ добро только потому, что такова ихъ природа, стояли они надъ реформой: она у колыбели ея, онъ—чтобы поддержать ея первые шаги въ жизни. Не будь ихъ — борьба

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о законодательномъ осуществленіи реформы, ибо ея идейная подготовка, начиная съ Радищева, была такъ богата идеализмомъ, какъ немногіе другіе однородные процессы русской исторіи.

съ врагами оказалась бы, быть-можетъ, не подъ силу людямъ, непосредственно ковавшимъ реформу.

Это не значитъ, конечно, что тѣ и другіе, Ростовцевы и Милютины, Черкасскіе и Самарины, до конца оставались рабами одного только холоднаго расчета, что въ нихъ никогда не загоралось настоящее увлеченіе, что они не были способны на рискъ и на жертву. Соображенія необходимости опредѣляли исходный принципіальный пунктъ. Это было много, но это было не все. Оставалось осуществленіе на практикѣ. Практика требовала величайшаго, безпощаднаго напряженія силъ. И силы дѣйствительно не щадились. Психологически это было только естественно. Когда за дѣло берется человѣкъ крупный, разъ навсегда рѣшившій для себя, что другого исхода нѣтъ, что онъ идетъ до конца, все равно во имя какихъ мотивовъ,— было бы странно, если бы онъ остановился на полпути изъ-за того, что передъ нимъ воздвиглось препятствіе. Въ крупномъ человѣкѣ живетъ большая нравственная сила. Такихъ всегда разжигаетъ борьба.

Гр. П. Д. Киселевъ.

Кругомъ реформы съ самаго начала, задолго до начала, было и змѣиное шипѣніе и волчій вой. Противники были нешуточные, и борьба съ ними видѣлась серьезная. Маленькіе люди отступили бы, оберегая себя. Передовые дѣятели реформы не были людьми маленькими. Отступить или обнаружить слабость значило сдать крѣпостникамъ всѣ позиціи, т.-е потерпѣть нравственное пораженіе и похоронить дѣло. Они предпочли борьбу. Вотъ гдѣ источникъ того нерва, того увлеченія, тѣхъ стремительныхъ порывовъ, которые создали плеядѣ бойцовъ-водителей освобожденія такую славу. Они ее, несомнѣнно, заслужили. Не будь у нихъ твердой рѣшимости, яснаго взгляда и смѣлой послѣдовательности — реформа остановилась бы на полдорогѣ. Крестьяне послѣ освобожденія не получили бы и того, что получили; вокругъ обезземеленнаго свыше, оставшагося съ одной котомкой за плечами, мужика выплясывали бы радостный хороводъ Долгоруковы и Орловы, Муравьевы и Безобразовы, а на горизонтѣ загоралось бы зловѣщее зарево пугачевщины...

Николаю Алексѣевичу Милютину въ этой небольшой группѣ послѣдовательныхъ сторонниковъ разумнаго освобожденія принадлежитъ центральное мѣсто. Отъ него шла инициатива, его усиліями предпринимались рѣшительные шаги, его бдительность предохраняла отъ крѣпостническихъ

оковъ, объ его твердость разбивались крупныя и мелкія интриги враговъ реформы.

Трудно представить себѣ человѣка, который по всему своему укладу лучше подходилъ бы къ той роли, которую сыгралъ въ реформѣ Н. А. Милютинъ, къ роли ея дѣловой души. У него были огромныя знанія, богатѣйшій бюрократическій опытъ, рѣдкая трудоспособность, т.-е. всѣ главныя качества, которыя дѣлаютъ хорошаго чиновника. Если бы у Милютина были одни эти пассивныя качества, онъ и остался бы только хорошимъ чиновникомъ. Но у него былъ еще бурный, совсѣмъ не чиновническій темпераментъ, былъ яркій, повидимому, ораторскій талантъ, была смѣлость, была властная энергія и непоколебимая настойчивость, т.-е. черты, создающія въ соединеніи съ пассивными качествами незауряднаго государственнаго дѣятеля. Его ясный умъ былъ совершенно чуждъ сентиментализма, чуждъ настолько, что онъ могъ при своихъ гуманныхъ взглядахъ одобрять тѣлесныя наказанія [1]). Онъ никогда не позволялъ чувству вліять на свои основные взгляды и всегда неуклонно держался тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя установилъ для себя первоначально.

Какъ политика, его прежде всего опредѣляли его взгляды на задачи и сущность государства вообще и русской государственности въ частности. Изъ нихъ логически вытекало у него сознаніе необходимости реформы.

Обыкновенно обращаютъ слишкомъ мало вниманія на политическія идеи Милютина. Между тѣмъ только въ нихъ можно найти объясненіе его соціальныхъ воззрѣній и въ частности его широкой формулы крестьянской реформы.

Въ моменты, критическіе для государственнаго порядка, когда этому порядку приходится переносить тяжелые удары, когда предъ нимъ стоитъ альтернатива—рушиться или обновиться, правящій классъ выдвигаетъ даровитыхъ дѣятелей, способныхъ если не устранить опасность, то отдалить ее. Это—плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови, но все-таки люди въ корнѣ иные, съ другой моралью, съ другими жизненными принципами, — плодъ естественнаго отбора у бюрократіи. Въ Пруссіи послѣ Іены явился баронъ Штейнъ и плеяда его сотрудниковъ, въ Россіи—послѣ Севастополя, братья Милютины, Замятнинъ, Зарудный, Ростовцевъ и другіе дѣятели реформы. Это было неизбѣжно. Если бы въ Пруссіи въ 1806—1810 годахъ управленіе осталось въ рукахъ старыхъ дѣятелей, ее поглотилъ бы чужеземный завоеватель. Если бы въ Россіи усидѣли на своихъ мѣстахъ Бибиковы, Клейнмихели, Меньшиковы, страну постигли бы всѣ конвульсіи стихійнаго народнаго движенія. Тутъ и тамъ бюрократія поняла это и цѣною многихъ уступокъ отдалила капитуляцію.

---

[1]) Н. П. Семеновъ «Освобожденіе крестьянъ», т. II, стр. 552.

Но тѣ дѣятели, которымъ принадлежитъ заслуга обновленія старой бюрократической государственности, сами, повторяемъ, цѣликомъ стоятъ на точкѣ зрѣнія бюрократизма. Баронъ Штейнъ въ періодъ своей министерской дѣятельности возлагалъ всѣ упованія на административныя и соціальныя реформы. О политическихъ преобразованіяхъ, хотя бы въ формѣ безобиднаго совѣщательнаго представительства, онъ сталъ думать лишь подъ конецъ своей жизни. Николай Милютинъ никогда не пришелъ къ сознанію необходимости политической реформы. Административное начало во взглядахъ его всегда стояло на первомъ планѣ, прерогативами государственной власти онъ не поступался никогда. Онъ ставилъ ее высоко, вѣрилъ въ ея благотворныя силы и, вѣроятно, не отказался бы, подобно Тюрго, дать обѣщаніе въ пять лѣтъ сдѣлать счастливой страну средствами разумнаго абсолютизма. Привязанность къ принципу административной власти доводила его порою до отрицательнаго отношенія къ принципу самоуправленія. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ онъ вмѣстѣ съ Я. А. Соловьевымъ настаивалъ на ограниченіи правъ сельскаго схода по контролю и учету довѣренныхъ лицъ [1]) и устроилъ цѣлый скандалъ по поводу доклада о положеніи государственныхъ крестьянъ, въ которомъ ему почудилась попытка умаленія административной власти и „критика государственнаго учрежденія“ [2]). А позднѣе, когда зашла рѣчь о мировыхъ посредникахъ, Милютинъ требовалъ, чтобы „на первое время, изъ осторожности“ мировые посредники назначались губернаторами, а не выбирались крестьянами. Въ этомъ знаменательномъ голосованіи 2 іюля 1860 г. Милютинъ имѣлъ противъ себя не только своихъ обычныхъ друзей Черкасскаго и Жуковскаго (Самарина не было), но и большинство правыхъ съ гр. В. Н. Панинымъ во главѣ. Вмѣстѣ съ нимъ голосовали только его Санчо Панса, И. П. Арапетовъ, и украинскій феодалъ Грабянка [3]).

Едва ли всѣ эти выступленія обусловливались случайными причинами или временными, практическими соображеніями. Милютинъ былъ цѣльный человѣкъ. Его темпераментъ никогда не увлекалъ его на такія заявленія, отъ которыхъ ему пришлось бы потомъ отказываться. У него была своя теорія государства, отъ которой онъ не отступалъ. Къ сожалѣнію, ему не случилось формулировать ее сколько-нибудь обстоятельно. Ее приходится возстанавливать по фрагментамъ. Вотъ, напр., очень характерное заявленіе въ засѣданіи редакціонной комиссіи 7 ноября 1859 года [4]): „Я думаю, что правитель-

---

[1]) Н. П. Семеновъ, «Освобожд. крестьянъ», т. I, стр. 500 и слѣд.

[2]) Н. П. Семеновъ, тамъ же, стр. 306—307. «Милютинъ. Я буду усиливаться доказать, что докладъ отъ первой до послѣдней строки не можетъ быть принятъ, и я не потерплю, чтобы такіе доклады вошли въ наши труды. Ростовцевъ. Развѣ вы находите, что онъ невѣрно составленъ? Милютинъ. Я этого не нахожу, но считаю тонъ его неприличнымъ». И т. д.

[3]) Н. П. Семеновъ, т. III, ч. I, стр. 346—348.

[4]) Н. П. Семеновъ, т. II, стр. 210—211.

ству должна быть всегда предоставлена особая и, такъ сказать, во всемъ инициатива. Иначе оно будетъ лишено своего достоинства. Этого допустить я никакъ не могу и ни въ какомъ случаѣ не дамъ согласія на ослабленіе его силы, если у меня будутъ спрашивать этого согласія. Пусть дворянство выбираетъ [1]), но надо утвержденіе правительства. Дворянство не представляетъ вовсе гарантій. Я не говорю, чтобы и правительство было безукоризненно, но все-таки въ немъ больше обезпеченія". Правда, оберегая „силу" и права правительства, отстаивая по существу абсолютизмъ, Милютинъ былъ далекъ отъ прославленія порядковъ николаевскаго деспотизма. Онъ отлично сознавалъ и вредъ утрированнаго бюрократизма [2]). А тотъ режимъ военнаго управленія, который существовалъ во многихъ мѣстахъ Россіи передъ реформами, вызывалъ въ немъ ужасъ. Онъ напоминалъ ему Тридцатилѣтнюю войну и кошмаръ Валленштейнова хозяйничанья въ Германіи [3]). Онъ вообще не признавалъ пользы чрезвычайныхъ мѣръ управленія и готовъ былъ всегда протестовать противъ ихъ примѣненія. Когда весною 1858 года наверху стали опасаться крестьянскихъ безпорядковъ, кн. А. Ѳ. Орловъ, нашедшій тутъ поддержку въ Я. И. Ростовцевѣ, внушили царю идею покрыть Россію сѣтью генералъ-губернаторствъ, Милютинъ уговорилъ Ланского подать Александру II записку, доказывающую ненужность и вредность этой предупредительно-карательной затѣи. Записку—она напечатана въ воспоминаніяхъ М. А. Милютиной [4])—составлялъ В. И. Арцимовичъ, но нечего и говорить, что Милютинъ былъ вполнѣ солидаренъ съ мыслями, въ ней высказанными. Это—убѣдительная и краснорѣчивая апологія законнаго управленія, горячая филиппика противъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Ни деспотизма, ни конституціи. Такъ, повидимому, можно формулировать первый членъ политическаго символа вѣры Милютина. Ибо относительно конституціи онъ былъ такъ же твердъ, какъ и относительно деспотизма. Когда послѣ своего назначенія „временно исправляющимъ должность товарища министра" Милютинъ представлялся государю и когда Александръ II настойчиво совѣтовалъ ему поправить свою репутацію „краснаго и революціонера", Милютинъ сказалъ: „О революціонерствѣ позволительно было мечтать въ молодости и при совершенно другихъ условіяхъ. Нынѣ же, когда я успѣлъ посѣдѣть въ борьбѣ съ произволомъ и неразвитостью высшихъ слоевъ нашего общества, которое при конституціонномъ правленіи создало бы у

---

[1]) Рѣчь шла о назначеніи одного помѣщика въ уѣздную комиссію по организаціи волостного управленія.

[2]) Разъ, какъ-то, на замѣчаніе П. А. Булгакова въ редакціонной комиссіи, что проектированными мѣрами можно будетъ выгнать изъ города въ деревню полезныхъ членовъ общества, Милютинъ воскликнулъ: «Это и хорошо, это прекрасно: у насъ будетъ меньше чиновниковъ». (Н. П. Семеновъ, т. I, стр. 370).

[3]) A. Leroy-Beaulieu. Un homme d'Etat russe, 16.

[4]) «Рус. Стар.», 1899, февр., стр. 272 и слѣд.

Н. А. Милютинъ.

Беларускі Дзяржаўны Універсітэт
№
бібліятэка

насъ деспотизмъ олигархіи, чего я для своего отечества вовсе не желаю нынѣ, когда правительство либеральнѣе самого общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ,—исчезаетъ всякій оппозиціонный духъ“ [1]).

Французскій біографъ Милютина Анатоль Леруа-Болье утверждаетъ, что Милютинъ „въ принципѣ былъ сторонникомъ конституціи“, но онъ не скрываетъ отъ читателей и того обстоятельства, что Милютинъ считалъ „всякое требованіе конституціи преждевременнымъ“. При ближайшемъ же разсмотрѣніи оказывается, что и „принципіальное“ признаніе конституціи обставлено оговорками. „Прежде чѣмъ приступить къ политическимъ реформамъ, по его мнѣнію, нужно было окончить реформы административныя и, чтобы научить страну управляться самой, отдать ее на первоначальную выучку мѣстнаго self-government“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Леруа-Болье, повидимому, хочетъ поставить въ связь съ этими отдаленными „планами“ Милютина, самое существованіе которыхъ не подтверждается ничѣмъ [3]), работы его по созданію земскихъ учрежденій [4]). Нужно быть совсѣмъ незнакомымъ съ характеромъ работъ Милютинской комиссіи 1859 года, чтобы видѣть въ нихъ хотя бы отдаленное подобіе хотя бы самаго убогаго выраженія принципа self-government. Въ этихъ работахъ гораздо больше заботъ о правахъ исправника и вообще полиціи, чѣмъ о формахъ самоуправленія. Другими словами, соблазнительная идея представить Милютина сторонникомъ постепеннаго распространенія принципа самоуправленія съ мѣстныхъ учрежденій на центральныя, такимъ, какимъ былъ подъ конецъ своей дѣятельности тотъ же баронъ Штейнъ,—рѣшительно должна быть признана неудачной.

Сопоставляя между собою эти разбросанныя заявленія и указанія, мы видимъ, что абсолютизмъ Милютина имѣетъ опредѣленные контуры. Права правительства выдвигаются не въ противоположность правамъ общества вообще, а въ противоположность правамъ дворянства. Ибо совершенно ясно, что если Милютинъ считаетъ правительство либеральнѣе „общества“, то подъ обществомъ разумѣется дворянство. Милютинъ прекрасно видѣлъ, что дворянскій феодальный укладъ отжилъ свой вѣкъ, и не менѣе прекрасно сознавалъ, что правительство, понимающее свои задачи, не должно гальванизировать это одряхлѣвшее сословное тѣло. И къ конституціи онъ относился отрицательно

---

[1]) Изъ записокъ М. А. Милютиной. «Рус. Стар.», 1899, янв., стр. 64.

[2]) Un homme d'Etat russe, стр. 169.

[3]) Въ письмѣ къ брату, генералу Д. А. Милютину, изъ Рима, когда онъ былъ уже чуть не насильно удаленъ отъ любимаго дѣла и естественно не былъ преисполненъ очень нѣжныхъ чувствъ къ людямъ, стоящимъ во главѣ правительства, Милютинъ формулировалъ свой каталогъ уступокъ обществу со стороны власти. Какой это жалкій каталогъ и какъ не похожъ онъ на то, что приписываетъ Милютину Леруа-Болье. «Въ чемъ должны заключаться эти уступки? Вотъ главный вопросъ. По моему,—въ широкомъ развитіи выборнаго принципа для мѣстной администраціи (кромѣ чиновъ полиціи) и въ удвоеніи бюджета народнаго просвѣщенія». (Leroy Beaulieu, стр. 118).

[4]) Leroy-Beaulieu, 140.

потому, что, подобно Кавелину и многимъ другимъ, не представлялъ себѣ въ это время возможности никакой другой конституціи, кромѣ узко-дворянской [1]). Славянофильскія чаянія объ общеземской Думѣ, мечты Константина Аксакова объ учрежденіи, воплощающемъ обще-народную „силу мнѣнія“, Милютинъ, очевидно, считалъ очень далекими отъ реальныхъ возможностей. А онъ былъ практикъ. Какъ практику, дворянскія вожделѣнія казались ему опасными, и онъ велъ съ ними самую энергичную борьбу, одинаково и на соціальной и на политической почвѣ, ибо та и другая представлялись ему нераздѣльными. Когда въ Петербургъ прибыли делегаты отъ губернскихъ комитетовъ, чтобы нѣсколько „исправить“ въ интересахъ дворянства заключенія редакціонныхъ комиссій, не кто иной, какъ Милютинъ, сдѣлалъ призрачнымъ ихъ участіе въ работахъ комиссій. Когда для того, чтобы съ другого конца парализовать дѣятельность редакціонныхъ комиссій, дворяне стали подавать царю „записки“ съ конституціонными проектами, опять-таки Милютинъ ловкими ходами парализовалъ ихъ дѣйствіе. Если вообще дворянская интрига оказала сравнительно мало вліянія на выработку Положенія о крестьянахъ, то здѣсь, главнымъ образомъ, заслуга Милютина, который двигалъ одряхлѣвшими руками Ланского.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что крѣпостники платили Милютину самой бѣшеной ненавистью. Его называли Маратомъ, Робеспьеромъ, краснымъ, чѣмъ угодно. Когда онъ впервые по должности товарища министра представился государынѣ, гр. П. А. Шуваловъ, будущій герой Берлинскаго конгресса, самъ сказалъ ему: „Savez-vous ce que l'on dit en ville de votre conference avec l'Imperatrice? On dit: Voila Mirabeau qui commence ses entrevues clandestines avec Marie-Antoinette“. Эта фраза обнаруживала только историческую безграмотность крѣпостническаго бомонда, но, вообще говоря, интриги и закулисныя махинаціи Милютину сильно вредили. Имъ онъ былъ обязанъ своимъ „временнымъ“ положеніемъ въ товарищахъ министра, имъ онъ обязанъ былъ и тѣмъ, что царь никогда не относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Только могущественное покровительство в. кн. Елены Павловны и в. к. Константина Николаевича спасало Милютина, когда казалось, что „не камни, а цѣлая мостовая“ (Герценъ), летѣвшая въ него изъ холеныхъ крѣпостническихъ рукъ, вотъ-вотъ похоронитъ его подъ собою.

Дѣйствительно, для дворянскихъ интересовъ Милютинъ былъ человѣкъ опасный. Но только вовсе не потому, что онъ былъ Маратомъ. Маратомъ онъ, конечно, не былъ никогда. Тотъ политическій типъ, который онъ являлъ собою, зовется иначе. Милютинъ—наиболѣе яркій представитель у насъ просвѣщеннаго абсолютизма. „Просвѣщенная“ форма абсолютизма является,

[1]) Когда Ланскому пришлось защищать Милютина передъ царемъ по обвиненію въ томъ, что онъ хочетъ конституціи и ненавидитъ дворянство, министръ сказалъ, что эти два обвиненія противорѣчатъ одно другому. (Зап. М. А. Милютиной, тамъ же, стр. 62). Очевидно, считалось невозможнымъ раздѣлять дворянскія вожделѣнія и отрицать необходимость конституціи.

какъ извѣстно, тогда, когда становится невозможнымъ союзъ между монархіей и дворянствомъ—основа классической формы абсолютизма, абсолютизма Людовика XIV, Филиппа II, Великаго Курфюрста. Дворянство перестаетъ быть цѣннымъ союзникомъ потому, что уменьшается его соціальное значеніе и соотвѣтственно вырастаетъ роль различныхъ группъ третьяго сословія: буржуазіи, крестьянства. Уступки принципамъ „просвѣщенія"—это именно уступки третьему сословію, первыя попытки если не замѣнить старый соціальный фундаментъ монархіи новымъ, то расширить его. Не даромъ законодательство просвѣщеннаго абсолютизма всюду—въ Пруссіи, въ Австріи, въ Даніи, въ Неаполѣ—дѣлаетъ такъ много въ пользу буржуазіи и крестьянства и такъ мало боится задѣвать старыя дворянскія привилегіи.

Милютинъ едва ли руководствовался въ своей дѣятельности соціологическими конструкціями. Но онъ видѣлъ очень хорошо упадокъ дворянства и понималъ невозможность оставлять городскіе классы и крестьянство при прежнемъ безправномъ положеніи. Въ его умѣ, какъ можно заключить по нѣкоторымъ намекамъ, рисовался обширный планъ реформъ, который въ суммѣ долженъ бы дать нѣчто очень похожее на картину законодательства просвѣщеннаго абсолютизма. Проведенная имъ еще въ 1846 г. реформа петербургскаго городского управленія уже по его первоначальнымъ проектамъ должна была послужить образцомъ общей городской реформы и такимъ образомъ снабдить органомъ общественное мнѣніе хотя бы верхнихъ круговъ городского населенія. Крестьянская реформа вводила въ гражданскій оборотъ многомилліонную сермяжную массу. Необходимость и неотложность именно крестьянской реформы Милютинъ сознавалъ особенно остро и именно такой, какая была осуществлена при его ближайшемъ участіи — освобожденіе съ землей. Онъ былъ убѣжденъ, какъ и Ростовцевъ, какъ самъ Александръ II, что отсрочка или палліативъ въ этомъ дѣлѣ приведутъ къ такимъ событіямъ, отъ которыхъ содрогнется Россія. Въ засѣданіи комиссіи 23 ноября 1859 года Ростовцевъ сказалъ: „Я увѣренъ, что, если у крестьянъ совсѣмъ отрѣзать землю, будетъ пугачевщина (я говорю это между своими въ дружескомъ обществѣ), и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ и страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію"... А когда затѣмъ Галаганъ, повторяя слова предсѣдателя, сказалъ что-то о „смутахъ", Ростовцевъ живо перебилъ его: „Нѣтъ, я говорю больше". И Галаганъ вспомнилъ подлинныя слова: „Да, вы сказали пугачевщину". Тогда Ростовцевъ подчеркнулъ еще разъ свою мысль, усиливая ее: „Да, я предвижу страшныя обстоятельства,—ниспроверженіе государственнаго порядка, анархію"... [1]). Это были мысли Милютина, и Ростовцевъ тутъ говорилъ, какъ его ученикъ.

---

[1]) Н. П. Семеновъ, т. II, стр. 254—255.

Но соображенія государственной безопасности были не единственными у Милютина. Онъ понималъ,—и это снова сближаетъ его съ представителями западнаго просвѣщеннаго абсолютизма,—что освобожденіе крестьянъ несетъ съ собою государству и прямыя выгоды. Паденіе крѣпостного права разрушало вредное для государства средостѣніе помѣщичьихъ интересовъ между властью и многомилліонной крестьянской массой. Государство только этимъ путемъ могло протянуть руку къ живому источнику народнаго труда и, черпая въ этомъ источникѣ, поставить на правильную ногу свои финансы. Ибо отнынѣ, — по крайней мѣрѣ, согласно теоретическимъ предвидѣніямъ,— значительная доля крестьянскихъ рессурсовъ, поглощавшихся неправильной, часто хищнической помѣщичьей эксплоатаціей, должна была итти на потребу государства. Государство просто поняло, что ему не зачѣмъ дѣлиться съ помѣщикомъ, когда оно можетъ захватить гораздо больше. Не даромъ забота объ охранѣ фискальныхъ интересовъ такъ явственно выступаетъ на первый планъ во всѣхъ заявленіяхъ правительства по крестьянскому вопросу, начиная съ рескрипта на имя ген. Назимова. Это была idée maitresse всей реформы.

Въ Россіи въ „эпоху великихъ реформъ“ проводникомъ государственности, понимаемой такимъ образомъ, былъ прежде всего Н. А. Милютинъ.

Тутъ снова и снова приходится подчеркивать основныя побужденія Милютина. Имъ двигала не любовь къ меньшому брату [1]), какъ великой княгиней Еленой Павловной, а тотъ принципъ просвѣщеннаго абсолютизма, который по-французски назывался raison d'Etat, а въ потсдамско-бранденбургскомъ переводѣ—Staatsraison. Мысль Милютина работала въ направленіи отъ государства къ крестьянамъ, а не наоборотъ. Потому онъ не находилъ ничего непослѣдовательнаго въ томъ, что освобождаемые отъ вотчинной опеки крестьяне попадали подъ такую же строгую опеку государственныхъ властей. Потому онъ ни въ чемъ не обнаружилъ заботъ о томъ, чтобы крестьяне получили возможность дѣйствительно распоряжаться своими дѣлами въ порядкѣ дѣйствительнаго, а не призрачнаго самоуправленія. Потому онъ не считалъ принципіально недопустимыми тѣлесныя наказанія и не побоялся связать свое имя съ розгами, этой отвратительной кляксой на работѣ редакціонныхъ комиссій.

Демократизма не было въ этой суровой теоріи государственной необходимости, и это нужно помнить всегда при характеристикѣ дѣятельности Н. А. Милютина. Обыкновенно объ этомъ склонны забывать.

---

[1]) Эпизодъ о крѣпостномъ кучерѣ, котораго чуть было не заморозилъ въ юности Милютинъ, и о ласковомъ выговорѣ матери, произведшемъ на него такое впечатлѣніе, конечно, не болѣе, какъ анекдотъ. Разсказъ приписывается самому Милютину, но о фактѣ ни слова не упоминаетъ его жена, свидѣтель осторожный и достовѣрный. Только неумѣніе отыскать настоящій источникъ реформаторскаго рвенія Милютина заставило Леруа Болье, а за нимъ Джаншіева придавать этому анекдоту такое значеніе.

Депутаты 1-го созыва.

Гр. С. М. Плятеръ-Зибергъ.
(Витебская губ.).

А. Ф. Цвхановецкій.
(Витебская губ.).

А. А. Скирмунтъ.
(Минская губ.).

А. В. Оскерко.
(Минская губ.).

Депутаты 2-го созыва.

А. В. Домейко.
(Вилепская губ.).

П. Д. Пузыревскій.
(Вологодская губ.).

К. Н. Оржешко.
(Гродненская губ.).

А. К. Мелеховъ.
(Область Войска Донского).

Д. Г. Калиновскій.
(Область Войска Донского).

А. М. Миклашевскій.
(Екатеринослав. губ.).

И. П. Умовъ.
(Казанская губ.).

И. А. Сокольскій.
(Казанская губ.).

Кн. А. В. Оболенскій.
(Калужская губ.).

Ф. И. Шостаковскій.
(Кіевская губ.).

Гр. Р. К. Тызенгаузъ.
(Ковенская губ.).

В. Л. Изъѣдиновъ.
(Курская губ.).

* * *

Какъ государственному дѣятелю, Милютину очень посчастливилось въ томъ отношеніи, что онъ съ самаго начала встрѣтилъ могущественную поддержку. Безъ той крѣпкой опоры, которую онъ получилъ въ лицѣ великой княгини Елены Павловны, онъ не достигъ бы цѣли. Въ этомъ нельзя сомнѣваться. Ибо даже при наличности этой опоры однажды, послѣ извѣстной Безобразовской исторіи въ петербургской думѣ, вся его карьера висѣла на волоскѣ.

Тѣсная дружба съ вел. княг. Еленой Павловной вообще была тѣмъ моментомъ, который окрылялъ Милютина. Про эту дружбу въ великосвѣтскихъ крѣпостническихъ салонахъ плели всякія небылицы [1]), чтобы хоть этимъ парализовать союзъ между искреннимъ идейнымъ увлеченіемъ и непоколебимой практической энергіей. Къ счастью, это не помогало. Главные этапы процесса освобожденія — дѣло рукъ Милютина, опиравшагося то непосредственно, то косвенно на поддержку своей высокой покровительницы. Увлеченіямъ вел. княгини Милютинъ умѣлъ придавать такой видъ, что они становились образцами широкихъ государственныхъ актовъ. Это лучше всего видно на эпизодѣ съ освобожденіемъ крестьянъ въ Карловкѣ, полтавскомъ имѣніи великой княгини. Передъ глазами Елены Павловны носился увлекательный для ея пылкаго дѣйственнаго идеализма актъ— освободить крестьянъ съ землею, чтобы облагодѣтельствовать ихъ и дать благой примѣръ. Милютинъ убѣдилъ ее обставить освобожденіе карловскихъ крестьянъ такимъ образомъ, чтобы оно послужило праобразомъ для дѣла эмансипаціи крестьянъ всей Россіи, чтобы документъ, освобождающій карловскихъ крестьянъ, сдѣлался своего рода черновымъ наброскомъ будущаго акта, освобождающаго всѣхъ русскихъ крестьянъ, чтобы карловскій случай не оставался одинокимъ починомъ великодушной женщины, а постепенно, съ необходимостью, разросся въ общее дѣло. Милютинъ думалъ прежде всего сплотить вокругъ августѣйшей полтавской помѣщицы другихъ прогрессивныхъ помѣщиковъ той же губерніи, Тарновскаго, кн. Кочубея и пр., чтобы создать тоже черновой набросокъ будущаго губернскаго комитета. И пока карловскія дѣла не получили того теченія, какого хотѣлъ Милютинъ, онъ неустанно приходилъ на помощь великой княгинѣ записками, проектами, разъясненіями, а потомъ эти записки шли дальше къ царю и укрѣпляли его въ намѣреніи покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Когда карловскій вопросъ былъ законченъ совсѣмъ—это было въ началѣ 1859 года, подготовка законодательной развязки крѣпостного права была въ полномъ ходу.

---

[1]) A. Leroy-Beaulieu, стр. 28.

Въ 1855 году, когда С. С. Ланской былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Д. Г Бибикова, Милютинъ занималъ должность директора хозяйственнаго департамента министерства. Но первые три года онъ держался почти совершенно въ сторонѣ отъ официальныхъ работъ по крестьянскому дѣлу. Но неофиціально онъ давно былъ въ нихъ душой. Самъ Ланской, товарищъ министра А. И. Левшинъ, начальникъ земскаго отдѣла Я. А. Соловьевъ постоянно пользовались его совѣтами и указаніями. Одинъ изъ такихъ совѣтовъ былъ настоящимъ coup de maitre, ибо онъ безповоротно поставилъ крестьянскую реформу въ порядокъ дня. Это—разсылка рескрипта на имя ген. Назимова въ ноябрѣ 1857 г. всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ и опубликованіе его во всеобщее свѣдѣніе. Крѣпостническая партія, которая всячески старалась оттянуть рѣшительный приступъ къ реформѣ, которая съ большимъ аппетитомъ приспособилась, чтобы похоронить ее въ секретномъ комитетѣ, приняла мѣры къ тому, чтобы рескриптъ не былъ опубликованъ, но Ланской съ Милютинымъ, предвидя это, въ одну ночь отпечатали его, и когда утромъ пришло приказаніе не разсылать, было уже поздно. У крѣпостниковъ были сожжены корабли. Подготовку невозможно было оттягивать далѣе. 8 января 1858 года секретный комитетъ былъ переименованъ въ Главный, и началась работа на мѣстахъ.

Изъ незамѣтнаго положенія Милютина вывели событія осени 1858 года. Въ ноябрѣ случился скандалъ въ Петербургской городской думѣ. Одинъ изъ гласныхъ напечаталъ въ „Рус. Вѣстникѣ“ документъ, представлявшій въ очень смѣшномъ видѣ его автора, нѣкоего Н. Безобразова, который приходился племянникомъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта кн. А. Ѳ. Орлову и, конечно, былъ завзятымъ реакціонеромъ. Инцидентъ былъ пустяковый, но его раздули, довели до свѣдѣнія государя, и расплачиваться за все пришлось Милютину, какъ отцу новой думы и ея постоянному защитнику. Александръ II былъ очень раздраженъ противъ Милютина, и только благодаря самоотверженной твердости Ланскаго [1]), и Елены Павловны ему не пришлось подать въ отставку. Недовѣріе къ нему царя держалось послѣ этого довольно долго, вплоть до польскаго назначенія, но Милютинъ сталъ ему извѣстенъ, и Ланскому, поддерживаемому вел. кн. Еленой Павловной, было сравнительно нетрудно двигать его впередъ. Очень скоро послѣ этого инцидента Ланской назначилъ Милютина членомъ крестьянскаго комитета въ министерствѣ, и онъ мало-по-малу втянулся въ самую гущу работы. Въ началѣ 1859 года начались его сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ [2]), который только что

---

[1]) На вопросъ царя, ручается ли онъ за Милютина, о которомъ идетъ слава, какъ о вредномъ человѣкѣ и революціонерѣ, С. С. Ланской не задумываясь отвѣтилъ: «Какъ за самого себя».

[2]) Я. А. Соловьевъ приписывалъ себѣ напоминаніе Ростовцеву о Милютинѣ. «Р. Ст.», 1880 г., февр., стр. 334.

получилъ предписаніе учредить редакціонную комиссію. А постомъ того же года состоялось его назначеніе на постъ товарища министра вмѣсто А. И. Левшина. Назначенію предшествовало много сплетенъ въ обществѣ и много интригъ. Александръ II колебался: ему трудно было побѣдить свое недовѣріе къ человѣку, котораго въ его глазахъ представляли революціонеромъ. Ланской и тутъ обнаружилъ мало свойственную его характеру твердость, и царь, въ концѣ-концовъ, уступилъ. Но Милютинъ былъ назначенъ не просто товарищемъ министра, а „временно исправляющимъ обязанности товарища министра". И настолько было велико нежеланіе царя видѣть Милютина въ этой должности, что, подписывая бумагу о его назначеніи, гдѣ было сказано, что Милютинъ назначается исправляющимъ обязанности, Александръ II собственноручно приписалъ сверху „временно".

Милютина все это, разумѣется, очень огорчало. Онъ чувствовалъ себя не заслуженно оскорбленнымъ, но такъ какъ, повидимому, эфемерность титула не мѣшала ничему, то онъ и работалъ безъ большихъ недоразумѣній. Его враги въ насмѣшку называли его „временно-постояннымъ" товарищемъ министра.

Сношенія съ Ростовцевымъ, къ которому Милютинъ относился съ предубѣжденіемъ, какъ къ сторонніку проекта о генералъ-губернаторахъ, и котораго какъ человѣка, не обладающаго юридическимъ образованіемъ, считалъ неспособнымъ руководить дѣломъ редакціонныхъ комиссій, сразу пошли гораздо глаже, чѣмъ Милютинъ могъ ожидать. Ростовцевъ относился къ своей задачѣ со всѣмъ сознаніемъ отвѣтственности взятаго на себя дѣла, „со страхомъ передъ Россіей и потомствомъ, съ чувствомъ долга передъ своею совѣстью". Свою неподготовленность онъ понималъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, и, почувствовавъ въ Милютинѣ огромныя знанія и большой опытъ, онъ безъ труда подчинился его вліянію. И первое, что внушилъ Ростовцеву Милютинъ,—была мысль о необходимости освѣжить чиновничій составъ редакціонной комиссіи людьми непосредственнаго, практическаго опыта, „экспертами". Мысль Милютина была та, чтобы въ числѣ этихъ экспертовъ были люди, зарекомендовавшіе себя въ губернскихъ комитетахъ въ качествѣ послѣдовательныхъ сторонниковъ освобожденія. Въ число экспертовъ попали нѣсколько выдающихся членовъ меньшинства комитетовъ: Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, Г. П. Галаганъ, В. В. Тарновскій и проч. [1]), но не было недостатка ни въ настойчивыхъ крѣпостникахъ (гр. П. П. Шуваловъ, кн. Ѳ. И. Паскевичъ), ни въ очень сомнительныхъ друзьяхъ крестьянства, въ родѣ М. П. Позена и А. Д Желтухина.

Милютинъ придавалъ огромное значеніе роли экспертовъ въ редакціонной комиссіи. Приглашая въ комиссію Ю. Ѳ Самарина, единственнаго

---

[1]) Изъ крупныхъ мѣстныхъ дѣятелей не былъ приглашенъ только А. М. Унковскій, очевидно, потому, что Милютина пугалъ радикализмъ тверского предводителя.

изъ экспертовъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ лично, онъ писалъ ему [1]): „Могу васъ вполнѣ удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны; ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно, не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода, вѣроятно, будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступать передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни“...

Такъ же смотрѣли на дѣло тѣ эксперты, которые стояли за послѣдовательныя рѣшенія въ крестьянскомъ вопросѣ. Никто изъ нихъ не скрывалъ отъ себя ни трудности дѣла, ни возможныхъ осложненій. Но они не колебались. „Весенними птицами слетѣлись они со всѣхъ концовъ Россіи, въ одну группу, покидая кто жену и дѣтей, кто свой безвыѣздный деревенскій уголъ, всѣ свои частныя дѣла и занятія, пріѣзжая (безвозмездно) въ Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ столько мукъ всякаго рода, столько безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работою, такая напряженная борьба, такая странная неблагодарность [2])“...

Милютинъ, сильный поддержкою, которую оказывали ему большинство экспертовъ и многіе члены отъ бюрократіи, сдѣлался центральной фигурой въ комиссіи. Подобно тому, какъ въ министерствѣ С. С. Ланской, такъ тутъ подчинялся ему Я. И. Ростовцевъ. Безъ Милютина добродушный генералъ чувствовалъ себя какъ потерянным. Н. П. Семеновъ записалъ любопытную сценку. Однажды въ трудномъ мѣстѣ Милютинъ во время засѣданія всталъ и отошелъ отъ стола. Ростовцевъ заволновался и сейчасъ же сталъ его спрашивать: „Что же? Куда вы? Это самый важный споръ у насъ теперь разрѣшается!“ И успокоился только тогда, когда Милютинъ сказалъ ему, что онъ никуда не уйдетъ [3]). Старикъ даже побаивался слегка Милютина. Разъ какъ-то ему показалось, что Милютинъ не слушаетъ преній. Онъ попросилъ его быть внимательнѣе. Вопросъ былъ серьезный. Милютинъ сердито отвѣтилъ, что онъ занимается редакціей добавленій къ докладу. И Ростовцевъ, смущенный его тономъ, сталъ оправдываться: „Извините! Ну, продолжайте свою работу. Я мѣшать вамъ не хочу. Вы у насъ какъ нимфа Эгерія“ [4]).

Задача Милютина въ редакціонной комиссіи была не легка. Противниковъ у него было не мало. И на борьбу съ ними уходило много энергіи. Разногласія съ явными крѣпостниками протекали бурно, но, по крайней мѣрѣ, быстро. Паскевичъ и Шуваловъ очень скоро напоролись на самое энергичное сопротивленіе Милютина и его друзей, со скандаломъ ушли изъ комиссіи,

---

[1]) «Р. Ст.», 1880, февр., стр. 388.
[2]) Записки М. А. Милютиной, «Р. Ст.», 1899, февр., стр. 288.
[3]) Н. П. Семеновъ, «Освоб. крестьянъ», т. I, 366.
[4]) Н. П. Семеновъ. Тамъ же, т. I, 245.

долго въ нее не возвращались, а когда вернулись, вели себя значительно приличнѣе. Хуже были противники наполовину. Таковъ былъ, напр., веселый пріятель Ростовцева, ген. П. А. Булгаковъ [1]), который такъ ловко умѣлъ одѣвать свою очень упорную обструкцію въ обманчивый нарядъ шуточекъ и остротъ. Таковъ былъ В. И. Булыгинъ, ставленникъ министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, того самаго, который вскорѣ долженъ былъ пріобрѣсти такую мрачную славу въ Литвѣ. Таковъ былъ прежде всего М. П. Позенъ, главный и самый опасный противникъ Милютина въ первый періодъ дѣятельности комиссій. Опасенъ онъ былъ тѣмъ, что отлично зналъ дѣло и имѣлъ, особенно раньше, большое вліяніе на Ростовцева. Поэтому, когда они схватывались съ Милютинымъ и обмѣнивались рѣзкостями, бѣдный предсѣдатель не зналъ, что ему дѣлать, и молчалъ, потупивъ глаза [2]). Эти противники не столько были опасны въ самой комиссіи, сколько за ея стѣнами: они распускали всякія небылицы въ петербургскихъ салонахъ и въ кругахъ съѣхавшагося въ столицу провинціальнаго дворянства. Въ комиссіи съ Милютинымъ тягаться было трудно, потому что за Милютинымъ были его знанія, его краснорѣчіе, его неотразимая діалектика, заставлявшія Булгакова въ отчаяніи восклицать: „васъ не переспоришь!“ и потому особенно, что въ комиссіи вокругъ него тѣснилась крѣпкая дружина. Главнымъ штабомъ Милютина было хозяйственное отдѣленіе, члены котораго всегда выступали въ пленумѣ комиссіи, какъ сплоченное цѣлое, и солидарность между которыми нарушалась очень рѣдко. Поэтому у него почти всегда было большинство. Въ комиссіи эта солидарность вызывала большія нареканія. Хозяйственное отдѣленіе упрекали въ деспотизмѣ. Позенъ однажды прямо заявилъ: „Хозяйственное отдѣленіе въ общемъ присутствіи и такъ всегда въ большинствѣ. Намъ остальнымъ и безъ того уже не даютъ говорить противъ мнѣній хозяйственнаго отдѣленія, и весьма трудно провести здѣсь свою мысль, хотя бы она была самая здравая и справедливая. Отнимая у меньшинства членовъ возможность выражать свободно свои мысли, хозяйственное отдѣленіе, что захочетъ, то и сдѣлаетъ“ [3]). И не только вѣчно злобствующій на Милютина Позенъ, но и корректный Н. П. Семеновъ находилъ, что со стороны членовъ хозяйственнаго отдѣленія „чувствуется нѣкоторое насиліе, недостойное людей, себя уважающихъ“ [4]).

Въ этой дружной фалангѣ блистали Самаринъ и Черкасскій; плечо въ плечо съ ними шли эксперты Тарновскій и Галаганъ, члены отъ бюрократіи: скромный С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, огромной работоспособности

---

[1]) Авторъ знаменитаго тоста за Пугачева, «личность довольно подлая» по характеристикѣ, едва ли не преувеличенной, самого Александра II.

[2]) Семеновъ. Тамъ же, т. I, 480.

[3]) Семеновъ. Тамъ же, т. I, 480.

[4]) Семеновъ. Тамъ же, т. I, 421.

котораго было равно только его тщеславіе; ученый П. П. Семеновъ, И. П. Арапетовъ съ своимъ громкимъ голосомъ и обильной рѣчью, большой гастрономъ и вообще теплый малый, тотъ самый, котораго Огаревъ ославилъ „бездарнымъ“ въ извѣстномъ стихотвореніи.

Всѣ эти люди, нѣкоторые изъ которыхъ были связаны съ Милютинымъ тѣсной дружбою, безпрекословно признавали его своимъ лидеромъ. Хозяйственное отдѣленіе обыкновенно и собиралось у него, какъ у предсѣдателя. М. А. Милютина разсказываетъ про эти собранія: „Въ свѣтлыя, теплыя лѣтнія ночи столъ иногда выносился въ садикъ и ставился посреди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8 часовъ и часто длились до 5 утра. Окончаніе споровъ происходило иногда уже за ужиномъ. Первое время не доставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ (что не мало сокрушало хозяйку), но со временемъ все уладилось и обошлось. Окрестные работники и крестьяне, извозчики, лодочники скоро разузнали, какого рода эти собранія, и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы какимъ-нибудь трогательнымъ образомъ выразить труженикамъ свое участіе и благодарность“ [1]).

Опираясь на своихъ друзей изъ хозяйственнаго отдѣленія, Милютинъ шагъ за шагомъ укрѣплялъ свои позиціи. Пока былъ живъ Ростовцевъ, Милютинъ имѣлъ въ немъ дѣятельнаго защитника своихъ точекъ зрѣнія и передъ государемъ. Его положеніе сдѣлалось труднѣе, когда Ростовцевъ сталъ хворать. Предсѣдательствовалъ тогда П. А. Булгаковъ, отчасти потому, что былъ старшій по чину, отчасти потому, что Ростовцевъ самъ передалъ ему предсѣдательствованіе. Разница между двумя генералами была существенная. Булгаковъ самъ былъ помѣщикомъ-практикомъ и отнюдь не былъ расположенъ осчастливить крестьянъ насчетъ помѣщиковъ. Но Булгаковъ уже прошелъ, если можно такъ выразиться, курсъ крестьянскаго вопроса подъ руководствомъ Милютина и научился цѣнить и его огромную компетентность и его личное безкорыстіе. Какъ ни будировалъ временно-предсѣдательствующій, какъ ни старался затормозить дѣло обычными своими пріемами, Милютинъ не выпускалъ изъ рукъ нити. Тревога его, однако, все росла по мѣрѣ того, какъ слухи о безнадежномъ состояніи здоровья Ростовцева становились все опредѣленнѣе. Изъ придворныхъ сферъ приходили въ связи съ этимъ извѣстія, все болѣе и болѣе неутѣшительныя. Въ преемники Ростовцеву прочили М. Н. Муравьева, В. Н. Панина. Крѣпостники чувствовали себя именинниками и ходили съ ликующими физіономіями. Они даже перестали скрывать свои планы. Одинъ изъ нихъ прямо сказалъ Милютину: „Неужели вы думаете, что мы дадимъ вамъ кончить это дѣло? Неужели вы серьезно это думаете? Полноте пожалуйста. Не пройдетъ и мѣсяца, какъ вы всѣ въ трубу вылетите, а мы

[1]) «Р. Ст.», 1889, март., стр. 576.

сядемъ на ваше мѣсто“ [1]). Въ редакціонныхъ комиссіяхъ сгущалась атмосфера. Лѣвые бюрократы хмурились, а эксперты начинали поговаривать, что лучше самимъ разъѣхаться по домамъ, чѣмъ ожидать, пока разгонятъ. Передовое общественное мнѣніе, вся интеллигенція не сводили глазъ въ это время съ редакціонныхъ комиссій, гдѣ рѣшалась судьба русскаго крестьянства, а съ тѣмъ и всей Россіи. Профессоръ Димитріевъ писалъ Милютину изъ Москвы: „О васъ я часто слышу. Ваше имя во всѣхъ устахъ съ прибавкою всевозможныхъ выраженій ненависти со стороны коренныхъ русскихъ помѣщиковъ. Нѣсколько времени тому назадъ я по силѣ этихъ выраженій догадывался, что въ Петербургѣ дѣла идутъ хорошо, и донельзя радовался. Но, кажется, теперь черныя тучи опять собираются, если правда, что Панина назначаютъ на мѣсто Ростовцева“. Милютинъ продолжалъ, тѣмъ не менѣе, работать въ страшномъ нервномъ напряженіи, со стиснутыми зубами, не давая отчаянію окончательно овладѣть собою и обдумывая способы, какъ отпарировать надвигающійся ударъ. Душой съ нимъ была въ эти тяжелые дни и в. к. Елена Павловна, которая съ чисто женской чуткостью угадывала его тревогу и находила способы поддерживать его энергію. На Рождество 1859 года она прислала ему въ подарокъ альбомъ для фотографій его сотрудниковъ по реформѣ, предлагая сдѣлать на немъ надпись изъ псалма Давидова: „сѣющіе въ слезахъ пожнутъ въ радости“.

И Милютинъ, ободряемый, придумалъ планъ, чтобы разбить интригу крѣпостниковъ. Когда Ростовцевъ умеръ (6 февраля 1860 г.), Ланской немедленно вручилъ государю письмо, составленное имъ сообща съ Милютинымъ, въ которомъ онъ предлагалъ себя на мѣсто Ростовцева, при чемъ увѣренно обѣщалъ, зная, что царю хочется видѣть работы завершенными какъ можно скорѣе, въ два мѣсяца окончить собственно редакціонный трудъ. Осуществленіе этого плана сдѣлало бы Милютина хозяиномъ положенія. Но, очевидно, интрига была сильнѣе. На письмѣ Ланского царь поставилъ очень милостивую надпись, а четыре дня спустя состоялось назначеніе Панина. Милютинъ такъ былъ сраженъ этимъ ударомъ, что даже захворалъ. Во время болѣзни онъ узналъ объ успокоительныхъ словахъ, которыя царь сказалъ в. к. Еленѣ Павловнѣ въ отвѣтъ на выраженныя ею опасенія, а 25 февраля на вечерѣ у великой княгини онъ самъ встрѣтился съ царемъ, который милостиво бесѣдовалъ съ нимъ и старался разсѣять его сомнѣнія. Вообще Александръ II, повидимому, чувствовалъ, что назначеніе Панина весьма неудачно, и старался насколько можно оправдать его. Но сдѣлать по-другому онъ, очевидно, не имѣлъ возможности.

Назначеніе Панина дѣйствительно не внесло большихъ принципіальныхъ перемѣнъ въ ходъ занятій редакціонныхъ комиссій. Но теперь Милю-

[1]) Записки М. А. Милютиной. «Р. Ст.», 1889, апр., стр. 120. М. А. Милютина скрываетъ имя этого откровеннаго господина подъ инициалами. То былъ графъ А. Бобринскій.

тину и его друзьямъ пришлось быть очень насторожѣ. Правые элементы въ комиссіи (Шуваловъ, Апраксинъ, Булыгинъ) съ назначеніемъ Панина почувствовали свою силу и сдѣлались смѣлѣе. Часть чиновниковъ, непосредственно подчиненныхъ ему, какъ министру юстиціи, стала бояться открыто высказывать мнѣнія, благопріятныя для крестьянъ. Голосованія начали складываться не такъ удачно для Милютина. А самое главное—Панинъ началъ пробовать разными окольными путями разрушить то, что уже было сдѣлано. И если бы не бдительность Милютина и его энергичный отпоръ, быть-можетъ, крѣпостническія ковы свили бы себѣ прочное гнѣздо въ самой цитадели послѣдовательныхъ сторонниковъ освобожденія. Первая стычка произошла въ бурномъ засѣданіи пленума комиссіи 8 апрѣля, когда Панинъ, поддерживаемый Н. П. Семеновымъ, Булыгинымъ и Гечевичемъ, вздумалъ вычеркнуть, слова „безсрочное пользованіе“, въ той части Положенія, которая регулировала права владѣнія крестьянъ надѣлами. Милютинъ, а съ нимъ вмѣстѣ Черкасскій, Самаринъ, П. П. Семеновъ, Бунге и др. доказали принципіальную невозможность принятія такого предложенія. Милютинъ, кромѣ того, обратилъ вниманіе и на формальную сторону вопроса: „Теперь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, пришлось бы итти назадъ, и когда это уже сдѣлано—довольно трудно это передѣлывать и оно не привело бы насъ никогда къ развязкѣ... Это будетъ уже уступка съ нашей стороны. Затѣмъ должны будутъ слѣдовать и другія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы не надо было вовсе дѣлать уступокъ. Но уступка въ такомъ коренномъ вопросѣ невозможна“ [1]). Это умное и смѣлое сопротивленіе, пока еще протекавшее въ полныхъ корректности формахъ [2]), не сразу заставило Панина сдаться. Вопросъ не разъ выплывалъ въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, и Милютину вновь и вновь приходилось защищать свою точку зрѣнія. Въ нѣкоторыхъ его репликахъ постепенно стало проскальзывать раздраженіе: „Если,—сказалъ онъ въ засѣданіи 16 апрѣля,—можетъ быть допущена мысль, что разрѣшеніе такого коренного вопроса, какъ безсрочное пользованіе, должно измѣниться, то мы находимся подъ тяжкимъ гнетомъ опасенія, что всѣ наши работы будутъ уничтожены“ [3]). Въ концѣ-концовъ, вопросъ рѣшили компромиссомъ, плохо прикрывавшимъ капитуляцію Панина. Но Панинъ вовсе не думалъ складывать оружія. Окончательно посчитаться съ противниками онъ рѣшилъ въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ не было ни Милютина, ни Самарина. Но и въ редакціонныхъ комиссіяхъ онъ неоднократно продолжалъ попытки добиться перерѣшенія рѣшенныхъ уже вопросовъ. То онъ требовалъ допущенія пере-

[1]) Н. П. Семеновъ. Тамъ же, т. I, часть I, стр. 7.

[2]) Милютинъ извинялся предъ Панинымъ, что онъ и его единомышленники не могли сдѣлать ему удовольствіе и принять его мнѣніе, и даже просилъ позволенія представить графу записку, изъясняющую ихъ взглядъ. Панинъ благосклонно согласился. Семеновъ, тамъ же, стр. 22.

[3]) Н. Семеновъ, тамъ же, стр. 73.

Депутаты 2-го созыва.

Н. Я. Скарятинъ.
(Курская губ.).

Кн. И. В. Мещерскій.
(Курская губ.).

Ѳ. И. Жуковскій.
(Могилевская губ.).

А. Н. Хвостовъ.
(Орловская губ.).

К. И. Зоммеръ.
(Олонецкая губ.).

П. Д. Дягилевъ.
(Пермская губ.).

А. В. Всеволожскій.
(Пермская губ.).

Б. П. Обуховъ.
(Самарская губ.).

С. С. Ивановъ.
(Смоленская губ.).

В. П. Пенскій.
(Смоленская губ.).

А. Ѳ. Ревелioти.
(Таврическая губ.).

М. М. Иваненко.
(Таврическая губ.).

В. П. Мининъ.
(Тульская губ.).

Е. А. Касиновъ.
Херсонская губ.).

оброчки повинностей за пользованіе надѣломъ, то пытался предоставить крестьянамъ право добровольно отказываться отъ надѣловъ и т. д. Это не считая мелкихъ шпилекъ, манипуляцій съ засѣданіями и протоколами, разсчитанныхъ на то, что редакціонная комиссія, въ частности Милютинъ, не станутъ ставить ему всякое лыко въ строку, а помѣщичьему дѣлу все-таки произойдетъ выгода. Но Милютина трудно было обмануть такими пріемами. Онъ былъ насторожѣ и каждую минуту готовъ былъ отстаивать рѣшенія комиссіи отъ хитроумныхъ замысловъ Панина. Однажды—это было 10 сент. 1860 года—Панинъ сталъ доказывать, что одно изъ его предложеній было принято, и требовалъ его исполненія. Черкасскій указалъ на то, что комиссія не дѣлала такого постановленія. Панинъ тогда поставилъ вопросъ въ упоръ Милютину: „Я, наконецъ, спрашиваю васъ, было это или не было?“ Положеніе Милютина было щекотливое. Или нужно было капитулировать или прямо бросить предсѣдателю обвиненіе во лжи. Милютинъ не колебался. Онъ твердо отвѣчалъ: „Этого никогда не было. Мы не соглашались съ тѣмъ, что вашему сіятельству угодно намъ теперь предлагать“.—„Какъ!—воскликнулъ Панинъ, задыхаясь отъ волненія.—Въ продолженіе всего моего государственнаго поприща и при такомъ собраніи мнѣ удается въ первый разъ слышать отрицаніе моихъ словъ“. И... вмѣсто того, чтобы доказать собранію свою правоту, — властью предсѣдателя прекратилъ дальнѣйшее обсужденіе щекотливаго вопроса [1]).

Не одинъ Панинъ заставлялъ Милютина быть чуткимъ стражемъ дѣла комиссіи. Онъ зналъ, что съ назначеніемъ Панина М. Н. Муравьевъ приказалъ Булыгину нажать педаль, и зорко слѣдилъ за выступленіемъ представителя Министерства Государственныхъ Имуществъ. Первое столкновеніе произошло у нихъ 6 сентября. Булыгинъ пробовалъ затормозить дѣло, и послѣ засѣданія Милютинъ жестоко отчиталъ его [2]). На Булыгина, имѣвшаго свои инструкціи, это дѣйствовало мало. Онъ продолжалъ свое, и въ послѣднемъ засѣданіи пленума, 10 октября, Милютинъ окончательно потерялъ терпѣніе послѣ какого-то грязнаго намека Булыгина, бросилъ ему въ лицо негодующую тираду: „Ваши дѣйствія неблаговидны. Я знаю, что вы хотите только подслужиться извѣстному лицу вашимъ мнѣніемъ и сдѣлать вредъ комиссіямъ... Все, что вы написали противъ комиссій, дѣлаетъ васъ недостойнымъ быть въ средѣ ихъ членовъ“. И когда Булыгинъ пробовалъ защищаться, Милютинъ крикнулъ ему: „Если вамъ угодно, то я могу, только не здѣсь, дать вамъ всякое удовлетвореніе“. Картина была настолько непривлекательная, что

---

[1]) Н. П. Семеновъ, т. III, ч. 2, стр. 589—590.
[2]) Семеновъ, т. III, ч. 2, стр. 523.

даже Булгаковъ, не принадлежащій къ друзьямъ Милютина, принялъ его сторону [1]).

Послѣ окончанія работы въ редакціонныхъ комиссіяхъ, Милютину пришлось еще довольно долго быть въ центрѣ крестьянскаго вопроса. Предсѣдатель Главнаго Комитета, в. к. Константинъ Николаевичъ, неоднократно обращался къ нему за справками, совѣтами и указаніями. Много приходилось помогать и Ланскому. Милютину же принадлежитъ окончательная отдѣлка первой (Самаринской) редакціи манифеста объ освобожденіи. Многое осталось и въ окончательной (Филаретовской) редакціи. Манифестъ былъ опубликованъ 5 марта, а на Пасху Милютинъ съ Ланскимъ получили отставку. Сдѣланная еще раньше в. к. Константиномъ Николаевичемъ попытка провести Милютина въ Главный Комитетъ не имѣла успѣха.

Оторванный отъ дѣла, съ которымъ свыкся и на которое положилъ столько силъ, Милютинъ уѣхалъ въ продолжительный отпускъ за границу. Изъ отпуска онъ долженъ былъ вернуться для того, чтобы противъ своего желанія погрузиться въ другое дѣло, незнакомое и трудное, устройство быта польскихъ крестьянъ. Правда, и тутъ онъ встрѣтилъ поддержку и помощь со стороны старыхъ товарищей по работѣ, Черкасскаго, Самарина, Соловьева, и это нѣсколько утѣшало его. Правда, ему и здѣсь удалось сдѣлать многое. Но моральнаго удовлетворенія онъ не получалъ, а остатки здоровья уходили безслѣдно, въ мелочной борьбѣ съ врагами и препятствіями всякаго рода. Въ 1866 году съ нимъ случился ударъ. Ему не было и 50 лѣтъ. А спустя пять лѣтъ его не стало,

На судьбѣ Милютина, самаго талантливаго изъ бюрократовъ Александровскаго царствованія, вполнѣ оправдываются слова его біографа Леруа-Больe: „Поистинѣ удивительна судьба чиновниковъ самодержавнаго правительства. Чуть не ежедневно заставляютъ ихъ мѣнять должность или занятіе безъ всякаго вниманія къ ихъ взглядамъ, къ ихъ знаніямъ, къ ихъ способностямъ. Они должны, смотря по обстоятельствамъ, быть либералами или революціонерами, заниматься усмиреніями или переворотомъ, не имѣя права справляться со своими чувствами, повинуясь приказу, по необходимости подчиняться, въ извѣстной мѣрѣ по долгу вѣрныхъ подданныхъ, ставя на карту свою репутацію, рискуя въ случаѣ отказа прослыть равнодушными или бунтарями“.

На всемъ послѣднемъ періодѣ жизни Милютина лежитъ поэтому печать какого-то глубокаго трагизма, которая дѣлаетъ образъ Милютина такимъ привлекательнымъ. Но ни этотъ нестирающійся знакъ скорби на высокомъ

---

[1]) Семеновъ, т. III, ч. II, стр. 738—740. «Лицо», конечно, Н. М. Муравьевъ. Вопросъ о дуэли, повидимому, не поднимался сколько-нибудь серьезно.

челѣ Милютина, ни его безспорный талантъ, ни большія заслуги не должны заслонять отъ насъ того, что было самымъ существомъ въ его фигурѣ — государственника-абсолютиста, человѣка, съ желѣзной послѣдовательностью проводившаго въ жизнь принципы политической необходимости, готоваго всѣмъ пожертвовать для ихъ торжества [1]).

А. Дживелеговъ.

Николай Петровичъ Семеновъ.

И. И. Попова.

Между дѣятелями редакціонныхъ комиссій далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ Николай Петровичъ Семеновъ. Образованный, съ большимъ литературнымъ дарованіемъ (его переводъ Мицкевича въ 80-хъ гг. былъ удостоенъ Пушкинской преміи) и крупнымъ публицистическимъ талантомъ, Н. П. началъ службу въ Министерствѣ Юстиціи. Крестьянская реформа застаетъ его оберъ-прокуроромъ одного изъ гражданскихъ департаментовъ Сената. Н. П. Семеновъ вмѣстѣ съ М. Н. Любощинскимъ былъ непремѣннымъ членомъ комиссіи отъ Министерства Юстиціи. Н. П. участвовалъ, главнымъ образомъ, въ административно-юридическомъ отдѣленіи комиссіи, но нерѣдко засѣдалъ и въ хозяйственномъ отдѣленіи ея и тамъ принималъ активное участіе въ преніяхъ.

Положеніе Н. П. среди членовъ было не изъ легкихъ. По Министерству Юстиціи онъ былъ подчиненъ графу Панину. Нужно было много такта и умѣнья, чтобы ладить съ этимъ человѣкомъ, подчиненные котораго въ сношеніи съ нимъ, по словамъ самого же Н. П. Семенова, теряли свободу мнѣній и даже чувство собственнаго достоинства. Н. П. не только умѣлъ ладить съ Панинымъ, но нерѣдко подчинялъ его собственному вліянію. Тѣмъ не менѣе, онъ уступилъ Панину въ чрезвычайно важномъ вопросѣ—въ измѣненіи цифръ надѣла, выработанныхъ редакціонными комиссіями путемъ сложныхъ и продолжительныхъ вычисленій. Между тѣмъ Н. П. Семеновъ вмѣстѣ съ Топильскимъ, по приказанію Панина, въ нѣсколько дней переработалъ эти данныя о нормахъ надѣловъ и исправилъ проектъ „грабительствующихъ“, въ интересахъ помѣщиковъ. Оппортюнизмъ, а можетъ-быть, и духъ времени проявился у Н. П. Семенова и въ другомъ важномъ обстоятельствѣ: это—въ во-

---

[1]) О дѣятельности Милютина послѣ закрытія редакціонныхъ комиссій см. въ статьѣ о Константинѣ Николаевичѣ, о жизни его за границей въ статьѣ о Еленѣ Павловнѣ, о дѣятельности его въ Польшѣ въ статьѣ о реформѣ 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ.

просѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ для крестьянъ, удержанныхъ по Положенію 19 февраля. Голосованіе по этому вопросу вызвало большой шумъ въ Петербургѣ и письмо И. С. Аксакова. Въ редакціонной комиссіи принципіальныхъ защитниковъ розги, каковымъ былъ гр. Панинъ, почти не было, но розга осталась въ Положеніи. При голосованіи голоса раздѣлились поровну, и освободительный актъ, по выраженію Джаншіева, былъ „запятнанъ“ розгою. За розгу голосовалъ и Н. П.; но не будемъ къ нему строги—и не забудемъ, что и Милютинъ и Самаринъ подали голоса за сохраненіе тѣлеснаго наказанія для крестьянъ. Но тотъ же Семеновъ съ укоризной говоритъ, что „нелѣпое, совершенно не идущее къ дѣлу замѣчаніе Панина по поводу жены, которая отрубила голову мужу за то, что онъ требовалъ удовлетворенія супружескихъ желаній, такъ подѣйствовало на членовъ редакціонной комиссіи, что тѣлесное наказаніе было распространено и на женщинъ“. Нельзя умолчать и о томъ, что, считая крестьянъ благодаря крестьянскому праву темной, неразвитой массой, Н. П. находилъ, что ихъ интересы ограждены были всѣмъ дворянствомъ лучше, нежели самими крестьянами. Были у него и нѣкоторые другіе взгляды, которые шли въ разрѣзъ съ мнѣніемъ прогрессивнаго общества. Напримѣръ, онъ считалъ филаретовскую редакцію манифеста 19 февраля совершенной и находилъ въ ней не одно, а нѣсколько достоинствъ и рекомендовалъ этотъ манифестъ, „какъ образецъ для составленія подобныхъ государственныхъ актовъ“. Между тѣмъ этотъ историческій документъ былъ составленъ противникомъ освобожденія крестьянъ „въ исполненіе порученія государя“, а не въ сознаніи необходимости удовлетворить народнымъ требованіямъ. Это зналъ Н. П., какъ зналъ онъ и то, что чтеніе манифеста не произвело никакого впечатлѣнія не только на массу населенія, но даже и на образованные классы. И тѣмъ не менѣе, тягучее, написанное сухимъ, мертвымъ языкомъ произведеніе Филарета онъ находитъ шедевромъ.

Заслуга Н. П. передъ русскимъ народомъ заключалась въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ убѣжденныхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ съ землею, ратовалъ, не покладая рукъ, противъ обезземеленія крестьянъ, и что особенно важно, съ самаго начала послѣдовательно стоялъ за выкупъ. Н. П. не остановило и то обстоятельство, что большинство Главнаго Комитета передъ тѣмъ склонялось, и даже охотно, на безземельное освобожденіе крестьянъ, надѣясь въ нихъ впослѣдствіи имѣть дешевыхъ батраковъ. Н. П. рѣзко возражалъ противъ этой тенденціи и доказывалъ всю гибельность для государства безземельныхъ крестьянъ.

Немедленное полное освобожденіе крестьянъ и обязательно съ землею—вотъ положеніе, которое красной нитью проходитъ черезъ всѣ его рѣчи, замѣчанія и доклады, напечатанные въ отчетахъ о засѣданіи комиссій; онъ же настаивалъ на точномъ раздѣлѣ помѣщичьихъ и крестьянскихъ земель въ моментъ освобожденія, возражалъ противъ временнаго удержанія барщины, правъ

помѣщиковъ на отведенныя крестьянамъ земли, хотя бы выкупъ за нихъ еще не былъ выплаченъ. Всѣ его доклады, касающіеся, главнымъ образомъ, „міра“, административнаго устройства крестьянъ, волостного суда, сельскаго управленія, волости, сходовъ и т. п., отличались обстоятельностью и легли въ основу проекта о порядкѣ управленія сельскаго населенія. Онъ придавалъ большое значеніе „міру“. Крестьянскій „міръ“, по его мнѣнію, должны были составлять всѣ крестьяне, причисленные къ обществу, не исключая и женщинъ „міръ“—это вся деревня. Исходя изъ историческихъ изысканій онъ доказывалъ, что „міръ“—это обязательное согласіе всѣхъ общественниковъ, укоренившееся по вѣковому обычаю на мірскихъ сходахъ. Н. П. возражалъ противъ голосованія, введеннаго Положеніемъ 19 февраля 1861 г. при рѣшеніи вопросовъ на сельскихъ сходахъ. По его убѣжденію, на мірскихъ сходахъ не должно быть ни большинства ни меньшинства, а необходимо абсолютное согласіе всѣхъ членовъ. Если этого согласія не получается, то сходъ расходится, изыскиваетъ способы и пути къ соглашенію и, когда это соглашеніе найдено, то получается рѣшеніе, удовлетворяющее всѣхъ и каждаго. На допущеніе рѣшающаго значенія большинству голосовъ онъ смотрѣлъ, какъ на внесеніе раздора въ мірскіе сходы, и крестьяне, по его мнѣнію, никогда не признаютъ для себя обязательнымъ подчиненіе большинству ихъ голосовъ: для нихъ обязателенъ только приговоръ „міра“ (т.-е. согласіе всѣхъ), главенство котораго признаетъ каждый крестьянинъ въ отдѣльности. Н. П. признавалъ вреднымъ всякое постороннее вмѣшательство въ дѣла „міра“, которыя должны рѣшаться только общественниками. Общественное согласіе онъ тѣсно связывалъ съ крестьянской поземельной общиной и, настаивая на освобожденіи крестьянъ съ землею, онъ доказывалъ необходимость, чтобы „земля была крѣпка за крестьянскимъ сословіемъ“. Н. П. былъ въ числѣ тѣхъ, кто настаивалъ на томъ, чтобы земли, отошедшія къ крестьянамъ, оставались въ постоянномъ, безповоротномъ пользованіи освобожденныхъ крестьянъ. Но въ то же время онъ признавалъ, что запрещеніе крестьянамъ продавать надѣльныя земли или уже выкупленныя въ полную собственность, равнялось бы признанію всего крестьянскаго сословія неправоспособнымъ, что противорѣчило духу освободительной реформы, которая должна признать крестьянъ законоправными съ остальными сословіями. Н. П. исходилъ изъ того положенія, что земля, по историческо-бытовымъ отношеніямъ къ ней крестьянъ, есть Божья, и предостерегалъ посягать на это міро-

Н. П. Семеповъ.

воззрѣніе народа, доказывая гибельность освобожденія на индивидуальномъ началѣ. Ему рисовалось, что земли должны оставаться въ семьѣ, если сходитъ со сцены единоличный собственникъ, или въ общинѣ, если освобождается участокъ земли, которымъ владѣла семья. Н. П. былъ убѣжденъ, что сами крестьяне сумѣютъ лучше и скорѣе разобраться между собою, чѣмъ составители проектовъ и регламентацій новаго, западно-европейскаго уклада сельскаго устройства. Онъ горячо возставалъ противъ тенденціи поборниковъ частной собственности разрушить крестьянскую общину...

Н. П. принималъ самое активное участіе въ работахъ отдѣленій и общихъ засѣданій редакціонныхъ комиссій. Благодаря ему для потомства сохранился и памятникъ этихъ историческихъ работъ. Н. П. велъ записи всѣхъ преній въ общихъ засѣданіяхъ комиссій и въ ихъ отдѣленіяхъ. Эти записи, а также дневникъ Милютина въ хозяйственной комиссіи дали ему матеріалъ для его обширной и замѣчательной книги—„Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“. Книга эта, заключающая въ себѣ почти стенографическіе отчеты засѣданій, доклады и характеристики участниковъ освобожденія, является единственнымъ трудомъ, освѣщающимъ славную эпоху и степень участія въ ней отдѣльныхъ лицъ. Цѣнность этой работы не подлежитъ сомнѣнію, и ея автору не даромъ присвоено наименованіе „лѣтописца освобожденія крестьянъ“.

Но и послѣ великой реформы Н. П. не разъ возвращался къ событію, участіе въ которомъ считалъ лучшимъ моментомъ своей жизни. Его перу принадлежитъ нѣсколько журнальныхъ статей по крестьянской реформѣ и крестьянскому вопросу, статья „Выкупные платежи и крестьянское землевладѣніе“, книги „О судьбахъ крестьянскаго сословія въ Россіи“, „О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи“, „Болѣзнь и кончина генерала Я. И. Ростовцева“, послѣдніе мѣсяцы и дни котораго были наполнены одной думой—священнымъ долгомъ освобожденія, и др. работы, не исключая изящной литературы.

Уже на склонѣ лѣтъ маститый дѣятель предостерегалъ правительство отъ тѣхъ экспериментовъ, которые робко начали намѣчаться въ половинѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Совѣты дѣятеля освободительной реформы не лишне припомнить и въ наше время, когда хозяйственная политика направлена въ сторону частнаго крестьянскаго землевладѣнія, когда поются гимны хуторамъ. Вотъ что писалъ о хуторскомъ хозяйствѣ Н. П. Семеновъ въ 1896 г.: „Послѣ 10 февраля 1861 г. передъ нами лежали два пути—нашъ историческій, неотчуждаемаго крестьянскаго землевладѣнія, а другой — западно-европейскій путь капитализма, который ведетъ къ обращенію всѣхъ земель государства въ частную собственность“. „Мелкая земельная собственность, подъ господствомъ капитала, поглотилась бы, несомнѣнно, болѣе крупной, а крестьянское населеніе, безсильное въ борьбѣ съ нимъ, утратило бы въ не-

продолжительномъ времени свои земли и обратилось бы въ батраковъ и бездомныхъ бобылей, а наконецъ, при полномъ господствѣ капитализма, и въ настоящихъ пролетаріевъ“ (стр. 17) [1]).

То, чего такъ опасался Н. П. Семеновъ еще въ 1896 г., теперь проводится въ жизнь закономъ 9 ноября о выдѣленіи изъ общины и насажденіемъ хуторского хозяйства. Россія пошла „по пути, въ концѣ котораго, по мнѣнію Н. П. Семенова, стоитъ обнищаніе народныхъ массъ“. „Стоило ли бы, — спрашиваетъ онъ, высказывая только предположеніе въ возможность такого пути,—поднимать столько хлопотъ для освобожденія крестьянъ, чтобы промѣнять путавшую ихъ веревку на желѣзныя цѣпи, надѣваемыя на настоящія рабочія руки эгоизмомъ и бездушіемъ собирателей капитала?“ (стр. 18) [2]).

Мы не комментируемъ приведенныя цитаты, но онѣ крайне важны для характеристики Н. П., какъ одного изъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ въ Положеніи 19 февраля.

И. И. Поповъ.

Крестьянскій поселокъ.

---

[1]) Н. П. Семеновъ, «О будущемъ крестьянскаго сословія въ Россіи», СПБ. Госуд. типогр. 1896 г.

[2]) Тамъ же.

Ю. Ѳ. Самаринъ.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ.

В. Н. Бочкарева.

Среди общественныхъ дѣятелей, особенно много потрудившихся надъ подготовкой и проведеніемъ въ жизнь крестьянской реформы, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. По своему происхожденію Самаринъ принадлежалъ къ родовитому и состоятельному дворянству. Онъ родился 21 апрѣля 1819 г. и, подобно большинству молодыхъ людей его круга, получилъ хорошее домашнее образованіе. Поступивъ затѣмъ въ Московскій университетъ, Ю. Ѳ. по окончаніи въ немъ курса предполагалъ цѣликомъ отдаться научной работѣ, но подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ долженъ былъ навсегда разстаться съ мечтой о профессурѣ и поступить на государственную службу.

Опредѣлившись сперва на службу въ Сенатъ, онъ въ 1846 году переводится въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и прикомандировывается къ Комитету по устройству быта лифляндскихъ крестьянъ. Во время комитетскихъ занятій передъ Самаринымъ впервые практически всталъ крестьянскій вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго ему суждено было такъ много потрудиться въ свои зрѣлые годы. Онъ вполнѣ выяснилъ пагубныя послѣдствія безземельнаго освобожденія крестьянъ и то, какъ много могутъ сдѣлать лица, окрыленныя благородными стремленіями, въ пользу обездоленнаго народа. Онъ былъ увлеченъ самоотверженной дѣятельностью одного изъ прибалтійскихъ помѣщиковъ Фелькерзама, много потрудившагося надъ проектами улучшенія

быта лифляндскаго крестьянства. Въ письмѣ къ К. С. Аксакову Самаринъ такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ работъ въ Лифляндскомъ комитетѣ: „Въ моихъ глазахъ былъ рѣшенъ важный вопросъ о правѣ на землю лифляндскихъ крестьянъ не соединенными силами двухъ министерствъ, а 30-лѣтнимъ помѣщикомъ, никогда не служившимъ". Зараженный неутомимой энергіей Фелькерзама, Ю. Ѳ. указывалъ въ томъ же письмѣ, что безъ общественной поддержки правительство не въ силахъ разрѣшить важныя жизненныя проблемы. „Всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т.-е. учеными, купцами, помѣщиками и проч.".

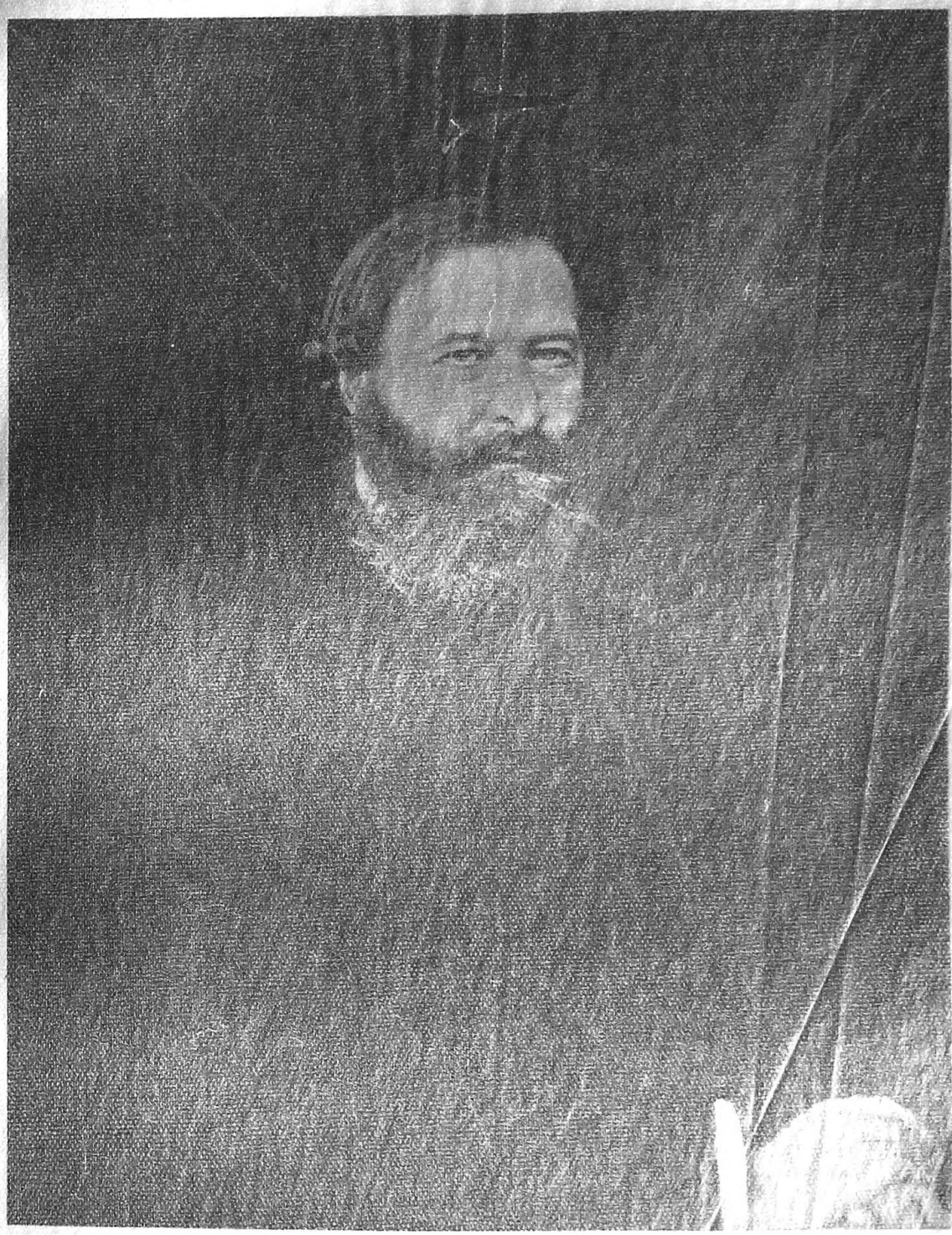
Въ 1847 г. Ю. Ѳ. отправляется вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ Головинымъ въ Прибалтійскій край, въ качествѣ дѣлопроизводителя комиссіи, для ревизіи рижскаго городского управленія. Почти двухлѣтнее пребываніе въ Остзейскихъ губерніяхъ дало ему возможность ознакомиться съ тѣми порядками, которые царили тогда въ Балтійской окраинѣ, и выяснить то положеніе, въ которомъ находились тамъ отдѣльныя національности. О томъ, насколько въ это время былъ обостренъ въ Остзейскихъ губерніяхъ національный вопросъ, можно видѣть изъ письма Ю. Ѳ. къ К. Аксакову, написанному въ 1848 г.: „Систематическое угнетеніе русскихъ нѣмцами, ежечасное оскорбленіе русской народности въ лицѣ немногихъ ея представителей—вотъ что волнуетъ во мнѣ кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этотъ фактъ въ сознаніе, выставить его передъ всѣми". Подъ вліяніемъ распространяемыхъ нѣмцами слуховъ о насильственномъ присоединеніи къ православію эстовъ и латышей и о возбужденіи ихъ русскимъ духовенствомъ противъ нѣмцевъ-помѣщиковъ Самаринъ выпускаетъ въ 1849 г. свои „Письма изъ Риги", враждебно встрѣченныя въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ и причинившія автору много тяжелыхъ непріятностей. Свой публицистическій памфлетъ онъ направилъ противъ нѣмецкихъ бароновъ и державшаго ихъ сторону генералъ-губернатора князя Суворова. Истребованныя отъ Ю. Ѳ. министромъ внутреннихъ дѣлъ объясненія были признаны неудовлетворительными, и онъ былъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію за разглашеніе служебной тайны и за возбужденіе вражды нѣмцевъ противъ русскихъ. Его подвергли заключенію въ крѣпости, которое продолжалось только 12 дней, благодаря личному вмѣшательству императора Николая.

Эта катастрофа явилась для Самарина далеко не неожиданной. Усвоивъ себѣ славянофильскія идеи, онъ началъ ихъ прилагать къ вопросамъ политическимъ и притомъ не только въ теоріи, но и на практикѣ. Онъ ясно сознавалъ, что одинъ только административный элементъ не способенъ слить воедино всѣ части государства. Въ основѣ политическаго единства должно ле-

жать, по его мнѣнію, единство народное. Коренной задачей русской администраціи въ окрайныхъ губерніяхъ Ю. Ѳ. считалъ укрѣпленіе общественныхъ элементовъ, дружественно расположенныхъ къ основному населенію государства. Необходимо было коснуться тѣхъ средневѣковыхъ привилегій, при помощи которыхъ нѣмецкіе элементы въ краѣ угнетали какъ латышей, такъ и пріѣзжихъ русскихъ. Только ставъ на защиту интересовъ крестьянской массы въ краѣ, можно связать, по словамъ Самарина, прочными народными нитями прибалтійскія губерніи съ кореннымъ великорусскимъ населеніемъ имперіи.

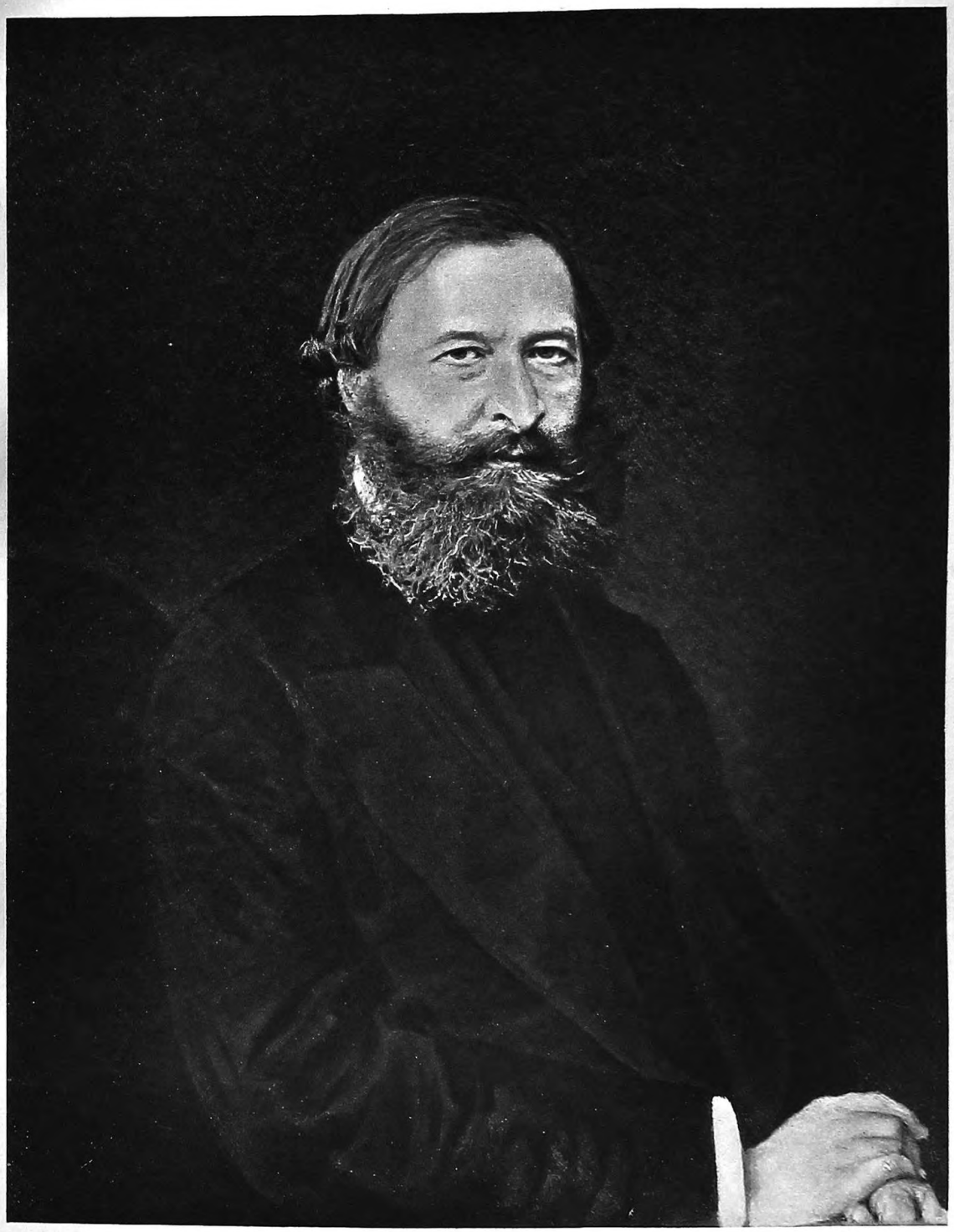
Непріятности, возникшія изъ-за рижскихъ писемъ, помѣшали Ю. Ѳ. устроиться на службѣ въ Москвѣ. Въ августѣ 1849 г. онъ былъ прикомандированъ къ симбирскому губернатору, но уже черезъ два мѣсяца его переводятъ въ распоряженіе начальника Юго-Западнаго края вслѣдствіе того вреднаго вліянія, которое Ю. Ѳ. якобы оказывалъ на симбирское общество. Крѣпостное право, которое онъ называлъ „мертвящей силой“, начинало все сильнѣе привлекать къ себѣ вниманіе Самарина, и онъ за свое кратковременное пребываніе въ Симбирскѣ успѣлъ собрать довольно обширный цифровой и бытовой матеріалъ.

Служебная дѣятельность при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ явилась для Ю. Ѳ. новой практической школой по крестьянскому вопросу. Лично ему не пришлось проводить въ жизнь инвентарную реформу, но пребываніе въ Юго-Западномъ краѣ дало Ю. Ѳ. возможность изучить хозяйственныя условія этой мѣстности, что ему значительно помогло впослѣдствіи при составленіи „Мѣстнаго Положенія“ для этихъ губерній. Крестьянскій вопросъ въ эти годы начинаетъ все больше и больше интересовать Ю. Ѳ., и онъ его довольно часто затрогиваетъ въ письмахъ къ отцу, братьямъ и близкимъ друзьямъ. Передъ его умственнымъ взоромъ уже рисовалась перспектива непосредственнаго участія въ разрѣшеніи крестьянской реформы, на что имѣется прямое указаніе въ его письмѣ къ А. О. Смирновой. „Неужели не зачнется такого дѣла,—писалъ онъ ей въ 1847 г., — которому бы можно было посвятить себя, зная навѣрно, что оно будетъ имѣть результаты. Я бы охотно сталъ въ самые послѣдніе, задніе ряды. Шевелится одинъ такой вопросъ— это уничтоженіе крѣпостного состоянія. Если бы дожить до этого времени!..“ Съ конца 1850 г. Ю. Ѳ. управлялъ канцеляріей кіевскаго генералъ-губернатора. Но административная дѣятельность его уже давно начинала тяготить: онъ рѣшилъ бросить службу и 21 февраля 1853 г. послѣдовала его отставка, чѣмъ закончена была навсегда служебная карьера Ю. Ѳ. Въ теченіе восьми лѣтъ его служебной дѣятельности судьба дважды сталкивала Самарина съ крестьянскимъ вопросомъ и дала ему возможность усвоить себѣ технику административнаго механизма. Все это оказало ему громадную помощь впослѣдствіи при его работахъ по крестьянской реформѣ.

Ю. Ѳ. Самаринъ.

(Портретъ *Крамского*).

Выйдя въ отставку, Самаринъ переселился въ Москву къ престарѣлому отцу, помогая ему въ управленіи многочисленными имѣніями. Послѣ же смерти отца на него, какъ на старшаго въ семьѣ, легли всѣ хозяйственныя заботы, и теперь Ю. Ѳ. пришлось непосредственно столкнуться съ тѣмъ самымъ крѣпостнымъ бытомъ, къ которому онъ уже успѣлъ установить вполнѣ отрицательное отношеніе во время своей служебной дѣятельности. Настоятельная необходимость отмѣны крѣпостного права становилась для него съ каждымъ годомъ все яснѣе и опредѣленнѣе. Чтобы подготовить себя къ работѣ по крестьянской эмансипаціи, онъ старательно изучаетъ положеніе крестьянскаго вопроса за границей. Его вниманіе особенно привлекла къ себѣ крестьянская реформа въ Пруссіи, въ связи съ дѣятельностью Штейна и Гарденберга. Съ началомъ новаго царствованія, когда съ славянофиловъ былъ снятъ цензурный запретъ, Ю. Ѳ. начинаетъ принимать дѣятельное участіе какъ въ „Русской Бесѣдѣ“, такъ и въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“. Въ послѣднемъ журналѣ и помѣщены были впервые его статьи объ освобожденіи крестьянъ въ Пруссіи. Но центральнымъ ядромъ его литературнаго творчества за эти годы являются вопросы о сельской общинѣ и о различныхъ способахъ упраздненія крѣпостного права въ Россіи.

Однако еще задолго до того момента, когда стало возможно гласно въ печати обсуждать крестьянскій вопросъ, Ю. Ѳ. тщательно обдумывалъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи различнаго рода мѣры, направленныя въ пользу крѣпостного населенія. Весною 1854 года онъ писалъ къ К. С. Аксакову: „На-дняхъ я закончилъ довольно пространную записку о крѣпостномъ правѣ и о разныхъ мѣрахъ, по моему мнѣнію, облегчающихъ исходъ изъ него“. Подвергнувъ затѣмъ эту записку обсужденію въ кругу своихъ близкихъ друзей и передѣлавъ ее заново во время своихъ служебныхъ занятій въ Сызранскомъ ополченіи, Ю. Ѳ. къ осени 1856 г. ее вполнѣ закончилъ и пустилъ въ ходъ. Эта записка сразу обратила на себя вниманіе общества и, по словамъ самого автора, „имѣла большой успѣхъ“.

Среди цѣлаго ряда циркулирующихъ тогда въ обществѣ рукописныхъ произведеній по крестьянскому вопросу, записка Самарина выдѣляется какъ мастерствомъ литературнаго изложенія, такъ и глубиною научнаго анализа. Подъ его перомъ выступаетъ яркая картина пагубнаго вліянія крѣпостного права и на общественную нравственность, и на государственную безопасность, и, главнымъ образомъ, на состояніе народнаго хозяйства. Самаринъ возражаетъ противникамъ эмансипаціи, утверждавшимъ, что ужасы рабовладѣнія отходятъ въ область преданій. Въ отвѣтъ на всѣ доводы сторонниковъ крѣпостного права онъ замѣчаетъ: „Пока мы живемъ подъ всѣми его условіями— это зло и зло современное, которому суждено съ каждымъ днемъ усиливаться, пока мы не вступимъ на другую дорогу“. Что касается крестьянъ, то „прежняя ихъ безропотная покорность слабѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ“, чаша

ихъ долготерпѣнія переполняется и изъ устъ помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ часто слышится фраза: „народъ сталъ сильно портиться“. Относясь въ общемъ довольно сочувственно къ законодательнымъ мѣропріятіямъ 40-хъ годовъ, Самаринъ упрекаетъ правительство за нерѣшительность, „за колебаніе въ разныя стороны“, что вызвало въ обществѣ „рядъ періодически возникавшихъ тревогъ, за которыми всякій разъ водворялось безплодное усыпленіе“.

Не предвидя въ близкомъ будущемъ окончательной развязки, Ю. Ѳ. рекомендуетъ рядъ мѣръ для облегченія перехода крѣпостныхъ въ состояніе крестьянъ обязанныхъ. Въ качествѣ подготовительныхъ мѣропріятій Ю. Ѳ. высказывается за воспрещеніе: 1) переводить крестьянъ въ дворовые; 2) переводить цѣлыя селенія съ оброка на барщину; 3) дробить имѣнія—съ населеніемъ ниже 75 ревизскихъ душъ.

Что касается мѣръ для перехода отъ крѣпостного состоянія къ гражданской свободѣ, то онѣ могутъ быть, по мнѣнію Ю. Ѳ., двоякаго характера. Правомѣрныя отношенія въ крѣпостной деревнѣ могутъ быть установлены или посредствомъ общаго обязательнаго для всѣхъ правительственнаго распоряженія или путемъ частныхъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами съ утвержденія законодательной власти. Первый способъ уже былъ испробованъ правительствомъ въ Юго-Западномъ краѣ, гдѣ введены были инвентари. „Но инвентарныя правила,—по мнѣнію Самарина,—имѣютъ много темныхъ сторонъ. Они не что иное, какъ контракты, „которымъ недостаетъ только одного добровольнаго согласія связанныхъ ими сторонъ, недостаетъ именно того условія, на которомъ основывается внутренняя законность и прочность всякаго договора“. Помѣщики жалуются на то, что у нихъ отобрано слишкомъ много правъ и доходовъ, а крестьянамъ кажется, что имъ уступлено мало, и они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ большаго. Единственный путь для прекращенія этихъ неудобствъ и разногласій Самаринъ видитъ въ предоставленіи со стороны правительства обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ законныхъ способовъ для самостоятельнаго огражденія предоставленныхъ имъ правъ. По словамъ Ю. Ѳ., „добровольная сдѣлка, предложенная самими сторонами и утвержденная правительствомъ, связываетъ совѣсть, возбуждая сознаніе гражданской свободы и нравственнаго долга“. На путь добровольныхъ сдѣлокъ правительство уже вступило въ 1842 году, но желательнымъ является устраненіе стѣснительной регламентаціи и предоставленіе большей свободы договаривающимся сторонамъ. Юридическая сторона предполагаемыхъ сдѣлокъ должна быть заранѣе опредѣлена правительствомъ, но что касается стороны хозяйственной, то она должна всецѣло покоиться на почвѣ добровольныхъ соглашеній.

По заключенію договора крестьянское селеніе образуетъ изъ себя самостоятельную общину съ административными, судебными и хозяйственными функціями. Она дѣйствуетъ или черезъ посредство мірской сходки, составлен

ной изъ домохозяевъ, или черезъ своихъ выборныхъ старостъ и старшинъ. Крестьянамъ предоставляется право пріобрѣтать и отчуждать недвижимую собственность, подавать жалобы на своего вотчинника, вчинять иски какъ противъ него, такъ и противъ постороннихъ лицъ и выкупаться на волю по таксѣ, установленной правительствомъ. Хотя за вотчинникомъ и удерживается въ извѣстной степени судебно-полицейская власть надъ крестьянами, но онъ не можетъ подвергать ихъ наказанію палками и заключенію въ тюрьмѣ, и обязанъ замѣнять эти мѣры взысканія денежными штрафами. Уѣздный предводитель дворянства долженъ наблюдать за правильностью заключаемыхъ сдѣлокъ и разбирать всѣ жалобы, возникающія вслѣдствіе ихъ нарушенія.

Для облегченія и ускоренія добровольныхъ сдѣлокъ Самаринъ предлагаетъ: 1) дозволить пріобрѣтать населенныя имѣнія капиталистамъ недворянскаго происхожденія, обязывая ихъ при покупкѣ заключать съ крестьянами договоры; 2) разрѣшить крестьянамъ занимать деньги для выкупа себя съ землей, и 3) допустить увольненіе крѣпостныхъ въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Каждому крѣпостному должно быть предоставлено право получать отпускную за установленный правительствомъ выкупъ, который въ зависимости отъ возраста можетъ быть опредѣленъ въ размѣрѣ отъ 100 до 350 руб. сер. за ревизскую душу. Дѣти моложе 16 лѣтъ, а также старики свыше 60 лѣтъ, равно какъ и жены при мужьяхъ, незамужнія сестры и дочери при братьяхъ и отцахъ увольняются на свободу безъ всякаго выкупа.

Помѣстному дворянству, въ дѣлѣ перехода къ новому порядку вещей, долженъ быть, по мнѣнію Самарина, данъ примѣръ членами Императорской Фамиліи и представителями крупнаго землевладѣнія. Слѣдуетъ допустить гласное обсужденіе крестьянскаго вопроса въ печати, хотя бы на страницахъ сельско-хозяйственныхъ журналовъ. Игнорировать общественное мнѣніе невозможно, такъ какъ оно, по словамъ Ю. Ѳ., „сила, которой предоставлено расти и множиться, и кто не хочетъ искать ея союза, тому предстоитъ нескончаемая съ ней война“. Окончательное упраздненіе крѣпостного права Самаринъ рисовалъ себѣ слѣдующимъ образомъ: черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія закона о добровольныхъ сдѣлкахъ правительство устанавливаетъ послѣдній срокъ для ихъ заключенія, послѣ чего законодательнымъ путемъ опредѣляются обязанности и повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ. Когда новый порядокъ войдетъ въ жизнь, и земля начнетъ возвышаться въ цѣнѣ, можно будетъ приступить къ оцѣнкѣ установленныхъ заранѣе повинностей. Какъ составленіе урочныхъ положеній, такъ и работы по оцѣнкѣ повинностей должны быть возложены на мѣстныя губернскія комиссіи. Послѣ этихъ предварительныхъ мѣропріятій возможно будетъ приступить къ выкупу повинностей, для чего явится необходимымъ заключеніе внѣшняго или внутренняго займа. Уплата процентовъ по этому займу должна быть возложена

на самихъ крестьянъ. Съ выплатой помѣщикамъ полнаго вознагражденія, упраздняется всякое съ ихъ стороны право какъ на землю, состоящую во владѣніи крестьянъ, такъ и на ихъ трудъ. Такимъ образомъ идеаломъ Самарина было освобожденіе крестьянъ съ землею и съ сохраненіемъ общиннаго мірского управленія. Главной преградой для немедленнаго осуществленія крестьянской реформы на основѣ обязательнаго выкупа служило, по его мнѣнію, тяжелое финансовое положеніе государства, обремененнаго внутренними и внѣшними долгами.

Установивъ прочно свой личный взглядъ на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, Самаринъ въ рядѣ записокъ, составленныхъ въ 1856 и 57 гг., начинаетъ оказывать извѣстное воздѣйствіе на многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, во время коронаціи въ 1856 г. онъ представляетъ великой кн. Еленѣ Павловнѣ записку, въ которой доказываетъ необходимость допущенія нѣкоторой степени гласности при обсужденіи крестьянскаго вопроса, хотя бы только въ Петербургскомъ Вольно-Экономическомъ обществѣ и въ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. Въ слѣдующемъ году, послѣ назначенія великаго кн. Константина въ секретный комитетъ, Самаринъ подаетъ правительству 4 записки. Въ нихъ онъ выясняетъ право крестьянъ на землю и практическую необходимость оставить въ ихъ владѣніи всю ту земельную площадь, которою они пользовались въ эпоху крѣпостного права, съ сохраненіемъ крестьянской поземельной общины. Подъ вліяніемъ этихъ записокъ Самарина, Константинъ Николаевичъ окончательно усвоилъ себѣ необходимость освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Въ связи съ работами секретнаго комитета стоитъ и записка Самарина „О мѣрахъ для смягченія крѣпостного состоянія“, въ которой онъ предлагаетъ на все время переходнаго періода удержать за помѣщиками извѣстную власть надъ крестьянами съ правомъ налагать на нихъ наказанія, сдавать въ рекруты и ссылать на поселеніе въ Сибирь. Въ переходный періодъ онъ даже не предоставлялъ крестьянамъ права жалобы на своихъ господъ.

Отстаивая въ это время весьма умѣренную программу по крестьянскому вопросу, Самаринъ отрицательно относился ко всѣмъ тѣмъ проектамъ, которые устанавливали радикальную точку зрѣнія на крестьянское дѣло. По словамъ А. И. Кошелева, Ю. Ѳ. прямо приходилъ въ ужасъ отъ его записки, предлагавшей полное освобожденіе крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, выкупаемымъ при содѣйствіи правительства въ 12-лѣтній срокъ. Съ радостью привѣтствуя опубликованіе рескрипта 20 ноября 1857 г., Самаринъ, однако, не принялъ участія въ банкетѣ, устроенномъ по этому поводу московской интеллигенціей, говоря своимъ друзьямъ, что имъ необходимо поберечь себя для настоящаго дѣла. Это „настоящее дѣло“ не заставило себя ждать!

Съ 1858 г. наступаетъ самый трудный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый славный періодъ въ жизни Самарина. Къ этому времени его авторитетъ,

какъ знатока по вопросу освобожденія крестьянъ, успѣлъ настолько упрочиться, что къ нему нерѣдко присылались на заключенія нѣкоторыя правительственныя предположенія, напримѣръ, проектъ плана занятій губернскихъ комитетовъ, выработанный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. 25 іюня 1858 г. Ю. Ѳ. получилъ приглашеніе вступить въ Самарскій губернскій комитетъ въ качествѣ члена отъ правительства. Съ опубликованіемъ рескриптовъ и циркуляровъ Ю. Ѳ. всецѣло отдается крестьянскому дѣлу. Онъ читалъ и разъяснялъ правительственныя распоряженія на крестьянскихъ сходахъ и приступилъ къ составленію проекта Положенія, принявъ за исходную точку рескрипты, циркуляры и министерскую программу.

Самаринъ высказывался противъ выдѣла изъ общей площади всей крестьянской земли однѣхъ усадебъ, считая отдѣльный выкупъ ихъ крайне неудобнымъ и невыгоднымъ. По его словамъ, для крестьянина „дорого не право собственности на усадьбу, а данная возможность сдѣлаться полнымъ самостоятельнымъ хозяиномъ“. Отстаивая необходимость пріобрѣтенія крестьянами всей отведенной имъ земли въ полную собственность, Ю. Ѳ. держался той точки зрѣнія, что крестьяне должны выкупать не свою личность и не землю, по ея рыночной стоимости, а повинности, которыми они будутъ обложены за пользованіе землею. Для крестьянъ будетъ всего выгоднѣе выкупъ повинностей, предварительно пониженныхъ и переведенныхъ на деньги.

Передъ самымъ вступленіемъ въ комитетъ Самаринъ отказался отъ своего первоначальнаго взгляда на неудобство выкупа однѣхъ только усадебъ, такъ какъ и среди крестьянъ оказались лица, стоявшія за пріобрѣтеніе только одной усадьбы, и среди дворянъ было сильное нежеланіе видѣть рядомъ съ собой крестьянъ-вотчинниковъ и, наконецъ, потому, что правительственная программа говорила только о выкупѣ усадебъ. Усадебная земля, какъ видно изъ проекта Самарина, должна была отводиться каждому селенію порознь въ мірское пользованіе и отдѣляться отъ угодій одной окружной межой. Выкупъ ея допускался по оцѣнкѣ, произведенной мірскими властями. Всѣ домохозяева, надѣленные землею въ общее пользованіе, должны были составлять одну низшую административную единицу. Отстаивая необходимость совпаденія хозяйственной единицы съ единицей административной, Ю. Ѳ. утверждалъ: „Гдѣ общее владѣніе землею, тамъ и общество, ибо всѣ интересы, вся жизнь крестьянъ тѣсно связаны съ землевладѣніемъ“. По мнѣнію Ю. Ѳ., только одна личная свобода и организація общественнаго управленія не обезпечиваютъ крестьянъ насущнымъ хлѣбомъ.

Самой важной по существу задачей Самаринъ считалъ обезпеченіе матеріальнаго благосостоянія крестьянъ, такъ какъ, по его мнѣнію, „цѣлое сословіе, надежно обезпеченное въ средствахъ къ жизни при постепенномъ подъемѣ его матеріальнаго благосостоянія, не можетъ долго оставаться въ зависимомъ положеніи и не занять подобающаго ему мѣста въ обществѣ“.

Что касается земельнаго обезпеченія освобождаемыхъ крестьянъ, то оно представлялось Ю. Ѳ. въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ. Какъ въ опредѣленіи величины надѣловъ по полосамъ, такъ и въ установленіи за нихъ нормальныхъ повинностей на тягло слѣдуетъ по возможности держаться существующаго факта. За помѣщикомъ сохраняется одна треть всей земли въ имѣніи, хотя въ случаѣ, если существующій крестьянскій надѣлъ ниже нормальнаго, Ю. Ѳ. предлагаетъ допустить прирѣзку. Тамъ же, гдѣ надѣлы выше нормальныхъ, а повинности ниже, слѣдуетъ удержать существующій порядокъ. Вопросъ о земельномъ обезпеченіи Ю. Ѳ. считалъ самымъ важнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ труднымъ. „Наши потери,—писалъ онъ А. О. Смирновой,—будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ), но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями? Потребности настоящей минуты и ожиданія народа переросли наши средства".

Что касается выкупной операціи, то Самаринъ въ это время не считалъ возможнымъ ея осуществленіе и по финансовымъ и по хозяйственнымъ соображеніямъ. Онъ полагалъ, что обязательный выкупъ отразится неблагопріятно и на крестьянскомъ земельномъ обезпеченіи, вызвавъ сокращеніе площади крестьянскаго землепользованія, и на хозяйствѣ степныхъ помѣщиковъ въ виду рѣдкости населенія въ приволжскихъ и южныхъ губерніяхъ и неорганизованности прихода туда рабочихъ изъ центральныхъ мѣстностей имперіи.

Въ комитетѣ Ю. Ѳ. сразу занялъ выдающееся положеніе. Хотя на первый взглядъ составъ комитета оказался лучше, чѣмъ можно было предполагать, такъ какъ изъ 16 членовъ 8, по словамъ Самарина, рѣшительно стояли за освобожденіе съ достаточнымъ надѣломъ землею и за отдачу строеній даромъ, но уже довольно быстро между большинствомъ и меньшинствомъ начали устанавливаться самыя обостренныя отношенія. Дѣло доходило до того, что для „интимидаціи меньшинства" лидерами крѣпостническаго большинства выписывались изъ уѣздовъ консервативно-настроенные дворяне. Самаринъ не рѣшался даже выходить изъ дому невооруженнымъ и безъ сопровожденія тѣлохранителей. Меньшинство, которое дошло, въ концѣ-концовъ, вмѣстѣ съ Самаринымъ до трехъ членовъ, объявило, что въ случаѣ вызова на дуэль послѣдовательно будутъ драться всѣ трое. Однако комитетское большинство при разработкѣ своего проекта волей-неволей должно было считаться съ мнѣніемъ членовъ меньшинства, такъ какъ на ихъ сторонѣ, по словамъ Самарина, было „образованіе, сознательность убѣжденія, даръ слова и грамотность".

Вся тяжесть комитетскихъ занятій легла на Ю. Ѳ., который въ письмѣ къ друзьямъ такъ рисовалъ тогдашнее свое положеніе: „Вся комитетская работа на моихъ плечахъ. Никто не помогаетъ. Прочіе только спорятъ и возражаютъ, но никто ничего не дѣлаетъ". Кромѣ занятій по редактирова-

нію комитетскаго проекта, Самаринъ выполнилъ огромный трудъ, собственноручно произведя провѣрку и сводку данныхъ по 800 подлиннымъ описаніямъ. Это дало ему возможность убѣдиться, что въ представленномъ комитету сводномъ статистическомъ матеріалѣ „крестьянскіе надѣлы были уменьшены гдѣ на $1^1/_2$, а гдѣ даже на 4 десятины на тягло“. Въ одномъ изъ писемъ Ю. Ѳ. такъ говоритъ объ этихъ своихъ занятіяхъ: „Работа дьявольская, отъ которой у меня преждевременно посѣдѣли волосы“. Къ той же темѣ онъ возвращается въ письмѣ къ А. О. Смирновой: „Въ жизнь мою я не работалъ такъ усиленно, какъ съ 1 января. Члены комитета ропщутъ на мой деспотизмъ и всякій разъ обращаются ко мнѣ для составленія проектовъ, представленій, сводовъ статистическихъ свѣдѣній“. Не желая дѣлать существенныхъ уступокъ членамъ большинства, Ю. Ѳ. рѣшилъ настаивать на томъ, чтобы его проектъ былъ отосланъ въ Петербургъ или какъ его личное мнѣніе или какъ мнѣніе солидарнаго съ нимъ меньшинства.

Еще въ февралѣ 1859 г. Ю. Ѳ. получилъ приглашеніе вступить въ составъ редакціонныхъ комиссій въ званіи члена-эксперта, но занятія въ Самарскомъ комитетѣ затянулись и онъ прибылъ въ Петербургъ только 3 іюня, когда уже успѣла опредѣлиться программа работъ хозяйственнаго отдѣленія, въ которомъ Ю. Ѳ. принималъ наиболѣе дѣятельное участіе. Со многими пунктами этой программы Самаринъ не могъ согласиться, и по этому поводу у него возникали горячіе споры не только съ Милютинымъ, но и съ кн. Черкасскимъ. И въ редакціонныхъ комиссіяхъ такъ же, какъ раньше въ своихъ статьяхъ и въ проектахъ Самарскаго комитета, Ю. Ѳ. отстаивалъ славянофильскую точку зрѣнія на поземельную общину и сельское мірское самоуправленіе.

Въ письмахъ къ А. И. Кошелеву Самаринъ не разъ напоминалъ, что онъ „одинъ изъ первыхъ заявилъ, что выкупъ есть послѣднее необходимое дѣйствіе, безъ котораго драма эмансипаціи была бы не полна“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ, что крестьянамъ надо предоставить время „для перехода, а не для перевода ихъ на оброкъ“. Выкупъ немедленный, въ видѣ громадной кредитной операціи, былъ бы безумiемъ, при затруднительномъ финансовомъ положеніи государства, и разореніемъ для самого дворянства. Отводя крестьянамъ землю въ пользованіе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, Самаринъ видѣлъ въ этомъ единственный путь для образованія того земельнаго фонда, за счетъ котораго совершится со временемъ выкупная операція. Самый выкупъ, по мнѣнію Ю. Ѳ., возможно было произвести посредствомъ возвращенія въ полную собственность помѣщиковъ части той земли, которая теперь отводилась въ пользованіе крестьянъ. Но это средство можетъ быть проведено въ жизнь только тогда, когда земля вздорожаетъ и своей цѣнностью перевѣситъ размѣры повинностей.

Срочно-обязанный періодъ слѣдовало продолжить на цѣлый рядъ лѣтъ, такъ какъ если выкупъ будетъ проведенъ немедленно, то придется, по фи-

нансовымъ соображеніямъ, понизить повинности, что неизбѣжно приведетъ къ сокращенію площади крестьянскаго землепользованія. Ю. Ѳ. полагалъ невозможнымъ отдѣленіе административной единицы отъ хозяйственной, при повсемѣстномъ существованіи общиннаго пользованія и связанныхъ съ землею казенныхъ повинностей. Волостное управленіе, по его словамъ, явится для крестьянъ насильственно навязываемой административной формой, которую они не поймутъ и которой не будутъ интересоваться. Съ этими взглядами Самарина не соглашалось большинство хозяйственнаго отдѣленія, что нерѣдко приводило къ жаркимъ дебатамъ и столкновеніямъ, такъ что Ю. Ѳ. одно время предполагалъ даже выйти изъ состава редакціонныхъ комиссій, но по настоятельному желанію своихъ друзей не покинулъ общаго дѣла. Главная ошибка Самарина состояла въ томъ, что онъ не учитывалъ психологическаго момента, переживаемаго въ тѣ годы деревенскимъ населеніемъ. Крестьянская масса охвачена была страстнымъ желаніемъ какъ можно скорѣе развязать свои обязанныя отношенія къ помѣщику и приступить къ выкупу, цѣною даже существенныхъ хозяйственныхъ уступокъ.

Уже къ концу іюля 1859 г. Самаринъ началъ чувствовать переутомленіе отъ напряженной, непосильной работы. Въ письмѣ отъ 1 августа Ю. Ѳ. сообщаетъ кн. Черкасскому: „Я чувствую въ себѣ зародышъ какой-то болѣзни, которой никакъ опредѣлить себѣ не могу“. А черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ ему, что „не владѣетъ головой и отъ сильныхъ приливовъ боится сойти съ ума“. Глубокой грустью звучатъ слѣдующія слова его письма: „Больно, тяжело сказать, а я неспособенъ продолжать работу. Отдыхъ мнѣ необходимъ“. Въ сентябрѣ Ю. Ѳ. для поправленія здоровья отправился за границу, оттуда вернулся только въ декабрѣ.

Возстановивъ нѣсколько свои силы, Ю. Ѳ. съ прежней энергіей принялся за работу какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ административномъ отдѣленіяхъ. Изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый рядъ докладовъ, между прочимъ, и докладъ о дворовыхъ людяхъ. Имъ же составлено было Мѣстное Положеніе для юго-западныхъ губерній. Стоя на стражѣ крестьянскихъ интересовъ и отстаивая работы редакціонныхъ комиссій, Самаринъ считалъ, что все, что писалось и печаталось противъ ихъ дѣятельности, играло въ руку реакціи. Какъ видно изъ письма его къ Кошелеву отъ 26 сентября 1860 г., онъ полагалъ, что статьи и брошюры послѣдняго являются вѣрнымъ средствомъ остановить все дѣло. „Вы не хотите понять,—писалъ онъ ему,—что настроеніе въ настоящую минуту таково, что каждое слово, сказанное противъ редакціонныхъ комиссій, подхватывается съ радостью и немедленно обращается въ оружіе противъ освобожденія крестьянъ съ землею“.

До самаго конца занятій редакціонныхъ комиссій Самаринъ проявлялъ громадную энергію и работалъ, по его собственному выраженію, „какъ каторжникъ“. По закрытію ихъ онъ не покинулъ крестьянскаго дѣла и соста-

вленіемъ ряда записокъ, какъ для Милютина, такъ и для великаго кн. Константина Николаевича, способствовалъ, по мѣрѣ силъ, благопріятному завершенію крестьянской реформы. Его же перу принадлежитъ и первая редакція манифеста, отличавшаяся значительно большей простотою и доступностью, сравнительно съ той окончательной, которая составлена была московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Самарину, который такъ много сдѣлалъ для подготовки и осуществленія крестьянской реформы, не удалось присутствовать въ церкви при чтеніи освободительнаго манифеста. Онъ хотѣлъ выслушать его среди своихъ крестьянъ, но въ деревню манифестъ еще не былъ присланъ, а изъ-за начинавшейся распутицы Ю. Ѳ. не могъ тамъ дольше оставаться. Въ письмѣ къ кн. Черкасскому отъ 23 марта 1861 г. Ю. Ѳ. съ грустью говоритъ: „Минута, которая такъ долго меня занимала, отъ которой я ожидалъ такой полноты живыхъ ощущеній, пронеслась мимо меня“.

Въ мартѣ 1861 г. послѣдовало назначеніе Ю. Ѳ. въ Самарское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Положеніе Ю. Ѳ. было весьма труднымъ. Ему пришлось употребить много времени и стараній, „чтобы заставить самарскихъ дворянъ забыть комитетскія сцены, редакціонныя комиссіи и всю старину“. Однако, благодаря тактичности Ю. Ѳ., примиреніе между нимъ и самарскимъ дворянствомъ состоялось, и когда въ іюнѣ 1863 г. онъ покидалъ Самару, тамошнее общество устроило ему торжественные проводы. Для того, чтобы не портить того общественнаго дѣла, которому онъ служилъ въ качествѣ члена губернскаго присутствія, и не обострять отношеній съ мѣстнымъ дворянствомъ, Самаринъ отказался отъ присланнаго ему ордена Владимира 3-й степени, полагая, что наградой этой правительство какъ бы выхватываетъ изъ толпы бывшихъ членовъ-экспертовъ, „какъ людей особенно ему угодившихъ“.

И въ губернскомъ присутствіи, такъ же какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Самарскомъ комитетѣ, на плечахъ Ю. Ѳ. лежала вся тяжесть работы. Въ іюлѣ 1861 г. онъ писалъ Кошелеву, что по безграмотности дѣлопроизводителя ему самому приходится писать всѣ журналы, инструкціи и выводы. Ю. Ѳ. лично выработалъ форму уставныхъ грамотъ и сочинилъ инструкцію для ихъ составленія. Вмѣстѣ со своими двумя товарищами онъ частнымъ образомъ давалъ совѣты всѣмъ обращавшимся за помощью и указаніями. Все это поднимало кредитъ губернскаго присутствія среди крестьянъ, что доставляло нравственное удовлетвореніе Ю. Ѳ. и поддерживало его во время работы. А работать Самарину приходилось попрежнему много. Въ августѣ 1862 г. онъ пишетъ кн. Черкасскому: „Всѣ безъ исключенія 587 уставныхъ грамотъ мы провѣрили и исправили въ губернскомъ присутствіи. По правдѣ сказать, эта работа довольно утомительна и скучна, но я втянулся въ нее“. При проведеніи крестьянской реформы въ жизнь Ю. Ѳ. убѣдился въ ошибочности нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ положеній. Такъ, въ письмѣ къ Кошелеву отъ 1862 г. онъ сознается, „что въ тѣсныхъ

предѣлахъ сельскаго общества не улеглось бы броженіе умовъ; что въ волости, по разнопомѣстности ея состава, сглаживаются рѣзкія противоположности частныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Волости, волостные суды, старшины были необходимы и принесли огромную пользу".

Лѣтомъ 1863 г. Самаринъ вышелъ въ отставку. Для отдыха, въ которомъ онъ такъ нуждался, Ю. Ѳ. предполагалъ отправиться за границу. Но вмѣсто того ему пришлось, по приглашенію Н. А. Милютина, принять дѣятельное участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Польшѣ, особенно сильно обострившагося въ моментъ возстанія 1863 г. Въ борьбѣ съ повстанцами правительство рѣшило опереться на крестьянское сословіе, и на Милютина возложена была миссія „вести крестьянское дѣло въ Польшѣ къ коренной и окончательной развязкѣ". Милютинъ разсчитывалъ на дѣятельную поддержку Ю. Ѳ., такъ какъ, при своихъ чисто теоретическихъ свѣдѣніяхъ по вопросамъ крестьянскаго быта, онъ, по его собственному признанію, не могъ обойтись безъ содѣйствія Самарина.

Въ тѣсной связи съ работами надъ крестьянской реформой въ Польшѣ стоитъ статья Самарина „Современный объемъ польскаго вопроса", напечатанная имъ въ журналѣ „День" въ сентябрѣ 1863 г. Подобно остальнымъ славянофиламъ, Самаринъ сочувственно относился къ Польшѣ, какъ славянской націи, но ненавидѣлъ полонизмъ, какъ продуктъ западной латинской культуры. Въ полонизмѣ Ю. Ѳ. видѣлъ „острый клинъ, вогнанный въ сердцевину славянскаго міра, съ цѣлью расколоть его въ щепы". Въ польскомъ вопросѣ слѣдуетъ, по его мнѣнію, различать три элемента: поляки—какъ нація, Польша—какъ самостоятельное государство, и полонизмъ, какъ просвѣтительное начало, какъ „вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра". Полонизму, какъ главному врагу, Ю. Ѳ. противопоставляетъ восточно-славянское православное вліяніе. Но къ борьбѣ съ полонизмомъ онъ призывалъ правительство не въ коренныхъ областяхъ Царства Польскаго, а только въ западныхъ губерніяхъ. Что касается самой Польши, то Ю. Ѳ., отрицательно относясь къ идеѣ ея государственной автономіи, считалъ необходимымъ культурно-національное самоопредѣленіе польской народности. Онъ отстаивалъ свободу вѣроисповѣданія, офиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта Польши. Надо стремиться, по его словамъ, къ сліянію Польши съ Россіей, а не къ ея поглощенію. Конечнымъ идеаломъ для Ю. Ѳ. было полнѣйшее примиреніе Польши съ Россіей и съ остальнымъ славянствомъ. Предлагая подсѣчь корни полонизма, Самаринъ вмѣстѣ съ тѣмъ для подавленія возстанія считалъ необходимымъ вывести на историческую сцену крестьянское населеніе, уничтоживъ всякую зависимость его отъ дворянства.

Такимъ образомъ взгляды Самарина на польскій вопросъ отличались примирительнымъ характеромъ. Онъ былъ далекъ отъ какихъ-либо агрессив-

ныхъ выступленій, и если говорилъ о борьбѣ, то только на культурной почвѣ. Поэтому не на немъ лежитъ вина за то, что выставленная имъ программа превратилась въ рукахъ правительства сперва въ инкорпорацію Польши Россіей и затѣмъ въ полнѣйшую ея руссификацію. Правительство перенесло борьбу съ полонизмомъ въ нѣдры самой Польши и тѣмъ обострило до крайности отношенія между польской интеллигенціей и русскими реформаторами.

Милютинъ вмѣстѣ съ Самаринымъ и кн. Черкасскимъ проявили громадную энергію по изученію крестьянскаго дѣла въ Польшѣ. Ими былъ разработанъ огромный документальный матеріалъ въ Петербургскомъ статсъ-секретаріатѣ и въ Варшавѣ въ управленіи намѣстничества. Они собрали рядъ цѣнныхъ статистическихъ данныхъ, опубликованныхъ въ видѣ объемистаго правительственнаго изданія. Въ цѣляхъ живого непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ польскаго крестьянства всѣми тремя лицами, подъ прикрытіемъ вооруженнаго конвоя, предприняты были поѣздки по незамиреннымъ еще областямъ. Ю. Ѳ. пробылъ въ Польшѣ 6 недѣль, и свои наблюденія онъ изложилъ въ обширной запискѣ, представленной государю. Вмѣстѣ съ Милютинымъ и кн. Черкасскимъ Ю. Ѳ. составилъ проекты по устройству крестьянскаго быта и гминнаго управленія въ Польшѣ. Послѣ предварительнаго одобренія ихъ государемъ они были внесены на разсмотрѣніе особаго комитета, въ составъ котораго былъ назначенъ и Самаринъ. 19 февраля 1864 г. Положеніе о крестьянахъ въ Царствѣ Польскомъ было утверждено Александромъ II, и съ этого времени заканчивается работа Ю. Ѳ. по крестьянскому дѣлу [1]).

Являясь, по мѣткому выраженію одного изъ современниковъ, земскимъ человѣкомъ съ головы до ногъ, Ю. Ѳ. принималъ близко къ сердцу всѣ тѣ общественные вопросы, которые властно выдвигала сама жизнь. Держась въ сторонѣ отъ правительственныхъ сферъ, онъ всегда открыто и независимо высказывалъ свои убѣжденія.

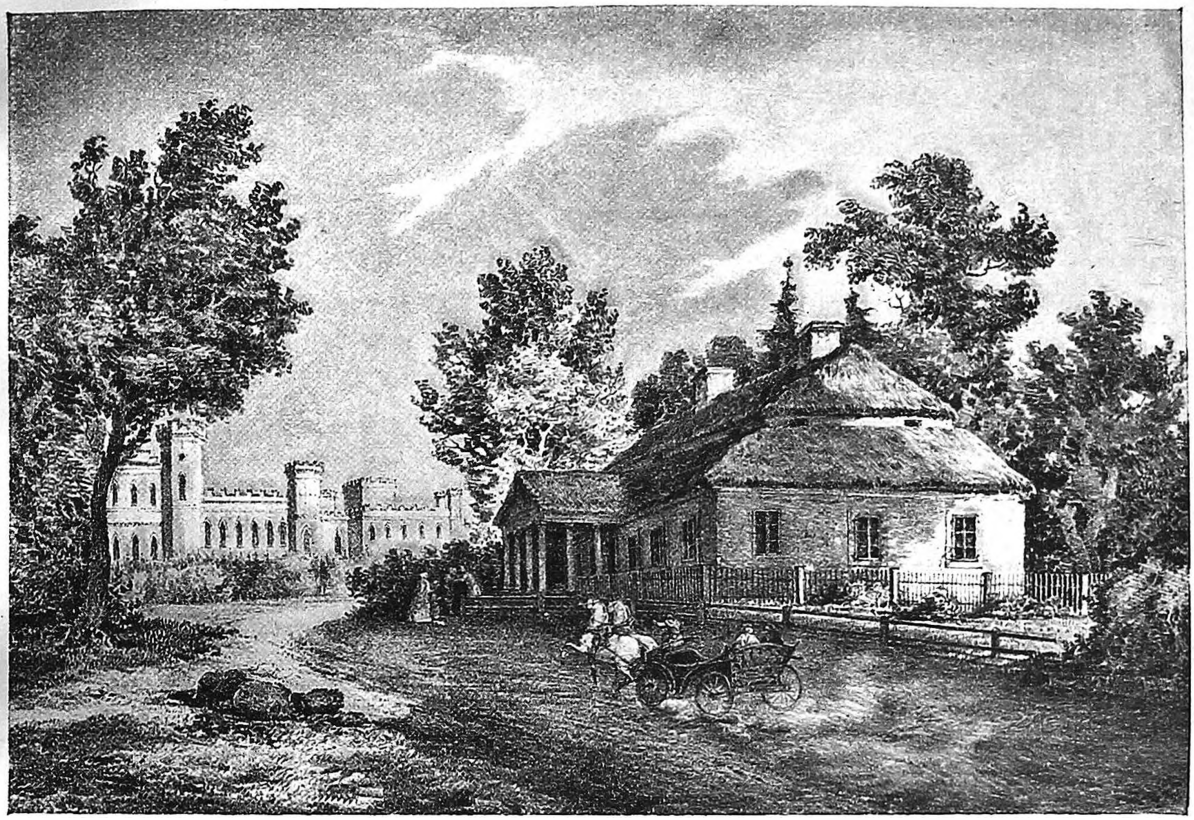
Самъ Ю. Ѳ. въ перепискѣ съ друзьями превосходно опредѣляетъ свою роль среди общественныхъ теченій той эпохи. Еще въ концѣ 1861 г. онъ писалъ кн. Черкасскому: „Мы съ вами, именно мы двое, стоимъ на межѣ двухъ общественныхъ слоевъ: чиновничьяго и литературно-помѣщичьяго. Съ тѣмъ и съ другимъ мы имѣемъ связи, которыхъ разорвать нельзя, но ни къ тому ни къ другому мы не можемъ пристать безусловно". Онъ былъ далекъ отъ отвлеченныхъ принциповъ радикальнаго реформаторства и говорилъ о себѣ: „Я—не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ". Любимымъ его афоризмомъ было: „Для меня все равно, откуда идетъ революція — съ улицы или изъ бельэтажей". Но, выступая противъ революціонной ломки, Самаринъ неослабно боролся съ общественнымъ квіетизмомъ. Еще въ мартѣ

[1]) О крестьянской реформѣ въ Польшѣ см. статью А. А. Корнилова. «Реформа 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ».

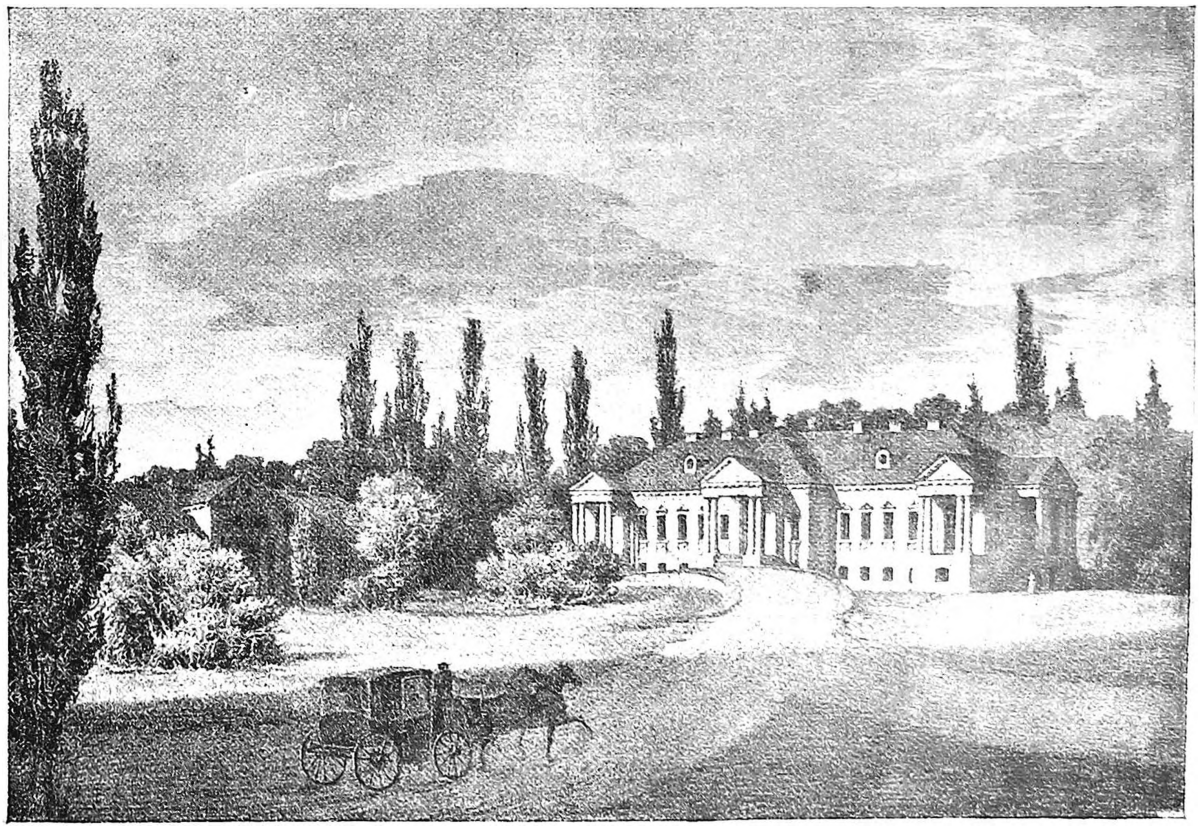
1859 г. Ю. Ѳ. писалъ А. О. Смирновой, „что сильная всеобщая встряска для насъ необходима, хотя бы для того, чтобы покончить съ дворянской лѣнью и пробудить насъ отъ хронической спячки и очистить нравственную атмосферу отъ зловонныхъ испареній“. Общественная апатія, съ которой пришлось столкнуться Самарину, почти тотчасъ по освобожденіи крестьянъ наводила его на самыя грустныя размышленія: „Наше общественное возрожденіе, тому назадъ года три казавшееся несомнѣннымъ, теперь невольно становится вопросомъ“, писалъ онъ кн. Черкасскому въ ноябрѣ 1862 года. Глубокимъ пессимизмомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ словъ его письма: „Если общество отнеслось пассивно къ крестьянской реформѣ, которая затрогивала его привычки и интересы; если помѣщики, какъ стадо барановъ, гуртомъ, повалили въ ту сторону куда ихъ толкнули если мировые посредники приняли сторону крестьянъ, а не помѣщиковъ, единственно потому, что труднѣе и хлопотливѣе возиться съ цѣлою сходкой, чѣмъ съ помѣщикомъ; если весь ихъ хваленый либерализмъ въ сущности былъ не что иное, какъ потачка сильнѣйшему, то спрашивается, какая участь ожидаетъ земскія и судебныя учрежденія, задуманныя въ видахъ открытія клапановъ для свободныхъ общественныхъ силъ?“ Тотъ же тонъ выступаетъ и въ письмѣ къ кн. Черкасскому отъ 3 декабря 1862 года: „Вездѣ сверху донизу все одно: лѣнь, вялость, трусость“.

Чѣмъ больше Ю. Ѳ. знакомился съ провинціальной средой тѣмъ болѣе онъ приходилъ къ убѣжденію, „что время для органическаго законодательства еще не приспѣло“. Сознавая, что историческій моментъ, переживаемый Россіей въ началѣ 60-хъ годовъ, далеко не благопріятствовалъ проведенію въ жизнь конституціонныхъ проектовъ Кошелева и либеральныхъ дѣятелей Тверской и Смоленской губерній, Ю. Ѳ. открыто осуждалъ ихъ литературныя и общественныя выступленія. „Образованное общество,— писалъ онъ,— теперь уже набрело на мысль, что самый благовидный предлогъ ничего не дѣлать даетъ дразненіе правительства“. У Самарина возникалъ цѣлый рядъ опасеній относительно грядущихъ судебъ Россіи. „При настоящихъ обстоятельствахъ Земская Дума,— читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ,— поставила бы весь тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточено русское просвѣщеніе, всю грамотную Русь между двухъ огней; ея безсиліе и изолированность высказались бы самымъ очевиднымъ образомъ и, благодаря ея глупымъ замашкамъ, послѣдовало неудержимое сближеніе между властью и массами,— сближеніе на счетъ серединной Россіи во имя произвола и невѣжества“. Считая, что для созыва Земской Думы время еще не наступило, Ю. Ѳ. полагалъ, что очередной задачей текущаго момента является созданіе органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Называя себя неисправимымъ славянофиломъ, Ю. Ѳ. высоко ставилъ западно-европейскую культуру и общественность. Въ широкомъ мѣстномъ самоуправленіи, въ зачаткахъ свободнаго печатнаго слова и въ основныхъ началахъ судебной реформы онъ видѣлъ необходимыя условія для всесто-

Дворецъ Постовскаго въ Гродненской губ. и домъ, гдѣ родился Костюшко.
(Альбомъ Орда).

Замокъ, выстроенный Симономъ Скирмунтомъ близъ Пинска.

ронняго проявленія русскаго народнаго духа и для дальнѣйшаго развитія въ строго національномъ направленіи русской государственной и общественной жизни. По словамъ А. Д. Градовскаго, Ю. Ѳ. былъ человѣкомъ реформы, т.-е. горячимъ защитникомъ того, что пріобрѣтено обществомъ съ 1861 г. Онъ яростно ополчался противъ охранителей-крѣпостниковъ, старавшихся запутать правительство и измѣнить его курсъ въ сторону реакціонныхъ мѣропріятій, называя ихъ охранителями „пугачевщины“. Являясь, по мѣткому выраженію Градовскаго, горячимъ адвокатомъ жизни, Ю. Ѳ. съ ѣдкимъ сарказмомъ, въ своемъ отвѣтѣ генералу Ѳадѣеву, литературному вождю тогдашнихъ охранителей, осмѣиваетъ ихъ выступленія противъ коренныхъ устоевъ эпохи великихъ реформъ. Съ неопровержимою послѣдовательностью онъ доказываетъ, что наши мнимые охранители вступили на путь чисто революціонной ломки. Въ этомъ публицистическомъ произведеніи ярко проявился могучій полемическій талантъ Самарина, полный тонкаго анализа фактовъ и глубокаго искренняго негодованія.

Современники, хорошо знавшіе Ю. Ѳ., даютъ намъ всестороннюю характеристику его нравственной личности. По ихъ словамъ, онъ представлялъ собою типъ общественнаго дѣятеля, стоявшаго всегда на почвѣ закона и не допускавшаго никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, чего бы это ему ни стоило и чѣмъ бы это ему ни грозило. По мнѣнію К. Д. Кавелина, „съ Самаринымъ можно было не соглашаться... но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руку“. Высказываясь за широкую свободу устнаго и печатнаго слова, Самаринъ шелъ навстрѣчу критикѣ, видя въ ней здравый жизненный элементъ прогрессивнаго развитія. Являясь сторонникомъ довольно опредѣленной доктрины, онъ никогда не шелъ въ рядахъ реакціонеровъ, горячо привѣтствуя всѣ тѣ реформаціонныя начинанія, которыя вносили лучъ свѣта въ темное царство народнаго невѣжества и крестьянскаго безправія.

Въ разгарѣ своей литературной и общественной дѣятельности Ю. Ѳ. неожиданно скончался въ Берлинѣ 19 марта 1876 г. послѣ сдѣланной ему операціи, осложнившейся злокачественнымъ рожистымъ воспаленіемъ. Вѣсть о его смерти сильно потрясла всю тогдашнюю интеллигентную Россію, и въ рядѣ некрологовъ, написанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что понесенной утраты, звучатъ ноты искренней печали и глубокаго горя.

Окидывая общимъ взглядомъ все то, что было сдѣлано и написано Самаринымъ, мы не можемъ не присоединиться къ тому отзыву, который былъ сдѣланъ 35 лѣтъ тому назадъ ветераномъ русскихъ западниковъ—К. Д. Кавелинымъ: „Имя Ю. Ѳ. Самарина пользовалось у насъ огромною извѣстностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву цѣлою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами“.

В. Бочкаревъ.

Кн. Владимиръ Александровичъ Черкасскій.

Кн. О. Н. Трубецкой.

Трудно въ предѣлахъ небольшой статьи дать яркій обликъ человѣка, сыгравшаго такую важную, можно сказать, первостепенную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, какая выпала на долю князя Владимира Александровича Черкасскаго, и должнымъ образомъ освѣтить значеніе этой роли.

Являясь однимъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей эпохи царствованія Александра II, кн. Черкасскій достигъ своего положенія не обычнымъ у насъ служебнымъ путемъ. Благодаря блестящимъ дарованіямъ, широкому образованію, ясному практическому уму, можно сказать, что сама жизнь выдвигала его въ первые ряды всякій разъ, когда дѣло касалось серьезныхъ національныхъ или политическихъ интересовъ страны. Крестьянскій же вопросъ съ самой ранней его молодости постоянно занималъ его вниманіе.

По выходѣ изъ университета, поселившись въ деревнѣ въ Тульской губерніи въ небольшомъ своемъ имѣніи Ивановское, Пригори тожъ, кн. Черкасскій горѣлъ желаніемъ что-нибудь предпринять для своихъ крестьянъ. Дѣла его были въ довольно стѣсненномъ положеніи, благодаря старшему брату Константину, который совершенно разорился. Чтобы прійти ему на помощь, кн. В. А. Черкасскій заложилъ свое имѣніе, а по существовавшимъ тогда законамъ помѣщикъ не имѣлъ права отчуждать ни единой десятины изъ заложеннаго имѣнія до уплаты всего долга, что служило непреодолимымъ препятствіемъ къ надѣленію имъ своихъ крестьянъ землею. Осуждая безземельное освобожденіе крестьянъ, князь допускалъ цѣлесообразность и возможность его для дворовыхъ и мастеровыхъ крестьянъ. Въ Пригоряхъ былъ сахарный заводъ и не мало мастеровыхъ, состоятельныхъ крестьянъ. 27 октября 1846 г. князь В. А. Черкасскій писалъ своему брату Евгенію: „Ce matin j'ai signé un „всемилостивѣйшій манифестъ“ о постоянной таксѣ для желающихъ откупиться крестьянъ, et je l'ai déposé au comptoir en le faisant proclamer. Vogue la galère! Что будетъ, не знаю“... Пресловутый манифестъ пропалъ безслѣдно, но по уцѣлѣвшимъ документамъ видно, что вышло изъ него на дѣлѣ. Мастеровые и состоятельные крестьяне немедленно откупились: выкупная цѣна была назначена отъ 60—100 руб., глядя по числу взрослыхъ мужчинъ въ семьѣ (повидимому, выкупъ дозволялся лишь въ полномъ составѣ двора). Для облегченія крестьянъ уплата разсрочивалась на 2—3 года, и прежнія угодія оставались въ ихъ пользованіи за половинный оброкъ.

Въ 1857 году по просьбѣ своихъ вольноотпущенныхъ князь продалъ имъ 122½ десятины земли по 40 руб. за дес. съ разсрочкою уплаты на нѣсколько лѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, съ обнародованіемъ Положенія 19 февраля, пригорскіе крестьяне оказались въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ временно-обязанные, ибо лишены были казеннаго кредита и помощи для пріобрѣтенія остальной части надѣла. Кн. Черкасскій совмѣстно съ ними подалъ прошеніе о распространеніи на нихъ Положенія 19 февраля для выкупа земли, при чемъ уступалъ имъ ее за прежнюю цѣну—40 руб. за десятину. Но въ просьбѣ этой имъ было отказано, и окончательное устройство пригорскіе крестьяне получили лишь послѣ его смерти согласно его духовному завѣщанію.

Вообще вся эта юная затѣя, задуманная сгоряча, доставила князю много хлопотъ и непріятностей. Ему пришлось извѣдать всю трудность частнаго осуществленія дѣла, когда оно находится не въ соотвѣтствіи съ общимъ строемъ жизни и не находитъ себѣ поддержки въ существующихъ законахъ. При этомъ убытки какъ въ хозяйствѣ князя, такъ и остального крѣпостного населенія были неизбѣжны. За каждаго уволеннаго приходилось платить подушные сборы до новой ревизіи, а также вносить въ опекунскій совѣтъ соотвѣтствующую залогу сумму. Въ свою очередь, на сельское общество тяжело ложилась рекрутская повинность, которая дала себя сильно почувствовать во время Крымской кампаніи.

Всѣ эти затрудненія, неустранимыя безъ участія и содѣйствія правительства, навели кн. Черкасскаго на мысль объ учрежденіи среди тульскихъ помѣщиковъ кружка для совмѣстнаго и всесторонняго обсужденія дѣла и представленія своихъ соображеній и ходатайствъ на усмотрѣніе правительства. Въ виду этого самъ князь набросалъ проектъ „постепеннаго освобожденія крестьянъ“, гдѣ, высказываясь противъ безземельнаго освобожденія и сочувствуя всего болѣе закону 1803 г. „о вольныхъ хлѣбопашцахъ“ въ томъ способѣ его примѣненія, который дѣлалъ крестьянъ свободными вотчинниками, онъ предлагалъ пойти навстрѣчу требованіямъ правительства и избрать срединный путь между свободными хлѣбопашцами и обязанными крестьянами. Мы остаемся въ неизвѣстности, былъ ли этотъ планъ предложенъ имъ на обсужденіе кружка, который составился въ апрѣлѣ 1847 г., но онъ интересенъ самъ по себѣ, ибо въ немъ изложены взгляды кн. Черкасскаго на всѣ существовавшіе тогда способы увольненія.

Кружокъ изъ девяти человѣкъ дворянъ тульской губерніи собирался у губернатора Муравьева (впослѣдствіи гр. Амурскаго), и къ концу 1847 г. проектъ, написанный рукою кн. Черкасскаго, былъ уже готовъ къ подписанію, когда внезапно изъ Петербурга прискакалъ фельдъегерь съ Высочайшимъ приказомъ: „комиссію распустить и всякую дальнѣйшую разработку вопроса остановить“. Е. И. Раевская („Русск. Арх.“, 1896 г., № 2, стр. 207) разска-

зываетъ даже, что будто бы отъ всѣхъ участниковъ кружка была отобрана подписка, что они освобожденіемъ крестьянъ больше заниматься не будутъ, и имъ приказано было разъѣхаться по домамъ. Этотъ рѣзкій поворотъ, вызванный вспыхнувшей французской революціей, былъ уже окончательнымъ для крестьянскаго дѣла въ царствованіи Николая Павловича.

По разсѣяніи тульскаго кружка, кн. Черкасскій, до своей женитьбы на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Васильчиковой, два года почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, а послѣ свадьбы (въ августѣ 1850 г.) переѣхалъ на зиму въ Москву, гдѣ сблизился съ кружкомъ московскихъ славянофиловъ. Изъ писемъ Хомякова видно, что эмансипаціонные разговоры были въ ту зиму въ большомъ ходу между ними. Въ 1851 г. кн. Черкасскій принялъ живое участіе въ изданіи, затѣянномъ въ кружкѣ съ цѣлью уясненія крестьянскаго вопроса и распространенія своихъ взглядовъ, но, какъ извѣстно, „Московскій Сборникъ“ былъ запрещенъ уже на второй книжкѣ, статья кн. Черкасскаго „Юрьевъ день“ [1]) сочтена была особенно опасной и вмѣстѣ съ Аксаковымъ, Кирѣевскимъ и Хомяковымъ кн. Черкасскій подвергся ограниченію въ правахъ печати и полицейскому надзору. Когда съ наступленіемъ новаго царствованія цензурное запрещеніе было снято, кн. Черкасскій сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“. Однако, должно здѣсь замѣтить, что, несмотря на тѣсную дружбу, соединявшую кн. Черкасскаго съ нѣкоторыми членами кружка и особенно съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и И. С. Аксаковымъ, онъ никогда не былъ славянофиломъ въ общепринятомъ значеніи этого слова. Отношеніе его къ славянофильству носило характеръ союза на почвѣ практическаго разрѣшенія извѣстныхъ задачъ, но онъ не раздѣлялъ ихъ взглядовъ на православіе и народность и не былъ поклонникомъ общины.

Кн. Черкасскій считалъ, что при крѣпостномъ правѣ община служила охраною для крестьянъ противъ произвола помѣщиковъ, но, признавая ее вредною при освобожденіи крестьянъ и препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію крестьянскаго хозяйства, онъ никогда печатно не выступалъ противъ нея, не желая разссориться съ своими друзьями, и особенно съ Ю. Ѳ. Самаринымъ.

Въ началѣ января 1857 г. князь Черкасскій представилъ Ланскому обширную записку „о лучшихъ средствахъ къ постепенному исходу изъ крѣпостного состоянія“. Изъ содержанія записки видно, какъ далекъ кн. Черкасскій былъ въ то время отъ мысли, что правительство рѣшится въ ближайшемъ будущемъ на общія рѣшительныя мѣры къ развязкѣ крестьянскаго вопроса. Рекомендуя самую широкую гласность и призывъ къ общественнымъ силамъ, кн. Черкасскій считалъ полезнымъ въ извѣстномъ смыслѣ

[1]) «Юрьевъ день» напеч. въ «Русск. Арх.», 1882 г., № 1.

„обстрѣливать“ Петербургъ и почаще напоминать кому слѣдуетъ о необходимости радикальныхъ реформъ. Ему казалось, что должно стараться склонить правительство вступить на этотъ путь, хотя бы съ робостью, и указать возможно простые и легкіе къ тому способы. Иного значенія записка эта не имѣла и въ глазахъ самого князя, который самъ указывалъ, что впослѣдствіи, при измѣнившихся условіяхъ постановки вопроса, онъ не стоялъ за высказанныя имъ здѣсь мнѣнія и предложенія [1]).

Осенью 1857 г. кн. Черкасскій собрался за границу, гдѣ рѣшилъ провести зиму для здоровья жены. Въ Римѣ князь имѣлъ случай сблизиться съ бар. Э. Ѳ. Раденъ, которая представила его вел. кн. Еленѣ Павловнѣ. „Великая княгиня любезна со мной до крайности,—писалъ отсюда кн. Черкасскій А. И. Кошелеву,—и во всѣхъ своихъ разговорахъ съ русскими стоитъ горою за освобожденіе крестьянъ и притомъ съ землею“. Вел. княгиня часто приглашала кн. Черкасскаго къ себѣ и любила дѣлиться съ нимъ извѣстіями, получавшимися изъ Петербурга. По обнародованіи на имя ген. Назимова рескрипта (въ ноябрѣ 1857 г.) кн. Черкасскій написалъ для нея двѣ записки, гдѣ ставилъ на видъ, что главнымъ условіемъ успѣха новаго начинанія должно быть наблюденіе правительства за добросовѣстной, не слишкомъ высокой оцѣнкой крестьянскихъ усадебъ, подлежащихъ выкупу, и повинностей, а главное напиралъ на необходимость самой широкой гласности какъ относительно намѣреній правительства, такъ и обсужденія вопроса. Вѣроятно, къ этому же времени слѣдуетъ отнести замѣчанія, составленныя княземъ по просьбѣ вел. княгини на проектъ освобожденія крестьянъ въ ея имѣніи „Карловкѣ“ (Арх. кн. Черкасскаго, № 6).

Въ началѣ апрѣля кн. Черкасскій вернулся въ Россію и былъ назначенъ членомъ отъ правительства въ Тульскій губернскій комитетъ, открытіе котораго послѣдовало лишь 5 сентября 1858 г.

Еще въ началѣ іюня 1858 г. А. И. Кошелевъ (членъ Рязанскаго комитета) предложилъ кн. Черкасскому и Ю. Ѳ. Самарину (члену Самарскаго комитета) установить между ними тройственную переписку, чтобы держать другъ друга въ курсѣ всего хода крестьянскаго дѣла въ сферѣ дѣятельности каждаго, а главное для обмѣна мнѣніями и взглядами на всѣ стороны вопроса для болѣе дружнаго и согласнаго дѣйствія и провѣрки личныхъ взглядовъ. Письма эти пересылались другъ другу съ замѣчаніями и выраженіемъ согласія или несогласія на тѣ или другія мнѣнія и предположенія. Переписка эта, обнимающая весь первый періодъ исторіи крестьянской реформы, какъ непосредственно до, такъ и во время губернскихъ комитетовъ, сохранилась почти въ цѣлости и является цѣннымъ историческимъ документомъ,

---

[1]) См. письмо кн. В. А. Черкасскаго къ гр. Орлову-Давыдову. «Матеріалы для біографіи» кн. О. Трубецкой, т. I, кн. 2, прилож. № 2.

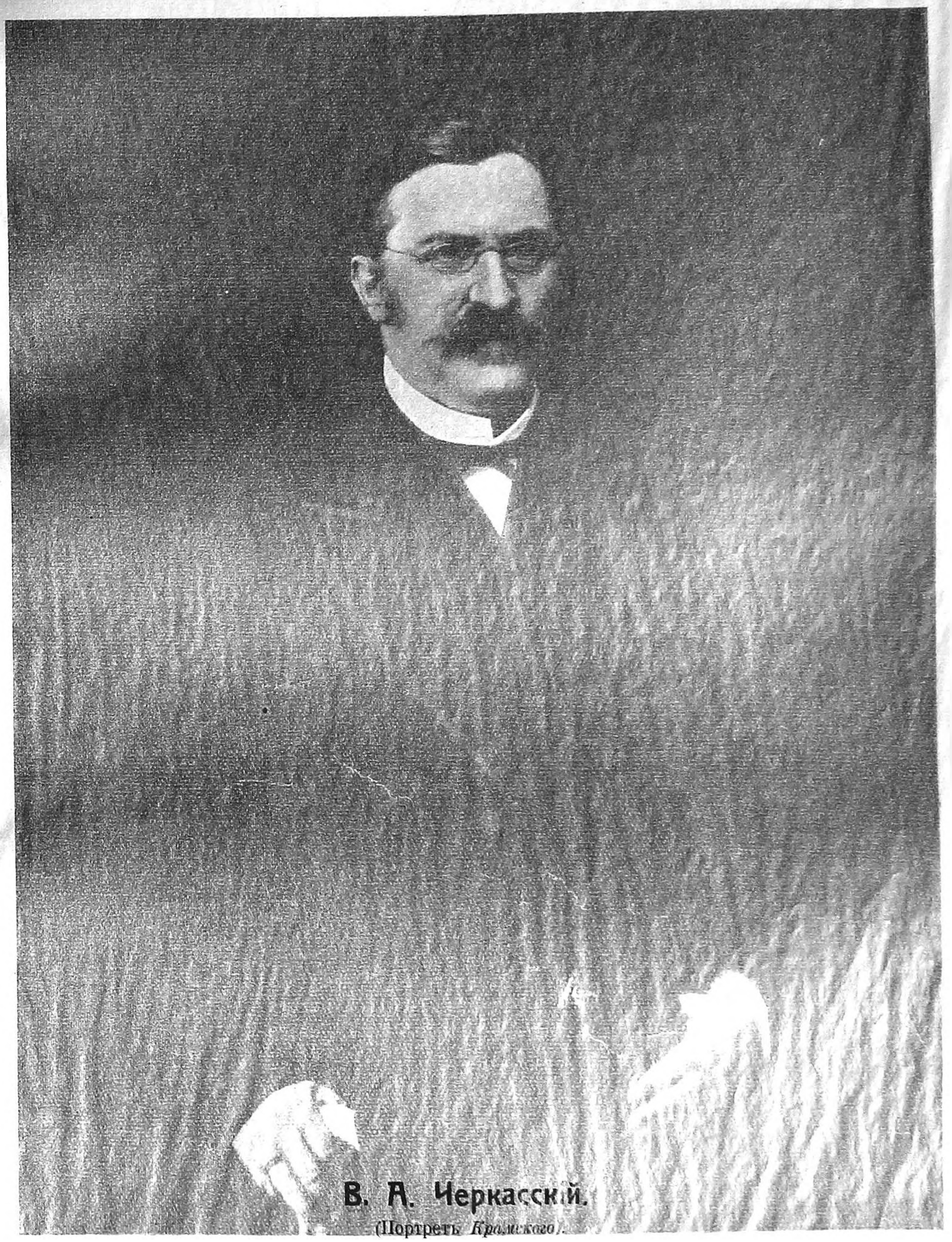
позволяя намъ шагъ за шагомъ слѣдить за всѣми перипетіями борьбы, которую членамъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ приходилось выдерживать противъ членовъ крѣпостническаго большинства [1]).

Послѣднее не брезгало никакими средствами и уловками, чтобы тормозить дѣло въ комитетахъ. Боясь преслѣдованія со стороны правительства за свои мнѣнія, члены большинства въ Тульскомъ комитетѣ провели тайную баллотировку вопросовъ, отказали даже тульскимъ дворянамъ въ правѣ присутствовать на засѣданіяхъ, а чтобы окончательно оттѣснить меньшинство, отняли у него право записывать отдѣльныя мнѣнія въ журналы засѣданія. Впослѣдствіи эти постановленія были отмѣнены по приказанію министра, но, очевидно, что они не могли проходить безъ отчаянной борьбы со стороны меньшинства. Держась того взгляда, что вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной, князь не щадилъ своихъ противниковъ. И. С. Аксаковъ, вспоминая впослѣдствіи впечатлѣніе, которое производили его рѣчи, писалъ: „Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза людей съ туманною мыслью, ублажающихся самообольщеніемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ любилъ издѣваться надъ добродушной глуповатостью и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомѣрную, злую глупость. Онъ владѣлъ удивительнымъ умѣніемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста и въ грудѣ фразъ о безкорыстіи и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива... Большинство не могло простить ему—князю, аристократу по происхожденію демократическую будто бы затѣю надѣленія крестьянъ землею: добро бы онъ былъ человѣкъ неимущій, искренній, простодушный идеологъ, увлекающійся фантазіями либерализма и гуманности и т. п. Но такого права на ересь помѣщичье большинство въ кн. Черкасскомъ не признавало, а между тѣмъ чувствовало въ немъ опасную себѣ силу [2])“. Ясное пониманіе вопроса, громадная память и знаніе законовъ давали ему такое преимущество въ комитетѣ, что оно пугало его противниковъ: къ программѣ просто боялись приступать и представленія, дѣлавшіяся губернаторомъ объ ускореніи работъ, не двигали дѣла. Засѣданія откладывались то по неприбытію двухъ членовъ, изъ того же уѣзда, то изъ-за того, что журналъ предшествовавшаго засѣданія не былъ готовъ къ подписанію, то по причинѣ распространенія „угарнаго чада“ въ залѣ засѣданія, при чемъ тутъ же въ журналѣ занесенъ протестъ кн. Черкасскаго и членовъ меньшинства, отрицавшихъ „вліяніе угарнаго чада на незаконное закрытіе засѣданія“. Оже-

---

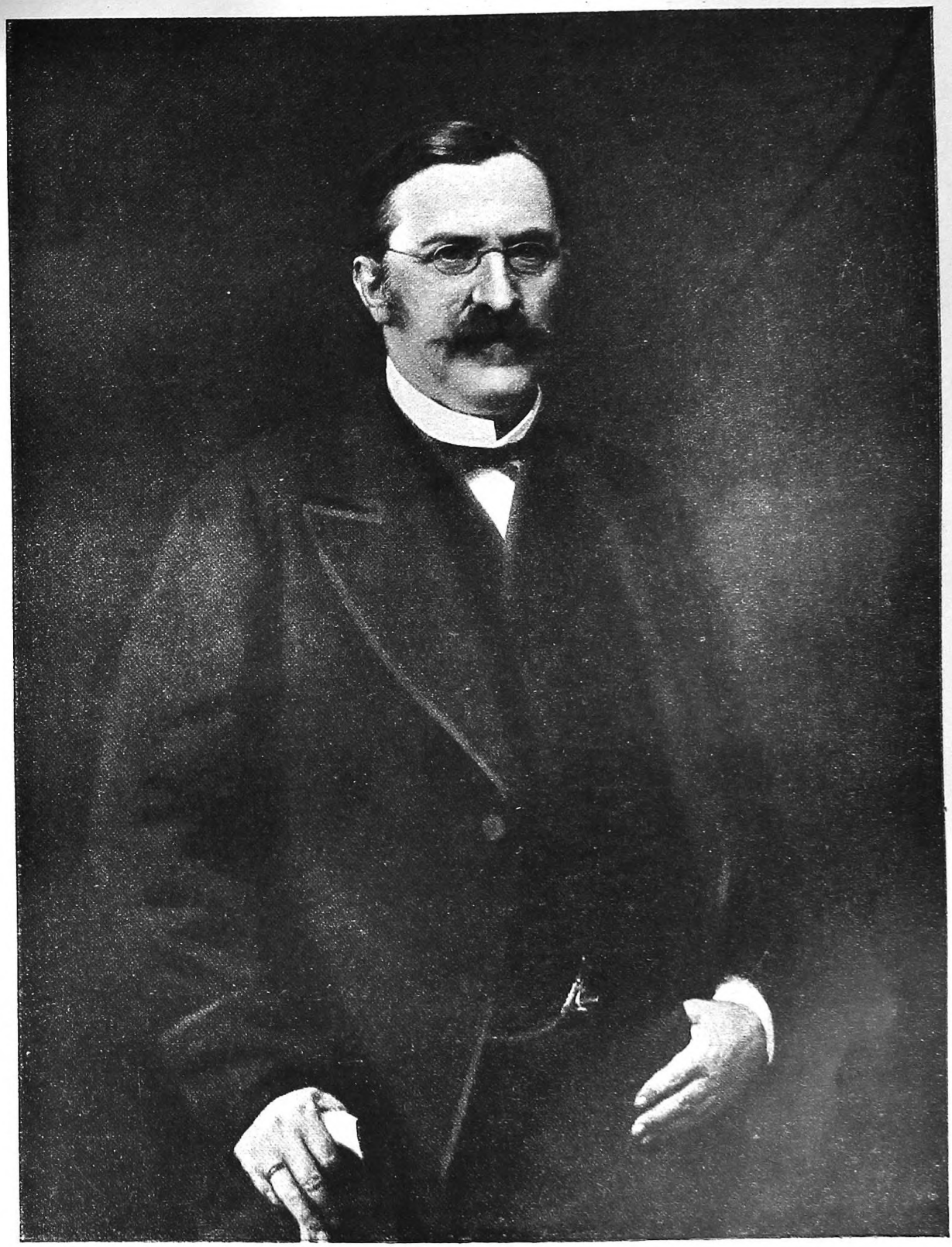
[1]) См. «Князь В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса». «Матеріалы для біографіи» кн. О. Трубецкой, т. I, кн. 1 и кн. 2. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. И. Кошелевымъ и И. С. Аксаковымъ.

[2]) Кн. В. А. Черкасскій. Сборникъ его статей и рѣчей и воспоминаній о немъ. Изд. 1879 г. Москва.

В. А. Черкасский.

(Портретъ *Крамского*).

сточеніе противъ кн. Черкасскаго росло съ каждымъ днемъ. Масла въ огонь подлила газетная замѣтка И. С. Аксакова, написанная въ защиту кн. Черкасскаго и А. И. Кошелева, гдѣ, между прочимъ, была такая фраза: „Многое, что кажется уступкою противъ нашихъ ожиданій и требованій, есть истинное завоеваніе, побѣда надъ высокомѣрными притязаніями закоснѣлаго невѣжества и корысти“... Слова эти вызвали цѣлую бурю. Оскорбленные ими дворяне рѣшили воспользоваться съѣздомъ дворянъ на губернскіе выборы, чтобы не только заставить кн. Черкасскаго выйти изъ комитета, но предать его суду дворянъ и исключить изъ собранія. Друзьямъ князя удалось его отстоять, и поднятая исторія кончилась ничѣмъ, но страсти такъ были возбуждены, что дѣло чуть не дошло до дуэли. Среди этихъ бурь кн. Черкасскій сознавался, что борьба съ большинствомъ менѣе его утомляетъ, чѣмъ споры съ меньшинствомъ [1]). „Это — споры тяжелые, — писалъ онъ Ю. Ѳ. Самарину, — утомительные и въ высшей степени непріятные, тѣмъ болѣе, что людей этихъ я люблю и уважаю. Дабы сохранить въ лицѣ ихъ хотя тѣнь согласія дворянства на разумныя перемѣны, я былъ принужденъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и, между прочимъ, въ вопросѣ о надѣлѣ вмѣсто $2^1/_2$ дес. остаться при двухъ... Иначе я остался бы одинъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ (Самаринымъ)... Впрочемъ, я прямо оговорилъ свое мнѣніе“. Меньшинство выработало подъ конецъ слѣдующую тактику: оно не представляло письменныхъ возраженій на рѣшенія большинства, а только словесныя и въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній вносило сразу цѣлую главу программы. „Проектъ большинства,—писалъ кн. Черкасскій Ю. Ѳ. Самарину, — верхъ безобразія: явное продолженіе крѣпостного состоянія подъ названіемъ срочнообязаннаго; съ надѣломъ 1 дес. съ небольшимъ на душу и безъ права перехода на оброкъ; усадьбы въ пользованіе или, по крайней мѣрѣ, совершеннѣйшія затрудненія для выкупа. Каково! Мы представляемъ нашу главу всякій разъ (сейчасъ по принятіи ими своей) въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія. И они боятся и меня ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ“.

Кромѣ занятій въ комитетѣ, должно отмѣтить двѣ крупныя работы, исполненныя княземъ въ теченіе зимы: 1) статья, написанная имъ для „Сельскаго Благоустройства“, „О сельскомъ управленіи“, гдѣ онъ отводилъ широкое мѣсто критикѣ высшихъ инстанцій въ учрежденіяхъ государственныхъ имуществъ, которыми такъ усложнялось всякое дѣлопроизводство, и обращалъ особое вниманіе на устройство близкаго къ народу суда и мировой юстиціи; 2) проектъ земскаго банка подъ названіемъ „Вольнаго Тульскаго земельнаго кредитнаго общества“, который онъ хотѣлъ напечатать въ томъ же журналѣ для популяризаціи идеи выкупа. Но Московскій цензурный комитетъ не раз-

[1]) Меньшинство, состоявшее въ началѣ изъ 10 членовъ, убавилось въ это время до 6 членовъ.

рѣшилъ напечатаніе этого проекта, и всѣ хлопоты князя о снятіи запрещенія ни къ чему не повели, вслѣдствіе рѣшительныхъ возраженій противъ него со стороны министра финансовъ.

14 марта 1859 г. кн. Черкасскій получилъ отъ Я. И. Ростовцева, предсѣдателя редакціонной комиссіи, приглашеніе принять участіе въ ея работахъ въ качествѣ члена-эксперта. Закончивъ проектъ меньшинства и сдавъ его 9 апрѣля 1859 г., князь, спѣшно устроивъ свои личныя дѣла, выѣхалъ въ Петербургъ. Извѣрившись въ состоятельности губернскихъ комитетовъ, онъ всѣ надежды возлагалъ на редакціонныя комиссіи, но скоро ему пришлось убѣдиться въ полномъ отсутствіи твердаго плана и незыблемыхъ основаній для крестьянскаго дѣла въ руководящихъ кругахъ. По выходѣ съ перваго засѣданія онъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину, который тоже приглашенъ былъ въ качествѣ члена-эксперта: „Здѣсь придется спорить много и очень много. Трудно будетъ держать златую средину. По инымъ вопросамъ хотятъ, кажется, итти слишкомъ далеко; по другимъ, и въ особенности по выкупу, хотятъ совершенно отказаться отъ всего сказаннаго. Вотъ почему я убѣдительно прошу васъ поспѣшить, хотя и могу обѣщать вамъ положительно, что буду стоять твердо на своихъ убѣжденіяхъ, какъ бы это ни было опасно для моей популярности въ различныхъ слояхъ, которые, я думаю, всѣ будутъ гнѣваться“. И князь не ошибался. Въ декабрѣ 1859 г. Н. Елагинъ писалъ ему: „Нѣтъ мѣры злобы на васъ: все Ростовцевское вамъ приписывается, все хорошое — силѣ вещей, все дурное—вамъ лично (даже цензурный гнетъ по этому вопросу, говорятъ, отъ васъ зависѣло бы снять, но что, желая хозяйничать безъ контроля, вы имъ довольны)“. Одни бранили князя за то, что онъ слишкомъ красный, другіе—за то, что онъ не довольно красный; сюда присоединялись еще обвиненія въ бюрократизмѣ и пристрастіи къ чиновничеству... въ то время, какъ на немъ лежала неблагородная роль, то противъ одной стороны отстаивать благоразумныя дворянскія выгоды, то противъ другой—спорить о надѣлѣ. Положеніе его въ комиссіи на первыхъ порахъ было особенно трудное, потому что онъ вначалѣ не ладилъ съ Н. А. Милютинымъ. Между ними въ спорахъ установился какой-то непріязненный враждебный тонъ, и они язвили другъ друга; но, къ счастію, оба они во-время поняли, какъ вредно такія отношенія могутъ отозваться на общемъ дѣлѣ, и стали искать путей къ соглашенію. Вскорѣ послѣ они пришли къ установленію самыхъ прочныхъ дружескихъ отношеній, не прерывавшихся уже въ теченіе жизни. Какъ раньше, говоря о славянофилахъ, мы указывали, что отношеніе кн. Черкасскаго къ нимъ носило характеръ союза во имя разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ, такъ теперь тѣ же мотивы побуждали его къ союзу съ Милютинымъ. Въ желаніи каждаго итти къ цѣли своимъ путемъ-дорожкою, въ неумѣніи считаться съ чужими мнѣніями и убѣжденіями, нетерпимости и вслѣдствіе того неспособности группироваться и соединяться для дружнаго

усилія къ общей цѣли, князь видѣлъ всегда главную слабость русскаго общества и его неспособность къ политической роли. Его часто укоряли за оппортюнизмъ, но онъ считалъ, что законодательная работа немыслима безъ извѣстныхъ уступокъ за счетъ чистыхъ принциповъ временнымъ требованіямъ дѣйствительности. Припомнимъ здѣсь яркую характеристику И. С. Аксакова изъ его рѣчи въ память кн. В. А. Черкасскаго, которая освѣтитъ намъ свойство этихъ уступокъ: „Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенной творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія къ доктринѣ и насильственнаго подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ, онъ считался съ жизнію, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступалъ съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частію именно люди теорій и идеаловъ, и нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ“. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ кн. Черкасскій, по словамъ Н. Семенова, все время съ прирожденною находчивостью пріискивалъ компромиссы между самыми различными мнѣніями [1]).

Мы видѣли выше, какъ онъ хлопоталъ о напечатаніи своего выкупного проекта, однако, пріѣхавъ въ Петербургъ и убѣдившись въ нерѣшительности правительства передъ сложностью столь трудной финансовой операціи, онъ писалъ И. С. Аксакову: „Нужно стараться главное о томъ, чтобы вопросъ разрѣшился удовлетворительно для крестьянъ и, если можно, выхлопотать выкупъ. Здѣсь меня бранятъ за то, что я слишкомъ его требую настойчиво; въ Москвѣ думаютъ, что намъ стоитъ только запнуться, чтобы его получить. Я же предложу вопросъ: если и не будетъ выкупа,—должны ли поэтому только мы удалиться изъ комиссіи и предоставить главное дѣло на произволъ случайностей. Я твердо думаю—нѣтъ, и въ этомъ смыслѣ буду дѣйствовать по совѣсти, какъ бы ни ругали меня“.

Въ виду интригъ и происковъ петербургской аристократической партіи, имѣвшей видныхъ представителей въ комиссіяхъ и сильную поддержку при дворѣ, особенно сильно чувствовалась необходимость единодушнаго сплочен-

[1]) См. Н. Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ», т. II, стр. 914.

наго дѣйствія. Враждебная партія всячески старалась предубѣдить императрицу противъ комиссій, но благодаря горячему заступничеству и содѣйствію великой княгини Елены Павловны, употребившей все свое вліяніе, чтобы поддержать довѣріе государя къ Ростовцеву и комиссіямъ, усилія эти разбивались въ безплодныхъ попыткахъ. Великая княгиня Елена Павловна предложила князю и княгинѣ Черкасской квартиру въ своемъ дворцѣ и, постоянно видаясь съ ними и Н. А. Милютинымъ, была въ курсѣ всего дѣла. Между прочимъ, по ея предложенію, князь Черкасскій составилъ для императрицы записку „О положеніи крестьянскаго дѣла“, изложенную на французскомъ языкѣ, для уясненія ей истиннаго взгляда на работу комиссій.

Въ архивѣ кн. Черкасскаго сохранились всѣ его черновыя по докладамъ отдѣленій [1]). Съ самаго начала князь принялъ участіе въ занятіяхъ какъ хозяйственнаго, такъ и административнаго отдѣленія и, кромѣ того, участвовалъ въ работахъ комиссіи для устройства земскихъ банковъ, а впослѣдствіи и въ финансовой и кодификаціонной комиссіяхъ. Мы не станемъ утруждать вниманіе читателей подробнымъ перечнемъ всѣхъ докладовъ и записокъ, составленныхъ княземъ за два года напряженной работы. Хотя каждый докладъ раньше своего утвержденія подвергался критикѣ комиссій, и докладчику приходилось дѣлать въ немъ соотвѣтствующія измѣненія и поправки, вслѣдствіе чего онъ являлся результатомъ коллективной работы, гдѣ личное мнѣніе рѣдко могло найти себѣ полное выраженіе, — все-таки, по словамъ Семенова, наибольшее вліяніе на направленіе и утвержденіе доклада имѣлъ его составитель, и онъ называетъ князя Черкасскаго „главнымъ зодчимъ“ всего плана освобожденія крестьянъ, выработаннаго въ хозяйственномъ отдѣленіи.

Основная мысль докладовъ, составленныхъ для этого отдѣленія, была въ сохраненіи за крестьянами существующаго надѣла, при чемъ для устраненія крайностей, съ одной стороны, устанавливался maximum: высшій предѣлъ душевого надѣла съ правомъ помѣщика отрѣзать въ свою пользу излишнюю землю, съ другой — minimum: низшій предѣлъ душевого надѣла съ обязанностью помѣщика прирѣзывать недостающую землю изъ остальныхъ своихъ земель. Какъ извѣстно, Главный Комитетъ и Государственный Совѣтъ значительно урѣзали предложенный комиссіями maximum.

Кромѣ работъ по отдѣленіямъ, кн. Черкасскій на первыхъ же порахъ представилъ Я. И. Ростовцеву двѣ крупныя записки по дополнительнымъ во-

---

[1]) Въ хозяйственномъ отдѣленіи имъ составлены доклады: «Основаніе и размѣръ поземельнаго надѣла крестьянъ», № 1. 2) «Угодія, поступающія въ надѣлъ», № 3. 3) «Право пользованья поземельнымъ надѣломъ», № 8. Главныя работы кн. Черкасскаго по административному отдѣленію: 1) Соображенія къ докладу № 3: «О порядкѣ распредѣленія крестьянъ на общества и мѣста пребыванія сельскаго общественнаго управленія». 2) Соображенія къ докладу № 4: «Общій составъ общественнаго сельскаго управленія» и 3) Соображенія и заключенія по докладу № 7: «Сельское управленіе и крестьянскій судъ».

просамъ, имѣвшимъ отношеніе къ крестьянскому дѣлу: о межевыхъ средствахъ, о лѣсномъ и сельскомъ уставѣ, о паспортахъ и т. п. На основаніи этихъ записокъ Ростовцевъ предложилъ образовать особую комиссію для разработки этихъ вопросовъ, и кн. Черкасскій принялъ участіе какъ въ комиссіи, такъ и въ составленіи ея доклада.

Какъ велико было довѣріе и уваженіе Я. И. Ростовцева къ кн. Черкасскому, видно изъ того, что онъ призвалъ князя къ своему смертному одру, чтобы узнать его мнѣніе о запискѣ, составленной имъ для государя, которой онъ желалъ придать характеръ „своего политическаго духовнаго завѣщанія". Какъ извѣстно, государь принялъ эту записку и отнесся къ ней, какъ желалъ того Я. И. Ростовцевъ, и ни одного существеннаго отступленія отъ нея не было сдѣлано.

При назначеніи Панина предсѣдателемъ комиссій, онъ взялъ съ него слово не отступать отъ Ростовцевской программы и неоднократно напоминалъ ему объ этомъ. Тѣмъ не менѣе, при новомъ предсѣдателѣ положеніе князя Черкасскаго, какъ и прочихъ единомышленныхъ ему членовъ-экспертовъ, было гораздо труднѣе. Панинъ хотя и подчинялъ волѣ государя свои убѣжденія, тормозилъ и тянулъ дѣло какъ могъ и изводилъ ихъ мелочностью и придирчивостью: онъ не разъ пытался предубѣдить государя противъ комиссій, но ни ему, ни усиліямъ аристократической партіи не удалось сломить твердой воли государя.

Работы комиссій закончились 10 октября 1860 г., и въ тотъ же день возобновились засѣданія Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу. Ни кн. Черкасскій, ни Ю. Ѳ. Самаринъ не были призваны участвовать въ немъ, но Н. А. Милютинъ задержалъ ихъ обоихъ въ Петербургѣ, и великій князь Константинъ Николаевичъ часто призывалъ ихъ къ себѣ на совѣщаніе. Въ архивѣ кн. Черкасскаго имѣется цѣлый рядъ записокъ, составленныхъ въ это время по заказу для великаго князя Константина Николаевича, Чевкина, Ланского, великой княгини Елены Павловны и для самого государя[1]). По уцѣлѣвшимъ черновымъ видно также, что онъ вмѣстѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ призванъ былъ для составленія проекта манифеста, окончательная редакція котораго была поручена впослѣдствіи Филарету.

Радостный день 19 февраля 1861 г. князь Черкасскій встрѣтилъ у себя въ деревнѣ, а въ іюнѣ вступилъ въ должность мирового посредника Веневскаго уѣзда, въ каковой должности и оставался до осени 1863 года, когда польскія дѣла вызвали его изъ деревенской глуши на новое широкое поприще государственной дѣятельности. Эти два года скромной, но усиленной работы являются, быть-можетъ, лучшими годами въ жизни князя Черкасскаго. Его разумная дѣятельность была вскорѣ оцѣнена какъ кре-

[1]) Записки эти напечатаны. См. «Кн. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса», т. I, кн. 2-я, приложенія.

стьянами, такъ и помѣщиками, и прежнее ожесточеніе уступило мѣсто глубокому уваженію.

Тѣмъ не менѣе, при жизни князь В. А. Черкасскій не пользовался большой популярностью, и злоба лицъ, не сочувствовавшихъ реформѣ, изливалась на него въ яростныхъ и ожесточенныхъ нападкахъ. Отчасти онъ и самъ былъ тому виною. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣніи лицъ, имъ не высоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнія, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. И. С. Аксаковъ, горячо любившій кн. Черкасскаго, говорилъ, что князь не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и предпочиталъ казаться хуже, чѣмъ лучше, въ чемъ вполнѣ успѣвалъ [1]).

Но эти недостатки, объясняющіе отношеніе къ нему многихъ его современниковъ, исчезаютъ передъ судомъ исторіи, и въ годовщину 19 февраля, являющейся и годовщиной смерти князя Владимира Александровича Черкасскаго [2]), мы съ благодарностью вспоминаемъ всю трудность борьбы, выдержанной имъ противъ многочисленныхъ и ожесточенныхъ противниковъ, и то самоотверженіе и безкорыстіе, съ какимъ онъ отдавалъ свои лучшія силы на служеніе родинѣ и великому дѣлу освобожденія.

Кн. О. Трубецкая.

Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

Е. А. Ефимовой.

А. М. Унковскій не принималъ участія въ работахъ редакціонныхъ комиссій, подобно Самарину и Черкасскому. Но его роль въ крестьянской реформѣ не меньше, чѣмъ роль этихъ двухъ ближайшихъ помощниковъ Милютина изъ помѣщичьей среды. Мало того: во многихъ отношеніяхъ роль Унковскаго почетнѣе. То, что онъ остался за бортомъ, показываетъ прежде всего одно: что его считали черезчуръ радикальнымъ. Зато свободное положеніе создало ему независимость. Онъ получилъ возможность толкать умѣренныхъ впередъ и заставлять ихъ быть болѣе послѣдовательными.

Впервые Унковскій встрѣтился съ крестьянскимъ вопросомъ въ ту пору, когда онъ готовился къ поступленію въ университетъ. Это было въ сороковыхъ

---

[1]) «Кн. В. А. Черкасскій. Сборникъ статей и рѣчей и воспоминаній о немъ».

[2]) Князь В. А. Черкасскій скончался 19 февраля 1878 г. въ Санъ-Стефано, въ день подписанія мирнаго договора.

годахъ, когда въ обществѣ уже бродили мысли объ освобожденіи крестьянъ, когда правительство, хотя и запрещало говорить объ этомъ во всеуслышанье, но, тѣмъ не менѣе, хорошо понимало необходимость и неизбѣжность упраздненья крѣпостного права и, замкнувшись въ бюрократическихъ сферахъ, напряженно искало выхода. Указъ „объ обязанныхъ крестьянахъ", потерпѣвшій полное крушеніе на практикѣ, послужилъ предметомъ долго несмолкавшей критики, темой горячихъ споровъ и даже поводомъ къ составленію многихъ дворянскихъ проектовъ. Между тверскими и смоленскими дворянами установился живой, хотя и негласный, обмѣнъ свѣдѣніями и взглядами, который оставилъ свой замѣтный отпечатокъ и на молодомъ Унковскомъ: основныя положенія лучшаго проекта того времени, составленнаго смоленскимъ помѣщикомъ Вонлярлярскимъ, легли впослѣдствіи въ основаніе проекта Унковскаго.

Въ 1850 году Унковскій окончилъ университетъ, а въ 1852 г., послѣ смерти отца, поселился въ Дмитрюковѣ, гдѣ пытался, облегчая крѣпостныя отношенія, хотя частично осуществлять свои либеральные принципы. Всѣмъ своимъ дворовымъ онъ предложилъ вольную, а крестьянъ перевелъ на легкій оброкъ и предоставилъ имъ наивозможно большую свободу въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ. Имя Унковскаго, „какъ хорошаго барина", пользовалось большой популярностью среди мѣстныхъ крестьянъ. Однако такая дѣятельность казалась очень узкой А. М. Онъ стремился къ радикальному разрѣшенію крѣпостного вопроса, на что трудно было и надѣяться въ эту безпросвѣтную пору. Уже съ перваго года своего переѣзда въ провинцію Унковскій началъ выступать на дворянской общественной службѣ. Строгое соблюденіе законности привело его на первыхъ же шагахъ къ столкновенію съ администраціей и тѣмъ возвысило въ глазахъ дворянства, которое просило его занять должность уѣзднаго судьи. Своей справедливостью и удачнымъ разрѣшеніемъ запутанныхъ вопросовъ Унковскій довольно скоро заслужилъ себѣ хорошую славу среди крестьянъ, которые часто стали избирать его третейскимъ судьей въ своихъ семейныхъ несогласіяхъ и тяжбахъ. Что же касается дворянства, то особенную популярность въ его глазахъ Унковскій снискалъ себѣ позднѣе своимъ выступленіемъ въ защиту общаго гуманитарнаго образованія противъ военныхъ школъ. Предводитель дворянства, Озеровъ, желая выслужиться передъ правительствомъ, предложилъ безъ вѣдома дворянъ подъ Аракчеевскій кадетскій корпусъ принадлежащій тверскому дворянству домъ. Убѣжденная, горячая рѣчь Унковскаго заставила дворянъ отклонить предложеніе Озерова. Тогда правительство не утвердило злополучнаго предводителя въ должности, и на его мѣсто, несмотря на молодость (28 лѣтъ) и небольшія матеріальныя средства, былъ выбранъ его оппонентъ—Унковскій.

Къ этому времени на горизонтѣ русской общественной жизни уже начали мерцать первые проблески свободы. Крымская война обнаружила всѣ язвы нашего общественнаго строя и доказала пагубность того гнета, подъ

которымъ такъ долго томилось и страдало наше отечество. Необходимость коренныхъ реформъ и полнаго обновленія всего государственнаго строя ясно сознавалась не только обществомъ, но и молодымъ государемъ. Самъ Николай Павловичъ съ горечью призналъ на смертномъ одрѣ, что ему приходится сдавать свою „команду“ не въ добромъ порядкѣ.

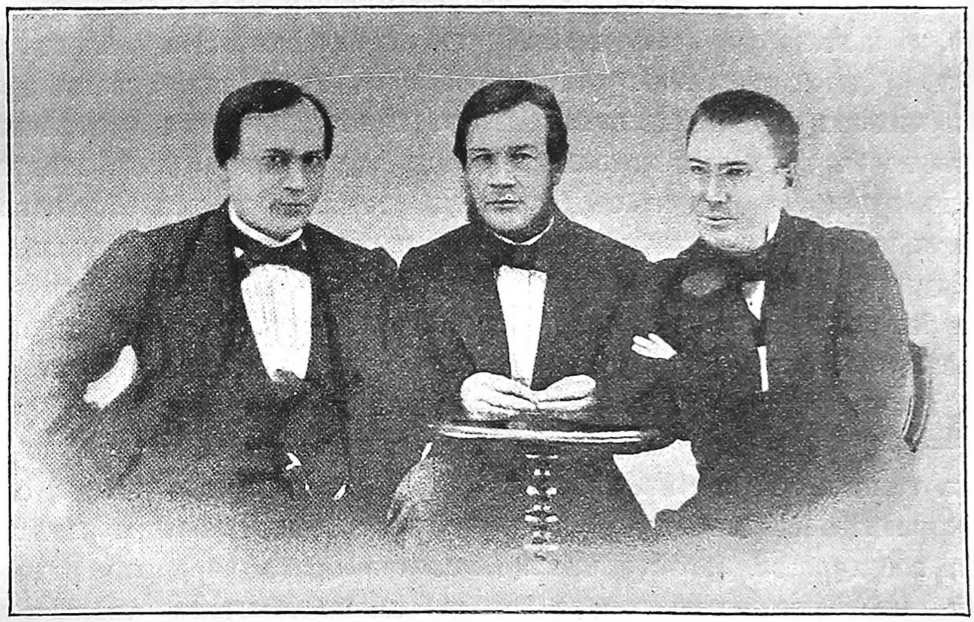
Съ первыхъ же дней къ Александру II изъ среды общества стали поступать записки, проекты и планы преобразованій. Вслѣдъ за заключеніемъ мира государь сказалъ свою знаменитую рѣчь московскому дворянству о необходимости уничтожить крѣпостное право сверху во избѣжаніе того, что оно начнетъ само собой уничтожаться снизу, и теперь съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ иниціативы въ этомъ вопросѣ. Приблизительно въ это время, а именно въ апрѣлѣ 1857 г. Унковскій былъ въ Петербургѣ и согласно этикету долженъ былъ представиться императору, какъ губернскій предводитель дворянства. Унковскій въ своихъ запискахъ интересно описываетъ эту аудіенцію.— Государь подошелъ къ дверямъ; щелкнулъ замокъ. Затѣмъ онъ началъ чрезвычайно тихо говорить, какъ человѣкъ, который боится, чтобы его не подслушали. „Теперь патріархальныя отношенія между помѣщиками и крестьянами должны уничтожиться,—говорилъ онъ:—надо подумать объ измѣненіи этихъ отношеній. Надо надѣяться, что дворянство будетъ впереди въ этомъ дѣлѣ. Какъ вы думаете, что можно ожидать?“ Унковскій отвѣтилъ, что большинство дворянъ хорошо понимаетъ невозможность оставаться съ крѣпостнымъ правомъ. Тогда государь спросилъ его мнѣнія, не лучше ли вводить реформу постепенно по мѣстностямъ, дабы избѣжать безпорядковъ. Но Унковскій отвѣтилъ, что скорѣе слѣдуетъ принимать мѣры въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будутъ вводить реформу, и что едва ли можно ожидать бунта отъ человѣка, котораго только что освободили. На прощанье государь подчеркнулъ, что надѣется на содѣйствіе дворянъ и что необходимо крестьянъ освободить съ почвой.

Унковскій, окрыленный въ своихъ надеждахъ этой аудіенціей, помчался въ Тверь, сообщилъ конфиденціально дворянамъ о намѣреніи правительства приступить къ отмѣнѣ крѣпостного права и засѣлъ сообща съ другимъ тверскимъ помѣщикомъ, Головачевымъ, разрабатывать проектъ освобожденія крестьянъ.

Рескриптъ ген. Назимову, бывшій полной неожиданностью для большинства помѣщиковъ, засталъ Унковскаго во всеоружіи знанія вопроса. Черезъ 2—3 недѣли послѣ его опубликованія А. М. выступилъ со своей знаменитой запиской, которую онъ составилъ совмѣстно съ Головачевымъ. Эта записка должна была разъяснить правительству непримѣнимость объявленныхъ имъ принциповъ и указать такія начала реформы, которыя дали бы крестьянамъ дѣйствительное освобожденіе и улучшеніе ихъ быта и въ то же время не разоряли бы помѣщиковъ.

Съ этихъ точекъ зрѣнія онъ и возставалъ въ критической части своей записки какъ противъ освобожденія крестьянъ безъ надѣльной земли, такъ и противъ сохраненія вотчинной власти помѣщика. „Благодаря тому, что въ Россіи никогда не было феодальнаго права,—писалъ онъ,—отведеніе освобожденнымъ крестьянамъ помѣщичьей земли въ пользованіе за обязательныя повинности породитъ только антагонизмъ между классами и будетъ служить постояннымъ поводомъ къ ссорамъ и тяжбамъ".

Для помѣщика принудительныя работы за эти участки земли обложутся весьма плохимъ вознагражденіемъ, потому что ненавистный для лично свободнаго человѣка принудительный трудъ по своей интенсивности будетъ

А. М. Унковскій. Европеусъ. А. А. Головачевъ.

ниже барщинной работы, которая была, какъ извѣстно, вдвое менѣе производительна, чѣмъ наемная. А между тѣмъ помѣщикъ, не получая денежнаго вознагражденія за землю и за крестьянъ, не сумѣетъ приспособиться къ новымъ, болѣе раціональнымъ, способамъ веденія хозяйства, такъ какъ для него на первыхъ порахъ потребуются большіе расходы для обзаведенія инвентаремъ, машинами, рабочимъ скотомъ и для найма рабочихъ рукъ.

Такое положеніе, невыгодное крестьянину и помѣщику, окажется равно невыгоднымъ и государству, ибо исправное поступленіе податей при отсутствіи собственной земли у крестьянина и правъ свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика не можетъ быть ничѣмъ обезпечено.

Переходя къ вопросу о вотчинной власти, Унковскій доказываетъ, что крестьяне будутъ свободны только по имени, если она останется за помѣ-

щикомъ. Помѣщичья власть тогда не уничтожится, а лишится только своей патріархальной стороны. Она раздѣлится между землевладѣльцемъ, уже не попечительнымъ хозяиномъ своего имѣнія, а вѣчнымъ и равнодушнымъ кредиторомъ крестьянъ, и чиновниками, продающими правосудіе въ пользу богатыхъ. Дарованіе подобной чисто фактивной свободы только уничтожитъ въ народѣ довѣріе къ правительству, отниметъ у него послѣднюю надежду на улучшеніе его быта и поведетъ къ пугачевщинѣ.

Такая мрачная перспектива рисовалась Унковскому въ случаѣ буквальнаго проведенія въ жизнь принциповъ рескрипта. „Крестьяне должны быть освобождены съ надѣльной землей", говоритъ онъ въ положительной части своей работы; всегда и повсемѣстно община русскихъ крестьянъ была „крѣпка землѣ" и имѣла въ дѣйствительности полную возможность пользоваться ею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была необходима для ея жизни. Эта крѣпость землѣ въ продолженіе двухсотъ лѣтъ привела крестьянъ къ сознанію своего права владѣнія, и никакія внушенія правительства и постановленія губернскихъ комитетовъ не въ состояніи поколебать этого вѣрованія. Отсюда слѣдуетъ, что крестьянъ нужно освободить съ достаточнымъ надѣломъ усадебной, пахотной, луговой и выгонной земли и въ корнѣ уничтожить всѣ обязательства ихъ къ помѣщику. Однако справедливость требуетъ, чтобы помѣщикъ получилъ какъ за землю, такъ и за личность освобождаемыхъ крестьянъ опредѣленное вознагражденіе, потому что до сихъ поръ помѣщики, надѣясь на силу законовъ, не опасались употреблять капиталовъ на покупку людей, какъ имущества.—Законы же не могутъ имѣть обратной силы. За землю должны уплатить сами крестьяне при помощи особой кредитной операціи, организованной правительствомъ. За личность же крестьянина должны заплатить всѣ сословія государства, потому что крѣпостное право учредило ради своихъ цѣлей и выгодъ правительство, за которое теперь долженъ отвѣчать весь народъ, а не только тѣ, кто былъ принесенъ въ жертву общей государственной пользѣ.—Что касается вознагражденія, то оно должно быть выдано помѣщикамъ единовременно въ видѣ денежнаго капитала или облигацій, приносящихъ доходъ. Это необходимо для приспособленія помѣщичьихъ хозяйствъ къ обработкѣ наемными руками.—Опредѣленіе размѣровъ надѣла въ каждомъ имѣніи слѣдуетъ предоставить добровольному соглашенію помѣщика и крестьянъ, установивъ лишь для обузданія произвола нормы minimum'a. Вотъ единственное и вѣрное средство освободить крестьянъ не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, не нарушая ничьихъ правъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи.

Записка была представлена черезъ тверского губернатора государю.—Унковскій же занялся агитаціей въ пользу ея среди тверскихъ помѣщиковъ, чтобы подготовить ихъ къ моменту открытія въ Твери губернскаго комитета. Къ іюню 1858 г. уже всѣ губерніи волей или неволей заявили о своемъ

желаніи заняться вопросомъ „объ улучшеніи быта“ крестьянъ. Одинъ за другимъ открывались губернскіе комитеты, внося необычайное оживленіе въ жизнь провинціальнаго общества.

Помѣщики Тверской губерніи жадно прислушивались къ рѣчамъ и толкованіямъ Унковскаго, читали и обсуждали его записку. Сначала проектъ надѣленія крестьянъ землею не имѣлъ между ними успѣха, но понемногу они начинали сознавать свои собственные интересы и выгоды, и къ августу мѣсяцу 1858 г., когда въ Твери открылся губернскій комитетъ, можно сказать, что пропаганда Унковскаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, такъ какъ большинство членовъ комитета стояло за его принципы.

Унковскій, искренній и принципіальный поборникъ эмансипаціи крестьянъ, обосновалъ свои гуманитарные принципы на широко понятыхъ интересахъ и выгодахъ помѣщиковъ промышленной полосы Россіи, которые въ данномъ случаѣ совпадали съ наиболѣе радикальными способами рѣшенія крестьянскаго вопроса: освобожденія крестьянъ съ землей и уничтоженія вотчинной власти помѣщика. Своимъ яснымъ практическимъ умомъ онъ хорошо понималъ, что филантропическіе принципы, не связанные съ помѣщичьими интересами, не получатъ никакого примѣненія при рѣшеніи въ сословныхъ комитетахъ вопроса, отъ котораго зависѣла судьба всего сословія, и останутся только добросовѣстными упражненіями въ возвышенныхъ чувствахъ. Вѣдь отмѣна крѣпостного права въ Россіи совершалась безъ всякаго духовнаго подъема. Въ нашемъ отечествѣ въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ фигурировали почти исключительно матеріальные факторы: они-то и наложили свой угрюмый отпечатокъ на духъ и ходъ всей реформы. Понятно, что идеалистъ не могъ имѣть успѣха въ сословныхъ дворянскихъ комитетахъ, а потому въ рѣчахъ, запискахъ и проектахъ Унковскаго, хорошо знавшаго свою среду, мы совсѣмъ не находимъ какихъ-либо отвлеченныхъ формулъ или идеалистическихъ настроеній.—Дворяне шли за нимъ, какъ за своимъ защитникомъ, и помѣщики Новоторжскаго уѣзда восхваляли его въ преподнесенномъ ему адресѣ не какъ провозвѣстника либеральныхъ принциповъ, а какъ человѣка, сумѣвшаго въ проектѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ соблюсти права и интересы дворянскаго сословія.

7 августа 1858 г. въ Твери открылся губернскій комитетъ. Но какъ разсуждать ему о надѣлахъ и выкупѣ, когда правительство строго предписало въ вопросѣ „объ улучшеніи быта крестьянъ“ точно держаться основаній, указанныхъ рескриптомъ 20 ноября 1857 г. Унковскій, чтобы обойти формальное затрудненіе, предложилъ комитету разсуждать объ „усадебной осѣдлости“, но подводить подъ это понятіе и надѣльныя земли на томъ основаніи, что „земли, состоящія во владѣніи крестьянъ Тверск. губ. подъ строеніями и огородами, по пространству своему не могутъ обезпечить крестьянамъ

прочной осѣдлости, а слѣдовательно, въ видахъ дѣйствительнаго улучшенія быта крестьянъ подъ крестьянской осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть и полевыя земли". — Комитетъ принялъ предложеніе Унковскаго. Однако правительство наложило запретъ на такое расширеніе понятія „усадебной осѣдлости". Но комитетъ не подчинился и послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому депутацію съ Унковскимъ во главѣ. А. М. ясно и стройно изложилъ основанія, которыми намѣревался руководиться тверской комитетъ, и рѣшительно заявилъ, что тверскіе дворяне согласны составить проектъ, но не иначе, какъ на основаніяхъ, которыя большинство комитета признаетъ полезными. Если же такого проекта не нужно, то они просятъ назначить на ихъ мѣсто чиновниковъ, „которые напишутъ все, что имъ велятъ". Это энергичное заявленіе поколебало правительство. Ланской призналъ, что въ постановленіи тверского комитета „хотя не было вѣрности буквѣ Высочайшаго рескрипта, но было согласіе съ духомъ и цѣлью его: обезпечить и улучшить бытъ крестьянъ". Главный же Комитетъ, согласно съ заключеніемъ министра, постановилъ: не стѣснять тверского комитета въ изысканіи средствъ къ предоставленію крестьянамъ полевой земли въ собственность. Правительство не только дало разрѣшеніе тверскому комитету заняться вопросомъ о выкупѣ полевыхъ надѣловъ, но и опубликовало его къ свѣдѣнію дворянъ другихъ губерній и, наконецъ, само внесло этотъ пунктъ въ свою программу. Унковскій помогъ ему, такимъ образомъ, выйти на болѣе прямой путь.

Съ полнымъ тріумфомъ возвратилась депутація домой, и тверской комитетъ, среди котораго Унковскому удалось образовать сплоченное большинство, дѣятельно принялся за работу. Однако въ комитетѣ проектъ А. М. подвергнулся существенному измѣненію. Когда правительство заявило, что личность крестьянина и обязательный его трудъ выкупу подлежать не могутъ, тверской комитетъ вложилъ въ оцѣнку первой десятины всю потерю цѣнности дворянскихъ имѣній отъ утраты личнаго крѣпостного труда и, такимъ образомъ, только замаскировалъ выкупъ личности крѣпостного крестьянина, который теперь ложился всей своей тяжестью на плечи бывшаго раба. „Крестьянское дѣло началось и производилось ложью и утайкой дѣйствительныхъ цѣлей,—пишетъ впослѣдствіи Унковскій.—Правительство не допустило вознагражденія за личное освобожденіе крестьянъ въ видѣ явно выданной помѣщикамъ особо опредѣленной на этотъ предметъ суммы, а допустило въ то же время полученіе той же цѣнности съ самихъ крестьянъ другимъ путемъ. Если бы дѣйствовали откровенно и призвали все государство помочь дѣлу выдачей помѣщикамъ вознагражденія за ихъ права на закрѣпощенныхъ людей, то бывшій крѣпостной былъ бы совсѣмъ свободенъ: выкупъ надѣловъ, возлагаемый на него, могъ бы быть опредѣленъ по средней цѣнности земли безъ присоединенія къ ней цѣны личнаго труда".

А. М. Унковскій.

(Съ рѣдкой фотографіи).

Въ вопросѣ о правовомъ положеніи новаго гражданина Унковскій, по его собственнымъ словамъ, стремился къ тому, чтобы „уничтоженіе крѣпостного права состоялось не для однихъ крестьянъ, а для всего народа“. Онъ настаивалъ на освобожденіи русскаго общества отъ чисто бюрократической опеки и организаціи самоуправленія на принципѣ всесословности.

Тверской комитетъ, не нуждаясь, какъ было указано выше, въ сохраненіи вотчинной власти надъ крестьянами, съ одной стороны, и боясь бюрократическаго произвола—съ другой, охотно согласился съ Унковскимъ. Комитетъ составилъ проектъ, въ которомъ, указывая на невозможность изолировать крестьянъ отъ остального населенія, представилъ общую организацію мѣстныхъ властей. Въ основаніе ея онъ положилъ принципы самоуправленія, всесословности, полнаго отдѣленія судебной власти отъ административной и отвѣтственности чиновниковъ передъ судомъ за преступленія по должности безъ согласія его непосредственнаго начальства. Все это увѣнчивалось требованіемъ суда присяжныхъ. Обзоръ основаній проекта было поручено написать Унковскому.

Проектъ взволновалъ и напугалъ мѣстныхъ крѣпостниковъ своимъ, по ихъ мнѣнію, радикализмомъ. „Каждая волость управляется парламентомъ,—писалъ членъ Тверского комитета А. Д. Кудрявцевъ, намекая на принципы самоуправленія,—въ каждомъ уѣздѣ парламентъ, въ губерніи, вѣроятно, будетъ то же и тѣмъ же должно кончиться въ средоточіи государства. Итакъ. въ основаніе всего управленія положенъ парламентаризмъ. Необходимая обстановка этого гиганта также налицо: мировой судья, гласность и словесность судопроизводства, раздѣленіе властей, адвокатура и въ заключеніе судъ присяжныхъ. Однимъ словомъ, на мѣстѣ Россіи является западное государство, улучшенное и дополненное Милостивые государи, господа большинство! Не слишкомъ ли вы далеко зашли!!“

5 февраля 1859 г. комитетъ закрылся, закончивъ свои дѣла. Желая отмѣтить роль Унковскаго въ крестьянской реформѣ, члены комитета поднесли ему изящный серебряный кубокъ, на крышкѣ котораго былъ изображенъ крестьянинъ безъ шапки, съ хлѣбомъ-солью въ знакъ благодарности за землю и волю. Въ августѣ того же года дворянскіе депутаты были вызваны въ Петербургъ для участія, согласно обѣщанію государя, въ Главномъ Комитетѣ при окончательномъ разсмотрѣніи положенія о крестьянахъ. Во главѣ тверскихъ делегатовъ былъ Унковскій. Депутаты разсчитывали, что ихъ заявленія. мнѣнія и опытъ будутъ приняты во вниманіе при окончательномъ разрѣшеніи капитальныхъ вопросовъ. Но ихъ надеждамъ не суждено было сбыться. Ихъ прикомандировали въ роли простыхъ экспертовъ къ редакціонной комиссіи, которая вызывала каждаго въ отдѣльности и спрашивала его разъясненія разныхъ пустячныхъ недоразумѣній. Изъ опасенія реакціонной дворянской оппозиціи имъ были воспрещены даже общія собранія, а для успокоенія ихъ раздраженія позволено, но только письменно, подать отдѣльныя

мнѣнія. Унковскій взялся за перо и представилъ комиссіи свои „Соображенія по докладамъ редакціонныхъ комиссій“. „Въ настоящее время,—писалъ онъ тамъ,—новое устройство управленія является первой и главной потребностью, потому что весь строй Россіи былъ до сихъ поръ тѣсно связанъ съ крѣпостнымъ правомъ. Страна вся была раздѣлена на частныя и государственныя вотчины, гдѣ все основывалось на произволѣ, но народъ молчалъ, „и сверху казалось все хорошо и покойно“. А между тѣмъ жизнь народа крайне тягостна. Всѣ ея проявленія сдавлены мелочной опекой: нельзя нанять общими средствами одной подводы или лачужки, починить дрянного моста—на все нужно разрѣшеніе властей. Власть же находится въ рукахъ чиновниковъ-бюрократовъ, чуждыхъ народу и отвѣтственныхъ передъ судомъ только тогда, когда это будетъ угодно ихъ начальству. А между тѣмъ всякое исполнительное учрежденіе и должностное лицо имѣетъ надъ человѣческой личностью всѣ роды властей, и кругъ дѣйствій ограниченъ только географически. Одному и тому же лицу вручены хозяйственныя, полицейскія и даже чисто судебныя функціи Суда въ Россіи вовсе нѣтъ: онъ подчиненъ исполнительной власти и не имѣетъ никакой силы. Благодаря вышеуказанному, вся администрація представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, возведенную на степень государственнаго устройства. Пользуясь этимъ порядкомъ, чиновники управляютъ деспотически всѣмъ народомъ, не допуская до правительства истины и затыкая всѣ отдушины, черезъ которыя могли бы слышаться его подавленные стоны. Если порядокъ останется старымъ и послѣ освобожденія крестьянъ, то будетъ только та разница, что крестьянинъ изъ крѣпостной зависимости помѣщику попадетъ въ крѣпостныя отношенія къ чиновнику. Разсчитывать же на перемѣну персонала въ управленіи, т.-е. на личныя качества чиновниковъ, невозможно. Это значило бы разсчитывать „на авось“, на случайность. Цѣль государственнаго устройства и состоитъ въ обезпеченіи личной и имущественной безопасности каждаго отъ преступныхъ стремленій. Если бы всѣ люди были безусловно хороши, не нужно было бы ни государства, ни правительства; если бы всѣ чиновники были хороши, не нужно было бы и говорить о реформахъ. Для охраненія общественнаго порядка необходимо прочное обезпеченіе строгаго исполненія законовъ, а это только достижимо при наличности гласности, независимаго суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгаго раздѣленія властей и самоуправленія въ хозяйственномъ отношеніи“.

„Соображенія“ Унковскаго въ сотняхъ экземпляровъ ходили по рукамъ. Этой запиской и нѣсколькими словами, сказанными въ редакціонной комиссіи, почти и ограничились депутатскія занятія А. М. Когда же депутаты на свою просьбу о разрѣшеніи общихъ собраній получили рѣшительный отказъ, Унковскій вмѣстѣ съ другими остановился на мысли объ адресахъ государю.

Въ этихъ адресахъ группы и отдѣльныя лица должны были выразить свои взгляды на неотложныя преобразованія въ гражданскомъ и административномъ строѣ страны. Унковскій въ числѣ пяти подписался подъ адресомъ, гдѣ были выдвинуты проекты, которые онъ проводилъ раньше въ Тверскомъ комитетѣ и въ запискѣ, поданной на имя редакціонной комиссіи:

1) Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность посредствомъ немедленнаго выкупа по цѣнѣ и условіямъ, неразорительнымъ для помѣщика.

2) Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

3) Учредить судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ.

4) Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія Верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

Адресъ не достигъ цѣли. Царь призналъ его „ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности“, и подписавшимъ его депутатамъ былъ объявленъ строгій выговоръ. Унылые, съ разбитыми надеждами возвратились они домой, гдѣ на Унковскаго вскорѣ обрушились одна за другой административныя кары. Дѣло въ томъ, что правительство, боясь оппозиціи своимъ взглядамъ, запретило на предстоящихъ дворянскихъ собраніяхъ касаться въ какой бы то ни было формѣ крестьянскаго вопроса. Тверское собраніе отнеслось къ этому распоряженію, какъ къ нарушенію правъ дворянства разсуждать о своихъ „пользахъ и нуждахъ“, и отказалось повиноваться циркуляру. Унковскому стоило большого труда настоять, чтобы протестъ былъ облеченъ въ легальныя формы, и „искъ о законѣ“ былъ представленъ въ Петербургъ. „Докажемъ нашими дѣйствіями, господа,—говорилъ тверской дворянинъ Европеусъ, вполнѣ солидарный съ Унковскимъ,—что никакой произволъ не можетъ остановить свободнаго пользованія правами нашими и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать офиціальнымъ образомъ и на основаніи закона“. Прошеніе было отправлено съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Но... требованіе примѣненія „закона“, указаніе на свои „права“ были сочтены администраціей за непокорность и демонстрацію. Унковскій былъ уволенъ въ отставку, такъ какъ подъ его предсѣдательствомъ происходило это собраніе, а затѣмъ въ непродолжительномъ времени по доносу административнымъ порядкомъ высланъ въ Вятку. Въ 20-хъ числахъ февраля 1860 г. раннимъ утромъ подкатилъ экипажъ съ двумя жандармами и помчалъ Унковскаго на мѣсто ссылки. Эта ссылка произвела тягостное, удручающее впечатлѣніе на общество. „Она была огромной политической ошибкой,—писалъ по этому поводу Хрущовъ,—нанесшей

нынѣшнему царствованію неисцѣлимый вредъ". Тверское дворянство учредило въ честь своего бывшаго предводителя 12 стипендій при Московскомъ университетѣ, и никто не хотѣлъ баллотироваться на его мѣсто. Ланской скоро понялъ свою ошибку, и черезъ 6 мѣсяцевъ Унковскій былъ возвращенъ обратно.

Объявленіе воли застало А. М. уже въ Москвѣ. Онъ поспѣшилъ въ свое имѣніе, гдѣ первый изъ помѣщиковъ Тверской губерніи написалъ съ своими крестьянами уставныя грамоты, условія которыхъ вполнѣ удовлетворяли обѣ стороны. Но этимъ роль его еще не была окончена. Какъ извѣстно, при введеніи „Положенія о крестьянахъ" возникала цѣлая масса недоразумѣній и запутанныхъ вопросовъ. Сосѣдніе крестьяне, не довѣряя своимъ помѣщикамъ, начали по старой памяти обращаться за совѣтами къ Унковскому, который охотно давалъ всякія разъясненія и неоднократно способствовалъ миролюбивому соглашенію обѣихъ сторонъ. Имя Унковскаго мало-по-малу становилось извѣстнымъ не только въ предѣлахъ Тверской, но и Московской и даже замосковныхъ губерній. А. М. не ограничивался одними совѣтами, но нерѣдко бралъ отъ крестьянъ и довѣренности, чтобы самому вести ихъ дѣла въ высшихъ крестьянскихъ учрежденіяхъ, когда видѣлъ явную недобросовѣстность со стороны помѣщиковъ, съ которыми благодаря ихъ знатности и вліянію трудно было тягаться простымъ людямъ. Тяжбы съ княгиней Черкасской, графомъ Толстымъ и графинями Сантисъ, выигранныя Унковскимъ въ пользу крестьянъ, создали ему огромную популярность среди его довѣрителей и прогрессивныхъ элементовъ общества и сдѣлали неблагонадежнымъ въ глазахъ правительства. Въ 1862 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ по просьбѣ великихъ міра сего исходатайствовалъ воспрещеніе Унковскому заниматься крестьянскими дѣлами, и А. М. долженъ былъ прекратить свою плодотворную и совершенно легальную дѣятельность. Приложеніе своимъ силамъ онъ теперь могъ найти только въ публицистикѣ, гдѣ его имя изрѣдка появлялось и раньше. Онъ вступилъ въ число сотрудниковъ „Современника" и особенно занялся вопросомъ о стоявшей на очереди судебной реформѣ. Не ограничиваясь журнальными статьями, онъ предпринялъ ради популяризаціи своихъ любимыхъ идей гласности и независимости суда переводъ и издательство цѣлаго ряда книгъ соотвѣтственнаго направленія. Когда же съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ стало организовываться сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, Унковскій началъ готовиться къ адвокатской дѣятельности. Въ 1866 г. вступилъ въ ряды с.-петербургской адвокатуры.

Въ рядахъ присяжныхъ повѣренныхъ А. М. оставался до конца своихъ дней. 20 декабря 1893 года онъ скончался, прослуживъ всю жизнь идеямъ, которымъ вѣрилъ. Товарищи похоронили его на свой счетъ, такъ какъ покойный не оставилъ своей семьѣ никакихъ средствъ, кромѣ небольшого клока своего родового имѣнія.

Е. Ефимова.

П. П. Семеновъ-Тяньшанскій.

И. И. Попова.

Изъ всѣхъ дѣятелей великой освободительной реформы, изъ активныхъ ея работниковъ, оставившихъ глубокій слѣдъ на работахъ редакціонныхъ комиссій, дожилъ до золотого юбилея этого славнаго дѣла только одинъ,—нынѣ уже маститый ученый, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, почетный членъ университетовъ и многихъ ученыхъ обществъ какъ у насъ, такъ и за границей, вице-президентъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—Петръ Петровичъ Семеновъ-Тяньшанскій, родной братъ другого дѣятеля освобожденія крестьянъ, Николая Петровича Семенова. Крестьянская реформа застала П. П. еще молодымъ человѣкомъ, но уже заявившимъ себя крупными научными работами въ области ботаники и географіи. П. П. въ 50-хъ годахъ совершилъ рядъ научныхъ экспедицій внутри Россіи, Средней Азіи, на Алтаѣ и по порученію Географическаго общества изслѣдовалъ горную систему Тянь-Шаня, до него недоступную европейцамъ. Уже къ этому времени имъ было издано нѣсколько спеціальныхъ научныхъ работъ по ботаникѣ, геологіи, географіи и приступлено было къ изданію „Географо-статистическаго словаря Россійской имперіи“. Въ 1856 г. онъ перевелъ первый томъ единственнаго въ своемъ родѣ изданія „Землевѣдѣніе Азіи“ К. Риттера и сопроводилъ его комментаріями и дополненіями, по объему и научной цѣнности равными оригиналу.

Служебная карьера П. П. протекала и до великой реформы и послѣ нея не въ тиши бюрократическихъ канцелярій, не въ кабинетахъ различныхъ департаментовъ, а была цѣликомъ направлена на служеніе обществу и государству въ области науки, творческой законодательной дѣятельности и общественной работы. Онъ былъ и въ настоящее время является не столько чиновникомъ и сановникомъ, сколько ученымъ, общественнымъ и государственнымъ дѣятелемъ въ лучшемъ значеніи этого слова.

Къ занятію по крестьянскому дѣлу П. П. былъ приглашенъ еще въ 1858 г. и сдѣлался правой рукой Я. И. Ростовцева, обратившагося въ то время, по выраженію Соловьева, изъ реакціонера „въ ревностнаго прогрессиста и отчаяннаго эмансипатора“. Молодой и образованный П. П. имѣлъ большое вліяніе на Ростовцева и былъ для него самымъ близкимъ человѣкомъ. Многіе доклады и записки послѣдняго составлялись и редактировались П. П. Несомнѣнно, Ростовцевъ съ нимъ совѣтовался передъ совѣщаніями, которыя происходили въ Гатчинѣ у государя.

Мысль объ учрежденіи редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу была впервые высказана въ двухъ запискахъ Н. А. Милютина и П. П. Семенова. Обѣ записки по существу не расходились между собою и имѣли въ виду привлечь къ занятіямъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ членовъ-экспертовъ изъ помѣщиковъ, не состоящихъ на государственной службѣ, но заявившихъ себя изслѣдованіями и работами по крестьянскому дѣлу. Записка Милютина была одобрена Главнымъ Комитетомъ, а записка П. П. Семенова была представлена Я. И. Ростовцевымъ государю. Обѣ записки открыли новую фазу въ предварительныхъ работахъ по освобожденію крестьянъ, и благодаря имъ были учреждены редакціонныя комиссіи, сыгравшія такую важную роль въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. П. П. вошелъ въ комиссіи въ качествѣ члена-эксперта отъ „опытныхъ“ помѣщиковъ и сдѣлался завѣдующимъ дѣлами какъ отдѣленій, такъ и общихъ присутствій редакціонныхъ комиссій. Ему была подчинена вся канцелярія, съ секретаремъ Остряковымъ онъ велъ журналы общихъ засѣданій, составлялъ записки для государя и въ Главный Комитетъ и на него пала вся тяжесть переговоровъ съ депутатами губернскихъ комитетовъ и отстаиваніе передъ ними выработанныхъ комиссіями положеній въ интересахъ крестьянъ. Однимъ словомъ, онъ принималъ наиболѣе активное участіе во всѣхъ работахъ по освобожденію крестьянъ и по составленію Положенія 19 февраля 1861 года.

П. П. Семеновъ хотя и не принадлежалъ къ группѣ Милютина и Соловьева, составлявшихъ лѣвое крыло комиссій, но по многимъ вопросамъ сходился съ ними и былъ значительно лѣвѣе ея центра.

Исходнымъ пунктомъ его взглядовъ было освобожденіе крестьянъ съ землею, при чемъ существующіе надѣлы должны были быть сохранены за крестьянами, если только они оказывались не слишкомъ малы или не безпримѣрно велики. Вопросъ о слишкомъ маломъ и безпримѣрно великомъ надѣлѣ комиссіи опредѣляли отдѣльно для каждой губерніи, и въ этой работѣ П. П. принадлежала главная и руководящая роль. Онъ указывалъ, что при отводѣ надѣловъ перенесеніе усадебъ крестьянъ возможно допустить только въ крайнемъ случаѣ, если это вызывается необходимостью разверстанія угодій, чтобы избѣжать черезполосицы; установленный комиссіей десятиверстный предѣлъ онъ считалъ не перенесеніемъ, а полнымъ переселеніемъ, разоряющимъ крестьянъ, скорѣе слишкомъ широкимъ, чѣмъ слишкомъ узкимъ. Стоимость надѣла опредѣлялась П. П. на основаніи данныхъ для каждой губерніи и капитализировалась изъ 6%. Этимъ способомъ была установлена норма оброка, но ни въ какомъ случаѣ не выше 8—10 р. съ души. Противъ способа опредѣленія стоимости надѣла и противъ нормъ надѣла и оброка высказались всѣ безъ исключенія помѣщики-депутаты губернскихъ комитетовъ, считая ихъ для себя невыгодными и обвиняя комиссіи въ „ограбленіи“ помѣщиковъ.

Вліяніе и значеніе П. П. Семенова въ редакціонныхъ комиссіяхъ было велико при Ростовцевѣ, но оно не уменьшилось и при гр. Панинѣ, благодаря независимости и убѣжденности П. П.

6 февраля 1860 г. въ 7 ч. утра умеръ Ростовцевъ, а въ 11 ч. утра въ тотъ же день П. П. представилъ государю предсмертную записку покойнаго и свою собственную, въ которой объяснялъ значеніе записки Ростовцева и припомнилъ все существенное для крестьянскаго дѣла изъ послѣднихъ словъ Ростовцева.

Государь внимательно прочелъ записку П. П. Семенова и сказалъ[1]):

„Изъ разговоровъ съ нимъ (съ Ростовцевымъ) я знаю, что въ своей запискѣ онъ оставилъ намъ какъ бы завѣщаніе, которое будетъ для насъ священно. Одно только меня тревожитъ и не даетъ покоя—это именно вопросъ о преемникѣ Якову Ивановичу... Не говорилъ ли онъ что-нибудь съ тобою объ этомъ предметѣ, не назначалъ ли онъ себѣ преемника?..“

П. П. Семеновъ.

П. Семеновъ отвѣтилъ, что по этому поводу Ростовцевъ „много разъ говорилъ съ нимъ, но выборъ его ни на комъ не остановился“.

Тогда государь сказалъ, что ему „важно знать, что думалъ Я. И. по отношенію къ крестьянскому дѣлу о каждомъ изъ лицъ, которыя имѣютъ принять участіе въ окончательномъ обсужденіи этого дѣла“.

„Я. И. считалъ наиболѣе сочувствующими дѣлу освобожденія крестьянъ,—заявилъ государю П. Семеновъ,—великаго князя Константина, графа Киселева, С. С. Ланского, К. В. Чевкина, гр. Муравьева-Амурскаго и большую часть членовъ редакціонной комиссіи“. Великій князь сослужитъ „великую службу государю и Россіи въ качествѣ предсѣдателя Главнаго Комитета“. Киселевъ при всемъ своемъ умѣ, благородствѣ слишкомъ старъ; С. С. Ланской былъ слишкомъ добръ, слабохарактеренъ и не могъ дать достаточнаго отпора различнымъ вліяніямъ. К. В. Чевкинъ, при горячемъ сочувствіи дѣлу освобожденія, легко могъ запутаться въ мелочахъ и невольно затормозилъ бы окончаніе этого дѣла. Графъ Амурскій, сильный и энергическій, дѣйствовалъ

---

[1]) Заимствуемъ изъ книги «Освобожденіе крестьянъ при императорѣ Александрѣ II» Н. П. Семенова.—Разговоръ этотъ считаю необходимымъ привести хотя бы въ выдержкахъ, потому что онъ указываетъ на важную роль и значеніе П. П. Семенова въ крестьянской реформѣ и до извѣстной степени освѣщаетъ мотивы, почему предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ гр. Панинъ.

бы слишкомъ страстно и „возбудилъ бы противъ себя такую оппозицію, съ которой никогда не могъ бы справиться“. Другихъ сановниковъ: князя П. П. Гагарина, М. Н. Муравьева [1]), графа С. Г. Строганова и графа П. Н. Панина, Ростовцевъ считалъ „мало сочувствующими освобожденію крестьянъ“ и „потому не думалъ о нихъ, какъ своихъ преемникахъ“. Гагаринъ и Муравьевъ всегда будутъ, по мнѣнію Ростовцева, настойчивыми противниками проекта положеній редакціонной комиссіи въ Главномъ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ, при чемъ первый ни на какіе компромиссы не пойдетъ, а второй при сильномъ желаніи попасть въ предсѣдатели комиссій могъ бы, при назначеніи его и ясно выраженномъ желаніи государя, дѣйствовать въ духѣ своего предшественника.

Государь замѣтилъ, что взглядъ Ростовцева на Муравьева „ему хорошо извѣстенъ“ и что онъ „не думалъ сдѣлать изъ Муравьева преемника Ростовцева“.

Тогда П. П. изложилъ мнѣніе Ростовцева о графѣ Строгановѣ и графѣ Панинѣ. „Строгановъ никогда не будетъ энергическимъ оппонентомъ проекта редакціонныхъ комиссій, хотя и расходится съ проектомъ въ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ, однако, вопросахъ о способѣ надѣленія землею и о вотчинной полиціи“.

„Что же касается до графа Панина, то Ростовцевъ выражалъ убѣжденіе, что его отношеніе къ крестьянскому дѣлу будетъ вполнѣ зависѣть отъ выраженнаго ему лично желанія государя, что онъ будетъ дѣйствовать исключительно согласно волѣ Его Величества, если только онъ будетъ знать ее съ полной опредѣленностью“. „Главное препятствіе въ назначеніи его предсѣдателемъ комиссій заключается въ полнѣйшей его непрактичности, совершенномъ незнакомствѣ съ бытомъ народа и въ странностяхъ его, дѣлающихъ личныя къ нему отношенія его сотрудниковъ почти невозможными“.

Въ заключеніе этого разговора П. П. получилъ разрѣшеніе высказать государю свое личное мнѣніе.

„Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—что Ваше Величество напрасно такъ тревожитесь вопросомъ о назначеніи преемника Я. И. Вполнѣ удовлетворительнаго предсѣдателя комиссій, какимъ былъ Ростовцевъ, найти невозможно“. „Изъ предсмертной записки Я. И. Ваше Величество усмотрѣть соизволите, что дѣло уже вчернѣ совсѣмъ окончено и сотрудники Ростовцева безъ особыхъ затрудненій могутъ справиться съ окончаніемъ того, что не додѣлано“. Кто бы ни былъ преемникомъ Ростовцева, „весь успѣхъ дѣла будетъ зависѣть не отъ его личности, а отъ отношенія къ дѣлу Вашего Императорскаго Величества. Если вы, Государь, покроете насъ своимъ щитомъ, то мы спокойно окончимъ крестьянское дѣло въ томъ же духѣ, въ которомъ оно велось при Яковѣ Ивановичѣ“.

---

[1]) Виленскій генералъ-губернаторъ во время польскаго возстанія.

„Въ случаѣ же препятствія вести это дѣло въ томъ же направленіи со стороны новаго предсѣдателя, мы, конечно, не сможемъ ничего окончить, и тогда лучше закрыть комиссіи и возобновить ихъ въ новомъ составѣ членовъ по выбору предсѣдателя, который будетъ вести дѣло не въ такомъ духѣ, въ которомъ оно велось доселѣ".

Государь внимательно выслушалъ П. П. Семенова и сказалъ: „Я внимательно прочту записку нашего покойнаго друга и подумаю о назначеніи предсѣдателя, а главное—поговорю заранѣе съ тѣмъ, на кого падетъ мой выборъ, и поставлю ему условія его назначенія. Тебя же прошу успокоить своихъ товарищей. Я не отступлю ни отъ чего такого, что выражено въ запискѣ покойнаго друга, такъ честно дѣйствовавшаго съ моею волею, и не только не допущу никакого измѣненія въ составѣ комиссій, но и обезпечу вамъ составленіе проекта, согласно мнѣнію большинства, безъ всякаго препятствія со стороны предсѣдателя комиссій. Васъ, сотрудниковъ покойнаго Я. И., прошу окончить ваше дѣло въ томъ самомъ духѣ, въ которомъ вы его вели доселѣ. Проектъ вашъ, конечно, еще можетъ измѣниться только въ какихъ-нибудь подробностяхъ, но то, что выражено по этому дѣлу покойнымъ Я. И., останется неприкосновеннымъ. Разрѣшаю тебѣ слова мои сообщить своимъ товарищамъ".

Государь благодарилъ П. П. Семенова за его труды по крестьянскому дѣлу въ качествѣ ближайшаго сотрудника Ростовцева и разрѣшилъ обращаться къ нему тѣмъ же, извѣстнымъ Семенову, путемъ, какимъ сносился съ государемъ только Ростовцевъ.

Мы съ цѣлью подробно остановились на разговорѣ государя съ Семеновымъ для того, чтобы показать, какое большое значеніе имѣлъ П. П. въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, чтобы объяснить мотивы назначенія гр. Панина предсѣдателемъ комиссій и освѣтить фразу государя, сказанную великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: „Вы не знаете гр. Панина; его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній".

Хотя Панинъ и отказался отъ своихъ убѣжденій, но для редакціонныхъ комиссій и особенно для завѣдующаго ихъ дѣлами П. П. Семенова наступило тяжелое время; началась постоянная борьба за крестьянскіе интересы прежде всего съ Панинымъ и прежде всего у П. П. Семенова.

Ограниченный царедворецъ, буквоѣдъ-законникъ, прислужникъ, а не государственный дѣятель, гр. Панинъ пожелалъ выслушать отъ Семенова мнѣнія о немъ покойнаго Ростовцева. П. П. съ полной откровенностью высказалъ всю правду, указавъ, что Ростовцевъ не называлъ Панина своимъ преемникомъ и считалъ его неподходящимъ къ исполненію обязанностей предсѣдателя, какъ не сочувствующаго дѣлу освобожденія, недоступнаго, нелюдимаго и не уважающаго мнѣнія людей, стоящихъ по служебному положенію и происхожденію ниже его.

Столкновенія между гр. Панинымъ и П. Семеновымъ начались съ первыхъ же дней назначенія перваго предсѣдателемъ. Панинъ не могъ забыть, что П. П. Семеновъ среди бюрократіи, какъ онъ самъ говорилъ о себѣ, въ своемъ родѣ „единственный“; у него въ то время не было ни чина, ни титулованнаго положенія, а только ученая степень. И вотъ съ этимъ нетитулованнымъ человѣкомъ гр. Панину пришлось не разъ сталкиваться и уступать ему по существеннымъ вопросамъ не только въ комиссіяхъ, но и Главномъ Комитетѣ.

Громадный трудъ, который совершила редакціонная комиссія въ теченіе полуторыхъ лѣтъ, „этотъ памятникъ, который всегда будетъ,—какъ характеризовалъ его великій князь Константинъ,—служить къ величайшей чести комиссіи“, трудъ, въ которомъ не малая доля принадлежала и П. П., былъ законченъ. Выработанный законопроектъ поступилъ на обсужденіе Главнаго Комитета, въ которомъ большинство членовъ враждебно относились къ дѣлу освобожденія крестьянъ. Сорокъ засѣданій Комитета было посвящено разсмотрѣнію проекта; только три члена Комитета, не считая великаго князя, стояли за редакцію редакціонныхъ комиссій, а всѣ остальные были противъ нея и особенно рѣшительно возставали противъ поземельнаго устройства крестьянъ, цифры надѣловъ котораго были выведены П. П. Семеновымъ путемъ продолжительнаго, кропотливаго вычисленія. Не смѣя нарушить волю государя, гр. Панинъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ велъ себя относительно сдержанно, хотя и здѣсь у него выходили столкновенія и особенно часто съ П. П. Въ Главномъ же Комитетѣ онъ явился яростнымъ противникомъ „семеновскихъ нормъ“. Чтобы ослабить оппозицію гр. Панина и ускорить проведеніе Положенія черезъ Комитетъ, великій князь Константинъ, предсѣдатель Комитета, устроилъ 11 декабря 1860 г. въ своемъ дворцѣ диспутъ между гр. Панинымъ и П. Семеновымъ. Двухчасовой диспутъ, во время котораго Панинъ былъ уличенъ Семеновымъ въ передержкѣ и неправильномъ пользованіи статистическими данными, кончился полнымъ пораженіемъ графа. Панинъ вынужденъ былъ отказаться отъ многихъ своихъ мнѣній, но и защитники проекта редакціонной комиссіи должны были уступить и согласиться на пересмотръ и провѣрку максимумовъ надѣловъ крестьянъ. Соглашеніе состоялось отчасти потому, что государь выразилъ желаніе, чтобы великій князь привлекъ Панина на свою сторону. Пересмотръ максимумовъ надѣловъ было поручено произвести П. П. Семенову совмѣстно съ гр. Панинымъ; на результаты этого пересмотра уже заранѣе соглашался великій князь.

Гр. Панинъ не могъ простить П. П. своего пораженія у великаго князя и рѣшилъ на совѣщаніи, на которое пригласилъ подчиненнаго ему Н. П. Семенова, alter ego Панина—Топильскаго и еще 7 лицъ, устроить „единоборство“ между братьями, т.-е. П. П. и Н. П. Семеновыми. Но во-время спохватился и заявилъ, что „не желаетъ возстанавливать брата на брата“. Въ третьемъ

томѣ „Освобожденія крестьянъ при императорѣ Александрѣ II“ Н. Семенова подробно разсказано объ этомъ совѣщаніи, которое Джаншіевъ называетъ „потѣшнымъ“ и въ которомъ только роль П. П. представляется, хотя и тяжелою, но „приличною“ и „привлекательною“. П. П. Семеновъ горячо защищалъ нормы крестьянскихъ надѣловъ, принятыя редакціонными комиссіями, доказывалъ необходимость для крестьянъ сѣнокосовъ, которую отрицалъ Панинъ. Подчиненные Панину чиновники молчали, а самъ онъ болѣе гаерствовалъ, чѣмъ возражалъ, называя П. Семенова „обжорой земли“, „онъ такъ хлопочетъ за сѣно, что я велю сдѣлать себѣ его портретъ на копнѣ сѣна“ и т. п. Въ результатѣ гр. Панинъ долженъ былъ отказаться отъ предоставленія помѣщикамъ вотчинной полиціи, отъ „неполнаго права“ собственности на не выкупленные надѣлы, примириться съ безсрочнымъ пользованіемъ. Что же касается нормъ надѣловъ и повинностей, то соглашеніе здѣсь состоялось путемъ взаимныхъ уступокъ чисто случайнаго характера. Но и при этихъ уступкахъ, крайне тяжелыхъ для П. П., исправленныя цифры прошли въ Главномъ Комитетѣ большинствомъ только шести голосовъ противъ четырехъ.

Эпизодъ съ Панинымъ мы привели для характеристики того значенія, какое П. П. имѣлъ даже послѣ редакціонныхъ комиссій. Великій князь обратился къ нему, а не къ какому-нибудь другому изъ членовъ комиссій, потому что уже тогда П. П. являлся спеціалистомъ-статистикомъ и знатокомъ земельныхъ отношеній. Знанія, неутомимый трудъ, научная подготовка и преданность дѣлу освобожденія поставили П. П. въ первые ряды дѣятелей реформы.

Онъ и послѣ освободительной реформы работалъ въ томъ же направленіи. Его дѣятельность въ качествѣ директора Статистическаго центральнаго комитета, а затѣмъ предсѣдателя Статистическаго совѣта въ теченіе 35 лѣтъ отмѣчена большими заслугами. За это время имъ установлена была правильная офиціальная статистика и совершено громадное по своему значенію изслѣдованіе поземельной собственности въ Россіи. Работалъ онъ и для переселенческаго дѣла и былъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія по переселенческому вопросу въ 80-хъ гг.

Здѣсь не мѣсто перечислить всѣ работы и научные труды П. П., указать его заслуги для государства... Но среди всѣхъ этихъ работъ, трудовъ, занятій, участіе въ крестьянской реформѣ является наиболѣе свѣтлымъ моментомъ жизни маститаго ученаго, и медаль за освобожденіе крестьянъ П. П., какъ не разъ онъ самъ говорилъ, считаетъ самой дорогой и самой цѣнной наградой, которой онъ въ правѣ гордиться: она имъ заслужена вполнѣ.

И. И. Поповъ.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Прив.-доц. Б. И. Сыромятникова.

Имя Константина Дмитріевича Кавелина навсегда останется неразрывно связаннымъ съ великой освободительной эпохой XIX вѣка и ея яркой исторической датой — 19 февраля 1861 г. Хотя Кавелинъ и не стоялъ въ рядахъ офиціальныхъ двигателей крестьянской реформы, однако ему — по справедливости — принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди поборниковъ эмансипаціи. Та роль, которую сыгралъ онъ въ этомъ большомъ дѣлѣ, правда, не бросается въ глаза и даже, при первомъ взглядѣ, можетъ показаться случайной, но, въ дѣйствительности, его участіе въ подготовкѣ освободительной реформы оказало очень значительное и замѣтное вліяніе какъ на ея судьбу, такъ и на общественную мысль и мнѣніе того времени. Можетъ-быть, даже сила этого вліянія, именно потому и была такъ значительна, что самъ Кавелинъ стоялъ въ сторонѣ отъ тѣхъ сферъ, гдѣ усиленно „дѣлали политику“ и карьеру среди напряженной борьбы за власть. Его личная скромность, чуждая какого-либо искательства и карьеризма, несмотря на извѣстную близость его къ придворнымъ кругамъ, положительно не позволяла ему использовать несомнѣнныя „выгоды“ своего положенія, какъ наставника наслѣдника престола и довѣреннаго сотрудника велик. княг. Елены Павловны. При такихъ условіяхъ Кавелину, особенно принимая во вниманіе его благородную стойкость въ убѣжденіяхъ, не только не удалось закрѣпить своего высокаго положенія, но, напротивъ, какъ разъ въ ближайшіе къ реформѣ годы пришлось даже удалиться отъ двора. Такимъ образомъ интимныя мечты Кавелина о представлявшейся ему „политической дѣятельности“ погибли, какъ ранніе цвѣты подъ ударами весеннихъ морозовъ. „Придворная гниль“, по выраженію Кавелина, торжествовала; но оскорбленный въ своихъ лучшихъ надеждахъ, онъ, въ свою очередь, отвернулся отъ тѣхъ, кому ничѣмъ не былъ обязанъ и съ кѣмъ у него такъ мало было общаго: „послѣ, — писалъ Кавелинъ въ 80 гг., — со мной не разъ заигрывали, но я не дался въ ловушку и остался въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находился, не поступившись ни на іоту. Они могли раздавить мою служебную карьеру (прибавляетъ онъ), но унизить мою личную честь я имъ не далъ“ [1]). Если, при подобныхъ обстоятельствахъ, вопросъ о своей „служебной карьерѣ“ Каве-

[1]) Сочиненія, т. II, стр. 5.

линъ рѣшилъ для себя разъ навсегда, съ рѣдкимъ достоинствомъ отклонивъ предложеніе пенсіи и генеральскаго чина при отставкѣ и всякаго рода дальнѣйшія награды [1]), то его личное вліяніе на дѣло реформы не только не утратило отъ этого дѣйствительной силы, но даже какъ бы возросло. Если прежде судьба проектовъ Кавелина необходимо или, по крайней мѣрѣ, естественно связывалась съ его „служебнымъ“ положеніемъ, вызывая понятное безпокойство среди придворной камарильи, то теперь, когда покончены были счеты на почвѣ вопроса о карьерѣ, устраненіе Кавелина открывало двери его идейному вліянію. Враги его были достаточно сильны, чтобы путемъ скрытой интриги и клеветы сбить его съ той позиціи, которую онъ было занялъ, но они все же не могли обойтись безъ него. Совершенно не подготовленные къ отвѣтственной и сложной задачѣ, непосильнымъ бременемъ свалившейся на ихъ бюрократическія плечи, но не желая выпускать ее изъ своихъ рукъ, эти жадные до власти люди были вынуждены занять ума и опыта у тѣхъ, кого они боялись, а подчасъ и ненавидѣли, но безъ чьей помощи они не могли ступить и шагу. Вотъ почему солидныя, составленныя, такъ сказать, въ „государственныхъ видахъ“ и практическихъ цѣляхъ „записки“ Кавелина должны были получить особенное вліяніе въ бюрократическомъ подпольѣ, гдѣ тогда происходила конспиративная подготовка реформы. Въ этомъ смыслѣ можно было бы сказать, что если самому Кавелину и не удалось сдѣлать политической „карьеры“, то она выпала, несомнѣнно, на долю его проектовъ. Та своеобразная атмосфера тайны и испуга, въ которой въ 50 гг. протекала предварительная разработка вопроса „объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ“, т.-е. о законодательной ликвидаціи крѣпостного права, въ извѣстной мѣрѣ облегчала возможность всякаго рода „келейныхъ“ вліяній въ дѣлѣ реформы, какъ въ пользу, такъ и во вредъ послѣдней. При этомъ то, о чемъ боялись говорить громко и, такъ сказать, при свѣтѣ дня, могло получить официальное признаніе въ порядкѣ конфиденціальномъ [2]). Какъ часто въ нашемъ прошломъ въ аналогичныхъ случаяхъ

К. Д. Кавелинъ (портр. 40 гг.).

[1]) Воспоминанія Ѳ. А. Омма, «Рус. Арх.», 1896, № 6, стр. 249—250.

[2]) Такъ, черезъ А. В. Головнина мнѣнія и «записки» Кавелина попадали въ «секретный комитетъ» по крестьянскому дѣлу, во главѣ котораго стоялъ вел. кн. Константинъ Николаевичъ. Не малое содѣйствіе было оказано Кавелинымъ также и Н. А. Милютину, съ которымъ ему пришлось совмѣстно потрудиться надъ разработкой проекта освобожденія крестьянъ полтавскаго имѣнія вел. кн. Елены Павловны.

за спиной какой-нибудь видной „сильной персоны“ оказывался талантливый личный „секретарь“ или иной незамѣтный консультантъ, недюжинные труды котораго входили въ дѣловой оборотъ черезъ „министерскій“ портфель ловкаго вельможи. Мы не будемъ поэтому удивляться, что одна и та же, напр., „Записка“ Кавелина, дойдя въ рукописи черезъ третьи руки (баронес. Раденъ и вел. кн. Елены Павловны) до государя, вызвала со стороны послѣдняго одобреніе, тогда какъ появленіе ея въ печати явилось поводомъ „Высочайшаго“ гнѣва и привело, въ концѣ-концовъ, къ удаленію ея автора отъ занимаемой имъ при наслѣдникѣ должности! Но въ данномъ случаѣ официальное „паденіе“ Кавелина вовсе не означало крушенія его дѣла. Можно смѣло сказать, что программа реформы, начертанная твердой и въ то же время осторожной рукой Кавелина въ его исторической „Запискѣ“ 1855 г., была почти цѣликомъ усвоена тѣми, кому суждено было проводить въ жизнь освободительную реформу. Не говоримъ уже о томъ важномъ значеніи, какое имѣли „записки“ Кавелина въ обществѣ, гдѣ онѣ послужили мощнымъ возбудителемъ идеи эмансипаціи. Но не только какъ авторъ замѣчательныхъ записокъ „Объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи“ (1855 г.), „Мыслей объ уничтоженіи крѣпостного состоянія въ Россіи“ (1857 г.), „Мнѣнія о лучшемъ способѣ разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ“ (1857 г.), но и какъ авторъ „Положенія“ о выходѣ на свободу крестьянъ имѣнія великой княгини Елены Павловны, а также какъ постоянный негласный сотрудникъ по текущимъ вопросамъ реформы, сблизившійся на этой почвѣ съ цѣлымъ рядомъ ея видныхъ сторонниковъ — А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, Н. А. Милютинымъ, В. А. Арцимовичемъ, вел. кн. Еленой Павловной, Ю. Ѳ. Самаринымъ, Г. Г. Даниловичемъ и др., — Кавелинъ, дѣйствительно, и безъ власти оказался у власти, явившись настоящимъ дѣятелемъ реформы. Онъ занялъ какъ бы мѣсто посредника между правительствомъ и временно примиреннымъ съ нимъ общественнымъ мнѣніемъ, сознательно стремясь найти ту нейтральную почву, на которой, какъ казалось ему, могли быть объединены интересы государственной власти, дворянства и, наконецъ, крестьянъ [1]). Задавшись, такимъ образомъ, цѣлью — „пріискать среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчивыхъ интересовъ“, Кавелинъ, съ одной стороны, въ своихъ „запискахъ“, обращаясь къ правительству, старался успокоить его въ его страхахъ передъ призракомъ соціальной революціи и внушить ему довѣріе къ обществу, съ другой — обращаясь къ этому послѣднему, приглашалъ всѣхъ сплотиться вокругъ „державнаго Миротворителя“ и отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ

[1]) Кавелинъ съ видимымъ чувствомъ удовлетворенія отмѣчалъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ Погодину, что «Записка» его съ проектомъ реформы «по примирительному своему характеру принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо». Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XIV, стр. 214.

правительству реформы[1]). Собственно говоря, благодаря именно этой примирительной позиціи, занятой Кавелинымъ въ вопросѣ о крестьянской реформѣ, ему и удалось сыграть столь видную роль въ ея исторіи, преисполненной столькихъ превратностей. Однако мы должны также отмѣтить, что въ подобной постановкѣ вопроса заключалась не только несомнѣнная сила, но также и очевидная слабость Кавелина. Всегда эклектически настроенный, своеобразно сочетая въ своемъ міросозерцаніи славянофильскія и западническія симпатіи, Кавелинъ и въ крестьянскомъ вопросѣ обнаружилъ все то же, столь характерное для него стремленіе ко „всеобщему, разумному соглашенію разрозненнаго“ [2]). Вѣря въ гармонію общественныхъ интересовъ и будучи убѣжденъ, что съ отмѣною крѣпостного права „простой народъ... увидитъ въ дворянствѣ своего естественнаго, достойнаго довѣрія представителя“ [3]), Кавелинъ въ своихъ проектахъ реформы пошелъ тѣмъ „среднимъ“ путемъ, который въ условіяхъ историческаго момента долженъ былъ увлечь его на путь защиты интересовъ меньшинства на счетъ интересовъ многомилліонной массы крестьянства. Иного „средняго“ пути въ то время не могло и быть. По существу это и былъ тотъ самый путь, по которому пошла наша освободительная реформа 1861 г. При такихъ условіяхъ мы не будемъ удивляться, что въ основныхъ своихъ чертахъ взгляды Кавелина въ дѣлѣ реформы не отличались особенной оригинальностью и, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ Кавелина, менѣе всего могутъ быть названы „радикальными“ [4]). Какъ увидимъ, по цѣлому ряду вопросовъ Кавелинъ оказался даже позади правительства. Сила вліянія Кавелина на судьбы реформы именно и зиждилась на томъ, что онъ съ выдающимся талантомъ и рѣдкой ясностью формулировалъ тѣ основные принципы „освобожденія крестьянъ въ Россіи“, которые ко времени составленія имъ глубоко поучительныхъ „записокъ“ пользовались уже достаточнымъ признаніемъ не только въ общественныхъ, но и въ правительственныхъ кругахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мысль Кавелина, что крѣпостное право есть „гордіевъ узелъ, къ которому сходятся всѣ наши общественныя язвы“ [5]), что оно „есть камень преткновенія для всякаго успѣха и развитія Россіи“, что „Россія осуждена окаменѣть“ [6]), если будетъ продолжать жить при старомъ порядкѣ, т.-е. что ни ея промышленныя, ни ея культурныя силы не въ состояніи развиваться, пока господствуетъ крѣпостное право и хозяйство,—эта мысль далеко не была уже новостью въ тѣ дни, когда

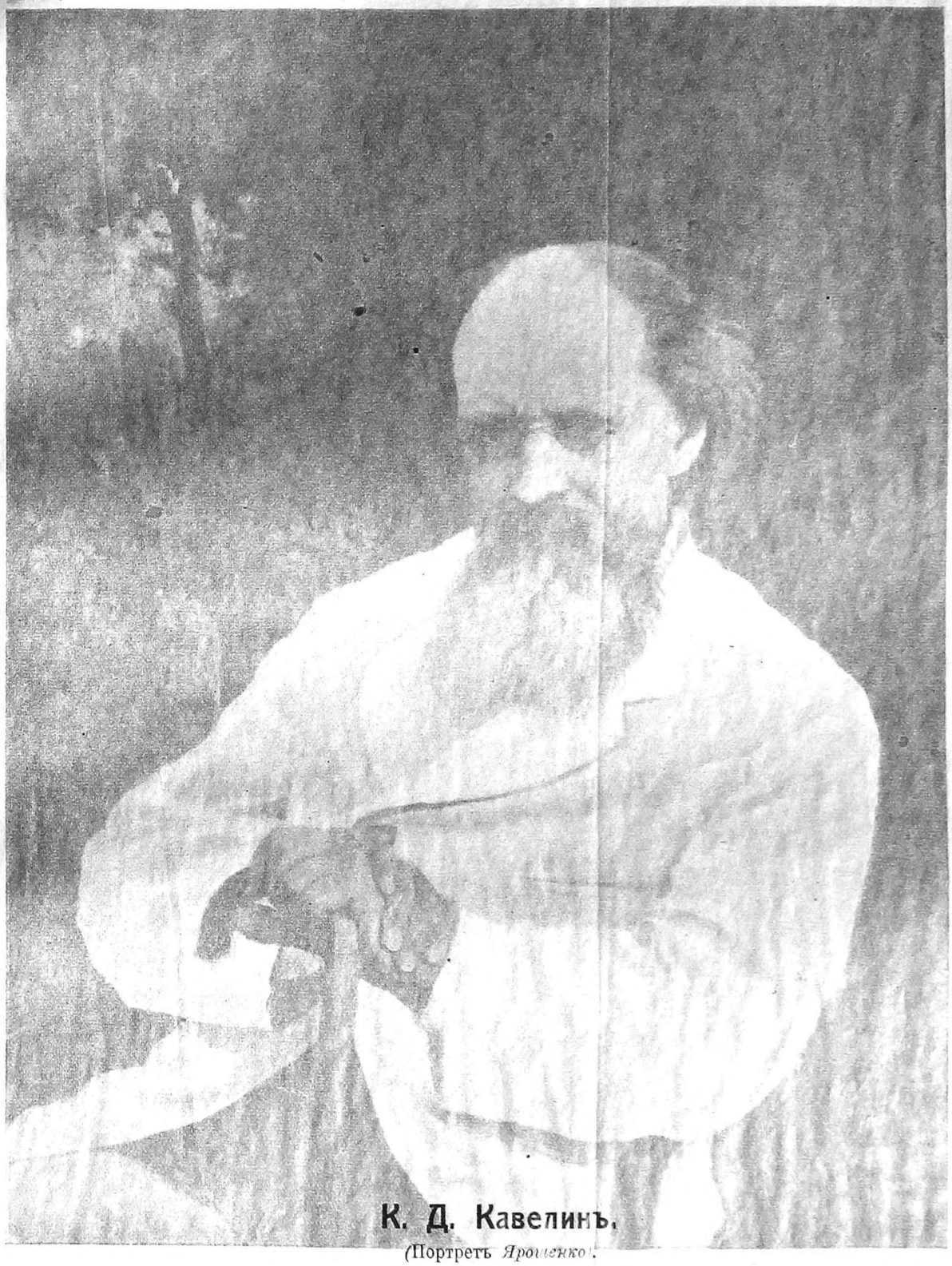
[1]) Сочиненія, т. II, стр. 1181—1183 (рѣчь на обѣдѣ 28 дек. 1857 г.).
[2]) Ibid., стр. 1183.
[3]) Op. cit., т. II, стр. 51, 71 и 627.
[4]) Въ этомъ смыслѣ мы не рѣшились бы сравнить взгляды Кавелина со взглядами такихъ его предшественниковъ, какъ, напр., А. Н. Радищевъ или декабристы.
[5]) Сочиненія, т. II, стр. 34. Ср. Барсуковъ, op. cit., т. XIV, стр. 213.
[6]) Кавелинъ, Сочиненія, т. II, стр. 6, 25—27, 29, 31, 33—34.

писалъ Кавелинъ. Главная его заслуга здѣсь заключалась скорѣе въ томъ, что онъ во-время выступилъ съ своей иниціативой, рѣшивъ придать практическую постановку вопросу объ уничтоженіи этого величайшаго „изъ всѣхъ золъ зла“. По существу въ тѣ дни всѣ споры вращались именно около названной основной проблемы о способахъ ликвидаціи указаннаго, въ достаточной степени для всѣхъ очевиднаго, „зла“, тѣмъ болѣе, что соціальная опасность народнаго рабства, грозившаго странѣ возможной новой пугачевщиной, заставляла прежде всего правительство торопиться съ „реформой сверху“, пока не было еще поздно. Но страшенъ былъ именно самый приступъ къ реформѣ, еще сложнѣе были связанные съ нимъ вопросы объ основаніяхъ, на которыхъ предстояло совершить этотъ, по природѣ своей, революціонный актъ, задѣвавшій столько интересовъ и такъ тѣсно связанный со всѣмъ экономическимъ, соціальнымъ и государственнымъ строемъ имперіи. Кавелинъ взялъ на себя смѣлость сдѣлать первый такой серьезный, преслѣдующій непосредственно практическія цѣли, приступъ, и въ этомъ его несомнѣнная и крупная заслуга. Обращаясь далѣе къ вопросу о самыхъ способахъ „освобожденія“, какъ они представлялись автору „Записки“ 1855 г., мы, конечно, должны прежде всего указать, что Кавелинъ положительно высказался въ пользу освобожденія крестьянъ „съ землей“ при единовременномъ выкупѣ у помѣщиковъ сразу всей земли, отчуждаемой на правахъ собственности въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ. Авторъ весьма убѣдительно при этомъ доказывалъ, что „правительство ни подъ какимъ видомъ не можетъ согласиться на увольненіе крестьянъ безъ земли“ [1]). И Кавелинъ, дѣйствительно, имѣлъ полное основаніе говорить въ данномъ случаѣ какъ бы отъ лица правительства, такъ какъ послѣднее давно уже опредѣлительно стало на точку зрѣнія освобожденія съ землей. Уже въ законѣ 1803 г. о „свободныхъ хлѣбопашцахъ“ правительство твердо и несомнѣнно ступило на указанный путь, сохранивъ по существу тотъ же принципъ и въ законѣ 2 апрѣля 1842 г. о такъ называемыхъ „обязанныхъ крестьянахъ“ [2]). Понятно поэтому, что означенные принципы не оспаривались и въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ борьба завязалась, главнымъ образомъ, по вопросу о „нормѣ“ надѣла, а не о самомъ надѣлѣ, и выкупныхъ ставкахъ. Но, конечно, вопросъ о надѣленіи освобожденныхъ крестьянъ въ той или иной мѣрѣ землей рѣшался тогда въ положительномъ смыслѣ далеко не однимъ только правительствомъ. Къ 40 годамъ XIX ст., при всемъ разнообразіи мнѣній, и въ литературѣ

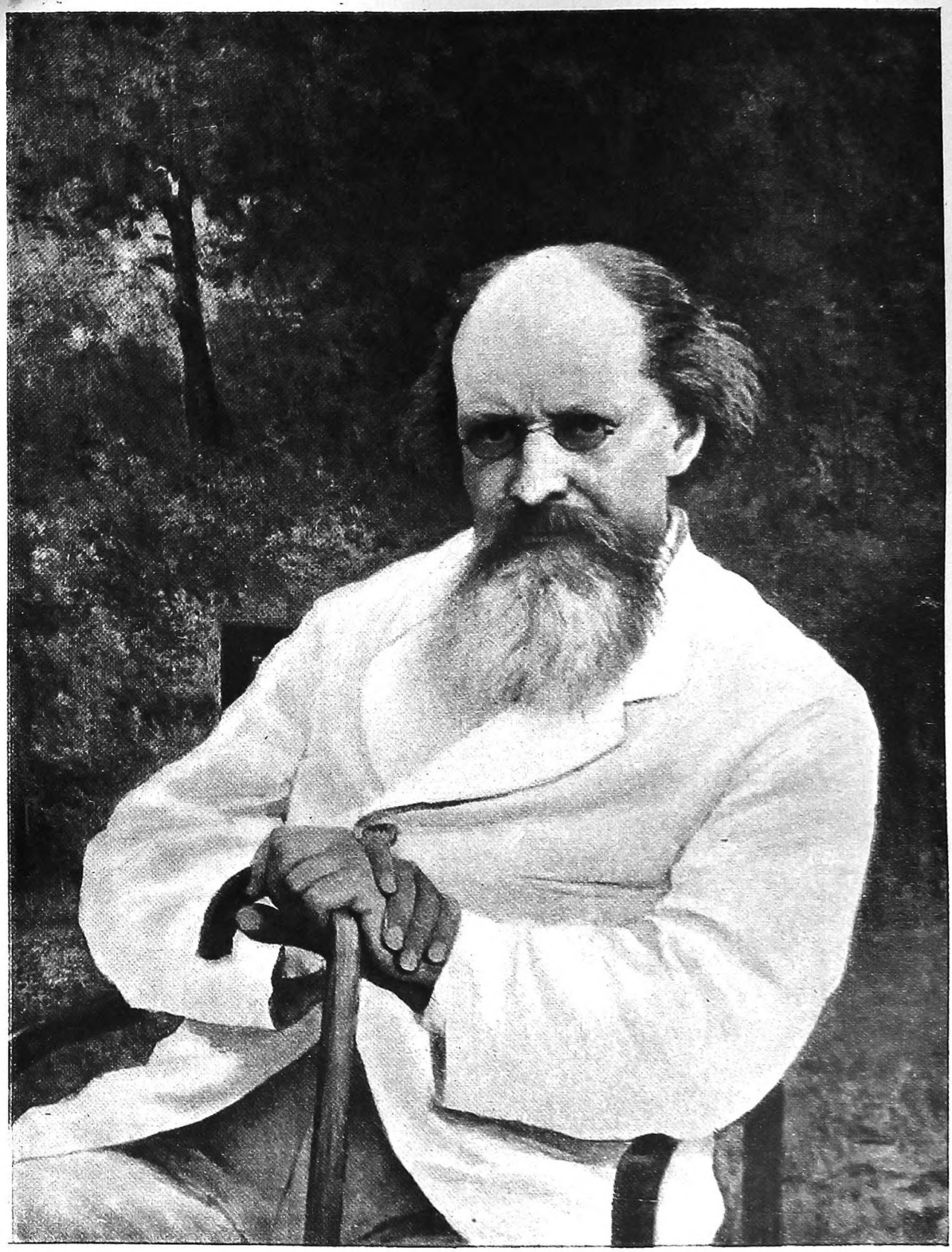
[1]) Ibid., стр. 42, 43, 45, 72.

[2]) При всемъ различіи въ объемѣ тѣхъ правъ, какія согласно названнымъ законамъ получали крестьяне на отведенныя имъ земли, оба они исходили изъ одного и того же начала, что увольняемые крестьяне должны непремѣнно быть такъ или иначе обезпечены землей. Напомнимъ также о законахъ 1841 г. и 1847 гг. (Пол. Собр. Зак. №№ 14152 и 21689), имѣющихъ аналогичное принципіальное значеніе.

К. Д. Кавелинъ.

(Портретъ *Ярошенко*).

предмета и въ обществѣ [1]) безусловно преобладала та же точка зрѣнія, такъ что и въ данномъ случаѣ Кавелину пришлось лишь подвести итоги довольно прочно сложившейся уже традиціи. Впрочемъ, несмотря на то, что Кавелинъ въ „Запискѣ“ 1855 г. рѣшительно высказался въ пользу единовременнаго освобожденія крестьянъ съ землей, онъ готовъ былъ тутъ же итти и на уступки. Такъ, допуская возможность проведенія реформы постепенно, въ видѣ „опыта“ (?), — начиная „хотя съ одной какой-нибудь губерніи по западной нашей границѣ“ [2]) — онъ соглашался, стремясь продвинуть вопросъ „освобожденія“ по пути его реальнаго осуществленія, на „выпускъ“ крестьянъ „на волю съ землею и безъ земли“ [3]). Авторъ вспоминалъ при этомъ „исполненный любви и христіанскаго милосердія обычай“ старой Руси отпускать „по душѣ“ на волю крѣпостныхъ въ порядкѣ завѣщательномъ. Уже изъ этого примѣра мы можемъ видѣть, какъ далеко готовъ былъ итти въ указанномъ направленіи Кавелинъ, руководившійся, какъ всегда, и въ данномъ случаѣ искреннимъ и безкорыстнымъ побужденіемъ — подвинуть правительство и косные общественные элементы къ скорѣйшему осуществленію реформы. Правда, онъ дѣлалъ это цѣною такихъ уступокъ, которыя грозили погубить и самую реформу, но таковъ былъ, очевидно, результатъ той ненормальной атмосферы, въ которой происходила подготовка преобразованія, сопровождавшаяся столькими треніями, казалось, почти непреодолимыми. Этимъ и объясняется, съ одной стороны, чрезвычайная осторожность и умѣренность Кавелина въ защитѣ положеній его „Записки“, а также, съ другой — и ея полемическій характеръ. Авторъ какъ будто ведетъ съ кѣмъ-то продолжительный диспутъ, то наступая, то отступая. Здѣсь находятъ также свое объясненіе и нерѣдкія противорѣчія Кавелина самому себѣ и, какъ мы видѣли, довольно опасныя колебанія его въ самыхъ кардинальныхъ вопросахъ реформы. При такихъ условіяхъ насъ не должно удивлять, что, стоя за „гласность“ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и одновременность реформы, Кавелинъ въ то же время высказывался въ томъ смыслѣ, что реформу необходимо „нечувствительнымъ образомъ подготовлять... постепенными законодательными и административными мѣрами“. Любопытно, что Кавелинъ отстаивалъ начало „секрета“ въ реформѣ, главнымъ образомъ, въ отношеніи крѣпостныхъ, „чтобы не возбудить излишнихъ притязаній крестьянъ“. Въ частности, „распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ ссудъ на вы-

[1]) Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», т. II, стр. 507—8.

[2]) Кавелинъ, Сочиненія, т. II, стр. 52—54, 55, 89 и др. «Опытъ» этотъ, по мнѣнію Кавелина, долженъ былъ убѣдить дворянъ «въ благодѣтельности» реформы для нихъ, а также положить предѣлъ «неопредѣленнымъ и потому часто дикимъ мечтаніямъ (крестьянъ) о вольности».

[3]) Ibid., стр. 58, 59 и 61. Кавелинъ становился такимъ образомъ въ данномъ вопросѣ на очень опасную почву, чрезмѣрно преувеличивая силу тѣхъ препятствій, которыя, какъ казалось ему, лежали на пути реформы. Онъ отступалъ, слѣдовательно, тамъ, гдѣ правительство реформы обнаруживало наименѣе колебаній.

купъ должно было, по мысли автора, быть сдѣлано секретно и держимо въ тайнѣ отъ крестьянъ" (!), чтобы мѣра эта не получила значенія „общаго правила" [1]). Подобнаго рода сужденія тѣмъ болѣе должны вызывать нѣкоторое недоумѣніе, что во всемъ, что касалось интересовъ дворянства, Кавелинъ въ тѣхъ же „запискахъ" и другихъ своихъ статьяхъ обнаруживалъ рѣдкое вниманіе къ этому „высшему, первенствующему сословію въ имперіи", которому онъ сулилъ грядущее „возрожденіе" [2]); видя въ дворянахъ „лучшихъ, достойнѣйшихъ представителей народа" или, какъ обыкновенно онъ выражался, „непросвѣщенныхъ массъ", „черни" [3]). Въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ „запискахъ" Кавелинъ очень много говоритъ объ интересахъ и выгодахъ „дворянства", требуя немедленной уплаты, безъ зачета долговъ и ссудъ, всей выкупной суммы дворянамъ [4]); выясняетъ имъ превосходство „вольнонаемнаго" труда на основѣ „свободнаго" соглашенія надъ крѣпостнымъ [5]); высказывается въ пользу передачи государственныхъ доходныхъ статей въ руки частныхъ предпринимателей [6]) и, наконецъ, установивъ—„вопреки всѣмъ теоріямъ"—естественный законъ общественнаго „неравенства", приходитъ къ тому выводу, что „во всѣхъ отношеніяхъ было бы удобнѣе управлять народомъ посредствомъ высшаго класса, который, по своему положенію между Верховной властью и низшими слоями общества, могъ бы служить наилучшимъ представителемъ всенародныхъ пользъ и ходатаемъ за нихъ" [7]). Такимъ образомъ, дворяне, „классъ самый просвѣщенный, самый зажиточный и самый сильный", вновь призывались Кавелинымъ къ власти, въ качествѣ „естественныхъ" начальниковъ освобожденныхъ массъ [8]). Но нигдѣ, быть-можетъ, это исключительное вниманіе къ дворянскимъ интересамъ не сказывалось у Кавелина такъ ярко, какъ въ вопросѣ о выкупѣ. Здѣсь, можно сказать, авторъ оказался позади не только многихъ своихъ предшественниковъ и современниковъ, но даже и правительства. Онъ рѣшительно высказался въ пользу не только выкупа земельнаго надѣла, но и личной свободы крѣпостныхъ. „Выплата" помѣщикамъ „денегъ за одну землю, не принимая въ расчетъ крѣпостныхъ людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна", такъ писалъ въ своей „Запискѣ" (1855 г.) Кавелинъ. „Несправедлива — потому что крѣпостные составляютъ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и земля; неуравнительна—по-

---

[1]) «Мысли», loc. cit. Ср. противоположныя заявленія Кавелина, ibid., стр. 38, 39.
[2]) Ibid., стр. 109, 128—129.
[3]) Ibid., 66, 72.
[4]) Ibid., стр. 47, 48.
[5]) Ibid., стр. 16—17, 25.
[6]) Ibid., стр. 14—15, 19.
[7]) Ibid., стр. 66—67, 69—72. Авторъ неоднократно высказывался при этомъ противъ «бюрократіи», въ которой онъ видѣлъ «необходимый плодъ взаимной вражды и недовѣрія сословій».
[8]) Ibid., стр. 67

тому что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, преимущественно густо-населенныхъ и земледѣльческихъ, земли имѣютъ большую цѣнность, а крѣпостные—почти никакой". „Итакъ, — заключаетъ Кавелинъ, — владѣльцевъ слѣдуетъ вознаградить за выкупаемыхъ у нихъ крѣпостныхъ самымъ простымъ и самымъ справедливымъ образомъ: оцѣнить крѣпостныхъ съ слѣдующею имъ землею по существующимъ на мѣстѣ цѣнамъ"[1]. На томъ же основаніи Кавелинъ высказался и за выкупъ „дворовыхъ людей"[2].

Тѣ же тенденціи исключительнаго вниманія къ интересамъ дворянъ Кавелинъ обнаружилъ и въ дополнительной, второй, части своей „Записки" 1855 г., гдѣ, желая „обезпечить владѣльцамъ нужныя для нихъ рабочія силы" на другой день по освобожденіи ихъ рабовъ, онъ категорически высказался за установленіе въ пользу помѣщиковъ „на извѣстный срокъ" опредѣленныхъ обязательныхъ для крестьянъ „работъ, повинностей и службъ"[3]. И это былъ именно тотъ самый путь, на который стали при разработкѣ положенія о „временно-обязанныхъ крестьянахъ" редакціонныя комиссіи. Любопытно, что то же стремленіе Кавелина возможно „справедливѣе" отнестись къ владѣльческимъ интересамъ дворянства заставило его и въ вопросѣ объ опредѣленіи количества земли, подлежащей выкупу, и размѣровъ выкупной суммы по „справедливой оцѣнкѣ" высказаться за такой составъ оцѣночныхъ комиссій, при которомъ половина ея членовъ должна была состоять „по выбору изъ мѣстныхъ владѣльцевъ", половина же лицъ „по назначенію правительства"[4]. Крестьяне рѣшительно устранялись отъ всякаго участія въ этомъ, столь близкомъ для нихъ дѣлѣ[5].

Всѣ эти и подобныя имъ тенденціи тѣмъ болѣе обращаютъ на себя вниманіе, что, говоря такъ много и съ такой заботой объ интересахъ „владѣльцевъ", Кавелинъ почти совсѣмъ ничего не говоритъ о тѣхъ выгодахъ, какія желательно было бы предоставить бывшимъ „крѣпостнымъ" въ ихъ новомъ и не менѣе трудномъ положеніи. Въ чемъ должны заключаться необходимыя гарантіи свободы и хозяйственнаго преуспѣянія новаго крестьянства, этотъ вопросъ совершенно обойденъ авторомъ въ его „запискахъ" и проектахъ реформы. Благодаря означенной односторонности получается довольно своеобразное впечатлѣніе, какъ будто бы Кавелинъ сознательно принялъ на себя спеціальную миссію защиты дворянскихъ интересовъ... Въ дѣйствительности, однако, Кавелинъ вовсе не бралъ на себя задачи быть органомъ или адвокатомъ „владѣльцевъ", своекорыстно защищавшихъ тогда свои отжившія

---

[1]) Ibid., стр. 48.
[2]) Ibid., стр. 78.
[3]) Ibid., стр. 77.
[4]) Ibid., стр. 48—49.
[5]) Авторъ вообще относится недовѣрчиво къ народу, какъ «грубому, невѣжественному большинству», см., напр., ibid., стр. 66.

сословныя привилегіи [1]). Прежде всего въ аргументаціи автора „записокъ“ мы должны отмѣтить наличность нѣкоторой дозы дипломатіи, сказавшейся въ его непремѣнномъ стремленіи убѣдить во что бы то ни стало дворянъ въ огромныхъ выгодахъ реформы, именно, въ ихъ личныхъ интересахъ. Кавелинъ, въ самомъ дѣлѣ, направилъ всѣ свои усилія на устраненіе двухъ основныхъ препятствій, тормозившихъ, по его мнѣнію, реформу: нерѣшительности правительства и недоброжелательства и страховъ дворянства. Бросая мѣстами по адресу той и другой стороны справедливые упреки и горькія истины, Кавелинъ, главнымъ образомъ, имѣлъ цѣлью—убѣдить первыхъ въ томъ, что реформа необходима въ интересахъ „государственныхъ“, вторыхъ — въ томъ, что она необходима въ ихъ собственныхъ выгодахъ. Понятно, что при такой постановкѣ проблемы вопросъ о послѣдствіяхъ реформы для крестьянъ отходилъ на самый задній планъ и всѣ расчеты автора получали тотъ специфическій оттѣнокъ, о которомъ мы говорили уже выше. Подавленный всей закулисной обстановкой и тѣми треніями, при какихъ совершалось движеніе реформы особенно въ тѣхъ сферахъ, отъ которыхъ, казалось, всего болѣе зависѣла ея судьба, Кавелинъ невольно поддался впечатлѣніямъ почти совершенной безнадежности положенія вещей и потому не сумѣлъ, въ тѣсномъ кругу придворныхъ интригановъ и „реальныхъ“ политиковъ, оцѣнить съ достаточной глубиной истинныхъ основаній и движущихъ силъ освободительной эпохи. Иначе, разумѣется, онъ не заговорилъ бы въ 1857 г. о необходимости въ видахъ подготовки реформы привести „крѣпостное право въ его законныя (!) и справедливыя (?) границы“! [2]).

Но, конечно, не эти соображенія „внутренней политики“ опредѣляли въ конечномъ счетѣ основное направленіе и позицію Кавелина въ дѣлѣ крестьянской реформы. Первенствующая роль должна быть отведена здѣсь общему міровоззрѣнію автора „записокъ“, принадлежавшаго къ плеядѣ лучшихъ людей поколѣнія 40-ыхъ годовъ. Въ указанномъ смыслѣ Кавелинъ выступаетъ передъ нами, какъ чистѣйшей воды идеологъ и даже, если угодно, утопистъ. Глубоко вѣруя въ совершенно самобытныя національныя основы историческаго развитія русскаго народа, прошлое котораго, по его словамъ, „не похоже ни на какую другую исторію“ [3]), отрицая поэтому всякое значеніе за промышленнымъ и рабочимъ классомъ въ Россіи [4]) и отворачиваясь съ отвращеніемъ отъ западнаго капитализма, конституціонализма [5]) и, въ особенности, соціализма съ его „необузданными теоріями равенства“ [6]),

---

[1]) См. Ibid., стр. 114, 126 и др.
[2]) Ibid., стр. 92.
[3]) Сочиненія, т. I, стр. 7.
[4]) Op. cit., т. II, стр. 97, 128, 140, 154, 400.
[5]) Ibid., стр. 136, 138, 139, 141, 160. «Русскій Богъ (писалъ Кавелинъ позднѣе) избавилъ насъ отъ конституціонной лжи ограниченія царской власти», стр. 945 и сл.
[6]) Ibid., стр. 112, 114, 128, 160.

Кавелинъ, въ концѣ-концовъ, создалъ свою собственную или, правильнѣе, воспринялъ господствовавшую тогда теорію о томъ, что Россія пойдетъ и на этотъ разъ совершенно особеннымъ „своимъ путемъ", на которомъ ея ожидаетъ лучшее будущее, если только она сумѣетъ сохранить въ силѣ свои жизненныя начала — самодержавіе, дворянство и „мужика" съ его вѣрой въ „русскаго царя" [1]). Понятно, что, при такихъ условіяхъ, и въ своихъ проектахъ реформы Кавелинъ тѣснѣйшимъ образомъ связывалъ всѣ свои надежды въ грядущемъ съ судьбами единственнаго, по его мнѣнію, прогрессивнаго въ Россіи общественнаго сословія—дворянства, въ которомъ онъ видѣлъ „незыблемое основаніе для образованія у насъ консервативнаго аристократическаго начала", столь необходимаго намъ „во всѣхъ отношеніяхъ" [2]). Рѣшительно заявляя далѣе, что общественное неравенство и соціальное господство наиболѣе просвѣщенныхъ, сильныхъ и богатыхъ надъ грубымъ народомъ есть „законъ природы" [3]), Кавелинъ вывелъ отсюда, какъ норму, необходимость и желательность, съ отмѣной крѣпостного права, предоставить преобладающую роль дворянству въ новомъ общественномъ управленіи. Съ достаточной долей наивности онъ высказывалъ при этомъ мысль, что съ того момента, какъ падетъ ужасное рабство, стѣна, отдѣлявшая прежде дворянъ-землевладѣльцевъ отъ ихъ крѣпостныхъ, также немедленно рухнетъ и общіе интересы той и другой стороны создадутъ идеальную гармонію ихъ взаимоотношеній, возродивъ къ новой жизни одновременно и господъ и мужиковъ [4]). Но идеалистическія выкладки Кавелина должны были оказаться и дѣйствительно оказались сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Извѣстно, что позднѣе, убѣдившись въ полномъ крушеніи своихъ надеждъ, Кавелинъ съ глубокимъ разочарованіемъ долженъ былъ признать, что „крестьянская реформа" привела „совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія всѣ разсчитывали". „И мы тогда,—писалъ онъ въ 81 г.,—принадлежали" къ числу „добродушныхъ, непрактическихъ идеалистовъ... мечтали о томъ, что владѣльцы воспользуются отмѣной крѣпостного права для установленія иныхъ отношеній къ сельскому населенію, чѣмъ прежде; что они горячо примутся за поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня новыхъ гражданъ... Въ дѣйствительности же случилось то, чему, по состоянію нашей культуры, конечно, и слѣдовало быть", т.-е. общее разореніе [5]). Но такъ думалъ Кавелинъ спустя 20 лѣтъ послѣ реформы; въ 50-ыхъ же гг., какъ мы видѣли, ему вовсе не казалось, что такъ именно и должно было все совершиться. Тогда, наоборотъ, содѣйствуя тому, чему и „слѣдовало быть",

---

[1]) Ibid., стр. 35—36, 54, 68, 154 и мн. др.
[2]) Ibid., стр. 93.
[3]) Ibid., стр. 67, 111—112, 113, 115—116, 126, 127, 151, 156, 157, 160.
[4]) Ibid., стр. 72, 119—122, 627.
[5]) Ibid., стр. 395, 397, 648, 649, 656.

онъ былъ искренне убѣжденъ, что закладываетъ прочный фундаментъ того „небывалаго въ мірѣ“ общественнаго зданія, которое, не въ примѣръ Западу, должно было не только спасти Россію отъ „голоднаго пролетаріата“, „соціальной революціи“ и „конституціи“, но и утвердить общее довольство на началахъ естественнаго „неравенства“. Мы видѣли, что въ дѣлѣ крестьянской реформы Кавелинъ рѣшительно сталъ на сторону дворянства. Но онъ разумѣлъ подъ нимъ не то историческое дворянство, которое вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ ликвидировало и самого себя, инстинктивно сопротивляясь реформѣ, а идеологически созданное его фантазіей попечительное „сословіе“ землевладѣльцевъ, пекущееся о благосостояніи крестьянъ и „общемъ благѣ“. Дѣлая героическія усилія для того, чтобы подвинуть реформу по пути ея „справедливаго“ завершенія, Кавелинъ продолжалъ въ то же время вращаться въ кругу въ значительной мѣрѣ отжившихъ уже понятій, устарѣвшихъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ, на которыхъ лежала печать сгущенной реактивной атмосферы, нѣкогда ихъ породившей и продолжавшей ихъ питать наканунѣ реформы. Не будучи въ силахъ понять и въ должной мѣрѣ оцѣнить значеніе новыхъ соціальныхъ и политическихъ силъ, расшатавшихъ въ корнѣ старый порядокъ, не угадавъ ихъ грядущей роли, Кавелинъ въ рѣшительный моментъ отвернулся отъ исторической Россіи будущаго, поплатившись за это жестокимъ разочарованіемъ въ сознаніи своей роковой ошибки. Но „не въ судъ или въ осужденіе“ Кавелину говоримъ мы все это, а для того, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ и перспективѣ ту роль, какую сыгралъ этотъ искренній и убѣжденный поборникъ крестьянской эмансипаціи въ великомъ дѣлѣ 19 февраля 1861 года. Если Кавелинъ и ошибся въ своихъ расчетахъ и реформа не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ онъ отъ нея ожидалъ, то все это нисколько не умаляетъ его дѣйствительно крупныхъ заслугъ въ дѣлѣ раскрѣпощенія милліоновъ рабовъ, права которыхъ, какъ будущихъ гражданъ, по силѣ своего разумѣнія онъ неустанно отстаивалъ. Безкорыстное содѣйствіе дѣлу освобожденія, большое мастерство, съ какимъ формулировалъ Кавелинъ основныя начала реформы въ ихъ реально практической постановкѣ, обезпечиваютъ ему видное положеніе въ рядахъ дѣятелей преобразованія 19 февраля,—преобразованія, которое навсегда сохранитъ свое великое значеніе въ историческихъ судьбахъ русскаго народа. Утопистъ въ своихъ взглядахъ и надеждахъ на реформу, Кавелинъ, въ дѣйствительности, въ своихъ проектахъ оказался совершенно неожиданно для себя реалистомъ чистой воды, связавъ такимъ путемъ навсегда свое имя съ историческимъ актомъ отмѣны крѣпостного рабства въ Россіи.

Б. И. Сыромятниковъ.

Митрополитъ Филаретъ.

I. Графъ В. Н. Панинъ.

А. К. Дживелегова.

Такъ! Панинъ, Викторъ Панинъ, длинный, сумасшедшій! который формализмомъ убилъ остатокъ юридической жизни въ Россіи... Ха, ха, ха! Это мистификація!“ восклицалъ въ „Колоколѣ“ Герценъ, когда до него дошло первое извѣстіе о предстоящемъ назначеніи Панина предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. А когда извѣстіе оправдалось, въ „Колоколѣ“ появилась знаменитая статья, одѣтая въ траурную рамку. „Невѣроятная новость о назначеніи Панина подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ главою освобожденія крестьянъ“... гудѣлъ изъ-за рубежа негодующій набатъ. И считая дѣло освобожденія проиграннымъ, Герценъ призывалъ членовъ редакціонныхъ комиссій подать въ отставку.

Приблизительно такъ же смотрѣли на назначеніе Панина и въ Петербургѣ, и въ Россіи [1]). Такое объясненіе напрашивалось само собою. Крѣ-

[1]) Въ редакцію «Вел. Реформы» доставлено нѣсколько писемъ харьковскаго дѣятеля по освобожденію А. Г. Шретера къ ярославскому П. Н. Дубровину (оба члены губернскихъ комитетовъ, делегаты въ Петербургѣ и подписались подъ адресомъ пяти). Шретеръ пи-

постническая партія всегда находила, что редакціонныя комиссіи черезчуръ далеко зашли въ своемъ стремленіи отстоять крестьянскіе интересы. На царя дѣйствовали всячески съ цѣлью побудить его положить предѣлъ дальнѣйшему умаленію дворянскихъ правъ. Результатомъ и явилось появленіе Панина на славномъ посту Ростовцева.

Александръ, конечно, отлично зналъ, что онъ дѣлаетъ, отклоняя кандидатуру Ланского и выбирая Панина. Но онъ чувствовалъ, что этотъ шагъ какъ-то плохо вяжется со всей позиціей Верховной власти въ крестьянскомъ вопросѣ. И онъ старался сколько можно отнять у назначенія Панина его одіозный характеръ. Когда вел. кн. Елена Павловна рѣшилась выразить царю свое удивленіе по этому поводу, Александръ сказалъ ей: „Вы не знаете характера графа Панина. У него вовсе нѣтъ убѣжденій и будетъ только одна забота угодить мнѣ“. Приблизительно такія же слова пришлось слышать отъ царя Н. А. Милютину. И самъ Панинъ не отрицалъ, что его служебная философія именно такова и есть. Онъ говорилъ однажды вел. кн. Константину Николаевичу: „По долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнавать взглядъ государя. Если... государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ, съ тою же и даже съ большей энергіей, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“.

Однако какъ характеристика высочайшая, такъ и автохарактеристика были не совсѣмъ правильны. Вѣрно въ нихъ было то, что глава вѣдомства юстиціи и начальникъ редакціонныхъ комиссій—человѣкъ совершенно безпринципный. Насчетъ принциповъ дѣло, дѣйствительно, обстояло безнадежно. Адм. Грейгъ, передавшій потомству эту безподобную бесѣду съ вел. княземъ, далъ ей точную квалификацію, сказавъ, что „это самая откровенная защита подлости, какую онъ когда-либо слышалъ“. Но все это не значитъ еще, что у Панина не было убѣжденій. Этотъ деревянный человѣкъ, несомнѣнно, имѣлъ ихъ, и очень крѣпкія. И было бы вещью совершенно противоестественной, чтобы ихъ не было у помѣщика, владѣющаго огромными помѣстьями съ населеніемъ въ 21.000 крѣпостныхъ душъ и получающаго годовой доходъ до 136.000 руб., весь проживаемый. Такія убѣжденія, классовыя убѣжденія крѣпостника-аграрія, неискоренимы по самой своей природѣ. „По долгу

шетъ отъ 8 ноября 1859 г.: «Хрущовъ (ихъ третій компаньонъ по адресу) мнѣ очень коротко написалъ, что Я. И. Ростовцевъ боленъ и что вмѣсто его могутъ назначить другого предсѣдателя, разумѣется, олигархо-бюрократо-безземельнаго. Тогда прощай всякая надежда на мирное преобразованье Россіи. Узелъ завяжется въ Питерѣ, а безъ сомнѣнія, самимъ народомъ уничтоженіемъ Дворянства развязанъ будетъ—кровію!—и не въ Питерѣ, а въ цѣлой Россіи». «Я въ ужасѣ отъ этого извѣстія», писалъ А. И. Кошелевъ М. П. Погодину, увѣренный, что даже у такого корреспондента онъ встрѣтитъ сочувствіе. «Это извѣстіе поразило, какъ громомъ, всѣхъ свободъ и улучшеній», свидѣтельствуетъ Никитенко.

вѣрноподданнической присяги“ ихъ можно подавлять въ себѣ, но дѣйствовать въ той или иной формѣ они будутъ всегда. И они дѣйствовали. Въ редакціонныя комиссіи онъ шелъ съ плотоядной радостью, что ему въ руки попадаетъ вѣковая тяжба между помѣщиками и крестьянами и что у него будетъ возможность нажать всей своей увѣсистой пятерней на колеблющіеся вѣсы крестьянско-помѣщичьихъ отношеній. Онъ думалъ, что если уже суждено мужику сбросить крѣпостную петлю, душившую его три

Три эпохи тяжбы („Карик. Листокъ“ Данилова 1857 г.).

вѣка, то нужно сдѣлать такъ, чтобы онъ долго еще не могъ дышать совсѣмъ свободно. Ибо отъ того, что мужикъ не окончательно задыхается, по канонической теоріи всѣхъ крѣпостниковъ, неминуемо происходитъ ущербъ священнымъ правамъ дворянства.

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ очень вѣрно оцѣнивали эти простые факты, ибо первые же слухи о назначеніи Панина произвели въ нихъ средѣ настоящую панику. Впрочемъ, тутъ дѣйствовали не только опасенія соціальныхъ и политическихъ взглядовъ министра юстиціи. Ибо, и помимо нихъ,

фигура новаго начальника-предсѣдателя представлялась въ достаточной мѣрѣ нелѣпой и непривлекательной.

О немъ ходило множество разсказовъ и анекдотовъ, которые въ суммѣ давали нѣчто положительно устрашающее. Устрашала прежде всего стихійная глупость, водворенная на высокомъ посту и принявшая поэтому характеръ побѣдоносный. А еще больше—ея сочетаніе съ оригинально понимаемымъ долгомъ службы и непроходимой формалистикой. Изъ дней его молодости сохранился такой удивительный разсказъ. Онъ былъ вторымъ секретаремъ при посольствѣ въ Мадридѣ и, натурально, дѣлъ никакихъ не имѣлъ. Ибо какія могли быть дѣла у второго секретаря русскаго посольства въ Мадридѣ въ 1824 году? Но Панинъ не желалъ получать даромъ свое жалованіе. Онъ установилъ для себя особое дежурство: приходилъ въ опредѣленные дни въ недѣлѣ въ посольство, съ подушкою и проводилъ въ пріемной его, не раздѣваясь, цѣлыя сутки. Отдежуривъ, самъ себя смѣнялъ и уходилъ домой. Попавши на высокій постъ, онъ такой же исполнительности требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ. По нѣкоторымъ даннымъ онъ рѣшилъ, что нѣтъ на свѣтѣ того дѣла, котораго нельзя изучить въ двѣ недѣли, и соотвѣтственно этому назначалъ своимъ чиновникамъ сроки. Тѣ не досыпали ночи, заболѣвали отъ переутомленія, но доклады представляли во-время. Самъ онъ былъ величайшимъ изъ законниковъ - буквоѣдовъ, какихъ знала Россія въ николаевское время, столь богатое и безголовыми законниками, и виртуозами по части буквоѣдства. Его большой поклонникъ, Н. П. Семеновъ, разсказываетъ чудеса про его начитанность. Но если сопоставить эти разсказы съ фактами, то чудеса начинаютъ сильно напоминать арабскія сказки. Начитанность, повидимому, была того сорта, какою отличался гоголевскій Петрушка. По системѣ Петрушки Панинъ подходилъ и къ изученію законовъ. Въ 1832 году, когда онъ получилъ назначеніе въ товарищи министра юстиціи, онъ удалился въ свое имѣніе Марѳино, этотъ чудеснѣйшій изъ подмосковныхъ дворянскихъ эдемовъ, и тамъ... прочелъ подъ рядъ весь Сводъ Законовъ и вызубрилъ наизусть всѣ законы уголовные и гражданскіе. Н. П. Семеновъ—не тѣмъ будь помянутъ почтенный во многихъ отношеніяхъ дѣятель освобожденія—очень его за это хвалитъ. Но вѣра въ законъ у Панина была довольно своеобразная. Когда ему самому приходилось имѣть дѣло съ судомъ, онъ предпочиталъ апеллировать не къ закону, а ко взяткѣ, какъ къ способу болѣе вѣрному.

У себя въ министерствѣ это былъ настоящій сатрапъ, злой, придирчивый, безпощадный, холодный. Онъ требовалъ не простого подчиненія, а своего рода самоотреченія perinde ad cadaver: чтобы чиновникъ, хотя бы и крупный, такъ же ползалъ передъ нимъ на животѣ, какъ марѳинскій крѣпостной староста, чтобы безъ его приказанія не дѣлалось ничего, и, наоборотъ, разъ онъ что приказалъ, чтобы все исполнялось въ точности, хотя бы приказъ былъ

В. Н. Панинъ.

самый нелѣпый [1]). Не даромъ онъ такъ любилъ нарѣдкость вышколенныхъ ближайшихъ помощниковъ своихъ: Топильскаго и проч. Эти были подлинно преданы ему безъ лести, никогда никакимъ приказаніямъ не удивлялись, и если не могли чего исполнить, то отнюдь не отъ недостатка усердія.

Людей вообще Панинъ не любилъ, людского говора не переносилъ. Квартиру свою онъ порою предпочиталъ населять попугаями, притомъ нарочито заказывалъ покупать такихъ, которые „порѣчистѣе“. Съ ними онъ бесѣдовалъ съ удовольствіемъ, должно-быть, потому, что они не возражали, а если и возражали, то этимъ не нарушались правила субординаціи.

Вотъ этого нелюдимаго брюзгу и человѣконенавистника назначили въ предсѣдатели самой живой коллегіи того времени. И онъ остался вѣренъ себѣ. Первымъ долгомъ онъ пожелалъ узнать, какъ, въ какихъ шкапахъ и за какими печатями хранятся „дѣла“. Такъ какъ Ростовцевъ этими вопросами не интересовался, то никакихъ особенныхъ порядковъ по этой части не оказалось. Панину это уже не понравилось, и секретарь комиссіи П. П. Семеновъ долженъ былъ изобрѣтать всякія объясненія. Но совсѣмъ въ трагическомъ положеніи оказался П. П. Семеновъ, когда Панинъ освѣдомился о „секретныхъ“ дѣлахъ. Онъ такъ былъ убѣжденъ, что во всякомъ уважающемъ себя „присутствіи“ обязаны находиться въ наличности секретныя дѣла, что даже не спросилъ, имѣются ли они. А ихъ какъ разъ не было, потому что Ростовцевъ не признавалъ канцелярскихъ секретовъ. Но Панинъ, рѣшивъ, что Семеновъ хитритъ и не желаетъ показывать ему секретныхъ дѣлъ, принялъ строгій тонъ. Тогда Семеновъ, наскоро собравъ нѣсколько папокъ въ какой-то ящикъ, съ таинственнымъ видомъ принесъ его къ Панину и объявилъ, что это и есть секретныя дѣла. Панинъ успокоился. Въ комиссіяхъ много смѣялись. Но сквозь смѣхъ чувствовали, что этотъ старый маньякъ принесетъ съ собою совсѣмъ другой духъ.

Ростовцевъ умѣлъ поддерживать въ комиссіяхъ атмосферу необыкновеннаго добродушія, непринужденности и интимности, не только не мѣшавшую напряженности работъ, но даже усиливавшую ее. Происходили, напримѣръ,

---

[1]) Н. И. Семеновъ приводитъ много анекдотовъ этого сорта. Разъ просилъ отпуска по болѣзни одинъ изъ начальниковъ отдѣленія. Панинъ разрѣшилъ, но по безтолковости написалъ фамилію другого. Отпускъ былъ на 4 мѣсяца безъ сохраненія содержанія. Уволенный въ отпускъ, который чувствовалъ себя великолѣпно, объ отпускѣ не просилъ и только зря лишался жалованія, взмолился, чтобы Топильскій разъяснилъ Панину, въ чемъ дѣло. Топильскій наотрѣзъ отказался, говоря, что все равно ничего не выйдетъ: графъ не измѣнитъ своего рѣшенія. Пришлось прождать недѣли двѣ и затѣмъ писать заявленіе, что болѣзнь прошла и такой-то желаетъ вернуться къ исполненію обязанностей. А настоящему больному, который тѣмъ временемъ ждалъ, выхлопотали особый отпускъ. Другой разъ нужно было выдать деньги нѣкоему Деноткину. Панинъ, опять по безтолковости, написалъ: выдать Домонтовичу. И ни за что не хотѣлъ измѣнить рѣшенія. Наконецъ его уломали. Онъ согласился, положивъ такую поистинѣ умилительную резолюцію: «Деноткинъ то же, что Домонтовичъ. Выдать Деноткину по хозяйству Домонтовича».

такія сцены. „А кто васъ нынче причесывалъ?“ спрашиваетъ вдругъ предсѣдатель у П. А. Булгакова. „А что?“ — „Есть въ васъ что-то особенное и необыкновенное“. И обращается къ А. Н. Татаринову: „Не правда ли?“ Тотъ, посмотрѣвъ, подтверждалъ, что Булгаковъ дѣйствительно причесанъ не такъ, какъ всегда. Тогда Булгаковъ, къ общему удовольствію, разсказываетъ, что былъ въ банѣ и что у тамошняго парикмахера метода особенная. Всѣ успокоиваются и переходятъ къ очереднымъ дѣламъ [1]). Или еще. Ростовцеву кажется, что Арапетовъ плохо слушаетъ. И, прервавъ пренія, ласково спрашиваетъ его: „О чемъ вы такъ задумались, Иванъ Павловичъ?“— „Ни о чемъ особенномъ“, отвѣчаетъ тотъ. И возобновляются разсужденія о безсрочномъ правѣ выкупа [2]). Предупредительная деликатность Ростовцева могла доходить до того, что въ день именинъ кн. В. А. Черкасскаго къ завтраку подавали шампанское и предсѣдатель поднималъ бокалъ за здоровье именинника. То же было и тогда, когда предсѣдательство временно исполнялъ Булгаковъ. Однажды, когда нужно было уже начинать, а Н. А. Милютинъ съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ продолжали стоя бесѣдовать, Булгаковъ крикнулъ имъ: „Генералы, что же вы не садитесь?“— „Сейчасъ“, отвѣтили тѣ, продолжая разговаривать. И Булгаковъ открылъ засѣданіе, не дожидаясь ихъ и громко ворча: „Бѣда — высокій чинъ“ [3]). Фамильярность какъ въ хорошо спѣвшейся компаніи перестала коробить и отлично уживалась съ серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу.

Гр. В. Н. Панинъ.

Теперь все сдѣлалось по-другому. 24 февраля 1860 года въ зданіе, гдѣ собирались комиссіи, пришелъ огромный, нескладный, съ длинными, какъ у орангутанга, руками, человѣкъ, сурово и строго оглядѣлъ всѣхъ поверхъ очковъ и сталъ слушать фамиліи членовъ комиссій, которыя называлъ ему Булгаковъ. Нѣкоторые избранники сподобились рукопожатія. Большинству пришлось удовлетвориться кивкомъ, болѣе или менѣе небрежнымъ. Многіе обидѣлись. Всѣ приступили къ дѣлу надутые. На столахъ, гдѣ до тѣхъ поръ были разложены сигары и папиросы, было пусто. Предсѣдатель называлъ всѣхъ „господинъ такой-то“, что тоже не способствовало водворенію большой пріятности. Тонъ въ обращеніи съ членами комиссій былъ сначала дико-на-

[1]) Н. П. Семеновъ, «Освоб. крестьянъ», т. I, стр. 661.
[2]) Н. П. Семеновъ, тамъ же, стр. 459.
[3]) Семеновъ, II, 271.

чальническій. Панинъ привыкъ, чтобы у него въ министерствѣ передъ нимъ трепетали и пресмыкались Топильскіе и Лалаевы, и попробовалъ показать свои пріемы и здѣсь. Но здѣсь что-то не выходило. Люди были вѣжливы, но въ нихъ не было ни малѣйшаго подобострастія. Предсѣдательскія мнѣнія они выслушивали до конца, но отъ своихъ не отказывались. Хмурились и поднимались въ удивленіи брови самодура-сановника. Снова отчетливо пробовалъ онъ втиснуть свою точку зрѣнія. Снова встрѣчалъ твердое сопротивленіе, и съ растерянной гримасой глядѣлъ кругомъ, не соображая ничего. Такъ старый филинъ, котораго выволокли изъ лѣсной чащи на свѣтлую поляну, хлопаетъ глазами и щурится, и ерошитъ перья, не понимая, откуда вдругъ это яркое солнце, которому быть тутъ по его, филинскимъ, привычкамъ не полагается. Но не хотѣлъ сдаваться такъ просто Панинъ и однажды попробовалъ было расшечь Черкасскаго такъ, какъ распекалъ у себя въ министерствѣ чиновниковъ. Черкасскій немедленно тутъ же такъ отчиталъ его, что послѣ засѣданія онъ, старый Панинъ, сатрапъ-самодержецъ Министерства Юстиціи, не позволявшій никому сомнѣваться въ своей непогрѣшимости, подошелъ къ нему извиниться: „Мнѣ очень совѣстно передъ вами, князь“ и проч. и проч. Даже П. А. Булгакову понравилась вся эта исторія, и онъ довольнымъ тономъ сказалъ Черкасскому: „Хорошо. По крайней мѣрѣ, будетъ знать, что имѣетъ дѣло не съ чиновниками, а съ людьми“ [1]). А потомъ начались конфликты на принципіальной почвѣ, гдѣ главнымъ противникомъ Панина — и побѣдоноснымъ — выступилъ Милютинъ [2]). Понемногу, понемногу Панинъ, что называется, обдержался. Члены редакціонныхъ комиссій раздѣлились для него на двѣ половины. Въ одной его непосредственные подчиненные изъ Министерства Юстиціи, для которыхъ онъ продолжалъ оставаться строгимъ начальникомъ. Эти — М. Н. Любощинскій, Н. П. Семеновъ—часто вынуждены были страха ради іудейска скрывать свои мнѣнія и отказываться отъ нихъ. Любощинскій дѣлалъ это съ резиньяціей, Семеновъ—порою довольно развязно. Съ другой группой, въ которую попало большинство, Панинъ день ото дня становился мягче. Онъ научился если не всѣхъ, то многихъ называть по имени и отчеству, перекидывался кое съ кѣмъ шуточками, смѣялся и однажды, къ великому изумленію всѣхъ, завелъ съ Милютинымъ средп дѣлового обсужденія разговоръ о цвѣтахъ [3]). Панинъ

П. Н. Игнатьевъ.

[1]) Н. П. Семеновъ, т. II, стр. 807—808 и 822—824.
[2]) См. статью о Н. А. Милютинѣ.
[3]) Сем., т. III, 2, 187.

и цвѣты! Правъ былъ Н. П. Семеновъ, передавая потомству этотъ разговоръ, какъ нѣчто въ высокой степени сверхъестественное.

Однако, поневолѣ уступая во многомъ ростовцевскому либеральному духу, прочно воцарившемуся въ комиссіи, Панинъ по существу все время продолжалъ проводить по-своему очень искусную политику обструкціи въ интересахъ дворянства. Когда Милютинъ сокрушилъ его открытую атаку на принципы, принятые редакціонными комиссіями, Панинъ перешелъ къ системѣ мелкаго измора: затягивалъ съ помощью Булыгина, Н. П. Семенова и другихъ своихъ друзей пренія, задерживалъ утвержденіе протоколовъ, назначалъ засѣданія въ дни, завѣдомо неудобные для большинства, не гнушался даже просто подтасовывать журналы,—словомъ, „дѣйствовалъ какъ стрихнина, наводя столбнякъ и окочененіе на все живое мертвящимъ формализмомъ и убійственной буквой“ (Герценъ). На этой почвѣ произошло его знаменитое столкновеніе съ Милютинымъ [1]), безпощадно разоблачившимъ обманъ. Въ концѣ-концовъ, мужественное и стойкое сопротивленіе утомило Панина. Онъ не привыкъ жить въ такомъ постоянномъ напряженіи, не привыкъ къ тому, что одно и то же приходится говорить десять разъ и все-таки изъ этого ничего не выходитъ. Въ министерствѣ Топильскій умѣлъ по лицу угадывать, что нужно его шефу, а странные люди въ комиссіяхъ заставляли его твердить одно и то же безъ конца и дѣлали по-своему. Панинъ пришелъ въ состояніе весьма меланхолическое и съ грустью сказалъ однажды: „Нѣтъ, надо признаться, время тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошло безвозвратно“.

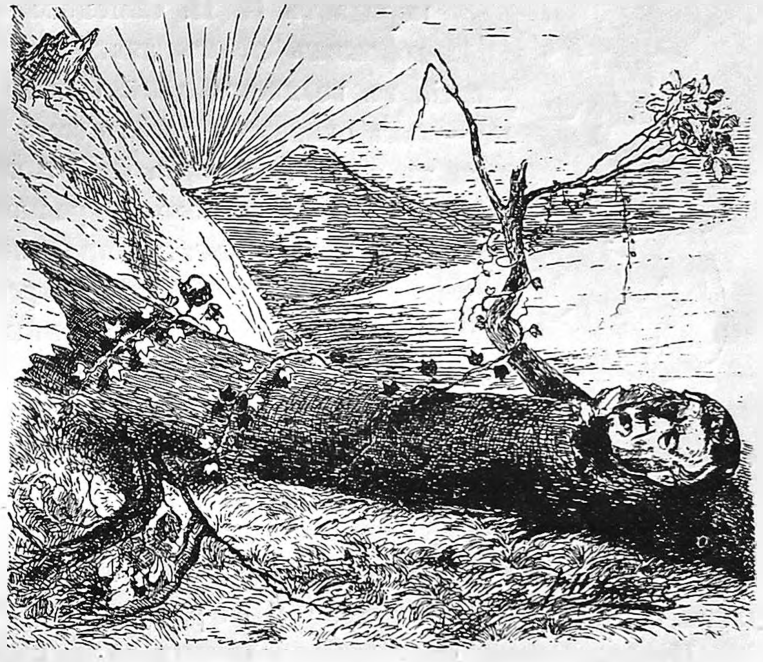
Сдаваться, тѣмъ не менѣе, онъ не думалъ. У него оставался еще шансъ. Терпя постоянныя пораженія, онъ сообразилъ, что онъ можетъ еще сосчитаться съ комиссіями въ Главномъ Комитетѣ, гдѣ не будетъ ни Милютина, ни Черкасскаго, ни Самарина, которые внушали ему такой страхъ. И хотя онъ объявилъ въ комиссіяхъ, что считаетъ „безчестнымъ“ говорить тутъ одно, а въ Главномъ Комитетѣ—другое, но именно эта „безчестность“ позднѣе демонстрировалась имъ съ величайшимъ цинизмомъ. Да и всѣ его благородныя заявленія въ редакціонныхъ комиссіяхъ были, какъ оказалось, сплошнымъ лицемѣріемъ. Благородства якобы ради онъ, предсѣдатель комиссій, отказался подписать выработанный комиссіями проектъ положенія о крестьянахъ: чтобы не отрѣзывать себѣ пути къ самостоятельнымъ выступленіямъ въ Главномъ Комитетѣ. А своему Топильскому онъ прямо говорилъ: „Въ редакціонныхъ комиссіяхъ я всего говорить не буду. Мнѣ необходимо для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта оставить зады“ [2]). Эта отвратительная, продиктованная однимъ голымъ интересомъ, трусливо-вѣроломная политика по-

---

[1]) См. статью о Н. А. Милютинѣ.

[2]) Н. П. Семеновъ, т. III, ч. I, 431, ч. II, 740.

казываетъ, какъ цѣпко держались въ Панинѣ „убѣжденія“ крѣпостника. Настойчивости вел. к. Константина Николаевича [1]), искусству и знаніямъ П. П. Семенова удалось побѣдить, въ концѣ-концовъ, систематическое, проводившееся съ хорошо сознанной цѣлью, но, какъ всегда, довольно безтолковое упорство. Кое въ чемъ важномъ Панинъ уступилъ, но и вреда надѣлалъ онъ не мало. Особенно въ заключительный моментъ проведенія реформы, когда на помощь къ нему пришелъ другой такой же, какъ онъ, крѣпостникъ, только пропитанный насквозь елеемъ, московскій митрополитъ Филаретъ [2]). Этому союзу Россія обязана тѣмъ, что манифестъ 19 февраля, подъ которымъ стоитъ подпись Александра II, оказался полонъ заявленіями, недостойными того акта, который имъ возвѣщался.

Лежитъ здѣсь дубъ перунами разбитый (каррикатура на Панина „Гудокъ“ 1862 г.).

И тѣмъ не менѣе Панинъ обезсмертилъ себя. Правда, это безсмертіе довольно сомнительнаго сорта, но какъ-никакъ, говоря объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, нельзя не упомянуть имени Виктора Панина. Этотъ бездарный, элементарнонеумный, едва ли совсѣмъ нормальный чиновникъ, этотъ несчетно-богатый, но алчный и холодно-жестокій помѣщикъ, приложилъ-таки свою печать къ великому акту, который среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ ковала и съ такимъ трудомъ выковала кучка гражданъ-кузнецовъ.

И оцѣнивая роль Панина, потомство долго еще будетъ останавливаться въ изумленіи передъ его дикой фигурой, долго недоумѣвая будетъ на всѣ лады и на всѣ интонаціи повторять ироническое восклицаніе Герцена: «o, Altitudo!»

А. Дживилеговъ.

---

[1]) Объ этомъ см. въ статьѣ акад. А. Ѳ. Кони о в. к. Константинѣ Николаевичѣ.

[2]) См. статью о Филаретѣ.

II. Митрополитъ Филаретъ—дѣятель крестьянской реформы.

С. П. Мельгунова.

Филаретъ получилъ золотую медаль, установленную за труды по крестьянскому дѣлу, и впослѣдствіи, какъ передаетъ Н. П. Семеновъ въ своей хроникѣ, „очень дорожилъ этимъ знакомъ“ официальной отмѣтки его участія въ великомъ дѣлѣ (Мат., III, 2, 778). „Великое дѣло“—такъ охарактеризовалъ самъ Филаретъ реформу 19 февраля въ письмѣ 8 марта 1865 г. къ оберъ-прокурору Синода А. П. Ахматову по поводу предположенія соорудить въ Москвѣ часовню въ память Бородинскаго сраженія. Вспоминая, что „во время освобожденія крестьянъ не одинъ поздній голосъ, но многіе благовременные голоса возвысились, съ изъявленіемъ желанія въ память сего событія, посредствомъ добровольныхъ приношеній, воздвигнуть въ Москвѣ, въ качествѣ памятника, новый храмъ“, московскій митрополитъ писалъ: „И не должно отъ предпринятаго важнаго дѣла отвлекать вниманіе народа къ другому менѣе важному, тѣмъ паче, что памятниковъ 1812 года есть уже довольно, а памятника великому дѣлу освобожденія крестьянъ еще ожидаетъ патріотическое чувство“ (Собр. мнѣній, т. V, 2, 668).

Итакъ, полное сочувствіе великому дѣлу, горделивое сознаніе того, что исторія зачислила его въ славную плеяду дѣятелей „великой реформы“... Какъ разительно, однако, противорѣчатъ процитированныя мысли всему тому, что дѣлалъ и писалъ митрополитъ Филаретъ въ то время, когда потомство не воздвигало еще памятниковъ великому дѣлу, когда это дѣло, прославившее современниковъ, еще лишь подготовлялось, когда оно рождалось въ мукахъ борьбы съ своекорыстными вожделѣніями крѣпостниковъ и когда, наконецъ, каждый моментъ можно было ожидать подъ натискомъ дворянской реакціи провала „великаго дѣла“. Въ эту эпоху Филаретъ не былъ въ рядахъ истинныхъ дѣятелей реформы, онъ былъ въ станѣ несочувствующихъ, пытавшихся запугать правительство и добиться отсрочки. Панинъ и Филаретъ шли руку объ руку. Только Филаретъ былъ человѣкъ умный и осторожный, не выставлявшій на показъ своихъ убѣжденій, когда позиція не была еще достаточно ясна.

Современники о „другѣ добродѣтели“, какъ именуется Филаретъ въ частной перепискѣ высокопоставленныхъ особъ, получили не совсѣмъ, пожалуй, вѣрное представленіе. Они рисуютъ намъ несимпатичный обликъ, но обликъ человѣка сильной и непреклонной воли. „Филаретъ,—записала

В. С. Аксакова въ своемъ дневникѣ 1855 г., — совершенный государь Николай Павловичъ; та же система и то же убѣжденіе и та же сила воли. Человѣкъ геніальный, но въ какихъ тѣсныхъ рамкахъ“ („Мин. Г.“, XII, 221). Филаретъ, пишетъ она же 27 ноября 1854 г., „возбуждаетъ негодованіе въ душѣ каждаго подчиненнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ порабощаетъ всѣхъ своимъ вліяніемъ“ (VIII, 112). Онъ „мелочный, бездушный, тщеславный, недостойный великаго своего сана“ (XII, 239). Но въ чемъ же проявлялась та сила воли, которой якобы отмѣчена долголѣтняя дѣятельность московскаго Златоуста? У него была „та же система и то же убѣжденіе“, онъ горячо ратовалъ противъ всякихъ „невѣрныхъ мыслей“ [1]) и „избыточествующей терпимости“ и, тѣмъ не менѣе, не могъ подладиться подъ тонъ господствующей официальной идеологіи. Не оттого ли, что „геній“ и въ „тѣсныхъ рамкахъ“ не можетъ ужиться съ „мѣщанской“ идеологіей? Нѣтъ, потому, что Филарету не вѣрили, не вѣрили его искренности, боялись изворотовъ его тонкой политики. Его цѣнили, какъ „наиболѣе краснорѣчиваго проповѣдника“, какъ незамѣнимаго игрока логическими формулами византійскаго богословія. Къ нему обращались во всѣхъ казуистическихъ случаяхъ, но держали въ сторонѣ. Самолюбіе Филарета отъ этого страдало, но прирожденная осторожность всегда заставляла его, тѣмъ не менѣе, держаться на полпути... Такимъ не могъ быть человѣкъ сильной воли. Имъ готовы были восторгаться, но ему не вѣрили. И поэтому И. С. Аксаковъ могъ сказать въ письмѣ къ Кошелеву (въ 1853 г.): „Я уже видѣлъ многихъ, обращающихся къ христіанству чтеніемъ La case d'oncle Tom, и не видѣлъ еще ни одного, обращеннаго проповѣдями Филарета“ (Письма, III, XIII).

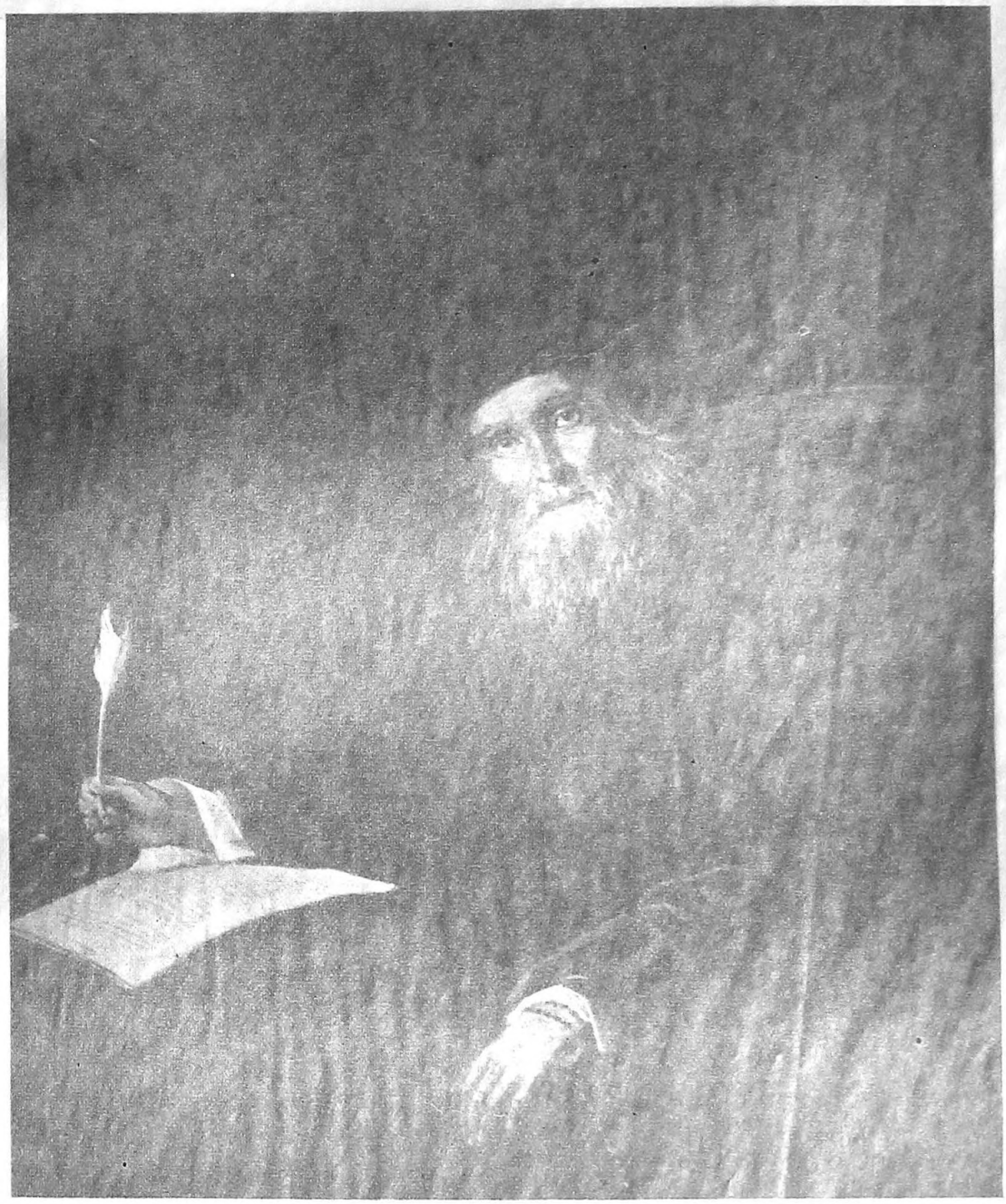
А. П. Щаповъ.

Присущая Филарету осторожность не оставила его и въ періодъ подготовки крестьянской реформы. Не сочувствуя ей, онъ предпочиталъ на первыхъ порахъ занять выжидательное положеніе и отмалчиваться на поступавшіе къ нему запросы. „Ко мнѣ пришелъ одинъ дворянинъ, — пишетъ Филаретъ своему лаврскому намѣстнику Антонію 8 декабря 1858 г., — предлагаетъ, чтобы я сказалъ правительству о неудобности принимаемыхъ мѣръ

[1]) Онъ былъ въ данномъ случаѣ столь энергиченъ, что даже Бенкендорфу приходилось убѣждать Филарета, что не стоитъ вмѣшиваться въ пустяки «такой почтенной духовной особѣ» (Никитенко, I, 240).

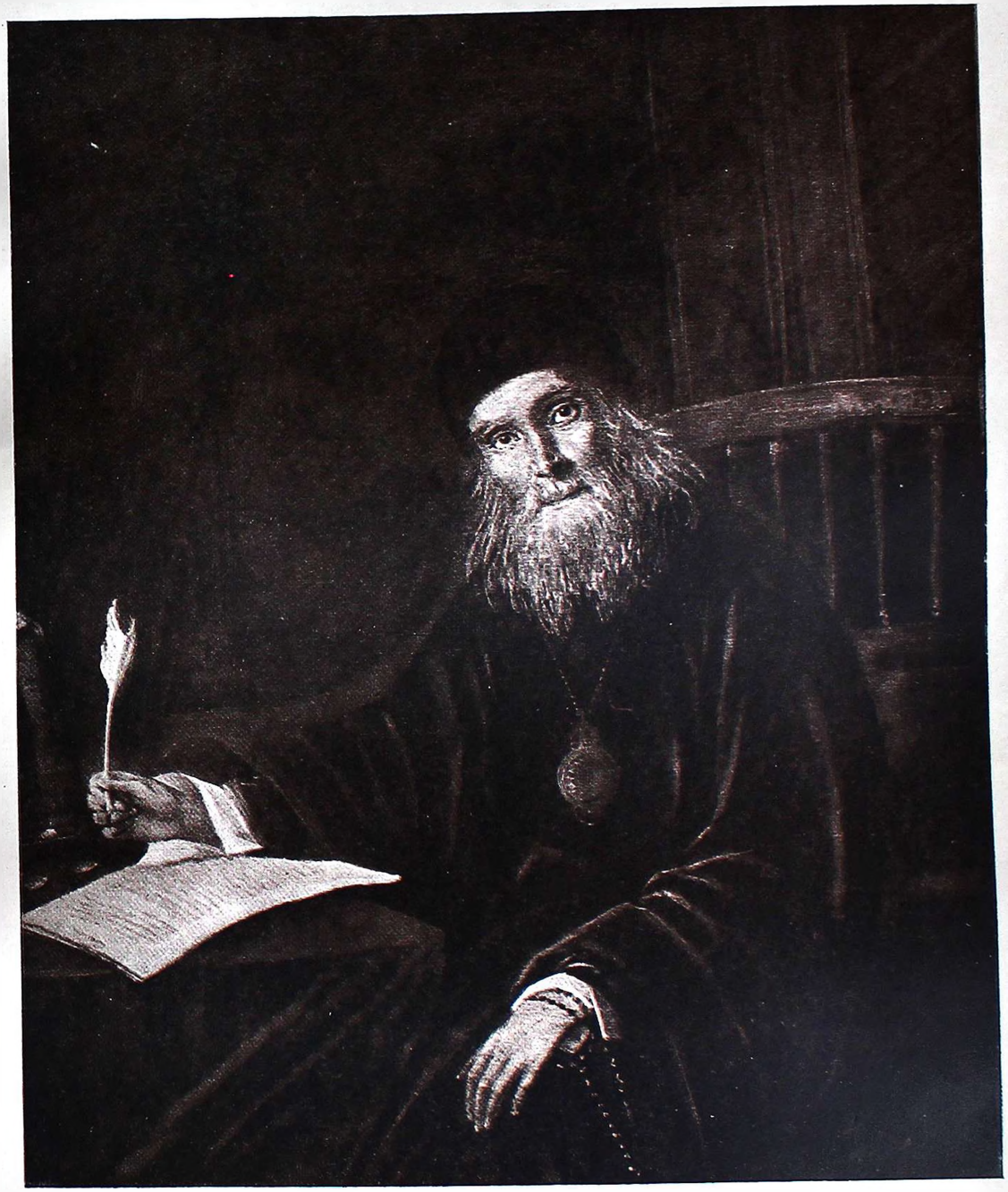
относительно крестьянъ; потому что дворяне недоумѣваютъ и ничего не дѣлаютъ. Я отвѣчалъ, что это внѣ круга моихъ обязанностей" (Письма, IV, 138). Филаретъ не одобряетъ путь, на который вступило новое правительство въ крестьянскомъ вопросѣ. Было бы лучше поступить по-старому, по-патріархальному: „добрые помѣщики" могли бы „хорошо" растолковать дѣло крестьянамъ, писалъ Филаретъ тому же лицу 3 января 1858 г., и постановить съ ними „обдуманныя соглашенія". „Одинъ помѣщикъ,—сообщаетъ митрополитъ,—призвалъ старшинъ своихъ крестьянъ, далъ имъ прочитать, что предложено отъ правительства; и, хотя первое слово ихъ было: лучше по-старому, но, видя необходимость, они стали разсуждать о соглашеніи". Идеаломъ Филарета является безземельное освобожденіе крестьянъ; при такихъ условіяхъ „добрый помѣщикъ" сохранитъ свое отеческое вліяніе надъ крестьянами; не будетъ умножаться нищенство, не будутъ продаваться съ аукціона за неуплату податей „усвоенныя крестьянамъ усадьбы" и т. д. (Письма, IV, 71). Но Филаретъ чувствуетъ, что его пожеланія, цѣликомъ примыкавшія къ прошлому офиціальной идеологіи, теперь уже неосуществимы. „Трудно представить,—пишетъ онъ Антонію 22 января 1858 г.,—что можно было бы благонадежно сдѣлать, когда дѣло получило ходъ; возвратиться неудобно"... Лучше до времени воздержаться; это „не мое дѣло"—таково окончательное заключеніе Филарета.

Естественно, что при такихъ условіяхъ Филаретъ отнесся съ полнымъ отрицаніемъ къ выступленіямъ въ печати нѣкоторыхъ представителей высшаго духовенства по поводу готовившейся реформы. Выступленія эти были очень умѣренны и рѣдки, такъ какъ большинство іерарховъ принадлежало къ числу несочувствовавшихъ. Въ сущности только два-три выступленія привлекли къ себѣ извѣстное общественное вниманіе. Такъ, обратили на себя вниманіе слова епископа калужскаго и боровскаго, сказанныя въ рѣчи при открытіи дворянскаго собранія въ 1858 г: „улучшить бытъ крестьянъ—дѣло богоугодное" (Воспом. объ Арцимовичѣ, 765). Это очень не понравилось оберъ-прокурору Синода гр. А. П. Толстому, и тотчасъ же Филарету летитъ тревожное письмо: „Въ церковную словесность нашу проникаетъ подражаніе словесности свѣтской, происходящее, кажется, отъ человѣкоугодія... Требуется, кажется, нѣкоторая предусмотрительность, чтобы наша духовная словесность не уподоблялась растлѣнной словесности свѣтской". Надо обуздать „человѣкоугодіе" духовной прессы, и Толстой обращается за помощью къ Филарету, всегда готовому устранить это непозволительное „своеволіе мысли и слова" (Письма, II, 76). Но особенно негодовали Толстой и Филаретъ на органъ казанской духовной академіи „Православный Собесѣдникъ", который, дѣйствительно, выдѣлился среди духовныхъ журналовъ того времени, т.-е. обнаружилъ нѣкоторые „признаки жизни". Въ то время, когда „Христіанское Чтеніе", журналъ петербургской духовной академіи, не обмолвилось ни

Митр. Фипаретъ.

(Музей *Щукина*).

однимъ словомъ въ періодъ освобожденія, въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ появилось (цитированное уже раньше) [1]) „Слово объ освобожденіи крестьянъ“ арх. Іосифа; здѣсь же была напечатана и статья А. П. Щапова „Голосъ древней русской Церкви въ пользу несвободнаго сословія“. Статья Щапова являлась прямымъ укоромъ Церкви, отмалчивавшейся въ періодъ, когда подготовлялась самая жизненная для Россіи реформа. Филаретъ, по словамъ Н. П. Гиляров-Платонова, „разозлился“ и выхлопоталъ указъ о подчиненіи „Правосл. Соб.“ строгой цензурѣ. Осторожный Филаретъ не выдержалъ здѣсь роли и воскликнулъ даже по поводу ссылки Щапова на Даніила Заточника: „Вотъ взялъ каторжника и думаетъ имъ защищать свои мысли“ (Барс. XVI, 77). Правда, немногія выступленія духовной журналистики были болѣе чѣмъ скромны и большой опасности не представляли, какъ прекрасно понималъ Толстой, писавшій Филарету: „Потворствуя любимымъ мыслямъ современнаго общества, сочиненія нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ писателей не возбудятъ сочувствіе людей съ противнымъ образомъ мыслей“. „Потворство“ заключалось въ томъ, что „христіанство“, по мнѣнію, напр., арх. Іосифа, не поддерживаетъ рабства; оно даже возвышаетъ его до идеи высшей духовной свободы... оно исключаетъ неограниченную власть „господства идеею высшей правды и любви“... „Христіанство представляетъ всѣхъ людей братьями во Христѣ: оно заключаетъ въ себѣ благодатныя права и духовныя блага равно для всего человѣчества“. Въ силу этого „ни рожденіе, ни общественная необходимость, ни гражданскій законъ не могутъ узаконять рабства“. Эти теоретическія разсужденія, очень далекія отъ начавшейся уже практической работы по подготовкѣ крестьянской реформы и отнюдь не шедшія въ разрѣзъ съ правительственной идеологіей казались неумѣстными потому, что они, не возбудивъ собою сочувствія въ прогрессивныхъ кругахъ, „только огорчатъ или соблазнятъ людей, приверженныхъ къ Церкви“, какъ писалъ въ томъ же письмѣ Филарету Толстой. Лучше молчать, пока дѣло еще не рѣшено: „Вопросъ о крестьянахъ темный, спорный, неразрѣшенный, не позволяющій еще предвидѣть, какое будетъ рѣшеніе, таковъ, что о немъ только по необходимой обязанности говорить можно, и то съ большой осторожностью“, писалъ Филаретъ тульскому епископу Алексѣю 21 февраля 1859 г. Самое большее, что можно сказать, что государь „печется о возвышеніи всѣхъ сословій, не исключая и низшихъ“... „Можетъ случиться, что мы не угадаемъ мысли правительства“ и можемъ „на дорогѣ политической оступиться въ яму“ (Бар. XVI, 77). Этого больше всего и боялся чрезмѣрно осторожный Филаретъ.

Разгорается борьба, за кулисами которой тонко плететъ кружева реакціи митрополитъ Филаретъ. Реформа неизбѣжна, опредѣленно намѣчается и ея

[1]) См. статью «Эпоха официальной народности», III т.

характеръ, которому такъ не сочувствуетъ Филаретъ, до послѣдняго дня все еще мечтавшій, что, можетъ-быть, одержитъ „мнѣніе тѣхъ, которые желаютъ постепеннаго введенія новаго порядка“, т.-е. „лукаво думаетъ“, по характеристикѣ въ воспоминаніяхъ сенатора Лебедева („Р. Арх.“, 1910, I, 101), что за „эти годы пояснительные указы“ Сената „успѣютъ утвердить безобидную доктрину“... Наконецъ дѣло приближается къ концу. Приходится подумать о составленіи манифеста, который объявитъ народу „радостную вѣсть“ о свободѣ. И документъ этотъ суждено было составить митрополиту Филарету. Здѣсь Филарету впервые пришлось выступить въ роли активнаго дѣятеля великой реформы и въ награду получить за то золотую медаль, установленную для членовъ редакціонныхъ комиссій „за труды по освобожденію крестьянъ“.

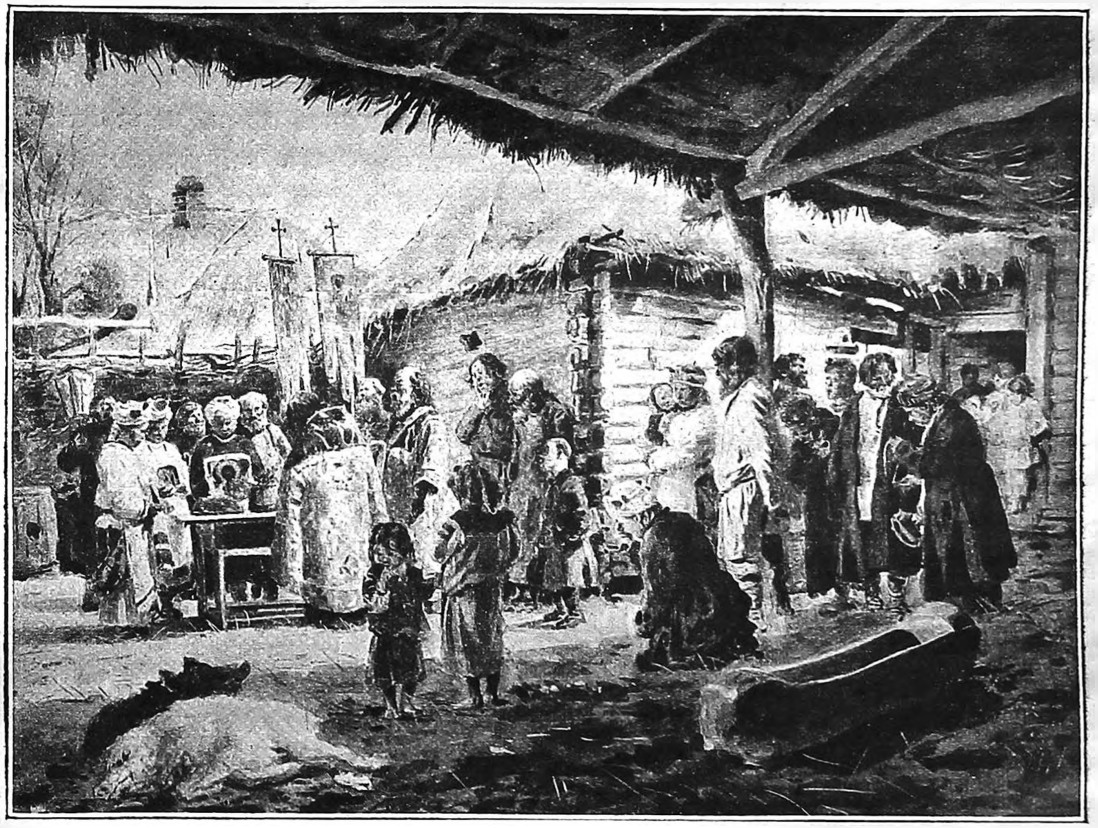
Исторія составленія манифеста разсказана уже не разъ, и въ очеркахъ Джаншіева, и Барсуковымъ, и въ хроникѣ Семенова. Но повторимъ еще разъ въ юбилейныя даты этотъ любопытный эпизодъ, столь характерный для эпохи, когда осуществлялось „великое дѣло“ освобожденія крестьянъ.

Проектъ манифеста былъ составленъ Ю. Ѳ. Самаринымъ при содѣйствіи Н. А. Милютина. Проектъ былъ не изъ удачныхъ; написанный длинно, канцелярскимъ языкомъ со всѣмъ неизбѣжнымъ аксессуаромъ въ видѣ призыва къ повиновенію предержащимъ властямъ, повидимому, долженъ былъ бы удовлетворить гр. Панина; однако послѣдній его не одобрилъ, какъ „въ отношеніи высокаго и особаго слова, составляющаго обычную принадлежность манифестовъ, такъ и въ отношеніи выборки изъ положеній того существеннаго, что, главнымъ образомъ, требовалось объявить тогда простому и малограмотному народу“ (Семеновъ, „Проекты манифеста“, „Рус. Вѣстн.“, 1891, VI, 45). Не стиль, а, вѣроятно, категоричность нѣкоторыхъ утвержденій въ самаринскомъ проектѣ не понравилась министру юстиціи. Проектъ, уже набранный для печати, былъ подвергнутъ въ министерской канцеляріи переработкѣ. Но канцелярское творчество не подошло къ составленію такого „важнѣйшаго государственнаго акта“. И тогда у графа явилась мысль привлечь къ этому дѣлу московскаго митрополита, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. И при этомъ выборѣ, конечно, имѣли значеніе не тотъ „нравственный авторитетъ и вліяніе“, которые имѣлъ въ обществѣ московскій іерархъ (Сухомлиновъ, „Истор. Вѣстн.“, 1885), а то, что Филаретъ много разъ былъ испытанъ, какъ человѣкъ, умѣющій выйти изъ самаго щекотливаго положенія.

Осторожный Филаретъ и здѣсь постарался уклониться; пришлось повести съ нимъ цѣлую „игру“ черезъ спеціально командированнаго въ Москву т. с. Топильскаго, сказать много „довольно льстивыхъ“ словъ и т. д. Филаретъ отказывался, ссылаясь на то, что его „затрудняетъ предметъ порученія, далекій отъ круга (его) понятій и занятій“. Въ бесѣдѣ съ Топиль-

скимъ свое затрудненіе онъ высказалъ болѣе откровенно: „Мы здѣсь многое знаемъ, чего и не предполагаютъ тамъ, что мы здѣсь знаемъ. Сдѣланное тамъ намъ здѣсь вовсе не нравится. Частными исправленіями затруднялись исправить утлое дѣло“, въ такихъ словахъ извѣщалъ Топильскій Петербургъ о своихъ переговорахъ съ „другомъ добродѣтели“ („Рус. Вѣст.“, ib., 48). „Игра“ удалась, и Филаретъ взялся за составленіе проекта манифеста, откровенно признаваясь въ письмѣ къ Панину (5 февраля 1861 г.), что онъ исполнилъ „только долгъ повиновенія“.

Составивъ проектъ манифеста, съ восхваленіемъ „доблестной о благѣ общемъ ревности благороднаго дворянскаго сословія“, съ упоминаніемъ о лю-

Наканунѣ праздника (Аѳанасьева).

безной Филарету патріархальности и отправивъ его Панину, на другой день (6 февраля) Филаретъ не удержался, наконецъ, чтобы съ большей откровенностью не выразить сомнѣній, которыя вызываетъ въ немъ реформа.

Въ запискѣ о затрудненіяхъ, которыя могутъ возникнуть при приведеніи въ исполненіе положенія о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ (Мнѣнія, т. V, ч. I, 16), Филаретъ объяснялъ, почему предпріемлемое преобразованіе быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ сообщенномъ ему проектѣ представленное „радостнымъ“, не означено имъ таковымъ. „Не упо-

мянулъ я о радости, чтобы отъ лица Царя не было произнесено слово, которому не сочувствовали бы многіе изъ вѣрноподданныхъ. Предпріемлему обширному преобразованію радуются люди теоретическаго прогресса, но многіе благонамѣренные люди опыта ожидаютъ онаго съ недоумѣніемъ, предусматривая затрудненія".

Въ чемъ же „недоумѣніе"? „Если бы крестьянамъ обѣщано было пользованіе землею помѣщика безъ опредѣлительнаго слова „постоянное"!—вотъ чего бы хотѣлось Филарету. Джаншіевъ уже обратилъ вниманіе на то, что аргументація митрополита Филарета „почти дословно" воспроизводила соображенія гр. Панина („Эпоха реф.", 42). Послѣдній зналъ, къ кому надо было обратиться... Но и эта послѣдняя попытка „отстоять помѣщичьи интересы въ ущербъ крестьянскимъ" потерпѣла фіаско. Выступленіе Филарета запоздало, да еще неизвѣстно, была ли эта записка отправлена по назначенію осторожнымъ Филаретомъ. Въ „Мнѣніяхъ" приведенъ лишь черновикъ.

Проектъ манифеста Самарина и Милютина былъ забракованъ отчасти за недоступность его для малограмотныхъ. Филаретъ хотѣлъ сдѣлать свой проектъ именно доступнымъ. Мы знаемъ, что въ дѣйствительности получилось совсѣмъ иное: лишь извѣстная заключительная фраза манифеста съ упоминаніемъ о свободномъ трудѣ оказывала магическое дѣйствіе при прочтеніи и объясняла общій смыслъ туманнаго манифеста.

Почти всѣ современники отнеслись отрицательно къ творчеству Филарета, въ которомъ его „даръ краснорѣчія" не могъ преодолѣть явное несочувствіе къ самому дѣлу освобожденія. Манифестъ написанъ „уродливо, на какомъ-то татарскомъ языкѣ" (И. С. Аксаковъ); манифестъ „явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ", писалъ Герцену Тургеневъ, не знавшій, что манифестъ—дѣтище Филарета. (Панинъ обставилъ глубокой таинственностью обращеніе къ Филарету, и Топильскій долженъ былъ сноситься со своимъ шефомъ особыми условленными знаками). Даже Погодинъ и тотъ выразился довольно рѣзко: манифестъ написанъ „пренелѣпо". И лишь очень немногіе нашли, что „манифестъ превосходно написанъ" и что даже „можетъ считаться образцомъ для составленія подобныхъ государственныхъ актовъ", какъ это считалъ, напримѣръ, Н. П. Семеновъ („Рус. Вѣстн.", 65).

Но Филаретъ далеко еще не почилъ на лаврахъ участника „великаго дѣла". Онъ боялся „великаго дѣла", боялся его послѣдствій. Правда, лишь „худо понятая мысль о свободѣ и неразсудительно преувеличенная надежда", по мнѣнію Филарета, могутъ имѣть послѣдствіемъ то, что нѣкоторые крестьяне найдутъ новое свое положеніе не столь удовлетворительнымъ, какъ ожидали" (Мнѣнія, IV, 567). Но въ дѣйствительности Филаретъ не могъ не помнить, что красивыя слова о дворянскомъ самопожертвованіи довольно нищенски прикрывали убогую дѣйствительность: „ожиданіе народа сильно

Чаепитіе въ Мытищахъ.

(Карт. *Перова*).

направлено на 19 день, а онъ едва принесетъ ожидаемое". Не знаменательны ли эти слова, принадлежащія самому Филарету? И, можетъ-быть, единственный разъ въ жизни Филаретъ искренно написалъ за три дня до подписанія манифеста: „Господи, спаси царя и пощади всѣхъ насъ. Теперь изъ Петербурга пишутъ объ опасеніяхъ и, между прочимъ, что первый ударъ падетъ на высшее духовенство, монастыри, церкви".

Великое дѣло осуществилось, оно стало „великимъ" и въ глазахъ Филарета. Гордый своимъ участіемъ и онъ рѣзко бичуетъ тѣхъ, которые по своей злокозненности говорятъ о томъ, что „свобода дана неудовлетворительная". Это все плоды „публичной необузданной литературы", распространяющей смертоносную политическую заразу.

Филарету еще разъ пришлось выступить въ роли дѣятеля эпохи великихъ реформъ. Онъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе по поводу тѣлесныхъ наказаній, когда А. П. Толстой препроводилъ ему записку кн. Н. А. Орлова объ ихъ уничтоженіи. „Существо вопроса,—писалъ Толстой 13 сентября 1861 г.,—до духовнаго вѣдомства не касается, но поелику въ основаніи предполагаемыхъ мѣръ приводятся соображенія, почерпнутыя будто бы изъ христіанскаго ученія, то весьма важно... обсудить, согласны ли они съ ученіемъ православной церкви и не заключается ли въ нихъ какихъ-либо произвольныхъ выводовъ. А именно: въ запискѣ кн. Орлова приводится разсужденія объ огражденіи „святителями всѣхъ вѣроисповѣданій" человѣческой личности о христіанскомъ равенствѣ". При этомъ Толстой довольно откровенно указывалъ Филарету, что̀ именно отъ него желаютъ получить: „трудно, кажется, согласиться съ мыслями,—писалъ оберъ-прокуроръ,—будто для предупрежденія конечной порчи народной нравственности и для обезпеченія порядка въ государствѣ необходимо отмѣнить тѣлесныя наказанія". И Филаретъ блестяще выполнилъ наложенную на него миссію, доказавъ, во-первыхъ, что „вопросъ объ употребленіи или неупотребленіи тѣлеснаго наказанія въ государствѣ стоитъ въ сторонѣ отъ христіанства; во-вторыхъ, что неосновательно полагать, будто бы „тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность. Нельзя думать, чтобы Господь-Богъ черезъ Моисея узаконилъ тѣлесныя наказанія виновному съ тѣмъ, чтобы это разрушительно дѣйствовало на нравственность еврейскаго народа". „Итакъ,—заключалъ Филаретъ свои разсужденія,—по христіанскому сужденію, тѣлесное наказаніе само по себѣ не безчестно, а безчестно только преступленіе" (Мнѣнія, V, 1, 128—133).

Здѣсь образъ Филарета, дѣятеля эпохи великихъ реформъ, обрисовывается достаточно ясно.

С. Мельгуновъ.

Императоръ Александръ II читаетъ манифестъ (картина Лебедева).

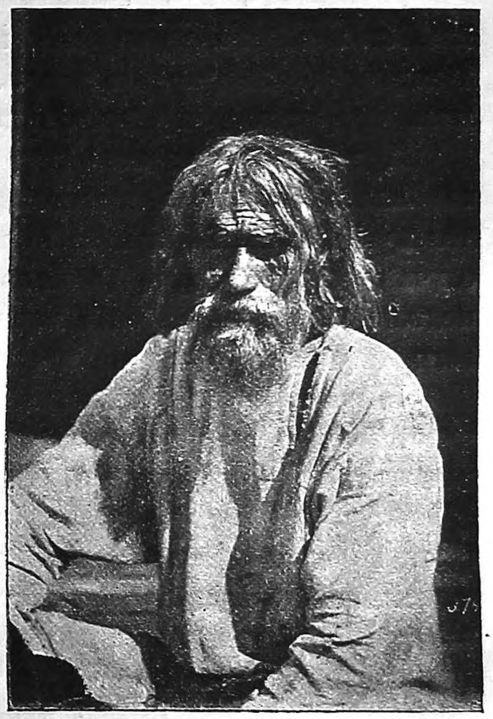
Объявленіе воли и проведеніе реформы.

I. 5-е марта 1861 г.

С. П. Мельгунова.

Въ совершенной тайнѣ“ былъ подписанъ манифестъ 19 февраля. Дѣло было рѣшено, но объ этомъ знало лишь нѣсколько „посвященныхъ“. Въ обществѣ упорно держатся слухи, что освобожденіе крестьянъ отложено изъ-за боязни „революціи“. Ужасъ передъ ней заставляетъ итти на путь рѣшительныхъ мѣръ въ дѣлѣ освобожденія, но имъ же пользуются, чтобы убѣдить отсрочить послѣдній моментъ. Боятся и не знаютъ, какъ поступить... Этими немногими словами можно передать общее настроеніе правительственныхъ сферъ. А поэтому „великое дѣло“ въ сущности теряетъ всѣ тѣ прикрасы, которыми имѣли обыкновеніе его окружать. Отъ торжественнаго ореола величія государственнаго акта остается въ значительной степени лишь страхъ передъ вынужденнымъ

дѣломъ. У насъ долгое время любили подчеркивать торжественность того момента, когда многомилліонная крѣпостная масса терпѣливо ожидала, какъ рѣшится ея судьба. Много патетическихъ восхваленій было разсыпано такту и мудрости народной психики. Но для многихъ современниковъ эта умилительная картина молчанія, въ которомъ проявился якобы „здравый смыслъ народа“, заключала въ себѣ много жуткаго. Подъ внѣшнимъ покровомъ спокойствія скрывалось напряженное ожиданіе — „щось буде“. „Это были не люди, а клокочущая подземная лава“, сказалъ сельскій священникъ, авторъ извѣстныхъ „Записокъ“. Да это была, дѣйствительно, подземная лава, силу которой учесть было очень трудно. Молчаніе оживило муравейникъ испуганныхъ крѣпостниковъ. Но чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ настойчивѣй растутъ опасенія, что неудовлетворительность реформы вызоветъ „поножевщину“. И какъ всегда, реакція готова схватиться за принципъ aprés nous le déluge.

Поволжскіе типы (фот. Каррика въ 70 гг.)

Врядъ ли можно говорить о „безпредметной боязни“ крѣпостниковъ. Эта боязнь базировалась на реальномъ сознаніи, что народъ ожидаетъ не ту „волю“, которую ему приготовили, и что сгустившаяся атмосфера ожиданія разразится, въ концѣ-концовъ, грозой. Эту мысль опредѣленно высказалъ еще въ 1858 г. самъ императоръ Александръ II въ замѣткахъ на контръ-записку Милютина о нецѣлесообразности введенія временныхъ генералъ-губернаторствъ: „Теперь, конечно, народъ спокоенъ въ ожиданіи, но когда ожиданія насчетъ свободы не сбудутся въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее разумѣетъ, то кто отвѣчаетъ, что тогда будетъ?“ (Джаншіевъ, „Эп. реф.“, 47).

Во всемъ государствѣ слышатся „выраженія недовѣрія къ благоразумію и умѣренности крестьянъ“, свидѣтельствуетъ одна изъ современныхъ записокъ. Отсюда даже народныя манифестаціи, восторженныя овацiи, которыя устроило въ двухъ-трехъ случаяхъ петербургское населеніе Александру II въ первыхъ числахъ февраля подъ вліяніемъ слуховъ о приближающемся освобожденіи, вызываютъ скорѣе только тревожное настроеніе.

Манифестъ ждутъ 19 февраля. „Умы въ сильномъ напряженіи“, записываетъ въ своемъ дневникѣ Никитенко. Слухи, что манифестъ на время от-

кладывается, порождаютъ въ народѣ мысль, что „его обманываютъ“. Говорятъ о томъ, что, „если ничего не будетъ къ 19 февраля, чернь явится къ Зимнему дворцу съ требованіемъ освобожденія“, пишетъ наканунѣ подписанія манифеста Елена Павловна Милютину. Нужно „обратить вниманіе на эти толки: демонстрація была бы пагубна“. „Ожиданія такъ напряженны, — записываетъ другой современникъ, сенаторъ Лебедевъ, — что можно ожидать невольныхъ, невинныхъ манифестацій, которыя въ такихъ весьма дѣлахъ важны и преступны“. Но не этихъ „невинныхъ манифестацій“ боятся въ дѣйствительности. „Общій страхъ отъ ожидаемаго 19 числа обнародованія манифеста о свободѣ“, передаетъ въ своихъ запискахъ Лебедевъ („Рус. Арх.“, 1910 г., янв.), доходитъ „до соглашеній о соединеніи въ этотъ день нѣсколько семействъ вмѣстѣ, до перемѣны замковъ и до заготовленія оружія на случай нападенія“. „Напряженіе умовъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, такъ велико, что оглашеніе рѣшенія необходимо настоятельно“.

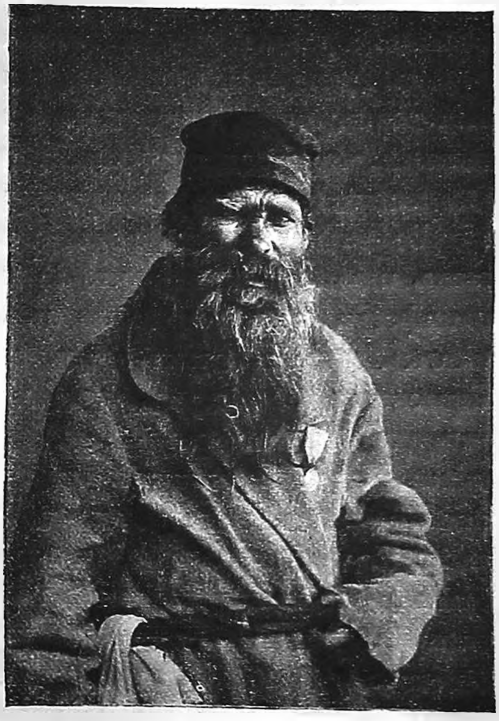
И несмотря на всю эту настоятельную необходимость, правительство колеблется, разрѣшая щекотливую дилемму: объявить волю—„свободу поддѣльную“, какъ выразился Герценъ, или подождать. И въ томъ и другомъ случаѣ виситъ угроза въ видѣ призрака пугачевщины. Такъ протекли двѣ недѣли со дня подписанія манифеста до объявленія воли. То были дни тревоги, смутныхъ ожиданій и таинственнаго канцелярскаго молчанія.

И вотъ, чтобы успокоить клокочущую лаву, чтобы возбудить „мирныя чувствованія“, выступаетъ въ роли успокоителя общественнаго мнѣнія старый московскій публицистъ М. П. Погодинъ. Въ полуофиціальной „Сѣверной Пчелѣ“ онъ пишетъ „слова миротворныя“. „Невѣжество и пошлость опасаются безпорядковъ и замѣшательствъ. Это значитъ — не имѣть понятія о коренныхъ свойствахъ русскаго народа... Отдаю свою голову на отсѣченіе, что вся Европа умилится передъ удивительнымъ, торжественнымъ зрѣлищемъ, которое представитъ ей Россія“. И Погодинъ рисовалъ умилительную картину того, какъ въ „прекрасный Александровъ день“ крестьяне, „пригладивъ волосы квасомъ“, пойдутъ молиться Богу. И это будетъ „святая минута, которой ангели на небеси возрадуются“.

Погодинъ получилъ не мало благодарствій за свой „братскій подвигъ“. Но эти лирико-слащавыя рѣчи не могли, конечно, успокоить „тоску“ однихъ и „страхъ“ другихъ. Съ тревогой ожидается „великій день“. И вотъ настало 5 марта. Хотѣлось бы написать этому „желанному, свѣтозарному“ дню апоѳеозъ. Но у русскаго народа „украли“ его праздникъ (Герценъ). Великій день превратился въ „день страха“ для однихъ и „недоумѣній“ для другихъ.

„Есть ли въ исторіи европейской, всемірной событіе чище, выше, благороднѣе этого событія, равнаго, подобнаго этого? Найдите, укажите его!“ патетически восклицалъ Погодинъ. Да, подобнаго событія не было. Великая реформа была провозглашена при полномъ молчаніи печати, какъ будто бы

ничего не произошло. Манифестъ былъ обнародованъ какъ бы „украдкою“. „Величайшему акту мірового значенія“, по характеристикѣ сенатора Лебедева, придали значеніе „полицейской мѣры, какого-то подарка за послушаніе и благонравіе“. Но и этотъ подарокъ дѣлали съ большой опаской. Казалось по внѣшности, все текло своимъ обычнымъ чередомъ. Страхи передъ „народнымъ возстаніемъ“ (Кропоткинъ) тщательно замаскировывали, потому что боялись „раздражить освобождаемую чернь“. Между тѣмъ наканунѣ въ Петербургѣ принимались экстренныя мѣры для подавленія возможной „революціи“. „Во всѣ полки,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ старый гвардеецъ („Рус. Арх.“, 1892, 1, 139),— разослана была печатная инструкція отъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора съ подробнымъ означеніемъ, въ какія именно полицейскія части города отряжать солдатъ и какъ имъ поступать при первыхъ признакахъ уличнаго смятенія“ Въ дополненіе къ воспоминаніямъ стараго гвардейца Л. Рускинъ (Фирсовъ), бывшій въ знаменательный канунъ дежурнымъ по казармамъ лейбъ-гвардіи конно-артиллерійской бригады, передаетъ („Ист. Вѣстн.“, 1910 г.), что солдатамъ объявлялось, что генералъ-фельдцейхмейстеръ вел. кн. Николай Михайловичъ возможно вызоветъ ночью или рано утромъ батарею „по тревогѣ“, и надо посему приготовить „боевые снаряды“. И какъ ни старалось начальство скрыть, что „завтра будетъ объявлена царская воля“, въ солдатскую среду проникли слухи (хотя за распространеніе ихъ и „пороли“ въ Петербургѣ наканунѣ воли) и вызывали недоумѣнія: „Коли по тревогѣ на смотръ, такъ картечь-то зачѣмъ?“ „И чего боятся“. „Волю царь дастъ“ „Чего лучше!“ и т. д.

Повожские типы (фот. Каррика).

Также подготовлены были „средства къ защитѣ“ и въ Петропавловской крѣпости (С. М. Соловьевъ). Масляничные балаганы были переведены на всякій случай подальше отъ дворца (Кропоткинъ) и т. д.

Однимъ словомъ, все было готово къ подавленію революціи. „Чѣмъ выше былъ слой общества,—разсказываетъ Фирсовъ,—тѣмъ страхъ ощущался сильнѣй“... На верхахъ экспансивнѣе всѣхъ былъ принцъ П. Г. Ольденбургскій: онъ даже укрѣплялъ изнутри свой дворецъ, дабы „въ слу-

чаѣ надобности зданіе могло противостоять ожидавшимся волненіямъ". Не мало дворянскихъ семействъ готовилось къ отъѣзду за границу: у нѣкоторыхъ были даже уложены чемоданы и дорожные сундуки.

Такъ готовились въ Петербургѣ къ встрѣчѣ „необъятнаго, великаго, святого дня".

Ночь прошла спокойно. Наступило тревожное утро. Всюду около церквей были сосредоточены небольшіе отряды пѣхоты... А во дворцѣ трепетно ожидали наступленія момента, когда „труба архангела" возвѣститъ „милліонамъ мертвецовъ", что наступилъ день воскресенья. Безподобную картину настроенія во дворцѣ нарисовалъ старый гвардеецъ—бывшій свитскій генералъ-майоръ: „Послышался какой-то глухой гулъ, какъ бы выстрѣлъ. Генералъ-губернаторъ посылаетъ узнать, что такое, и ему докладываютъ, что это глыба снѣгу скинута съ дворцовой крыши. Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный звонъ; опять опрометью скачетъ фельдъегерь и возвратившись докладываетъ, что звонили у Исакія по поводу похоронъ какого-то священника"... Что можно добавить къ этому простому, но много говорящему описанію!

Въ то время какъ въ верхахъ переживали тревожныя минуты, въ церквахъ шло „псалтирное чтеніе манифеста". И почти общее впечатлѣніе, что манифестъ былъ встрѣченъ съ „окаменѣлою неподвижностью", съ недоумѣніемъ. Лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ современники отмѣчаютъ намъ восторженныя овацiи, съ которыми было встрѣчено появленіе государя на улицахъ (см. воспоминанія Щербачева „Рус. Арх.", 1891 г., № 1, у Джаншіева 57,58). И если эти отдѣльные моменты въ Петербургѣ съ нѣкоторой натяжкой еще, пожалуй, можно назвать „народными манифестаціями" въ день свѣтлаго праздника освобожденія отъ вѣковой неволи, то въ первопрестольной было „одно только молчаніе на всѣхъ языкахъ", какъ мѣтко охарактеризовалъ Аксаковъ объявленіе воли въ Москвѣ. Здѣсь нельзя отмѣтить и проблеска какого-либо „народнаго энтузіазма". Москва съ своими пѣшими и конными патрулями скорѣе походила на городъ, находящійся въ осадномъ положеніи... Такъ было и въ другихъ городахъ. Вѣроятно, безпримѣрную во всемірной исторіи картину нарисовалъ Вл. Г. Короленко въ „Исторіи моего современника": „Когда, послѣ чтенія какой-то бумаги, грянули холостые выстрѣлы изъ пушекъ, въ толпѣ послышались истерическіе крики и произошло большое замѣшательство... Бабы думали, что начинаютъ разстрѣливать мужиковъ"... Столь же безпримѣрно въ исторіи, что событіе, „чище, выше, благороднѣе" котораго Погодинъ не могъ найти во всей европейской исторіи, печатью могло быть отмѣчено лишь контрабандным путемъ. Смѣшно сказать, въ отдѣлѣ библіографіи „Московскія Вѣдомости" отмѣтили 7 марта, что „Александровъ день навсегда останется однимъ изъ великихъ дней русской исторіи... днемъ, священнымъ для всего населенія... Онъ не можетъ оставить по себѣ недовольныхъ"...

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ.

Божіимъ Провидѣніемъ и священнымъ закономъ престолонаслѣдія бывъ призваны на прародительскій Всероссійскій Престолъ, въ соотвѣтствіе сему призванію МЫ положили въ сердцѣ СВОЕМЪ обѣтъ обнимать НАШЕЮ Царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ НАШИХЪ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія, отъ благородно владѣющаго мечемъ на защиту Отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу Государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ.

Вникая въ положеніе званій и состояній въ составѣ Государства, МЫ усмотрѣли, что Государственное законодательство, дѣятельно благоустрояя высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномѣрной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они, частію старыми законами, частію обычаемъ, потомственно укрѣплены подъ властію помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроять ихъ благосостояніе. Права помѣщиковъ были донынѣ обширны и не опредѣлены съ точностію закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего

происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при владеніи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ.

Усматривали сіе и приснопамятные Предшественники НАШИ и принимали мѣры къ измѣненію на лучшее положенія крестьянъ; но это были мѣры, частію нерѣшительныя, предложенныя добровольному, свободолюбивому дѣйствованію помѣщиковъ, частію рѣшительныя только для нѣкоторыхъ мѣстностей, по требованію особенныхъ обстоятельствъ, или въ видѣ опыта. Такъ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й издалъ постановленіе о свободныхъ хлѣбопашцахъ, и въ Бозѣ почившій Родитель НАШЪ НИКОЛАЙ I-й постановленіе о обязанныхъ крестьянахъ. Въ губерніяхъ западныхъ инвентарными правилами опредѣлены надѣленіе крестьянъ землею и ихъ повинности. Но постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Такимъ образомъ МЫ убѣдились, что дѣло измѣненія положенія крѣпостныхъ людей на лучшее, есть для НАСЪ завѣщаніе Предшественниковъ НАШИХЪ и жребій, чрезъ теченіе событій, поданный НАМЪ рукою Провидѣнія.

МЫ начали сіе дѣло актомъ НАШЕГО довѣрія къ Россійскому Дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу Отечества. Самому Дворянству предоставили МЫ, по собственному вызову его, составить предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ Дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и подъять трудности преобразованія, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе НАШЕ оправдалось. Въ Губерн-

скихъ Комитетахъ, въ лицѣ членовъ ихъ, облеченныхъ довѣріемъ всего Дворянскаго общества каждой губерніи, Дворянство добровольно отказалось отъ права на личность крѣпостныхъ людей. Въ сихъ Комитетахъ, по собраніи потребныхъ свѣдѣній, составлены предположенія о новомъ устройствѣ быта находящихся въ крѣпостномъ состояніи людей, и о ихъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ.

Сіи предположенія, оказавшіяся, какъ и можно было ожидать по свойству дѣла, разнообразными, сличены, соглашены, сведены въ правильный составъ, исправлены и дополнены въ Главномъ по сему дѣлу Комитетѣ; и составленныя такимъ образомъ новыя положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ.

Призвавъ Бога въ помощь, МЫ рѣшились дать сему дѣлу исполнительное движеніе.

Въ силу означенныхъ новыхъ положеній, крѣпостные люди получатъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ крестьянамъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того, для обезпеченія быта ихъ и исполненія обязанностей ихъ предъ Правительствомъ, опредѣленное въ положеніяхъ количество полевой земли и другихъ угодій.

Пользуясь симъ поземельнымъ надѣломъ, крестьяне за сіе обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя въ положеніяхъ повинности. Въ семъ состояніи, которое есть переходное, крестьяне именуются временно-обязанными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дается право выкупать усадебную ихъ осѣдлость, а съ согласія помѣщиковъ они могутъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья, отведенныя имъ въ постоянное пользованіе. Съ таковымъ пріобрѣтеніемъ въ собственность опредѣленнаго количества земли, крестьяне освободятся

отъ обязанностей къ помѣщикамъ по выкупленной землѣ и вступятъ въ рѣшительное состояніе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ.

Особымъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ опредѣляется для нихъ переходное состояніе, приспособленное къ ихъ занятіямъ и потребностямъ; по истеченіи двухлѣтняго срока отъ дня изданія сего положенія, они получатъ полное освобожденіе и срочныя льготы.

На сихъ главныхъ началахъ составленными положеніями опредѣляется будущее устройство крестьянъ и дворовыхъ людей, установляется порядокъ общественнаго крестьянскаго управленія, и указываются подробно даруемыя крестьянамъ и дворовымъ людямъ права и возлагаемыя на нихъ обязанности въ отношеніи къ Правительству и къ помѣщикамъ.

Хотя же сіи положенія, общія, мѣстныя, и особыя дополнительныя правила для нѣкоторыхъ особыхъ мѣстностей, для имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и для крестьянъ, работающихъ на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, по возможности приспособлены къ мѣстнымъ хозяйственнымъ потребностямъ и обычаямъ: впрочемъ, дабы сохранить обычный порядокъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ обоюдныя выгоды, МЫ предоставляемъ помѣщикамъ дѣлать съ крестьянами добровольныя соглашенія, и заключать условія о размѣрѣ поземельнаго надѣла крестьянъ и о слѣдующихъ за оный повинностяхъ, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ для огражденія ненарушимости таковыхъ договоровъ.

Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуется для сего время, примѣрно не менѣе двухъ лѣтъ; то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства, и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій донынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, откроетъ будетъ новый порядокъ.

Для правильнаго достиженія его, **МЫ** признали за благо повелѣть:

1) Открыть въ каждой губерніи Губернское по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіе, которому ввѣряется высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ обществъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ.

2) Для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній и споровъ, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ Посредниковъ, и образовать изъ нихъ Уѣздные Мировые Съѣзды.

3) За тѣмъ образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія общества въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе.

4) Составить, повѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу или имѣнію уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи мѣстнаго положенія, количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды.

5) Сіи уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня изданія настоящаго Манифеста.

6) До истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ, и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

7) Помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ нхъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впредь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ.

Обращая вниманіе на неизбѣжныя трудности предпріемлемаго преобразованія, **МЫ** первѣе всего возлагаемъ упованіе на всеблагое **Провидѣніе Божіе**, покровительствующее **Россіи**.

За симъ полагаемся на доблестную о благѣ общемъ ревность **Благороднаго Дворянскаго** сословія, которому не можемъ не изъявить отъ **НАСЪ** и отъ всего **Отечества** заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію **НАШИХЪ** предначертаній. **Россія** не забудетъ, что оно добровольно, побуждаясь только уваженіемъ къ достоинству человѣка и христіанскою любовію къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ крѣпостнаго права и положило основаніе новой хозяйственной будущности крестьянъ. **Ожидаемъ** несомнѣнно, что оно также благородно употребитъ дальнѣйшее тщаніе къ приведенію въ исполненіе новыхъ положеній въ добромъ порядкѣ, въ духѣ мира и доброжелательства; и что каждый владѣлецъ довершитъ въ предѣлахъ своего имѣнія великій гражданскій подвигъ всего сословія, устроивъ быть водворенныхъ на его землѣ крестьянъ и его дворовыхъ людей на выгодныхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ и тѣмъ дастъ сельскому населенію добрый примѣръ и поощреніе къ точному и добросовѣстному исполненію **Государственныхъ** постановленій.

Имѣющіеся въ виду примѣры щедрой попечительности владѣльцевъ о благѣ крестьянъ, и признательности крестьянъ къ благодѣтельной попечительности владѣльцевъ, утверждаютъ **НАШУ** надежду, что взаимными добровольными соглашеніями разрѣшится большая часть затрудненій, неизбѣжныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣненія общихъ правилъ къ разнообразнымъ обстоятельствамъ отдѣльныхъ имѣній, и что симъ способомъ облегчится переходъ отъ стараго порядка къ новому и на будущее время упрочится взаимное довѣріе, доброе согласіе и единодушное стремленіе къ общей пользѣ.

Для удобнѣйшаго же приведенія въ дѣйствіе тѣхъ соглашеній между владѣльцами и крестьянами, по которымъ сіи будутъ пріобрѣтать въ собственность, вмѣстѣ съ усадьбами, и полевыя угодья, отъ **Правительства** будутъ оказаны пособія, на основаніи особыхъ правилъ, выдачею ссудъ и переводомъ лежащихъ на имѣніяхъ долговъ.

Полагаемся и на здравый смыслъ НАШЕГО народа.

Когда мысль Правительства о упраздненіи крѣпостнаго права распространилась между не приготовленными къ ней крестьянами: возникали было частныя недоразумѣнія. Нѣкоторые думали о свободѣ и забывали объ обязанностяхъ. Но общій здравый смыслъ не поколебался въ томъ убѣжденіи, что и по естественному разсужденію, свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей, и по закону христіанскому, *всякая душа* должна *повиноваться властямъ предержащимъ* (Рим. XIII. 1), *воздавать всѣмъ должное*, и въ особенности кому должно, *урокъ*, *дань*, *страхъ*, *честь* (7); что законно пріобрѣтенныя помѣщиками права не могутъ быть взяты отъ нихъ безъ приличнаго вознагражденія или добровольной уступки; что было бы противно всякой справедливости пользоваться отъ помѣщиковъ землею и не нести за сіе соотвѣтственной повинности.

И теперь съ надеждою ожидаемъ, что крѣпостные люди, при открывающейся для нихъ новой будущности, поймутъ и съ благодарностію примутъ важное пожертвованіе, сдѣланное Благороднымъ Дворянствомъ для улучшенія ихъ быта.

Они вразумятся, что получая для себя болѣе твердое основаніе собственности, и большую свободу располагать своимъ хозяйствомъ, они становятся обязанными, предъ обществомъ и предъ самими собою, благотворность новаго закона дополнить вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ. Самый благотворный законъ не можетъ людей сдѣлать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучіе подъ покровительствомъ закона. Довольство пріобрѣтается и увеличивается неначе, какъ неослабнымъ трудомъ, благоразумнымъ употребленіемъ силъ и средствъ, строгою бережливостію, и вообще честною въ страхѣ Божіемъ жизнію.

Исполнители приготовительныхъ дѣйствій къ новому устройству крестьянскаго быта и самаго введенія въ сіе устройство употребятъ бдительное попеченіе, чтобы сіе совершалось правильнымъ, спокойнымъ движеніемъ, съ наблюденіемъ удобности вре-

менъ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ нхъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій. Пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность.

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ **НАМИ** Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же **НАШЕГО** въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

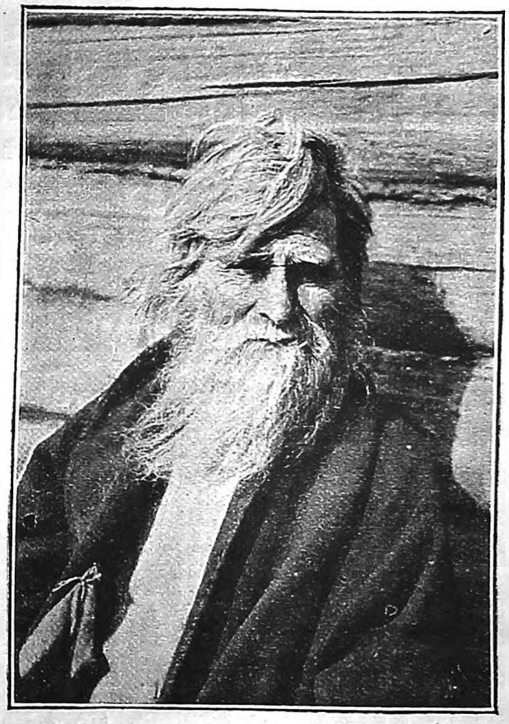
«**АЛЕКСАНДРЪ.**»

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ.

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Москва.

Давно уже снята романтическая пелена, окутывавшая „святой“ день. „Канцелярское освобожденіе“ (Герценъ) и объявлено было соотвѣтствующимъ образомъ. И оставалось лишь утѣшаться тѣмъ, что „великій именинникъ“—народъ—„осрамилъ гнусные расчеты крѣпостниковъ“. Революціи не произошло и это успокоительно подѣйствовало на правительственныя сферы. „Великому имениннику“ стали позволять даже благосклонно устраивать нѣчто подобное народнымъ манифестаціямъ—такова была манифестація 12 марта передъ Зимнимъ дворцомъ, устроенная „фабричнымъ и ремесленнымъ населеніемъ“ Петербурга и нѣсколько позже въ Москвѣ.

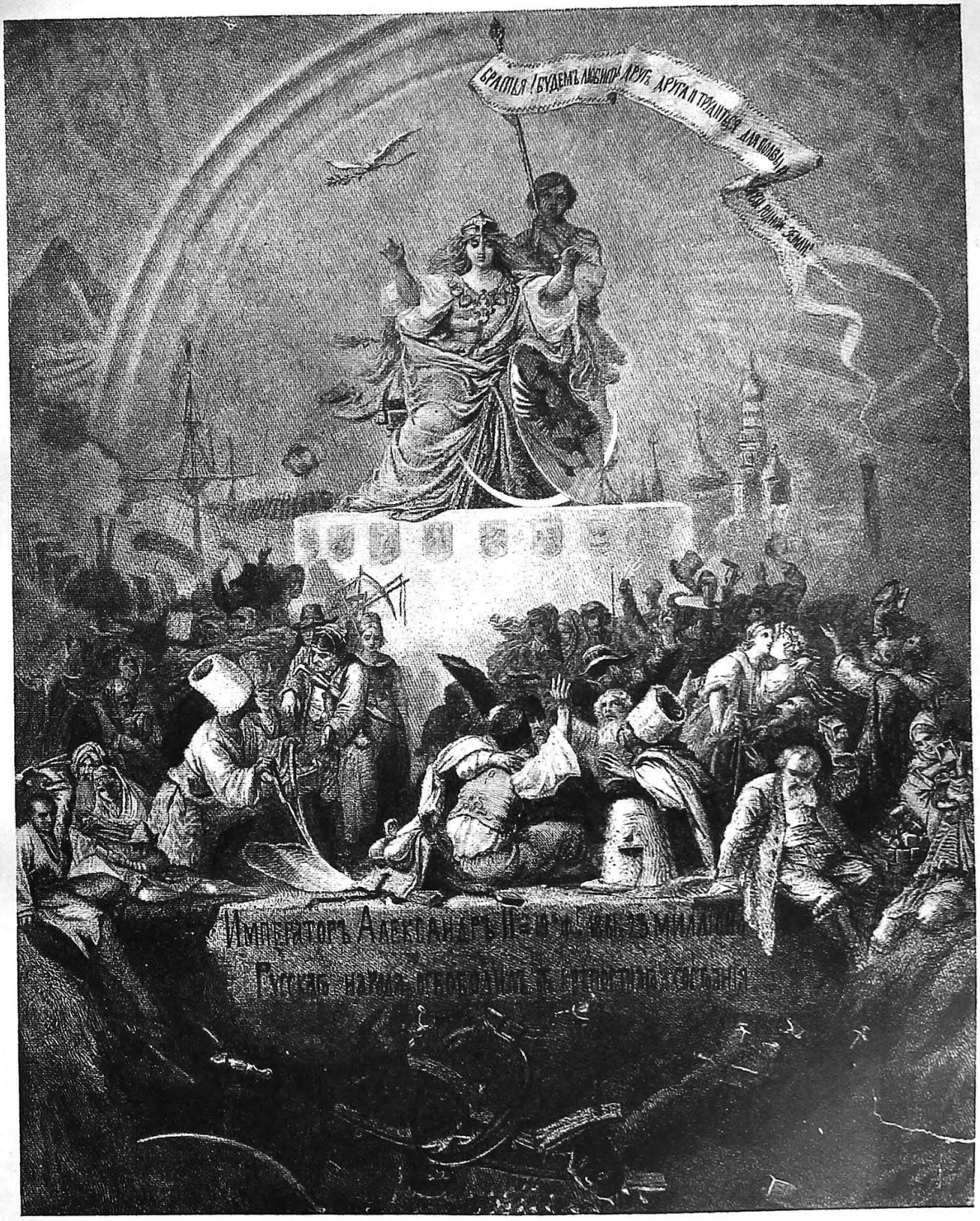

Поволжскіе типы (Каррика).

Какъ ни хотѣлось и современникамъ и историкамъ окружить извѣстнымъ ореоломъ „незабвенные историческіе дни“, все-таки это плохо удавалось. У тѣхъ и другихъ слышишь скорѣе разочарованіе, такъ какъ умилительно торжественные моменты тонутъ въ общемъ индиферентизмѣ. Чѣмъ же это объяснить? Полицейскія мѣры, книжный языкъ манифеста, робость забитаго народа, не смѣвшаго кричать „ура“ даже въ присутствіи государя „безъ разрѣшенія полиціи“,—вотъ причина этого индиферентизма, по мнѣнію Джаншіева. Масса всегда принимаетъ спокойно и „тупо“ всѣ мѣры, исходящія сверху, по мнѣнію Соловьева. Поэтому напрасны были всѣ предохранительныя мѣры. „Народъ, не понимая ни слова изъ манифеста, что-то плохо вѣрилъ свободѣ“, объясняетъ современникъ. Но не было ли въ дѣйствительности еще причины, почему народъ почти повсемѣстно „плохо вѣрилъ свободѣ“? „День пройдетъ, — писалъ Герценъ,—всѣ „оглянутся и увидятъ, что... „свобода поддѣльная“. „Старое крѣпостное право замѣнено новымъ“... писалъ Огаревъ. И съ этими зарубежными голосами сливалось въ сущности мнѣніе народное: „можетъ, опять будемъ подъ господами“, еще „не знаешь, что тебѣ скажетъ воля“ (Арц., „Восп.“, 435). Оттого подчасъ тотъ, кто и понялъ манифестъ, не предавался радужнымъ ликованіямъ: „Чортъ дери эту бумагу! Два года, какъ бы не такъ, стану я повиноваться“, передаетъ Никитенко возгласъ одного дворового при объявленіи воли 5 марта и замѣчаетъ: „Другіе молчали“...

Когда припомнишь обстановку, въ которой протекали „торжественные“ дни объявленія воли, тогда поневолѣ откажешься отъ всякихъ попытокъ описать ихъ въ лирико-романтическихъ тонахъ. Исторія двигается необходимостью, и поэтому въ ней нѣтъ мѣста великодушнымъ актамъ. Манифестъ 19 февраля къ тому же не былъ облеченъ въ красивую историческую тогу. Онъ былъ „хорошъ только какъ брешь въ крѣпостной стѣнѣ“. „Другого жизненнаго примѣненія Положеніе имѣть не будетъ,—писалъ 5 мая 1861 г. И. Аксаковъ Раевскому (Письма, IV, 55),—ибо онъ противорѣчитъ всѣмъ естественнымъ и законнымъ требованіямъ народа“. И этотъ очень умѣренный публицистъ въ данномъ случаѣ былъ глубоко правъ.

Однако далеко не всѣ могли согласиться съ этимъ единственно правильнымъ заключеніемъ. Не могла найти откликъ такая точка зрѣнія въ патріотическихъ сердцахъ старыхъ идеологовъ офиціальной народности, тѣхъ изъ нихъ, которые стояли на сторонѣ освободителей. Не могъ примириться съ ней старый Погодинъ, заранѣе набросавшій, какъ мы знаемъ, умилительную картину встрѣчи населеніемъ „Александрова дня“. Онъ спеціально вернулся въ Москву 5 марта, чтобы насладиться картиной того, какъ умиленный народъ будетъ возносить свои молитвы въ „святую минуту“, чтобы насладиться этой „русской демонстраціей“, какъ выразилась одна изъ современницъ. И хотя набросалъ Погодинъ въ своемъ „Красномъ Яичкѣ“ нѣсколько умилительныхъ картинъ, очевидцемъ которыхъ ему пришлось быть, онъ все же былъ глубоко разочарованъ „русской демонстраціей“: народъ „не выразумилъ“... „Недоумѣніе—вотъ слово, которое характеризуетъ настоящее положеніе въ воскресенье“, такъ передаетъ Погодинъ итоги наблюденій. Но это были не тѣ слезы умиленія и благодарности, которыя хотѣлось видѣть московскому патріоту. Пусть такъ... но патріотическое чувство обязывало къ лирическимъ изліяніямъ. И сколько комплиментовъ было вновь разсыпано предъ мудростью народа, съ „должнымъ благоговѣніемъ и благодарностью“ встрѣтившаго объявленіе воли. „Кантъ, Шиллеръ, Руссо...,—писалъ Погодинъ послѣ 5 марта,—снимайте шляпы, творите земной поклонъ“... Франція, Германія, Англія, завидуйте намъ... Мы получили равенство и это „вдругъ въ одно истинно-прекрасное утро“. И все это безъ революціи. Что за „чудище Россія“. „Премудрый и добрый народъ нашъ какъ славно принимаетъ свободу“... вторитъ Погодину его прежній собратъ по перу Шевыревъ (Бар. XVIII, 34). „Народъ изумляетъ насъ своей мудростью и спокойствіемъ“. „Не барановъ же освободили,—успокоительно замѣчаетъ старый гвардеецъ,—милліонамъ людей дали права человѣка“. И во всѣхъ этихъ патетическихъ провозглашеніяхъ неизбѣжно чувствовалась и въ то время значительная доля фальши. Чувствовалъ это самъ Погодинъ. Въ „дурацкомъ Положеніи“, по характеристикѣ Аксакова, „переломишь ногу“. „Темна вода во облацѣхъ“, долженъ былъ признать Погодинъ. Онъ чувствовалъ, что его предсказанія о

Съ картины Бейдемана.

Беларускі дзяржаўны універсітэт
Бібліятэка

„мудрости“ народной, пожалуй, и не оправдаются. И Франціи, Германіи, Англіи не придется завидовать Россіи. Россія окажется „чудищемъ“, только совсѣмъ инымъ, чѣмъ этого хотѣлось бы Погодину. Но Погодинъ доволенъ Положеніемъ, надо только растолковать народу, „возбудить въ крестьянахъ благодарность и внушить терпѣніе“. Съ этой цѣлью Погодинъ пишетъ свои не менѣе слащавыя „грамотки“ съ восхваленіемъ дворянства „за принесенныя имъ жертвы“... Но „премудрый и добрый народъ“ не оправдалъ надеждъ патріотовъ. И черезъ два мѣсяца 3 мая Никитенко не безъ ядовитости записалъ въ своемъ дневникѣ: „Добродѣтельный русскій народъ, который, по словамъ Погодина, встрѣтилъ свободу съ умиленіемъ сердца, кротко и благородно, начинаетъ въ разныхъ мѣстахъ проявлять свое вѣковое невѣжество и грубое непониманіе закона и права“. И невѣжество заключалось собственно въ томъ, что проведеніе реформы вызвало безконечныя недоразумѣнія на мѣстахъ. Конечно, по мнѣнію Погодина, только потому, что не нашлось людей, которые „перевели бы логику Положенія на языкъ логики народной“. Но дѣло въ томъ, что наиболѣе страдала сама логика Положеній, въ которыхъ, по словамъ „Колокола“, было слишкомъ много „іезуитизма и лазеекъ“. И очень скоро „умильныя“ слезы смѣнились слезами кровавыми: „энергическіе генералъ и флигель-адъютанты сѣкутъ, ссылаютъ, застрѣливаютъ“, пишетъ Ив. Аксаковъ 5 мая. Не оправдались надежды стараго публициста Н. А. Мельгунова, писавшаго Шевыреву: „Моя надежда на царя и его достойнаго брата. Они не допустятъ, чтобы реакція тупая и гибельная подняла опять свою голову“.

И что же осталось отъ того тумана восторженныхъ восхваленій, которымъ окутана была на первыхъ порахъ великая реформа?.. Никогда, по словамъ Мэкэнзи Уоллеса, такъ часто не примѣнялись розги въ Россіи, какъ въ первые мѣсяцы освобожденія. И съ полнымъ правомъ разсказъ о началѣ „воли“ мы можемъ закончить мѣткой сатирой Шумахера:

Тятька, звонъ что народу
Собралось у кабака:
Ждутъ какую-то свободу.
Тятька, кто она така?

— Цыцъ, пишкни! пускай гуторятъ,—
Наше дѣло сторона...
Какъ возьмутъ тебя да вспорятъ,
Такъ узнаешь, кто она! .

С. Мельгуновъ.

II. Встрѣча на мѣстахъ.

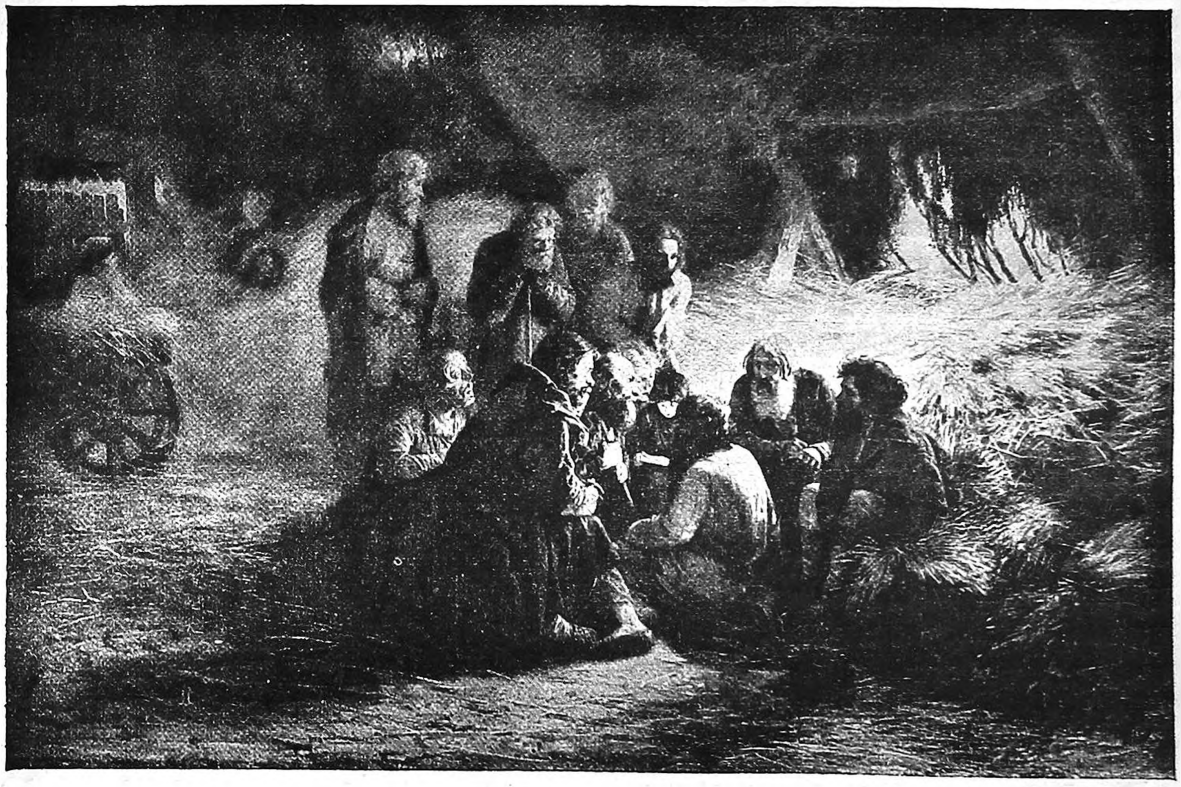

И. И. Игнатовичъ.

рѣпостная масса, наиболѣе заинтересованная сторона въ реформѣ 1861 г., была, какъ извѣстно, отстранена отъ какого бы то ни было участія въ выработкѣ Положенія 19 февраля. Ея интересы не были представлены. Самыя извѣстія о готовящейся реформѣ долетали до крестьянъ случайно, урывками. Тѣмъ не менѣе, нетерпѣливое, напряженное ожиданіе, въ которомъ находились крестьяне, не оставалось безъ вліянія на правительство, торопя его съ выработкою реформы и напоминая, что полное пренебреженіе крестьянскими интересами можетъ повлечь за собою серьезныя нарушенія общественнаго порядка.

Крестьяне жадно ловили каждый слухъ о будущихъ измѣненіяхъ въ своей судьбѣ. Одни изъ нихъ оптимистически относились къ ожидаемой реформѣ и вѣрили, что она принесетъ имъ истинную волю. Отмѣна всѣхъ крѣпостныхъ отношеній, а въ томъ числѣ оброка и барщины въ какихъ бы то ни было видахъ, разумѣлась ими, какъ conditio sine qua non самой „воли“. Надѣленіе землею считалось также неизбѣжнымъ условіемъ реформы, но въ представленіяхъ о количествѣ ея можно отмѣтить разнообразіе. Сильно распространено было мнѣніе, что въ руки крестьянъ должна перейти вся помѣщичья земля. Находились и такіе крестьяне, которые мирились съ предоставленіемъ имъ лишь всѣхъ полевыхъ угодій въ имѣніяхъ или даже только тѣхъ земель, которыми крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ; возможности же отрѣзокъ отъ крѣпостныхъ надѣловъ крестьяне, повидимому, не предполагали. Относительно вознагражденія помѣщиковъ за землю можно было встрѣтить и сторонниковъ безвозмезднаго отчужденія земель и сторонниковъ выкупа, со взносомъ выкупныхъ платежей („оброка“) казнѣ, но не помѣщикамъ; были и такіе, которые допускали лишь выкупъ усадебъ, полевая же земля должна была, по ихъ мнѣнію, отойти крестьянамъ безъ всякой платы. Право свободныхъ переселеній разумѣлось само собою, какъ право „вольнаго“ человѣка.—Находились среди крестьянъ и пессимисты, въ души которыхъ еще до обнародованія Положенія 19 февраля закрадывалось сомнѣніе, можетъ ли реформа, вырабатываемая противниками крестьянъ—помѣщиками, внести въ крестьянскую жизнь хотя бы замѣтныя улучшенія. „Во все время ожиданія,—писалъ мировой посредникъ Глѣбовъ въ своемъ сообщеніи мологскому мировому съѣзду,—развивалось и укрѣплялось въ кре-

стьянахъ недовѣріе къ помѣщикамъ и вообще къ дворянамъ, такъ какъ они знали изъ печатныхъ объявленій, что занятія по крестьянскому дѣлу Высочайше поручены лицамъ, избраннымъ изъ сословія дворянъ, которыя, по ихъ пониманію, не могли иначе поступить, какъ въ виду собственныхъ интересовъ, а потому, что бы имъ помѣщики ни говорили о предстоящихъ измѣненіяхъ, крестьяне принимали за истолкованіе въ свою пользу, неохотно слушали или даже вовсе не слушали“ [1]). Говоря о неудовлетворительности Положенія 19 февраля 1861 г., Серно-Соловьевичъ замѣчаетъ: „Не даромъ задумывался всякій разъ мужикъ, говоря о предстоящей волѣ, не даромъ за-

Чтеніе манифеста (Мясоѣдова).

канчивалъ рѣшительныя надежды сомнѣніемъ: „А Богъ вѣсть, что-то еще будетъ впереди, кабы не было хуже“,—недовѣрчиво покачивая головою на увѣренія, что хуже быть не можетъ“ [2]).

Дѣйствительность не обманула такихъ пессимистовъ и принесла жестокое разочарованіе крестьянамъ, надѣявшимся получить отъ царя настоящую, полную „волю“. Вмѣсто полной отмѣны всѣхъ крѣпостныхъ отношеній съ момента объявленія воли, крестьяне должны были оставаться почти на преж-

[1]) «Сѣв. Почта», 1861 г., № 228 отъ 13 апрѣля.
[2]) Серно-Соловьевичъ, «Окончат. рѣшеніе крестьянскаго вопроса», стр. 38.

немъ положеніи. Вмѣсто всей помѣщичьей земли „безданно-безпошлинно“ или съ уплатою оброковъ казнѣ, крестьяне получили по Положенію только землю, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, зачастую въ уменьшенномъ количествѣ и притомъ за высокіе платежи. Вмѣсто ожидаемаго благополучія крестьянамъ съ полученіемъ „царской“ воли грозило экономическое разореніе. Не сбылась мечта крестьянъ и о вольномъ переселеніи, ибо послѣднее было обставлено Положеніемъ 19 февраля такими трудностями, что сдѣлалось доступнымъ только состоятельнымъ крестьянамъ. Они оказались пригвожденными Положеніемъ къ мѣсту жительства и обреченными на необезпеченное существованіе. Такимъ образомъ, несмотря на громадное значеніе велпкаго акта освобожденія въ общемъ ходѣ народной жизни, Положеніе 19 февраля оказалось несоотвѣтствующимъ народнымъ ожиданіямъ и надеждамъ. Неудивительно, что почти у каждаго крестьянина, уразумѣвшаго смыслъ Положенія, навертывались слова: „Какая же это воля? Это не воля, а обманъ одинъ“.

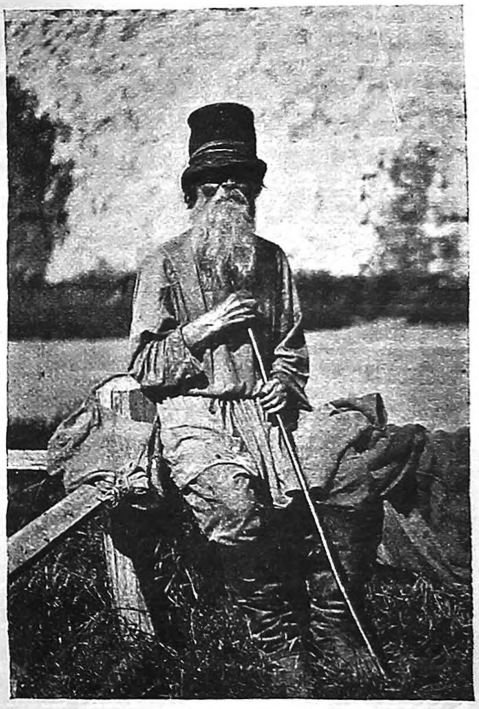
О разочарованіи крестьянъ свидѣтельствуютъ многія изъ лицъ, объявлявшихъ волю и развозпвшихъ Положенія. Въ Калужской губерніи въ отчетахъ наиболѣе вдумчивыхъ и лучше понявшихъ настроеніе народа чиновниковъ указывается, что крестьяне послѣ чтенія манифеста и указа были глубоко разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Объявленная имъ воля совершенно не соотвѣтствовала той волѣ, которой они ожидали [1]). Гр. Бутурлинъ говоритъ, что въ Тарусскомъ уѣздѣ, Калужской губ., чтеніе манифеста возбудило недоумѣніе въ крестьянахъ: разъ они должны оставаться въ полномъ повиновеніи у помѣщиковъ, то гдѣ же и въ чемъ состоптъ ихъ воля, спрашивали они гр. Бутурлина [2]). И въ другихъ мѣстахъ Калужской губ. крестьяне расходились изъ церквей послѣ чтенія манифеста „по большей части молчаливые, нахмуренные, разочарованные, въ какомъ-то недоумѣніи. Многіе молча возвращались къ прерваннымъ работамъ, другіе обмѣнивались недовольными и недоумѣвающими восклицаніями“. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., по наблюденію уѣзднаго предводителя дворянства, послѣ чтенія манифеста на лицахъ крестьянъ было замѣтно „полное недоумѣніе, ясно говорившее, что мало кто что-нибудь понялъ“. Всѣми, ѣздившими для объявленія манифеста, говоритъ онъ, „замѣчено было, что вообще крестьяне остались неудовлетворенными, они услышали не то, чего ожидали, и у всѣхъ осталась смутная надежда, что будетъ что-нибудь другое, болѣе для нихъ пріятное“ [3]).

Уѣздный предводитель дворянства Бобринецкаго уѣзда, Херсонской губерніи, вынесъ такое же впечатлѣніе. „Газеты,—пишетъ онъ,—безбожно лгутъ,

---

[1]) А. А. Корниловъ, «Крестьянская реформа въ Калужской губ.», стр. 139.
[2]) А. А. Корниловъ, «Кр. реформа...», стр. 139.
[3]) А. А. Антоновъ. «Четверть вѣка назадъ». «Ист. Вѣстн.», 1887 г., № 11, стр. 388, 392.

говоря, будто крестьяне были въ восторгѣ: они разошлись изъ церквей съ поникшими головами“ [1]). „Манифесту никто не обрадовался,—записано въ дневникѣ сельскаго приказчика Владимірской губ.,—отъ крестьянъ ни слова, ни звука радости. Народъ понялъ одно: оставаться, дескать, 2 года крѣпостными, да и шабашъ, а льготъ никакихъ нѣтъ. Снова уныло повѣсилъ онъ голову и занялся мыслями объ оброкѣ“... 13 марта онъ пишетъ о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ манифеста въ церкви. „Народъ внимательно слушалъ и также остался недоволенъ: „2 года, значитъ, еще подвластны, а тогда и будетъ настоящая воля. Можетъ-быть, околѣемъ до той поры!“ говорилъ одинъ мужикъ, выбираясь изъ церкви“ [2]).

Съ фот. Каррика.

Вѣра въ благожелательность высшаго правительства была слишкомъ велика у крестьянъ, чтобы воспринять только фактъ противорѣчія между „волею“, какъ они ее понимали, и волею, данною царемъ. Крестьянская мысль заработала въ разныхъ направленіяхъ, пытаясь примирить это противорѣчіе. На помощь крестьянамъ пришло ихъ вѣковое недовѣріе къ дворянамъ и чиновникамъ, которые, по ихъ мнѣнію, много разъ уже скрадывали волю, даруемую крестьянамъ царемъ, или всячески оттягивали ее. Массовое невѣжество и безграмотность крестьянъ, необходимость довольствоваться невѣжественными чтецами, непонятность слога манифеста и Положенія, запутанное изложеніе послѣдняго, — все это вмѣстѣ взятое облегчало крестьянамъ возможность истолковывать манифестъ и Положеніе въ свою пользу или вообще порождало рядъ заблужденій крестьянъ о содержаніи полученной воли.

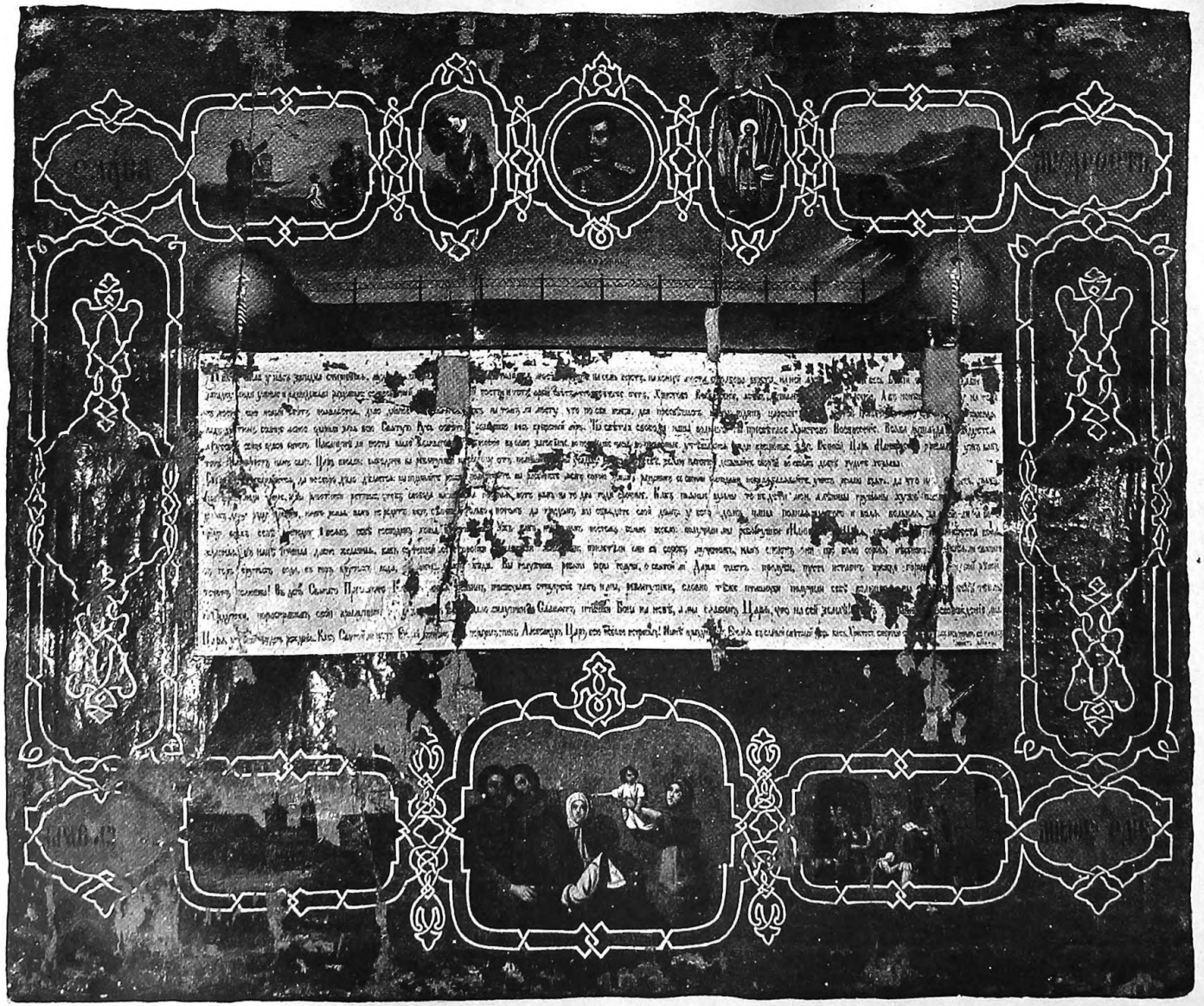
Одни изъ крестьянъ, твердо вѣруя, что въ присланныхъ отъ царя книгахъ должна скрываться истинная воля, сумѣли примирить содержаніе „народной воли“ съ текстомъ манифеста и Положенія, вкладывая въ непонятныя имъ слова и выраженія свое содержаніе и игнорируя содержаніе статей про-

[1]) «Мемуары К. А. Рощаковскаго времени освоб. крестьянъ». «Кіевская Старина», 1887, кн. 6—7, стр. 409.

[2]) «Изъ дневника и частнаго письма сельскаго приказчика» (Влад. губ.). «Р. Архивъ», 1897 г., № 9, стр. 134.

тиворѣчащихъ ихъ представленіямъ о волѣ. Другіе, уразумѣвъ въ той или другой мѣрѣ истинный смыслъ манифеста и Положенія, убѣждались, что ни въ томъ, ни въ другомъ истинной воли нѣтъ, а такъ какъ царь, по убѣжденію крестьянъ, не могъ обмануть крестьянъ, то, слѣдовательно, умозаключали крестьяне, царскую волю подмѣнили дворяне и подкупленные ими чиновники и священники, прославъ подложную. Одна версія такихъ толковъ говорила, что царскій указъ о волѣ вышелъ уже давно или за нѣсколько лѣтъ до 1861 г., по другой версіи грамота о волѣ дѣйствительно вышла 19 февраля 1861 г., но по дорогѣ подмѣнена „господскимъ указомъ“. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянская мысль нашла иной путь примиренія воли народной съ волею царскою. Существовала версія, что и по манифесту и по Положенію крѣпостное право сохраняется, по волѣ царя, еще на 2 года, послѣ чего будетъ дарована полная воля. Срокъ для наступленія полной воли—большею частью 19 февраля 1863 г.—получилъ среди крестьянъ названіе „случнаго“, „слушнаго“, „срочнаго“ часа, смотря по губерніи. Мысль эта, сначала, видимо, слабая, постепенно получала повсемѣстное гражданство. Подъ вліяніемъ репрессій крестьяне постепенно убѣждались въ обязательности Положенія 19 февраля. Слухъ о слушномъ часѣ являлся поэтому отдушиной для крестьянскихъ ожиданій и надеждъ на полную волю. Неудивительно, что эта версія жадно воспринималась крестьянами и вселяла имъ глубокую вѣру въ себя. Эти надежды крестьянъ, конечно, также не оправдались, но въ тайникахъ народной жизни вѣра въ слушный часъ не умирала и послѣ 1863 г., оживляясь по малѣйшему поводу.

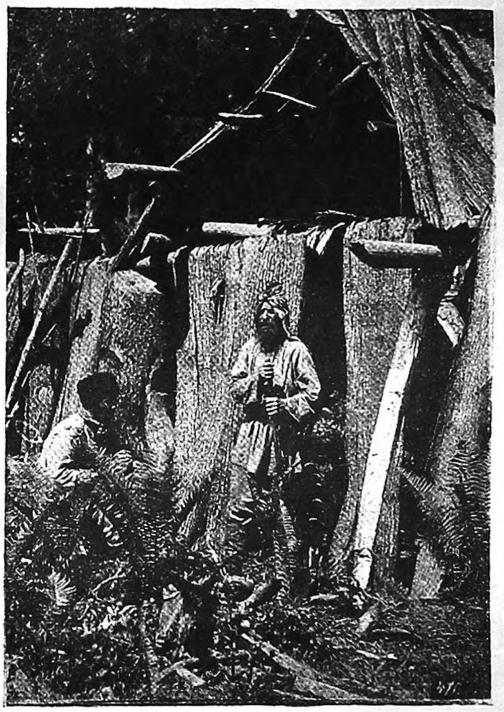
Волненія 1861—63 г. явились активнымъ выраженіемъ вышехарактеризованнаго отношенія крестьянъ къ Положенію 19 февраля. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне искренно вѣрили, что истинная воля объявлена царемъ, то, независимо отъ того, видѣли ли они ее въ объявленномъ манифестѣ и Положеніи, неправильно толкуемыхъ, или же считали, что указъ объ истинной волѣ скрывается, они стремились поступать согласно велѣніямъ этой волѣ. Искренно вѣря въ тожественность царской „воли“ со своими представленіями о ней, крестьяне естественно считали свои поступки вполнѣ законными, считая бунтовщиками помѣщиковъ, чиновниковъ, священниковъ и пр., осмѣлившихся или неправильно толковать царскую волю или скрыть ее отъ народа. Отсюда недовѣріе крестьянъ къ властямъ, требующимъ повиновенія точному смыслу манифеста и Положенія. При ожиданіи „слушнаго часа“ они мирно исполняли прежнія крѣпостныя повинности и даже протестовали, если помѣщикъ уменьшалъ барщину или хотѣлъ перевести ихъ на оброкъ и т. под. Они отказывались отъ какихъ-либо соглашеній съ помѣщиками, хотя бы они давали большія льготы крестьянамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне не желали пользоваться даже крѣпостными надѣлами. Причиною подобнаго упорства была распространившаяся увѣренность, что

Въ память 19 февраля. Лубочное изд. гр. Толстого и Соколова.

Беларускі Дзяржаўны Універсітэт
№
Чытальня

уклоняющіеся отъ крѣпостныхъ повинностей или входящіе въ какія-либо соглашенія съ помѣщиками лишатся права на полную волю, и въ томъ числѣ на земельныя льготы, которыхъ особенно напряженно ждали крестьяне. На этой почвѣ наибольшее количество столкновеній произошло при составленіи и введеніи уставныхъ грамотъ. Крестьяне, усмотрѣвъ въ уставныхъ грамотахъ тѣ соглашенія, которыя могли лишить ихъ правъ на новыя льготы, во многихъ мѣстахъ наотрѣзъ отказались не только отъ подписи уставныхъ грамотъ, но отъ принятія текста ихъ сельскими властями на храненіе, иногда отъ исполненія повинностей по уставнымъ грамотамъ. Этотъ отказъ кре-

Изъ фот. кол. Каррика (70 гг.).

стьянъ отъ уставныхъ грамотъ принялъ массовый характеръ и сильно затруднялъ ихъ введеніе. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мировые посредники составляли въ подобныхъ случаяхъ уставныя грамоты по Положенію и вводили ихъ въ дѣйствіе независимо отъ желанія или нежеланія крестьянъ, настойчиво требуя исполненія повинностей согласно уставнымъ грамотамъ, — тамъ дѣло обходилось сравнительно мирно. Происходили столкновенія лишь изъ-за неисполненія крестьянами урочнаго положенія или другихъ повинностей, нежеланія платить штрафы за „прогулъ“ и т. д. Большею же частью крестьяне мирились со своимъ положеніемъ, считая, что самое отсутствіе на уставныхъ грамотахъ подписи ихъ уполномоченныхъ и ихъ официальный

отказъ отъ нея достаточны для сохраненія ихъ правъ на „новую волю“. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мировые посредники настаивали на подписи уполномоченныхъ и офиціальномъ принятіи уставныхъ грамотъ крестьянами, тамъ дѣло обострялось и доходило до столкновеній крестьянъ съ властями.

Наконецъ, и самое Положеніе 19 февраля. помимо всякихъ представленій крестьянъ объ истинной волѣ, вызывало недовольство различными частными сторонами. Сохраненіе барщины вызывало особенно сильный протестъ

Крестьяне не могли примириться также съ сохраненіемъ смѣшанныхъ повинностей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне не желали подчиняться Положенію потому, что больше другихъ чувствовали ухудшеніе своего экономическаго положенія при устройствѣ его согласно новому закону. Нѣкоторые мировые посредники ставили трудность введенія Положенія въ прямую зависимость, улучшалось ли или ухудшалось экономическое положеніе крестьянъ съ освобожденіемъ. Были многія и другія стороны Положенія, которыя возбуждали негодованіе въ крестьянахъ и вели ихъ на путь протеста, но мы не будемъ останавливаться на нихъ. Новый законъ кололъ крестьянъ слишкомъ многими сторонами, чтобы въ небольшомъ очеркѣ можно было хотя бѣгло охарактеризовать ихъ. Не будемъ также останавливаться на недоразумѣніяхъ, приводившихъ иногда къ болѣе или менѣе серьезнымъ волненіямъ, изъ-за какого-либо ложно понятаго слова, невѣрно произнесеннаго чтецами и т. под. Не мало волненій также произошло на почвѣ злоупотребленій при введеніи Положенія со стороны помѣщиковъ и власть имущихъ лицъ и т. д

„Недоразумѣнія“, безпорядки, „волненія“ начались почти немедленно послѣ объявленія манифеста и раздачи крестьянамъ книгъ Положенія. Вскорѣ вся крѣпостная Русь всколыхнулась, потрясаемая болѣе или менѣе сильными волненіями. Только за два года (съ 1861 по 1863 г.), по офиціальнымъ даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, произошло 1.100 волненій, т.-е. больше, чѣмъ извѣстно было въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ за 35-лѣтній періодъ передъ раскрѣпощеніемъ. Дѣла о волненіяхъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ велись по 39 губерніямъ въ 1861 г., по 37—въ 1862 г., и въ 1863 г. происходили волненія въ 31 губерніи.

По всѣмъ волненіямъ 1861 — 1863 гг. мы видимъ, какъ мирны были по отношенію къ правительственнымъ властямъ даже наиболѣе крупныя изъ нихъ. Они были сильны радикальностью отмѣны крѣпостныхъ повинностей самими крестьянами и радикальностью постановки нѣкоторыхъ соціальныхъ вопросовъ, напримѣръ, земельнаго. Съ другой стороны, эти волненія обращаютъ на себя вниманіе ненужною жестокостью усмиренія. Послѣднее вполнѣ соотвѣтствуетъ напуганному воображенію помѣщиковъ и властей, особенно высшихъ, ожидавшихъ чуть не взрыва второй пугачевщины тотчасъ послѣ Положенія 19 февраля. Ибо и для правительства и для помѣщиковъ не были тайною народныя ожиданія отъ воли; многіе и многіе,

несомнѣнно, отдавали себѣ отчетъ, что „воля казенная“ не соотвѣтствуетъ „волѣ народной“. А зная это, они должны были ожидать и взрыва народнаго недовольства дарованной волей. Съ другой стороны, ни для кого, конечно, не было открытіемъ, что Положеніе 19 февраля во многихъ отношеніяхъ ухудшало экономическое положеніе крестьянъ.

Дѣйствительность подтвердила несоотвѣтствіе Положенія 19 февраля крестьянскимъ ожиданіямъ. Все крестьянское движеніе 1861—1863 гг. объединено общимъ недовольствомъ крестьянъ реформою 1861 года; красною нитью почти черезъ всѣ волненія проходитъ противоположеніе между „волею казенною“ и „волею народною“. Правда, это движеніе было, повидимому, разрознено по выступленіямъ крестьянъ, мирно по формамъ и не представляло опасности для „общественнаго порядка и спокойствія“ ни упорствомъ сопротивленія, ни стойкостью крестьянъ, если не говорить о единичныхъ исключеніяхъ. Они выразили свое порицаніе реформѣ въ общемъ мирно, разрозненно, въ смутной и неопредѣленной формѣ, но все же было ясно, что реформа 19 февраля 1861 г. потерпѣла фіаско передъ судомъ крестьянъ. Кромѣ того, „народная воля“, осуществить которую пытались мѣстами крестьяне, носила въ себѣ элементы, грозившіе подорвать основу могущества землевладѣльческаго класса. Передача всей земли народу и право трудящихся на нее—таковы двѣ основныя черты крестьянскаго міросозерцанія, проявившіяся въ крестьянскомъ движеніи 1861—63 гг. и въ развитомъ видѣ могущія привести къ крупному соціальному перевороту.

И. Игнатовичъ.

III. Первые шаги крестьянской реформы.

По донесеніямъ свитскихъ генералъ-майоровъ и флигель-адъютантовъ, съ марта по іюль 1861 г.).

А. З. Попельницкаго.

Заботы о томъ, чтобы при прекращеніи крѣпостного состоянія въ Россіи была на мѣстахъ „сильная власть“, которая бы ни на одну минуту не колебалась, занимали правительство еще въ начальномъ періодѣ законодательныхъ работъ по освобожденію крестьянъ. Въ январѣ 1861 г. мин. юстиціи гр. Панинъ, докладывая государю „объ оставшейся неисполненною мысли, неоднократно имъ одобренной, о присутствіи сильной власти на мѣстахъ во время введенія Положеній о крестьянахъ, между прочимъ, указывалъ, что отправленіе на мѣста лицъ, пользующихся довѣріемъ Его Величества и облеченныхъ достаточною властью для надзора за дѣйствіями губернскихъ и уѣздныхъ властей и для прекращенія безпорядковъ предста-

вляется необходимымъ и единственнымъ средствомъ къ предупрежденію или укрощенію гибельныхъ послѣдствій при отсутствіи на мѣстахъ сильной власти и недостаткахъ губернскаго и уѣзднаго управленія“ [1]). Вслѣдствіе бывшихъ 26 января 1861 г. по этому поводу сужденій въ Комитетѣ Министровъ повелѣно было командировать, одновременно съ обнародованіемъ Положеній о крестьянахъ, въ 41 губ. и землю Войска Донского по одному Свиты Его Величества генералъ-майору или флигель-адъютанту для содѣйствія губернскимъ начальствамъ въ распоряженіяхъ ихъ по приведенію въ исполненіе законоположеній о крестьянахъ, такъ и по сохраненію при семъ порядка и спокойствія. По инструкціи, данной этимъ лицамъ, они должны были, между прочимъ, „въ случаяхъ какихъ-либо между крестьянами безпокойствъ, неповиновенія или ослушанія, смотря по важности обстоятельствъ, по соглашенію съ начальникомъ губерніи, отправиться на мѣсто и принять всѣ мѣры, необходимыя для прекращенія оныхъ, требуя полнаго содѣйствія какъ земской и городской полиціи и всѣхъ вообще мѣстныхъ властей, такъ, въ случаѣ надобности, и ближайшихъ воинскихъ начальствъ, которыя и обязаны всѣ требованія ихъ исполнять безпрекословно“. О своихъ дѣйствіяхъ они обязаны были доносить государю въ собственныя его руки и сообщать свои замѣчанія со всею подробностью и обстоятельностью, дабы изъ рапортовъ ихъ „Его Величество всегда могъ видѣть настоящее положеніе предпринимаемаго преобразованія и успѣхъ мѣръ, правительствомъ указанныхъ“ [2]).

Донесенія названныхъ лицъ съ марта по іюль 1861 г. изъ 39 губерній [3]) объ обнародованіи манифеста и приведеніи въ дѣйствіе Положеній 19 февр. 1861 г. и о событіяхъ, сопровождавшихъ проведеніе въ жизнь этого закона, представляютъ значительный интересъ, такъ какъ этотъ промежутокъ времени, между обнародованіемъ Положеній и вступленіемъ въ должности мировыхъ посредниковъ, по признанію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, былъ самымъ критическимъ моментомъ крестьянскаго дѣла, когда произошли значительныя волненія и безпорядки крестьянъ (числомъ 647), большая часть которыхъ подавлена была при содѣйствіи военной силы [4]).

Несмотря на субъективную оцѣнку явленій, очевидцами которыхъ были упомянутыя лица, внушенную имъ общественною средою, къ которой они принадлежали,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ большинствѣ ихъ сообщеній о происходившемъ въ то время довольно вѣрно подмѣчены истинныя причины

---

[1]) Бумаги сенатора Хвостова въ рук. отдѣл. Импер. Публич. библіотеки, т. II, л. 192 т. VII, л. 183—184.

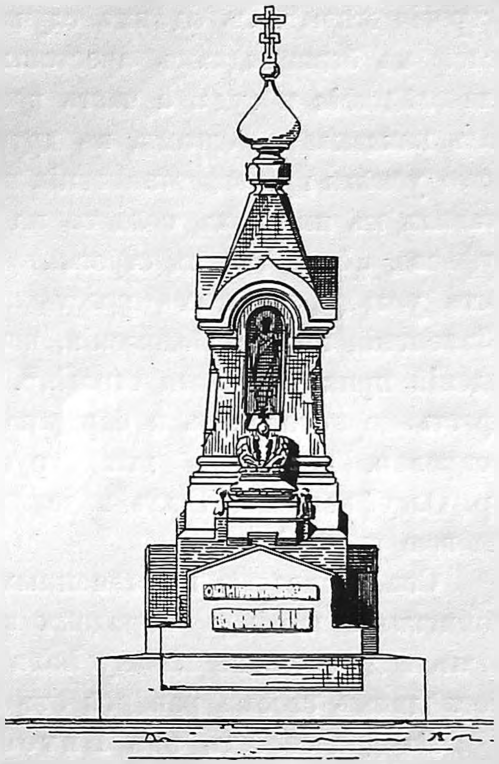
[2]) Инструкція эта находится въ 67 книгѣ «Дѣла Глав. Комитета по кр. дѣлу».

[3]) Въ нашемъ источникѣ нѣтъ донесеній изъ губ.: Новгородской, Таврической и земли В. Донского.

[4]) Обзоръ дѣйств. М. В. Д. по кр. дѣлу, Спб., 1864, стр. 2 и 4.

волненій и безпорядковъ, вызванныхъ примѣненіемъ новыхъ Положеній къ жизни: они коренились въ несоотвѣтствіи нормъ законоположеній ожиданіямъ и воззрѣніямъ крестьянъ, въ умѣ которыхъ не совмѣщалось понятіе о личной свободѣ съ понятіемъ объ обязательныхъ повинностяхъ въ пользу помѣщиковъ за предоставляемую имъ въ постоянное пользованіе землю [1]).

Обнародованіе манифеста о свободѣ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, начатое 5 марта 1861 г. въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, окончилось 2 апрѣля въ Кишиневѣ и принято было освобождаемыми, по офиціальному выраженію, „съ мирною признательностью“, за исключеніемъ трехъ губерній: Московской, гдѣ, по наблюденіямъ кн. Барятинскаго и собраннымъ имъ „вѣрнымъ свѣдѣніямъ, народъ довольно равнодушно принялъ благодѣтельную мѣру, обѣщавшую ему впереди упроченное благосостояніе“; Витебской, изъ которой г.-м. Веймарнъ доносилъ, что, объѣхавъ 8 западныхъ городовъ губ. и многія помѣщичьи имѣнія, онъ нашелъ, что „манифестъ не произвелъ то радостное впечатлѣніе, которое слѣдовало бы ожидать, и причиною тому былъ п. 6 манифеста, въ которомъ выражено, что, до истеченія двухлѣтняго срока, крестьяне должны исполнять прежнія ихъ повинности“, и Пермской губ., гдѣ „народъ слушалъ манифестъ съ большимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, но безъ особыхъ изъявленій радости“.

Памятникъ Александру II въ с. Малиничи, Проскурскаго уѣзда, Подольской губ. (сооруженъ крестьянами въ 1884—85 г.).

По мѣрѣ ознакомленія крестьянъ съ Положеніями, которыя обыкновенно попадали въ ихъ руки гораздо позже манифеста, начало обнаруживаться отношеніе ихъ къ новому закону. Такъ, изъ Виленской губ. уже съ конца марта 1861 г. стали поступать донесенія гр. Олсуфьева о проявленіи неповиновенія крестьянъ и объ отказѣ отъ исполненія барщины въ разныхъ имѣніяхъ по уѣздамъ: Виленскому, Ошмянскому, Дисненскому и Свѣнцянскому. Сперва гр. Олсуфьевъ полагалъ, что для прекращенія безпорядковъ

[1]) Чтобы не пестрить статью частыми ссылками на источники, отмѣчаю, что такими служили «всеподданнѣйшія донесенія г.-майоровъ и флигель-адъютантовъ свиты государя», содержащіяся въ 104, 105 и 106 книг. «Дѣла Главн. Комитета по кр. дѣлу», находящихся въ архивѣ Госуд. Совѣта.

достаточно будетъ только „вѣрнаго растолкованія новаго Положенія о крестьянахъ, которое, вѣроятно, какими-нибудь злоумышленниками было крестьянамъ фальшиво растолковано“, съ чѣмъ соглашался и мѣстный губернаторъ,—но когда онъ увидѣлъ, что всѣ принятыя мѣры убѣжденія крестьянъ были тщетны и что они не вѣрятъ тѣмъ объясненіямъ Положенія, которыя имъ давали помѣщики и мѣстныя власти, и, не признавая никакихъ властей, продолжали упорствовать въ отказѣ отъ исполненія повинностей, то гр. Олсуфьевъ убѣдился, что „мѣрами кротости безпорядки покончить невозможно“. И, посѣщая имѣнія, въ которыхъ волновались крестьяне, сталъ практиковать „строгія мѣры“: въ однихъ случаяхъ главныхъ зачинщиковъ и подстрекателей къ безпорядкамъ арестовывалъ и отправлялъ въ губернскій городъ для слѣдствія и суда, а часть крестьянъ „для примѣра другихъ“ приказывалъ наказывать розгами, въ другихъ,—сверхъ обычныхъ розогъ, для большаго успѣха при возстановленіи порядка между волновавшимися крестьянами, ставилъ въ имѣніяхъ солдатъ на временный постой. По убѣжденію гр. Олсуфьева, „безъ такихъ строгихъ мѣръ не было никакой возможности усмирить умы (?) буйныхъ крестьянъ, ибо они только тогда хотѣли слушать объясненія новаго Положенія, когда увидѣли, что мѣры противъ ихъ заблужденій приняты самыя строгія“. Съ помощью арестовъ, розогъ и экзекуцій крестьяне покорялись и барщина отбывалась по старинѣ болѣе или менѣе исправно. Примѣняя эти „грустныя, но неизбѣжныя мѣры наказанія“, гр. Олсуфьевъ выражалъ надежду, что они послужатъ хорошимъ примѣромъ на всю губернію.

Совокупностью примѣненныхъ гр. Олсуфьевымъ мѣръ при содѣйствіи воинскихъ командъ порядокъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Виленской губ. былъ водворенъ къ началу іюня 1861 г., какъ объ этомъ онъ доносилъ въ послѣднемъ своемъ рапортѣ отъ 29 мая 1861 г.

Въ донесеніяхъ изъ Витебской губ. г.-м. Веймарнъ первоначально увѣрялъ государя, что, судя по распоряженіямъ мѣстнаго губернатора и характеру народонаселенія, спокойствіе въ губерніи не будетъ нарушено и будутъ приходить изъ нея только „радостныя вѣсти“, но уже въ концѣ марта 1861 г., послѣ обнаружившагося въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Люцинскаго и Рѣжицкаго у. рѣшительнаго неповиновенія крестьянъ, заявившихъ, что они обязаны работать только 40 дней въ годъ съ каждаго хозяйства,—онъ сознался, что надежда на это не сбылась. Когда же въ имѣніи Солново, помѣщика Шадурскаго, крестьяне не признали въ Веймарнѣ присланнаго государемъ, то онъ рѣшилъ, и что „для спокойствія всего края нуженъ строгій приговоръ“, для осуществленія чего и вызвалъ изъ г. Динабурга роту солдатъ, въ присутствіи коей онъ потребовалъ выдачи зачинщика, взволновавшаго крестьянъ въ Солновѣ, а по отказѣ въ томъ, онъ „самъ кинулся на перваго попавшагося подъ руку крестьянина и, схвативъ его, приказалъ приготовить

розги", въ этотъ моментъ другіе крестьяне съ озлобленіемъ бросились на Веймарна, но подоспѣвшіе солдаты прикладами и штыками ихъ отбросили. Началось сѣченіе крестьянъ, въ результатѣ котораго „всѣ крестьяне пали на колѣни и просили пощады, назвавъ зачинщика". За симъ крестьяне со слезами и полною покорностью, въ присутствіи священника, просили прощенія у помѣщика, обѣщая во всемъ безпрекословно повиноваться.

Въ имѣніи пом. Паулина (Рѣжицкаго у.), при объясненіи Веймарномъ крестьянамъ правъ и обязанностей, они кричали, что хотятъ исполнить волю государя, а не то, что онъ имъ читалъ, что поэтому имъ должно служить всего 2 недѣли, а потомъ „земля и лѣса дѣлаются ихъ собственностью". Заявленіе Веймарна, что онъ посланъ государемъ для объясненія имъ правды и дѣйствительной воли его, не подѣйствовало; волненія крестьянъ усиливались, слышны были голоса: „Сорвите ему эполеты" и т. п. При такомъ оборотѣ дѣла Веймарнъ приказалъ двумъ полувзводамъ роты съ двумя офицерами внезапно кинуться на толпу и окружить ее, послѣ чего солдаты „силою и съ совершеннымъ безстрашіемъ (!) вытаскивали по нѣсколько крестьянъ и наказывали ихъ, судя по лѣтамъ и тѣлосложенію, безпощадно". Крестьяне пали на колѣни и просили пощады, но Веймарнъ объявилъ имъ, что „правосудіе должно быть удоглетворено (sic!), и, наказавъ еще 20 человѣкъ, пошелъ съ крестьянами въ церковь, гдѣ священникъ заставилъ ихъ предъ алтаремъ дать обѣтъ, что всегда будутъ покорны волѣ царской" [1]).

Памятникъ Александру II въ с. Бѣлый-Ключъ, Корсунскаго у., Симбирской губ. (1889).

Рѣшительныя мѣры, принятыя въ имѣніяхъ Шадурскаго и Паулина, произвели, по донесенію Веймарна, „желанное впечатлѣніе на большую часть имѣній Люцинскаго и Рѣжицкаго у., крестьяне снова принялись за работы въ имѣніяхъ". Но вскорѣ ему пришлось имѣть дѣло съ усмиреніемъ крестьянъ въ имѣніи гр. Платера, Людвіанополѣ, гдѣ они отказались работать барщину и выбирать старостъ и добросовѣстныхъ, говоря, что должностныя лица эти имъ не нужны. Здѣсь, при словахъ Веймарна: „схватить главнаго

[1]) На рапортѣ объ этомъ Веймарна Александръ II написалъ: «Онъ дѣйствовалъ молодцомъ».

говоруна и принести розги", вся толпа крестьянъ мгновенно вооружилась дубинами, припрятанными у нихъ подъ кафтанами, и съ неимовѣрною дерзостью кинулась на роту солдатъ, стоявшую въ развернутомъ фронтѣ противъ крестьянъ. Крестьянина, бросившагося на Веймарна, онъ ранилъ саблею въ руки и, исчерпавъ все терпѣніе, приказалъ солдатамъ „дѣйствовать штыками, направляя удары въ руки, при чемъ было ранено 12 крестьянъ. По строгомъ наказаніи 20 человѣкъ всѣ крестьяне покорились".

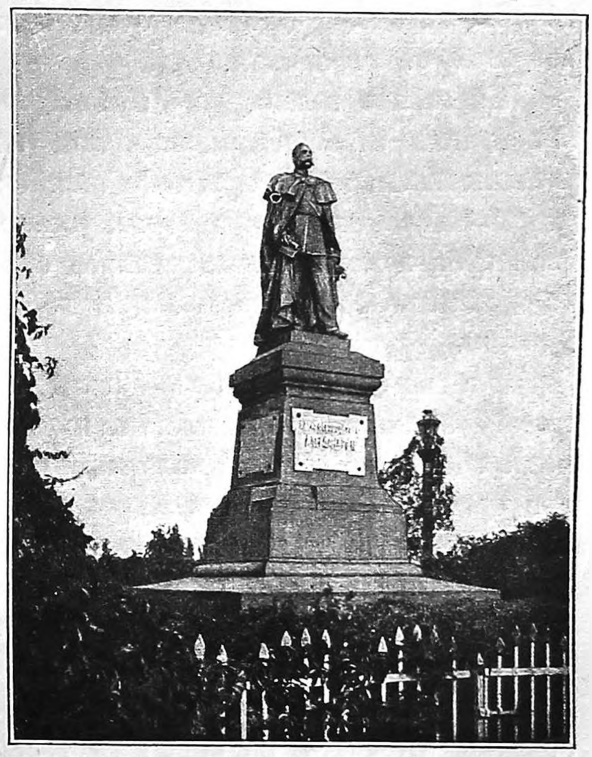
Примѣняя „строгія мѣры" для успокоенія крестьянъ, Веймарнъ сознавалъ, что главная причина волненій, охватившихъ крестьянъ Инфляндскихъ у., Витебской губ., коренится въ недоразумѣніи касательно барщинной повинности согласно п. 2 ст. 7-й правилъ о приведеніи въ дѣйствіе Положеній, въ силу коего мужская барщина должна отбываться въ прежнемъ размѣрѣ до утвержденія уставныхъ грамотъ съ каждаго взрослаго работника, надѣленнаго землею; по мѣстному же обычаю, при фермерскомъ хозяйствѣ работы помѣщикамъ справлялись не по днямъ, а по участкамъ, соразмѣрно съ числомъ десятинъ, которыми крестьяне пользовались, при чемъ число взрослыхъ крестьянъ въ хозяйствѣ никогда не принималось въ расчетъ. На необходимость согласовать п. 2 ст. 7-й Положенія съ мѣстнымъ обычаемъ отбыванія повинностей обратилъ вниманіе и государь Александръ II, сдѣлавшій отмѣтку на донесеніи о томъ Веймарна: „Разсмотрѣть въ Главномъ Комитетѣ и дать на основаніи рѣшенія немедленно знать какъ губернатору, такъ и г.-м. Веймарну". Вслѣдствіе этого уже 7 мая 1861 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о размѣрѣ барщинной повинности въ Инфляндскихъ у., Витебской губ., впредь до утвержденія уставныхъ грамотъ, разъяснившее законъ въ смыслѣ облегченія повинностей крестьянамъ [1]).

Оставляя Витебскую губ. въ началѣ іюня 1861 г., Веймарнъ докладывалъ государю, что хотя спокойствіе въ большей части Инфляндскихъ у и водворено, но время отъ времени проявляются значительные безпорядки, могущіе снова принять обширные размѣры, а потому для предотвращенія ихъ въ будущемъ находилъ необходимымъ размѣстить въ этихъ уѣздахъ на продолжительное время казаковъ, отъ 8 до 10 человѣкъ въ каждомъ мировомъ участкѣ. По этому поводу государь положилъ резолюцію, что онъ на это согласенъ, о чемъ и увѣдомить военнаго министра.

Въ Гродненской губ. въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: Брестскаго, Пружанскаго, Слонимскаго и Бѣлостокскаго, крестьяне до 10.000 душъ упорно отказывались отъ исполненія повинностей въ пользу помѣщиковъ, установленныхъ инвентарями. Въ имѣніи Фрибеса крестьяне, по прочтеніи манифеста, объявили, что онъ подложенъ; дѣйствительнымъ же манифестомъ, подписаннымъ, по ихъ убѣжденію, золотыми буквами, дарована имъ свобода безъ

[1]) Сборникъ правит. распор. по устройству быта кр., т. I, ч. I, стр. 43—44.

всякихъ обязательствъ владѣльцамъ за земли, на которыхъ они поселены. Не довѣряя мѣстнымъ властямъ и духовенству, какъ подкупленнымъ, по ихъ мнѣнію, помѣщиками, которые въ видахъ своихъ собственныхъ выгодъ составили прочтенный имъ манифестъ, крестьяне угрожали тѣмъ, которые изъявили бы согласіе исполнять повинности, съ рѣшимостью заявивъ, что они побьютъ ихъ камнями, сожгутъ ихъ дома, а сами разойдутся по лѣсамъ. На увѣщанія фл.-ад. Нарышкина они отвѣтили не признаніемъ его за посланнаго государемъ, „единогласно называя его подкупленнымъ также и переодѣтымъ майоромъ квартирующаго въ г. Бѣлостокѣ полка“. Когда толпа крестьянъ, собравшихся въ м. Заблудовѣ, не прониклась увѣщаніями Нарышкина, то по его распоряженію „болѣе дерзкіе изъ нихъ до ста человѣкъ изъ разныхъ деревень и вотчинъ были наказаны розгами, отъ 5 до 50 ударовъ, послѣ чего они совершенно раскаялись, обѣщая выполнять всѣ инвентарныя повинности“. Однакожъ, извѣрившись въ успѣшности „кроткихъ и убѣдительныхъ внушеній и увѣщаній“ волновавшихся крестьянъ, Нарышкинъ сталъ держаться одной системы переубѣжденія ихъ: наказывалъ волновавшихся крестьянъ при содѣйствіи солдатъ и непремѣнно въ присутствіи крестьянъ изъ другихъ сосѣдственныхъ уѣздовъ, оправдывая такой пріемъ стремленіемъ предупредить безпорядки въ другихъ уѣздахъ губерніи, о чемъ и доносилъ, упоминая, что подобными мѣрами крестьяне были приводимы въ повиновеніе.

Памятникъ Александру II въ м. Семеновкѣ, Новозыбковскаго у., Черниговской губ. (1887).

Причинами неповиновенія крестьянъ, по объясненію Нарышкина, были: недовѣріе ихъ къ мѣстнымъ властямъ, помѣщикамъ и духовенству при толкованіи ими Положеній, подозрѣніе, что ихъ при этомъ обманываютъ, и ожиданіе „послѣдовавшаго будто бы какого-то Высочайшаго повелѣнія, еще не обнародованнаго“.

Въ Ковенской губ., только въ немногихъ имѣніяхъ уѣздовъ Россіенскаго и Ново-Александровскаго крестьяне уклонялись отъ исполненія повинностей и требовали перехода на оброкъ. Отправившись въ имѣніе Кайсаровой, гдѣ крестьяне съ особымъ упорствомъ отказывались нести барщину, фл.-ад.

Манзей, послѣ уговоровъ и увѣщаній крестьянъ въ теченіе недѣли отбывать повинности, видя, что „мѣры кротости болѣе невозможны, тѣмъ болѣе, что спокойствіе всего края зависѣло отъ усмиренія крестьянъ этого имѣнія, поставилъ на экзекуцію 2 роты солдатъ по деревнямъ и, собравъ не повинующихся крестьянъ, приказалъ при нихъ наказать нѣсколько человѣкъ розгами извѣстныхъ ему зачинщиковъ и подстрекателей къ неповиновенію". Эта мѣра воздѣйствовала: всѣ крестьяне на колѣняхъ просили помилованія и обѣщались исполнять впредь всѣ обязанности безусловно. Этою мѣрою, по признанію Манзея, безъ жестокости и несчастныхъ случаевъ были успокоены не только 2.245 душъ крестьянъ Кайсаровой, но и крестьяне всѣхъ 12 прилегающихъ имѣній, которые, узнавъ, что кайсаровцы покорились, вышли на барщину и исправно ее исполняли.

Крестьяне нѣкоторыхъ имѣній въ Ново-Александровскомъ у. тоже начали неисправно отбывать повинности; по дознанію Манзея оказалось, что они введены были въ заблужденіе ошибочнымъ пониманіемъ Положенія, думая, что къ нимъ относятся правила, установленныя для 4 Инфляндскихъ у., Витебской губ., а потому отказывались отъ исполненія инвентарей и не внимали увѣщаніямъ мѣстныхъ властей въ убѣжденіи, что они подкуплены помѣщиками.

Здѣсь дѣло обошлось „безъ употребленія строгихъ мѣръ", но все же въ 4 имѣніяхъ были поставлены на экзекуцію 2 эскадрона уланъ. Упроченіе спокойствія въ 15 волновавшихся имѣніяхъ Манзей приписывалъ, кромѣ его кроткихъ и строгихъ мѣръ, еще и содѣйствію помѣщиковъ, которые согласились сдѣлать крестьянамъ значительныя уступки въ работахъ противъ утвержденныхъ инвентарями, такъ какъ они въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ дѣйствительно были сложны и обременительны для крестьянъ.

Въ Ковенскомъ у. дезертиръ Войничка, тайно собирая крестьянъ, объяснялъ Положеніе въ льготномъ для нихъ смыслѣ, увѣряя, что крестьяне обязаны отбывать на барщинѣ только три мужскихъ дня, чѣмъ и успѣлъ отклонить ихъ въ 9 имѣніяхъ отъ исполненія обязанностей къ помѣщикамъ. Схваченный Войничка заключенъ былъ въ тюрьму, а Манзей, объѣхавъ взволнованныя имъ имѣнія, привелъ крестьянъ въ совершенное повиновеніе, наказавъ розгами въ двухъ имѣніяхъ нѣсколько человѣкъ, не желавшихъ слушать его увѣщаній.

Въ концѣ мая 1861 г., оставляя Ковенскую губ., Манзей удостовѣрялъ, что крестьяне исправно отбываютъ свои работы и что порядокъ долженъ еще болѣе упрочиться со вступленіемъ въ должности мировыхъ посредниковъ и по открытіи сельскихъ и волостныхъ обществъ.

Изъ Могилевской губ. контръ-адмир. Заринъ сообщалъ, что „помѣщики вполнѣ довольны Положеніемъ, а многіе изъ нихъ открыто высказывали, что ожидали гораздо большихъ усѣченій своимъ интересамъ; крестьяне

же, не умѣя понять своего будущаго въ настоящемъ, видимо, ожидали большихъ льготъ. Особенно трудно понять крестьянамъ правила о топливѣ, ибо здѣсь, въ лѣсистой мѣстности, крестьяне искони привыкли, не стѣсняясь, пользоваться дровами изъ помѣщичьихъ дачъ для своего употребленія и для продажи, и ихъ не легко будетъ убѣдить въ законности новаго порядка". Это—одинъ изъ главныхъ пунктовъ, могущихъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ.

Возникшіе въ имѣніяхъ Рогачевскаго у. безпорядки, при заявленіи крестьянъ отбывать барщину только одинъ день въ недѣлю, сперва прекращались одними убѣжденіями, но впослѣдствіи, съ открытіемъ полевыхъ работъ въ разныхъ мѣстахъ губ. и преимущественно въ уѣздахъ Гомельскомъ, Оршанскомъ и Рогачевскомъ, когда крестьяне отказывались отбывать установленную 3-дневную барщину, самовольно уменьшая ее до 2 и даже до 1 дня въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вовсе отказывались отъ всякой обязательной повинности, Заринъ обратился къ „мѣрамъ насильственнымъ и энергическимъ": объѣхавъ 19 имѣній, онъ, при содѣйствіи войскъ, подвергалъ виновныхъ наказаніямъ, при чемъ всякій разъ собиралъ по нѣсколько человѣкъ изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, имѣя въ виду примѣрнымъ наказаніемъ предупредить дальнѣйшее распространеніе непокорности. Такими мѣрами спокойствіе было водворяемо и время для посѣвовъ и прочихъ полевыхъ работъ не было потеряно.

Главною причиною бывшихъ въ Могилевской губ. безпорядковъ Заринъ считалъ неравномѣрное распредѣленіе между крестьянами издѣльной повинности: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ существовала двухдневная барщина, въ другихъ же—трехдневная, которая по мѣстнымъ условіямъ не легка; изъ-за этого происходило постоянное и справедливое возбужденіе зависти и неудовольствія крестьянъ излишне обремененныхъ въ этихъ имѣніяхъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, Заринъ не упускалъ случаевъ убѣждать помѣщиковъ уступать крестьянамъ 3-й день въ недѣлю, на что многіе и соглашались. Источникомъ неудовольствія крестьянъ было еще стремленіе нѣкоторыхъ помѣщиковъ пользоваться попрежнему сгонными днями въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ они по обычаю отбывали двухдневную барщину. По этому предмету Заринъ находилъ нужнымъ даже сдѣлать общее распоряженіе чрезъ Главный Комитетъ о сельскомъ состояніи, но представленіе его объ этомъ не было имъ уважено.

Въ Минской губ. центромъ крестьянскихъ волненій были имѣніе Бриневъ, Мозырскаго у., въ которомъ крестьяне, считая себя со времени объявленія манифеста свободными отъ прежнихъ повинностей помѣщику, перестали отбывать барщину въ размѣрахъ, установленныхъ инвентарями, а крестьяне с. Лясковичъ, принадлежащаго къ имѣнію Бриневъ, рѣшили „стоять непоколебимо за то, чтобы не исполнять требуемыхъ повинностей и дѣлать

барщину по 1-му мужскому и 1-му женскому дню въ недѣлю, а чтобы такое постановленіе было обязательнѣе и дабы не выдавали другъ друга, крестьяне, собравшись въ одну избу, поклялись на то передъ иконою". За крестьянами с. Лясковичи и по ихъ внушенію послѣдовали крестьяне всѣхъ другихъ деревень, при имѣніи Бринева числящихся, а также и 4 сосѣднія имѣнія.

На всѣ убѣжденія, просьбы и приказанія фл.-ад. Кавелина крестьяне отвѣчали: „мы не поддадимся подъ помѣщика, хоть горло всѣмъ перерѣжь, намъ не сходно работать болѣе одного дня въ недѣлю". Кавелинъ приказалъ арестовать двухъ крестьянъ и наказать ихъ розгами; это взволновало другихъ крестьянъ, и они устремились черезъ ряды военной команды къ мѣсту наказанія, но приказъ — бить крестьянъ прикладами ружей вынудилъ бѣгство большей части ихъ въ лѣсъ. Однакоже, спустя нѣкоторое время, они вернулись, заявивъ готовность отбывать инвентарную повинность, но это уже не удовлетворяло Кавелина, и, собравъ крестьянъ всѣхъ волновавшихся имѣній, онъ велѣлъ наказать розгами изъ числа ихъ нѣсколько человѣкъ для примѣра. Такое же примѣрное наказаніе примѣнялъ Кавелинъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ.

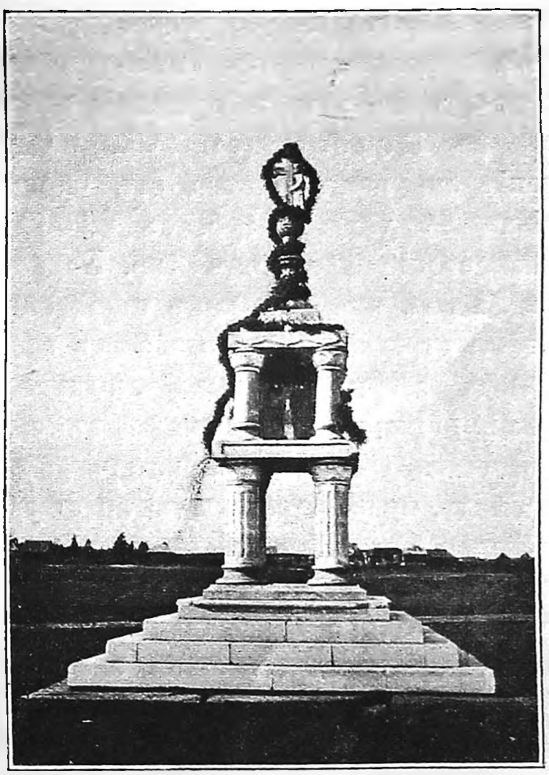
Въ заключеніе своихъ донесеній Кавелинъ высказалъ мнѣніе о главныхъ причинахъ и поводахъ, возбуждавшихъ крестьянъ къ неповиновенію, а именно: 1) толки и слухи, распространявшіеся проходившими по губерніи людьми разнаго званія, что нигдѣ болѣе одного дня крестьяне не работаютъ; 2) увѣренность крестьянъ, три года съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ свободы, что государь радъ дать имъ и волю и землю, но что помѣщики никакъ не хотятъ этого, а потому они не такъ толкуютъ Положенія и даже вырываютъ будто бы листы изъ нихъ, дабы не все имъ читать; 3) несовершенное пониманіе нѣкоторыхъ правилъ, изложенныхъ въ Положеніи, и превратное ихъ толкованіе не только крестьянами, но и помѣщиками, и 4) недостаточное образованіе сельскихъ священниковъ, которые, не понимая читаемаго, превратно толковали крестьянамъ какъ манифестъ, такъ и Положеніе [1]).

Изъ Волынской губ. за время командировки отъ фл.-ад. князя Грузинскаго поступило къ государю всего два рапорта; въ одномъ изъ нихъ онъ доносилъ о неповиновеніи крестьянъ м. Мирополя, имѣнія графа Чапскаго, гдѣ крестьяне отказались отбывать барщину согласно Положенію, вслѣдствіе превратнаго объясненія мѣстнымъ священникомъ Луцкевичемъ, что они совершенно свободны, и только изъ расположенія къ помѣщику могутъ, если хотятъ, работать по 2 дня въ недѣлю. Но при содѣйствіи роты солдатъ крестьяне сознали свое заблужденіе и, цѣлуя руки чиновниковъ и духовенства, просили прощенія и обѣщали отбывать по Положенію

[1]) Слова превратно и т. д. подчеркнуты государемъ и на рапортѣ написано: «если таковые были, то слѣдовало ихъ указать епархіальному начальству».

всѣ работы на помѣщика. Послѣ этого, по легкомъ наказаніи 5 человѣкъ, всѣ арестованные были освобождены, а священникъ Луцкевичъ, по распоряженію мѣстнаго епископа, отправленъ въ Любарскій монастырь.

Въ другомъ рапортѣ сообщалось о неповиновеніи крестьянъ въ имѣніи Милліовича, въ Овручскомъ у., выразившемся въ рѣшеніи крестьянъ не отбывать помѣщику болѣе 2 мужскихъ дней и одного женскаго. Здѣсь, въ присутствіи 2 ротъ солдатъ, крестьяне „съ трепетомъ ожидали рѣшенія ихъ участи“ и встрѣтили фл.-ад. Грузинскаго на колѣняхъ, повторяя, что будутъ работать, какъ имъ прикажутъ. Наказавъ признанныхъ болѣе виновными розгами, кн. Грузинскій распорядился, чтобы приняты были мѣры къ поимкѣ дворянъ Оборскаго и Севрука, которые, по показанію крестьянъ, читали и объясняли имъ Положеніе въ превратномъ смыслѣ.

Памятникъ, воздвигнутый мастеровыми Сысертскаго завода въ память освобожденія крестьянъ (1868).

Въ Кіевской губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ доносилъ фл.-ад. кн. Лобановъ-Ростовскій, крестьяне ожидали „окончательнаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости и безвозмезднаго дарованія имъ находящихся въ ихъ пользованіи угодій“. Въ Бердичевскомъ у. въ 34 селеніяхъ, съ населеніемъ въ 12.145 душъ, крестьяне вышли изъ всякаго повиновенія помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ, объявивъ, что по Положенію они не должны работать на помѣщиковъ болѣе одного мужского дня въ недѣлю. Вытребованы были 2 роты солдатъ и при помощи ихъ кн. Лобановъ-Ростовскій „легкими исправительными наказаніями“ достигъ подчиненія крестьянъ требованіямъ закона въ отношеніи исполненія повинностей. Въ с. Осипяжинѣ того же уѣзда крестьяне не допустили казаковъ взять для наказанія своихъ односельчанъ, но сопротивленіе ихъ не выдержало казачьихъ нагаекъ и ударовъ тупиками пикъ, и крестьяне послѣ этого столкновенія съ казаками всѣ разбѣжались изъ домовъ. Данный Лобановымъ-Ростовскимъ 3-дневный срокъ на возвращеніе въ домы и выдачу зачинщиковъ не имѣлъ успѣха, и потому онъ, расположивъ дивизіонъ улановъ экзекуціоннымъ порядкомъ, въ виду распространявшагося волненія крестьянъ сосѣднихъ имѣній, въ числѣ 4.270

душъ,—принялся разыскивать виновныхъ, и чтобы показать, что безпорядки не могутъ остаться безъ взысканія, наказалъ нѣсколько человѣкъ розгами. Добившись обнаруженія толкователей Положенія — поручика Дерамера, служившаго писаремъ, и дворянина Осинскаго, писаря с. Оситняжни, подъ вліяніемъ которыхъ въ умахъ крестьянъ „вкоренилась мысль совершеннаго неповиновенія помѣщикамъ“, Лобановъ-Ростовскій продолжалъ свою дѣятельность по части успокоенія крестьянъ, наказывая болѣе строптивыхъ розгами, чѣмъ и достигалъ сознанія крестьянъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Въ числѣ причинъ уклоненія крестьянъ отъ исполненія повинностей Лобановъ-Ростовскій указывалъ на бездѣйствіе мѣстной полиціи, которая, боясь дѣйствовать энергически, прибѣгала къ тѣлеснымъ наказаніямъ при началѣ крестьянскихъ безпорядковъ и, донося, что все спокойно и въ порядкѣ, вводила въ заблужденіе начальника губерніи [1]).

Въ Подольской губ., по донесеніямъ фл.-ад. барона Корфа, волненія на почвѣ отказа отъ барщины охватили населеніе въ 159 селеніяхъ 12 уѣздовъ губ. съ 80.000 душъ муж. пола. При приведеніи въ повиновеніе крестьянъ бар. Корфъ примѣнилъ тѣлесное наказаніе только въ 21 сел. изъ 159, и къ такой снисходительности побуждало его опасеніе, „дабы строгостью не озлоблять крестьянъ противъ помѣщиковъ и не дать повода злоумышленнымъ людямъ указывать крестьянамъ на жестокое съ ними обращеніе“. Однажды въ с. Тимановкѣ, Ямпольскаго у., при свалкѣ крестьянъ съ солдатами, которымъ приказано было прикладами ружей осадить громаду, препятствовавшую арестовать одного изъ крестьянъ, на землѣ былъ найденъ одинъ крестьянинъ съ штыковою раною подъ сердцемъ, отъ которой умеръ, а 8 крестьянъ за сопротивленіе были преданы суду, изъ которыхъ 5 по наказанію 60 ударами розогъ были отданы въ арестантскія роты, съ лишеніемъ правъ состоянія, а 3 человѣка наказаны 40 ударами. Но за всѣмъ тѣмъ, по объясненію бар. Корфа, „большинство помѣщиковъ были крайне недовольны тѣмъ, что при приведеніи крестьянъ въ повиновеніе употреблялись имъ сколь возможно кроткія мѣры, хотя каждый изъ нихъ желалъ, однако, чтобы мѣры строгости были употреблены не въ его, а въ сосѣднихъ съ нимъ имѣніяхъ“. Это желаніе помѣщиковъ было новымъ поводомъ избѣгать строгости, потому что въ немъ можно было подозрѣвать, не безъ основанія, затаенную мысль—возбужденіе крестьянъ противъ правительства, такъ какъ расположеніе умовъ дворянства Подольской губ. неблагонамѣренно правительству [2]).

---

[1]) На рапортѣ объ этомъ государь Александръ II написалъ: «надѣюсь, что князь Васильчиковъ приметъ мѣры, чтобы мѣстная полиція дѣйствовала какъ слѣдуетъ».

[2]) Противъ этого мѣста рапорта бар. Корфа государь Александръ II сдѣлалъ отмѣтку «весьма дѣльно».

Изслѣдуя причины, отъ которыхъ возникали безпорядки, бар. Корфъ приводилъ, что, кромѣ безграмотности крестьянъ, недовѣрія ихъ къ земской полиціи, помѣщикамъ и отчасти къ сельскому духовенству, что вынуждало ихъ обращаться за прочтеніемъ и разъясненіемъ закона къ людямъ, толковавшимъ его въ превратномъ видѣ,—не малою причиною служило также и ожиданіе крестьянами воли въ томъ смыслѣ, что всякія обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами сразу прекратятся. Въ происходившихъ безпорядкахъ не малая вина была также и помѣщиковъ, не исполнявшихъ инвентарныхъ правилъ; по его свидѣтельству, ни въ одномъ изъ посѣщенныхъ имъ имѣній инвентари не соблюдались въ точности, и всѣ отступленія отъ нихъ дѣлались въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянъ.

Неправильное и нерадивое исполненіе барщины крестьянами побудило подольское дворянство ходатайствовать предъ правительствомъ о содѣйствіи крестьянамъ, состоящимъ на издѣльной повинности, въ пріобрѣтеніи ими въ собственность надѣловъ, находя въ немедленномъ прекращеніи обязательныхъ отношеній съ крестьянами единственное средство мирно и спокойно окончательно развестись съ ними. Съ своей стороны, и бар. Корфъ, видя вблизи ненормальность положенія издѣльныхъ имѣній, для которыхъ выкупъ безъ перехода на оброкъ не допущенъ, подтверждалъ цѣлесообразность указанной мѣры [1]).

Оставляя Подольскую губ., бар. Корфъ свидѣтельствовалъ, что однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ поддержанію спокойствія въ губерніи, по прекращеніи безпорядковъ, былъ удачный выборъ сельскихъ старостъ, волостныхъ старшинъ и мировыхъ посредниковъ, при чемъ послѣдніе начали уже заслуживать довѣріе крестьянъ.

Въ Черниговской губ. центромъ волненій были с. Безугловка, Нѣжинскаго у., крестьяне которой твердо рѣшили не отбывать повинности помѣщикамъ и разсылали своихъ агентовъ въ сосѣднія селенія съ цѣлью развить непокорность въ возможно большемъ размѣрѣ, въ чемъ и достигли отчасти успѣха, такъ какъ къ рѣшенію ихъ присоединились до 2.000 душъ. Въ Безугловкѣ контръ-адмиралъ Уньковскій „убѣдился въ истинномъ направленіи мысли и причинъ недовольства крестьянъ“: „землю, находящуюся въ ихъ пользованіи, они считали своею собственностью, и эта мысль до того крѣпка, что они готовы отстаивать ее, хотя бы пришлось поплатиться жизнію за это“. Увѣщанія его не дѣйствовали на крестьянъ, а потому, опа-

[1]) Императоръ Александръ II на рапортѣ объ этомъ бар. Корфа написалъ: «прошеніе дворянъ Подол. губ. необходимо обсудить въ Главномъ Комитетѣ. Взглядъ бар. Корфа признаю правильнымъ».—Впослѣдствіи (27 іюня 1862 г.) состоялось Высоч. повелѣніе о распространеніи на крестьянъ, состоящихъ на издѣльной повинности, содѣйствія правительства къ пріобрѣтенію въ собственность поземельнаго ихъ надѣла, какъ общій законъ для всей Имперіи («Сборн. прав. расп. по устр. быта крестьянъ», т. III, ч. I, стр. 58—62).

саясь распространенія духа непокорности по всему Нѣжинскому уѣзду и зараженія имъ сосѣднихъ уѣздовъ, Уньковскій принялъ „рѣшительныя мѣры, дабы силою примѣра остановить дальнѣйшій ходъ неповиновенія“, а потому, собравъ 3 батальона солдатъ, началъ арестовывать зачинщиковъ; но при этомъ вся толпа оказала сопротивленіе и съ крикомъ: „громада впередъ“ кинулась было на солдатъ. Но пущенныя въ ходъ розги имѣли рѣшительный успѣхъ: крестьяне повинились и указали зачинщиковъ, тутъ же закованныхъ въ кандалы.

Съ половины апрѣля 1861 г. начали быстро распространяться безпорядки между крестьянами Новгородъ-Сѣверскаго у.: до 9 тысячъ крестьянъ во многихъ помѣстьяхъ не приступали къ работамъ не только на помѣщичьихъ земляхъ, но и на находящихся въ пользованіи самихъ крестьянъ. Для приведенія неповинующихся крестьянъ въ покорность, Уньковскій, убѣдясь, что „увѣщанія, не поддержанныя военною силою, оказывались безполезными“, привлекъ къ содѣйствію земской полиціи полкъ солдатъ и, пользуясь матеріальной силой, сломилъ упорство крестьянъ Каменской слободки, въ числѣ 500 человѣкъ, которыхъ онъ считалъ главными виновниками разросшагося волненія въ Стародубскомъ у. Это имѣло вліяніе и на другія имѣнія, гдѣ волновавшіеся крестьяне изъявляли „полное раскаяніе и на колѣняхъ со слезами испрашивали у Уньковскаго прощенія“. Толкователи Положенія и главные зачинщики заключены были въ острогъ въ числѣ 36 человѣкъ, а менѣе виновные, около 50 человѣкъ, наказаны были розгами отъ 10 до 30 ударовъ, а въ селеніяхъ, наиболѣе виновныхъ въ безпорядкахъ, былъ разставленъ батальонъ солдатъ по-ротно на содержаніи крестьянъ.

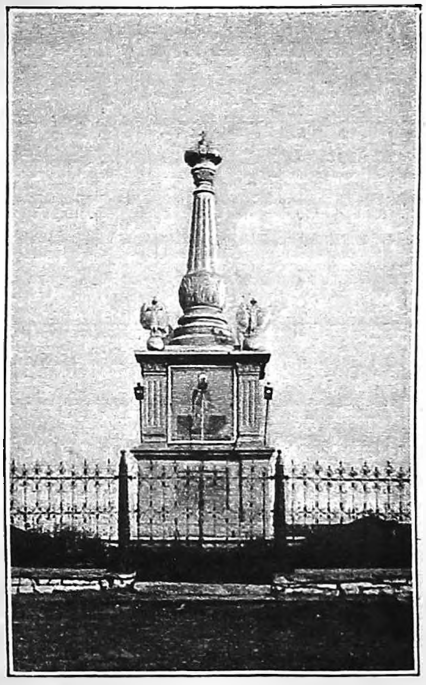
Укрѣпившись въ мысли, что „одно лишь тѣлесное наказаніе изумительно и внезапно измѣняетъ“ настроеніе цѣлыхъ громадъ, Уньковскій, практикуя это средство воздѣйствія на волновавшихся крестьянъ, отмѣтилъ, между прочимъ, что „крайнее невѣжество священниковъ много способствовало распространенію порядковъ, ибо ложнымъ истолкованіемъ Положенія они волновали умы крестьянъ“ [1]).

Изъ Полтавской губ. бар. Котенъ доносилъ о безпорядкахъ, вызванныхъ примѣненіемъ Положенія, только въ 2 уѣздахъ Гадячскомъ и Роменскомъ. Въ с. Бобринѣ крестьяне отказались исполнять барщину по Положенію, утверждая, что до этого они пользовались у своего владѣльца большею частью тѣхъ облегченій, какія установлены въ новомъ законѣ. По безуспѣшности увѣщаній мѣстнаго начальства, бар. Котенъ наказалъ розгами въ Бобринѣ болѣе упорствовавшихъ, а 9 человѣкъ отправилъ въ г. Гадячъ для содержанія подъ стражею и слѣдствія. Въ с. Константиновкѣ неточное исполне-

[1]) Это вызвало отмѣтку государя: «сообщить оберъ-прокурору Синода для обращенія особаго вниманія епархіальнаго начальства».

ніе обязанностей крестьянами произошло отъ ложнаго пониманія Положенія; здѣсь, выискавъ 9 человѣкъ, виновныхъ въ возбужденіи остальныхъ крестьянъ, Котенъ заточилъ ихъ въ тюрьму, а чтобы примѣръ безпорядка столь значительнаго имѣнія, какъ Константиново, не нашелъ послѣдователей въ сосѣднихъ имѣніяхъ, онъ расположилъ тамъ въ видѣ экзекуціи 2 роты солдатъ, отчего, по его заключенію, получился благопріятный результатъ и крестьяне успокоились.

Въ Харьковской губ. волненія крестьянъ начались въ с. Знаменскомъ, Валковскаго у. Здѣсь, на ярмаркѣ, какъ доносилъ фл.-ад. гр. Шуваловъ, съѣхавшимися крестьянами было принято нѣсколько общихъ рѣшеній, послѣдствіемъ коихъ было распространеніе волненій по многимъ селеніямъ. Вездѣ одинаково они объявили, что рѣшились не работать болѣе одного дня въ недѣлю, и перестали выходить на барщину; вездѣ также они не хотѣли болѣе слушать Положенія и въ нѣсколькихъ имѣніяхъ отказались даже отъ сохраненія у себя его экземпляровъ. Всѣ увѣщанія крестьянъ с. Знаменскаго исправникомъ, временнымъ отдѣленіемъ суда и губернаторомъ остались тщетными. Тогда при содѣйствіи дивизіона уланъ взяты были 5 крестьянъ и наказаны по 50 ударовъ розгами, послѣ чего остальные крестьяне пришли въ покорность и на колѣняхъ приняли книгу Положенія, отъ котораго до этого они отказывались.

Памятникъ Александру II въ Кыштымскомъ заводѣ, Екатеринб. у., Пермской губ. (1886).

Въ Херсонской губ. вслѣдъ за объявленіемъ манифеста во многихъ имѣніяхъ уѣздовъ Тираспольскаго, Ананьевскаго и Одесскаго крестьяне отказались отъ исполненія повинностей въ пользу помѣщиковъ подъ вліяніемъ дошедшихъ до нихъ ложныхъ слуховъ и отчасти ошибочнаго толкованія манифеста приходскими священниками. Всего упорнѣе было неповиновеніе крестьянъ въ Одесскомъ у., гдѣ крестьяне нѣсколькихъ смежныхъ имѣній отказались отъ барщины, и чтобы оказать на нихъ „нравственное вліяніе“ (?), были вытребованы 2 роты солдатъ; по наказаніи нѣсколькихъ изъ крестьянъ розгами, всѣ остальные пришли въ повиновеніе. Причиною волненія здѣсь, по объясненію фл.-ад. Голынскаго, кромѣ слуховъ, было превратное толкованіе закона двумя приходскими священниками [1]).

[1]) Государь Александръ II, подчеркнувъ послѣднія слова, написалъ: «приказать сдѣлать съ нихъ взысканіе епархіальному начальству». Эти священники, въ числѣ другихъ

При помощи 2-хъ ротъ солдатъ были приведены въ повиновеніе крестьяне с. Михайловки, Тираспольскаго у. Здѣсь главные зачинщики были наказаны розгами, а чтобы не повадно были уклоняться отъ барщины и крестьянамъ сосѣднихъ имѣній, были также наказаны нѣкоторые изъ нихъ, и мѣра эта будто бы послужила къ водворенію спокойствія и во всѣхъ другихъ смежныхъ имѣніяхъ.

Изъ Екатеринославской губ. первоначально шли благопріятныя извѣстія о томъ, что крестьяне не выходили изъ повиновенія помѣщикамъ, къ которымъ они во многихъ случаяхъ обращались за разъясненіемъ Положенія. Но уже въ концѣ апрѣля 1861 г. обнаружились безпорядки и упорное неповиновеніе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Бахмутскаго у.; здѣсь ложнымъ толкованіемъ Положенія крестьянинъ Харьковскій отклонилъ отъ работы на помѣщиковъ до 2.000 крестьянъ, и такъ какъ онъ пріобрѣлъ особенное вліяніе на нихъ, то для арестованія его вытребованъ былъ взводъ драгунъ. По отправкѣ Харьковскаго въ тюрьму, фл.-ад. Рейтернъ вступилъ въ собесѣдованіе съ выборными крестьянами, желая больше всего водворить порядокъ мѣрами кротости и убѣжденіями, признавая толпу ослушниковъ болѣе заблуждавшимися, нежели злонамѣренными людьми, что ему и удалось, такъ какъ возвратившіеся въ селенія крестьяне убѣдили своихъ односельцевъ приняться за брошенныя работы и выдать оказавшихъ неповиновеніе начальству. Но въ с. Дружковкѣ пришлось все же употребить приклады ружей и шашечные удары плашмя при разгонѣ крестьянъ, нападавшихъ на солдатъ и требовавшихъ освобожденія Харьковскаго.

Изъ-за неправильнаго пониманія Положенія возникали безпорядки въ разныхъ имѣніяхъ уѣздовъ: Новомосковскаго, Павловскаго, Александровскаго и Славяносербскаго, но вездѣ неповиновеніе крестьянъ прекращалось увѣщаніями мѣстныхъ властей, кромѣ с. Елисаветовки, гдѣ крестьяне вообразили, что будто уже „наступило время гражданскаго разбирательства и уничтоженія существующихъ властей“, смѣнили сельскихъ властей, нанеся имъ при этомъ побои, и выбрали новыхъ должностныхъ лицъ; потребовалось присутствіе двухъ ротъ солдатъ, при участіи коихъ зачинщики были взяты и наказаны розгами.

„Духъ своеволія“ и дурное исполненіе помѣщичьихъ работъ стали распространяться среди крестьянъ Славяносербскаго у., но со времени вступленія мировыхъ посредниковъ въ должности порядокъ въ имѣніяхъ былъ возстановляемъ съ меньшими усиліями.

Въ Воронежской губ. число волновавшихся крестьянъ вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія простиралось до 10.000 ч., главнымъ образомъ въ имѣ-

---

семи, какъ оговоренные въ превратномъ толкованіи манифеста, были удалены отъ должностей, съ запрещеніемъ священнодѣйствія до рѣшенія о нихъ дѣла. На докладѣ о семъ оберъ-прокурора Синода государь написалъ: «очень хорошо».

Великороссіяне Воронежской губ.

(Изъ альбома Второва).

(Рус. худ. лист. Тимма 1860 г.).

ніяхъ Боровскаго у. Въ с. Тишанкѣ крестьяне заявили, что „царь прислалъ милостивую грамоту“, а потому они ни повинностей исполнять, ни оброка платить помѣщику не хотятъ и не будутъ; вся толпа крестьянъ взбрасывала шапки вверхъ съ криками: „Не хотимъ барина, долой барина! Будетъ, отработали! Пора на волю!“ Увѣщанія губернатора и флиг.-ад. Мердера не дѣйствовали; крестьяне настаивали на прекращеніи всякихъ отношеній къ помѣщикамъ, говоря, что „вѣрятъ только царскому слову, что они вольные, и никому болѣе“. При такомъ положеніи пришлось подвергнуть наиболѣе дерзкихъ наказанію розгами, а главныхъ зачинщиковъ и подстрекателей арестовать для преданія военному суду.

Въ д. Хлѣбородной упорно требовали прекращенія всякихъ обязанностей къ помѣщику немедленно, не ожидая никакихъ сроковъ. Право свое на это они основывали, во-первыхъ, на указѣ Синода, который они истребовали отъ приходскаго священника, гдѣ ни слова не сказано о срочно-обязанныхъ ихъ отношеніяхъ, и, во-вторыхъ, на томъ умозаключеніи, что если бы ихъ поступки были незаконны, то ихъ „давно бы пересѣкли“. Это послѣднее убѣжденіе, пояснялъ Мердеръ, вслѣдствіе трехвѣкового крѣпостного состоянія, къ сожалѣнію, общее между крестьянами. И здѣсь пущены въ ходъ розги для главныхъ виновниковъ, а 8 изъ нихъ были отосланы въ гор. Бобровъ, для слѣдствія и суда. Для предупрежденія превратнаго толкованія Положенія со стороны писателей, „большею частію отставныхъ гражданскихъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства“, Мердеръ находитъ желательнымъ высылку ихъ изъ предѣловъ губерніи [1]).

Въ Калужской губ. ознакомленіе крестьянъ съ новыми Положеніями совершалось довольно успѣшно, благодаря распоряженію губернатора Арцимовича объ участіи въ прочтеніи Положеній крестьянамъ назначенныхъ имъ для сего лицъ. Съ наибольшею радостью были приняты крестьянами: дарованіе личныхъ правъ, прекращеніе сборовъ сельскихъ произведеній, уменьшеніе барщины и измѣненіе порядка отправленія подводной повинности. По отзыву ген.-маіора Казнакова, впечатлѣнія эти были общія, и лишь только въ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ „съ идеею о свободѣ соединялось понятіе о совершенной вольности и даровой отдачѣ земель, крестьяне остались недовольны Положеніемъ, выразивъ чувства эти равнодушіемъ или грустнымъ настроеніемъ духа“. Со дня объявленія Положеній въ губерніи было много случаевъ частнаго неповиновенія крестьянъ, но большая часть ихъ происходила отъ неяснаго пониманія закона не только крестьянъ, но и помѣщиковъ, и оканчивалась миролюбиво. Исключеніе составляло продолжительное волненіе крестьянъ с. Кольцова, Тарутинскаго у. Здѣсь крестьяне, согласившись въ отказѣ отъ работъ, заявили недовѣріе къ Положенію, говоря, что имъ „не

[1]) Здѣсь на рапортѣ Мердера государь сдѣлалъ отмѣтку «разрѣшить».

то читаютъ теперь, что читалось прежде, и что государь даровалъ имъ свободу, а чиновники хотятъ вновь ввести въ крѣпость". Экстренная комиссія, посланная въ Кольцово губернскимъ присутствіемъ, не имѣла успѣха; крестьяне отказывались нести смѣшанную барщинно-оброчную повинность и требовали „одного положенія", т.-е. быть на барщинѣ или оброкѣ. Долгое неповиновеніе кольцовскихъ крестьянъ смутило всю окрестность; вездѣ съ нетерпѣніемъ ожидалась развязка ихъ дѣла, и крестьяне вездѣ говорили, что если у кольцовскихъ будетъ одно положеніе, то и они будутъ просить его. Увѣщанія Казнакова въ присутствіи роты солдатъ тоже не дѣйствовали; крестьяне упрямо заявляли, что ихъ могутъ разстрѣлять, но что они всѣ хотятъ одного положенія и не отступятъ отъ этого требованія. Угроза употребить оружіе, арестъ 4 зачинщиковъ и говоруновъ, приказъ офицера разогнать крестьянъ — все это не помогало; лишь наказавъ 9 человѣкъ отъ 5 до 30 ударовъ, а одного для примѣра безжалостно 100 ударами за несдержанное слово итти на работу, Казнаковъ достигъ, что барщинные сперва подъ конвоемъ солдатъ вышли на работу, которую и производили подъ присмотромъ станового пристава.

Исходъ дѣла въ Кольцовѣ отразился съ необычайною скоростью на всю окрестность: крестьяне пошли на работы и сдѣлались сговорчивѣе, оброки стали вноситься, заявленія объ ихъ неповиновеніи уменьшились. Во всѣхъ другихъ случаяхъ недоразумѣній съ крестьянами въ у. Мещовскомъ и Жиздринскомъ Казнаковъ уже безъ колебаній практиковалъ розги.

Изъ Рязанской губ. ген.-маіоръ Крейцъ сообщалъ, что въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Михайловскаго, Данковскаго и Сапожковскаго у. возникали безпорядки, хотя и не имѣвшіе характера возмущенія крестьянъ, но, тѣмъ не менѣе, требовавшіе прекращенія ихъ безъ малѣйшаго времени и при содѣйствіи воинскихъ командъ. Главною причиною волненій крестьянъ было уклоненіе ихъ отъ отбыванія смѣшанной повинности. Упорство проявлялось въ цѣлыхъ обществахъ крестьянъ, дѣйствовавшихъ заодно; крестьяне, убѣжденные, что ихъ никто не смѣетъ наказывать, не уступали требованію выдать главныхъ вожаковъ и говорили: если кто изъ нихъ виноватъ, то виноваты всѣ. Вездѣ по наказаніи зачинщиковъ розгами и отдачѣ ихъ подъ судъ порядокъ въ имѣніяхъ возстановлялся.

Въ Тульской губ. волненія крестьянъ происходили въ уѣздахъ Чернскомъ и Веневскомъ. Въ с. Гладкомъ крестьяне не только не вразумились разъясненіями Положенія властями, но еще объявили, что „земля и лѣса Божьи и царскіе и черезъ два года будутъ ихними, крестьянскими". Крестьяне сосѣднихъ имѣній слѣдили за ходомъ дѣла въ селѣ Гладкомъ, а потому скорое водвореніе въ немъ порядка считалось ген.-маіоромъ Ламбертомъ крайне настоятельнымъ, что, при содѣйствіи двухъ ротъ солдатъ, ему и удалось по наказаніи 24 чел. розгами и отдачѣ двухъ подстрекателей за безпорядки въ

арестантскія роты, при чемъ „при внушеніи находились понятые изъ окрестныхъ селеній, по 2 человѣка, всего 100 человѣкъ“. Во всѣхъ случаяхъ отказа отъ платежа оброковъ, невыхода на полевыя работы, буйства и своеволія крестьянъ Ламбертъ примѣнялъ розги, собирая крестьянъ въ пункты расправы изъ окрестныхъ деревень, а возбудителей къ неповиновенію сдавалъ въ арестантскія роты.

Въ Орловской губ. съ открытіемъ весеннихъ полевыхъ работъ во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ возникали у крестьянъ недоразумѣнія насчетъ отбыванія трехдневной барщины, требовавшія участія воинскихъ командъ для содѣйствія земской полиціи при наказаніи виновныхъ. Въ с. Зыбынѣ, Елецкаго у., для подчиненія буйствовавшихъ крестьянъ, освободившихъ арестованныхъ засѣдателемъ земскаго суда и вынудившихъ его прекратить слѣдствіе и удалиться,—ген.-маіоръ Толь вытребовалъ батальонъ солдатъ и довелъ ихъ до раскаянія; они на колѣняхъ просили у него помилованія, но Толь при собраніи крестьянъ ближайшихъ деревень наказалъ зачинщиковъ розгами, по степени ихъ вины, отъ 50 до 300 ударовъ, а старосту, признаннаго главнымъ возмутителемъ, предалъ суду.

Главною причиною упорства и непослушанія крестьянъ распоряженіямъ помѣщиковъ, по мнѣнію Толя, было смѣшеніе крестьянами правъ, пріобрѣтенныхъ ими по обнародованіи Положенія, съ правами и обязанностями, коими они могли воспользоваться только по введеніи уставныхъ грамотъ. Притязательныя, во многихъ случаяхъ неуступчивыя требованія и дѣйствія помѣщиковъ по отношеніи работъ также раздражали крестьянъ и ставили ихъ въ напряженныя отношенія къ помѣщикамъ.

Въ Курской губ. въ уѣздахъ Рыльскомъ, Грайворонскомъ, Путивльскомъ, Суджанскомъ и Корочанскомъ возникали безпорядки во многихъ имѣніяхъ, но особенно серьезный характеръ имѣли волненія крестьянъ въ слободѣ Ракитной, гдѣ 3.000 крестьянъ объявили, что должны работать по Положенію только одинъ разъ въ недѣлю. Такъ какъ примѣръ волненій въ Ракитной могъ имѣть вліяніе на смежныя имѣнія, гдѣ уже начинались уклоненія отъ барщины, то флиг.-ад. Корсаковъ учинилъ съ эскадрономъ солдатъ расправу, наказавъ розгами отъ 10 до 40 ударовъ нѣсколько человѣкъ, а дьячка, лжетолкователя Положеній, и другого зачинщика предалъ суду. Мѣра эта, строгая и рѣшительная, имѣла, по его донесенію, хорошее вліяніе на всю окрестность. Въ Рыльскомъ и Путивльскомъ уѣздахъ между крестьянами распространился слухъ объ ограниченіи барщины только однимъ днемъ въ недѣлю, истекавшій изъ неправильнаго толкованія Положенія объ отбываніи, по введеніи уставныхъ грамотъ, 40 дней рабочихъ въ году съ души, крестьяне же перевели этотъ расчетъ на тягла. Нежеланіе крестьянъ работать болѣе одного дня въ недѣлю вызвало передвиженіе въ названные уѣзды 3 эскадроновъ солдатъ, при чемъ каждый изъ нихъ направленъ былъ черезъ тѣ

селенія, гдѣ происходили безпорядки. На дневкахъ и ночевкахъ солдатъ въ селеніяхъ были наказываемы крестьяне, наиболѣе виновные въ безпорядкахъ: одни—розгами до 40 ударовъ, другіе—отсылались въ тюрьмы, а главные зачинщики предавались суду. Мѣры эти, по признанію Корсакова, оказались „вполнѣ дѣйствительными“, и крестьяне сознавали свои заблужденія.

Вникая въ причины безпорядковъ и недоразумѣній у крестьянъ съ помѣщиками, Корсаковъ указывалъ, что, кромѣ ложнаго толкованія Положенія добровольцами въ пользу ихъ, сами помѣщики были виноваты въ этомъ, такъ какъ „въ большинствѣ ихъ замѣтно было стремленіе по возможности сохранить старый порядокъ и нежеланіе отказаться отъ прежнихъ правъ“.

Въ заключительномъ своемъ рапортѣ Корсаковъ доносилъ, что при разъѣздахъ по Курской губ. онъ убѣдился въ необходимости на случай безпорядковъ имѣть подъ руками военную силу, которая однимъ своимъ появленіемъ можетъ прекратить возникающее недоразумѣніе, а потому находилъ, что вызовъ изъ уѣздовъ полковъ въ предположенный дивизіонный сборъ въ Курскъ, въ самый разгаръ полевыхъ работъ, можетъ имѣть весьма невыгодное вліяніе на успѣшный ходъ уборки хлѣбовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ [1]).

Въ Смоленской губ., изъ 8 уѣздовъ, въ которыхъ были волненія и безпорядки, особенно выдѣлился Гжатскій у., гдѣ въ имѣніяхъ князей Голицыныхъ и статсъ-дамы Салтыковой крестьяне отказались отъ всякихъ на помѣщиковъ работъ, давъ клятвенное обѣщаніе „не работать болѣе и держаться братъ за брата“. Избранные по новому закону старосты и добросовѣстные на общественныхъ сходахъ заявляли, что они не признаютъ Положенія, а ожидаютъ новаго, совѣтовали не ходить на господскія работы, а кто выйдетъ, того наказывать міромъ или штрафомъ. Изъ имѣнія Павла Голицына волненія быстро распространялись на сосѣдственныя имѣнія, а потому флиг.-ад. Слѣпцовъ, вытребовавъ 2 роты солдатъ, принялся увѣщавать крестьянъ къ покорности, а когда на его слова, что они должны вѣрить ему, какъ царскому посланнику, они отвѣчали неистовыми криками, то Слѣпцовъ велѣлъ оцѣпить волнующуюся толпу, около 2.000 челов., съ трехъ сторонъ, выхватывая изъ рядовъ крикуновъ; при оттѣсненіи крестьянъ они бросились на солдатъ, которые приняли ихъ въ приклады ружей; произошло страшное смятеніе и крестьяне начали давить другъ друга, послѣ чего оказалось 21 челов. мертвыхъ крестьянъ, задавленныхъ и затоптанныхъ толпою, въ числѣ ихъ „главный зачинщикъ и руководитель возстанія“ убитъ ударомъ штыка въ високъ, 23 челов. тяжело раненыхъ и до 100 челов. изувѣчено. Это навело паническій страхъ на крестьянъ, и они, „павъ на колѣни, окончательно покорились“. Наказавъ розгами 125 челов. и предавъ суду зачинщиковъ, Слѣпцовъ оставилъ въ имѣніяхъ кн. Голицына на экзекуцію солдатъ. „Этотъ

[1]) На этомъ рапортѣ Александръ II отмѣтилъ: «дать объ этомъ особое приказаніе».

страшный примѣръ,—доносилъ онъ,—произвелъ благодѣтельное вліяніе на окружныя мѣстности; крестьяне изъ окрестныхъ имѣній болѣе 7.000 душъ прислали выборныхъ съ изъявленіемъ полной покорности, прося простить имъ заблужденія“ [1]).

Воздѣйствіе на волновавшихся крестьянъ въ другихъ многоразличныхъ случаяхъ оказывалось при помощи розогъ, экзекуцій, „полныхъ и малыхъ“, и примѣрныхъ наказаній въ присутствіи понятыхъ.

Въ Псковской губ., только въ двухъ у., Опочецкомъ и Гдовскомъ, происходили волненія крестьянъ: въ имѣніи кн. Дундуковой-Корсаковой крестьяне отказались исполнять 3-дневную барщину; придя въ ожесточеніе, они увѣряли, что настоятъ на своемъ и пошлютъ жалобу царю. Въ имѣніе была введена экзекуція въ составѣ 2 ротъ солдатъ, и крестьяне были приведены въ повиновеніе по наказаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ розгами „для примѣра“. Ген.-м. графъ Багратіонъ доносилъ, что это повиновеніе и наказаніе произвело весьма хорошее вліяніе на сосѣднія имѣнія и удержало крестьянъ отъ безпорядковъ.

Изъ С.-Петербургской губ. поступили донесенія только о нѣсколькихъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ въ у. Петергофскомъ и Лугскомъ въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне находились на смѣшанной повинности. Отказавшись исполнять барщину, кромѣ оброка, крестьяне постановили, что, если кто выйдетъ на господскую работу, тому своимъ судомъ дадутъ 300 розогъ. Для прекращенія безпорядковъ были командированы 2 роты солдатъ, и по наказаніи зачинщиковъ розгами и отдачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рабочій домъ, порядокъ возстановлялся и крестьяне обязывались исполнять установленныя повинности.

Въ Тверской губ. при успокоеніи волновавшихся крестьянъ дѣло обошлось безъ „мѣръ строгости“, и, чтобы прекратить неповиновеніе крестьянъ помѣщика Лихачева, Кашинскаго у., и предупредить вредное вліяніе на цѣлый уѣздъ, фл.-ад. кн. Витгенштейнъ вытребовалъ 3 эскадрона солдатъ и въ присутствіи ихъ сталъ увѣщавать крестьянъ, собранныхъ еще и изъ другихъ имѣній у., что имѣло полный успѣхъ: крестьяне совершенно успокоились и выдали ему подписки въ исполненіи повинностей.

Вникнувъ въ сущность причинъ возникшихъ безпорядковъ, Витгенштейнъ признавалъ, кромѣ ложнаго толкованія Положеній, главнымъ поводомъ къ неповиновенію крестьянъ непомѣрно высокія повинности и требовалъ отъ

---

[1]) «Бунтъ на колоніяхъ» голицынскихъ крестьянъ можетъ служить примѣромъ раздуванія крестьянскихъ недоразумѣній съ употребленіемъ слишкомъ крутыхъ мѣръ, такъ какъ смоленскій губернаторъ впослѣдствіи нашелъ необходимымъ ходатайствовать о прекращеніи дѣла и о немедленномъ освобожденіи 21 бунтовщиковъ, предназначенныхъ къ военному суду, потому что «всему происшествію неправильно придано значеніе возмущенія и самое дѣло незаконно было начато и ведено». По докладу М. В. Д. Александръ II удовлетворилъ это ходатайство.

кашинскаго предводителя дворянства сношенія съ Лихачевымъ о пониженіи обременительныхъ въ его имѣніи крестьянскихъ повинностей [1]). Общій вопросъ объ облегченіи существовавшихъ повинностей возникалъ по многимъ губерніямъ вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія и разрѣшенъ въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ Высоч. утвержденнымъ Положеніемъ Главнаго Комитета отъ 10 и 14 апрѣля 1861 г. („Сборникъ правит. расп. по устройству быта кр.“, т. III, ч. I, стр. 371).

Въ Вологодской губ возникновеніе безпорядковъ въ разныхъ мѣстностяхъ шло по мѣрѣ ознакомленія крестьянъ со своими новыми правами; недовольство ихъ излишними повинностями въ пользу помѣщиковъ устранялось не насильственными мѣрами, противъ примѣненія коихъ былъ фл.-ад. кн. Дадіанъ, а кроткими мѣрами внушенія и соглашеніемъ помѣщиковъ и крестьянъ на взаимныя уступки, и этими пріемами почти всегда достигались желанные результаты. Было только два случая, когда потребовалось наказаніе для примѣра главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ.

Въ Вятской губ., по донесенію г.-маіора бар. Мирбаха, когда на сходкахъ крестьянъ были прочитаны и растолкованы главныя условія, на которыхъ они должны оставаться въ управленіи помѣщиковъ впредь до окончательнаго введенія Положеній, то крестьяне „приняли это съ доброю готовностью и совершенною покорностью“. Оставляя губернію, бар. Мирбахъ въ началѣ іюля 1861 г. рапортовалъ, что въ Вятскомъ краѣ все тихо и спокойно.

Во Владимирской губ., въ теченіе перваго мѣсяца по обнародованіи Положеній, крестьяне и дворовые исправно исполняли свои обязанности, а возникавшія въ имѣніяхъ состоявшихъ на издѣльной повинности недоразумѣнія улаживались мѣстными властями. Но съ открытіемъ полевыхъ работъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Муромскаго у. крестьяне отказывались выходить на господскія работы. Въ селѣ Рождествено, Владимирскаго у., крестьяне отказались платить оброкъ и на всѣ увѣщанія отвѣчали, что, хотя бы вырѣзали изъ нихъ ремни, они оброка не заплатятъ. Этотъ примѣръ рождественскихъ крестьянъ дурно вліялъ на все населеніе Владимирскаго у. [2]), и потому г.-маіоръ Сколковъ ходатайствовалъ о нарядѣ смѣшаннаго военнаго суда на мѣстѣ, въ виду усилившагося волненія умовъ, что ему Высочайше и было разрѣшено; однакожъ, дѣло обошлось безъ военнаго суда наказаніемъ болѣе виновныхъ административно. Впослѣдствіи крестьяне с. Рождествена сознавались, что „каждый изъ нихъ по мірскому приговору обязался клятвою не платить оброка“. Отказавшіеся пахать господскую землю крестьяне с. Патокина, въ числѣ 1.700 душъ, были принуждены къ работамъ съ помощью 2 ротъ солдатъ, при чемъ два старика 60 лѣтъ наказаны арестантскими ротами, а 4—розгами.

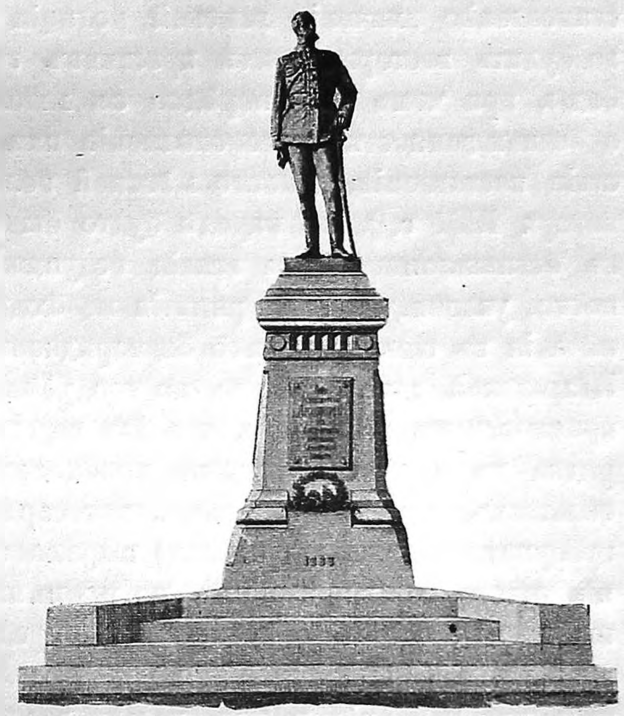
---

[1]) Здѣсь государь сдѣлалъ отмѣтку: «донести исполнено ли».

[2]) Государь Александръ II сдѣлалъ отмѣтку: «предписать, чтобы немедля были приняты мѣры къ водворенію должнаго порядка».

Въ Нижегородской губ., въ имѣніи губернскаго предводителя дворянства, въ Горбатовскомъ у., крестьяне, находившіеся на смѣшанной повинности, отказывались платить оброкъ, не вразумляясь никакими увѣщаніями мѣстныхъ властей. Г.-маіоръ Шаховской 2-й, получивъ свѣдѣнія, что въ Горбатовскомъ у. „крестьяне вообще неспокойнаго духа“, настаивалъ на необходимости отправиться ему туда, но губернаторъ (бывшій декабристъ А. Н. Муравьевъ) на это не соглашался. Тогда Шаховской безъ такого согласія отправился въ имѣніе Стремоухова и изъясненіемъ и толкованіемъ Положенія склонилъ крестьянъ къ миролюбивому съ помѣщикомъ соглашенію [1]).

Сообщая о безпорядкахъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Сергачскаго уѣзда, состоявшихъ большею частью въ отказѣ крестьянъ отъ отработки господскихъ полей и въ нежеланіи ихъ вступать въ какія бы то ни было добровольныя соглашенія съ помѣщиками, Шаховской указывалъ, что „вообще во всей губерніи духъ неповиновенія и самоуправства развитъ въ крестьянахъ въ самой высокой степени, земская полиція, которой воспрещено прибѣгать къ наказаніямъ, а велѣно дѣйствовать убѣжденіями, не въ состояніи ни наказать, ни удалить нарушающаго спокойствіе и подстрекающаго къ неповиновенію крестьянина; крестьяне же убѣждены, что никто не въ правѣ ихъ наказывать и потому всякимъ требованіямъ помѣщиковъ сопротивляются всѣмъ міромъ, увѣренные, что со всѣхъ взыскать нельзя“. Шаховской, считая просьбы и увѣщанія крестьянъ, практиковавшіяся мѣстною администраціей при волненіяхъ крестьянъ, недостаточными, всякій разъ при общемъ сопротивленіи цѣлаго селенія находилъ необходимымъ, „пока еще есть возможность, показать на дѣлѣ, сколь они ошибаются, наказывалъ на мѣстахъ зачинщиковъ безпорядковъ и предводителей толпы, чего достигалъ не всегда безъ затрудненія“.

Памятникъ Александру II въ Салаирскомъ рудникѣ, Томской губерніи, сооруженъ крестьянами (1889 г.).

[1]) На рапортѣ объ этомъ государь написалъ: «Шаховской поступилъ хорошо, а губернатору Муравьеву сдѣлать замѣчаніе за то, что не согласился его туда посылать, что входило совершенно въ кругъ предписаннаго дѣйствія».

Объѣхавъ нѣсколько уѣздовъ, Шаховской пришелъ къ убѣжденію, что „ежели спокойствіе въ губерніи нарушится, то оно нарушится повсемѣстно, какъ пожаръ вдругъ вспыхнетъ повсюду“, и представлялъ губернатору о необходимости „прибѣгнуть къ умѣренно-строгимъ мѣрамъ и тѣмъ отвратить предстоящее бѣдствіе“; однакожъ, А. Н. Муравьевъ не раздѣлялъ этихъ страховъ и самъ поѣхалъ по губерніи „успокаивать умы“. Въ дальнѣйшихъ донесеніяхъ Шаховской, не приводя фактовъ, рисовалъ положеніе Нижегородской губ. самыми мрачными красками, обвиняя Муравьева въ систематическомъ ослабленіи авторитета мѣстныхъ властей въ уѣздахъ. Муравьевъ, по увѣренію Шаховского, „не только не принималъ никакихъ мѣръ къ возстановленію значенія земской полиціи въ народѣ, но, напротивъ, старался возбудить восторженность крестьянъ съ воспріятіемъ дарованной имъ свободы, при чемъ они нерѣдко съ мыслью о свободѣ смѣшиваютъ понятіе о безнаказанности за неисполненіе ихъ законныхъ обязанностей“. А вслѣдствіе наставленія, даннаго мѣстной полиціи циркуляромъ Муравьева отъ 22 января 1861 г.[1]), въ народѣ будто бы породилась повсемѣстно увѣренность въ безнаказанности за всякія ослушанія, и полиція, опасаясь отвѣтственности, уклоняется отъ принятія необходимыхъ энергическихъ мѣръ для пресѣченія въ самомъ началѣ безпорядковъ. Въ заключеніе своихъ ламентацій Шаховской доносилъ, что, по его убѣжденію, „губернія находится въ столь критическомъ положеніи, что для возстановленія спокойствія и должнаго порядка въ скоромъ времени необходимо будетъ прибѣгнуть къ принятію сильныхъ мѣръ“, при чемъ „чистосердечно признается, что когда военный губернаторъ (т.-е. Муравьевъ) выражаетъ увѣренность въ спокойствіи губерніи оттого только, что имъ не принимается мѣръ къ возстановленію нарушаемаго порядка и крестьянамъ предоставляется спокойно не исполнять законныхъ обязанностей и не повиноваться властямъ, то такія увѣренія начальника губерніи могутъ только ввести въ заблужденіе высшихъ государственныхъ блюстителей порядка и спокойствія въ Имперіи“ [2]).

Въ Тамбовской губ. волненіемъ охвачены были нѣсколько имѣній Моршанскаго уѣзда, съ населеніемъ до 8.000 душъ. Причины, побудившія крестьянъ выйти изъ повиновенія, по мнѣнію бар. Винценгероде, были распространяемые повсемѣстно слухи о существованіи „новаго манифеста съ золотымъ орломъ и крестомъ и новаго Положенія, на основаніи котораго помѣщичьи крестьяне, получая свободу, должны будто бы получить и всю

---

[1]) Этотъ знаменитый по тому времени циркуляръ А. Н. Муравьева по полиціи о законности, взяточничествѣ и проч. напечатанъ въ III вып. «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣп. состоянія въ Россіи», Берлинъ, 1862 г., т. III, стр. 350—360.

[2]) Всеподданнѣйшія донесенія Шаховского 2-го могутъ служить примѣромъ запугиванія власти для оправданія необходимости «сильныхъ мѣръ» при переубѣжденіи заблуждавшихся крестьянъ. Губернаторъ Муравьевъ долженъ былъ оставить губернію уже осенью 1861 г.

Поселяне Воронежской губ.

Великороссіяне 1—26. Малороссіяне 27—43. Нѣмцы-колонисты 44—79.

(Худ. лист. Тимма 1860 г.).

господскую землю и все имущество, безъ всякаго вознагражденія", при чемъ у нихъ явилась увѣренность, что, не повинуясь помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ, они не бунтуютъ, а только исполняютъ волю начальства. Здѣсь Винценгероде счелъ возможнымъ ограничить мѣру взысканія одними только тѣлесными наказаніями 60 человѣкъ, 12 главныхъ зачинщиковъ выслалъ въ отдаленныя губерніи, а въ мѣстахъ бывшихъ безпорядковъ оставилъ на экзекуціи 5 ротъ солдатъ. Безпорядки крестьянъ въ с. Вячни и Кавылки, Кирсановскаго уѣзда, также пришлось подавлять при участіи 3 ротъ солдатъ, при чемъ Винценгероде счелъ нужнымъ крестьянина Яшкина примѣрно наказать 300 розогъ и сослать на поселеніе, какъ особенно вредно вліявшаго на прочихъ крестьянъ, а 65 человѣкъ изъ болѣе виновныхъ въ безпорядкахъ наказалъ тѣлесно по мѣрѣ ихъ вины. Въ уѣздахъ Липовецкомъ и Кирсановскомъ также возникли безпорядки, но они не имѣли характера возмущенія.

Къ половинѣ іюня 1861 г. тишина и порядокъ въ губерніи не нарушались уже, чему, по объясненію Винценгероде, способствовало, между прочимъ, вступленіе въ должность мировыхъ посредниковъ.

Въ Пензенской губ. съ особенною силою развились волненія крестьянъ въ уѣздахъ Керенскомъ, Городищенскомъ и Чембарскомъ. Въ с. Кандеевку, Керенскаго уѣзда, собралась толпа народа, доходившая до 10.000 душъ, изъ окружныхъ деревень сосѣднихъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губ., и крестьяне, съ возгласами „воля, воля", развозили по селеніямъ красное знамя и, несмотря ни на чьи увѣщанія, заявляли: „Земля вся наша! На оброкъ не хотимъ и работать на помѣщиковъ не станемъ!" Ген.-маіоръ Дренякинъ, видя въ этомъ не одно неповиновеніе помѣщикамъ и неправильное пониманіе Положенія, но явное возмущеніе и посягательство на власти и войско, собравъ семь ротъ солдатъ, принялся за главныхъ зачинщиковъ возмущенія въ с. Черногаѣ, гдѣ при стычкѣ съ солдатами уже было убито 3 крестьянина; арестовавъ 12 „злостныхъ бунтовщиковъ", онъ по пути въ Кандеевку подчинилъ крестьянъ села Высокаго, при чемъ дознался, что самымъ опаснымъ бунтовщикомъ былъ крестьянинъ этого села молоканинъ Егорцовъ, въ короткое время пріобрѣвшій такое вліяніе во всемъ краѣ, что изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки для разъясненія имъ манифеста; водили его подъ руки и, неся за нимъ скамейку, становили его на возвышеніе, съ котораго онъ всѣмъ возвѣщалъ волю. Чтобы склонить успѣхъ возмущенія на свою сторону, Егорцовъ грозилъ вѣшать тѣхъ, которые его ослушаются, выхваляясь сдѣлать тоже и съ начальниками усмиренія крестьянъ.

Волненіе въ Кандеевкѣ, принимавшее угрожающіе размѣры, побудило Дренякина принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для подавленія возмущенія, а потому, испросивъ Высочайшее разрѣшеніе покончить дѣло о винов-

ныхъ по его суду, Дренякинъ безотлагательно рѣшился дѣйствовать, когда на требованіе его разойтись и засѣвать свои и помѣщичьи поля крестьяне отвѣтили: „не повинуемся, ничего не хотимъ, умремъ за Бога и царя“—онъ приказалъ стрѣлять въ толпу крестьянъ; упало нѣсколько крестьянъ, но масса ихъ не дрогнула и послѣ второго и третьяго залповъ изъ толпы кричали: „всѣ до одного умремъ, но не покоримся!..“ Толпа не двигалась и Дренякинъ съ ужасомъ видѣлъ необходимость продолжать стрѣлять въ крестьянъ. Но изготовившись къ этому, приказалъ отхватить нѣсколько человѣкъ изъ толпы, что и удалось ему „сверхъ чаянія“ при помощи роты солдатъ, при чемъ захвачено 410 человѣкъ крестьянъ изъ 14 селеній; однакожъ, на предложеніе повиноваться они отвѣчали единогласно: „умремъ всѣ, но не повинимся“. Такіе же отвѣты получались и при снятіи допроса съ главныхъ ослушниковъ, и только послѣ наказанія 29 человѣкъ шпицрутенами они стали виниться, но были и такіе, которые и послѣ исполненія надъ ними приговора говорили: „хоть убей, но на работу не пойдемъ и на оброкъ не хотимъ“. Въ Кандеевкѣ было убито 8 человѣкъ да 27 ранено и наказано: шпицрутенами 28 человѣкъ чрезъ 100 чел. отъ 4 до 7 разъ со ссылкой въ каторгу отъ 10 до 15 лѣтъ и 80 человѣкъ чрезъ 100 человѣкъ отъ 2 до 4 разъ со ссылкой на поселеніе, и 58 человѣкъ—розгами отъ 50 до 250 ударовъ. За причастность къ возмущенію, кромѣ сего, приговорены: священникъ Померанцевъ къ удаленію навсегда въ Соловки и діаконъ Коронатовъ—къ содержанію въ Пензѣ при архіерейскомъ домѣ подъ надзоромъ епархіальнаго начальства [1]).

Прибывшіе въ Кандеевку изъ разныхъ мѣстъ крестьяне, чтобы узнать, чѣмъ кончится дѣло о чистой волѣ, послѣ крутой расправы разбѣжались и далеко разнесли объ этомъ вѣсть, и это способствовало успокоенію крестьянъ не только въ Пензенской губ., но и въ сосѣднихъ съ нею уѣздахъ Тамбовской губ. Хотя, по донесенію Дренякина, примѣръ усмиренія кандеевцевъ благотворно подѣйствовалъ на далекое разстояніе и спокойствіе было возстановлено, но все же въ западныхъ уѣздахъ губерніи, для большей прочности достигнутаго, назначены были лѣтніе сборы войскъ въ городахъ: Чембарѣ, Керенскѣ, Нижнемъ-Ломовѣ и сел. Черкасскомъ, чтобы имѣть вблизи военную силу [2]).

---

[1]) Такъ какъ Всеподдан. рапортъ г.-м. Дренякина отъ 31 мая 1861 г. напечатанъ въ приложеніи къ его «Сказанію о волненіи крестьянъ въ Кандеевкѣ» («Русск. Старина», 1885 г., № 4, стр. 140—160), то я опускаю подробности его «системы усмиренія», тѣмъ болѣе, что самъ онъ «посильно описалъ, какъ выразился, кровавыя сцены» Кандеевской трагедіи въ статьѣ «О безпорядкахъ въ Пензенской губ.», «Русскій Архивъ», 1896 г., № 11, стр. 313.

[2]) По Высоч. повелѣнію 16 апрѣля 1861 г. былъ командированъ въ губ. Пензенскую и Тамбовскую генер.-адъют. Яфимовичъ для прекращенія безпорядковъ, возникшихъ въ нихъ при введеніи въ дѣйствіе Положеній. Даннымъ Яфимовичу рескриптомъ предоставлены широкія полномочія, но о его дѣйствіяхъ въ нашемъ источникѣ нѣтъ указаній.

Въ Казанской губ. крестьяне, получивъ Положеніе, сначала обратились къ помѣщикамъ, священникамъ и мѣстнымъ начальствамъ за его прочтеніемъ и объясненіемъ, но видя, какъ доносилъ г.-м. графъ Апраксинъ, что мечтаемой имъ воли въ Положеніи никто не вычитываетъ, что барщина не уничтожена и земля остается во владѣніи помѣщиковъ, они стали не довѣрять названнымъ лицамъ и искали чтецовъ между грамотными крестьянами, толкованія которыхъ принимались ими весьма охотно. Разсказавъ подробно о событіяхъ въ с. Бездна и о казни Антона Петрова [1]), ген. Апраксинъ прибавляетъ: „Рѣшительная эта мѣра,—доносилъ Апраксинъ,—принята была по малочисленности войска и ежеминутно возраставшаго возмущенія, принимавшаго огромные размѣры; она была необходима не только для водворенія спокойствія въ Безднѣ, но и во всемъ населеніи нѣсколькихъ уѣздовъ губерніи, вышедшемъ изъ совершеннаго повиновенія всякой власти". При объясненіи Апраксина, что онъ посланъ для водворенія порядка, крестьяне говорили, что онъ не настоящій адъютантъ, а переодѣтый въ мундиръ помѣщиками въ серебрѣ. Вообще, по его заявленію, въ то время положеніе не только помѣщиковъ, но даже начальствующихъ лицъ земской полиціи было невыносимое, и безъ употребленія рѣшительныхъ мѣръ, имъ предпринятыхъ, могло произойти общее возстаніе въ губерніи [2]).

По отзыву Апраксина, исполненіе приговора надъ Петровымъ въ присутствіи собраннаго народа имѣло огромное нравственное вліяніе, и хотя край успокоился, но для окончательнаго водворенія порядка, по его мнѣнію, необходимо было имѣть въ продолженіе лѣта 1861 г. баталіонъ солдатъ въ сборѣ при г. Спасскѣ, а другой—расположить по-ротно въ болѣе значительныхъ имѣніяхъ.

Кромѣ Апраксина, въ апрѣлѣ 1861 г. былъ командированъ по Высоч. повелѣнію въ Казанскую и Пермскую губ. ген.-адъютантъ Бибиковъ для прекращенія безпорядковъ, возникавшихъ при введеніи въ дѣйствіе Положенія. Отъ 7 мая онъ доносилъ, что вынужденъ былъ принять скорыя мѣры въ семи помѣщичьихъ имѣніяхъ для водворенія спокойствія, что и было имъ достигнуто въ присутствіи войскъ убѣжденіями и разъясненіемъ Положеній, а подстрекатели 5 человѣкъ были судимы военно-полевымъ судомъ въ 24 часа, приговоръ котораго онъ смягчилъ, прогнавъ осужденныхъ сквозь строй и сославъ ихъ въ Сибирь на поселеніе. Такими мѣрами, говоритъ Бибиковъ, безъ пролитія крови онъ водворилъ спокойствіе въ Казанской губ. и возвратился въ С.-Петербургъ [3]).

---

[1]) См. ниже ст. «Бездна».

[2]) На рапортѣ Апраксина отъ 15 апрѣля 1861 г. о событіяхъ въ Безднѣ государь написалъ: «не могу не одобрить дѣйствія гр. Апраксина, какъ это ни грустно, но нечего было дѣлать другого».

[3]) Въ рескриптѣ, данномъ ген.-ад. Бибикову по поводу командировки его въ Казанскую и Пермскую губ., предоставлены ему исключительныя полномочія по усмиренію крест-

Въ рапортѣ Казанскаго прокурора министру юстиціи о безпорядкахъ въ Казанской губ. со дня обнародованія манифеста до 4 мая 1861 г. показано о 22 случаяхъ неповиновенія крестьянъ, возникшихъ въ большинствѣ случаевъ изъ увѣренности крестьянъ, что они совершенно свободны и что вся земля и лѣса должны принадлежать имъ безраздѣльно. Во всѣхъ сихъ случаяхъ переубѣжденіе крестьянъ произведено при помощи сѣченія ихъ розгами.

Въ Симбирской губ. въ уѣздахъ Сенгилеевскомъ, Буинскомъ, Симбирскомъ и Корсунскомъ волненія крестьянъ проявились съ началомъ полевыхъ работъ, отъ исполненія коихъ они отказывались. Наибольшаго развитія безпорядки достигли въ с. Шигоны, Сенгилеевскаго у., гдѣ крестьяне заявили, что они „вольные и, кромѣ Бога и царя, никакихъ властей не признаютъ“; здѣсь возбужденіе крестьянъ поддерживалъ крестьянинъ Трухловъ, толковавшій Положеніе въ томъ смыслѣ, что „крестьяне, какъ вольные, не обязаны повиноваться помѣщикамъ и работать на нихъ, ибо въ словахъ манифеста: „Божіею милостью мы“—это воля отъ Бога, а въ указѣ Правительствующаго Сената—воля отъ царя, а такъ какъ манифестъ и указъ стоятъ первыми въ книгѣ Положеній, то прочаго, въ немъ содержащагося, не нужно“. Непреклонность Трухлова и его вліяніе на крестьянъ заставили фл.-ад. Эссена испрашивать разрѣшенія судить его для примѣра военнымъ судомъ въ 24 часа. Съ помощью 4 ротъ солдатъ Эссенъ справился съ волновавшимися крестьянами; Трухловъ военно-судною комиссіею былъ приговоренъ къ наказанію шпицрутенами черезъ 100 человѣкъ 8 разъ и, по наложеніи клеймъ, къ ссылкѣ въ каторгу на 6 лѣтъ. Наказаніе Трухлова на мѣстѣ при одноводчинникахъ и значительномъ числѣ понятыхъ изъ окрестныхъ селеній, по донесенію Эссена, произвело особенное вліяніе на сохраненіе порядка и спокойствія въ Сенгилеевскомъ уѣздѣ. Этотъ пріемъ наказанія въ присутствіи понятыхъ изъ другихъ селеній примѣнялся Эссеномъ и въ другихъ случаяхъ успокоенія крестьянъ и велъ къ возстановленію порядка.

Въ числѣ причинъ, способствовавшихъ частому неповиновенію крестьянъ, Эссенъ указывалъ и на дѣйствія помѣщиковъ, продолжавшихъ строго держаться существовавшаго до изданія Положенія порядка отбыванія работъ и тѣмъ возбуждавшихъ противъ себя крестьянъ[1]).

Вступленіе мировыхъ посредниковъ въ должности и открытіе волостей произвело благопріятный переломъ въ настроеніи крестьянъ, и дальнѣйшее пребываніе Эссена въ Симбирской губ. не считалось необходимымъ.

янъ и особенно предписано обращать вниманіе на подстрекателей и судить ихъ полевымъ судомъ. Между прочимъ, Бибиковъ призналъ вреднымъ пребываніе въ Казани проф. Щапова и отправилъ его съ жандармами въ Петербургъ. На телеграммѣ объ этомъ государь написалъ: «Щапова въ Москвѣ не задерживать, а привезти сюда въ III отдѣленіе».

1) Здѣсь государь сдѣлалъ отмѣтку: «на нихъ можно дѣйствовать только правительственными мѣрами черезъ губернатора и губерн. предводителя дворянства».

Изъ Самарской губ. фл.-ад. Гурко доносилъ, что по обнародованіи манифеста крестьяне, не понявъ его, думали, что объявленная свобода освобождаетъ ихъ отъ всякой работы помѣщикамъ, и потому распространился слухъ, что на нихъ не слѣдуетъ работать, а кто пойдетъ на работу, тотъ навѣки останется за помѣщикомъ. На этой почвѣ начались уклоненія отъ работъ, поддерживавшіяся неправильными толкованіями Положенія добровольцами-грамотеями, пользовавшимися довѣріемъ крестьянъ. Такъ, рядовой Храбровъ, выдававшій себя за государя и великаго князя Константина Николаевича, взбудоражилъ крестьянъ, толкуя, что по Положенію земля, коею пользуются крестьяне, принадлежитъ имъ и что они избавлены отъ всякой работы на помѣщиковъ. По рѣшеніи слѣдственной комиссіи, Храбровъ былъ повезенъ по всѣмъ селеніямъ удѣльнаго вѣдомства, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, распуская слухи, для уличенія его крестьянами, слышавшими его рѣчи, чѣмъ надѣялись уничтожить вѣру въ народѣ въ его посланничество.

Въ сѣверной части Ставропольскаго у. толкователь удѣльный крестьянинъ Сурковъ подбилъ къ неповиновенію крестьянъ нѣсколькихъ селеній, и, чтобы предотвратить появленіе такихъ лицъ, Гурко ходатайствовалъ о военномъ судѣ надъ Сурковымъ, что и было осуществлено исполненіемъ приговора надъ нимъ въ с. Бѣсовкѣ, куда были собраны со всей губерніи крестьяне всѣхъ вѣдомствъ и отставленные отъ службы писцы, замѣченные въ превратныхъ толкованіяхъ Положеній, чтобъ примѣромъ строгаго наказанія Суркова удержать крестьянъ отъ неповиновенія.

Объѣхавъ почти все Поволжье, въ „народонаселеніи котораго самарскіе помѣщики видѣли какой-то духъ вольностей“, Гурко свидѣтельствовалъ, что онъ „нигдѣ не встрѣтилъ малѣйшаго преднамѣреннаго неповиновенія крестьянъ и понять не могъ, на что могла быть нужна тамъ военная сила, коей въ губерніи, къ счастью, мало“, но на которую, однакожъ, былъ большой спросъ со стороны помѣщиковъ, видѣвшихъ бунты тамъ, гдѣ для разъясненія недоразумѣній достаточно было одного вмѣшательства лицъ, пользовавшихся довѣріемъ крестьянъ. Такими лицами должны быть мировые посредники, такъ какъ всѣ сознавали, что въ рукахъ мировыхъ посредниковъ лежитъ мирное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и на допущеніе ихъ къ должностямъ, не ожидая утвержденія ихъ Сенатомъ, указывалъ Гурко [1])

Въ Саратовской губ. крестьяне не въ состояніи были понять прекращенія лично-крѣпостныхъ отношеній безъ прекращенія обязательныхъ работъ на помѣщиковъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ крестьяне села Лемешкино, Руднинской вотчины, не желая отбывать барщину, объявили, что земля, усадьбы и лѣса составляютъ ихъ собственность, окупленную ими

[1]) По этому поводу государь императоръ Александръ II положилъ резолюцію: «сдѣлать нужное распоряженіе для скорѣйшаго утвержденія мировыхъ посредниковъ».

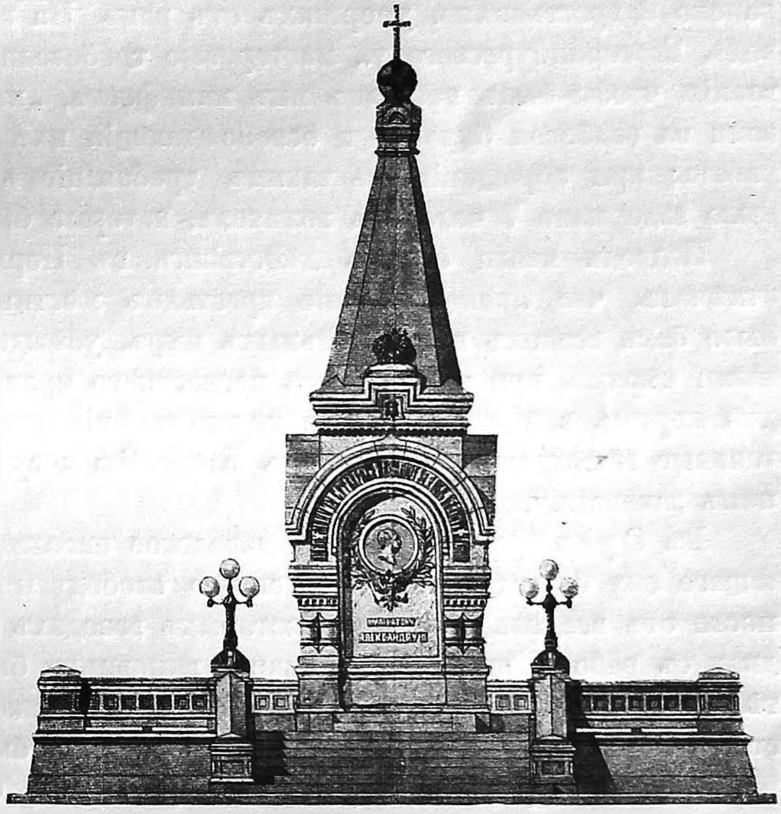
долголѣтнимъ трудомъ и оброкомъ. Такому толкованію сочувствовали не одни крестьяне Руднинской вотчины и сосѣднихъ съ ней имѣній, но и крестьяне смежныхъ съ Саратовской губ. имѣній земли Войска Донского, откуда прибывали на мѣсто волненія гонцы съ цѣлью поддерживать сношенія съ волновавшимися крестьянами и руководствоваться, въ случаѣ удачи, подобнымъ же образомъ дѣйствій. Неблагопріятный для властей исходъ волненій въ Руднѣ, куда и собралось до 9.000 душъ, могъ пагубно отразиться на всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ, а потому фл.-ад. Янковскій, вытребовавъ 2 баталіона солдатъ, распустилъ слухъ, въ видахъ предупрежденія сопротивленія и для устрашенія крестьянъ, что имъ потребовано семь батальоновъ для подчиненія крестьянъ. Послѣ безуспѣшнаго увѣщанія крестьянъ пришлось употребить военныя мѣры и, окруживъ крестьянъ солдатами, наказать десять изъ нихъ розгами. Но это мало помогло, и только упоминаніе имени государя, произнесенное Янковскимъ, мгновенно и окончательно возстановило порядокъ: „крестьяне пали на колѣни и просили прощенія, которое и было даровано имъ именемъ государя, съ обѣщаніемъ не производить никакихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій“. По объясненію Янковскаго, исходъ волненій въ Руднинской вотчинѣ имѣлъ огромное вліяніе на многія имѣнія въ Саратовской губ., все время бывшія въ неспокойномъ состояніи; недоразумѣнія, неудовольствія и ложные толки исчезли въ народѣ; крестьяне принялись за полевыя работы, которыя по всей губерніи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и окончились благополучно.

Изъ Костромской губ. фл.-ад. Арапетовъ доносилъ, что во многихъ селеніяхъ крестьяне сговорились не платить оброка, не ходить на барщину и тѣмъ вынудить помѣщиковъ къ преждевременнымъ уступкамъ. Неповиновеніе крестьянъ проявлялось во всѣхъ уѣзд. губерніи, но больше всего въ Кинешемскомъ, гдѣ въ имѣніяхъ фонъ-Менгдена и Эйхлера крестьяне отказались отъ исполненія смѣшанной повинности, приняли въ томъ крестное цѣлованіе, говоря на требованіе выдачи зачинщиковъ: пусть берутъ всѣхъ. По соглашенію съ губернаторомъ, Арапетовъ для предупрежденія на будущее время подобнаго „неповиновенія и самоуправныхъ стачекъ среди крестьянъ рѣшилъ употребить войско; узнавъ о движеніи войска, крестьяне выслали виновныхъ, поспѣшили заплатить оброкъ, принялись за работы и просили пощады“. Дальнѣйшему успокоенію крестьянъ содѣйствовало открытіе сельскаго общественнаго управленія и вступленіе въ должность мировыхъ посредниковъ.

Въ Ярославской губ. всѣ недоразумѣнія вызывались отбываніемъ смѣшанной повинности, здѣсь особенно распространенной. Крестьяне угличскаго предводителя дворянства отказались отъ исполненія полевыхъ работъ, а оброкъ соглашались взносить въ размѣрѣ, уменьшенномъ противъ установленнаго Положеніемъ. На угрозы фл.-ад. Дуббельта 3-го пригнать эскадронъ

драгунъ крестьяне отвѣчали, что не боятся прихода цѣлой дивизіи, считая себя правыми. Хотя крестьяне дѣйствительно были въ большомъ притѣсненіи отъ помѣщика, но возможное облегченіе ихъ ранѣе подчиненія признавалось опаснымъ, ибо, по заключенію Дуббельта, это возымѣло бы самое пагубное вліяніе на всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, объявившихъ, что поведеніе арнаутовскихъ крестьянъ будетъ руководствомъ ихъ собственному образу дѣйствій. Съ Высочайшаго разрѣшенія уже собирались судить арнаутовцевъ военнымъ судомъ, но до этого еще они покорились и стали работать на помѣщика.

Въ Пермской губ. крестьяне на нѣкоторыхъ заводахъ въ уѣздахъ: Соликамскомъ, Пермскомъ и Кунгурскомъ отказались отъ исполненія повинностей въ пользу помѣщиковъ и требовали вольной платы или перехода на оброкъ. Въ Кудымкорскомъ вѣдомствѣ имѣнія гр. Строгановой все населеніе въ числѣ 17.000 человѣкъ отказались отъ исполненія работъ, потребовали смѣны управляющаго, изгнали старостъ и приказчиковъ и подвергали наказанію тѣхъ изъ крестьянъ, которые пытались склонить ихъ къ порядку. Хотя въ донесеніяхъ мѣстныхъ властей указывалось, что необходимо прибѣгнуть къ силѣ оружія, какъ къ единственному средству возстановить порядокъ и воспрепятствовать исполненію тайнаго заговора, якобы составленнаго крестьянами съ цѣлью умертвить всѣхъ начальствующихъ въ Кудымкорскомъ вѣдомствѣ, овладѣть управленіемъ и т. п., но ген.-маіоръ Багратіонъ, считая главнымъ и самымъ надежнымъ средствомъ къ укрощенію неудовольствія въ народѣ и успокоенію тревожныхъ недоразумѣній строгое уваженіе къ закону, удерживался отъ употребленія насильственныхъ мѣръ и личнымъ своимъ присутствіемъ успѣлъ успокоить крестьянъ, а въ наказаніе за самоуправныя дѣй-

Памятникъ Александру II въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ, Верхотурскаго у., Пермской губ. (1895 г.).

ствія оставилъ команду солдатъ на временный постой, предписавъ не употреблять оружія и даже не прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ безъ особенной надобности.

Неповиновеніе крестьянъ въ с. Егвѣ и сосѣднихъ имѣніяхъ гр. Строгановой, отказавшихся отъ работъ въ пользу помѣщицы и требовавшихъ перечисленія въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, не признававшихъ Положенія 19 февраля, утверждая, что есть еще другое, которое отъ нихъ скрывается начальствомъ,—сопровождалось столкновеніемъ крестьянъ съ патрулемъ солдатъ, посланнымъ для разгона толпы, при чемъ залпомъ было ранено 2 крестьянина, умершихъ отъ ранъ. На казенномъ Березовскомъ заводѣ, Екатеринбургскаго у., мастеровые требовали отъ священниковъ и управленія, чтобы былъ показанъ имъ манифестъ, „напечатанный золотыми буквами на гербовой бумагѣ“ и освобождающій ихъ совершенно отъ службъ и работъ; при обращеніи съ такимъ требованіемъ къ горному начальнику, было задержано 7 человѣкъ вожаковъ, которые были преданы суду.

Подводя итоги своимъ дѣйствіямъ въ Пермской губ., кн. Багратіонъ отмѣчалъ, что „неповиновеніе крестьянъ мѣстнымъ властямъ прекращаемо было безъ всякихъ понудительныхъ мѣръ, убѣжденіями или предупредительными мѣрами, при чемъ, кромѣ несчастнаго происшествія въ Егвѣ, гдѣ пали двѣ жертвы, всѣ другіе случаи недоразумѣній разрѣшались мирно, и только главные зачинщики подвергались слѣдствію и суду въ порядкѣ, установленномъ законами“.

Въ Оренбургской губ. заводское населеніе ожидало манифеста, дающаго ему безусловную немедленную свободу и прекращеніе всякой зависимости отъ владѣльцевъ. На нѣкоторыхъ заводахъ крестьяне самовольно уходили съ работъ, при этомъ главные виновники были подвергаемы полиціей тѣлесному наказанію безъ суда, такъ какъ признавалось необходимымъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ съ особенною быстротою. Объѣхавъ заводы и нѣсколько деревень въ уѣздахъ Уфимскомъ, Стерлитамакскомъ и Оренбургскомъ, гдѣ крестьяне отказывались исполнять въ прежнемъ размѣрѣ разныя работы и повинности, фл.-ад. Кригеръ свидѣтельствовалъ, что знакомство его съ заводскимъ населеніемъ обнаружило „готовность заводскихъ рабочихъ при всякой сомнительной статьѣ дополнительныхъ правилъ для частныхъ горныхъ заводовъ истолковывать ее въ свою пользу и заявлять о томъ своими дѣйствіями“. Уходившихъ съ рудниковъ крестьянъ высылали обратно на работы, зачинщиковъ наказывали чрезъ полицію, а въ видахъ предупредительныхъ мѣръ для сохраненія спокойствія Кригеръ призналъ нужнымъ къ двумъ ротамъ солдатъ, расположеннымъ въ среднихъ мѣстахъ губерніи, выслать изъ Оренбурга еще двѣ роты и расположить ихъ въ намѣченныхъ имъ мѣстахъ, такъ какъ, по его мнѣнію, одно уже присутствіе военной силы оказывало вліяніе на настроеніе крестьянъ.

Съ возвращеніемъ изъ губерній по Высоч. повелѣнію отъ 20 мая 1861 г. свитскихъ особъ, обусловленнымъ вступленіемъ мировыхъ посредниковъ въ отправленіе своихъ должностей, наступила новая полоса въ ходѣ крестьянской реформы, имѣвшая свои особенности, но отрицательное отношеніе крестьянъ къ новымъ законоположеніямъ и пассивное ихъ сопротивленіе принятію ихъ продолжалось, и чтобы переломить такое ихъ настроеніе, пришлось практиковать то же „испытанное средство“, хотя и въ нѣсколько смягченныхъ формахъ.

Алексѣй Попельницкій.

IV. Бездна.

И. И. Игнатовичъ.

Наибольшее впечатлѣніе на современниковъ и по силѣ и по широтѣ движенія, а особенно по суровымъ, кровавымъ усмиреніямъ произвело бездненское движеніе, на которомъ мы и остановимся съ большимъ вниманіемъ. Это волненіе тѣмъ болѣе любопытно, что въ немъ выпукло и отчетливо проявилось столкновеніе народныхъ понятій о „волѣ“ съ официально дарованною волею.

Бездненское движеніе захватило въ районѣ своего прямого или косвеннаго воздѣйствія 3 смежныхъ уѣзда Казанской губерніи (Спасскій, Чистопольскій и Лаишевскій) и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста Самарской и Симбирской губерній; продолжалось оно въ общей сложности болѣе мѣсяца. Этому движенію, повидимому, много содѣйствовали какъ составъ населенія, такъ и самая мѣстность. По указанію тонкаго наблюдателя крестьянской жизни того времени, П. А. Крылова, хорошо знавшаго ту мѣстность, росту движенія благопріятствовало то, что черезъ мѣста волненія шелъ сибирскій трактъ, по берегамъ Волги и Камы развито было бурлачество, что дѣлало эти мѣста проѣзжею дорогою, по которой проносились разнообразные слухи и толки со всей Россіи. Здѣсь лежали богатыя, большія помѣстья, большія села, гдѣ крѣпостные жили самостоятельнѣе, держались независимѣе, менѣе были придавлены экономической эксплуатаціей, почему и требованія отъ воли могли быть выше, чѣмъ въ забитыхъ деревушкахъ мелкихъ помѣщиковъ. Въ населеніи этомъ, наконецъ, жила память о Пугачевѣ. Съ другой стороны, плохіе

пути сообщенія при ничтожной силѣ мѣстной полиціи замедляли усмиреніе и давали ему время разрастись. Этотъ край и до объявленія воли былъ полонъ слухами о волѣ. Когда же, наконецъ, въ Симбирскѣ, дѣйствительно, 9 марта прочитали манифестъ и раздавали листки съ выдержками изъ Положенія, то вѣсть объ объявленной, наконецъ, волѣ быстро распространилась среди крестьянъ. Еще до полученія Положенія въ народѣ пошли толки „о полной волѣ съ настоящаго момента, о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, о правѣ ихъ на запасные хлѣбные магазины, а въ иныхъ мѣстахъ даже на раздѣлъ хлѣба въ господскихъ амбарахъ“ [1]).

Уничтоженіе всякихъ крѣпостныхъ обязанностей разумѣлось при этомъ само собою. На основаніи однихъ только толковъ о волѣ крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перестали ходить на барщину или исполняли ее крайне небрежно. Отношенія между крестьянами и помѣщиками настолько обострились, что въ иныхъ имѣніяхъ сами помѣщики не наряжали крестьянъ на работы, изъ другихъ—помѣщики бѣжали въ городъ. Во многихъ мѣстахъ тогда же начались порубки лѣса. Начавъ съ единичныхъ похищеній, крестьяне перешли къ открытому дѣлежу барскихъ лѣсовъ, такъ что на лучшія деревья крестьяне бросали жребій, кому рубить.

Манифестъ и Положеніе крестьяне приняли съ полнымъ довѣріемъ. „Крестьяне,— пишетъ предсѣдатель слѣдственной комиссіи о бездинскихъ безпорядкахъ, Перцовъ, въ своемъ рапортѣ,—до того были увѣрены, что Положеніе потому-то и прислано имъ, что въ немъ объявляется воля, что когда дворовый человѣкъ кн. Дадіана ...имѣющій между крестьянами отца и родныхъ, разувѣрялъ ихъ въ противномъ, то крестьяне не стали слушать его и пускать въ свое собраніе“. „Къ отцамъ и дѣдамъ нашимъ,—говорили крестьяне на допросахъ,—не присылали книгъ и они уже знали, что они крѣпостные и должны работать на помѣщика, а объ насъ задолго еще говорили, что мы будемъ вольны, и послѣ всей этой толковни (sic) прислали книги и велѣли читать; виноваты! Мы думали, зачѣмъ же и присылать-то книги, когда въ нихъ нѣтъ воли!“ [2]). Крестьяне энергично принялись за поиски этой воли. Они не жалѣли денегъ и времени на розыски надежныхъ, по ихъ мнѣнію, чтецовъ, но совершенно не удовлетворялись вычитываемымъ ими изъ Положенія. Отсутствіе указаній въ Положеніи на волю, какъ ее понимали сами крестьяне, они объясняли или тѣмъ, что чтецы подкуплены господами и умышленно скрываютъ волю, или не умѣютъ ее вычитать.

Къ числу чтецовъ принадлежалъ и знаменитый Антонъ Петровъ, сыгравшій роковую роль въ бездинскомъ движеніи. Скромный, тихій, мистически

---

[1]) Н. А. Крыловъ, «Воспомин. миров. посредника I призыва». «Рус. Стар.», 1893 г., № 4, стр. 87.

[2]) А. М. В. Д. Земск. Отд. 4 Дѣлопр. 1861 г., № 11.

настроенный сектантъ, А. Петровъ мало выдѣлялся по умственному развитію изъ среды односельчанъ с. Бездны, кромѣ грамотности. „О частной жизни Антона говорятъ,—пишетъ Перцовъ въ рапортѣ,—что онъ былъ „хорошій человѣкъ, набожный, смирный, никого никогда не обижалъ, а потому, несмотря на свои молодые годы, былъ всѣми уважаемъ". „Основываясь на словахъ крестьянъ,—продолжаетъ Перцовъ,—что Антонъ любилъ до того читать, что, бывало, и на мельницу пріѣзжалъ... съ книжкою, и, прочитавши ее, разсказывалъ „такъ-то хорошо, что они заслушивались", надо думать, что онъ былъ въ высшей степени экзальтированъ, что подтверждаютъ всѣ его дѣйствія во время волненія; нерѣшительность его, какъ у всѣхъ нервныхъ людей, проявлялась на каждомъ шагу". Когда къ нему стало приходить много народу, то онъ ушелъ къ себѣ въ избу, ни разу не выходилъ оттуда и безпрестанно приказывалъ, чтобы его караулили и не оставляли одного. „По показаніямъ родныхъ Антона, онъ въ это время ѣлъ мало, ночи проводилъ безъ сна за чтеніемъ Положенія, забылъ любимаго сына своего Петю и былъ какъ будто бы помѣшанный"[1]).

Фот. Каррика 70 гг.

Антонъ не менѣе другихъ крестьянъ былъ убѣжденъ, что разъ отъ царя присланы книги, то тамъ должна быть воля, слѣдуетъ только читать внимательно ихъ. Когда крестьяне дер. Болховки, съ разрѣшенія управляющаго, пригласили Антона читать имъ Положеніе, то онъ съ горячимъ рвеніемъ усидчиво сталъ штудировать Положеніе. Послѣ трехдневнаго изученія ему удалось напасть на страницу съ непонятными для него оніками (о, оо), съ завѣтною и роковою для него фразою: „послѣ 10-й ревизіи отпускаются на волю", которой онъ придалъ самостоятельное значеніе безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Въ концѣ страницы стояло царское: „быть по сему", а на предыдущей страницѣ какъ разъ надъ оніками стоялъ непонятный для А. Петрова знакъ: 10%, который онъ принялъ за печать св. Анны. То былъ образецъ уставной грамоты, а непонятные оники поставлены были на томъ мѣстѣ, гдѣ по формѣ должно было быть обозначено количество крестьянъ,

[1]) А. М. В. Д. Земск. Отд. 4-е Дѣлопр. 1861 г., № 11.

отпускаемыхъ на волю. Своею радостью А. Петровъ, конечно, сейчасъ же подѣлился съ односельцами и подрядившими его для чтенія болховцами. По словамъ А. Петрова, въ военно-полевомъ судѣ, подтвержденнымъ и другими крестьянами, они немедленно обратились къ священнику съ просьбою привести ихъ къ присягѣ на волю. Услышавъ заявленіе священника, что ему неизвѣстно изъ Положенія о той волѣ, о которой толкуютъ крестьяне, Антонъ немедленно предложилъ крестьянамъ уйти отъ священника, сказавъ: „давайте вмѣстѣ выхлопатывать волю“[1]). Очевидно, онъ не считалъ вопросъ о волѣ покончennымъ съ нахожденіемъ завѣтной страницы и ждалъ какого-то подтвержденія истинности найденной воли. На это указываетъ и другой фактъ. По словамъ А. Петрова, 11 апрѣля, т.-е. въ разгаръ его славы, онъ, услышавъ отъ татарина Савелія изъ дер. Тафталы, что тотъ можетъ отыскать свободу черезъ купца Юнусова, немедленно далъ требуемые за услугу 10 руб. сер. вмѣстѣ съ листомъ бѣлой бумаги, на которой подписалъ фамилію и просилъ „написать въ Казани прошеніе къ государю, въ которомъ благодаритъ его за свободу“. Такимъ образомъ и въ разгаръ вліянія на крестьянъ А. Петрова не покидала мысль о необходимости хлопотать о волѣ передъ самимъ государемъ.

Какъ понималъ волю самъ А. Петровъ, какъ толковалъ онъ ее? Фразу, „послѣ 10 ревизіи отпущены на волю“ онъ понялъ буквально, т.-е. считалъ, что крестьяне свободны еще съ 1858 г. и лишь господа утаивали волю. Самъ А. Петровъ въ своемъ показаніи такъ изложилъ сущность своихъ толкованій. Онъ говорилъ крестьянамъ, „чтобы они не слушали помѣщиковъ и начальниковъ, приказывалъ крестьянамъ не ходить на барщину, не платить оброка, не давать подводъ, даже не препятствовать, когда крестьяне увидятъ, что другіе будутъ брать изъ барскихъ амбаровъ хлѣбъ, если вода разломаетъ мельницу, то не исправлять самимъ, отъ помѣщиковъ ничего не брать (курсивъ автора И. И.). Толковалъ, что вся земля принадлежитъ крестьянамъ, а помѣщику остается только одна треть“[2]). А. Петровъ призналъ, что онъ совѣтовалъ міру выбрать новыхъ сотскихъ, но отрицалъ всякое подстрекательство со своей стороны къ буйству или грабежу. „Народу я не наказывалъ дѣлать грабежа, убійства, дерзости начальству и т. д., а, напротивъ, говорилъ,—показывалъ онъ,—чтобы никого не обижать“ Показанія другихъ крестьянъ единогласно сходились съ этими показаніями А. Петрова. Они лишь опредѣленнѣе говорили, что Антонъ запрещалъ брать что бы то ни было господское, но не слѣдовало, по его словамъ, и защищать господское имущество; съ другой стороны, по словамъ крестьянъ, Антонъ оставлялъ господамъ не треть земли, а лишь дороги, овраги, бу-

[1]) А. М. Вн. Дѣлъ. Канцел. министра вн. дѣлъ, 1861 г., № 101. Показаніе А. Петрова въ военно-полевомъ судѣ.

[2]) Ibid.

ераки и базарныя мѣста. „Другія же его слова,—говоритъ Перцовъ въ своемъ рапортѣ,—какъ оказалось при внимательномъ разслѣдованіи, ходили въ народѣ не въ томъ видѣ, какъ ихъ говорилъ Антонъ“ [1]).

Вѣсть о томъ, что безднинскій А. Петровъ открылъ, наконецъ, волю въ Положеніи, быстро облетѣла не только Спасскій, но проникла и въ другіе уѣзды. Со всѣхъ сторонъ потянулись крестьяне къ Антону съ книгами Положенія. Сначала Антону было трудно находить образецъ уставной грамоты, а потому у нѣкоторыхъ крестьянъ въ Положеніи не оказывалось „воли“, что повергало въ отчаяніе такихъ несчастливцевъ. Но потомъ Антонъ приловчился, воля всюду легко и быстро отыскивалась [2]).

Въ концѣ А. Петровъ уже неохотно указывалъ завѣтную страницу, говоря, что книги у всѣхъ одинаковыя, а потому у всѣхъ есть воля. Крестьяне, получивъ подтвержденіе въ Положеніи, что они дѣйствительно съ 1858 г. „отпущены на волю“, шли дальше Антона въ толкованіяхъ ея. Обращаемъ вниманіе, что А. Петровъ въ своемъ показаніи оставлялъ помѣщикамъ треть земли, по показаніямъ же крестьянъ, господамъ оставлялись овраги, буераки, дороги, базарныя мѣста. Еще при жизни Антона вокругъ его имени создались легенды, въ которыхъ въ его уста вкладывались такія рѣчи и заявленія, о какихъ не снилось, быть-можетъ, ему самому. Движеніе, начавшееся до открытія воли А. Петровымъ, продолжалось приблизительно въ тѣхъ же формахъ и послѣ того, получивъ лишь осязательное подтвержденіе, что въ царскихъ книгахъ, дѣйствительно, есть воля, и это придало всѣмъ дѣйствіямъ крестьянъ характеръ лойяльности, увѣренность, что они не бунтовщики, а вѣрные слуги царя и исполняютъ лишь его волю. Отъ этого всѣ дѣйствія крестьянъ,—отказъ отъ крѣпостныхъ повинностей, отъ повиновенія экономическимъ властямъ, даже попытки дѣлить господское имущество, хлѣбъ и проч., гдѣ онѣ были, получили большую смѣлость, увѣренность. Лойяльность кре-

Поволжская деревня (фот. Каррика).

[1]) А. М. Вн. Дѣлъ Земск. Отд. 4-е Дѣлопр. 1861 г., № 11.

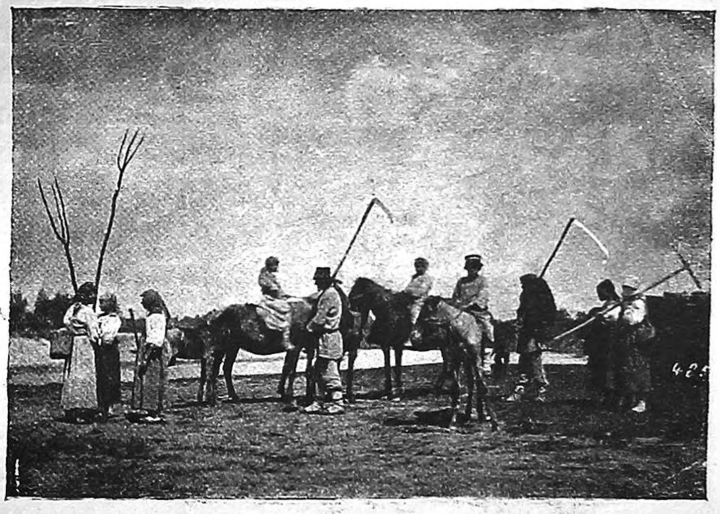
[2]) Ф. А. П-въ. «Изъ воспоминаній 1859—1861 г.», «Ист. Вѣстн.», 1907 г., № 11, стр. 482.

стьянъ въ томъ видѣ, какъ они понимали новый законъ, видна изъ того, что, несмотря на несомнѣнно сильное озлобленіе крестьянъ противъ помѣщиковъ, неизвѣстно ни одного случая насилія надъ помѣщиками или экономическими властями. Извѣстенъ лишь одинъ случай, когда въ с. Щербеть крестьянинъ на сходѣ схватилъ явившагося незваным помѣщика и сказалъ ему: „Убирайся отсюда, тебѣ здѣсь нечего дѣлать“. Но въ этомъ поступкѣ можно видѣть лишь подтвержденіе взгляда крестьянъ, что съ волею помѣщики не имѣютъ никакого отношенія къ нимъ, а потому и на сходѣ ихъ присутствіе совершенно излишне. Характеръ лойяльности носили и отношенія крестьянъ въ с. Безднѣ къ явившимся на усмиреніе властямъ. Отказываясь выдать А. Петрова, крестьяне были вполнѣ вѣжливы, корректны. Узнавъ, что къ 12 апрѣлю въ с. Безднѣ будутъ власти, царскій посолъ и военная команда, крестьяне совѣщались между собою, какъ имъ получше встрѣтить власти. Навстрѣчу къ гр. Апраксину высланы были старики съ хлѣбомъ и солью, которую тотъ, впрочемъ, отказался принять. Хотя гр. Апраксинъ въ своемъ донесеніи и кинулъ въ крестьянъ обвиненіе, что они будто бы при самомъ усмиреніи кричали „за кольями“, но при слѣдствіи это ничѣмъ не подтвердилось. „Слухъ о томъ,—пишетъ Перцовъ въ своемъ рапортѣ,—что во время стрѣльбы крестьяне будто бы бросились за кольями, оказался совершенно неосновательнымъ“. Поводомъ къ нему, „вѣроятно, послужило то, что, когда послѣ выстрѣловъ войска были подвинуты къ народу, крестьяне обратились въ бѣгство, такъ какъ первымъ рядамъ некуда было бѣжать, ибо справа у нихъ были избы, а слѣва плетень, то крестьяне кинулись ломать послѣдній, чтобы открыть себѣ путь. Солдаты приняли это за намѣреніе броситься на нихъ съ кольями и сдѣлали 3—4 залпа по крестьянамъ одинъ за другимъ. Въ этотъ моментъ, по словамъ исправника, и было избито больше всего народу“. „Что у крестьянъ не было и мысли о сопротивленіи силою,—пишетъ Перцовъ,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію... Все ихъ сопротивленіе состояло только въ томъ, что, окруживши домъ Антона густою массою, они никого не допускали къ нему“ [1]). Крестьяне, повидимому, даже опасались столкновенія, ибо при входѣ въ село стояли старики и приказывали вновь приходившимъ бросать палки, если онѣ имѣлись въ рукахъ. Но эта мирная толпа достигала громадныхъ размѣровъ, постоянно возобновлялась, одни приходили, другіе уходили. „Слишкомъ 2 мѣсяца прожилъ я,—пишетъ Перцовъ,—среди крестьянъ Спасскаго уѣзда, и какъ ни старался, но все-таки не могъ разузнать, что за цѣль была сборища крестьянъ въ Безднѣ, исключая желанія слушать Антона, и что они стали бы дѣлать, если бы не были разогнаны силою оружія“ [2]). По показанію одного крестьянина, за день-два до

[1]) А. М. В. Д. Земск. Отд. 4 Дѣлопр. 1861 г., № 11.
[2]) А. М. Вн. Д. Земск. Отд. 4 Дѣлопр. 1861 г., № 11.

усмиренія 12 апрѣля въ Безднѣ было, пожалуй, даже больше крестьянъ, чѣмъ 12-го. Несомнѣнно, впрочемъ, что многихъ крестьянъ привлекъ къ 12 числу въ Бездну слухъ, что царскій посолъ будетъ объявлять „волю“, съ другой стороны, многіе шли „на защиту“ А. Петрова, хотя въ чемъ должна была выражаться эта защита, неизвѣстно.

Несмотря на корректное поведеніе крестьянъ, широта движенія и радикальность разрѣшенія нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ (дѣлежъ земли, лѣсовъ и т. д.) сильно напугали дворянство, и они называли движеніе пугачевщиной, а А. Петрова—вторымъ Пугачевымъ, требуя суровыхъ и энергичныхъ мѣръ противъ безднинцевъ. Этимъ настроеніемъ дворянъ вполнѣ проникся ген.-маіоръ гр. Апраксинъ, посланный въ Казанскую губернію на случай безпорядковъ. Принявъ на себя все усмиреніе безднинскаго движенія, онъ повелъ его рѣзко. Введя военную команду въ с. Бездну, онъ подъ угрозою стрѣльбы требовалъ отъ крестьянъ выдачи А. Петрова. Вмѣсто себя онъ посылалъ съ убѣжденіями священника, адъютанта, казанскаго военнаго губернатора Половцева и уѣзднаго предводителя дворянства. Личная его попытка произнести рѣчь и крестьянамъ принесла лишь вредъ, ибо свелась къ повторенію того же требованія выдать А. Петрова въ грубой и рѣзкой формѣ, уснащенной ругательствами. Когда же толпа наотрѣзъ отказалась выдать А. Петрова, то гр. Апраксинъ приказалъ стрѣлять. Результаты разстрѣла безоружной, мирной толпы, стоявшей недалеко отъ фронта солдатъ, были ужасны. Задніе ряды не сразу узнали объ опустошеніяхъ, произведенныхъ выстрѣлами, и, лишь слыша выстрѣлы, стояли неподвижно, заграждая такимъ образомъ путь для бѣгства переднимъ рядамъ. Въ то время, какъ передніе ряды принуждены были для бѣгства разломать плетень и этимъ вызвали усиленную стрѣльбу, задніе, узнавъ, наконецъ, о результатахъ выстрѣловъ, сломали ворота при выходѣ изъ деревни и бѣжали черезъ протекавшую въ концѣ деревни рѣчку, при чемъ тонкій уже ледъ проломился и, какъ говорили, многіе утонули. Половцевъ, очевидецъ разстрѣла, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „вся улица была усѣяна убитыми и ранеными; убитыхъ

Съ фотографіи Каррика.

оказалось 71 и раненыхъ 115, въ дѣйствительности же ихъ было гораздо больше, такъ какъ много и раненыхъ и убитыхъ крестьяне вынесли изъ толпы и увезли по деревнямъ; по счету доктора, пріѣхавшаго на другой день изъ Казани и лѣчившаго пострадавшихъ въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ, всѣхъ жертвъ было болѣе 350 человѣкъ“ [1]). По официальнымъ же свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ гр. Апраксинымъ въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ, убитыхъ было 51, раненыхъ 77. Н. А. Крыловъ, собиравшій показанія очевидцевъ, приводитъ самыя разнообразныя цифры убитыхъ и приходитъ къ выводу о невозможности точно опредѣлить количество убитыхъ и раненыхъ, ибо „никто ни тѣхъ ни другихъ не считалъ“ [2]). Во всемъ этомъ ужасномъ разстрѣлѣ толпы Половцевъ обвиняетъ гр. Апраксина, который не пожелалъ подождать сосредоточенія большаго количества войскъ, одинъ видъ которыхъ могъ бы воздѣйствовать на крестьянъ, да и вообще, по мнѣнію Половцева, можно было другими мирными средствами принудить крестьянъ къ повиновенію [3]).

Крестьянская дѣвушка (Лебедева).

Безднинцы сами говорили впослѣдствіи, что стоило бы только перевязать стоявшихъ впереди 3 — 4 человѣкъ, кричавшихъ за другихъ, то Антона взяли бы безъ всякихъ выстрѣловъ. По словамъ Перцова, „среднее сословіе не только Спасскаго, но и сосѣднихъ уѣздовъ убѣждено было... что (слѣдственная) комиссія была назначена для производства слѣдствія надъ дѣйствіями гр. Апраксина, потому что общій отголосокъ тотъ, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ образовалось сборище крестьянъ въ Безднѣ, ихъ можно было разогнать, не прибѣгая къ тѣмъ рѣшительнымъ мѣрамъ и не проливая столько крови“ [4]). Возмущенная казанская интеллигенція устроила, въ видѣ протеста, панихиду по безднинскимъ жертвамъ.

[1]) Ф. А. П—въ, «Изъ воспоминаній 1859—1861», «Ист. Вѣстн.», 1907 г., № 11, стр. 475.

[2]) Н. А. Крыловъ, «Воспомин. миров. посредника I призыва», «Русск. Стар.», 1892 г., № 6, стр. 633. (Экземпляръ безъ цензурныхъ помарокъ).

[3]) Ф. А. П—въ, «Изъ воспоминаній 1859—1861 г.», «Ист. Вѣстн.», 1907 г., № 11, стр. 476.

[4]) А. М. Вн. Д. Земск. Отд. 4 Дѣлопр. 1861 г., № 11.

Впрочемъ, дѣятельность гр. Апраксина нашла себѣ и другую оцѣнку...

Участники панихиды понесли болѣе или менѣе суровыя наказанія. Несчастный же Антонъ Петровъ, волею случая поставленный въ центръ движенія, былъ преданъ военно-полевому суду и уже 19 апрѣля разстрѣлянъ согласно приговору, конфирмованному гр. Апраксинымъ по Высочайше предоставленной ему власти. Слѣдствіе о безднинскихъ событіяхъ велось, къ счастью крестьянъ, не гр. Апраксинымъ или ему подобными. Нѣсколько десятковъ крестьянъ, арестованныхъ гр. Апраксинымъ, слѣдственная комиссія освободила, никого не признавъ виновными [1]).

V. Дневникъ крестьянина Костромской губ., Варнавинскаго у., Баковской вотчины, деревни Поляны,

содержащій запись о томъ: „какъ была введена команда солдатъ въ д. Поляны „для смиренія“, почему была введена, почему чиновники стояли, къ чему они принуждали, объ какихъ дѣлахъ во всемъ показано, и всякая статья, коя статья въ кое число“.

А. З. Попельницкаго.

Записи еле грамотнаго крестьянина, очевидца введенія уставной грамоты въ деревнѣ Полянахъ, относящіяся ко времени съ половины іюля 1861 г. по сентябрь 1862 г., отражаютъ, „какъ въ малой каплѣ водъ“, процессъ подчиненія крестьянъ требованіямъ новаго о нихъ закона, совершавшійся въ тѣхъ же формахъ и съ тѣми же пріемами во всей Россіи.

Лѣтописецъ, отмѣтивъ, что по Положенію платежъ за первую десятину надѣла дороже найма ея, повѣствуетъ, какъ на приглашеніе помѣщика составить уставную грамоту „жить постарому“, полянцы не согласились, а при произведенномъ измѣреніи земли, подлежавшей отводу обществамъ крестьянъ Баковской вотчины [2]), управляющій помѣщицы Трубецкой, безъ ихъ участія, сталъ указывать межи „кому много, кому мало, и всѣмъ неравно“ и видятъ мужики, что это не по закону“. Тогда полянскіе крестьяне

---

[1]) Ф. А. П—въ, «Изъ воспоминаній 1859—1861 г.», «Ист. Вѣсти.», 1907 г., № 11.

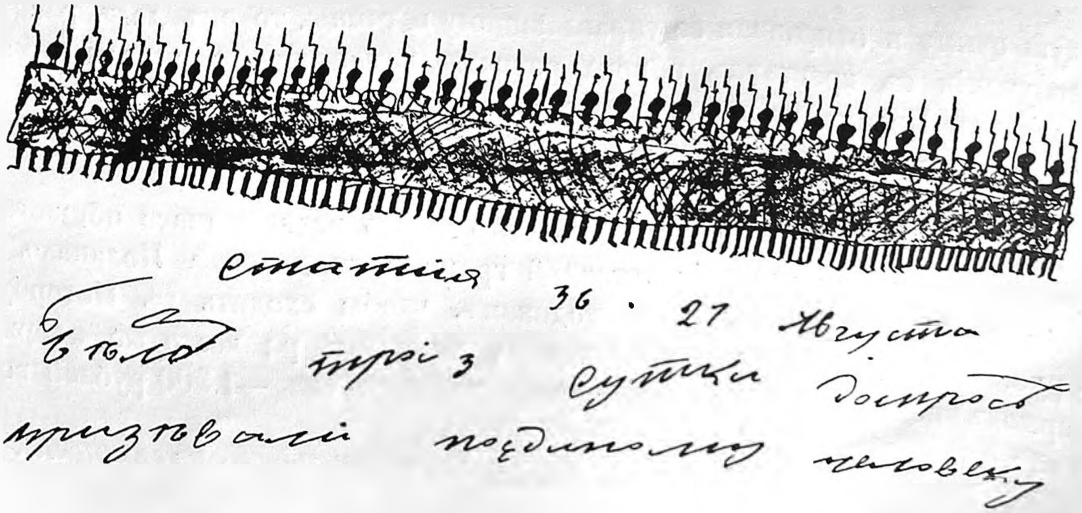
[2]) По свѣдѣніямъ о помѣщичьихъ имѣніяхъ (Приложен. къ Трудамъ Редакціонныхъ Комиссій, т. IV, стр. 16—17) с. Бакин Ильинское съ деревнями, въ 3.021 д. оброчныхъ крестьянъ, значится принадлежавшимъ Е. Е. Трубецкой.

стали просить полянскаго старосту Степана Иванова о дѣлахъ: о надѣлѣ земли, о магазинномъ хлѣбѣ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ были подвергнуты ихъ одновотчинники въ с. Бакахъ за нежеланіе засыпать магазинный хлѣбъ, въ растратѣ какового они не считали себя виновными. Нѣкоторые изъ полянцевъ, недовольные дѣйствіями управляющаго по отводу имъ земли, обращались къ мировому посреднику, но онъ отказался судить объ этомъ дѣлѣ, сказавъ, что все въ отношеніи надѣла землею зависитъ отъ управляющаго вотчины Альера, такъ какъ это его дѣло: „хочетъ—прибавитъ земли, хочетъ—не прибавитъ“. Вслѣдъ за симъ полянцы подаютъ просьбы въ губернское присутствіе, въ казенную палату, губернатору и даже „полиціи жандармскому полковнику“, но ничего „разсудку“ не получали, и, какъ не получившіе удовлетворенія по своимъ жалобамъ на мѣстѣ, посылаютъ двухъ ходоковъ въ Петербургъ для подачи жалобы великому князю Константину Николаевичу, но онъ сказалъ ходокамъ, что ихъ дѣла разсудятся Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, а имъ велѣлъ отправляться домой, при чемъ было написано проходное свидѣтельство, „ежели бы обратно опять явиться въ Петербургъ“. Это ходачество имѣло послѣдствіемъ ловлю мѣстными властями ходока Степана Иванова и требованіе у крестьянъ его выдачи съ угрозою, если не выдадутъ его, то пригонятъ въ Поляны солдатъ на постой. Но полянцы не склонны были исполнить требованіе станового пристава, видя поддержку въ этомъ и со стороны одновотчинниковъ другихъ деревень, которые рѣшили, что дѣло полянцевъ — общее и потому слѣдуетъ „на одномъ стоять“. Вслѣдствіе отказа полянцевъ подписаться о полученіи просьбы ихъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „давшаго разсудокъ по ихъ жалобѣ“, становой приставъ приказалъ сѣчь крестьянъ и требовалъ еще, чтобы они подписались „къ надѣлу земли“, иначе будетъ пригнана къ нимъ команда солдатъ. Полянцы задумываютъ посылать ходоковъ

къ самому царю, а въ это время чиновники пригнали солдатъ 75 человѣкъ на постой, при чемъ „солдаты ведро водки выпивали, въ домахъ за всякое время были выпивки за кажинный день“. Но требованія выдачи ходока Степана Иванова продолжаются; онъ же „прихранился“. Пріѣзжаетъ изъ Костромы чиновникъ и требуетъ отъ полянцевъ подписку, что они „не будутъ бунтовать, не будутъ дѣлать самовольныхъ сходовъ и самовольныхъ сборовъ на посылку ходоковъ, а Степана Иванова выдадутъ и представятъ въ нижній земскій судъ, а если не дадутъ въ томъ подписи, то пригонятъ къ нимъ „вподбавку“ солдатъ. Крестьяне же воздержались отъ подписи, говоря, чтобы имъ „отъ царя виноватыми не быть, того мы опасны“. Въ августѣ 1862 г. пригнали въ Поляны еще 160 человѣкъ солдатъ на постой; власти собрали всѣхъ крестьянъ и объявили имъ уставную грамоту, требуя подписаться „къ надѣлу земли“, но полянцы не приняли уставной грамоты. Въ ожиданіи пріѣзда въ Поляны губернатора, становой приставъ велъ съ полянцами переговоры, грозя пригнать, кромѣ одной, еще 5 ротъ солдатъ, чтобы заставить ихъ сдѣлать по его требованію. И вотъ, когда со всѣхъ обществъ сошлось въ Поляны до 300 крестьянъ и стали они въ сторонѣ отъ выстроившихся шеренгами солдатъ, за гумнами совѣтоваться, чтобъ принять присягу „въ одномъ стоять, другъ дружку не выдавать“, то чиновники, увидѣвъ, что они хотѣли дѣлать, „сейчасъ приказали барабанщику тревогу бить, и сбѣжалась команда въ 235 солдатъ, окружили крестьянъ, нанесли много розогъ и стали иныхъ сѣчь“. Послѣ сѣченія власти требовали подписки отъ крестьянъ, что они будутъ повиноваться царскому закону, императору и всякимъ властямъ, а нѣкоторыхъ, изъ не желавшихъ подписаться на это, взяли подъ арестъ и отправили въ острогъ въ г. Варнавинъ.

Пріѣзжаетъ въ Поляны губернаторъ и увѣщаваетъ крестьянъ слушаться властей, которыя „не ложно говорятъ“, а полянцы при этомъ просили его

избавить ихъ отъ постоя солдатъ, что имъ губернаторъ и обѣщаетъ, „если въ вотчинѣ будетъ тихо и смирно“. По отъѣздѣ губернатора, часть воинской команды въ числѣ 75 человѣкъ увели, а 160 человѣкъ солдатъ оставлены въ Полянахъ. За симъ еще разъ въ продолженіе трехъ сутокъ всѣ полянцы поодиночкѣ были допрашиваемы становымъ приставомъ, при чемъ онъ хотѣлъ взять ходока Степана Иванова, но полянцы его не выдали, надѣлавъ шуму. На просьбу крестьянъ о выводѣ изъ Полянъ остальной команды становой приставъ сказалъ имъ: когда выкладите помѣщику оброчную сумму, тогда выведутъ команду. И когда полянцы „съ большою тягостью выклали тре-

буемую сумму и отправили ее управляющему вотчины, то онъ далъ расписку въ полученіи съ крестьянъ оброка ротному командиру, и вывели команду изъ деревни Полянъ въ иныя общества, гдѣ будутъ выбивать помѣщицкую недоимку съ крестьянъ, а когда это сдѣлаютъ, то угонятъ команду изъ вотчины на свои мѣста“.

Лѣтописецъ, между прочимъ, подвелъ итогъ издержаннаго обществомъ крестьянъ по поводу введенія уставной грамоты въ деревнѣ Полянахъ при участіи военной команды: дано ходокамъ, чтобы сходить въ Петербургъ 370 руб. 70 коп., внесено за 150 ведеръ вина 600 р.; всего же „держей“ (издержекъ) не можно вѣрно сосмекнуть,—говоритъ онъ,—1.300 рублей всѣхъ держей“.

Алексѣй Попельницкій.

VI. К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ.

Акад. А. Ѳ. Кони.

Выработка и осуществленіе освобожденія крестьянъ требовали не только обдуманнаго и послѣдовательнаго вліянія близъ самого Престола, которое осуществлялось великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и великой княгиней Еленой Павловной, не только неустанной дѣятельности Н. А. Милютина и редакціонныхъ комиссій, но и содѣйствія высшихъ представителей власти въ провинціальныхъ центрахъ. Послѣднее было нужно не только для того, чтобы поставить лучшихъ мѣстныхъ людей на подготовительную работу, но и для того, чтобы облегчить на первыхъ порахъ примѣненіе Положенія 19 февраля къ условіямъ практической жизни. Наиболѣе выдающимися въ послѣднемъ отношеніи людьми были самарскій губернаторъ Константинъ Карловичъ Гротъ и калужскій — Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ.

Внукъ протестантскаго пастора и воспитанникъ Царскосельскаго лицея, *Гротъ* въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ качествѣ губернатора, пришелъ въ близкое соприкосновеніе съ тремя устоями внутренней жизни тогдашней Россіи: съ крѣпостнымъ правомъ, съ судомъ, полнымъ, по выраженію Хомякова, „неправды черной“, и откупомъ. Вѣрный разъ принятому правилу: „была бы вѣрность возвышенной цѣли, а остальное сдѣлаютъ время и стойкость“, Гротъ, не смущаясь ни враждой, ни клеветой, ни явнымъ ропотомъ, ни тайными навѣтами, вступилъ прежде всего въ борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Оно встрѣтило молодого самарскаго губернатора во всеоружіи своего владычества „крѣпостною душою“ съ правомъ ссылки, тѣлеснаго наказанія и другихъ безконтрольныхъ каръ. Являясь организованною несправедливостью,— вызывавшею въ отдѣльныхъ случаяхъ проникнутое жестокимъ отчаяніемъ противодѣйствіе, къ которому можно было примѣнить слова Тьера: „Несправедливость не страдаетъ безплодіемъ: она тоже порождаетъ дѣтей, достойныхъ своей матери“,—оно не могло встрѣтить сочувствія въ носителѣ идеаловъ и завѣтовъ Пушкина. Противъ отдѣльныхъ и рѣзкихъ проявленій злоупотребленія помѣщиками своимъ правомъ онъ сталъ бороться со всей доступной ему властью, посредствомъ настойчиваго разслѣдованія и преслѣдованія жестокаго обращенія съ крестьянами и возбужденіемъ вопросовъ о наложеніи опекъ на ослѣпленныхъ своей властью помѣщиковъ. Не поражая въ корнѣ самого крѣпостного права, эти распоряженія, дѣлаясь гласными въ губерніи, тѣмъ не менѣе, заставляли нѣко-

торыхъ владѣльцевъ душъ умѣрить свои самовластные порывы, съ боязливой оглядкой на энергичнаго губернатора. Но когда, въ 1858 году, издалека раздался — вначалѣ слабый и многимъ ненавистный — благовѣстъ предстоящаго освобожденія крестьянъ, Гротъ отозвался на него съ прямодушнымъ восторгомъ. Онъ произнесъ въ собраніи дворянъ горячую рѣчь, наэлектризовавшую многихъ, побудившую ихъ активно отдаться новому святому дѣлу. Дѣятельно приступивъ затѣмъ къ созыву и организаціи губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета, онъ пригласилъ въ члены отъ правительства одного изъ будущихъ смѣлыхъ бойцовъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ Юрія Самарина, безтрепетный и твердый характеръ котораго онъ глубоко цѣнилъ.

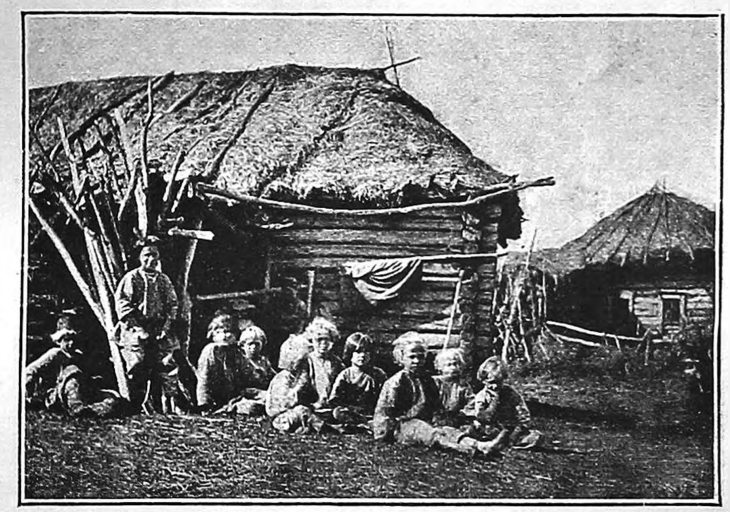
К. К. Гротъ.

Въ губернскомъ комитетѣ Юрію Самарину приходилось переживать тяжелыя минуты и не только встрѣчать противорѣчія въ самой грубой формѣ, но даже въ предвидѣніи возможности дикой съ собою расправы ходить въ засѣданіе съ револьверомъ. Гротъ поддерживалъ и охранялъ его чѣмъ только могъ, и у него находилъ душевный отдыхъ этотъ благороднѣйшій и чистѣйшій слуга родинѣ. Но самому Гроту это не проходило даромъ. Вокругъ него шипѣла презрѣнная клевета, а въ обществѣ ходили по рукамъ и жадно читались злобные на него памфлеты и пасквили. Гротъ не уступалъ, однако, ни пяди изъ занятаго имъ положенія по отношенію къ крестьянской реформѣ и умѣлъ сохранять наружное спокойствіе и самообладаніе даже и тогда, когда ему дважды грозилъ вызовъ на поединокъ со стороны видныхъ мѣстныхъ душевладѣльцевъ. Въ личной своей жизни онъ былъ одинокъ, женившись лишь на седьмомъ десяткѣ, и когда ему становилось особенно горько или тяжело, онъ шелъ къ своему вице-губернатору Аксакову и, оставаясь вѣрнымъ старымъ традиціямъ лицея, искалъ утѣшенія въ совмѣстномъ чтеніи Пушкина.

Хорошо освѣдомленный Самаринымъ о личности и дѣятельности самарскаго губернатора, Н. А. Милютинъ нашелъ необходимымъ призвать его въ комиссію по устройству крестьянскихъ учрежденій. Въ этой комиссіи Гротъ много и плодотворно поработалъ не только надъ проектомъ созданія мировыхъ посредниковъ, но и надъ начертаніемъ общихъ началъ земскаго самоуправленія по мысли и предначертаніямъ „честнаго кузнеца-гражданина“, какъ

назвалъ Милютина поэтъ Некрасовъ. Гротъ не вернулся въ Самару: въ Петербургѣ его ждало руководительство борьбою противъ другого у с т о я—противъ откупа. Но до конца своей плодотворной и трудовой жизни онъ въ дружескомъ кругу любилъ обращаться воспоминаніями къ разнымъ эпизодамъ своей самарской службы и носилъ съ любовью и гордостью золотую медаль „за освобожденіе крестьянъ“, которому въ свое время содѣйствовалъ всѣми силами души и стойкаго характера. Многіе годы онъ былъ участникомъ и распорядителемъ обѣдовъ въ память 19 февраля, за которыми сходились растроганные старики, приложившіе руки къ свѣтлому дѣлу осуществленія лучшихъ упованій ихъ молодости.

Не менѣе трудная задача выпала на долю калужскаго губернатора Виктора Антоновича *Арцимовича*. Близко знакомый съ условіями и печальными бытовыми особенностями внутренней жизни дореформенной Россіи по своему участію въ нѣсколькихъ сенаторскихъ ревизіяхъ и по управленію Тобольскою губерніей, онъ горячо откликнулся на призывъ приступить къ выработкѣ мѣръ для освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Уже въ его рѣчи при открытіи въ Калугѣ губернскаго комитета выяснилось, какъ онъ смотритъ на предстоящую членамъ комитета трудную работу, видя въ ней „обширное и свѣтлое поприще для разумныхъ и честныхъ побужденій“, полную возможность „содѣйствовать облагороженію чувствъ, очищенію мыслей, смягченію нравовъ и обновленію жизни не одного к р е с т ь я н с к а г о сословія, но и всѣхъ д р у г и х ъ...“ Это не было только красивою, хотя вмѣстѣ и глубоко вѣрною фразою. Арцимовичъ былъ прежде всего и во всякомъ положеніи, въ которое его ставила судьба, человѣкъ цѣльный. Увѣровавъ въ справедливость подсказаннаго ему опытомъ и совѣстью взгляда и находя соотвѣтствующее житейской правдѣ примѣненіе этого взгляда къ данному вопросу, онъ смѣло шелъ прямой дорогой, заявляя твердымъ словомъ и рѣшительнымъ жестомъ о томъ, что, по его мнѣнію, нужно и неизбѣжно для общаго блага. Такимъ онъ явился въ своей борьбѣ съ злоупотребленіями откупа, вызвавшими обвиненіе его со стороны министра финансовъ Княжевича въ „противодѣйствіи

Съ фотографіи Каррика.

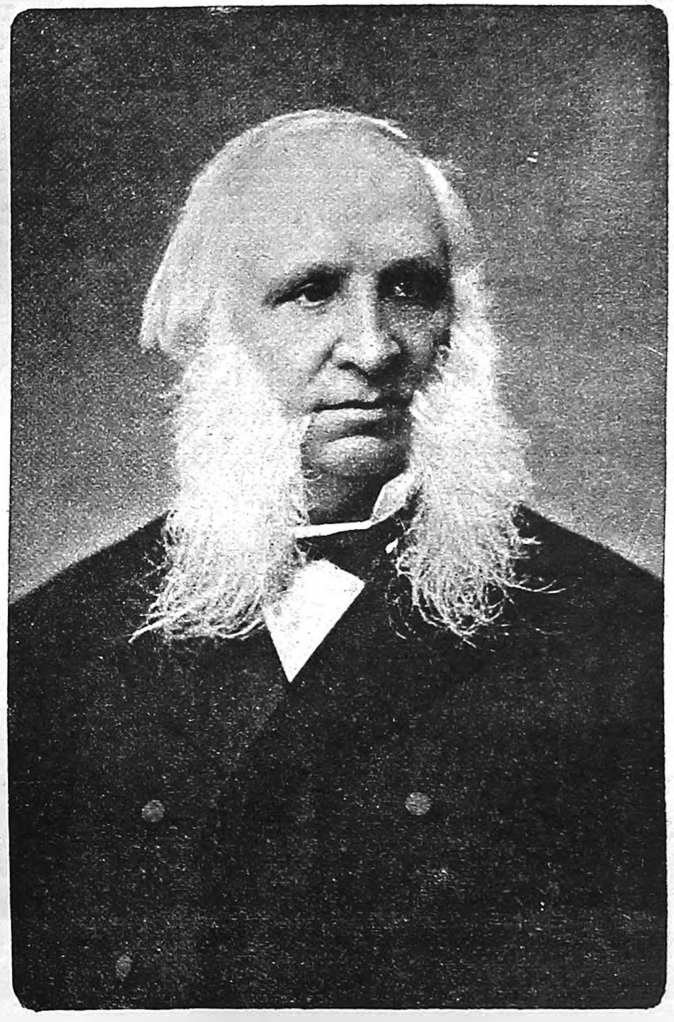
видамъ правительства", при чемъ послѣдній высказалъ своеобразную и характерную мысль, что „интересы казны гораздо важнѣе доброй нравственности", объ укрѣпленіи которой заботился калужскій губернаторъ. Такимъ онъ былъ въ настойчивомъ преслѣдованіи злоупотребленій помѣщичьей власти, доведя, несмотря на упорное и систематическое мѣстное противодѣйствіе, до Сената дѣла о помѣщикахъ, обвинявшихся — одинъ въ насильственномъ обвѣнчаніи своей крестьянки, другой въ растлѣніи нѣсколькихъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, и о помѣщицѣ, повторившей собою, хотя и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, знаменитую Салтычиху.

Обладая драгоцѣннымъ для государственнаго дѣятеля умѣньемъ распознавать и выбирать людей, согрѣвать ихъ своей душевной теплотой и объединять въ общемъ чувствѣ, Арцимовичъ началъ свою дѣятельность по освобожденію крестьянъ призывомъ къ участію въ работахъ губернскаго присутствія людей, одушевленныхъ его взглядами. При этомъ онъ не стѣснялся формальными служебными условіями и чиновническими правами призываемыхъ, какъ не стѣснялся впослѣдствіи избраніемъ ряда лицъ самаго разнообразнаго общественнаго положенія для объявленія на мѣстахъ манифеста 19 февраля, не желая поручить это дѣло исключительно офиціальнымъ лицамъ, которыя могли оказаться подъ вліяніемъ тайнаго недоброжелательства, „рабами лѣнивыми и лукавыми". Должности мировыхъ посредниковъ тоже были замѣщены имъ съ большимъ выборомъ — и среди намѣченныхъ имъ людей было не мало стяжавшихъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность на другихъ, болѣе широкихъ, поприщахъ. Въ воспоминаніяхъ одного изъ нихъ, П. Н. Обнинскаго, сохранилось обращеніе Арцимовича къ нему, молодому человѣку, лишь недавно окончившему курсъ,—при первомъ служебномъ представленіи. Нѣжнымъ движеніемъ положивъ руку на плечо Обнинскаго, взглянувъ на него глубокимъ, съ оттѣнкомъ грусти, взоромъ, губернаторъ сказалъ ему: „Я радъ видѣть будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго родинѣ. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они необходимы дѣлу, и я ихъ ищу съ огнемъ, во-первыхъ, потому, что они молоды, чисты душой, неиспорчены жизнью и суще-

Съ фотографіи Каррика.

ствующими служебными порядками, а во-вторыхъ,—что не менѣе важно для дѣла,—они независимы отъ среды, гдѣ имъ придется работать, тяжко и славно работать! Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ и не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ: я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, — все, что только вы потребуете отъ меня...“ Людямъ, принятымъ съ такимъ напутствіемъ, приходилось переживать много тяжелаго и отъ „вольнаго и невольнаго“ непониманія окружающею средою новыхъ условій быта и отъ глухой вражды и явныхъ клеветъ, но ихъ поддерживало сознаніе, что двери, сердце и глубокій умъ губернатора имъ всегда открыты. Поддерживало ихъ и отсутствіе чувства одиночества въ трудѣ. По совѣту и указаніямъ Арцимовича были заведены ежемѣсячные съѣзды мировыхъ посредниковъ Калужской губерніи, на которыхъ обсуждались выдвинутые практикою вопросы, устанавливалась солидарность взглядовъ и устраивалось взаимное сближеніе участниковъ. Съѣзды эти были публичными, что, по тогдашнему складу провинціальной жизни, представлялось смѣлымъ новшествомъ.

В. А. Арцимовичъ.

Избравъ девизомъ своей и своихъ помощниковъ дѣятельности *законность,* Арцимовичу пришлось оказывать воздѣйствіе на двѣ крайности въ жизни Калужской губерніи. Съ одной стороны, необходимость вести хозяйство уже не даровой рабочей силой, а на новыхъ основаніяхъ и сознаніе потери почти неограниченной власти надъ „крещеной собственностью“ вызывали вспышки частаго негодованія на реформу и явнаго озлобленія противъ ея мѣстныхъ представителей и слугъ; съ другой стороны, между крестьянами бродило представленіе о полномъ и немедленномъ разрывѣ всякихъ отно-

шеній къ помѣщику, выражавшееся въ упорномъ нежеланіи принимать необходимыя условія уставныхъ грамотъ, а иногда и въ дѣйствіяхъ, въ которыхъ чувствовалась отместка за старое, тяжелое и безправное положеніе. Арцимовичъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы, при строгомъ соблюденіи Положенія 19 февраля, освобожденные крестьяне все-таки немедленно почувствовали улучшеніе своего быта, и не внялъ внушеніямъ тѣхъ, для кого введеніе въ дѣйствіе Положенія знаменовало прежде всего „принятіе мѣръ строгости". Поэтому Калужская губернія за все время его управленія не слыхала барабаннаго боя воинской команды, присланной для водворенія порядка. Но людямъ разрушаемаго стараго уклада трудно было „совлечь съ себя ветхаго Адама", и они не останавливались ни предъ чѣмъ, чтобы очернить Арцимовича и представить его вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ въ глазахъ правящихъ круговъ. Его сотрудниковъ называли громко шайкою разбойниковъ, а его—ихъ атаманомъ. Это было грубо и пошло, и могло вызвать лишь улыбку въ Петербургѣ. Но было другое „словечко", испытанное и бьющее почти навѣрняка,—неопредѣленное по содержанію, но приноровленное на всѣ вкусы и степени умственнаго развитія: Арцимовичъ былъ объявленъ „краснымъ". Это названіе не лишено было справедливости, такъ какъ тѣ, кто имѣлъ счастливый случай встрѣчать Виктора Антоновича на своемъ жизненномъ пути, въ различныхъ сферахъ его многолѣтней и нравственно плодотворной дѣятельности, знаютъ, что онъ до конца своихъ дней не утратилъ способности краснѣть... за другихъ. Спокойствіе самообладанія и трезвость взгляда въ нѣсколькихъ случаяхъ непродуманно поспѣшнаго, а подъ часъ почти истерическаго вопля о готовящемся истребленіи помѣщиковъ или явномъ возстаніи противъ властей—въ связи съ репутаціей „краснаго" и строго законными разногласіями губернатора съ губернскимъ предводителемъ и съ вліятельнымъ мѣстнымъ „владѣтельнымъ княземъ" Мальцевымъ вызвали рядъ жалобъ и навѣтовъ на него.

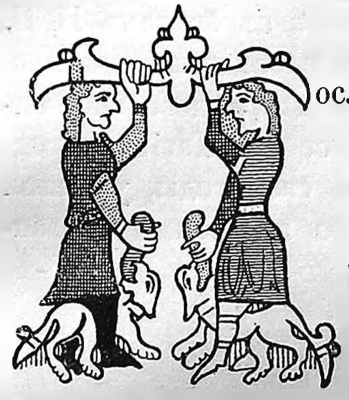
Результатомъ этого явилась ревизія сенатора Капгера, пріѣхавшаго въ Калугу съ нескрываемымъ противъ Арцимовича предубѣжденіемъ и уѣхавшаго затѣмъ, послѣ тщательной работы, съ тѣмъ, чтобы авторитетно засвидѣтельствовать лживость доносовъ на послѣдняго и благородное безпристрастіе его дѣйствій по введенію въ жизнь Положенія 19 февраля.

Дальнѣйшая служба Арцимовича вскорѣ дала ему возможность проявить въ себѣ судью „отъ головы до ногъ" и быть въ теченіе многихъ лѣтъ неустанно и неуклонно „человѣколюбивымъ стражемъ закона", какъ онъ былъ названъ въ надписи на надгробномъ вѣнкѣ отъ его сослуживцевъ по Сенату.

А. Ѳ. Кони.

VII. А. Н. Муравьевъ и другіе декабристы во время крестьянской реформы.

Ч. Вѣтринскаго.

Послѣ блестящей юности послѣ быстрыхъ успѣховъ въ служебной карьерѣ, послѣ тридцатилѣтняго искупленія вины, пересѣкшей его жизнь въ самой половинѣ, возвратился онъ въ 1856 году маститымъ старцемъ, умудреннымъ и примиреннымъ, полнымъ горячаго, радостнаго сочувствія къ реформамъ нынѣшняго царствованія, преимущественно къ крестьянскому дѣлу, полнымъ незыблемой вѣры въ Россію и любви къ ней и высокой внутренней простоты". Это писалъ Иванъ Аксаковъ о С. Г. Волконскомъ. Но это можно сказать и вообще о „возвращенномъ декабристѣ", образъ котораго сталъ на порогѣ времени, какъ напоминаніе о нравственной доблести и гражданской вѣрности. Возвратились по манифесту 1856 года весьма немногіе, огромное большинство сошло уже въ могилу. Но изъ возвращенныхъ всѣ, кто былъ въ силахъ, такъ или иначе отозвались на великую реформу. На первомъ мѣстѣ должна быть названа, конечно, чисто литературная дѣятельность Николая Ивановича Тургенева и менѣе извѣстная, въ свое время не бывшая достояніемъ гласности, дѣятельность М. А. Фонъ-Визина, составившаго въ Сибири въ сороковыхъ годахъ нѣсколько записокъ о крестьянскомъ вопросѣ; послѣднія занимаютъ видное мѣсто въ исторіи крестьянскаго вопроса за періодъ, предшествовавшій реформѣ. Въ начальный ея періодъ нѣкоторые декабристы выступаютъ съ записками и проектами, предлагаемыми губернскимъ комитетамъ. Такую записку, напримѣръ, подавалъ Розенъ, свои соображенія о крестьянской реформѣ представлялъ Ростовцеву Оболенскій, въ губернскомъ комитетѣ участвовалъ въ Калугѣ Свистуновъ, и т. и. Но все это не имѣло особо выдающагося значенія и широкаго вліянія, а распространялось обычно лишь на сравнительно узкій кругъ лицъ, знавшихъ того или другого, доживавшаго въ провинціи свои дни, декабриста.

Нѣкоторые приняли, наконецъ, съ одушевленіемъ участіе и въ проведеніи въ жизнь Положенія 19 февраля, показавъ еще разъ, сколько силъ и энергіи сохранили въ себѣ эти люди и сколько силъ было съ безумной расточительностью со стороны власти похоронено въ Сибири.

По свѣдѣніямъ барона Розена, въ качествѣ членовъ губернскихъ присутствій проработали изъ его товарищей: П. Н. Свистуновъ въ Калугѣ, С. Н. Кривцовъ въ Орлѣ, М. И. Пущинъ въ Минскѣ, М. А Назимовъ въ Псковѣ. Самъ Розенъ былъ шесть лѣтъ сряду мировымъ посредникомъ въ Изюмскомъ

уѣздѣ, Харьковской губерніи. Имѣлъ дѣло съ крестьянской реформой въ качествѣ нижегородскаго уѣзднаго предводителя дворянства и И. А. Анненковъ, по должности бывшій предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ посредниковъ. А. П. Бѣляевъ, управлявшій имѣніями Нарышкина, участвовалъ въ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ этихъ имѣніяхъ вмѣстѣ съ братомъ П. П.

Дѣятельность барона Розена въ качествѣ мирового посредника довольно подробно изображена имъ самимъ въ его запискахъ и даетъ довольно живую картину дѣятельности мировыхъ посредниковъ вообще. Такіе посредники, какъ Розенъ, живой и дѣятельный, несмотря на свои годы, увлекали другихъ, и всѣ, относившіеся внимательно и участливо къ своимъ обязан-

Н. И. Тургеневъ.

Н. А. Бестужевъ.

ностямъ, легко пріобрѣтали довѣріе крестьянъ. „Я далъ имъ слово, — говоритъ Розенъ, — что все до нихъ касающееся, каждый указъ царскій будутъ имъ свято мною сообщаемы безотлагательно. Въ такихъ случаяхъ дружный и общій отвѣтъ ихъ: „мы вамъ вѣримъ!“ — составлялъ для меня лучшую награду за всѣ труды и безпокойства. Могу засвидѣтельствовать по чистой правдѣ, что мировые посредники заслужили такую довѣренность, отдавъ себя и жизнь свою общественному дѣлу. Дѣйствія ихъ были бы еще успѣшнѣе и полезнѣе, если бы не пришлось имъ бороться съ реакціями или сопротивленіями, вольными и невольными, отъ нихъ независѣвшими“. По числу оконченныхъ выкупныхъ сдѣлокъ Харьковская губернія, гдѣ работалъ въ числѣ другихъ Розенъ, заняла первое мѣсто, а въ частности по 2 участку

Изюмскаго уѣзда составленіе всѣхъ уставныхъ грамотъ и выкупныхъ сдѣлокъ состоялось по добровольнымъ соглашеніямъ; обязательныхъ выкупныхъ сдѣлокъ было всего десять. „Во мнѣ таится сила и стремленіе 120 товарищей, которые желали содѣйствовать къ освобожденію крестьянъ, но были сосланы послѣ 14 декабря и не дожили“ — эти слова Розена хорошо выражаютъ настроеніе его и товарищей, потрудившихся на старости лѣтъ при освобожденіи.

Болѣе удрученные годами и болѣзнями люди 14 декабря могли лишь радостно сочувствовать ходу реформы и дожить до дня ея было мечтой нѣкоторыхъ, послѣ которой оставалось умереть спокойно. Такъ, Евгеній Петровичъ Оболенскій, по его словамъ, „радовался составленію комитетовъ, радо-

Бар. А. Е. Розенъ.

Г. С. Батенковъ.

вался ихъ трудамъ, радовался жизненной дѣятельности, проникавшей всюду, оживленной рѣчи, слышанной всюду“, и, конечно, таково же было настроеніе и другихъ декабристовъ, доживш ихъ до освобожденія.

Наиболѣе видную роль при освобожденіи крестьянъ изъ декабристовъ пришлось „сыграть Александру Николаевичу Муравьеву, впрочемъ, не принадлежавшему къ числу „возвращенныхъ 1856 г.“. Онъ вернулся гораздо раньше, и съ сентября 1856 года былъ уже нижегородскимъ губернаторомъ.

„Лежавшіе въ основѣ характера Муравьева деспотизмъ и неискренность,— говоритъ о немъ его антагонистъ, нижегородскій губернскій предводитель дворянства П. Д. Стремоуховъ [1]),—не внушали мнѣ желанія искать сближенія съ

[1]) П. Д. Стремоуховъ, «Нижегор. губернаторъ А. Н. Муравьевъ» («Рус. Стар.», 1901 г., май).

нимъ, и при всемъ уваженіи, какимъ онъ пользовался въ мѣстныхъ интеллигентныхъ кружкахъ, какъ поборникъ либеральныхъ идей и человѣкъ многосторонне образованный, я ему не сочувствовалъ"... „Не сочувствуя", Стремоуховъ все-таки характеризуетъ Муравьева, какъ человѣка „ума незауряднаго", прибавляя, конечно, „но"—„но мечтательнаго". „Старый масонъ, съ натурой увлекающейся, но съ характеромъ настойчивымъ и упорнымъ, Муравьевъ, несмотря на свой возрастъ (въ ту пору, къ которой относятся эти воспоминанія, ему было лѣтъ подъ семьдесятъ), былъ полонъ жизни и энергіи, изумлявшей старыхъ его товарищей-декабристовъ, въ то время возвращавшихся изъ ссылки. Крестьянская реформа имъ встрѣчена была съ восторгомъ и съ перваго же момента онъ всецѣло посвятилъ ей свою дѣятельность. Мечтою его было: полное освобожденіе крестьянъ съ землею съ немедленнымъ прекращеніемъ всякихъ къ помѣщикамъ обязательствъ; отвѣчая дѣятельнымъ, всеобщимъ ожиданіямъ крестьянъ, такое разрѣшеніе вопроса сразу, по его убѣжденію, создавало и ихъ благоденствіе"...

17 декабря 1857 года состоялось извѣстное постановленіе нижегородскаго дворянства, которое первое отозвалось на рескриптъ 20 ноября и циркуляръ 24 ноября. Постановленіе глубоко растрогало старика Муравьева. Участникъ этого событія, Н. И. Русиновъ вспоминаетъ въ автобіографіи, какъ Муравьевъ, „узнавъ отъ насъ о совершившемся, отъ радости и умиленія громко зарыдалъ, немедленно далъ Штевену (избранному для представленія адреса государю) курьерскую подорожную и самъ спѣшилъ отправить его въ Петербургъ". Поспѣшность принятыхъ Муравьевымъ мѣръ для оповѣщенія государя оказалась тѣмъ болѣе не лишнею, что вскорѣ значительная группа дворянства, сообразивши, что оно дѣйствовало очертя голову, отправила въ Петербургъ другую депутацію, съ С. В. Шереметевымъ во главѣ; депутація имѣла цѣлію ослабить впечатлѣніе адреса и выдвинуть впередъ сословные интересы дворянства. Дѣло, однако, было уже сдѣлано, и 24 декабря было Высочайше разрѣшено образованіе губернскаго комитета.

Муравьевъ 15 января устроилъ предварительное совѣщаніе предводителей и дворянъ, сочувствовавшихъ реформѣ, относительно выборовъ членовъ комитета. Самые выборы были произведены 10 февраля, а 19-го комитетъ былъ открытъ рѣчью Муравьева. Въ ней онъ указывалъ, что дворянство, поставивъ себя выше житейскихъ расчетовъ, должно оградить человѣка отъ произвола и случайности и не взирать на него, какъ „на одну производительную силу, подобную силѣ другихъ животныхъ", и „воздать человѣку то, что подобаетъ человѣку". Въ этой рѣчи, въ ея туманно-приподнятомъ тонѣ слышится бывшій масонъ, изъ числа тѣхъ масоновъ, въ комъ мистицизмъ не заслонилъ живого пониманія дѣйствительности.

Очень скоро выяснилось, что нижегородское дворянство въ большинствѣ комитета оказалось настроеннымъ весьма неблагопріятно для мало - мальски

И. А. Аннепковъ.

М. М. Нарышкинъ.

С. И. Кривцовъ.

А. Н. Муравьевъ.

А. П. Бѣляевъ.

М. А. Назимовъ.

П. П. Бѣляевъ.

радикальнаго рѣшенія вопроса, и впослѣдствіи одинъ изъ представителей этого большинства, Пятовъ. получилъ даже довольно рѣзкій Высочайшій выговоръ, а присоединившіеся къ нему 12 членовъ комитета—замѣчаніе. Къ окончательному проекту комитета, принятому большинствомъ голосовъ, Муравьевъ отнесся съ рѣзкой критикой, ибо, по его мнѣнію, „комитетскимъ положеніемъ крѣпостное право уничтожается лишь въ актахъ, и оставляется со всѣми своими послѣдствіями на дѣлѣ". Онъ настаивалъ горячо на томъ, чтобы рядомъ съ проектомъ большинства, какъ несогласнымъ съ видами правительства, былъ разсмотрѣнъ и проектъ меньшинства и чтобы представители этого меньшинства были вызваны въ Петербургъ. Муравьевъ и лично отъ себя составилъ проектъ освобожденія, впрочемъ, возвращенный ему, какъ выработанный безъ соображенія съ намѣреніями правительства, безъ права передачи губернскому комитету.

Въ то же время Муравьеву приходилось энергично бороться съ попытками реакціонной части дворянства затягивать занятія, съ возникшими въ комитетѣ острыми столкновеніями друзей реформы и ея противниковъ, и т. п.

Рѣзкая оппозиція со стороны Муравьева большинству комитета вызвала необыкновенное противъ него раздраженіе дворянства. Въ борьбу мнѣній тогда было вовлечено все мѣстное общество. Муравьевъ энергично проводилъ всѣ, задѣвавшія дворянство, мѣры къ тому, чтобы во время подготовительныхъ работъ оно не успѣло частными соглашеніями и такими способами, какъ сдача въ рекруты, переселеніе и т. п., ухудшить существующее положеніе крестьянъ. Отношенія крестьянъ и помѣщиковъ понятно были, какъ вездѣ, болѣе или менѣе натянутыя, возникали многочисленныя столкновенія. Въ нихъ Муравьевъ большею частью настойчиво и рѣшительно бралъ сторону крестьянъ, такъ что крестьяне въ губерніи смотрѣли на него, какъ на естественнаго защитника своихъ интересовъ. Это, между прочимъ, выразилось въ одномъ замѣчательномъ приговорѣ крестьянъ—не слушаться больше помѣщика и принести на него жалобу губернатору, „тогда губернаторъ его, какъ Шереметева, вышлетъ съ села, и барская запашка раздѣлится нами и оброкъ за нами пропадетъ" [1])... Упомянутый въ этомъ оригинальномъ приговорѣ Шереметевъ, дѣйствительно, былъ удаленъ, послѣ долгой борьбы съ нимъ Муравьева, изъ своей вотчины Богородскаго, въ которомъ онъ вызвалъ волненія своимъ крутымъ нравомъ.

По разсказамъ, переданнымъ у Стремоухова, „Положеніе 19 февраля" не удовлетворило ожиданій Муравьева. Прочитавъ его, онъ заплакалъ и только сказалъ: „бѣдные крестьяне".

---

[1]) О борьбѣ Муравьева въ эти годы см. статьи А. А. Савельева («Рус. Стар.», 1898 г.) и В. И. Снѣжневскаго, изданіе нижегор. ученой архивн. комиссіи, «Дѣйствія», вып. 16, 1898 г.

При введеніи реформы Муравьеву пришлось проявить также не мало упорства въ своемъ благожелательномъ отношеніи къ крестьянамъ, чтобы не итти при возникавшихъ недоразумѣніяхъ на тѣ крутыя мѣры, которыхъ требовали встревоженные дворяне. Очевидцы разсказывали, что когда крестьяне оправдывались въ своихъ ослушаніяхъ требованіямъ помѣщиковъ или мѣстнымъ властямъ жалобами на тягость повинностей и становились предъ губернаторомъ на колѣни, онъ выслушивалъ ихъ съ обнаженною головою и со слезами на глазахъ и послѣ долгихъ переговоровъ объ исполненіи законныхъ требованій заканчивалъ свои увѣщанія словами: „ну,—вы для меня это сдѣлайте!..“

Гуманный образъ дѣйствій Муравьева, можетъ-быть, лучше всего характеризуютъ многочисленные, сохранившіеся въ нижегородской архивной комиссіи, злобные пасквили, иногда грубо ругательные („каторжникъ“ и т. п.). „Тайнымъ дѣйствуя путемъ съ молоткомъ масона,—читаемъ въ одномъ стихотвореніи, — ты хотѣлъ быть палачомъ и дворянъ и трона. Ты — хитрѣйшій санкюлотъ, хуже всѣхъ французскихъ, девяносто третій годъ готовилъ для русскихъ!“ — „О Муравьевъ — Сатанаилъ! — говорится въ другомъ пасквилѣ, сочиненномъ, когда Муравьевъ былъ уже отозванъ изъ Нижняго. — У насъ ужъ не хватило силъ владычество твое терпѣть, и мы рѣшились бы послать, ввѣряясь небу и судьбѣ, нашъ общій адресъ объ тебѣ, что губернаторъ ты плохой, что кабинетный ты герой, что ты и дряхлъ, и слѣпъ, и глухъ, что ты губерніи злой духъ, что всю ее ты взволновалъ, всѣмъ мужикамъ потачку далъ не работать и не платить, но все, что вздумаютъ, творить, что ты, послѣдствій не боясь, спокойствіемъ страны хвалясь, начальству лживо представлялъ, что край въ порядкѣ удержалъ, тогда какъ въ немъ, гдѣ ни затронь, подъ пепломъ кроется огонь!..“ Или: „Этотъ Муравьевъ на всѣ продѣлки былъ готовъ, чтобы отчизну сокрушить, всѣ въ ней порядки истребить, разрушить въ щепки царскій тронъ, Россіи дать другой законъ и средь кровавой суеты осуществить свои мечты, которымъ съ дѣтства преданъ былъ“...

М. И. Муравьевъ-Апостолъ

Чтобы сломить Муравьева, пущены были въ ходъ всѣ связи нижегородскихъ дворянъ, и когда былъ отставленъ Ланской, оказывавшій Муравьеву исключительное довѣріе (что объясняли ихъ давними масонскими связями), Валуевъ удалилъ и Муравьева, назначеннаго 16 сентября 1861 года въ Мо-

сковскій Сенатъ[1]). Часть нижегородскаго общества, во главѣ съ бывшимъ губернскимъ предводителемъ Н. П. Болтинымъ, въ подготовительный періодъ дѣйствовавшимъ солидарно съ Муравьевымъ, дала ему 22 октября торжественный обѣдъ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ сословій, не исключая крестьянъ, въ лицѣ нѣсколькихъ волостныхъ только что избранныхъ старшинъ. Рѣчь Болтина, вызвавшая общій энтузіазмъ, заключала въ себѣ, между прочимъ, такую характеристику роли Муравьева во время крестьянской реформы. „Какъ человѣкъ, посвятившій себя изъ любви къ человѣчеству служенію великой идеѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного ига, вы съ самаго начала настоящаго переворота, когда губернскій комитетъ только что открылъ свои засѣданія, въ частныхъ бесѣдахъ со мною, высказывая опасенія свои о предстоящемъ затруднительномъ положеніи дѣлъ, постоянно развивали мысль, что для сохраненія спокойствія въ губерніи и для упроченія порядка и спокойствія въ будущемъ, въ настоящую минуту необходимо не безусловное наказаніе крестьянъ безъ суда и слѣдствія, какъ многіе полагаютъ, а, напротивъ, надо стараться, чтобы этотъ многочисленный классъ людей, въ теченіе двухъ вѣковъ терпѣвшій всевозможныя стѣсненія и насилія, могъ бы почувствовать теперь на самомъ дѣлѣ, что и для него есть правосудіе, есть законы, ограждающіе его отъ насилій, и только, идя такимъ прямымъ законнымъ путемъ, можно будетъ достигнуть того, что народъ постепенно перевоспитается и доведется до нравственнаго сознанія своихъ правъ и обязанностей, чѣмъ и устранится въ будущемъ печальная необходимость принятія чрезвычайныхъ мѣръ для вразумленія крестьянъ въ ихъ обязанностяхъ“... При Муравьевѣ, по словамъ Болтина, крестьяне поняли, что и для нихъ, наконецъ, настала теперь пора вступить въ новую, невѣдомую гражданскую жизнь, „и какъ къ виновнику такого нравственнаго ихъ возрожденія привязались къ вамъ всею силою своей простой любящей души и привязанность свою доказали тѣмъ, что въ то время, когда въ большей части губерній, для прекращенія возникавшихъ безпорядковъ, требовалось содѣйствіе войскъ, у насъ же для прекращенія возникавшихъ между крестьянами недоразумѣній, достаточно было одного личнаго вашего присутствія въ имѣніяхъ и словеснаго вашего разъясненія крестьянамъ ихъ обязанностей“...

Ч. Вѣтринскій.

---

[1]) Подробности объ отставкѣ Муравьева см. въ ст. «Первые шаги» А. З. Попельницкаго.

VIII. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ.

А. А. Корнилова.

Введеніе крестьянской реформы на мѣстахъ возложено было на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣздные мировые съѣзды и мировыхъ посредниковъ.

Губернскія присутствія должны были быть своего рода мѣстными сенатами, на которые возложено было главное руководительство и распоряженіе по введенію новаго положенія о крестьянахъ въ губерніи, а также разсмотрѣніе, преимущественно въ кассаціонномъ порядкѣ, жалобъ на мировыя крестьянскія учрежденія. Мировые съѣзды были аппеляціонной инстанціей по всѣмъ дѣламъ, ввѣреннымъ мировымъ посредникамъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ мелкихъ, по которымъ рѣшенія посредниковъ считались окончательными; кромѣ того, мировые съѣзды облечены были распорядительною властью по организаціи крестьянскаго дѣла и по введенію положенія 1861 г. въ уѣздахъ. Непосредственное же осуществленіе новаго положенія на мѣстахъ, всѣ связанныя съ этимъ распорядительныя дѣйствія, рѣшеніе въ первой инстанціи всѣхъ жалобъ и споровъ, возникавшихъ между помѣщиками и крестьянами по вопросамъ, связаннымъ съ новымъ устройствомъ помѣщичьихъ крестьянъ, а также и руководительство вновь учрежденными органами крестьянскаго самоуправленія возложены были на мировыхъ посредниковъ.

Учрежденіе института мировыхъ посредниковъ и всей системы крестьянскихъ мировыхъ установленій имѣло свою исторію. На основаніи Высочайше утвержденныхъ 25 марта 1859 г. „главныхъ началъ“, данныхъ въ руководство комиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, предполагалось создать въ уѣздахъ особыя мировыя учрежденія въ лицѣ мировыхъ судей, которые должны были избираться изъ мѣстныхъ дворянъ, но крестьянскими выборщиками. Вопросъ о возможности организаціи этихъ крестьянскихъ выборовъ переръшался нѣсколько разъ въ вышеупомянутой комиссіи, редакціонныхъ комиссіяхъ и въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, и, наконецъ, согласно мнѣнію, восторжествовавшему въ этомъ послѣднемъ, рѣшено было, въ виду затруднительности своевременной организаціи крестьянскихъ избирательныхъ собраній, на первые три года, предоставить назначеніе мировыхъ посредниковъ, какъ были названы первоначально проектировавшіеся мировые судьи, губернаторамъ. Губернаторы должны были ихъ избирать изъ числа мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, владѣющихъ, хотя бы въ разныхъ губер-

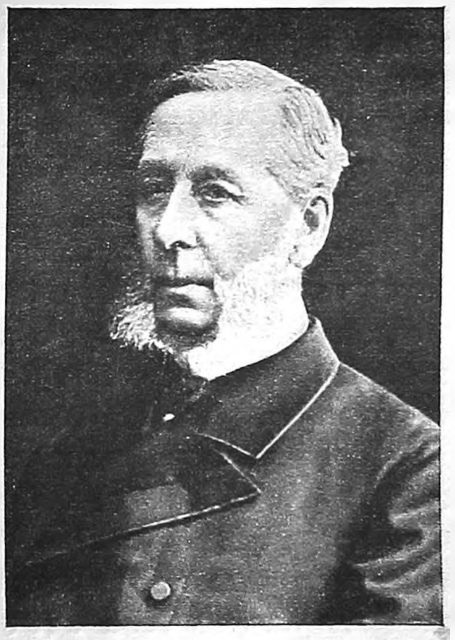
ніяхъ, земельнымъ цензомъ въ 500 дес. или, при меньшемъ земельномъ цензѣ (но не менѣе 150 дес.), окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ право на чинъ XII класса. Утвержденіе избранныхъ губернаторами лицъ въ должности посредниковъ предоставлено было Сенату, благодаря чему и уволить отъ должности мирового посредника нельзя было безъ сенатскаго разрѣшенія. Списокъ, по которому избирались посредники, составлялся въ каждомъ уѣздѣ уѣзднымъ предводителемъ и провѣрялся уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ, при чемъ изъ него, по увѣдомленію губернскаго начальства, исключались всѣ лица, опороченныя по суду или состоявшія подъ судомъ или слѣдствіемъ. Впослѣдствіи порядокъ этотъ остался въ силѣ вопреки первоначальному предположенію—и по миновании перваго трехлѣтія.

Наступившая вслѣдъ за опубликованіемъ положеній 19 февраля реакція въ высшихъ сферахъ повела за собой, какъ извѣстно, отставку главныхъ руководителей крестьянской реформы въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ Ланского и Милютина, при чемъ министромъ внутр. дѣлъ, вмѣсто Ланского, назначенъ былъ П. А. Валуевъ, стремившійся при проведеніи реформы въ жизнь всячески охранить интересы дворянства. Однако еще до выхода въ отставку Ланской успѣлъ разослать губернаторамъ весьма важный циркуляръ 22 марта 1861 г., въ которомъ указывалъ имъ на необходимость особенно осмотрительнаго выбора мировыхъ посредниковъ. „Нравственныя качества, требуемыя отъ должности мирового посредника,—сказано было въ этомъ циркулярѣ,—показываетъ самое ея названіе. Главное ея назначеніе—быть примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій. Столь высокое призваніе не можетъ быть съ успѣхомъ выполняемо ни лицами, которыя своею прежнею общественною дѣятельностью или вообще своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного лишь сословія, ни еще менѣе обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые по службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственныя, нерѣдко корыстныя, выгоды“...

Указавъ далѣе, что для успѣха дѣла необходимо, чтобы посредники пользовались не только властью надъ крестьянами, но и полнымъ ихъ довѣріемъ, министръ прямо рекомендовалъ губернаторамъ приглашать въ посредники лишь такихъ лицъ, „которыя извѣстны несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами“. Этотъ циркуляръ Ланского имѣлъ очень важное значеніе, хотя, конечно, далеко не всѣ губернаторы исполняли его въ точности, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ приняли во вниманіе ту перемѣну курса въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, которая произошла тотчасъ вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста 19 февраля 1861 г. Многіе изъ нихъ „не нашли въ себѣ нравственныхъ силъ противиться выбору дворянства“. Тѣмъ не менѣе, въ составъ мировыхъ посредниковъ „перваго призыва“ попали почти вездѣ, на ряду съ людьми болѣе или

менѣе равнодушными и тѣ идейные сторонники крестьянской реформы, которые искренно желали провести ее добросовѣстно. Хорошему составу новаго института, несомнѣнно, много способствовала и та независимость этой должности отъ административныхъ властей, которая обезпечена ей была по закону.

На процедуру по составленію списковъ, избранію и утвержденію мировыхъ посредниковъ въ должности потребовалось, несмотря на всю спѣшность этого дѣла, не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ. Лишь къ концу іюня и къ началу іюля 1861 г. мировыя учрежденія были повсемѣстно открыты. Моментъ былъ очень отвѣтственный и трудный, и на ихъ работѣ и дѣятельности сосредоточилось все вниманіе тогдашняго общества.

П. А. Валуевъ.

Хотя передовые круги общества сознавали огромную историческую важность совершившагося событія, однако самыя положенія 19 февраля мало кого удовлетворяли. Даже сами ихъ составители—такіе, какъ Самаринъ и Черкасскій—начинали при осуществленіи дѣла на мѣстахъ видѣть тѣ или другія несовершенства и промахи—правда, не особенно важные—въ своей только что совершонной работѣ. Тѣмъ болѣе критически были настроены даже ближайшіе ихъ друзья—такіе, какъ Ив. Серг. Аксаковъ или А. И. Кошелевъ,—которые не принимали сами непосредственнаго участія въ составленіи и редактированіи положеній въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Еще гораздо острѣе была критика положеній со стороны тѣхъ друзей и сторонниковъ крестьянской реформы, которые предлагали въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ иное рѣшеніе вопроса, нежели то, которое было принято. Таково было въ особенности настроеніе прогрессивныхъ представителей дворянства Тверской и нѣкоторыхъ другихъ нечерноземныхъ промышленныхъ губерній.

Съ другой стороны, представители консервативныхъ и крѣпостническихъ взглядовъ, въ корнѣ несогласные съ идеями эмансипаціи и относившіеся съ особенной злобой и ненавистью къ объявленной вопреки ихъ ожиданіямъ и стараніямъ реформѣ, не теряли надежды при осуществленіи дѣла на практикѣ внести въ него тѣ или другія поправки въ своихъ интересахъ, а можетъ, и вовсе запутать и исказить новое положеніе. Въ большинствѣ случаевъ они со злорадствомъ прислушивались и присматривались ко всякимъ грядущимъ затрудненіямъ и безпорядкамъ, которые могли встрѣтиться и уже кое-гдѣ

встрѣчались на пути осуществленія реформы. Они старались раздуть и преувеличить всякое замѣшательство, возникшее на мѣстахъ по недоразумѣнію или по несоотвѣтствію объявленныхъ положеній видамъ и ожиданіямъ крестьянъ. Порождаемые отсюда толки и слухи пускались въ ходъ въ Петербургѣ придворными и сановными крѣпостниками, какъ способъ запугиванія и терроризаціи высшихъ сферъ.

Самъ Александръ II, выдержавшій довольно стойко въ теченіе четырехъ лѣтъ подобные приступы и натиски, наконецъ, видимо, почувствовалъ себя утомленнымъ и обнаружилъ тотчасъ послѣ изданія Положенія 19 февраля склонность къ уступкамъ огорченнымъ и якобы обездоленнымъ крѣпостникамъ. Николай Милютинъ, неожиданно для себя оказавшійся не у дѣлъ, прямо писалъ въ это время Черкасскому, что дѣлу преобразованія предстоитъ пережить трудный моментъ. „Истинная борьба, — писалъ онъ, — будетъ не здѣсь, а на мѣстахъ. Отъ души желаю, чтобы люди передовые не уклонились отъ нея, и тогда всѣ придворныя и канцелярскія ухищренія будутъ такъ же безсильны, какъ безсильна до сихъ поръ крамольная оппозиція чиновныхъ помѣщиковъ“...

Лучшіе люди тогдашняго общества не уклонились отъ этой борьбы, вполнѣ сознавая и ея неизбѣжность, и всю ея трудность и даже опасность. Это сознаніе было присуще и лучшимъ изъ губернаторовъ, сознательно стремившимся къ тому, чтобы реформа дала крестьянамъ „улучшеніе не на словахъ и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ“ [1]), и лучшимъ мировымъ посредникамъ, нерѣдко назначавшимся вопреки желанію мѣстныхъ помѣщиковъ. Въ перепискѣ того времени можно найти много слѣдовъ этого сознанія серьезности предстоящей борьбы. Такъ, калужскій губернаторъ Арцимовичъ, успокаивая своего тестя сенатора Жемчужникова, писалъ ему въ маѣ 1861 г., что чувствуетъ въ себѣ „достаточно нравственной силы для праведной борьбы“—и борьба, выпавшая на его долю, оказалась, дѣйствительно, не изъ легкихъ. Такъ, князь В. А. Черкасскій, принявшій должность мирового посредника, несмотря на ненависть къ нему мѣстныхъ помѣщиковъ, отправляясь на дворянское собраніе въ 1861 г., составилъ, на всякій случай, духовное завѣщаніе, предвидя возможность тяжелыхъ столкновеній съ дворянами. Къ счастью, для него дѣло обошлось тогда благополучно. Впослѣдствіи въ разныхъ мѣстахъ наиболѣе ненавистные дворянамъ мировые посредники подвергались различнаго рода нападеніямъ и болѣе или менѣе крупнымъ непріятностямъ въ дворянскихъ собраніяхъ. Калужскіе дворяне, какъ вспоминалъ впослѣдствіи одинъ изъ бывшихъ калужскихъ посредниковъ П. Н. Обнинскій, называли не обинуясь мѣстныхъ посредниковъ

[1]) Слова императора Александра II, сказанныя въ рѣчи его, произнесенной имъ въ Государственномъ Совѣтѣ при передачѣ на его обсужденіе проектовъ положеній, выработанныхъ редакціонными комиссіями.

Л. Н. Толстой въ роли мирового посредника.

(Картина *Курдюмова*).

шайкою разбойниковъ, а Арцимовича—ихъ атаманомъ. Когда одинъ изъ назначенныхъ Арцимовичемъ, вопреки желанію дворянъ, посредниковъ Н. П. Щепкинъ прибылъ въ Калугу, то его родной дядя, уѣздный предводитель дворянства, ранѣе относившійся къ нему дружески, не подалъ ему руки. Конечно, во многихъ мѣстахъ губернаторы не рѣшались итти такъ рѣзко противъ желаній дворянства и, напримѣръ, новгородскій губернаторъ Филипповичъ прямо заявилъ Носовичу, добивавшемуся мѣста посредника изъ желанія послужить великому дѣлу, что онъ противъ воли дворянства не считаетъ возможнымъ назначать посредниковъ, и, тѣмъ не менѣе, въ той же Новгородской губерніи былъ случай избіенія дворянами на балу мирового посредника, ихъ избранника, имъ неугодившаго. Были, конечно, и такія губерніи, гдѣ составъ мировыхъ посредниковъ былъ подобранъ прямо въ противность циркуляру Ланского, какъ, напримѣръ, во Владимирской губерніи, гдѣ послѣ ревизіи сенатора Капгера въ 1862 г. поднятъ былъ вопросъ о преданіи суду цѣлаго ряда членовъ мирового института и губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ. Но въ общемъ даже въ губерніяхъ со слабыми губернаторами составъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва оказался на высотѣ положенія, и нерѣдки были случаи и такого рода, когда посредники, намѣченные самими дворянами, обманывали впослѣдствіи ихъ ожиданія и, работая на глазахъ у всѣхъ при напряженномъ вниманіи къ ихъ дѣятельности всего общества и пользуясь независимостью своего положенія отъ административныхъ воздѣйствій, добросовѣстно и съ честью выполняли свою задачу, несмотря на нападки и недовольство сосѣдей-помѣщиковъ.

А. Е. Тимашевъ (И. М. Вн. Д.).

А каково было настроеніе и взгляды огромнаго большинства тогдашнихъ помѣщиковъ, это можно представить, лишь не упуская изъ виду, что при крѣпостномъ правѣ помѣщичьимъ крестьянамъ запрещались всякія жалобы на произволъ и злоупотребленія ихъ владѣльцевъ. Поэтому, когда вслѣдъ за опубликованіемъ реформы, нѣкоторые изъ губернскихъ присутствій объявили, что никакія жалобы помѣщиковъ на неповиновеніе и грубость крестьянъ не должны вызывать полицейскихъ мѣръ и репрессій безъ формальнаго разбора и разслѣдованія обстоятельствъ дѣла, то многимъ показалось такое распоряженіе чуть не революціоннымъ Точно такъ же, когда мировые посредники стали объяснять крестьянамъ, что, въ случаѣ недовольства распоряженіями

помѣщиковъ, они могутъ приносить жалобы, которыя будутъ разбираться законнымъ порядкомъ, то помѣщикамъ казалось, что такія объясненія посредниковъ направлены прямо къ возстановленію противъ нихъ ихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Когда же калужское губернское присутствіе, руководимое Арцимовичемъ, разъяснило полиціи, что всѣ жалобы помѣщиковъ на неисполненіе крестьянами повинности должны быть отнынѣ разбираемы въ порядкѣ гражданскаго производства, какъ иски и споры, а отнюдь не какъ проступки и преступленія, то даже такой просвѣщенный человѣкъ и извѣстный дѣятель въ сферѣ тогдашнихъ преобразованій, какъ князь Д. А. Оболенскій, писалъ Арцимовичу, что, по его мнѣнію, такіе вопросы администрація не должна затрагивать, и что рѣшеніе ихъ надо предоставить „времени, литературѣ и просвѣщенію“... Чего же послѣ этого можно было ждать отъ людей менѣе просвѣщенныхъ и не сочувствовавшихъ совершавшимся преобразованіямъ!

Что касается крестьянъ, то ихъ настроеніе ко времени открытія мировыхъ учрежденій стало уже болѣе спокойнымъ. Извѣстно, что Положенія 19 февраля въ большинствѣ мѣстностей не удовлетворили ихъ чаяній и стремленій; но эта неудовлетворенность, иногда выражавшаяся довольно бурно и вызывавшая противъ себя рѣзкія репрессіи и усмиреніе со стороны властей предержащихъ, проявлялась, главнымъ образомъ, тотчасъ же вслѣдъ за объявленіемъ воли и особенно во время весеннихъ полевыхъ работъ. Ко времени вступленія въ должность мировыхъ посредниковъ всѣ эти волненія и безпорядки были уже подавлены и наступила пора болѣе спокойнаго и вдумчиваго изученія крестьянами своего новаго положенія. Это не значило однакоже отнюдь, что крестьяне съ этимъ положеніемъ вполнѣ примирились. Мировымъ посредникамъ предстояла длинная и трудная работа и борьба и въ этомъ отношеніи. Имъ приходилось встрѣчаться на первыхъ же порахъ съ массой на первый взглядъ невѣроятныхъ недоразумѣній и очень часто бороться съ самими же крестьянами за ихъ собственные интересы. Тѣ самые крестьяне, которые недавно еще волновались и отказывались послѣ объявленія воли выходить на барщину, которые и теперь, покоряясь силѣ, лѣниво и неисправно ее выполняли, отказывались, однакоже, переходить на оброкъ по предложенію помѣщиковъ, хотя бы оброкъ предлагался и не отяготительный. Многіе сторонники реформы, даже сами составители Положеній 19 февраля, какъ, напримѣръ, князь Черкасскій и Юрій Самаринъ, встрѣчаясь съ такимъ довольно неожиданнымъ фактомъ, давали ему очень простое и не особенно лестное для крестьянъ объясненіе; они утверждали, что крестьяне сообразили, что имъ выгоднѣе плохо и небрежно отбывать барщину, при отсутствіи у помѣщика прежнихъ энергичныхъ побудительныхъ средствъ къ болѣе интенсивной работѣ, нежели платить оброкъ, который во всякомъ случаѣ взыщутъ. Исходя изъ такого толкованія, Черкасскій и Кошелевъ жалѣли, что по Положенію помѣщики не имѣли въ барщинныхъ имѣніяхъ права тѣлеснаго нака-

занія и что крестьянскіе суды могли его примѣнять въ слишкомъ ограниченномъ размѣрѣ. Юрій Самаринъ полагалъ, что крестьяне, не будучи грамотны и не имѣя возможности хорошо изучить свои новыя права и обязанности по Положенію, просто испытываютъ на практикѣ, до какихъ поръ ихъ права простираются. Но уже младшій братъ Ю. Ѳ. Самарина—Дмитрій Ѳедоровичъ, мировой посредникъ Самарской губерніи,—не довольствовался такимъ простымъ объясненіемъ и пытался глубже проникнуть въ народную психологію. Онъ подмѣтилъ, что крестьяне не только отказываются переходить съ барщины на оброкъ, но что они съ поразительнымъ на первый взглядъ легкомысліемъ относятся къ своимъ земельнымъ правамъ и нуждамъ, не слишкомъ огорчаются отрѣзками, не соглашаются оставлять за собой подлежащія отрѣзкѣ земли на пять лѣтъ, какъ это допускалось Положеніемъ, и въ особенности стремятся къ надѣлу по 123 ст мѣст. полож. великоросс., т.-е. къ тому даровому четвертному надѣлу, изобрѣтенному кн. П. П. Гагаринымъ, который впослѣдствіи у самихъ же крестьянъ получилъ мѣткое наименованіе „сиротскаго“ или „нищенскаго“. Сводя воедино всѣ эти непонятныя на первый взглядъ явленія, Д. Ѳ. Самаринъ попытался въ остроумной статьѣ подъ заглавіемъ „Уставная грамота“ растолковать ихъ, исходя изъ народнаго взгляда на сущность реформы. Крестьяне, какъ справедливо указывалъ Дм. Самаринъ, издавна привыкли считать, что „мы ваши, а земля наша“. Поэтому они съ своей точки зрѣнія ожидали, что реформа будетъ заключаться именно въ освобожденіи ихъ отъ тѣхъ повинностей и оброковъ, которые они отбывали за землю въ пользу помѣщиковъ при крѣпостномъ правѣ. Они поэтому никакъ не ожидали, что при освобожденіи могутъ возникать вопросы объ отбытіи повинностей за землю, о выкупѣ земли и т. п. Они считали, что землю они давно „выслужили“, что при освобожденіи они получатъ ее всю даромъ, а помѣщикамъ для поддержанія ихъ существованія царь назначитъ жалованіе. Въ томъ обстоятельствѣ, что помѣщики не могли ихъ сѣчь и наказывать за плохое исполненіе барщины, они видѣли подтвержденіе своихъ взглядовъ и потому-то при всей ненависти къ барщинѣ естественно не давали своего согласія на замѣну барщины денежнымъ оброкомъ, который съ ихъ точки зрѣнія принципіально представлялся не меньшею несправедливостью. Поэтому они предпочитали переждать, отмолчаться и твердо

Н. И. Пироговъ (мпр. поср.).

были увѣрены, что, не давая ни на какія предложенія своего согласія, они, въ концѣ-концовъ, дождутся-таки „полной воли“. Конечно, рано или поздно они должны были въ этомъ разубѣдиться и понемногу и разубѣждались въ основательности своихъ надеждъ, но процессъ этотъ не могъ быть легкимъ. При такомъ настроеніи крестьянъ легче всего ихъ было убѣдить согласиться на полученіе дарового, хотя бы и четвертного, надѣла, и въ этомъ Самаринъ не безъ основанія видитъ секретъ того стремленія къ четвертному надѣлу, которое проявлялось особенно среди крестьянъ приволжскихъ степныхъ губерній, гдѣ земли было много и гдѣ аренда ея была очень не дорога.

Понятно, какъ трудно было при такихъ обстоятельствахъ работать хорошимъ и добросовѣстнымъ посредникамъ, которые стремились къ прочному устройству экономическаго быта крестьянъ. Главнымъ ихъ дѣломъ въ первые два года по объявленіи воли была повѣрка, составленіе и введеніе уставныхъ грамотъ. Попутно имъ приходилось разрѣшать массу споровъ, недоразумѣній и жалобъ, возникавшихъ на почвѣ примѣненія новаго крестьянскаго положенія и упорнаго нежеланія крестьянъ во многихъ мѣстахъ регулярно и исправно исполнять тѣ натуральныя и денежныя повинности, которыя на нихъ лежали.

Уставная грамота составлялась въ каждомъ имѣніи или самимъ помѣщикомъ, или мировымъ посредникомъ отдѣльно по каждому селенію или одна для нѣсколькихъ смежныхъ селеній, входившихъ въ составъ одного и того же имѣнія. Это былъ актъ, въ которомъ опредѣлялось на будущее время все хозяйственное устройство крестьянъ и всѣ отношенія ихъ къ помѣщику на время нахожденія ихъ въ положеніи „временно-обязанныхъ“ крестьянъ, т.-е. впредь до выкупа. Такимъ образомъ въ уставной грамотѣ обозначались какъ отводимый крестьянамъ надѣлъ, такъ и всѣ повинности, натуральныя или денежныя, какія за него крестьяне должны были на будущее время отбывать впредь до перехода на выкупъ. Очевидно, это былъ актъ, которымъ разъ навсегда опредѣлялось все хозяйственное будущее каждаго крестьянскаго общества. Помѣщикамъ предоставлено было составлять эти грамоты по соглашенію съ крестьянами или безъ всякихъ соглашеній въ теченіе года — до марта 1862 г., при чемъ каждая составленная помѣщикомъ грамота повѣрялась на мѣстѣ въ присутствіи крестьянъ посредникомъ и, если не противорѣчила закону и законнымъ интересамъ крестьянъ, то имъ же и утверждалась или, въ извѣстныхъ квалифицированныхъ случаяхъ, отсылалась послѣ провѣрки на утвержденіе съѣзда или губернскаго присутствія. Если помѣщикъ не представлялъ грамоты въ положенный срокъ, то таковая должна была быть составлена мировымъ посредникомъ на основаніи закона и изученія мѣстныхъ обстоятельствъ, при чемъ помѣщикъ терялъ право оспаривать законныя распоряженія посредника по существу. Утвержденныя грамоты вводились опять-таки посредникомъ, при чемъ и повѣрка и введеніе грамотъ въ дѣйствіе должны были производиться при содѣйствіи землемѣровъ въ присутствіи

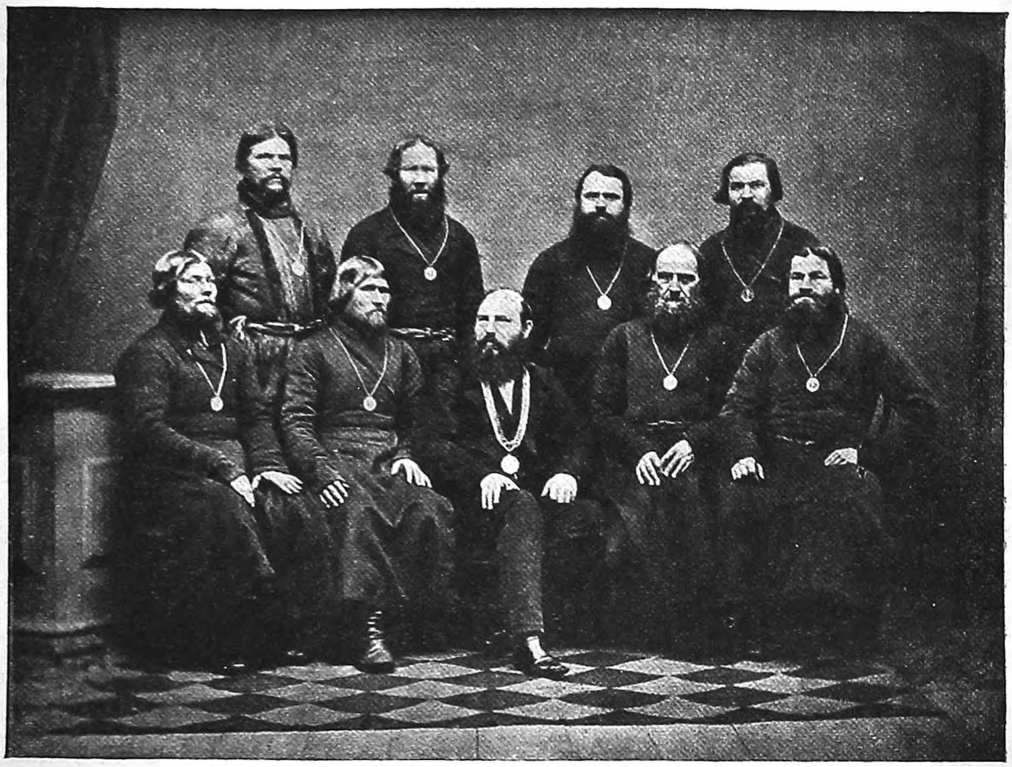
обѣихъ сторонъ и сторонникъ свидѣтелей — понятыхъ. Мировымъ посредникамъ на составленіе и введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ положенъ былъ также годичный срокъ — до 19 февраля 1863 года. Къ этому сроку введеніе новыхъ положеній обязательно должно было быть кончено. Въ это же время шелъ непрестанный разборъ всевозможныхъ споровъ, жалобъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, главнымъ образомъ, по поводу отбывавшихся крестьянами повинностей, шла повѣрка и удостовѣреніе разнообразныхъ добровольныхъ соглашеній, заключавшихся помѣщиками съ крестьянами, частью временныхъ, частью ложившихся въ основаніе ихъ будущаго устройства. Изрѣдка приходилось повѣрять и свидѣтельствовать выкупныя сдѣлки, въ случаяхъ добровольнаго перехода крестьянъ на выкупъ. Въ то же время на посредникахъ лежала обязанность ввести въ дѣйствіе новое крестьянское самоуправленіе, т.-е. организовать крестьянскія общества и волости по Положенію 19 февраля, устроить крестьянскіе выборы и пустить въ ходъ волостныя правленія, дѣятельность сельскихъ старостъ и волостныхъ судовъ. Конечный срокъ для открытія всѣхъ этихъ учрежденій положенъ былъ 1 января 1862 г., но губернскія присутствія повсемѣстно стремились открыть ихъ какъ можно скорѣе, чтобы по возможности безотлагательно установить новый порядокъ въ деревнѣ, опасаясь, чтобы не укоренилась въ крестьянской средѣ привычка къ безначалію и безвластію на мѣстахъ, и потому во многихъ губерніяхъ крестьянское самоуправленіе къ осени 1862 г. находилось уже въ дѣйствіи.

П. Н. Обнинскій (мировой посредникъ).

Число мировыхъ участковъ въ губерніи простиралось обыкновенно отъ 35 до 50, при чемъ въ каждый участокъ входило 3 — 5 волостей, нѣсколько десятковъ, иногда до сотни, селеній, и очень разнообразное число имѣній — въ зависимости отъ ихъ размѣра Раздѣленіе уѣзда на участки предоставлено было уѣзднымъ дворянскимъ собраніямъ съ утвержденія губернатора, и тѣмъ же порядкомъ допускались и всѣ послѣдующія измѣненія въ этомъ раздѣленіи.

Очевидно, что на провѣрку, а тѣмъ болѣе на составленіе каждой уставной грамоты, требовалось всегда довольно значительное время, а часто для одной и той же грамоты приходилось выѣзжать нѣсколько разъ, въ виду встрѣчавшихся недоразумѣній, возраженій крестьянъ, отступленій отъ указанныхъ въ законѣ основаній со стороны помѣщиковъ и т. д. Время и

Волостные старшины Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ., съ мировымъ посредникомъ перваго призыва А. Н. Трубниковымъ.

нервная энергія посредниковъ затрачивалась тутъ не только на изученіе дѣла, но и въ особенности на толки съ крестьянами, на объясненіе имъ ихъ истинныхъ правъ и обязанностей и на борьбу съ ихъ недовѣріемъ и предвзятыми взглядами и вѣрованіями. При томъ настроеніи, въ какомъ находились крестьяне, лишь очень немногимъ помѣщикамъ, даже и изъ числа самыхъ добросовѣстныхъ и безкорыстныхъ, удавалось составить грамоту по добровольному соглашенію съ крестьянами.

Къ марту 1862 г., т.-е. по окончаніи предоставленнаго помѣщикамъ годичнаго срока, представлено было всего 9.187 грамотъ по всей Россіи, что не составляло и $^1/_{10}$ общаго ихъ числа. Когда дѣло перешло въ руки посредниковъ, то число грамотъ стало довольно быстро расти и къ августу 1862 г. достигло уже 57.395, при чемъ около половины изъ нихъ было введено въ дѣйствіе. Замѣчательно, что изъ нихъ лишь немного болѣе половины были подписаны крестьянами; отъ подписи остальныхъ они отказались. По истеченіи всего положеннаго срока дѣло оказалось, однакоже, почти повсемѣстно неконченнымъ. Къ 12 марта 1863 г. по всей Россіи составлено было грамотъ 103.893 и изъ нихъ введено въ дѣйствіе 97.539 на 8.861.748 душъ, что составляло лишь 88,67% общаго числа душъ въ имѣніяхъ болѣе 20 душъ. Изъ нихъ было подписано крестьянами лишь 44.498, а къ 45.825 крестьяне

отказались приложить руку. Болѣе $^1/_3$ крестьянъ, для которыхъ составлены были эти грамоты, отказались перейти на оброкъ и остались на барщинѣ. Центральное правительство сильно настаивало на скорѣйшемъ окончаніи грамотъ во что бы то ни стало, и, наоборотъ, наиболѣе добросовѣстные изъ губернаторовъ и мировыхъ посредниковъ возражали противъ необходимости такой спѣшки. Какъ бы то ни было, къ концу 1863 г. Положенія были введены въ дѣйствіе почти повсемѣстно.

Помѣщичья оппозиція и раздраженіе противъ наиболѣе усердныхъ и добросовѣстныхъ мировыхъ посредниковъ выражались сильнѣе всего тамъ, гдѣ они дѣйствовали наиболѣе энергично и гдѣ подборъ ихъ былъ особенно удаченъ. Всего сильнѣе и рѣзче борьба помѣщиковъ противъ мировыхъ учрежденій и губернатора, твердо стоявшаго на почвѣ Положеній 19 февраля, разразилась въ Калужской губерніи. Губернаторомъ здѣсь былъ В. А. Арцимовичъ, человѣкъ въ высшей степени стойкій въ своихъ принципахъ и твердо преданный идеѣ эмансипаціи. Онъ твердо отстаивалъ мировыхъ посредниковъ отъ нападокъ помѣщиковъ, и въ борьбу съ нимъ мѣстные вліятельные крѣпостники втянули и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ Валуевымъ во главѣ. Въ концѣ-концовъ, Валуеву удалось свести Арцимовича съ

13 мировыхъ посредниковъ Тверской губ., подвергшіеся административной карѣ въ 1862 г.
Стоятъ (слѣва направо): Лихачевъ, Демьяновъ, Глазенапъ, Шпробоковъ, Балкашинъ, Харламовъ.
Сидятъ: Кудрявцевъ, Николай Бакунинъ, Невѣдомскій, Кисляпскій, Полторацкій, Лазаревъ, Алексѣй Бакунинъ.

губернаторскаго поста въ Сенатъ, хотя не удалось его опорочить; но мировыхъ посредниковъ перваго призыва ему не удалось заставить ни отступить отъ своего взгляда на дѣло, ни устранить съ занимаемыхъ ими скромныхъ, но въ высшей степени важныхъ для исхода всего дѣла постовъ. Здѣсь оказалась чрезвычайно умѣстной и полезной та независимость этой должности, которая была обезпечена ей въ законѣ. Чтобы уволить мирового посредника сенатскимъ указомъ, необходимо было обвинить его въ противозаконныхъ поступкахъ, чего по отношенію къ калужскимъ посредникамъ сдѣлать было невозможно, и назначенная въ эту губернію сенаторская ревизія могла лишь удостовѣрить полное согласіе дѣятельности мѣстныхъ мировыхъ учрежденій съ закономъ. Валуевъ пробовалъ соблазнить непокорныхъ новому курсу посредниковъ предложеніемъ имъ выгодныхъ и почетныхъ мѣстъ въ западномъ краѣ, куда правительство какъ разъ подбирало стойкихъ и демократически настроенныхъ лицъ для борьбы съ тамошними „крамольными“ помѣщиками-поляками; но калужскіе мировые посредники не принимали такихъ предложеній. Кончилось тѣмъ, что Валуевъ, не найдя возможности воздѣйствовать непосредственно на лица, поднялъ вопросъ объ упраздненіи самихъ должностей, занимаемыхъ наиболѣе непокорными посредниками, и объ уменьшеніи числа мировыхъ участковъ въ видахъ якобы экономіи. Узнавъ объ этомъ, мировые посредники предложили, вмѣсто сокращенія числа участковъ, что было бы вредно для дѣла, уменьшить имъ всѣмъ жалованіе съ 1.500 р. до 1.000 руб. въ годъ. И конечно, при Арцимовичѣ Валуеву не удалось бы добиться упраздненія участковъ и оставленія этимъ путемъ за штатомъ наиболѣе стойкихъ исполнителей Положенія 19 февраля. Лишь когда самъ Арцимовичъ былъ замѣненъ болѣе покорнымъ и преданнымъ видамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ человѣкомъ, оказалось возможнымъ приступить къ сокращенію числа мировыхъ участковъ. Но было уже поздно, ибо уставныя грамоты были утверждены и введены въ исполненіе посредниками перваго призыва.

Здѣсь такимъ образомъ представителямъ мирового института пришлось выдержать борьбу съ центральной правительственной властью на почвѣ отстаиванія и проведенія въ жизнь буквальнаго смысла Положенія 19 февраля. Совершенно иная борьба мировыхъ посредниковъ съ властью разыгралась въ Тверской губерніи. Тамъ посредники явились передовыми борцами за идеалы болѣе радикальные, нежели тѣ, какіе были воплощены въ Положеніи 19 февраля, притомъ борцами, опиравшимися на прогрессивное и демократически настроенное большинство дворянства этой губерніи. Оппозиція тверского дворянства правительству началась, какъ извѣстно, еще во время работъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. Вожди дворянской оппозиціи въ Тверской губерніи, съ самаго начала требовавшіе коренной перестройки всего соціальнаго и политическаго строя Россіи на либерально-демократическихъ основаніяхъ, окончательно усвоили себѣ мысль, что въ

борьбѣ съ бюрократіей они могутъ имѣть успѣхъ, лишь опираясь на всѣ классы народа. Въ годы выработки крестьянской реформы эти взгляды широко распространились среди тверского дворянства, тѣмъ болѣе, что матеріальные интересы его съ ними легко комбинировались. Поэтому по опубликованіи Положеній 19 февраля здѣсь попали въ мировые посредники, главнымъ образомъ, лица, въ основаніи весьма сочувствовавшія освобожденію крестьянъ, но стремившіяся въ то же время углубить и расширить послѣдствія этой реформы. Поэтому Положеніе 19 февраля ихъ не удовлетворяло. Они требовали немедленнаго обязательнаго выкупа земли крестьянамъ при содѣй-

Ярославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе въ 1862—6 г. Справа (крайній) стоитъ Е. И. Якушкинъ.

ствіи всего государства и широкаго осуществленія дальнѣйшихъ демократическихъ преобразованій. Въ то же время они открыто выражали убѣжденіе, что успѣхъ реформаторской дѣятельности, на путь которой правительство вступило послѣ Крымской кампаніи, невозможенъ, если руководить дѣломъ реформъ будетъ попрежнему бюрократія, которой они приписывали неуспѣхъ крестьянской реформы. Они шли, впрочемъ, дальше и хотя полагали, что сами они стоятъ ближе къ народу, нежели бюрократія, однакоже не брали и на себя рѣшеніе вопросовъ, отъ которыхъ зависѣло благосостояніе и судьба всего народа, а потому требовали созыва народнаго представитель-

ства съ равномѣрнымъ участіемъ въ немъ всѣхъ классовъ народа. Эти взгляды внесены были на обсужденіе дворянскаго собранія, въ сессію его 1861—1862 гг., и собраніе признало ихъ правильными значительнымъ большинствомъ голосовъ. Былъ составленъ соотвѣтствующій адресъ, въ которомъ указывались желательныя преобразованія, но вмѣстѣ и выражалась увѣренность, что правительство несостоятельно для ихъ осуществленія, а потому въ рѣзкой формѣ выражено было требованіе созыва всенароднаго представительства и передачи дѣла реформъ въ его руки. Наиболѣе радикально настроенные изъ числа мировыхъ посредниковъ собрались послѣ того въ губернскій съѣздъ въ числѣ 13 подъ предсѣдательствомъ новоторжскаго уѣзднаго предводителя Алексѣя Бакунина и заявили, что отнынѣ они считаютъ въ своей общественной дѣятельности для себя обязательными не распоряженіе бюрократическаго правительства, а голосъ общества, столь опредѣленно выраженный въ постановленіяхъ и адресѣ дворянскаго собранія.

Правительство рѣшило принять противъ нихъ рѣшительныя репрессивныя мѣры. Въ Тверь прибылъ генералъ-адъютантъ Анненковъ съ особыми полномочіями. Всѣ 13 членовъ частнаго губернскаго съѣзда посредниковъ съ Бакунинымъ во главѣ были арестованы и отвезены въ Петропавловскую крѣпость. Они были преданы суду Сената, который послѣ пятимѣсячнаго заключенія ихъ въ крѣпости вынесъ имъ приговоръ, присуждавшій ихъ къ двухгодичному заключенію въ смирительномъ домѣ съ потерей нѣкоторыхъ правъ. Сидѣть въ смирительномъ домѣ имъ не пришлось, благодаря заступничеству за нихъ либеральнаго петербургскаго генералъ-губернатора кн. А. А. Суворова, но лишенными правъ государственной службы и офиціальной общественной дѣятельности нѣкоторые изъ нихъ остались до конца жизни.

Такъ кончилась эта исторія, надѣлавшая въ свое время много шума.

Губернскіе съѣзды мировыхъ посредниковъ, о которыхъ я только что упоминалъ, не были учрежденіемъ, основаннымъ на законѣ, но явились самочиннымъ бытовымъ учрежденіемъ, характернымъ для той эпохи и для тогдашняго общественнаго настроенія. Они собирались во многихъ губерніяхъ по нѣскольку разъ въ годъ совершенно открыто и съ вѣдома мѣстныхъ губернаторовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Арцимовичъ въ Калугѣ, являлись и сами на такихъ съѣздахъ въ числѣ почетныхъ ихъ участниковъ. Замѣчательно, что когда сенаторъ Капгеръ, ревизовавшій Калужскую губернію, отмѣтилъ въ своемъ отчетѣ этотъ фактъ, выразивъ свое мнѣніе о пользѣ подобныхъ частныхъ съѣздовъ для выработки общихъ взглядовъ и обсужденія спорныхъ вопросовъ крестьянскаго дѣла посредниками всей губерніи, и подчеркнулъ проявившуюся у посредниковъ на этихъ съѣздахъ чуткость къ общественной репутаціи ихъ товарищей и замѣчательную солидарность, то императоръ Александръ II, въ особой отмѣткѣ противъ этого

мѣста отчета, въ свою очередь, признали такіе съѣзды весьма полезными, что давало имъ косвенную санкцію правительства.

Засѣданія такихъ съѣздовъ бывали обыкновенно публичны, и участники ихъ (какъ, напримѣръ, П. Н. Обнинскій) указываютъ ихъ благотворное вліяніе на развитіе интереса къ общественнымъ дѣламъ въ губернской публикѣ, которая на этихъ съѣздахъ знакомилась съ ходомъ дѣла въ осуществленіи важнѣйшаго изъ совершавшихся тогда преобразованій.

Нерѣдко отчеты о засѣданіяхъ такихъ съѣздовъ и рѣчи въ нихъ произносившіяся попадали и въ періодическую печать, которая, въ свою очередь, ихъ

Тверское губерн. по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе (1862—64 г.).
Съ губернаторомъ Барановымъ во главѣ.

обсуждала. Такъ устанавливалось правильное взаимодѣйствіе между исполнителями великой реформы и нарождавшимся общественнымъ мнѣніемъ страны.

Въ концѣ-концовъ, благодаря стойкости и преданности дѣлу большей части мировыхъ посредниковъ перваго призыва, крестьянская реформа была въ большинствѣ мѣстностей проведена безъ тѣхъ новыхъ урѣзокъ и уступокъ крѣпостникамъ, къ которымъ стремился главный руководитель дѣла, заступившій мѣсто Ланского и Милютина—П. А. Валуевъ.

Когда первое трехлѣтіе послѣ 19 февраля 1861 г. миновало и когда уставныя грамоты были повсюду введены, то большая часть мировыхъ посредниковъ перваго призыва ушла, нуждаясь въ заслуженномъ отдыхѣ послѣ трехлѣтней (а для нѣкоторыхъ участниковъ губернскихъ комитетовъ и ре-

дакціонныхъ комиссій даже пятилѣтней) тяжелой и неустанной работы. Валуевъ, дѣлавшій еще въ іюнѣ 1861 г. попытки черезъ Главный Комитетъ по устройству сельскаго населенія добиться измѣненія въ порядкѣ утвержденія и подчиненности мировыхъ посредниковъ и потерпѣвшій въ этомъ случаѣ неудачу, могъ, однакоже, при помощи значительно измѣненнаго имъ состава губернаторовъ вліять на подборъ на должности мировыхъ посредниковъ лицъ, болѣе покорныхъ и менѣе идейно-настроенныхъ. Это ему удалось вполнѣ, тѣмъ болѣе, что и роль мировыхъ посредниковъ послѣ введенія уставныхъ грамотъ и въ виду ожидавшихся новыхъ крупныхъ реформъ—судебной и земской, привлекавшихъ къ себѣ наиболѣе передовыхъ дѣятелей общества, стала значительно менѣе содержательна и интересна. Они остались, главнымъ образомъ, лишь рѣшителями мелкихъ дѣлъ судебно-полицейскаго характера о потравахъ, по найму на работы и тому подобное, да руководителями крестьянскаго самоуправленія, при чемъ это руководительство подъ давленіемъ свыше все болѣе и болѣе принимало характеръ бюрократической опеки, сами же органы крестьянскаго самоуправленія все болѣе и болѣе низводились на степень низшаго органа уѣздной полицейской и фискальной администраціи, главнымъ дѣломъ которой являлось выколачиваніе податей и охраненіе внѣшняго порядка.

И однакоже и Валуева и его преемника, мрачной памяти генерала Тимашева, продолжала безпокоить та независимость, которая была присвоена по закону мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ съѣздамъ. Послѣ ряда неудачныхъ попытокъ реорганизаціи этого института Тимашеву удалось, наконецъ, достичь его упраздненія въ русскихъ, малорусскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ 27 іюня 1874 г. Мировые посредники и ихъ уѣздные съѣзды были замѣнены уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями, главнымъ дѣятелемъ въ которыхъ являлся непремѣнный членъ, назначавшійся изъ мѣстныхъ помѣщиковъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и вполнѣ ему подчиненный. Въ число членовъ этого присутствія введенъ былъ и уѣздный исправникъ, которому дана была дисциплинарная власть надъ выборными лицами крестьянскаго самоуправленія.

Къ этому времени институтъ мировыхъ посредниковъ послѣ ряда лѣтъ сѣраго, безцвѣтнаго и не всегда безупречнаго существованія давно утратилъ уже въ глазахъ общества и тотъ ореолъ и тотъ интересъ къ своей дѣятельности, которыми пользовались мировые посредники перваго призыва.

Общество и печать не могли, конечно, привѣтствовать „реформы“ 1874 г., имѣвшей реакціонное значеніе, но не могли и особенно сожалѣть о сошедшемъ въ это время со сцены институтѣ мировыхъ посредниковъ, сдѣлавшемся вполнѣ устарѣлымъ и давно переставшемъ удовлетворять истиннымъ потребностямъ жизни.

А. Корниловъ.

Духоборы на молитвѣ (Верещагина).

Сектантство въ освободительную эпоху.

В. Д. Бончъ-Бруевича.

Къ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIX столѣтія, среди крестьянъ сѣвера и юга Россіи тоже все шире и шире распространялось неопредѣленное, невыяснившееся, почти глухое волненіе. Всѣ ожидали чего-то, силы бродили, чувствовалось какое-то напряженіе, которое должно было, наконецъ, вылиться во что-нибудь болѣе опредѣленное. Сѣверо-востокъ Европейской Россіи, это исконное убѣжище вопиствующаго раскола, ознаменовалъ себя именно въ эти годы сильнымъ броженіемъ среди старообрядцевъ различныхъ толковъ. Это броженіе реализовалось, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ крестьянскихъ бунтовъ, но ему не удалось создать какую-либо новую, организованную силу, которая стала бы упорно такъ или иначе бороться за свои интересы съ господствовавшимъ экономическимъ и политическимъ угнетеніемъ своихъ собратьевъ.

На югѣ Россіи,—родинѣ штундизма, баптизма и другихъ сектъ новѣйшаго происхожденія, — по свидѣтельству современниковъ, броженіе среди крестьянъ достигало высшаго предѣла.

Народъ страстно жаждалъ „воли“ и понималъ ее по-своему, по-народному, въ широкомъ смыслѣ,—волю отъ помѣщиковъ, чиновниковъ, волю отъ солдатчины, волю съ землей и безъ особенныхъ повинностей. Опредѣленныя политическія требованія не выставлялись народной массой, однако само собой подразумѣвалось, что всякій будетъ жить согласно своей совѣсти: и сектанты и старообрядцы ожидали прекращенія тѣхъ преслѣдованій, которыя, какъ изъ рога изобилія, сыпались на ихъ головы въ царствованіе Николая I.

Манифестъ 19 февраля 1861 года совершенно не удовлетворилъ крестьянъ.

Для насъ очень интересно и важно то указаніе, что именно въ одномъ изъ самыхъ крупныхъ будущихъ центровъ южно-русскаго сектантства крестьяне не только отнеслись отрицательно къ манифесту, но прямо-таки, послѣ его объявленія, подняли бунтъ противъ помѣщиковъ и властей. Мы говоримъ здѣсь про крестьянъ мѣстечка Любомірки, Херсонской губерніи.

Г. Автономовъ въ своей брошюрѣ „Краткія свѣдѣнія о прошедшемъ и настоящемъ штундизма въ любомірскомъ приходѣ Елизаветградскаго уѣзда“ сообщаетъ: „Прочитавъ манифестъ объ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, любомірскіе крестьяне, не повѣривъ условіямъ этого освобожденія, возмутились противъ власти помѣщиковъ, подняли бунтъ, для усмиренія котораго потребовалась военная сила. Черезъ годъ протестъ повторился, и опять нужно было усмирять мятежный народъ. Народъ, повидимому, утихъ и подчинился требованіямъ власти, но не утихла вражда, не затихло броженіе умовъ, возбужденныхъ ложными слухами о волѣ-волюшкѣ“ [1]).

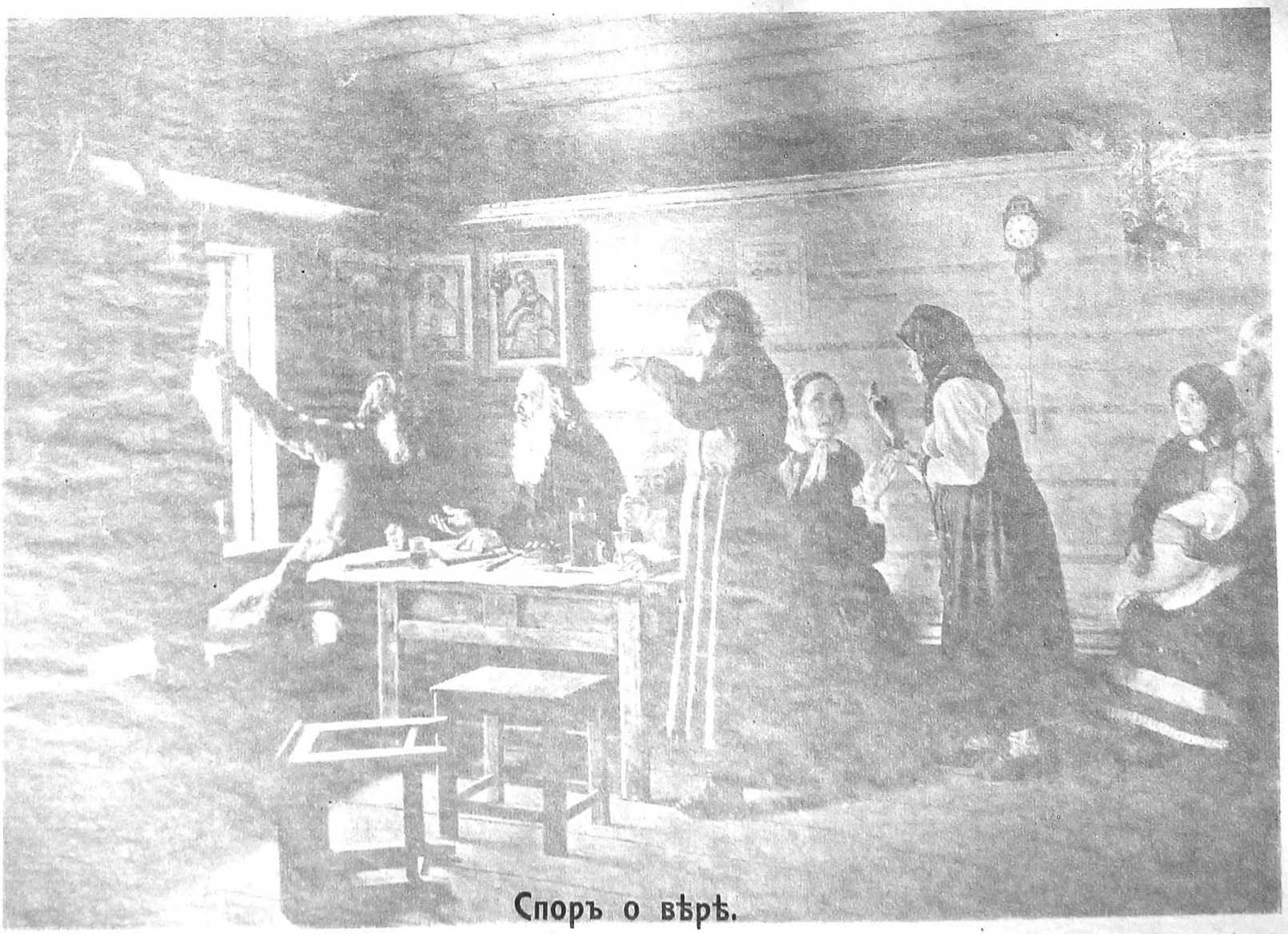
Молва о подобныхъ возмущеніяхъ переливалась по Россіи изъ края въ край и заставляла то тамъ, то тутъ подниматься нѣкоторыя группы крестьянъ и бороться за „волю“. Силой экзекуцій представители исполнительной власти эпохи „великихъ реформъ“ приводили въ порядокъ и въ „полное спокойствіе“ освобожденное отъ крѣпостныхъ цѣпей отечество.

Но, конечно, это „спокойствіе“ было только наружное.

Переломъ въ народномъ хозяйствѣ послѣ освобожденія крестьянъ оказалъ, несомнѣнно, весьма большое вліяніе на формировку новыхъ сектъ въ русской пореформенной деревнѣ. Смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ; вовлеченіе деревни во все болѣе расширявшійся круговоротъ дере-

---

[1]) Стр. 3 цитируемъ по книжкѣ свящ. Арсенія Рождественскаго «Южно-русскій штундизмъ» (стр. 37).

Споръ о вѣрѣ.

(Картина *Жукова*).

венско-городского обмѣна, принудившаго крестьянское населеніе къ усиленной циркуляціи; развитіе отхожихъ промысловъ, достигшее достаточно напряженнаго состоянія въ первое десятилѣтіе по освобожденію крестьянъ,— всѣ эти болѣе или менѣе новыя деревенскія явленія пореформенной жизни расшевелили крестьянскую мысль, расширили ея кругозоръ и заставили призадуматься надъ многимъ.

Населеніе рѣзко стало разслояться и группироваться согласно своего экономическаго положенія. Разница между богатымъ, среднимъ и маломочнымъ крестьяниномъ сразу стала гораздо болѣе замѣтна послѣ первыхъ, вскорѣ утихшихъ, восторговъ отъ эмансипаціи вчерашнихъ рабовъ.

Такимъ образомъ, реформа не успокоила, а еще болѣе обострила экономическіе конфликты среди крестьянской массы. Надежды маломочныхъ, и безъ того ранѣе угнетенныхъ своимъ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ, рухнули окончательно и обаятельный призракъ „воли“ вновь исчезъ во мглѣ туманной, тяжкой жизни, полной лишеній, мелочной борьбы, постоянныхъ страданій изъ-за нехватки всего самаго необходимаго. Приходилось, хочешь—не хочешь, осмысливать свое новое, доселѣ невѣданное положеніе.

Духоборецъ Котельниковъ. (Изъ кол. Бончъ-Бруевича).

Вмѣстѣ со смѣной всѣхъ крѣпостныхъ отношеній, съ ростомъ и измѣненіемъ правового сознанія крестьянъ, вызваннаго реформой, рушилось и то народное религіозное міросозерцаніе, которое уже болѣе не соотвѣтствовало общественному положенію этихъ „освобожденныхъ“ исконныхъ представителей „труда и терпѣнія“. Старая, вѣковая идеологія раба начинала постепенно разрушаться, и начинаютъ, сначала неясно, постепенно, робко, выкристаллизовываться понятія новаго гражданина, правда, приниженнаго и низведеннаго „державной опекой“ на степень „обывателя“, члена „податного сословія“, подданнаго.

Церковная проповѣдь о смиреніи, подчиненіи и вѣчной, тяжкой покорности своему подневольному существованію болѣе не могла уже удовлетворять тѣхъ, кто въ избавленіи отъ барскаго ярма почувствовалъ хоть небольшую, но все-таки долю индивидуальной и общественной свободы.

Родились новые запросы, властно потребовавшіе новыхъ отвѣтовъ.

Въ нѣдрахъ народа въ то время почти совершенно отсутствовали такія организаціи, которыя могли бы дать тонъ, придать извѣстную окраску, пробить опредѣленное русло для выхода настроенія народныхъ массъ.

И именно въ это-то время среди южно-русскихъ нѣмцевъ-колонистовъ какъ разъ тоже происходило значительное движеніе.

Среди нихъ появились приверженцы различныхъ, болѣе или менѣе крайнихъ, сектантскихъ ученій Запада на протестантской почвѣ. Они, ведя пропаганду среди своихъ соплеменниковъ, жившихъ на югѣ Россіи, обратили также вниманіе и на волнующееся крестьянство нашего юга. Ихъ пропаганда и тамъ имѣла успѣхъ, такъ какъ христіанская мораль о равенствѣ всѣхъ, о порицаніи богатыхъ и возвеличеніи бѣдныхъ, о полной свободѣ человѣка послѣ угнетенія личности какъ разъ соотвѣтствовала психологіи волнующихся южно-русскихъ массъ, и многіе изъ болѣе развитыхъ крестьянъ стали чутко прислушиваться къ этой новой, доселѣ неслыханной, проповѣди.

Русскій народъ, имѣя о догматахъ православной религіи крайне смутное понятіе, исполняя по привычкѣ извѣстные обряды, нерѣдко придавая огромное значеніе „хожденію посолонь“ или обратно, крещенію тремя или двумя перстами, конечно, вмѣстѣ съ Евангеліемъ, только что тогда появившимся на русскомъ языкѣ, и которое ранѣе, вплоть до половины XIX столѣтія, ему, въ сущности, было очень мало извѣстно,—пріобрѣлъ огромную, новую философскую систему, цѣлый міръ новыхъ взаимоотношеній, совершенно отличныхъ отъ повседневной, тусклой, измученной жизни.

Жизнь первыхъ христіанъ временъ апостоловъ манила къ себѣ многихъ, какъ тотъ образецъ человѣческихъ взаимоотношеній, который казался высшимъ идеаломъ и концомъ счастья этихъ „свободныхъ хлѣбопашцевъ“.

Все это вмѣстѣ взятое направило мысль волнующихся южно-русскихъ крестьянъ именно по тому руслу, которое имъ было указано нѣмецкими пропагандистами новаго ученія. Русло это влекло всѣхъ, попавшихъ въ его теченіе, въ религіозно-евангелическую сторону, отрывая новообращенныхъ отъ господствующаго православія. Въ этомъ новомъ ученіи многіе изъ крестьянъ видѣли все свое прибѣжище и силу и съ восторженной чуткостью и радостью неофитовъ кинулись на этотъ засвѣтившійся на ихъ горизонтѣ огонекъ и отвлеклись на первое время отъ заботъ мірскихъ, во имя принципа самосовершенствованія, во имя заботъ о душѣ.

Такимъ образомъ, выходъ бродившимъ силамъ былъ найденъ. Евангелическій протестантизмъ на время успокоилъ взволнованныя души крестьянъ, подпавшихъ подъ его вліяніе, и примирилъ многихъ съ печальной дѣйствительностью гнета общественной и политической жизни. Очень вѣроятно, что если бы русское правительство оставило эту новую секту въ покоѣ и не пришло бы слѣдомъ со своими гоненіями, — то эта, сначала чисто-религіозная, проповѣдь во имя будущей счастливой загробной жизни черезъ искупившаго Своею пролитой кровью родъ человѣческій Христа,— какъ реакція предшествовавшаго общественнаго возбужденія,—могла бы на

долгое время усыпить многихъ деревенскихъ жителей нашего юга и во всякомъ случаѣ не дала бы ихъ мысли того удивительнаго фермента, въ который такъ умѣло превратили наши администраторы проповѣдь первыхъ русскихъ и нѣмецкихъ баптистскихъ начетчиковъ, призывавшихъ къ единенію, взаимопомощи, къ филантропіи, къ братской любви и всепрощенію, но отнюдь не къ борьбѣ за лучшее политическое и экономическое будущее.

Свѣтскія и духовныя власти ревностно напомнили новымъ сектантамъ о своемъ существованіи и тѣмъ самымъ вновь всколыхнули успокоившихся было крестьянъ этихъ районовъ Россіи.

Правительственныя гоненія на русскихъ баптистовъ и штундистовъ, несомнѣнно, принесли огромную пользу дѣлу политическаго воспитанія приверженцевъ этихъ сектъ: они волей-неволей должны были вплотную подойти къ вопросу объ отношеніи ихъ — какъ гонимыхъ людей — ко всему существующему политическому строю въ Россіи. Эти преслѣдованія быстро расшифровали въ глазахъ большихъ массъ народа благожелательство многихъ завѣреній эпохи реформъ и, обнаруживъ ихъ истинную природу, опредѣлили цѣну полученныхъ сверху политическихъ свободъ.

Лукерья В. Калмыкова—руководительница духоборовъ (снято въ 1883 г.).

Вмѣстѣ съ гоненіями стала быстро расти и численность секты.

Въ семидесятыхъ же годахъ мы видимъ уже цѣлые уѣзды почти всѣхъ южнорусскихъ губерній, охваченные пропагандой баптизма.

Что же вообще давало это новое евангельское ученіе всколыхнутому уму простолюдина?

Для крестьянина, вѣчно загнаннаго нуждой, всегда помыкаемаго служителями алтаря и мѣстной полиціи,—въ особенности въ эту бурную, „освободительную“ эпоху,—протестантизмъ, въ лицѣ баптизма, являлся совершенно новымъ міромъ, объединявшимъ всѣхъ вѣрующихъ дѣйствительно воедино, дававшимъ возможность всѣмъ до одного принимать активное участіе въ божественной службѣ, молитвословіи и въ другихъ обрядахъ. Баптизмъ или, какъ его чаще называли тогда, „штундизмъ“, водружалъ среди вновь обращенныхъ взаимопомощь, поддержку, солидарность и не только не разграблялъ послѣднія крохи, какъ это бываетъ съ прихожанами иныхъ ортодоксальныхъ церквей, а, наоборотъ, укрѣплялъ благосостояніе каждаго изъ членовъ новой христіанской общины-церкви.

Провозглашая, что „нѣсть бо власть, аще не отъ Бога“, учителя баптизма сначала не касались политическихъ формъ жизни; они считали необходимымъ подчиняться тому, что есть. Это новое ученіе ставило прямой и ближайшей своей задачей евангелизацію Россіи. Объединеніе всѣхъ „истинно-вѣрующихъ“, созданіе своей церкви, съ той іерархіей, которая указана въ Дѣяніяхъ Апостоловъ—вотъ непосредственная практическая задача, слѣдовавшая за страстной пропагандой. Только у нѣкоторыхъ, особенно выдающихся членовъ этого новаго общества, возникала мысль, ронлись планы о широкой народной реформаціи по образцу западно-европейскаго движенія этого типа.

Такимъ образомъ, баптистами было заложено начало крѣпкой, своеобразной, самостоятельной, тайной организаціи среди населенія селъ, деревень, хуторовъ, мѣстечекъ и пригородовъ. Эта организація жила своей жизнью и подъ вліяніемъ общественныхъ силъ приняла совершенно иной видъ, чѣмъ это предполагали первые провозвѣстники баптистскаго ученія въ Россіи.

Новое ученіе проповѣдывало новую жизнь болѣе нравственную и высокую. Оно широко раскрывало священное писаніе, читая и толкуя его на братскихъ собраніяхъ. Эти чтенія Библіи и Евангелія все болѣе и болѣе укрѣпляли среди нововѣровъ ту мысль, что православіе—съ его поклоненіемъ иконамъ, мощамъ, со всѣми обрядами и службами—есть грубое язычество, противъ котораго ратовали еще древніе библейскіе пророки.

Несомнѣнная и самая ранняя заслуга за распространителями баптизма остается та, что они впервые доставили въ деревни въ большихъ массахъ Евангеліе, изъ котораго внимательные деревенскіе читатели вычитывали, что на свѣтѣ можно жить не только такъ, какъ живутъ они, крестьяне, по „завѣту своихъ предковъ“, но и совершенно по-другому,—болѣе возвышенной, лучшей жизнью.

Страстно бросились на проповѣдь эти первые провозвѣстники новаго ученія. Всю душу вкладывали они въ свое дѣло. Вездѣ и всюду появились они и вели безустанную пропаганду своего ученія, несмотря ни на какія преслѣдованія, ни на какія препятствія.

„Изумительно, до какой степени они изучили тексты священнаго писанія, — сообщаютъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“. — Штундистъ всегда готовъ на диспутъ, и не только мірянамъ, но и священникамъ спорить съ ними затруднительно; они засыпаютъ васъ текстами и умѣютъ ихъ сопоставить такъ, что, повидимому, они правы“ [1]). Проповѣдь штундистовъ производитъ въ народѣ смущеніе. Она открыто и съ немалымъ успѣхомъ ведется „въ трактирахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, иногда на постоя-

[1]) «Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости», № 14, 1876 г., статья А. Горжалчинскаго «Штунды и штундизмъ», стр. 183.

лыхъ дворахъ, на полевыхъ работахъ, на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, на вечеринкахъ и во время бесѣдъ крестьянъ въ лѣтніе вечера на призьбахъ хатъ...“ [1]). Однимъ словомъ, штундистская пропаганда ведется при всякомъ удобномъ случаѣ, всегда и вездѣ. „Что же противъ такой пропаганды можетъ сдѣлать незначительное число нашего духовенства?“ [2]) недоумѣнно восклицаетъ А. Горжалчинскій.

И несмотря на эту страстную проповѣдь о братствѣ всѣхъ людей, всепрощеніи и любви, мечтанія объ единеніи всѣхъ „вѣрующихъ“ въ одно общество, куда, по первоначальной мысли, должны были входить всѣ уже захваченные пропагандой элементы города и деревни,—не осуществились. Мы

Судъ секты „Новый Израиль“ (декабрь 1904 г.).

видимъ, что прошло съ небольшимъ четыре года по зарожденіи у насъ, среди русскаго народа, этой новой секты, какъ въ ея рядахъ уже произошелъ расколъ.

Причины этого раскола чрезвычайно важны.

Пропагандисты баптизма направлялись въ крестьянскую среду, твердо убѣдивъ себя, что „всѣ люди—братья“, почему и не обращали вниманія ни на состояніе, ни на сословія, ни на экономическое положеніе пропагандируемыхъ. Они привлекали въ свою среду положительно всѣхъ, кого только

[1]) Тамъ же, стр. 185.
[2]) Тамъ же, стр. 185.

могли привлечь. Тутъ были и батраки, и ихъ хозяева, и мелкіе лавочники, и ремесленники, и хуторяне, и мелкіе помѣщики, и богатые крестьяне, и крестьяне маломочные. Присоединялись иногда болѣе или менѣе крупные купцы, люди свободныхъ профессій и проч.

Это смѣшеніе различныхъ элементовъ повлекло за собой значительную путаницу во взаимныхъ отношеніяхъ. Богатые новообращенные хотя и стали заниматься филантропіей въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, но все-таки не переставали богатѣть, а подчасъ и эксплуатировать своихъ же „братьевъ“ по вѣрѣ и общинѣ. Неравенство экономическаго состоянія и общественнаго положенія давало о себѣ знать и здѣсь. Всѣ эти обстоятельства неминуемо должны были повлечь за собой, когда прошло первое увлеченіе, сначала—глухое недовольство внутри общинъ, потомъ—болѣе или менѣе открытый ропотъ, постепенно перешедшій въ прямое возмущеніе заведенными порядками.

Такъ зародился расколъ и совершилось разъединеніе богатыхъ и вообще обезпеченныхъ „братьевъ“ отъ бѣдныхъ, батраковъ, рабочихъ и крестьянъ, работающихъ только своими семейными силами и кое-какъ прокармливающихъ себя.

Въ то время какъ болѣе состоятельные баптисты или совершенно не затрогивали имущественнаго вопроса или своими бесѣдами подтверждали святыню собственности и частнаго предпріятія, бѣдные члены общины, перебивавшіеся изо дня въ день, мечтали, подъ впечатлѣніемъ Евангелія, объ общинной жизни, по образцу древне-христіанской общины. Правовѣрные состоятельные баптисты или совершенно не обращали вниманія на тѣ мѣста Евангелія, гдѣ призывалось къ вполнѣ братскому единенію, или объясняли ихъ, какъ простую благотворительность. Бѣдная же часть баптистскихъ общинъ, наоборотъ, всецѣло сосредоточивала свое вниманіе на общественно-коммунистической сторонѣ евангельскаго ученія и начинала открыто говорить о томъ блаженномъ времени, „когда не будетъ твоего и моего, а все будетъ общее: и имѣнія всякія, и земля, и постройки, и даже все то, что Богъ возраститъ изъ посѣяннаго плода“.

Старыя мысли о „вольной волюшкѣ“, подавленныя было новой проповѣдью, но не переставшія бродить въ народѣ, съ теченіемъ времени вновь возродились и здѣсь, средп части членовъ баптистскихъ организацій.

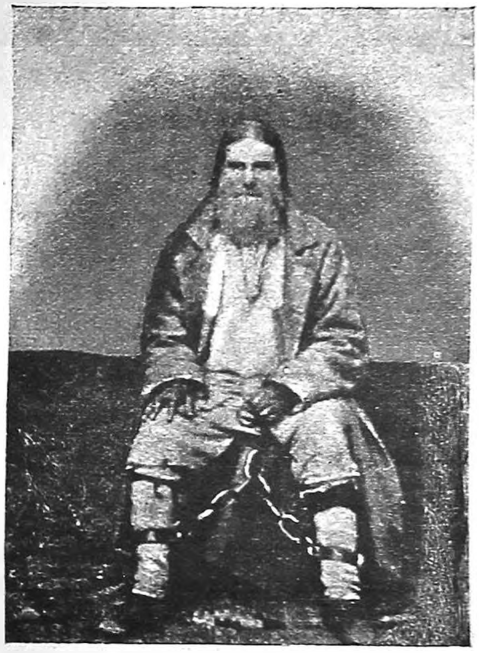
Болѣе состоятельнымъ баптистамъ эти мечты были совершенно ненужны. На путь общественности ихъ вывела потребность жить по-своему, согласно своимъ убѣжденіямъ,—чему такъ постоянно мѣшали разнообразныя представители власти русскаго правительства. Добившись этого хотя отчасти, они успокоились, пока не разбудили ихъ вновь прокуроры окружныхъ судовъ.

Это раздѣленіе, происшедшее, какъ мы видимъ, прежде всего на почвѣ общественныхъ отношеній, не замедлило отразиться и на религіозныхъ осно-

вахъ расколовшихся и особенно на тѣхъ практическихъ выводахъ, которые каждая изъ сторонъ дѣлала изъ христіанской морали, приспособляя ее къ своему соціальному положенію.

Тѣ, кто остались вѣрны евангелическому баптизму, еще болѣе соорганизовались, еще болѣе правильно отлили формы своихъ обрядовъ, таинствъ, іерархіи, взаимоотношеній, прочно установляя все это въ своемъ особомъ „Исповѣданіи вѣры“, которое, въ концѣ-концовъ, и было издано ими за границей на русскомъ языкѣ.

Въ это время главное свое вниманіе баптисты сосредоточиваютъ на борьбѣ съ православіемъ и на пропагандѣ своего ученія среди широкихъ слоевъ населенія.

Парѳеній Петров. Катасоновъ—вождь Израиля (изъ кол. Бончъ-Бруевича).

Тѣ же, кто отдѣлился отъ баптизма, подвергли безпощадной критикѣ все „староштундистское“ установленіе, расширили русло общественнаго теченія внутри своей организаціи и, оторвавъ свои взоры отъ царства небеснаго, творящагося гдѣ-то тамъ, въ заоблачныхъ мірахъ, по ту сторону человѣческаго сознанія, перенесли свои мечты и планы о лучшей жизни на эту грѣховную землю и стали стремиться помочь понять всѣмъ и каждому, что такъ жить, какъ живетъ нашъ русскій народъ, болѣе жить нельзя. Устройство „царства Божія здѣсь на землѣ, среди человѣковъ“—вотъ главный лозунгъ молодыхъ исповѣдниковъ.

Въ то время, когда баптистскіе проповѣдники ломали голову надъ выработкой устава о преломленіи хлѣба, о крещеніи и проч., „новоштундисты“, — такъ стали называть отколовшихся,—устами своего вдохновителя и смѣлаго пропагандиста, крестьянина Балабана, открыто заявили, что „обряды—это театры“, и перенесли центръ тяжести своего вниманія изъ области догматическирелигіозной въ область общественныхъ и политическихъ отношеній.

Горечь отцовъ, оставшаяся послѣ освобожденія крестьянъ въ ихъ сердцахъ, всплыла въ новомъ поколѣніи съ еще большей силой, и среди новоштундистовъ толки о „перенадѣленіи“ землей и пр. все увеличивались и увеличивались...

Въ хранящейся у насъ рукописи одного изъ офиціальныхъ изслѣдователей новоштундизма о развитіи соціальной мысли въ этой сектѣ приводятся слѣдующія интересныя данныя. „Сектанты,—пишетъ изслѣдователь про

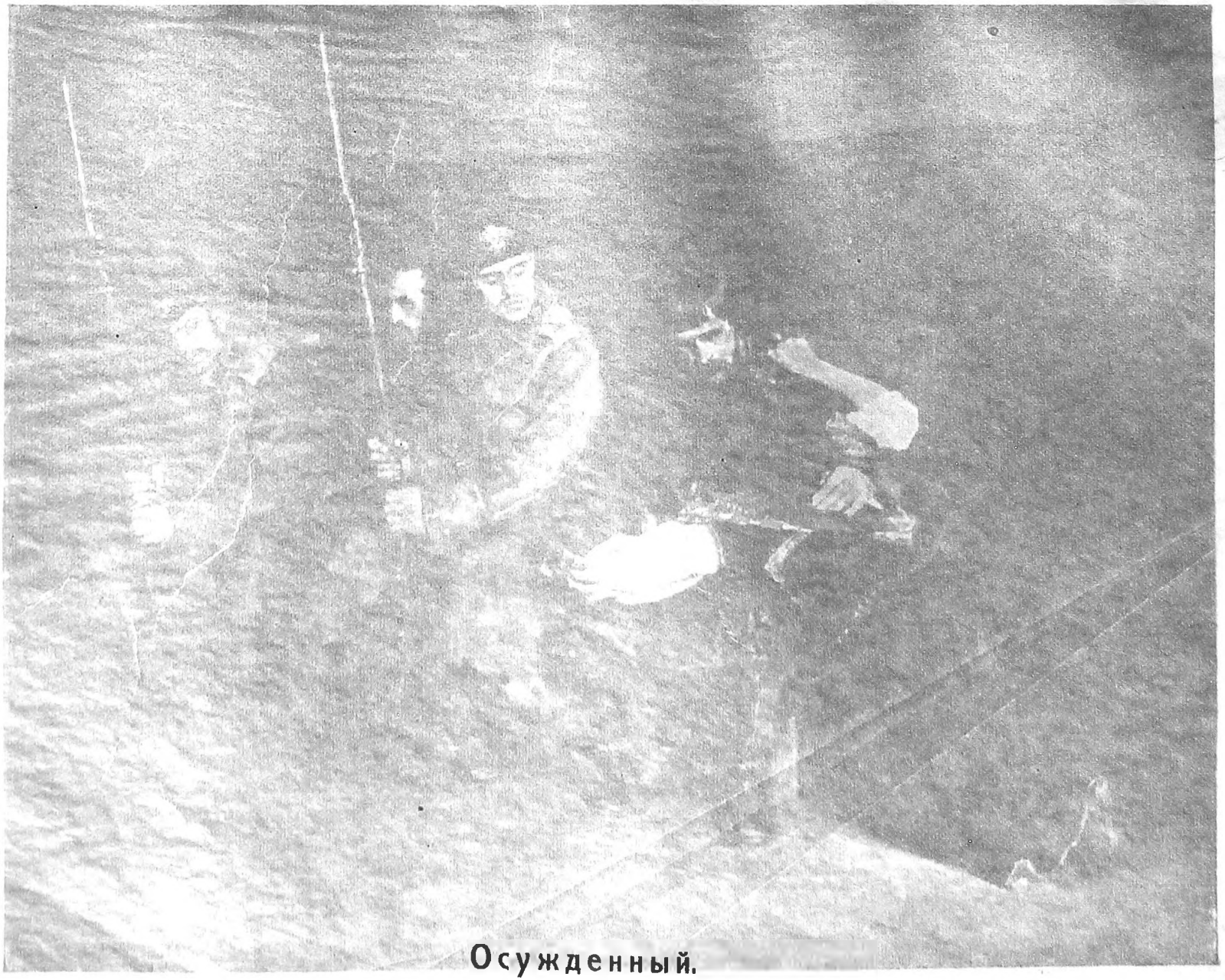
новоштундистовъ,—отрицательно относятся къ властямъ. Власти православныя, носящія на себѣ награды въ видѣ крестовъ, прокляты; они—когтятые, куцехвостые ангелы (намекъ на вицмундиры, прибавляетъ отъ себя изслѣдователь). Они—живые идолы, а почитающіе ихъ—идолопоклонники. Власть ихъ—насиліе, ибо власть имѣютъ тѣ, которые побогаче и сильнѣе другихъ. Никакого начальства, никакихъ наказаній, никакихъ остроговъ не нужно; на землѣ не должно быть никакой власти, кромѣ Божьей"...

„... Съ наступленіемъ ожидаемаго сектантами новаго государственнаго и общественнаго строя,—пишетъ далѣе офиціальный изслѣдователь,—ихъ (сектантское) начальство „всѣ земли отъ православныхъ помѣщиковъ поотбираетъ и насъ всѣхъ понадѣлитъ землею; будетъ все общее, всѣ магазины съ шелками и другими товарами будутъ открыты для всѣхъ: бери безплатно. Іисусъ Христосъ пострадалъ за весь родъ человѣческій, слѣдовательно, любовь Его ко всѣмъ одинакова, поэтому и блага міра сего должны быть раздѣлены поровну между людьми. Христосъ есть только старшій братъ нашъ; Его дѣти должны быть равны. Люди должны жить отдѣльными братствами; трудъ долженъ быть общій, обмѣнъ продуктовъ — производиться натурой; деньги существовать не должны, конторы и торговцы тоже. Все должно производиться посредствомъ обиходнаго согласія и по-братски. Попы проповѣдуютъ вѣру языческую; мы ее отвергаемъ, а наша вѣра будетъ вотъ какова — „свобода, равенство и братство". „Вообще слѣдуетъ сказать утвердительно, — прибавляетъ изслѣдователь, — что въ штундизмѣ (правильнѣе: въ новоштундизмѣ!) замѣчается сильное стремленіе къ усвоенію западныхъ европейскихъ соціальныхъ идей и порядковъ" [1]).

Изъ Евангелія новоштундисты стали брать только то, что объясняетъ имъ ихъ желанія, а нѣкоторые кружки новоштундистовъ стали вообще остывать къ „слову Божьему" и серьезно заинтересовались свѣтской литературой. Въ ихъ собраніяхъ стали читать газеты, журналы, различныя книжки. Но и баптизмъ, подгоняемый дѣятельностью правительства, не остановился въ своемъ развитіи. Онъ начинаетъ повсюду вербовать своихъ приверженцевъ, выбирая ихъ не только изъ православной среды, но и изъ другихъ сектъ, начавшихъ уже разлагаться и терять свое прежнее значеніе: молокане многихъ толковъ, несмотря на въ общемъ враждебныя отношенія, установившіяся между этими сектами, начинаютъ, однако, мало-по-малу выдѣлять изъ себя приверженцевъ новой вѣры.

Баптисты становятся крѣпкой всероссійской организаціей, издающей нелегально въ Россіи свой органъ: то литографированный, то гектографированный журналъ „Бесѣда", который, въ концѣ-концовъ, послѣ преслѣдованій,

[1]) Рукопись, входящая въ Собраніе сектантскихъ рукописей В. Д. Бончъ-Бруевича и въ настоящее время хранящаяся въ сектантскомъ отдѣлѣ рукописнаго отдѣленія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ и значащаяся по описи: «Сект. 1117».

Осужденный.

(Карт. *Касаткина*).

переносится за границу, сначала въ Стокгольмъ, а потомъ въ Лондонъ. Баптисты устраиваютъ свои тайные съѣзды, организуютъ свои школы-пріюты, устраиваютъ общественныя кассы и, несмотря на всѣ гоненія со стороны правительства, все умножаются и умножаются.

Въ другихъ мѣстахъ Россіи сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ было далеко неспокойно. И это движеніе сейчасъ же отразилось въ области религіозно-общественной мысли народа, зарегистрировавъ его появленіемъ новыхъ сектъ. Помимо широко разлившихся баптизма и штундизма, этого характернаго явленія пореформенной жизни южныхъ крестьянъ Россіи, мы видимъ столь же цѣльное выступленіе крестьянъ Уральской области. Мы говоримъ о появленіи тамъ секты „немоляковъ“ „Замѣчателенъ поводъ къ появленію секты „немоляковъ“ въ Вятской губерніи, Сарапульскаго уѣзда. Это—введеніе такъ называемыхъ „уставныхъ грамотъ“, пишутъ „Пермскія Епархіальныя Вѣдомости“. Секта „немоляковъ“ (такъ она именуется здѣсь) въ Сарапульскомъ уѣздѣ возникла лѣтомъ 1865 г., среди крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. Первой побудительной причиной къ уклоненію крестьянъ въ ересь было ихъ озлобленіе на дѣйствія властей по нарѣзкѣ имъ земли, согласно положенія 23 іюня 1863 г. Дѣло въ томъ, что до введенія этого положенія удѣльные крестьяне Сарапульскаго уѣзда владѣли значительно большимъ количествомъ земли сравнительно съ тѣмъ надѣломъ, какой былъ опредѣленъ положеніемъ 23 іюня 1863 г. Лѣтомъ 1865 г. вся излишняя противъ надѣла земля была отрѣзана отъ крестьянъ и поступила въ собственность удѣла. Обстоятельство это вызвало волненія въ четырехъ волостяхъ Сарапульскаго уѣзда, въ Мостовинской, Галановской, Мазунинской и Арзамасцевской. Значительная часть крестьянъ этихъ волостей отказалась отъ принятія поземельнаго надѣла и отъ платежа за оный выкупа. За возмущеніе противъ правительственныхъ распоряженій въ августѣ мѣсяцѣ 1865 г. произведена была начальствомъ экзекуція чрезъ военную команду. Это еще болѣе ожесточило крестьянъ противъ власти. Между строптивыми крестьянами началось уклоненіе „въ немолякство“. Особая комиссія, бывшая въ ноябрѣ 1867 г. таковыхъ сектантовъ заключила въ сарапульскій острогъ“ [1]).

Въ январѣ 1868 г. была назначена особая духовная комиссія, которая выѣхала на мѣста для борьбы съ сектой. Духовенство принялось за усовѣщаніе крестьянъ и 150 человѣкъ убѣдило вернуться въ православіе. Остальные же остались непреклонными. Духовенство передало ихъ въ руки свѣтской власти. „Свѣтская комиссія“ многихъ арестовала и заключивъ въ тюрьму, предала сектантовъ суду вятской палаты уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Вердиктомъ суда 40 крестьянъ разныхъ селеній Мостовинской волости были обвинены и подвергнуты разнаго рода наказаніямъ. Однако эта строгая ре-

[1]) «Немоляки», «Пермскія Епархіальныя Вѣдомости», № 4, 1884 г.

прессія не оказала ожидаемаго воздѣйствія, и секта продолжала распространяться и перекинулась изъ Вятской въ Пермскую губернію, гдѣ и появилась въ Осинскомъ и Оханскомъ уѣздахъ.

Столь же разительнымъ примѣромъ глубокаго неудовлетворенія и возмущенія несправедливостями земельной экспропріаціи 61 года и послѣдовавшей затѣмъ налоговой тяжести мы видимъ въ сектѣ „медальщиковъ“, также возникшей въ сѣверной части Вятской губерніи. „Главныя основанія ученія секты „медальщиковъ“,—сообщаетъ изслѣдователь Вятской губерніи г. В. Я. Заволжскій,—слѣдующія: подати за земли высоки, урожаи не окупаютъ ихъ, пахать землю не нужно поэтому, чтобы не платить податей. Самъ-де царь знаетъ, что тяжело его крестьянамъ за безплодную землю платить подати, и освободилъ-де ихъ отъ земли и отъ податей, въ знакъ чего и вычеканилъ медали. Землю пахать заставляютъ-де чиновники, но стоитъ-де показать медаль, никто не посмѣетъ о податяхъ заикнуться. И дѣйствительно медальщики признаютъ обязательною для себя только одну подушную подать, отъ платежа же остальныхъ податей отказываются. Землю они забросили, дома попродали и скитаются по заводамъ. Чтобы обезопасить себя отъ притѣсненій въ платежѣ податей, они заботились о пріобрѣтеніи медалей, вычеканенныхъ въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“ [1]).

Какъ медальщики, такъ въ особенности „немоляки“, потерпѣвъ неудачу у представителей свѣтской власти, сейчасъ же бросились за совѣтомъ и защитой къ духовенству, думая, что пастыри духовные вонмятъ ихъ справедливымъ взываніямъ и помогутъ имъ возстановить попранныя права свои. Конечно, ихъ ждало жестокое разочарованіе. Мѣстное духовенство не только имъ не сочувствовало, но, чураясь ихъ, какъ „бунтовщиковъ“, не сочло даже нужнымъ ближе войти въ ихъ положеніе. Это вызвало среди населенія взрывъ негодованія и массы крестьянъ рѣшили отомстить своимъ „батюшкамъ“, откалываясь отъ православной церкви. Такъ начавшись строго экономическими требованіями, этотъ крестьянскій протестъ въ процессѣ своего развитія все расширялся и захватывалъ все новыя и новыя стороны жизни и личной и общественной, переходя изъ области экономики въ область политическую и, наконецъ, въ корнѣ затронулъ и область религіозную, такъ тѣсно связанную, черезъ государственную религію, съ государственнымъ устройствомъ пореформенной Россіи. Эти новые сектанты рѣшили больше не молиться (отсюда „немоляки“) по-православному, отказались отъ священниковъ, отъ обрядовъ православной церкви и отъ самой церкви. Изучая Евангеліе, немоляки пришли къ заключенію вредности частной собственности на землю и стали распространять и отчасти проводить въ жизнь принципы первобытнаго коммунизма.

[1]) См. В. Я. Заволжскій, «Изслѣдованіе экономическаго быта населенія сѣверной части Вятской губерніи», Вятка, 1871 г., стр. 84.

Такое же, но только въ еще болѣе развитыхъ формахъ, движеніе мы наблюдаемъ въ эти знаменательные года на Кавказѣ, гдѣ оно вылилось въ ученіе такъ называемой „секты общихъ“, начавшей образовываться въ десятилѣтіе, предшествующее освобожденію крестьянъ.

Еще въ мартѣ 1853 года эриванскій военный губернаторъ „вошелъ съ представленіемъ къ намѣстнику кавказскому объ оказывающихся проповѣдникахъ новыхъ толковъ среди молоканъ, поселенныхъ въ управляемой имъ губерніи“.

Немедленно было сдѣлано распоряженіе задержать „раскольниковъ“, на которыхъ падало подозрѣніе въ распространеніи новыхъ ученій.

Изъ числа этихъ людей, доставленныхъ въ Тифлисъ, Шемахинской губерніи, Шушинскаго уѣзда, „раскольничьей“ слободы Карабулакъ поселенецъ Денисъ Клеменовъ объявилъ, что онъ—упованія Михаила Акинѳіева, называемое „общее“ [1]).

В. К. Сютаевъ—основатель знаменитой секты „сютаевцевъ“.

Эта группа сектантовъ, послѣдовательно развивая свои взгляды, унаслѣдованные ею отъ древняго корня русскихъ „духовныхъ христіанъ“, нерѣдко ранѣе называвшихся „людьми Божіими“, „Израилемъ святымъ“, въ ученіе которыхъ всегда входили мечты о тысячелѣтнемъ царствѣ, о „царствѣ Божіемъ здѣсь на землѣ среди человѣковъ“, — стали осуществлять эту мечту на дѣлѣ. Они стройно организовались, придавъ устройству своего общежитія нѣчто въ родѣ своеобразныхъ фаланстеръ, строго регламентировали всѣ свои взаимоотношенія, для чего и былъ созданъ особый „уставъ упованія общаго“.

Главнѣйшія его основанія, построенныя на извѣстныхъ словахъ Евангелія: „И имяху вся обще, и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху всѣмъ, его же аще кто требоваше“ (гл. 2, ст. 44 и 45, Дѣянія Апостоловъ), „И никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее“ (гл. 4, ст. 32); а также „не было между ними никого бѣднаго, ибо всѣ владѣльцы помѣстій или домовъ, продавая оные, приносили цѣну проданнаго и полагали у ногъ апостольскихъ, и каждому давалось въ чемъ кто имѣлъ нужду“ (ст. 34) [2]).

---

[1]) См. статью В. С. Толстого «О всероссійскихъ безпоповскихъ расколахъ въ Закавказьѣ», 91 стр. «Чтенія въ Имп. общ. Исторіи и Древн. Россійск. при Московскомъ университетѣ», 1764 г., № 4.

[2]) См. тамъ же, стр. 104.

Въ этомъ уставѣ говорится, между прочимъ, о „приношеніяхъ“:

„Приношенія троякія:

„1. Столовая милость: собирается со стола жертвенниковъ, записывается въ имѣющуюся нарочито книгу и, по совѣту чиновъ, раздается нуждающимся сиротамъ и вдовамъ.

„2. Подаянная милость, которую самъ отъ себя подаетъ просящему во имя Христа.

„3. Тайная милость,—когда видитъ нужду ближняго, каждый помогаетъ ему тайно отъ народа.

„Хотя все имѣніе и доходы общіе, но вышесказанныя приношенія пріобрѣтаются слѣдующимъ образомъ: самая малая часть изъ заработковъ партіи остается у нея, и изъ этой части домашній распорядитель кладетъ по праздникамъ въ столовую жертву соборной церкви и производитъ милостыню; кромѣ того, предоставляется женскому полу, въ свободное время отъ общественной работы, заниматься частными рукодѣльями и плату оставлять у себя; сверхъ того изъ общаго имѣнія раздаются женщинамъ, по уравненію числа душъ кровнаго семейства, полагая на взрослыхъ полный, а на малолѣтнихъ полъ-пая—ленъ и шерсть, изъ которыхъ мать прядетъ нитки и ткетъ ткани и, продавая свое издѣліе, покупаетъ себѣ и дѣтямъ наголовные платки, а что затѣмъ остается, принадлежитъ ей съ мужемъ; наконецъ, деньги и подарки отъ родственниковъ, не слѣдующихъ этому ученію, остаются у получателей, и изъ этихъ-то источниковъ подаютъ милостыню, и пропзводятъ тайную“. [1]).

Весьма интересно посвященіе въ новые члены въ секту „общихъ“. Пріемъ въ общину можетъ состояться только послѣ публичнаго отвѣта на вопросы, которые задаетъ „судья“ общины:

„1) согласенъ ли въ общее мнѣніе?

„2) согласенъ ли въ уравненіе?

„3) согласенъ ли быть въ братскомъ совѣтѣ?“ [2]).

И получивъ на каждый изъ этихъ вопросовъ отвѣтъ: „согласенъ“,—судья дѣлаетъ распоряженіе о принятіи имущества вновь поступающаго.

„Церковные чины приступаютъ къ описи и оцѣнкѣ его имѣнія, которое, если окажется болѣе, чѣмъ у прочихъ, то равная часть, въ изравненіи съ другими, записывается на него, а затѣмъ остающееся въ излишкѣ приписывается на тѣхъ, у которыхъ недостаетъ до изравненія“ [3]).

„Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни,—однимъ словомъ, все сельское хозяйство и промышленность, находящіяся въ распоряженіи партій,

---

[1]) См. тамъ же, стр. 106.
[2]) См. тамъ же, стр. 108.
[3]) См. тамъ же, стр. 108.

принадлежатъ соборной церкви слободы, въ которой партія находится, и доходы съ этого всего имущества составляютъ общую сумму соборныхъ церквей“ [1]).

Такъ устраивали свою жизнь на новыхъ коммунистическихъ началахъ закавказскіе молокане. Предвидя возможность желанія уйти изъ общины, они установили на тотъ случай такой параграфъ устава:

„Буде кто изъ послѣдователей общаго упованія пожелаетъ оставить это ученіе, на его волю представляется получить или свою изравненную часть или все имущество, которое онъ имѣлъ при вступленіи въ общее“ [2]).

Памятникъ на Духоборческомъ кладбищѣ (изъ кол. Бончъ-Бруевича).

Въ это же время у выселенныхъ въ Закавказьѣ духоборцевъ теперешней Тифлисской, а прежде Кутаисской губерніи, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, было въ самомъ разгарѣ устройство новаго Сіона, новаго царства „Духоборіи“. Поселенные на Мокрыхъ Горахъ,—на этомъ почти заоблачномъ плоскогоріи,—гдѣ не произрастало ничего, кромѣ травы, эти сильные представители того же древняго русла, что и молокане, проникнутые полнымъ отчужденіемъ отъ гражданскихъ установленій Россіи и властныхъ ихъ представителей, духоборцы мечтали только объ одномъ: какъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы „они“ (т.-е. представители петербургскаго правительства) совершенно бы ихъ, духоборцевъ, не касались. Духоборцы готовы были

[1]) См. тамъ же, стр. 108.
[2]) См. тамъ же, стр. 113.

платить „дани“ своимъ сильнымъ сосѣдямъ-русскимъ, но сами считали себя отдѣльнымъ народомъ, живущимъ на самостоятельной территоріи, выработавшимъ свое управленіе своей страной, имѣющимъ свою іерархическую власть, свой центръ—„Спротскій домъ“, эту резиденцію вождя, правителя и руководителя народа, облеченнаго дарами вѣчносущаго Христа. Всѣ эти группы сектантовъ, не имѣвшія опредѣленной связи съ освободительными реформами, такъ какъ они не были крѣпостными, однако чутко прислушивались ко всему происходящему тамъ, по ту сторону Кавказскаго хребта, и чаяли отъ этого движенія возможности еще болѣе свободнаго проявленія творчества въ жизни своихъ общинъ.

И всѣ эти формы жизни, вырабатываемыя на полувѣковой зарѣ XIX столѣтія нашими сектантами крайняго юга Россіи, громко говорятъ намъ, что тѣ общественныя и политическія формы, въ которыя была втиснута русская жизнь этого времени, были крайне узки; въ нихъ задыхался народъ, метавшійся изъ стороны въ сторону, лишь бы уйти, скрыться отъ той давящей, кошмарной жизни...

Нѣсколько особнякомъ стоятъ общины этого времени, того же цикла сектантства — „людей Божіихъ“ („хлыстовъ“ — какъ ругали ихъ темные элементы народа и представители господствующей церкви). Сильно разгромленные въ предшествующіе года, они собирались съ силами подъ руководствомъ своего знаменитаго вождя Абакума Ивановича.

Исторія „людей Божіихъ“ времени освобожденія крестьянъ почти совершенно не изучена, однако можно съ достовѣрностью утверждать, что именно въ эту эпоху проявилось сильнѣйшее оживленіе въ этихъ организаціяхъ сектантовъ. „Корабли“ „людей Божіихъ“, эти строго конспиративныя, стройныя и могущественныя народныя организаціи, покрыли Россію именно въ это время отъ края и до края.

Въ эту эпоху „люди Божіи“ собирали свои силы, чтобы выступить организованно, главнымъ образомъ, противъ одного изъ тріединаго основанія, вскорѣ провозглашеннаго какъ незыблемый принципъ политики пореформенной эпохи. Православіе было объявлено ими главнѣйшимъ врагомъ, противъ котораго „люди Божіи“ повели весьма энергичную атаку, конечно, совершенно не подозрѣвая того, что, борясь съ государственной церковью, тѣмъ самымъ они уже выступали на путь политической борьбы съ однимъ изъ главныхъ основаній всей внутренней политики, всенародно провозглашеннымъ правящимъ классомъ той эпохи въ извѣстной формулѣ: „православіе, самодержавіе и народность“.

Вл. Бончъ-Бруевичъ.

Живое слово (Владимирова).

Московское студенчество въ 1861 году и его отношеніе къ освобожденію крестьянъ.

(Изъ воспоминаній).

В. Н. Линда.

Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ политическое развитіе студенчества было еще слабо и повышалось крайне медленно подъ вліяніемъ событій. Это обусловливалось различными неблагопріятными обстоятельствами: отсутствіемъ общестуденческой организаціи, случайностью взаимодѣйствія какъ между отдѣльными студентами, такъ и между студенчествомъ и остальнымъ обществомъ, полной безучастностью ко всякому живому общественному движенію тогдашняго профессорскаго состава Московскаго университета. Къ 1861 году между московскими профессорами уже не было ни Грановскаго, ни Кудрявцева, руководившихъ раньше выработкой у студентовъ общественныхъ идеаловъ, ни даже Рулье, вносившаго живую струю въ изученіе науки на естественномъ факультетѣ; не было никого, кто бы могъ стать настоящимъ учителемъ молодого поколѣнія, искренно сблизившись съ нимъ и пріобрѣтя у него довѣріе и авторитетъ. Насколько университетская наука того времени оставалась далека отъ вопросовъ дня, можно отчасти судить по

актовымъ рѣчамъ. Ни въ одной изъ такихъ рѣчей, произнесенныхъ въ годы, ближайшіе къ 1861 г., т.-е. въ тѣ годы, когда подготовлялась и совершалась крестьянская реформа, ничего не говорится о ней. Между тѣмъ какъ разъ въ первомъ году послѣ объявленія крестьянской реформы, т.-е. 12 января 1862 года, въ качествѣ юбилейной рѣчи была рѣчь объ арабскомъ языкѣ. Правда, въ 1861 г., т.-е. за полтора мѣсяца до объявленія манифеста 19 февраля, профессоръ Леонтьевъ—извѣстный сотрудникъ Каткова, читалъ рѣчь, нѣсколько болѣе близкую къ занимавшему всѣхъ вопросу, именно о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ,—но въ древнемъ Римѣ. Поговоривъ о пользѣ классицизма, въ виду предполагаемой реформы училищъ, авторъ въ видѣ мотива своего изслѣдованія указываетъ и на предстоящую „реформу крестьянскаго быта“. „Не призванная къ практическому участію въ жизни,—говоритъ онъ,—наука имѣетъ, однакоже, несомнѣнно, призваніе служить разъясненіемъ понятій, руководящихъ практически дѣйствіями людей“. Однако лишь очень немногіе изъ тогдашнихъ московскихъ профессоровъ посвящали свои труды разработкѣ вопросовъ, близкихъ къ крестьянскому дѣлу. Единственнымъ капитальнымъ трудомъ этого рода была книга Бѣляева „Крестьяне на Руси“. Онъ же помѣстилъ въ „Архивѣ“ Калачева изслѣдованіе о степеняхъ рабства въ Россіи. Изъ статей, касавшихся современныхъ вопросовъ, можно еще отмѣтить статьи профессора Лешкова „О томъ, что такое общество и земство“, помѣщенную въ „Днѣ“, и „О земскихъ учрежденіяхъ“ въ „Зрителѣ“, и нѣсколько журнальныхъ статей Вызинскаго и Побѣдоносцева. Отчетъ 1861 г. счелъ даже нужнымъ упомянуть о такомъ „трудѣ“, какъ сочиненіе на греческомъ языкѣ профессоромъ Меншиковымъ эпиграммы по случаю уничтоженія въ Россіи крѣпостного права. Живого общенія между профессорами и студентами не было. Насколько оказались чуждыми другъ другу московская профессура и студенчество, выяснилось особенно во время большого студенческаго движенія, захватившаго вмѣстѣ съ другими университетами и Московскій осенью 1861 года. Въ противоположность тому, что было въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ нѣкоторые профессора сами выразили протестъ противъ реакціонныхъ мѣръ правительства, московская профессура частью проявила полное равнодушіе, частію же стала по отношенію къ студентамъ на чисто-полицейскую точку зрѣнія. Она съ самаго начала явилась ревностной исполнительницей требованій Путятинскаго министерства; когда же послѣднія вызвали волненія и безпорядки, то для подавленія ихъ усиленно требовала содѣйствія администраціи. Университетскій совѣтъ не допустилъ представленія студенческаго адреса, имѣвшаго весьма умѣренный и чисто-академическій характеръ, а совѣтская комиссія высказала по отношенію къ студенческому движенію совершенно отрицательное отношеніе въ такъ называемой „исторической запискѣ“, въ которой главную причину зла видѣла въ недостаткѣ въ университетѣ власти, имѣющей мате-

ріальную силу. Въ числѣ подписавшихъ эту записку былъ и молодой и несомнѣнно талантливый профессоръ Чичеринъ. Провозглашенная имъ философія повиновенія несправедливымъ законамъ и пропаганда неограниченной монархіи, вмѣстѣ съ высокомѣрнымъ и презрительнымъ отношеніемъ къ пострадавшимъ во время безпорядковъ студентамъ, отклонили отъ него симпатіи студенческаго большинства и привели къ скандалу на его лекціи, раздѣлившему студентовъ на два лагеря: одни свистали Чичерину, другіе выгоняли свиставшихъ.

Лишенное руководительства непосредственныхъ своихъ наставниковъ, студенчество должно было само вырабатывать свое какъ общее, такъ и политическое міровоззрѣніе, отчасти прямымъ путемъ общенія съ товарищами и другими группами общества, отчасти черезъ посредство литературы. Тотъ и другой способъ имѣлъ въ значительной мѣрѣ случайный характеръ и давалъ случайные результаты. Была въ числѣ студентовъ довольно большая группа бывшихъ семинаристовъ, сыновей сельскихъ священниковъ и церковно-служителей. Они съ дѣтства были близко знакомы съ ужасными проявленіями крѣпостного права и, стоя сравнительно ближе къ крестьянству, чѣмъ къ помѣщичьей средѣ, гнетъ которой они нерѣдко испытывали даже и на себѣ, они въ университетѣ образовали свой кружокъ, вообще сравнительно умѣреннаго образа мыслей, но съ ненавистью относившійся къ крѣпостному праву. Встрѣчаясь со студентами-дворянами, говорившими о постепенности освобожденія крестьянъ, они рѣзко возражали противъ такихъ взглядовъ, принадлежавшихъ, впрочемъ, лишь небольшой группѣ. Очень многіе изъ студентовъ были сыновьями дворянъ и даже помѣщиковъ-крѣпостниковъ. Въ большинствѣ случаевъ это, однако, мало отражалось на ихъ убѣжденіяхъ и не мѣшало имъ относиться отрицательно къ крѣпостническимъ семейнымъ традиціямъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣя возможности активно противодѣйствовать имъ, выражать на словахъ свое несогласіе. Намъ извѣстны случаи, правда немногіе, когда позднѣе студенты употребляли свое личное вліяніе на родителей на пользу крестьянъ при составленіи уставныхъ грамотъ. Вообще говоря, между большинствомъ студентовъ и въ университетѣ и внѣ его постоянно поддерживался интересъ къ ходу крестьянскаго дѣла какъ и въ подготовительномъ, такъ и въ исполнительномъ его фазисахъ. Когда открылись губернскіе комитеты, то многіе студенты ѣздили въ свои губерніи для ознакомленія съ ихъ дѣятельностью, и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые комитеты, напримѣръ, Тверской, охотно допускали ихъ присутствовать на своихъ засѣданіяхъ и снабжали ихъ литографированными протоколами, которыми ѣздившіе дѣлились съ товарищами, остававшимися въ Москвѣ. Личныя сношенія съ дворянами Московской и другихъ губерній вели къ выработкѣ въ студенческихъ кружкахъ сочувственнаго отношенія къ той или иной изъ дворянскихъ партій, дѣйствовавшихъ въ губернскихъ

комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Многіе студенты присутствовали не только на Московскомъ дворянскомъ собраніи, вырабатывавшемъ адресъ конституціоннаго характера, но и ѣздили въ Тверь на извѣстное собраніе 1 февраля 1862 г., постановившее о неудовлетворительности Положенія 19 февраля, необходимости немедленнаго прекращенія обязательныхъ отношеній и немедленнаго же обще-обязательнаго выкупа. Подъ вліяніемъ сближенія съ различными дворянскими и общественными партіями стала и въ студенчествѣ намѣчаться нѣкоторая дифференціація: образовывались кружки — одни дворянскаго славянофильскаго направленія, другіе съ явно выраженной либеральной или революціонной тенденціей. Уже въ 1861 году намѣчалась мысль о сближеніи студенчества съ крестьянствомъ и съ ней считалось и дворянство; такъ, „Виленскій Вѣстникъ“ увѣщаваетъ молодежь, чтобы „она не вела съ нами (помѣщиками) скрытой борьбы, подбивая крестьянъ къ мстительности и къ домогательствамъ, превышающимъ всякую справедливость“. Наибольшее сближеніе студентовъ съ обществомъ произошло во время октябрьскихъ студенческихъ волненій. Въ демонстраціи, выразившейся въ шествіи 4 октября на могилу Грановскаго, вмѣстѣ со студентами принимала участіе и московская публика, значительная часть которой выказала свое сочувствіе и студентамъ, арестованнымъ послѣ побоища 12 октября на Страстной площади.

Кромѣ личныхъ сношеній, на выработку политическаго міровоззрѣнія московскихъ студентовъ и въ частности ихъ взглядовъ на крестьянскую реформу вліяла также и литература того времени, однако въ гораздо меньшей степени, чѣмъ можно бы было предположить. Изъ московскихъ журналовъ того времени наиболѣе распространенными и вліятельными были Катковскій „Русскій Вѣстникъ“ и Аксаковскій „День“, но ни тотъ ни другой не пользовались распространеніемъ въ студенческой средѣ. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ читались статьи объ общинномъ землевладѣніи и о сельскомъ благоустройствѣ. Большей популярностью и значеніемъ въ ней пользовался одинъ только „Современникъ“, бывшій тогда вообще самымъ распространеннымъ журналомъ, выходившимъ въ количествѣ свыше 6.500 экземпляровъ, — цифра для того времени очень высокая. Относясь съ живымъ вниманіемъ ко всѣмъ вопросамъ современности, этотъ журналъ, съ одной стороны, служилъ источникомъ ознакомленія студентовъ съ ходомъ какъ крестьянской, такъ и другихъ слѣдовавшихъ за нею реформъ, съ другой — онъ очень сочувственно относился къ интересамъ самого студенчества. Такъ онъ взялъ на себя защиту послѣдняго отъ нападокъ „Свѣточа“, обвинявшаго большинство студентовъ въ ничегонедѣланіи и кутежахъ. Въ „Современникѣ“ же 1861 года намѣчалась и, поскольку это было возможно въ тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ, разрабатывалась мысль о непосредственномъ сближеніи культурной молодежи съ народомъ. Въ то же время изъ примѣчаній Чернышевскаго

къ политической экономіи Милля студенты, читавшіе „Современникъ“, знакомились съ основами соціализма, а изъ историческихъ очерковъ о сенъ-симонизмѣ и революціи 1848 г.—съ развитіемъ его во Франціи; то и другое имѣло очень большое вліяніе на выработку убѣжденій въ болѣе крайнихъ кружкахъ московскаго студенчества. Въ видахъ приготовленія къ практической дѣятельности „Современникъ“ рекомендовалъ изученіе русской общины, на что многими студентами было обращено серьезное вниманіе. Тѣмъ не менѣе, и знакомство съ „Современникомъ“ далеко не было достояніемъ большинства московскаго студенчества просто по тому, что вообще чтеніе публицистической литературы было въ немъ мало распространено. Были, впрочемъ, кружковыя собранія, напр., въ вышеупомянутомъ семинарскомъ кружкѣ, но очень немногочисленныя, на которыхъ читались интересныя книги или журнальныя статьи, а иногда и спеціально-приготовленные рефераты на публицистическія темы въ томъ числѣ, конечно, и о крѣпостномъ правѣ и его уничтоженіи. На этихъ собраніяхъ старшіе товарищи знакомили младшихъ съ такими вещами, какъ Герценовская „Крещеная собственность“, произведшая очень большое впечатлѣніе на слышавшихъ ее въ первый разъ. Тутъ же читались отрывки изъ „Былого и думъ“, письмо Бѣлинскаго къ Гоголю и т. п. Беллетристическія произведенія, имѣвшія отношеніе къ крѣпостному праву, въ родѣ „Переселенцевъ“ Григоровича, „Записокъ охотника“, были всѣмъ извѣстны. Едва ли не самое большое вліяніе имѣлъ „Колоколъ“, который читался при всякой возможности отчасти уже въ силу его нелегальности. Доставать же его въ то время было сравнительно легко. Авторитетъ „Колокола“ между студентами поддерживался и его сочувственнымъ отношеніемъ

Перепутье въ базарный день. „Эхъ ихъ вездѣ наставили, поневолѣ колесомъ задѣнешь!“

къ студенчеству по поводу октябрьскихъ событій. Собственно говоря, требованія, высказанныя тогда московскими студентами, носили чисто-академическій характеръ; въ адресѣ, предназначенномъ для подачи государю, говорилось только объ отмѣнѣ платы за слушаніе лекцій, разрѣшеніи устройства организованной студенческой кассы, уничтоженіи нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ и выборѣ делегатовъ отъ студенчества для переговоровъ съ университетскимъ начальствомъ, но въ ходѣ всей октябрьской исторіи, въ рѣчахъ, произносившихся на сходкахъ, наконецъ, въ послѣднемъ столкновеніи на площади, несомнѣнно, было много обще-революціоннаго. „Колоколъ“ поставилъ точки на і, соединивъ преемственно дѣло студентовъ съ другими революціонными выступленіями. „Таинственный паролъ,—говорилось въ немъ,—завѣщанный мучениками 14 декабря, сказался теперь громко студентами въ Петербургѣ и Москвѣ; Тверская площадь прибавилась къ Исакіевской“. Въ то же время въ статьѣ Огарева онъ звалъ студенческую молодежь не ходить въ университетъ, а итти съ революціонной пропагандой въ крестьянство, недовольство котораго достаточно подготовлено урѣзкой земли и настойчивыми увѣреніями правительства о томъ, что и черезъ два года послѣ 19 февраля 1861 г. никакой другой воли не будетъ. Чувствуя свою близость къ „Колоколу“, значительная часть московскаго студенчества почерпала изъ него свои мнѣнія и о крестьянскомъ вопросѣ и вообще о текущей политикѣ, часто изъ него же знакомясь со взглядами организовавшагося въ это время въ Россіи тайнаго общества „Земля и Воля“, основными положеніями котораго были отдача крестьянамъ земли безъ выкупа и созывъ учредительнаго земскаго собора, избраннаго всѣмъ народомъ. Впрочемъ, дѣятельность этого общества сосредоточивалась больше въ Петербургѣ, и намъ неизвѣстно, чтобы въ немъ непосредственно участвовалъ кто-нибудь изъ московскихъ студентовъ. Близкимъ по цѣли и направленію было общество „Великоруссъ“, выпустившее прокламацію, въ которой говорилось о всеобщемъ недовольствѣ, о неспособности правительства и о необходимости образованному классу взять государственное дѣло въ свои руки; затѣмъ ставились двѣ главныя задачи: вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе крестьянскаго дѣла, относительно котораго указывалось на общія ожиданія крестьянъ, что они или получатъ безъ выкупа съ ихъ стороны всю землю, а помѣщики, будучи вознаграждены государствомъ, уйдутъ въ города, или что крестьяне получатъ безвозмездно, по крайней мѣрѣ, ту землю, которой они до тѣхъ поръ пользовались. Вторая задача,—устройство правильнаго управленія; возможно ли оно было при существовавшемъ монархическомъ строѣ,—это для составителей листка оставалось подъ сомнѣніемъ и на первый разъ предлагалось сдѣлать опытъ подачи адреса государю. Этотъ листокъ ходилъ въ Москвѣ и между студентами, пользуясь сочувствіемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ студенческихъ

кружкахъ. Въ началѣ 1862 года нѣсколько студентовъ привлекались къ слѣдствію и суду по обвиненію въ распространеніи „Великорусса“ посредствомъ тайной литографіи, и двое изъ нихъ по рѣшенію Сената были сосланы за это въ каторжную работу. Въ студенческихъ кружкахъ болѣе консервативнаго направленія преобладалъ тотъ взглядъ, что при освобожденіи крестьяне должны быть надѣлены землей въ размѣрѣ дѣйствительнаго владѣнія съ выкупомъ или безъ него. Ни освобожденію безъ земли по остзейскому способу, ни выставляемому значительной частью дворянства требованію отрѣзокъ отъ существующаго надѣла никто изъ московскаго студенчества, повидимому, не сочувствовалъ. Съ приближеніемъ къ 19 февраля 1861 г. и въ средѣ студенчества все чаще слышались голоса о необходимости произвести выкупъ на государственный счетъ. Самый манифестъ не произвелъ сильнаго впечатлѣнія. Хотя большаго студенчество и не ждало, но то, что заключалось въ манифестѣ, слишкомъ уже было далеко даже отъ скромныхъ ожиданій. Поэтому никакихъ манифестацій студенчество не устраивало. Объявленіе воли прошло при совершенномъ равнодушіи къ нему Московскаго университета. Тѣмъ большее впечатлѣніе произвело извѣстное Бездненское дѣло и послѣдовавшая затѣмъ ссылка профессора Щапова, сказавшаго горячую рѣчь на панихидѣ по убитымъ въ Бездне крестьянамъ. Бездненское событіе и нѣкоторыя другія подобныя же крестьянскія возмущенія, бывшія въ 1861 году и вызвавшія тоже кровавыя репрессіи, послужили, между прочимъ, къ укрѣпленію между нѣкоторою частью московскаго студенчества неосновательнаго убѣжденія въ революціонномъ настроеніи тогдашняго крестьянства и въ возможности разсчитывать на него какъ на дѣятельный элементъ въ борьбѣ за общій государственный и соціальный переворотъ въ Россіи.

Аргиропуло—руководитель студенческаго кружка.

Но, хотя такимъ образомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ средѣ московскаго студенчества постоянно бродили различныя политическія идеи, большею частью заимствованныя извнѣ—изъ общества или изъ литературы, но онѣ не укладывались въ опредѣленныя партійныя программы и не раздѣляли, какъ это было въ послѣднее время, все студенчество на группы, соотвѣтствующія опредѣленнымъ партіямъ, сложившимся въ обществѣ. Большинство студентовъ оставалось внѣ всякой организаціи. Хотя между ними и

были естественныя группы, въ силу воспитанія и общественнаго положенія имѣвшія болѣе или менѣе сходные взгляды на ходъ общественной жизни, т.-е. какъ на совершившіяся, такъ и на ожидаемыя въ ближайшемъ будущемъ общественныя явленія; но всѣ эти взгляды носили большею частію личный, индивидуальный характеръ и не связывали имѣвшихъ ихъ никакими взаимными партійными обязательствами. Довольно прочная организація была только у поляковъ, и, хотя они крѣпко стояли другъ за друга и въ большинствѣ держались особнякомъ отъ русскихъ, но это не мѣшало нѣкоторымъ отдѣльнымъ студентамъ-полякамъ сближаться съ русскими, а во время октябрьскаго движенія поляки принимали въ немъ самое энергическое участіе. У русскихъ же почти не было никакой организаціи, даже и не имѣющей политическаго оттѣнка, если не считать естественной, полубезсознательной солидарности, проявлявшейся въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о защитѣ товарищей-студентовъ по какому бы то ни было поводу. Студенческія землячества и кассы только еще пытались сформироваться, но образованію ихъ препятствовала ихъ нелегальность. Былъ только одинъ кружокъ вполнѣ политическаго характера, имѣвшій большое вліяніе на часть студенчества и обратившій на себя вниманіе общества и правительства; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ кружка Аргиропуло, по имени главнаго своего руководителя. Благодаря своему выдающемуся уму, привлекательности личнаго характера и большой энергіи, Аргиропуло пользовался въ университетѣ общимъ уваженіемъ и симпатіями даже тѣхъ, кто не раздѣлялъ всѣхъ его убѣжденій. Онъ являлся однимъ изъ главныхъ дѣятелей всѣхъ начинаній, способствовавшихъ сближенію студенчества съ народомъ, какимъ было, напр., устройство въ университетѣ воскресныхъ школъ. Сверхъ обширнаго его знакомства въ студенческой средѣ вообще, вокругъ него образовалась болѣе тѣсная группа, однимъ изъ наиболѣе видныхъ членовъ которой былъ Зайчневскій. Изъ этого кружка вышла извѣстная прокламація крайняго революціоннаго направленія: „Молодая Россія“. Въ ней высказывался упрекъ „Колоколу“ и „Великоруссу“ за ихъ нерѣшительность, и, какъ основный догматъ, провозглашалась необходимость насильственнаго, вооруженнаго возстанія подъ знаменемъ соціализма, опираясь на крестьянство, старообрядцевъ, особенно на молодежь, даже на войско и офицеровъ. Относительно крестьянъ и земельнаго вопроса предполагалось, что всякій человѣкъ долженъ получить отъ какой-нибудь общины извѣстное количество земли на опредѣленный срокъ, послѣ котораго происходитъ передѣлъ; прочимъ имуществомъ всякій пользуется пожизненно, а послѣ смерти владѣльца оно поступаетъ въ общину. Вообще въ прокламаціи было видно незнакомство съ дѣйствительной жизнію, но и много горячаго, юношескаго увлеченія. Она носила на себѣ ясные слѣды коллективнаго ея составленія, на что указываютъ имѣвшіяся въ ней противорѣчія; во всякомъ случаѣ террористиче-

скій, угрожающій тонъ ея не принадлежалъ самому Аргиропуло. На упреки въ отсталости представители „Колокола“ отвѣчали, что они дѣйствительно потеряли не столько вѣру въ насильственные перевороты, сколько любовь къ нимъ, и дружески, но нѣсколько насмѣшливо, обращались къ авторамъ прокламаціи, указывая на несвоевременность и даже маскарадный характеръ такого соединенія Карла Моора и Гракха Бабефа. Распространеніе прокламаціи повело къ аресту Аргиропуло и Зайчневскаго, но арестъ этотъ, произ-

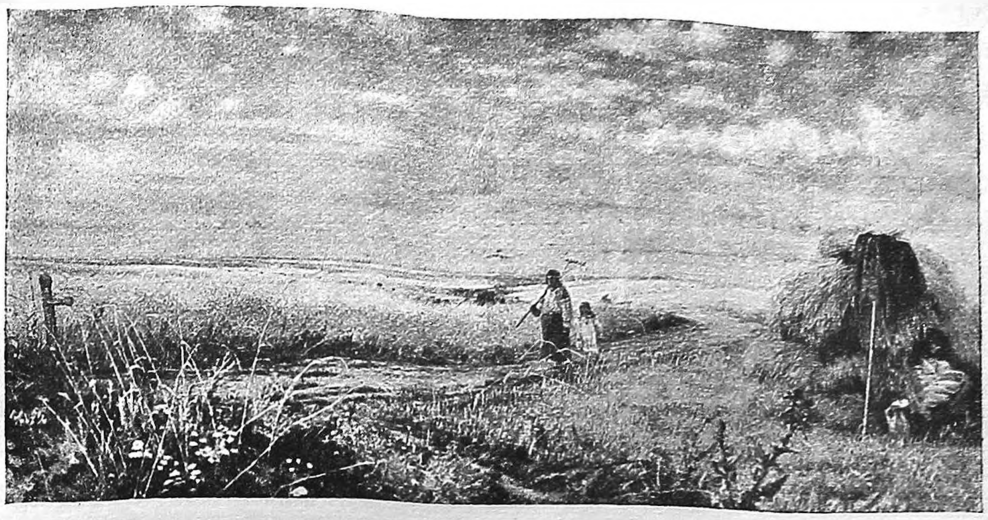
веденный еще до октябрьскихъ волненій, былъ очень не строгъ и не мѣшалъ посѣщенію ихъ студентами и сохраненію ихъ вліянія на ходъ студенческой жизни. Весной 1862 г. этимъ кружкомъ былъ поставленъ вопросъ о выходѣ изъ университета и активной пропагандѣ революціонныхъ идей въ крестьянствѣ, вслѣдствіе чего съ полсотни студентовъ вышли изъ университета и разъѣхались по Россіи. Однако результаты этого шага не оправдали возлагавшихся на него надеждъ. Ближайшею причиною этого было то, что разошедшіеся товарищи-пропагандисты скоро потеряли всякую связь между

собою. Аргиропуло скоро умеръ, Зайчневскій былъ сосланъ въ каторжную работу; прочіе потеряли другъ друга изъ виду за невозможностью переписки. Но гораздо важнѣе было то, что всѣ они скоро убѣдились въ ошибочности своихъ взглядовъ на революціонное будто бы настроеніе крестьянства. Недовольство, конечно, было, но, кромѣ единичныхъ проявленій его въ видѣ отказовъ отъ подписи уставныхъ грамотъ и тому подобнаго, ничего изъ этого не произошло. Мало-по-малу крестьяне убѣждались, что ждать „настоящей“ воли, если можно, то только въ неопредѣленномъ, отдаленномъ будущемъ, и худо ли, хорошо ли стали устраиваться въ наличныхъ условіяхъ Въ то же время въ университетѣ настало тоже успокоеніе, чему, конечно, выходъ наиболѣе крайнихъ и энергичныхъ студентовъ могъ только способствовать. Новыя реформы, земская и судебная, дали большому числу молодежи возможность примѣнить свой трудъ въ легальномъ, хотя не широкомъ, но хорошемъ дѣлѣ. Въ то же время, вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ, измѣнилось и настроеніе русскаго общества: Катковскій „Русскій Вѣстникъ“ сдѣлался изъ либеральнаго ультра-консервативнымъ, „Современникъ“ закрылся, „Колоколъ“ потерялъ свое вліяніе, и всюду обозначился очевидный поворотъ въ направленіи къ реакціи. Такимъ образомъ и крестьянство и студенческая молодежь одновременно сошлись въ своемъ разочарованіи, не успѣвъ узнать другъ друга. Поэтому въ теченіе еще десятковъ лѣтъ они не могли подать другъ другу руку.

В. Линдъ.

Чтеніе книги въ деревнѣ (Богдапова-Бѣльскаго).

На землѣ (Мясоѣдова).

Послѣ освобожденія.

В. П. Обнинскаго.

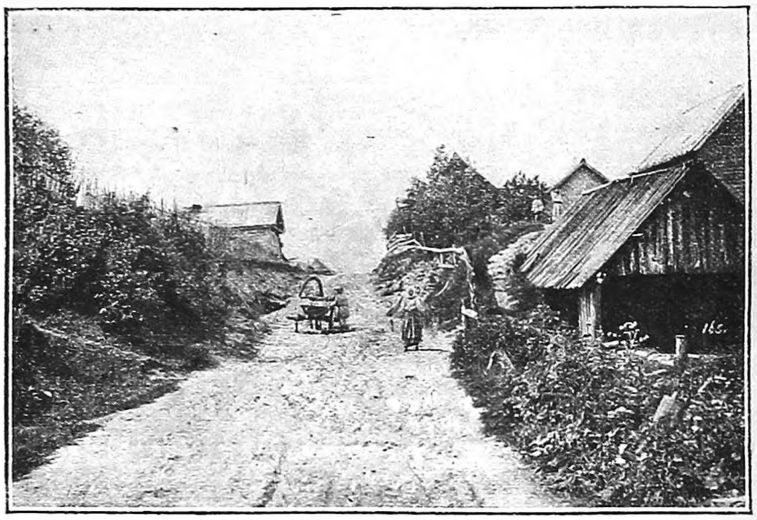
Крѣпостное право, отмѣняемое на словахъ, сохраняется на дѣлѣ и только ставится въ извѣстныя границы, которыя будутъ переступаемы столь же легко и удобно, какъ доселѣ нарушались законы, имѣвшіе въ виду ограниченіе произвола помѣщичьей власти".

Такъ писали пять членовъ калужскаго губернскаго комитета въ своемъ вступленіи къ проекту выкупного и срочно-обязательнаго положенія. Для нынѣшняго времени любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что среди этого меньшинства значился, на ряду съ петрашевцемъ Кашкинымъ и декабристомъ Свистуновымъ, членъ комитета отъ правительства, князь Андрей Оболенскій. Вся послѣдующая исторія русскаго крестьянства протекала въ намѣченныхъ здѣсь условіяхъ „легкости преступленія закона" и лишь внѣшней, формальной разницѣ взаимоотношеній помѣщиковъ и ихъ бывшихъ крѣпостныхъ. Да и почему нужно было ожидать, что многовѣковыя традиціи падутъ 19 февраля какъ по мановенію волшебнаго жезла и что народъ увидитъ во вчерашнемъ господинѣ, а господинъ во вчерашнемъ рабѣ просто человѣка?

Вполнѣ естественно поэтому, что жизнь поколѣнія, смѣнившаго свидѣтелей расцвѣта и крушенія крѣпостничества, протекла въ созерцаніи пережитковъ темной эпохи, въ путаницѣ ветшавшихъ и нарождавшихся отношеній, въ непрестанной внутренней борьбѣ съ наслѣдственными навыками и въ скрытой враждѣ съ дѣтьми бывшихъ крѣпостныхъ.

Полстолѣтія понадобилось только для того, чтобы отнять у однихъ всякую надежду на реставрацію былого (хотя къ стыду третьей Думы съ ея трибуны еще недавно раздался голосъ сожалѣнія о крѣпостномъ правѣ) и сколько-нибудь примирить съ другими народъ, продолжавшій не вѣрить, постарому придававшій слову „баринъ“ полупрезрительный характеръ.

Положеніе новаго „барскаго“ поколѣнія отягчалось еще и тѣмъ, что живы были многіе отцы, а большинство этихъ отцовъ не сочувствовало реформѣ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче сказывались въ немъ признаки сословнаго маразма. Всего за пять лѣтъ до освобожденія дѣдъ мой Н. А. Обнинскій записалъ въ своемъ севастопольскомъ дневникѣ.

Фотографія Каррика.

„Въ февралѣ (1855) почти всѣ дворяне Калужской губерніи съѣхались на выборы (въ дружины ополченія); были, однако, къ стыду дворянства, и такіе молодцы, которые подъ разными предлогами укрывались по хуторамъ, и полиція ихъ приводила въ залу собранія.

„Здѣсь я увидѣлъ, какъ низко пало русское дворянство; нѣтъ ни благороднаго сознанія достоинства своего сословія, ни любви къ родинѣ, ни малѣйшаго желанія подать помощь шатающемуся престолу; нѣтъ той энергіи, той благородной гордости и самоотверженія, которыя отличаютъ высшую породу человѣка отъ простонародной толпы. Эти бабы въ дворянскихъ мундирахъ привозили рекомендательныя письма отъ знатныхъ родственниковъ своихъ, просили, плакали; богатые предлагали большія деньги, а побѣднѣе выдумывали на себя разныя болѣзни, позволяли докторамъ раздѣвать себя и свидѣтельствовать, точно мужики отъ „некрутчины“, и всѣ эти униженія переносили для того, чтобы избавиться отъ защиты русской земли,—родины своей!“

Спасовъ день на Сѣверѣ.

(Карт. *Прянишникова*).

Слова эти, въ устахъ ветерана Отечественной войны, предводителя дворянства и будущаго члена умѣреннаго большинства калужскаго комитета, сами по себѣ характерныя, остались таковыми и полвѣка спустя, когда движеніе 1905—1907 гг. снова дало возможность почувствовать ничтожность нѣкогда первенствовавшаго сословія и его безполезность, какъ „опоры престола“. Развѣ только въ шестидесятыхъ годахъ всѣ отношенія были проще, патріархальнѣй, и развалъ сословный выражался болѣе наглядно. Такъ, племянникъ моего дѣда, В. И. Доргобужиновъ, впослѣдствіи членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и по нынѣшней терминологіи „умѣренно-правый“, писалъ Н. А. Обнинскому по поводу переизбранія губернскаго предводителя дворянства Щукина („В. А. Арцимовичъ“, стр. 115): „Что ты мнѣ ничего не пишешь про то, какъ, выбравъ предводителя, дворяне понесли его на плечахъ, какъ древле кесаря Максимиліана легіоны его, а кто-то изъ нихъ пошелъ передъ процессіею въ присядку, какъ Давидъ передъ ковчегомъ? Экъ, его разобрало!.. А вотъ Арцимовича-то оцѣнить не сумѣли, посредниковъ, какъ Петруша, — да, вѣрно, и не одного Петрушу, ругаютъ“.

Фотографія Каррика.

Щукинъ руководилъ компаніей калужскихъ аграріевъ противъ просвѣщеннаго губернатора, В. А. Арцимовича, и переизбраніе его было въ сущности открытой демонстраціей не только по адресу свергнутаго губернатора, но и противъ самого Царя-Освободителя, краткій и рѣзкій отзывъ котораго о Щукинѣ не могъ быть избиравшимъ неизвѣстенъ.

„Петруша“, упоминаемый въ письмѣ,—мой отецъ, П. Н. Обнинскій.

Такимъ образомъ я имѣлъ завидную участь принадлежать къ семьѣ, гдѣ прогрессивные взгляды господствовали задолго до реформы и гдѣ слѣды рабства въ жизни крестьянъ, населявшихъ наши имѣнія, должны были бы уже къ моему дѣтству основательно вывѣтриться.

Должны были, но не вывѣтрились... Не только въ раннемъ дѣтствѣ, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, но до самаго послѣдняго времени мнѣ приходилось наблюдать на старикахъ-крестьянахъ и даже на моихъ сверстникахъ, родившихся послѣ отмѣны крѣпостной зависимости, отвратительныя

пятна, которыми рабство, какъ и рабовладѣніе, клеймитъ и несуществующія еще поколѣнія. Я помню бывшихъ дворовыхъ, „Кириллычей“, „Мурлышекъ“ и т. п. кличками именуемыхъ людей, преданность конхъ, можетъ-быть, и была умилительна, но лишь съ крѣпостнической точки зрѣнія. А мы всѣ умилялись этой преданности, значитъ, оставались крѣпостниками, несмотря на всю прогрессивность семьи и на дѣйствительно добрыя отношенія съ крестьянами. Мы, дѣти, начинали говорить крестьянамъ „вы“, но чаще сбивались на „ты“; и это „ты“, на ряду съ „вашимъ здоровьемъ“, „бариномъ“, „милостивцемъ“ и т. д., лучше всякихъ разсужденій указывало на трудность искорененія рабовладѣльческихъ повадокъ.

Розги, о которыхъ то и дѣло приходилось слышать, были, понятно, еще худшимъ наслѣдіемъ крѣпостничества, а недолгій періодъ ихъ фактической отмѣны, между высочайшимъ указомъ и началомъ аграрныхъ волненій, мелькнулъ только призракомъ того элементарнаго права на неприкосновенность человѣческаго тѣла, которое еще предстоитъ добывать русскому народу.

Не столь отталкивающіе, но не менѣе чувствительные для крестьянъ слѣды оставались и въ области аграрныхъ отношеній. Дѣдъ мой отдалъ крестьянамъ лучшія пахотныя земли, заливные луга и лѣса, при чемъ много земли отошло къ нимъ безвозмездно (Энциклоп. Брокгауза, т. 42, стр. 535); за отцомъ моимъ гонялись раздраженные помѣщики съ пистолетами, чтобы отомстить за справедливое надѣленіе ихъ крестьянъ; и все-таки въ нашихъ рукахъ оставались до самаго послѣдняго времени такія угодья, какими любой изъ наслѣдниковъ могъ закабалить крестьянъ или вызвать волненія. Это были такъ называемые „прогоны“ для скота. Кругомъ насъ не мало хорошихъ дворянъ владѣло безраздѣльно еще и водопоями, за которые крестьяне платили деньгами и работой столько, сколько заблагоразсудилось бы помѣщику взять. Обязательные покосы и жнивье сохранялись и въ нашемъ хозяйствѣ за пользованіе прогонами. Словомъ, не наблюдалось равенства и въ хозяйственныхъ соотношеніяхъ.

Аномаліи эти должны были непрестанно давить на крестьянское самосознаніе. „Баринъ“, даже самый добрый и справедливый, все же оставался враждебной стороной, думавшей о своихъ прибыткахъ и сидѣвшей на крестьянскомъ горбу. Сколько разъ помню удручающее впечатлѣніе, остававшееся въ отцѣ и въ насъ отъ явнаго недовѣрія крестьянъ даже и къ такимъ актамъ, какъ дареніе земли.

„Даритъ баринъ, не иначе, какъ выгоду въ умѣ держитъ. Лучше не брать“...

Такова, въ общемъ, была схема отношенія крестьянъ къ намъ, и увѣренъ, что не лучше обстояло дѣло у другихъ калужскихъ помѣщиковъ.

Правда, въ тѣхъ областяхъ жизни, гдѣ не могло возникать конфликтовъ матеріальнаго характера, искренность и простота устанавливались скоро и

прочно. Таковы были, напримѣръ, отношенія къ отцу, какъ мировому судьѣ, потомъ прокурору. Но даже и тутъ выступали иногда тѣ же рабьи традиціи, что и въ случаяхъ просьбъ о „дровишкахъ“ или о ссудѣ нѣсколькихъ рублей на какую-нибудь хозяйственную нужду, когда проситель считалъ долгомъ бухаться въ ноги. Не забуду никогда разсказа отца объ его первомъ выступленіи въ качествѣ обвинителя въ засѣданіи м—цкой сессіи окружнаго суда съ присяжными засѣдателями. Отецъ пользовался уже репутаціей „правильнаго“ посредника, а присяжные сплошь состояли изъ мѣстныхъ крестьянъ и мѣщанъ. Такъ вотъ, послѣ того, что онъ кончилъ свою обвинительную рѣчь обращеніемъ къ присяжнымъ, прося строгаго приговора подсудимому, старшина присяжныхъ, давно уже обнаруживавшій знаки нетерпѣнія, под-

Фотографія Каррпка.

нялся съ своего мѣста и произнесъ, прежде чѣмъ предсѣдатель успѣлъ привести его къ порядку, сопровождая рѣчь низкими поклонами:

„Помилуйте, батюшка, Петръ Наркизовичъ, да напрасно и трудиться изволили, столько про этого (слѣдовало крѣпкое слово по адресу злосчастнаго обвиняемаго) говорить. Какъ прикажете, такъ его и осудимъ!“

Хорошій козырь давался въ руки тѣмъ беззастѣнчивымъ жонглерамъ принципами, въ родѣ Каткова, которые вскорѣ уже начали обрушиваться на институтъ присяжныхъ. Однако послѣдующая его исторія указала, что именно изъ него исчезли скорѣй, чѣмъ откуда бы то ни было, отзвуки крѣпостническаго времени. Вообще, повсюду, гдѣ крестьяне начинали чувствовать себя внѣ чьей-нибудь опеки и независимыми, они быстрѣй раздѣлывались со старыми привычками, нежели бывшіе помѣщики. Всякій могъ наблюдать это въ земскихъ собраніяхъ. Молчатъ обычно только тѣ гласные-крестьяне, которыхъ сельскіе сходы выбираютъ по недомыслію на первое трехлѣтіе;

остальные охотно принимаютъ участіе въ рѣшеніи близкихъ и понятныхъ имъ вопросовъ и замѣчанія ихъ бываютъ кратки и дѣловиты. Эта категорія гласныхъ не встаетъ по знакамъ земскихъ начальниковъ и частенько голосуетъ противъ нихъ. Зато, съ другой стороны, не только непосредственное крестьянское начальство, но и гласные изъ дворянъ не служащихъ не скрываютъ при обращеніи къ крестьянскимъ гласнымъ полуснисходительнаго, полупрезрительнаго тона и въ лучшемъ случаѣ обращаются съ ними, какъ съ дѣтьми. То же явленіе можно наблюдать и на засѣданіяхъ съѣздовъ земскихъ начальниковъ и вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣловой почвѣ сходятся бывшіе рабовладѣльцы и ихъ рабы. Изъ мелочныхъ этихъ наблюденій складывается, однако, опредѣленная увѣренность въ большей живучести рабовладѣльческихъ инстинктовъ, нежели рабскихъ.

Деревенскій мальчикъ (Лаховскаго).

На этомъ фундаментѣ не можетъ, разумѣется, вырасти нормальныхъ соотношеній классовъ, живущихъ доходами съ земли, и какъ бы ни героичны были мѣропріятія современныхъ реформаторовъ, они не создадутъ такихъ соотношеній, пока равенство не перейдетъ съ бумаги въ жизнь. А жизнь за послѣднее пятилѣтіе наглядно показала живучесть общественной косности и преобладаніе матеріалистическихъ соображеній надъ идейными. И кто знаетъ, не потребуется ли еще пяти десятковъ лѣтъ, чтобы отъ позорнаго наслѣдія крѣпостнической эпохи не осталось и камня на камнѣ, чтобы слова „баринъ“ и „мужикъ“ успокоились навсегда въ академическомъ словарѣ и чтобы русскій народъ началъ ковать свое соціальное счастье, какъ одна рука, одинъ духъ.

Викторъ Обнинскій.

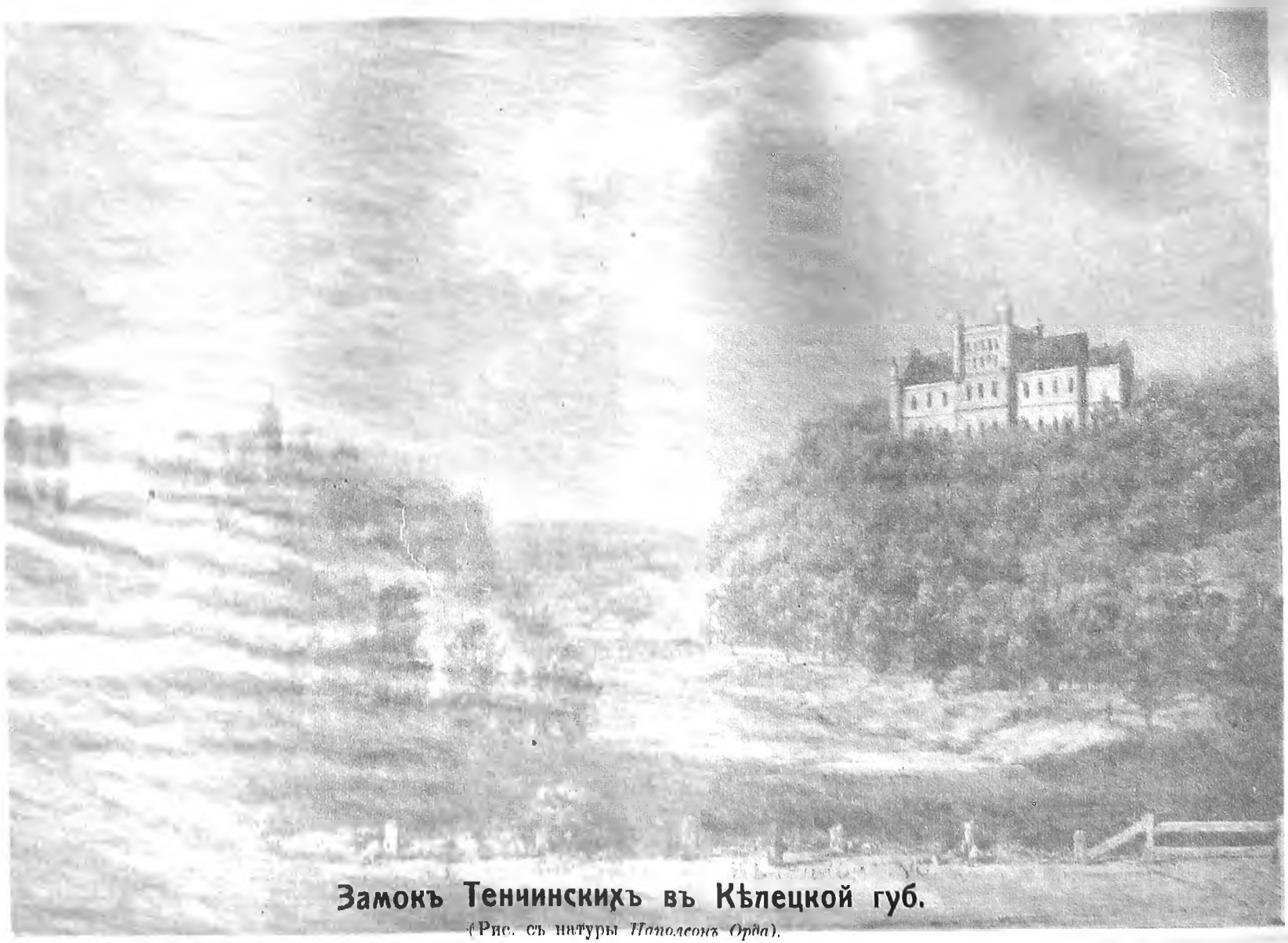
Отдыхъ жнецовъ (В. Водзиповскій).

Реформа 19 февраля 1864 года въ Царствѣ Польскомъ.

А. А. Корнилова.

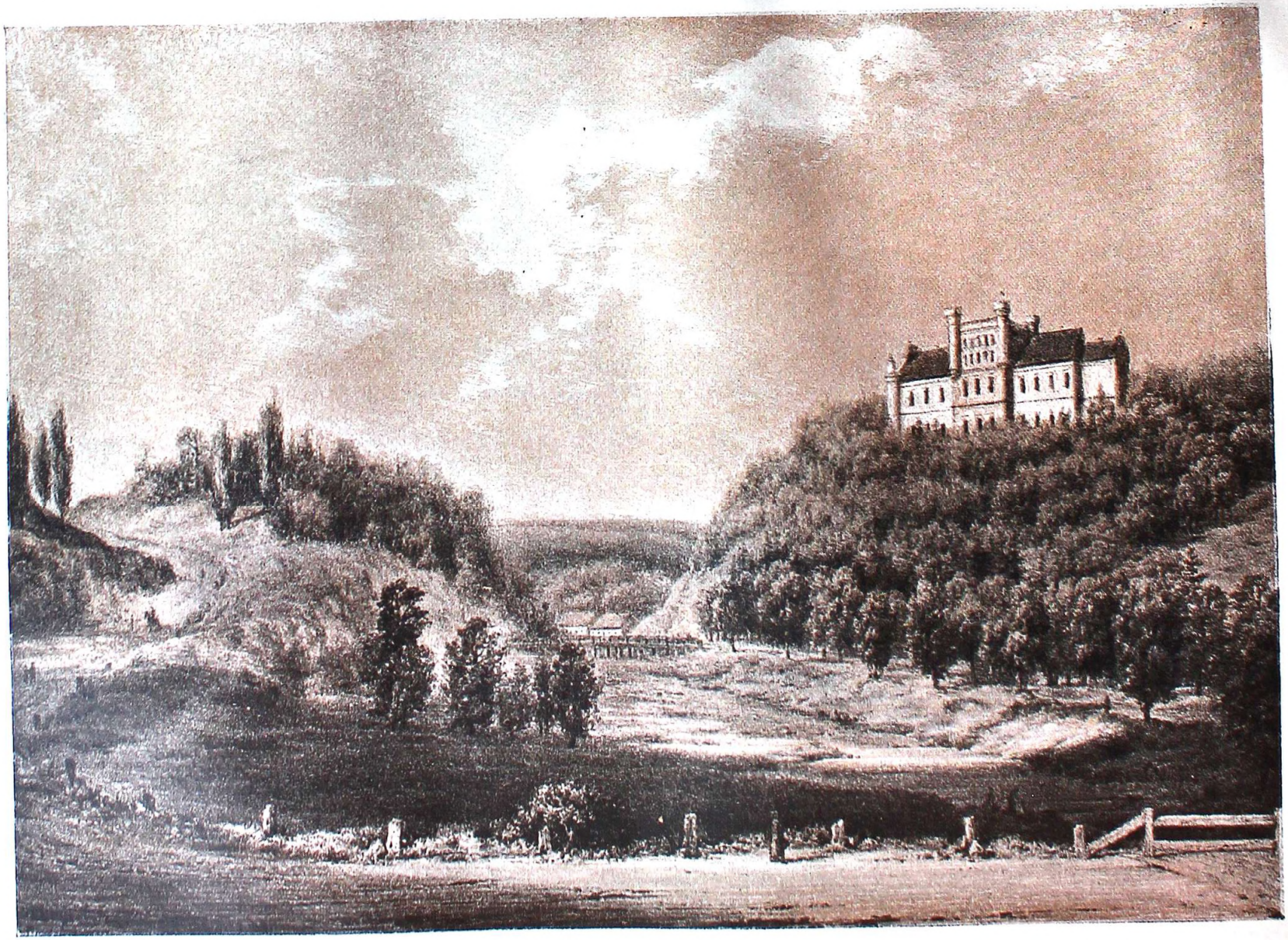
Къ радикальной реформѣ аграрныхъ отношеній и общественнаго устройства крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, русское правительство прибѣгло въ 1864 г., какъ къ средству создать себѣ оплотъ и опору въ польскомъ крестьянствѣ противъ революціонно-націоналистическихъ стремленій остальныхъ общественныхъ классовъ этой страны. Съ самаго начала революціонныхъ проявленій въ Варшавѣ въ мартѣ 1861 года однимъ изъ вліятельныхъ представителей мѣстнаго польскаго чиновничества, оберъ-прокуроромъ варшавскаго сената Энохомъ выражена была мысль о невозможности упрочить русскую власть въ Польшѣ, опираясь на одну лишь матеріальную силу. Въ запискѣ, поданной въ 1861 г. намѣстнику кн. М. Д. Горчакову, Энохъ доказывалъ, что такую опору русское правительство можетъ найти лишь въ среднемъ классѣ польскаго общества, при условіи удовлетворенія тѣхъ сравнительно умѣренныхъ политическихъ требованій, которыя, по словамъ записки, выражали сущность стремленій этого класса. Правительство склонилось сдѣ-

лать опытъ примѣненія соотвѣтствующей политики, главнымъ выразителемъ и проводникомъ которой явился весьма замѣчательный и вполнѣ своеобразный политическій дѣятель новой Польши, маркизъ Александръ Велёпольскій. Система маркиза Велёпольскаго, встрѣчавшая на каждомъ шагу чрезвычайныя препятствія и въ колебаніяхъ русскаго правительства,—высшіе представители котораго смѣнились въ это время шесть разъ въ теченіе полутора года, — и въ особенности въ полной враждебности къ ней во всѣхъ кругахъ польскаго общества, въ которомъ къ этому времени политическое броженіе дошло уже до крайнихъ предѣловъ, потерпѣло, наконецъ, полное крушеніе послѣ того, какъ въ январѣ 1863 г. разразилось давно подготовлявшееся открытое возстаніе. Русскому правительству стало совершенно ясно, что именно въ среднихъ классахъ, въ интеллигенціи страны, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ всеобщаго обостренія политическихъ отношеній и общественныхъ настроеній, для него всего труднѣе было бы найти точку опоры. Между тѣмъ о бокъ съ губерніями Царства Польскаго, въ Литвѣ, также охваченной возстаніемъ, дѣйствовалъ въ то время извѣстный генералъ Муравьевъ, подавлявшій вооруженное возстаніе жестокими мѣрами, но на ряду съ этимъ примѣнявшій и опредѣленную соціально-политическую систему, клонившуюся къ тому, чтобы найти прочную внутреннюю опору для русской власти въ средѣ мѣстнаго крестьянскаго населенія. Система Муравьева оказалась съ первыхъ же шаговъ въ этомъ отношеніи гораздо удачнѣе и цѣлесообразнѣе съ точки зрѣнія интересовъ русской государственной власти, нежели система Эноха и Велёпольскаго. Поэтому, когда крушеніе политики Велёпольскаго и соединенной съ нею миссіи вел. кн. Константина Николаевича въ Польшѣ сдѣлалось очевиднымъ, то въ высшихъ правительственныхъ сферахъ окончательно созрѣло рѣшеніе примѣнить муравьевскія соціально-политическія начала и къ Царству Польскому. Начала эти были не только революціонныя, но прямо, можно сказать, якобинскія. Единственной цѣлью своей дѣятельности Муравьевъ ставилъ побѣду надъ „полонизмомъ“, надъ польскимъ культурно-національнымъ началомъ въ Западномъ краѣ, и прочное укрѣпленіе въ этомъ краѣ русской государственности и русской государственной власти. Для торжества этой цѣли онъ безъ колебаній жертвовалъ всякими этическими, культурными, соціально-политическими и правовыми устоями и принципами и дѣйствовалъ на этомъ пути съ чрезвычайной энергіей, смѣлостью и неумолимой жестокостью. Будучи завзятымъ противникомъ крестьянской реформы въ Россіи, здѣсь онъ, наоборотъ, призналъ, что только въ простомъ народѣ и можетъ русское правительство найти надежную опору, если энергически примется за защиту соціально-экономическихъ интересовъ и независимости крестьянства отъ власти и злоупотребленій помѣщиковъ. Поэтому здѣсь ему принципы русской крестьянской реформы казались даже недостаточно радикальными, и въ

Замокъ Тенчинскихъ въ Кѣлецкой губ.

(Рис. съ натуры *Наполеонъ Орда*).

особенности онъ былъ недоволенъ тѣми урѣзками, смягченіями, а иногда и злоупотребленіями, съ которыми реформа приводилась въ осуществленіе на практикѣ. Будучи назначенъ генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края въ мартѣ 1863 г., онъ засталъ уже здѣсь уставныя грамоты не только составленными и разсмотрѣнными, но почти вездѣ окончательно утвержденными и даже введенными въ дѣйствіе. Это не помѣшало ему не только дать ходъ всѣмъ встрѣченнымъ имъ жалобамъ мѣстнаго крестьянскаго населенія на неправильное составленіе уставныхъ грамотъ, но и выхлопотать Высочайшее повелѣніе о полномъ пересмотрѣ всѣхъ дѣйствій и постановленій мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій, личный составъ которыхъ онъ немедленно измѣнилъ, пригласивъ, вмѣсто мировыхъ посредниковъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ, лицъ, наиболѣе отличившихся во внутреннихъ губерніяхъ при введеніи крестьянской реформы своимъ демократическимъ и антидворянскимъ образомъ дѣйствій. При этомъ онъ выставилъ опредѣленный принципъ, что крестьянское землевладѣніе не можетъ быть уменьшено въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, которое существовало здѣсь до опубликованія рескрипта 20 ноября 1857 г., и что крестьяне не могутъ быть поставлены ни въ отношеніи земельныхъ надѣловъ, ни въ отношеніи нормъ денежныхъ оброковъ, въ положеніе менѣе выгодное, нежели то, которое имъ обезпечивалось инвентарными правилами 1852 года, хотя правила эти никогда въ этихъ губерніяхъ примѣнены не были и для избавленія отъ введенія ихъ литовское дворянство и заявило въ 1857 г. ходатайство полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, вызвавшее извѣстный рескриптъ 20 ноября 1857 г. на имя генерала Назимова. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ полное возстановленіе крестьянскихъ усадебъ, существовавшихъ или проектировавшихся въ 1852 г., оказывалось невозможнымъ по отсутствію у заинтересованныхъ крестьянъ всякаго домообзаводства и хозяйственнаго инвентаря, Муравьевъ приказывалъ отводить имъ изъ помѣщичьихъ земель особые трехдесятинные надѣлы, не предусмотрѣнные никакими законами. Въ результатѣ этой системы, по расчету профессора Янсона („Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ“, изд. 2, стр. 111), получилось увеличеніе пространства крестьянскаго надѣла отъ 25 до 70% при одновременномъ пониженіи повинностей отъ 2 до 16%, при чемъ вводился обязательный выкупъ съ пониженіемъ выкупныхъ платежей на 20% противъ исчисленныхъ оброковъ. Всѣ эти мѣры принимались исключительно въ видахъ привлеченія

М. Н. Муравьевъ (Ист. М. Вн. Д.).

расположенія крестьянскаго населенія на сторону правительства, что и достигалось тѣмъ успѣшнѣе и быстрѣе, чѣмъ сильнѣе была и безъ того накопившаяся вѣками ненависть сельскаго люда къ панамъ и вѣковымъ притѣсненіямъ и злоупотребленіямъ крѣпостного права.

Когда въ правящихъ сферахъ и въ особенности въ умѣ самого императора Александра окончательно сложилось рѣшеніе примѣнить аналогичную соціально-политическую систему къ губерніямъ Царства Польскаго при появленіи въ нихъ вооруженнаго возстанія и когда вопросъ сталъ лишь за выборомъ лица, которому можно было бы поручить разработку и умѣлое осуществленіе этой задачи, то взоры всѣхъ естественно обратились къ тому государственному дѣятелю, который съ наибольшей энергіей и преданностью интересамъ крестьянъ участвовалъ въ законодательной разработкѣ русской крестьянской реформы,—къ Николаю Алексѣевичу Милютину, который къ тому же въ тотъ моментъ, за устраненіемъ его отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ внутри имперіи, былъ совершенно свободенъ.

Милютинъ принялъ эту тяжелую и сопряженную съ чуждыми его взглядамъ и симпатіямъ условіями миссію съ большой неохотой; но уклониться отъ нея онъ не могъ, и ему пришлось немедленно отправиться въ Царство Польское, до тѣхъ поръ ему совершенно незнакомое, лишь спѣшно, въ теченіе одного только мѣсяца, ознакомившись съ имѣвшимися въ Петербургѣ литературными и документальными данными о положеніи крестьянскаго дѣла въ этой странѣ. Сотрудниками его въ этомъ дѣлѣ согласились быть его прежніе сотоварищи и единомышленники въ редакціонной комиссіи Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкасскій. Особенно важно было на первыхъ порахъ для Милютина сотрудничество перваго изъ нихъ, какъ человѣка, имѣвшаго весьма продуманный и опредѣленный взглядъ на польскій вопросъ и къ тому же лучше Милютина подготовленнаго къ уразумѣнію польскихъ крестьянскихъ отношеній, въ виду нѣкотораго сходства ихъ съ дореформенными отношеніями крестьянъ въ Западномъ краѣ при дѣйствіи инвентарныхъ правилъ, съ которыми Самаринъ имѣлъ случай ближе познакомиться во время службы своей въ началѣ 50 гг. въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Проѣздомъ черезъ Вильну Н. А. Милютинъ видился съ диктаторомъ литовскихъ губерній Муравьевымъ и, проведя съ нимъ три дня, могъ воочію убѣдиться, до какой степени взгляды этого упорнаго противника эмансипаціи въ Россіи совпали съ его собственными взглядами въ отношеніи литовскихъ и польскихъ крестьянъ. Конечно, Милютинъ не собирался и не могъ по своему характеру подражать всѣмъ *методамъ* политики Муравьева даже и въ крестьянскомъ вопросѣ; но здѣсь онъ, несомнѣнно, окончательно укрѣпился въ мысли о возможности и необходимости проведенія радикальной крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ.

Положеніе крестьянъ и крестьянскаго вопроса въ Царствѣ Польскомъ во многомъ существенно отличалось и отъ дореформеннаго и отъ пореформеннаго положенія крестьянъ въ Россіи. Крестьяне здѣсь были de jure лично свободны, т.-е. пользовались правомъ свободнаго перехода съ 1807 г., но de facto они были въ сильной экономической зависимости отъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ сидѣли, отработывая въ большинствѣ случаевъ за свой земельный надѣлъ барщину на господскихъ поляхъ и неся различныя дополнительныя повинности, болѣе или менѣе произвольныя, при чемъ въ рукахъ помѣщика сохранилась или, точнѣе говоря, возстановилась (послѣ 1815 г.) вотчинно-полицейская и судебная власть, чрезвычайно усилившая возможность и безнаказанность помѣщичьяго произвола. Въ 1846 г. произволъ помѣщиковъ впервые подвергся значительному ограниченію, какъ въ отношеніи распоряженія землей, на которой сидѣли крестьяне, такъ и въ отношеніи установленія нормы крестьянскихъ повинностей. Но вотчинная власть попрежнему сохранилась въ рукахъ помѣщиковъ или ихъ ставленниковъ. Попытки маркиза Велёпольскаго, предпринятыя уже во время развившагося революціоннаго броженія, замѣнить барщину опредѣленнымъ денежнымъ „окупомъ“ или особымъ „чиншемъ“, т.-е. оброкомъ, установленнымъ соотвѣтственно оцѣнкѣ крестьянскихъ угодій, не были окончательно приведены въ дѣйствіе, и осуществленію ихъ помѣшало вспыхнувшее вооруженное возстаніе. Во время повстанія крестьяне были объектомъ дѣятельной пропаганды подпольнаго революціоннаго правительства, которое, въ свою очередь, пыталось привлечь ихъ на свою сторону и мѣрами террора и обѣщаніемъ освободить ихъ отъ барщины и отъ всѣхъ остатковъ крѣпостного права совершенно безвозмездно, при чемъ агенты „народоваго ржонда“ запрещали помѣщикамъ собирать съ крестьянъ какіе бы то ни было платежи подъ страхомъ революціонныхъ террористическихъ экзекуцій. Въ 1861 г. маркизъ Велёпольскій составилъ проектъ

Изъ-подъ Варшавы. (Рис. 70 гг.).

гминной реформы на всесословномъ началѣ съ уничтоженіемъ вотчинныхъ правъ и привилегій; но этотъ проектъ его, достоинства котораго въ очень преувеличенномъ видѣ пытался выставить въ своей книгѣ В. Д. Спасовичъ („Жизнь и политика маркиза Велёпольскаго“. Спб. 1882 года, стр. 203 и слѣд.), не получилъ осуществленія. Такимъ образомъ осенью 1863 г., когда Милютинъ и его сотрудники прибыли въ Царство Польское, въ немъ, на ряду съ полнымъ разгромомъ прежнихъ помѣщичьихъ отношеній, основанныхъ на барщинѣ и вотчинной власти землевладѣльцевъ, de jure продолжало еще существовать вотчинное управленіе крестьянами, интересы которыхъ лишь отчасти были защищены отъ помѣщичьяго произвола закономъ 1846 г. и нѣкоторыми позднѣйшими законоположеніями, изданными въ его развитіе. Тотъ фактъ, что крестьяне уже около года не отбывали и не платили въ пользу помѣщиковъ никакихъ повинностей, по милости революціоннаго „ржонда“, ставилъ русскихъ реформаторовъ въ болѣе трудное положеніе, чѣмъ то, въ которомъ было правительство Западнаго края, гдѣ ему приходилось лишь защищать крестьянъ отъ притѣсненій и несправедливостей помѣщиковъ, что создавало для Муравьева такую удобную и благодарную почву въ его дѣятельности. Къ тому же Милютинъ и его сотрудники не были расположены съ такою же революціонною прямолинейностью, какъ Муравьевъ, отнестись къ уничтоженію и перекройкѣ существующихъ правъ и обязательствъ.

Таковы были заданія Милютина и фактическое положеніе вещей, которое онъ нашелъ въ Польшѣ осенью 1863 года. Объѣхавъ вмѣстѣ со своими сотрудниками, подъ охраной вооруженнаго конвоя, нѣкоторыя мѣстности края, чтобы лично познакомиться съ настроеніемъ и ожиданіями крестьянъ, съ которыми онъ бесѣдовалъ при помощи переводчиковъ на импровизированныхъ сходкахъ, и, изучивъ тѣ матеріалы и документы по крестьянскому дѣлу, съ которыми онъ не успѣлъ познакомиться въ Петербургѣ, Милютинъ, совмѣстно съ Самаринымъ и Черкасскимъ, спѣшно принялся за выработку проекта польской крестьянской реформы.

Къ январю 1864 г. проектъ этотъ былъ оконченъ и представленъ императору Александру, въ видѣ четырехъ положеній или „указовъ“, которые были спѣшно разсмотрѣны въ особомъ ad hoc образованномъ комитетѣ при участіи ихъ составителей и 19 февраля 1864 г. получили уже силу закона.

Изъ четырахъ, изданныхъ 19 февраля 1864 г., указовъ—указъ первый посвященъ поземельному устройству крестьянъ; второй содержитъ въ себѣ устройство крестьянскихъ обществъ и сельскихъ гминъ; третій опредѣляетъ принципы и условія ликвидаціонной (выкупной) операціи, и, наконецъ, четвертый—установляетъ порядокъ введенія въ дѣйствіе новаго законодательства.

На основаніи указа I (ст. 1 и 5) всѣ земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ во время изданія указа въ имѣніяхъ частныхъ, маіоратныхъ, институтскихъ, т.-е. принадлежащихъ различнымъ учрежденіямъ, и казенныхъ, поступили съ момента изданія указа въ полную собственность крестьянъ, пользовавшихся этими землями за повинности, — независимо отъ того, подходили эти земли подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 г. или не подходили, безъ всякаго ограниченія какимъ бы то ни было размѣромъ и на какомъ бы основаніи крестьяне ими ни владѣли и какого бы рода повинности ни отбывали (ст. 14).

Поэтому, наравнѣ съ усадьбами тяглыхъ и полутяглыхъ крестьянъ, сюда были отнесены и усадьбы бобылей, коморниковъ, холупниковъ и т. п., не заключавшія въ себѣ 3 морговъ ($1^1/_2$ дес.) земли и не подошедшія въ свое время подъ дѣйствіе закона 1846 г. По ст. 10 исключались изъ дѣйствія указа лишь усадьбы различныхъ батраковъ, дворовыхъ рабочихъ, лѣсныхъ сторожей и проч., находившіяся въ предѣлахъ господскаго двора или на различныхъ господскихъ угодьяхъ и арендныхъ статьяхъ (мельницахъ и т. п.).

Хозяева изъ Ютусены и Скалы.

Въ этомъ заключалась первая и, несомнѣнно, весьма существенная разница въ пользу польскихъ крестьянъ между аграрной реформой, проведенной въ Царствѣ Польскомъ, и русскимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. Тогда какъ по русскимъ положеніямъ крестьянамъ выдѣлялся надѣлъ не выше напередъ установленныхъ, различныхъ для разныхъ мѣстностей, нормальныхъ размѣровъ, часто значительно урѣзывавшихъ крестьянское дореформенное землевладѣніе, въ Царствѣ Польскомъ по указу 19 февраля 1864 г. крестьяне получили всю землю, бывшую фактически въ ихъ владѣніи.

Независимо отъ этого крестьянамъ давалось право требовать возвращенія отъ помѣщиковъ тѣхъ усадебъ, которыя подходили подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 г., но были неправильно присоединены помѣщиками къ господ-

скимъ полямъ или находились впустѣ. Для предъявленія такихъ правъ назначенъ былъ трехлѣтній срокъ.

Точно такъ же крестьянамъ предоставлялось право требовать отъ помѣщиковъ возвращенія прежнихъ своихъ земель, подходившихъ подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 г., но неправильно обмѣненныхъ помѣщиками на другія земли, безъ согласія на то крестьянъ, удостовѣреннаго законнымъ порядкомъ. Послѣднимъ срокомъ для этого рода претензій назначенъ былъ день, въ который крестьянамъ будетъ предъявленъ проектъ ликвидаціонной табели (уставной грамоты).

При установленіи этихъ правъ, аналогичныхъ требованію Муравьева въ Западномъ краѣ, чтобы крестьянамъ было тамъ предоставлено все то, что имъ полагалось на основаніи инвентарныхъ правилъ 1852 г., Милютинъ нашелъ въ законодательствѣ Царства Польскаго гораздо болѣе солидную основу въ видѣ указа 26 мая 1846 г., нежели та, какую представляли инвентарныя правила 1852 г., которыя были въ свое время официально забракованы и никогда не вводились въ дѣйствіе.

Вмѣстѣ съ землями въ собственность крестьянъ были укрѣплены всѣ ихъ постройки, весь мертвый и живой инвентарь въ ихъ усадьбахъ и всѣ особыя сервитутныя права, какъ записанныя въ престаціонные табели (инвентари) 1846 г., такъ и опредѣленныя по контрактамъ словеснымъ и письменнымъ или же по обычаю. Сервитутныя права эти заключались въ правѣ получать изъ помѣщичьяго лѣса топливо, иногда строевой лѣсъ на починку строеній, сгребать листья и хвои на подстилку скоту и пасти скотъ въ помѣщичьемъ лѣсу, а иногда на парахъ или жнивьяхъ. Сервитутныя права, принадлежавшія крестьянамъ во время изданія указа 1846 г. и затѣмъ неправильно уничтоженныя помѣщиками, должны были быть возстановлены въ прежнемъ объемѣ и видѣ (ст. 11).

Сдѣлавшись собственниками земли съ момента изданія указа, крестьяне пріобрѣли право не только на поверхность ея, но и на нѣдра, съ тѣми лишь ограниченіями, какія установлены для всѣхъ общими законами. Къ крестьянскимъ обществамъ перешли права охоты и рыбной ловли на ихъ земляхъ. Наконецъ вотчинное право пропинаціи (т.-е. право выдѣлки и розничной продажи вина) также перешло къ крестьянскимъ обществамъ, съ тѣмъ лишь, что доходъ отъ этого права временно, впредь до окончательной уплаты казной вознагражденія помѣщикамъ, обращался на усиленіе средствъ, изъ которыхъ должно было быть произведено это вознагражденіе.

Въ правѣ распоряженія своими усадьбами крестьяне-собственники Царства Польскаго были временно ограничены по указу лишь слѣдующими двумя постановленіями: 1) домъ и надворныя строенія не могли быть ни закладываемы, ни отчуждаемы отдѣльно отъ земли, и 2) брать въ залогъ и пріобрѣтать крестьянскія усадьбы могли лишь крестьяне. „Учредительный

комитетъ", поставленный во главѣ учрежденій, вводившихъ новое устройство крестьянъ въ Польшѣ, прибавилъ впослѣдствіи 3-е весьма важное ограниченіе, что крестьянскія усадьбы не могутъ быть дробимы на части, меньшія 6 морговъ (3 десятинъ) (Пост. учред. комитета, ст. 524) Въ 1891 году эти временныя ограниченія перешли въ постоянный законъ, установившій недробимость и неотчуждаемость въ руки лицъ другихъ сословій крестьянской земли въ Царствѣ Польскомъ.

Обмѣнъ черезполосныхъ земель въ имѣніяхъ, не устроенныхъ колоніально, и отмѣна сервитутовъ предоставлены были, впредь до изданія особыхъ правилъ, добровольному соглашенію сторонъ, засвидѣтельствованному законнымъ порядкомъ.

Изъ окрестностей Дзяложицъ.

Что касается повинностей, отбывавшихся до тѣхъ поръ крестьянами за отведенныя имъ земли, то первоначально проектировался обязательный выкупъ этихъ повинностей посредствомъ особой выкупной операціи, какъ въ западныхъ губерніяхъ. Но при обсужденіи проектовъ Милютина въ особомъ комитетѣ, ихъ разсматривавшемъ въ Петербургѣ, было принято во вниманіе, согласно указанію самого же Милютина, что крестьяне въ Царствѣ Польскомъ съ начала возстанія не отбывали и не платили никакихъ повинностей и что земли, состоявшія въ ихъ пользованіи, декретами революціоннаго правительства объявлены уже ихъ собственностью безъ всякаго выкупа. Въ виду этого обстоятельства признано было болѣе цѣлесообразнымъ дать совершившемуся факту законодательное признаніе, а для уплаты помѣщикамъ вознагражденія изыскать другіе источники, въ видѣ, главнымъ образомъ, простого возвышенія налоговъ на поземельную собственность, какъ крестьянскую, такъ и другихъ категорій. Въ этомъ заключалась вторая существенная разница между указами 19 февраля 1864 г. и русскимъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Тутъ отразилось, несомнѣнно, всего сильнѣе косвенное вліяніе декретовъ „Narodowego Rządu" на русское крестьянское законодательство въ Царствѣ Польскомъ.

Собственно финансовая сторона реформы изложена въ указѣ III о ликвидаціонной комиссіи. По этому указу владѣльцы имѣній въ Царствѣ Польскомъ получили вознагражденіе не. непосредственно за землю, укрѣпленную за крестьянами, а за тѣ повинности, которыя крестьяне отбывали въ ихъ пользу съ этой земли. Изъ этихъ повинностей подлежали вознагражденію лишь тѣ, которыя подходили подъ понятіе правильной (постоянной) барщины, денежнаго окупа или опредѣленнаго чинша (денежнаго или натуральнаго). Всѣ даремщины, данины, лаудеміи и прочіе произвольные поборы отмѣнены были безвозмездно, такъ же какъ вотчинная юрисдикція и отошедшая къ крестьянамъ пропинація на крестьянскихъ земляхъ.

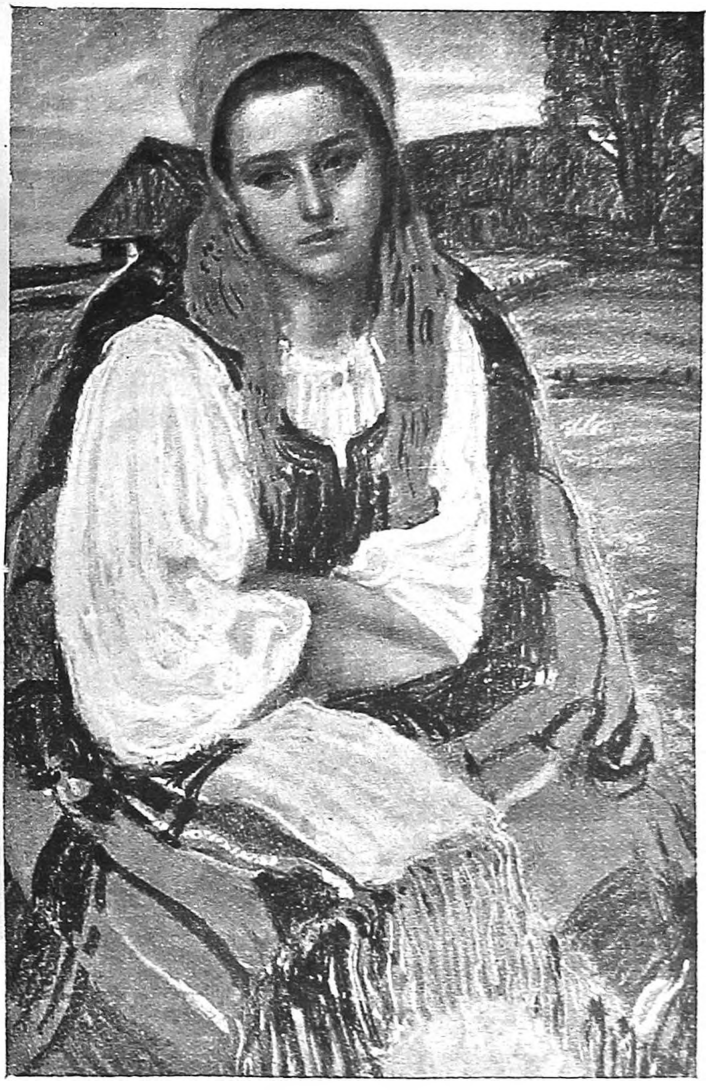
Въ отношеніи способовъ оцѣнки выкупавшихся государствомъ повинностей, всѣ имѣнія были раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой отнесены тѣ, гдѣ повинности отбывались въ видѣ барщины или замѣнившаго ее денежнаго окупа (по закону 1861 г.), ко второй — всѣ имѣнія очиншованныя. Въ имѣніяхъ первой категоріи не замѣненная окупомъ барщина переводилась на деньги, при чемъ стоимость крестьянской работы оцѣнивалась по таксѣ, установленной въ законѣ объ окупѣ. Если сверхъ барщины въ такихъ имѣніяхъ платился еще въ видѣ дополненія денежный чиншъ или хлѣбный оброкъ, то сумма его (по переложеніи хлѣбнаго оброка на деньги) прибавлялась къ стоимости барщины. Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности барщины скидывалась $^1/_3$,—ибо оцѣнка барщины по закону объ окупѣ признана была преувеличенной,—а остальныя $^2/_3$ признавались за повинность, подлежавшую выкупу, если только размѣръ ея не превышалъ высшаго размѣра поземельной платы съ морга, установленной въ 21 ст. того же указа III.

Оцѣнка повинностей въ имѣніяхъ второй категоріи производилась такъ: если платился денежный чиншъ, то онъ и принимался за цѣнность лежащей на крестьянскомъ участкѣ повинности; если платился натуральный (хлѣбный) оброкъ, то цѣнность его вычислялась по особой таксѣ; если сверхъ чинша или оброка съ участка отбывалась еще дополнительная барщина, то цѣнность ея, вычисленная по таксѣ (окупной), прилагалась къ суммѣ чинша или оброка. Изъ вычисленной такимъ образомъ цѣнности чинша скидывались $^1/_5$ часть, а $^4/_5$ составляли повинность, подлежавшую выкупу, если, опять-таки она не превышала высшаго установленнаго указомъ размѣра поземельной ренты съ морга.

Учредительному комитету предоставлено было понижать этотъ размѣръ (не болѣе чѣмъ на 40%) въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ виду особенностей имѣнія, примѣненіе означенныхъ нормъ „имѣло бы послѣдствіемъ чрезмѣрное, сравнительно съ дѣйствительною стоимостью земли, возвышеніе вознагражденія“.

Для вычисленія всей суммы слѣдовавшаго помѣщику вознагражденія вычисленная указанными способами цѣнность ежегодныхъ повинностей крестьянъ капитализировалась изъ 6%.

Впрочемъ, въ случаѣ, если бы помѣщикъ находилъ опредѣленный такимъ образомъ размѣръ вознагражденія несоотвѣтствующимъ цѣнности укрѣпленной за крестьянами земли, ему предоставлено было ходатайствовать о производствѣ на мѣстѣ спеціальной оцѣнки таковой, которая производилась тогда по кадастровымъ правиламъ, принятымъ въ казенныхъ имѣніяхъ. Въ такихъ случаяхъ вознагражденіе вычислялось капитализаціей изъ 6% опредѣленной по этимъ правиламъ доходности.

Гапка. (Генрихъ Узембло).

Вознагражденіе выдавалось помѣщикамъ „ликвидаціонными листами“, подлежавшими погашенію въ теченіе 42 лѣтъ и приносившими 4% ежегоднаго дохода.

Для покрытія расходовъ казны по веденію всей ликвидаціонной операціи, кромѣ поземельнаго налога съ крестьянскихъ усадебъ, опредѣленнаго указами, возвышены были окладные налоги со всей прочей недвижимой собственности въ Царствѣ Польскомъ, и на ту же цѣль обращалась до окончанія всей операціи выручка отъ пропинаціоннаго дохода на крестьянскихъ земляхъ, а также всѣ случайные доходы по ликвидаціонной операціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими менѣе значительными источниками, указанными въ 12 ст. указа о ликвидаціонной комиссіи.

Для веденія всей операціи учреждена была при учредительномъ комитетѣ особая ликвидаціонная комиссія.

Такова была экономическая сторона новаго устройства польскихъ крестьянъ по указамъ 19 февраля 1864 г. Въ административномъ отношеніи они получили также совершенно особое устройство, имѣвшее нѣкоторое сходство съ административнымъ устройствомъ крестьянъ въ Россіи, но ни мало не похожее на прежнее дореформенное устройство сельскихъ гминъ въ Польшѣ. Указомъ II объ устройствѣ сельскихъ гминъ — вотчинная юрисдикція помѣщиковъ была уничтожена безъ остатка и вмѣсто нея введено было новое сельское и гминное общественное управленіе на сравнительно весьма демократическихъ основаніяхъ. Въ самомъ указѣ было изложено, что послѣ прекращенія прежнихъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами „не осталось никакой уважительной причины сохранять далѣе за владѣльцами земли такъ называемую патримоніальную юрисдикцію и сопряженную съ званіемъ гминныхъ войтовъ власть, тѣмъ болѣе, что уже и въ прежнее время учрежденіе сіе далеко не обезпечивало общественнаго порядка и строгой справедливости“. „Съ другой стороны,—сказано было тамъ же,—трехлѣтній опытъ въ Имперіи доказалъ пользу допущенія крестьянъ къ участію въ дѣлахъ сельскаго управленія. Мы не сомнѣваемся, что и польскіе крестьяне, въ нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ обнаружившіе свой здравый смыслъ и свое уваженіе къ законной власти, оправдаютъ наше къ нимъ довѣріе“.

Впрочемъ, сельская гмина признана была—въ отличіе отъ русской волости—единицею всесословной; въ составъ ея вошли: деревни и колоніи (т.-е. деревни, размежеванныя на хутора), крестьянами населенныя, и фольварки или мызы помѣщиковъ и прочихъ землевладѣльцевъ. Каждая деревня или колонія составила меньшую самоуправляющуюся единицу—сельское общество, аналогичную русскому сельскому обществу. Эта единица спеціально крестьянская. Помѣщики и мелкіе землевладѣльцы со своими фольварками, мызами и домами, а равно ихъ офиціалисты, прислуга, наемные рабочіе и проч. лица, живущія на господской землѣ и въ домахъ мелкой шляхты, въ составъ сельскихъ обществъ не вошли. Напротивъ, крестьяне, хотя бы и живущіе внѣ деревни особымъ дворомъ, причислялись вмѣстѣ со своими семьями къ ближайшему сельскому обществу одной съ ними гмины.

Каждое сельское общество управляется сельскимъ сходомъ и его выборнымъ представителемъ—солтысомъ. Компетенція схода вполнѣ аналогична компетенціи сельскаго схода въ Россіи; точно такъ же и положеніе солтыса совершенно аналогично положенію русскаго сельскаго старосты. Ему предоставлена та же дисциплинарная власть надъ населеніемъ, какъ и сельскому старостѣ въ Россіи и точно такъ же по дѣламъ полицейскимъ онъ подчиненъ гминному войту, какъ сельскій староста волостному старшинѣ.

Гминный сходъ по своей компетенціи вполнѣ соотвѣтствуетъ волостному сходу въ Имперіи, но такъ какъ гмина признана была единицею всесослов-

ною, то и составъ гминнаго схода отличается отъ состава волостного схода въ Россіи. Гминный сходъ образуется не изъ десяти дворниковъ, избранныхъ сельскими сходами, а изъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ домохозяевъ гмины, безъ различія сословій и вѣроисповѣданія, владѣющихъ въ предѣлахъ ея на правахъ личной собственности не менѣе какъ 3 моргами ($1^1/_2$ дес.) земли. Отъ участія въ гминномъ сходѣ по закону устранены лишь: мѣстные мировые судьи, чины уѣздной полиціи и лица духовнаго званія, хотя бы они и владѣли въ предѣлахъ гмины установленнымъ земельнымъ цензомъ. Такое устройство гмины въ сущности даетъ, конечно, подавляющее преобладаніе на сходахъ крестьянамъ, а ея „всесословность“ имѣетъ практически лишь то существенное значеніе, что гминный сходъ имѣетъ право облагать на свои нужды не одни крестьянскія земли, но и земли всѣхъ прочихъ обывателей гмины, а власти гминнаго войта и гминному суду подвѣдомственны лица всѣхъ сословій, живущія на территоріи гмины.

Хозяинъ изъ Стрыкова.

Компетенція гминнаго войта вполнѣ аналогична компетенціи волостного старшины, и онъ является въ сущности такъ же, какъ и этотъ послѣдній, не столько мірскимъ представителемъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ, сколько выборной полицейской властью, вполнѣ подчиненной въ дѣйствіяхъ своихъ уѣздной полиціи. Въ указѣ II введена была ст. 25, аналогичная 85 статьѣ общаго положенія 19 февраля 1861 г., которая гласитъ, что „гминный войтъ обязанъ безпрекословно исполнять всѣ законныя требованія уѣзднаго начальника (т.-е. исправника), мирового суда и проч. судебныхъ мѣстъ, а равно всѣхъ установленныхъ властей по предметамъ ихъ вѣдомства“. Лицо, избранное въ должность войта, подлежитъ утвержденію уѣзднаго начальника, который можетъ, не утвердивъ его безъ объясненія причинъ, назначить новые выборы, а если и на этотъ разъ будутъ избраны такіе кандидаты (ихъ избирается по указу два), „которыхъ, по мнѣнію уѣзднаго начальника, не слѣ-

дуетъ допускать къ должности", то онъ представляетъ о семъ губернатору, отъ котораго зависитъ или утвердить одно изъ избранныхъ въ кандидаты на должность войта лицъ или распорядиться о производствѣ третьихъ „окончательныхъ" выборовъ. По распоряженію губернатора войты гминъ, а по распоряженію уѣзднаго начальника всѣ прочія выборныя должностныя лица гминнаго и сельскаго управленія могутъ быть удалены отъ должности. По ст. 90 „гминные войты, лавники (члены гминнаго суда), солтысы и писаря находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ уѣзднаго начальника (исправника), который за маловажные проступки по должности подвергаетъ ихъ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до 5 рублей или аресту до 7 дней". Наличность этой статьи, разумѣется, съ самаго же начала сильно ограничивала число охотниковъ баллотироваться на должности гминнаго управленія и вообще придавала гминному самоуправленію тотъ же фиктивный характеръ, который имѣетъ и наше крестьянское самоуправленіе. Изъ числа помѣщиковъ и мѣстной цензовой интеллигенціи при такихъ условіяхъ соглашались баллотироваться въ гминные войты, конечно, лишь худшіе элементы, и до настоящаго времени подавляющее большинство войтовъ гмины въ польскихъ губерніяхъ принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Въ 80-хъ годахъ значительная часть ихъ были неграмотны.

Положеніе гминнаго писаря, въ виду этого, въ польскихъ гминахъ фактически, какъ и по закону (ст 63 и 64 указа II), совершенно аналогично положенію и значенію волостныхъ писарей въ русскихъ волостяхъ.

Указомъ II 1864 года въ каждой гминѣ образованы были особые гминные суды, состоявшіе изъ гминнаго войта и выборныхъ лавниковъ (членовъ суда), при чемъ организація и компетенція этихъ судовъ были совершенно аналогичны устройству и компетенціи волостныхъ судовъ по Положенію 19 февраля 1861 г. Но суды эти просуществовали лишь до введенія въ Царствѣ Польскомъ судебныхъ уставовъ въ 1875 г., при чемъ они были замѣнены новыми гминными судами, въ которыхъ гминный судья является органомъ, аналогичнымъ мировому судьѣ, хотя и судитъ при участіи лавниковъ. Такихъ судовъ установлено всего 3—5 въ уѣздѣ, и второй инстанціей для нихъ является съѣздъ мировыхъ судей.

До введенія судебныхъ уставовъ (до 1875 г.) войтъ гмины могъ налагать на всѣхъ жителей гмины безъ различія сословій такія же дисциплинарныя кары, какія волостной старшина и сельскій староста могутъ налагать по Положенію 19 февраля 1861 г. на подвѣдомственныхъ имъ лицъ податныхъ сословій. Но съ введеніемъ судебныхъ уставовъ дѣйствіе этой статьи прекратилось.

Введеніе въ дѣйствіе новаго устройства крестьянъ и сельскихъ гминъ возложено было въ силу указа IV, подъ главнымъ надзоромъ и руководствомъ особаго учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ (просуще-

ствовавшаго до 1871 г.), на комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ и участковыхъ комиссаровъ. Комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, состоявшія изъ комиссаровъ подъ предсѣдательствомъ особыхъ лицъ, были аналогичны по своему значенію губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, но онѣ не входили въ составъ общихъ губернскихъ учрежденій, такъ какъ эти послѣднія были въ то время учрежденіями чисто польскими, а введеніе крестьянской реформы, являвшееся боевымъ средствомъ, могло быть довѣрено, конечно, по самому существу дѣла лишь лицамъ русскаго происхожденія, проникнутымъ притомъ соотвѣтствующими взглядамъ Милютина принципами. Комиссары по крестьянскимъ дѣламъ (должность, не упраздненная и до сихъ поръ) имѣли въ то время задачу, совершенно аналогичную задачѣ мировыхъ посредниковъ въ Россіи. Они должны были ввести новое поземельное устройство и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ же ввѣрялось руководство и надзоръ за ходомъ сельскаго и гминнаго управленія, при чемъ, однакоже, должностныя лица сельскихъ и гминныхъ учрежденій были подчинены, какъ сказано выше, съ самого же начала непосредственно уѣздной полиціи. Личный персоналъ этихъ крестьянскихъ комиссій былъ набранъ исключительно изъ лицъ русскаго происхожденія, — отчасти изъ молодыхъ офицеровъ, отчасти изъ молодежи, недавно вышедшей изъ университетовъ,—а во главѣ ихъ должны были быть поставлены лица, участвовавшія въ осуществленіи крестьянской реформы въ Россіи и проявившія особую преданность къ крестьянскому дѣлу. Милютинъ лично посвятилъ много времени и энергіи подбору этого личнаго состава новыхъ учрежденій и подготовкѣ вновь назначенныхъ

Замужняя женщина Сѣродскаго уѣзда. (Пекарскаго).

лицъ къ ихъ обязанностямъ, понимая, что отъ удачнаго подбора лицъ здѣсь будетъ зависѣть во многомъ и исходъ всего дѣла. Князь Черкасскій согласился остаться въ Варшавѣ, принявъ должность главнаго директора комиссіи внутреннихъ дѣлъ, и, сверхъ того, завѣдывать дѣлами учредительнаго комитета приглашенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Милютина по выработкѣ крестьянской реформы въ Россіи Я. А. Соловьевъ, человѣкъ безусловно преданный дѣлу, весьма энергичный и, можетъ-быть, даже черезчуръ прямолинейный. Дѣло было двинуто быстро и энергично, и реформа, начертанная въ указахъ 19 февраля 1864 г., была осуществлена и проведена въ жизнь безъ всякихъ урѣзокъ и уступокъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ значительно перестроивъ и видоизмѣнивъ соотношеніе соціально-политическихъ силъ въ Царствѣ Польскомъ.

Каковы же были общіе результаты крестьянской реформы въ Польшѣ?

Въ мартѣ 1864 г., тотчасъ послѣ изданія указовъ 19 февраля, самъ Милютинъ такъ опредѣлялъ значеніе этихъ законодательныхъ актовъ въ письмѣ къ Я. А. Соловьеву, котораго онъ приглашалъ принять участіе въ дальнѣйшихъ преобразовательныхъ работахъ въ Царствѣ Польскомъ:

„Это лишь первый шагъ по пути реформъ, которыя должны теперь получить энергическое развитіе и коснуться всѣхъ вѣтвей администраціи: финансовъ, народнаго просвѣщенія, полиціи и судовъ. Все это должно быть сдѣлано въ виду ясно поставленной цѣли: поднять и поставить на ноги угнетенныя массы, противопоставляя ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были пропитаны всѣ польскія учрежденія“ [1]). Эта политическая задача, составлявшая сущность миссіи Милютина въ Польшѣ, въ сущности никогда не была выполнена. Какъ извѣстно, она чрезвычайно исказилась впослѣдствіи, выродившись мало-по-малу въ политику обрусенія, при чемъ вопросъ о поднятіи угнетенныхъ массъ нечувствительно отодвинутъ былъ на второй планъ. Однако нельзя отрицать, что указы 19 февраля 1864 г. сыграли въ жизни польскаго народа и сами по себѣ весьма крупную роль. Хотя послѣдующіе шаги были крайне слабы, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ постановки народнаго образованія въ Польшѣ, или сдѣланы были совсѣмъ въ другую сторону, однакоже первый шагъ, которымъ считалъ Милютинъ проведенную имъ крестьянскую реформу въ Польшѣ, несомнѣнно явился мощнымъ толчкомъ къ подъему народныхъ массъ и освобожденію ихъ отъ давившаго ихъ экономическаго и патримоніальнаго гнета. Въ крестьянской реформѣ 19 февраля 1864 г. было двѣ стороны, которыя обѣ имѣли несомнѣнное самостоятельное значеніе огромной важности, независимо отъ всякихъ политическихъ видовъ правительства, и на оцѣнкѣ ихъ здѣсь необходимо остановиться, чтобы

[1]) Это мой переводъ французскаго текста, приведеннаго у Leroy-Beaulieu, „Un homme d'état russe (N. Milutine)“, стр. 282.

Польскіе крестьяне (Pauly).

отдать себѣ ясный отчетъ въ значеніи этого событія. Эти двѣ стороны были: аграрная и административно-общественная. Что касается первой изъ нихъ, то данныя о ней, опубликованныя учредительнымъ комитетомъ въ 1872 г. и принятыя польскимъ статистикомъ г. Зеленскимъ („Statystyka porownawcza krolewstwa Polskiogo"), уже однажды производились мною въ работѣ моей о судьбѣ польской крестьянской реформы („Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи", СПБ., 1905, стр. 422 и слѣд.)

Вотъ эти данныя:

По официальнымъ свѣдѣніямъ 1859 г. всего сельскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ было 3.639 тыс. душъ обоего пола. Сверхъ того, въ городахъ было еще 110 тыс. душъ мѣщанъ-хлѣбопашцевъ.

Изъ общаго числа сельскаго населенія приходилось:

на собственниковъ всякаго рода 6%
„ крестьянъ, владѣющихъ землею за различн. повинности въ пользу вотчинниковъ ея 55%
„ крестьянъ безземельн. (бобылей, батраковъ, поденщиковъ и т. д.) 37%
„ евреевъ-земледѣльцевъ, своровыхъ и проч. 2½%

Всѣхъ владѣющихъ землей крестьянъ было 1.995 тыс. душъ обоего пола, безземельныхъ—1.405 тыс.

Крестьянскихъ усадебъ въ это время было 424.664; изъ нихъ очиншованныхъ—148.477; изъ числа очиншованныхъ едва 36% приходилось на помѣщичьихъ крестьянъ; остальные относились къ имѣніямъ казеннымъ и маіоратнымъ.

Въ 1872 г. по выполненіи всей аграрной стороны реформы, т.-е. послѣ укрѣпленія усадебъ малоземельныхъ крестьянъ, неподходившихъ подъ дѣйствіе указа 26 мая 1846 г (коморниковъ, халупниковъ и др.), возвращенія „пустокъ" и неправильно обмѣненныхъ усадебъ и дополнительнаго надѣленія части малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ свободными казенными землями (около 95 тыс. морговъ), число крестьянскихъ усадебъ достигло 657.635 при 8.287 тыс. морговъ земли. Изъ нихъ:

въ имѣніяхъ частныхъ и институтскихъ . 425 т. при 5.457 т. морг. земли.
„ „ казенныхъ . . . . . 147 т. при 2.331 т. морг.
„ городахъ и мѣстечкахъ . . . . . 85 т. при 498 т. морг.

Изъ общаго числа усадебъ пользовались сервитутами:

Въ имѣніяхъ.	Пастбищными.	На топливо.	На починку строеній.	На подстилку скоту.
Частныхъ и институтскихъ (т.-е. разныхъ учрежденій).	65%	55%	39%	21%
Казенныхъ	3%	2%	1%	1%
Мѣщане-хлѣбопашцы . . .	21%	9%	3%	2%
Мѣщане-домовладѣльцы . .	11%	6%	2%	—

Аграрное законодательство 19 февраля 1864 г. имѣло двойное зн ченіе: съ одной стороны, оно освобождало крестьянина отъ той прямой матеріальной зависимости его отъ помѣщика, которая основывалась на опредѣленной системѣ правъ и выражалась въ различнаго рода повинностяхъ, лежавшихъ на крестьянскихъ усадьбахъ, и въ вотчинныхъ привилегіяхъ помѣщиковъ; съ другой стороны, законодательство это имѣло опредѣленную задачу обезпечить бытъ крестьянскаго населенія, доставляя ему необходимое матеріальное благосостояніе и тѣмъ самымъ стремясь и на будущее время оградить его экономическую независимость.

Лирникъ (І. Макаревича).

Въ первомъ отношеніи радикальность и полнота постановленій закона, а также точность и быстрота примѣненія этого закона на практикѣ, находятся внѣ всякаго сомнѣнія и спора: всякая экономическая зависимость, основывавшаяся на остаткахъ вотчиннаго права, была немедленно и вполнѣ уничтожена реформою 1864 года. Но что касается обезпеченія матеріальнаго быта польскаго крестьянства, то тутъ дѣло представляется не въ такомъ розовомъ свѣтѣ, въ какомъ оно обыкновенно изображается офиціальными или близкими къ офиціальнымъ сферамъ цѣнителями реформы, а съ ихъ голоса переходитъ отчасти и въ иностранную печать.

Панегиристы реформы 19 февраля 1864 г. придавали прежде всего огромное значеніе значительному уменьшенію числа безземельныхъ крестьянъ. По расчету проф. Симоненка, число ихъ, простиравшееся въ 1863 г. до 1.339 тыс. душъ (по другимъ свѣдѣніямъ 1.402 т.), уменьшилось, по крайней мѣрѣ, на 1 мил. душъ и составляло, послѣ введенія указовъ 1864 г., не болѣе 70.000 семей. И, дѣйствительно, число усадебъ увеличилось, какъ мы видѣли, съ 424 тыс. до 658 тыс., т.-е. болѣе чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. Однако степень матеріальной обезпеченности польскихъ крестьянъ и послѣ реформы 1864 г. не представляется столь значительною, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Размѣры крестьянскаго землевладѣнія, и въ особенности средняя величина крестьянскихъ участковъ, едва ли могутъ быть признаны достаточными. До реформы 19 февраля Польша считалась не безъ основанія классическою страною помѣщичьяго землевладѣнія и фольварковаго, мызнаго

(фермерскаго) хозяйства; въ значительной мѣрѣ она осталась таковою и послѣ крестьянской реформы. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить замѣчательный фактъ, что, несмотря на крутость и радикальность реформы, несмотря на безпощадное и суровое отношеніе русской власти къ интересамъ помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства, несмотря на вредное вліяніе на него сервитутовъ, при пользованіи которыми крестьяне нерѣдко выходили изъ установленной нормы, несмотря, наконецъ, на умѣренность денежнаго вознагражденія, полученнаго помѣщиками,—землевладѣніе это и помѣщичье хозяйство не уничтожилось и не пришло въ упадокъ, а наоборотъ, находится въ сравненіи съ русскимъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и хозяйствомъ въ весьма удовлетворительномъ состояніи. По даннымъ Варшавскаго Статистическаго Комитета, всей земли въ 10 польскихъ губерніяхъ имѣется 11.297 тыс. десят. (въ офиціальной варшавской статистикѣ счетъ земли ведется теперь въ Польшѣ на десятины, а не на морги) [1]). Изъ этого числа по „ликвидаціоннымъ табелямъ“ и „даннымъ“ было отведено въ надѣлъ крестьянамъ всѣхъ категорій 4.539 тыс. десятинъ по подсчету 1889 г., съ дорѣзками къ первоначальному надѣлу въ вознагражденіе за добровольный отказъ отъ сервитутовъ во многихъ имѣніяхъ. Черезъ 35 лѣтъ площадь эта путемъ покупки крестьянами некрестьянскихъ земель увеличилась лишь на 492 тыс. дес. и дошла до 5.031 тыс. десятинъ. Пространство земель, отведенныхъ мѣщанамъ-хлѣбопашцамъ, равнялось въ 1889 г. 282 тыс. дес., а къ 1899 г. оно увеличилось на 3,5 тыс. дес. и дошло до 285 тыс. десятинъ.

Молодожены изъ Ловича.

Все земельное пространство по роду владѣнія распредѣлялось въ Царствѣ Польскомъ въ 1894 году на слѣдующія категоріи:

---

[1]) Моргъ—1230 кв. саж., десятина —2.400 кв. саж.; слѣдовательно, моргъ—почти $^1/_2$ десятины.

Крестьянскихъ надѣльныхъ и купленныхъ земель . .	4.871 493	десять
Земель мѣщанъ-хлѣбопашцевъ	289.920	„
„ мелкой шляхты	670.820	„
Городскихъ земель	153.553	„
Помѣщичьей земли	4.590.677	„
Казенной земли	669.983	„
Земель прочихъ владѣльцевъ	50.583	„
Итого	11.297.029	десят.

Что касается размѣра крестьянскихъ усадебъ (т.-е. участковъ или хозяйствъ), то въ 1872 г. въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ число усадебъ менѣе 3 морг. ($1^1/_2$ дес.) достигало 25%, отъ 3—15 морг (до $7^1/_2$ д.) 42% и болѣе 15 морг. ($7^1/_2$ дес.)—32%. На одну усадьбу въ среднемъ въ этихъ имѣніяхъ приходилось 12 морг. 254 прента ($6^1/_2$ дес.). Въ казенныхъ имѣніяхъ число усадебъ менѣе 3 морг. ($1^1/_2$ дес.) было 29%, отъ 3—15 морг.—35%, болѣе 15 морг.—35%. Средній размѣръ усадьбы здѣсь достигалъ 15 м. 133 пр. ($7^3/_4$ дес.). У мѣщанъ-хлѣбопашцевъ усадебъ менѣе 3 морг. было 30%, отъ 3—15 морг.—60% болѣе 15 м.—10%. Средній размѣръ усадьбы былъ не выше, чѣмъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ у крестьянъ.

По закону крестьянскія земли въ Царствѣ Польскомъ съ самаго введенія указовъ 19 февраля не могли, какъ уже сказано, переходить въ руки лицъ некрестьянскихъ сословій. Это не мѣшало болѣе зажиточнымъ крестьянамъ скупить участки малоземельныхъ. Въ то же время запрещалось дробить участки на части меньшія 6 морговъ Этотъ послѣдній законъ, при дѣйствіи въ Царствѣ Польскомъ кодекса Наполеона, установившаго раздѣлъ всякаго наслѣдственнаго имущества на равныя доли между всѣми дѣтьми, привелъ къ укрѣпленію обычая, не дробя участка, но зато нерѣдко обременяя его долгами, передавать его полностью одному изъ наслѣдниковъ, который долженъ выплатить всѣмъ остальнымъ цѣнность ихъ наслѣдственныхъ долей деньгами. Въ результатѣ, конечно, число безземельныхъ отъ этого постоянно вновь увеличивается, и въ настоящее время, послѣ того, какъ населеніе Царства Польскаго болѣе нежели удвоилось со времени изданія указовъ 1864 г., оно, безъ сомнѣнія, значительно превышаетъ тотъ процентъ безземельнаго населенія въ польскихъ губерніяхъ, который тамъ существовалъ до крестьянской реформы. Процентъ постоянно обезземеливаемыхъ людей здѣсь такъ великъ, что, несмотря на промышленное развитіе этой страны, непрерывно прогрессирующее, все же огромное количество рабочихъ людей не находитъ себѣ на родинѣ примѣненія и принуждено эмигрировать въ значительныхъ размѣрахъ въ другія страны.

Въ 1889 г. число усадебъ менѣе 3 морговъ ($1^1/_2$ дес.) уже значительно уменьшилось и составляло всего 21,8% общаго числа усадебъ, записанныхъ

въ „ликвидаціонныя табели“ и „данныя“; число усадебъ отъ 3—15 морговъ уменьшилось до 40,6%, а число усадебъ болѣе 15 морговъ дошло до 37%. Общее число усадебъ составляло въ это время всего 592.817. Къ 1899 году число отдѣльныхъ участковыхъ хозяйствъ увеличилось до 717.257. Но при этомъ число мелкихъ участковъ опять уменьшилось (съ 129 тыс. до 107,5 тыс.), такъ что они составляли къ общему числу хозяйствъ только 15%; число усадебъ отъ 3—15 морговъ увеличилось съ 241 тыс. до 319 тыс. (съ 40,6% до 44,5%), а число усадебъ свыше 15 морговъ увеличилось съ 222,6 тыс. до 290,5 тыс. (съ 37,6% до 40,5%). Такъ какъ общее пространство крестьянскаго надѣла за это время увеличилось лишь на 492 тыс. дес. ку-

Идетъ веселье (В. Водзиповскій).

пленной земли, при чемъ на купленной землѣ возникло всего 65.546 новыхъ усадебъ, то остальное увеличеніе числа усадебъ на 58.854—приходится отнести на уменьшеніе средняго размѣра усадебъ двухъ послѣднихъ группъ (3—15 морг. и свыше 15 морг.).

Общій выводъ, къ которому можно прійти на основаніи приведенныхъ статистическихъ данныхъ, можно формулировать такъ: въ общемъ крестьянское землевладѣніе удерживается отъ слишкомъ большого дробленія на мелкіе участки и стремится прійти къ средней нормѣ, которая, однакоже, весьма не велика. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ составѣ крестьянскаго населенія быстро растутъ и выдѣляются изъ него кадры пролетаріата, частью идущаго на фабрики, частью

эмигрирующаго въ другія страны. Населеніе Царства Польскаго съ 1863 г. по 1897 г. возросло съ 4,8 мил. душъ до 9,4 мил. душъ. Усиленное развитіе фабричной промышленности въ Царствѣ Польскомъ констатировано было въ первые же годы, слѣдовавшіе за Милютинскими реформами. Такъ, съ 1866 года по 1873 г. число промышленныхъ заведеній увеличилось на 27%, а число занятыхъ въ нихъ рабочихъ на 61%. По переписи 1897 г. въ составѣ польскаго населенія лишь 56,64% живутъ сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ въ Европейской Россіи число населенія, пропитывающагося сельскимъ хозяйствомъ, достигаетъ 74,92% общаго числа жителей.

Таковы въ общемъ результаты аграрнаго законодательства 19 февраля 1864 года. Остановимся нѣсколько на оцѣнкѣ результатовъ Милютинскаго законодательства въ общественномъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи, конечно, наибольшее значеніе имѣетъ указъ II объ устройствѣ сельскихъ гминъ. По поводу этого указа составителямъ его предъявлялись противорѣчивыя обвиненія: съ одной стороны, ихъ обвиняли въ томъ, что они, не ознакомившись съ бытомъ и исторіей Польши, механически пересадили сюда русское законодательство, т.-е. общее положеніе о крестьянахъ въ основныхъ чертахъ; съ другой стороны, ихъ упрекали въ томъ, что они заимствовали принципы этого законодательства у польскаго реформатора маркиза Велепольскаго, но при этомъ значительно ихъ исказили. В. Д. Спасовичъ, выдвинувшій это послѣднее обвиненіе, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, принципъ всесословности, положенный въ основу устройства сельскихъ гминъ по указу 19 февраля 1864 г. Въ сущности и то и другое обвиненіе едва ли можно признать основательнымъ. Милютинъ и его сотрудники, хотя и имѣли въ своемъ распоряженіи чрезвычайно короткій срокъ, успѣли, однакоже, довольно основательно познакомиться съ особенностями экономическаго и общественнаго быта сельскаго населенія въ Польшѣ и отнеслись съ большимъ вниманіемъ къ исторіи законодательства, регулировавшаго эти отношенія въ Царствѣ Польскомъ. Милютинъ, имѣвшій въ виду опредѣленныя соціальныя и политическія цѣли, не могъ, конечно, принять въ руководство проекта Велепольскаго, который преслѣдовалъ совершенно иныя задачи и пытался найти опору въ тѣхъ классахъ польскаго общества, которые Милютину представлялись совершенно ненадежными и даже враждебными. Къ тому же въ своихъ проектахъ, относившихся къ гминному устройству и къ организаціи народнаго просвѣщенія, маркизъ Велепольскій отводилъ не послѣднее мѣсто вліянію католическаго духовенства, чего, конечно, безусловно не могъ допустить Милютинъ. Но, забраковавши предположенія Велепольскаго, Милютинъ отнюдь не считалъ возможнымъ механически пересадить на польскую почву русское общественное устройство крестьянъ. Обративъ вниманіе на разносословный составъ населенія польской гмины, Милютинъ понялъ, что она никакъ не можетъ быть превращена въ чисто-крестьянскую волость. Поэтому онъ счелъ

необходимымъ сохранить ей всесословный характеръ. Идея всесословной волости отнюдь не была чужда, какъ извѣстно, и русскимъ преобразователямъ того времени: въ редакціонныхъ комиссіяхъ эта идея горячо обсуждалась, будучи внесена туда депутатами губернскихъ комитетовъ. Но, конечно, Милютинъ, проектируя всесословное гминное устройство въ Польшѣ, имѣлъ въ виду отнюдь не тѣ цѣли, которыя выставляли приверженцы всесословной волости въ Россіи. Эти послѣдніе имѣли въ виду сдѣлать изъ всесословной волости самостоятельно самоуправляющуюся мелкую земскую единицу и потому они примыкали ее въ своихъ проектахъ къ уѣздному земству. Всесословная гмина въ Царствѣ Польскомъ, хотя и получила по внѣшности формы самоуправляющейся общины, но не получила никакой самостоятельности и была такъ же, какъ и русская волость, подчинена уѣзднымъ полицейскимъ властямъ. При такихъ условіяхъ ея всесословность имѣла лишь то значеніе, что разносословное населеніе ея было черезъ посредство гминныхъ властей въ той же мѣрѣ подчинено власти уѣздныхъ полицейскихъ властей, въ какой въ Россіи имъ подчинялись одни лишь податныя сословія. Другое послѣдствіе всесословности гминнаго устройства состояло въ томъ, какъ уже указано, что гминный сходъ могъ облагать на свои нужды не однѣ только крестьянскія земли, но и всѣ расположенныя въ границахъ гмины недвижимыя имущества. При подавляющемъ преобладаніи на гминныхъ сходахъ крестьянскаго элемента надъ всѣми другими, „всесословность“ гмины вела въ сущности лишь къ тому, что всѣ остальные обыватели гмины попадали въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ зависимость отъ крестьянскаго, по своему фактическому составу, схода, а въ другихъ—отъ произвольныхъ распоряженій уѣздной полицейской власти, которой войтъ гмины подчиненъ даже болѣе непосредственно, нежели въ Россіи волостной старшина. Все это логически совершенно сообразовалось съ тѣми видами Милютинской политики въ Польшѣ, которые выражались въ стремленіи найти прочную опору для русской государственной власти въ крестьянскомъ населеніи страны; но едва ли при этихъ условіяхъ сельская „всесословная“ гмина можетъ быть разсматриваема, какъ залогъ свободнаго и самостоятельнаго развитія крестьянскаго населенія въ Польшѣ. Въ этомъ отношеніи главный оппонентъ и критикъ Милютина покойный В. Д. Спасовичъ мнѣ представляется вполнѣ правымъ. Нельзя не признать химеричной и не выдерживающей серьезной критики мысль организовать въ какой бы то ни было странѣ управленіе ею, опираясь на одно лишь крестьянское населеніе,—притомъ въ высшей степени невѣжественное,—не угнетая при этомъ ея самостоятельности и національной самобытности. Уже при проведеніи крестьянской реформы оказалось невозможнымъ при этихъ условіяхъ поручить это дѣло мѣстной интеллигенціи; вскорѣ оказалось необходимымъ устранить представителей этой интеллигенціи отъ всякихъ отвѣтственныхъ должностей въ мѣстной администраціи и судѣ, не говоря уже о полной не-

возможности при этой системѣ допустить какое-либо дѣйствительное мѣстное самоуправленіе въ уѣздахъ и губерніяхъ, такъ какъ таковое немыслимо, конечно, безъ самостоятельнаго участія интеллигентныхъ элементовъ страны. Въ концѣ-концовъ, это естественно привело русское правительство къ тому режиму гнета, который не могъ не отразиться самымъ неблагопріятнымъ образомъ и на общественномъ развитіи самого крестьянскаго населенія.

Польское крестьянство было 19 февраля 1864 г. рѣшительнымъ образомъ освобождено отъ гнета сложившихся ранѣе вотчинныхъ отношеній и привилегій, но его общественное развитіе двинется впередъ, конечно, лишь при полномъ предоставленіи ему самостоятельности и истиннаго самоуправленія вмѣстѣ съ остальными классами польскаго народа.

А. Корниловъ.

Замокъ Грохольскихъ, Подольской губ. (Альбомъ Орда).

20729

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ V ТОМѢ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

1. Императоръ Александръ II. (Портр. Галкина).
2. Вел. Кн. Елена Павловна.
3. Народныя гулянья на Ходынкѣ (изъ коронаціоннаго альбома).
4. Великій князь Константинъ Николаевичъ.
5. Остатокъ Паковскаго замка въ Сувалкской губ. (альбомъ Орда).
6. Я. И. Ростовцевъ. (Портр: Крамского).
7. Н. А. Милютинъ.
8. Депутаты перваго призыва.
9. Депутаты второго призыва.
10. Ю. Ѳ. Самаринъ. (Портр. Крамского).
11. Замокъ гр. Мѣрошевскаго въ Кѣлецкой губ. (альбомъ Орда).
12. Двѣ польскія усадьбы (альбомъ Орда).
13. Кн. В. А. Черкасскій. (Портр. Крамского).
14. А. М. Унковскій. (Съ рѣдкой фотографіи).
15. К. Д. Кавелинъ. (Портр. Ярошенко).
16. В. Н. Панинъ. (Перова).
17. Митрополитъ Филаретъ. (Музей П. И. Щукина).
18. Чаепитіе въ Мытищахъ.
19. Манифестъ 19 февраля 1861 г. (текстъ).
20. Освобожденіе крестьянъ (аллегорическое изображеніе Бейдемана).
21. Въ память 19 февраля. (Лубочное изданіе гр. Толстого и Соколова).
22. Великороссіяне Воронежской губ. (альбомъ Второва).
23. Поселяне Воронежской губ. (Листокъ Тимма).
24. Въ Безднѣ (картина Зайцева).
25. Л. Н. Толстой въ роли мирового посредника (картина Курдюмова).
26. Споръ о вѣрѣ (Жукова).
27. Осужденный (Касаткина).
28. Спасовъ день на сѣверѣ (Прянишникова).
29. Замокъ Тенчинскихъ въ Кѣлецкой губ. (альбомъ Орда).
30. Польскіе крестьяне (Pauly).

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

Дѣятели реформы:

	Стр.
Императоръ Александръ II. К. К. Арсеньева	1
Великая княгиня Елена Павловна. А. Ѳ. Кони	14
Великій князь Константинъ Николаевичъ. А. Ѳ. Кони	34
Гр. С. С. Ланской. С. В. Фарфаровскаго	52
Яковъ Александровичъ Соловьевъ. В. П. Алексѣева	56
Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. В. Я. Богучарскаго	62
Николай Алексѣевичъ Милютинъ. А. К. Живелегова	68
Николай Петровичъ Семеновъ. И. И. Попова	87
Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. В. Н. Бочкарева	92
Кн. Владиміръ Александровичъ Черкасскій. Кн. О. Н. Трубецкой	108
Алексѣй Михайловичъ Унковскій. Е. А. Ефимовой	118
Петръ Петровичъ Семеновъ-Тяньшанскій. П. П. Попова	129
Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Б. И. Сыромятникова	136
Гр. В. Н. Панинъ. А. К. Живелегова	147
Митрополитъ Филаретъ—дѣятель крестьянской реформы. С. П. Мельгунова	156

Объявленіе воли и проведеніе реформы:

I. «Александровъ день». С. П. Мельгунова	164
II. Встрѣча на мѣстахъ. П. П. Игнатовичъ	172
III. Первые шаги крестьянской реформы (по донесеніямъ свитскихъ генералъ-майоровъ и флигель-адъютантовъ). А. З. Попельницкаго	179
IV. Бездна. П. И. Игнатовичъ	211
V. Дневникъ крестьянина 1861 г. А. З. Попельницкаго	219
VI. К. К. Гротъ и В. А. Арцимовичъ. А. Ѳ. Кони	223
VII. А. Н. Муравьевъ и другіе декабристы во время крестьянской реформы. Ч. Вѣтринскаго	229
VIII. Дѣятельность мировыхъ посредниковъ. А. А. Корнилова	237
Сектантство въ освободительную эпоху. В. Д. Бончъ-Бруевича	253
Московское студенчество въ 1861 г. и его отношеніе къ освобожденію крестьянъ (изъ воспоминаній). В. Н. Линда	269
Послѣ освобожденія. В. П. Обнинскаго	279
Реформа 19 февраля 1864 г. въ Царствѣ Польскомъ. А. А. Корнилова	285

